

К НОВОМУ БЕРЕГУ

Апрель 1955 г

„XIX партсъезд"

от Т. [illegible]

ВИЛИС ЛАЦИС

К НОВОМУ БЕРЕГУ

РОМАН

Перевод с латышского
Яна Шумана

☆

ИЛЛЮСТРАЦИИ
В. БОГАТКИНА

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА · 1954

Постановлением Совета Министров Союза ССР
Лацису Вилису Тенисовичу
за роман „К новому берегу“ присуждена
Сталинская премия первой степени
за 1951 год

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Добравшись до опушки леса, где большак круто поворачивал вправо, Ильза Лидум остановилась и в последний раз окинула взглядом окрестность. Равнина эта, окаймленная с одной стороны четкой дугой большого Змеиного болота, а с другой — старым Аурским бором, темневшим на горизонте подобно гигантскому частоколу, не была ни родиной Ильзы, ни вообще чем-то близким, своим. И все же какая-то странная, теплая грусть наполнила ее сердце, когда она оглянулась на эту знакомую картину: как бы там ни было, а шесть лет из своей двадцатипятилетней жизни она провела здесь. Никакие счастливые воспоминания не связывали ее с этими местами — тяжелая работа, горькие разочарования, унижения... и тихая, робкая надежда, которую человек лелеет в глубине души, — вот и все. Но сейчас Ильза никак не могла оторваться от этого маленького мирка и вглядывалась в него с таким напряжением, будто хотела целиком вобрать в себя. Шесть лет... А вот сегодня она уйдет и никогда не вернется в эти места. И жизнь здесь потечет попрежнему: на ветру будет шуметь Аурский бор, летними вечерами над Змеиным болотом будет куриться туман, большие и малые страсти будут тревожить людей, оставшихся там,

в серых домах, но никому из них не будет дела до Ильзы. Разве только сплетницы иногда вспомнят про молодую батрачку, да по вечерам посудачат о ней старухи.

«Живите себе... — мысленно сказала Ильза тем, кто остался. — Мне от вас ничего не надо и не понадобится никогда».

Она вздохнула, выпрямилась и, больше не оглядываясь, вошла в лес, таща за собой маленькие санки, на которых среди жалкого скарба сидел закутанный в пеструю попону сын Ильзы — пятилетний Артур. Он сладко дремал, прислонив голову к мешку с вещами. Ильза старалась выбрать дорогу поровнее, когда же путь ей преграждали ухабы и бугры, она замедляла шаг и осторожно, почти на руках, перетаскивала санки через препятствия.

Вскоре мальчик проснулся. Его разбудила сорока, со звонким стрекотанием перелетевшая через дорогу. Теперь Артур удивленными глазами смотрел кругом и, если что-нибудь привлекало его внимание, спрашивал мать:

— Что это, мамуся?

Пестрый дятел сердито стучал длинным клювом по трухлявому пню.

— Посмотри, какая красивая птичка! — воскликнул Артур.

— Да, Артур, это дятел... — ответила Ильза, оборачиваясь назад и улыбаясь сыну. — Ножки не мерзнут?

Артур тоже улыбнулся ей и покачал головой:

— Не мерзнут. А почему дятел живет в лесу? Разве он не боится зверей?

— Здесь нет хищных зверей, — сказала Ильза. — В этом лесу живут только зайчики да козули.

— Козули не кусаются?

— Нет, детка, козули хорошие. Зайчики тоже хорошие.

— А зубов у них нет? — не унимался малыш. — Если встретят волка, как они спасутся от него?

— У них быстрые ноги. Они убегут, и волку не поймать их. Не хочешь ли покушать?

— Хочу. Дай хлебушка.

Ильза на минутку остановилась, достала из мешочка хлеб и отломила кусочек.

— Бери хлебушко в руки.

Артур взял кусок хлеба обеими ручонками, откусил и стал с жадностью есть. Погрузившись в думы, она тащила санки все дальше вглубь леса. По обеим сторонам дороги стояли старые ели, ветви их сгибались под тяжестью снега, а внизу, на дороге, царил синеватый холодный сумрак. И такая тишина стояла в лесу, что было слышно, как падает в мягкий снег оторвавшаяся от ветки шишка, как бегает по стволу дерева маленькая красногрудая пташка. Шаги Ильзы и однообразный скрип полозьев казались пронзительно громкими в этом царстве тишины.

Через несколько километров чаща поредела, ее сменили обширные заросли молодняка. Молодые елочки были чуть выше человеческого роста, и лучи холодного декабрьского солнца, касаясь земли, ослепительным сверканием отражались на снегу. Маленький Артур, сощурив глаза, смотрел, как мать шагает по дороге, перекинув через плечо веревку от санок. На ногах у нее сапоги — такие же, как у мужчин, концы голенищ исчезают под зеленой шерстяной юбкой. На матери серое пальто из домотканного сукна, голова повязана белым вязаным платком. Бахрома платка покрывает плечи. Когда мать, улыбаясь, оглядывается, ее раскрасневшееся от холода и напряжения лицо с темными бровями, ласковыми голубыми глазами и темной прядью волос, выбившейся на лоб из-под платка, кажется удивительно прекрасным, прямотаки как у той принцессы из книжки с картинками, которую мать привезла с осенней ямарки. Нет, мать еще красивее, она самая красивая и лучшая из всех мам в мире — Артур это твердо знает.

— Куда мы едем, мамуся?

— К дяде Яну, сынок... — ответила Ильза. — У него есть такой же мальчик, как ты. Будете вместе играть.

— А скоро мы приедем к дяде Яну?

— Нет. Нам еще далеко идти.

— А вечером мы поедем домой?

Губы Ильзы сжались, что-то сдавило ей горло, и прошло несколько секунд, пока она опять была в состоянии разговаривать.

— Нет, детка, домой мы больше не вернемся.

— Почему не вернемся?

— У нас нет больше дома, сыночек.

— Почему нет?

— Просто так. Ведь не у всех людей есть дом. У нас его тоже нет. Спрячь руки под одеяло, будет теплее.

— Мне тепло.

И снова они замолчали, думая каждый свою думу. Снег скрипел под полозьями. Медленно скользили мимо Артура елочки. Скоро молодая поросль кончилась, и дорогу с обеих сторон обступила чаща старых деревьев. Вдруг откуда-то из-за поворота дороги послышался нежный высокий звук. Артуру показалось, что это запела красногрудая птичка. Но радостный звук все усиливался, теперь это был уже не одииокий звук, а целый хор звонких веселых голосов, каждый из них старался петь громче другого.

На дороге, шагах в двухстах впереди них, показалась упряжка, разукрашенная гирляндами из ягодника и бумажными флажками, за ней другая, третья, четвертая... целый обоз. На оглоблях висели колокольчики, на уздечках — бубеицы. В разукрашенных санях по двое, по трое сидели люди.

Ильза оттащила санки к обочине дороги, а сама отступила в сугроб.

Это был свадебный поезд. Хозяин усадьбы Сурумы Антон Пацеплис с молодой женой Линой, дочерью богатого хозяина Мелдера, ехал домой из церкви, где их только что обвенчал пастор Рейнхарт. Антон Пацеплис, плечистый и статный светлоусый мужчина, недавно отпраздновавший свое тридцатилетие, важно сидел в санях с молодой жеиой. Лииа Мелдер ие могла похвастаться ни стройностью, ни красотой, но отец ее был одним из самых богатых людей волости, а Лина — его единственной дочерью. Каждый мог себе представить, какое она получит приданое. С миртовым венком поверх фаты, с застывшей смущенной улыбкой сидела она в санях посаженого отца, богатого Кикрейзиса. Молодой муж заглядывал ей в глаза и весело улыбался, и что-то похожее на иасмешку мелькало в его взоре. С других саней раздавались звонкие голоса, задорные выкрики парней и визг девушек; только пожилые гости сидели в санях степенно и прямо, будто аршии проглотили.

Когда сани молодой четы поровнялись с Ильзой Лидум, стоявшей по колено в снегу, гнедой Кикрейзиса испугался и, тревожно зафыркав, остановился. Вслед за ним остановились и все сани. Заиндевелая морда лошади

коснулась шеи Лины. Она вскрикнула и испуганно втянула голову в плечи.

— Не бойся, Линит, — успокоил ее Антон. — Это же наш Анцис, он смирный.

— Я не боюсь... — пробормотала Лина. В этот момент она заметила стоящую в снегу молодую женщину и мальчика на санках. — Какой красивый мальчонка! — вырвалось у нее. — Глазенки — как незабудки. Подождите немного, господин Кикрейзис, мне хочется поговорить с ним.

Ильза, стоя по колено в снегу, мрачно смотрела в глаза Лины. И были в этом взгляде и гордость, и вызов, и приглушенная боль.

Только на одно мгновение встретились взгляды Ильзы и Антона Пацеплиса, но Антон вздрогнул, как ужаленный, покраснел до ушей и, смутившись, отвернулся.

— Линит, надо ехать... — тихо проговорил он. — Чего нам стоять здесь.

— Одну минутку, Антон... — возразила Лина. — В такой день хочется каждому человеку доставить радость. Ну, взгляни же, разве не красивый мальчик?

Но Антон будто боялся смотреть в сторону Ильзы и ничего не ответил. Лина раскрыла сумочку, нащупала какую-то ассигнацию и с благожелательной улыбкой протянула бумажку Ильзе:

— Возьмите... берите же. Купите своему малышу конфет.

Ильза отступила к самому краю канавы. Она и не подумала протянуть руку к деньгам. Темная краска стыда и негодования горела на ее щеках с такой силой, что казалось — вот-вот они воспламенятся.

— Какая вы странная... и гордая... — смущенно прошептала Лина. — Ведь я даю это вашему ребенку. Такой милый мальчик, хочется его порадовать...

Поняв, что незнакомая женщина подарка не примет, Лина скомкала деньги и бросила их в санки на колени Артура.

— Скажи маме, пусть купит тебе конфет! — крикнула она мальчику.

Ильза быстро нагнулась, подняла деньги и швырнула их Лине.

— Клочком бумаги не откупитесь, — резко сказала она. — Приберегите его. Пригодится вашим детям.

Гости смущенно переглянулись. Кикрейзис дернул

плетеные кожаные вожжи. Конь пошел крупной рысью, и снова колокольчики и бубенцы зазвенели на всех подводах.

Насупившийся и раздосадованный сидел рядом с женой Антон Пацеплис.

— Вот чего ты добилась, — прошипел он тихо, чтобы не расслышал Кикрейзис. — На всю волость хватит пищи для насмешек.

Когда последние сани свадебного поезда исчезли за поворотом, Ильза вытащила санки на середину дороги и отряхнула снег с сапог, с подола юбки.

— Мамуля, у того дяди были усы... — заговорил Артур. — Это был хороший дядя?

— Нет, сыночек, это плохой человек, — ответила Ильза. — Ты запомнил его?

— Да, такой с усами... большой дядя.

— Это не дядя. Это был... твой папа. Но он тебя не любит, поэтому и тебе не следует его любить.

— Почему?

— Ты еще маленький и не понимаешь, почему. Когда вырастешь большим, поймешь.

Поправив одеяло на ногах Артура, Ильза погладила щечки сына, поцеловала его в лоб и, взявшись за веревку, зашагала по дороге. Снова они остались совсем одни среди леса, на затихшем большаке...

2

Весь день Ильза шла по большаку, таща за собой санки с Артуром. За лесом потянулись поля, крестьянские усадьбы стояли у самой дороги, и прохожих сопровождал неистовый лай хозяйских собак. У каждой корчмы были привязаны лошади. Они грызли от скуки столбы коновязи, пока их хозяева подкреплялись пивом и водкой. В таких местах Ильза ускоряла шаг, стараясь скорее пройти мимо. Но как собаки не пропускали ни одного прохожего, не облаяв, точно так же пьяные гуляки, заметив молодую женщину, считали своей обязанностью задеть ее грубыми остротами.

Ильза делала вид, что не слышит их.

Когда дорога снова углубилась в лес, Ильза облегченно вздохнула.

Время от времени она разговаривала с Артуром, кото-

рому становилось скучно, но как только мальчик засыпал, она погружалась в свои думы. Одна за другой сменялись в воображении Ильзы картины ее нелегкой жизни.

Ясно вспомнилась грозная ночь, когда за старым парком баронского имения взвихрились клубы дыма, прорезанного языками яркого пламени... Красное зарево охватило небосвод, и ночь стала светлой, как день. Горел баронский замок. Батраки издали молча глядели, как свершалось возмездие. Лица их озарялись трепещущими отблесками пожара. А когда наступило утро, на пригорке, где вчера еще кичливо возвышалось разбойничье гнездо барона, виднелась лишь черная груда закоптелых развалин.

Смелые, полные вызова песни звучали тогда в городах и деревнях Латвии, красные знамена сверкали на солнце. На собраниях гремел бесстрашный голос Петера Лидума — отца Ильзы. «Долой насильников и кровопийц! Долой царя и черных слуг его! Мы свободные люди и возьмем власть в свои руки!»

В то время Ильзе было десять лет, а ее брату Яну четырнадцать. Еще не все понимая, они с гордостью и восторгом прислушивались к мужественному голосу отца, и им казалось: он такой сильный, что способен один перестроить жизнь — сделать ее новой, счастливой, красивой. Буря пятого года, как весенняя гроза, пронеслась над Видземе и Курземе, над всей необъятной Россией.

...Затем вспомнился мрачный вечер в батрацкой избе имения. В простом дощатом гробу лежал расстрелянный карательной экспедицией Петер Лидум. Плакала мать, помрачневший, без единой слезинки в глазах, смотрел Ян в мертвое лицо отца, а Ильза тихо стояла в изголовье гроба. Приходили и уходили люди. Их было много, они хотели отдать последний долг покойному. На следующий день за кладбищенской оградой — на так называемом «кладбище нечестивых» — без колокольного звона, без святого напутствия пастора похоронили Петера Лидума. И после этого начала скитаться по свету молчаливая батрачка с двумя сиротами. Каждый год в Юрьев день они меняли место. Ильза пасла хозяйский скот, Ян работал за полубатрака.[1] Ярмо тяжелого труда рано сгорбило

---

[1] Полубатрак — несовершеннолетний батрак, которому кулаки платили половину заработка взрослого батрака.

стройный стан матери. И вот наступил день, когда Ильза с Яном остались на свете одни...

— Мамусенька, скоро приедем домой? — прерывает Артур нить мыслей Ильзы. Дорога из кустарника снова вышла на открытую равнину. На пригорке стоит старая мельница с неподвижными крыльями.

— Да, сынок, скоро будем в тепле, — отвечает Ильза. — Когда стемнеет, мы пойдем в избу, погреемся.

— Что это? — спрашивает мальчик и показывает на мельницу.

— Это мельница, Артур. Там мелют хлебушко.

— Мне хочется хлебушка...

Ильза отламывает от каравая кусочек, протягивает сыну, и снова санки скользят по гладко накатанной дороге. В морозной мгле пылает огромный тускловатый шар заходящего солнца, нижний край его почти касается горизонта. Предчувствуя наступление темноты, вороны спешат устроиться на верхушках берез — они спорят, шумят, выбирая удобное место для ночлега.

Другая картина проплывает перед Ильзой.

Она, молодая пригожая девушка, с Юрьева дня нанимается батрачкой в усадьбу Кикрейзиса. Хозяин усадьбы Кикрейзис — один из самых богатых землевладельцев волости. Земля усадьбы расположена на высоком месте, и накопившаяся за многие поколения вода Змеиного болота не достигает полей и лугов Кикрейзиса: урожай здесь ежегодно снимали лучший, чем у соседей. Внизу, рядом с болотом, расстилаются голые поля и кочковатые, изрытые кротами луга усадьбы Сурумы. Со всеми пастбищами, полянами и болотным клином там наберется около шестидесяти пурвиет [1] — двухлошадная земля, как говорят крестьяне. Половина этой земли негодная, поэтому владелец усадьбы Сурумы всегда боролся с нуждой, а крупные землевладельцы при встречах подавали ему лишь кончики пальцев и, обменявшись двумя-тремя словами, поворачивались спиной. Сын хозяина усадьбы, Антон Пацеплис, красивый статный парень, в то время еще не принял от отца хозяйство. Он хорошо пел, любил потанцевать и выпить, а если где-нибудь на вечеринке затевалась потасовка, неизменно в ней одна из главных ролей принадлежала Антону. Он не мог спокойно пройти

[1] Около 20 гектаров.

мимо Ильзы. Случалось как-то так, что Антон ежедневно появлялся на ее пути. Увлечение его было так велико, что, казалось, даже изменило к лучшему парня, за которым во всей округе утвердилась слава забулдыги и пустомели. Однажды летом, провожая Ильзу с вечеринки, Антон много говорил о своих чувствах, которые он будто бы питает к девушке. И Ильза, поверив ему, согласилась делить с ним все радости и горести будущих дней, сообща поливать по́том скудную землю Сурумов и вместе прожить жизнь.

В начале весны уже для всех, кому в то время приходилось видеть Ильзу, было ясно, что ее дружба с сыном сурумского хозяина не обойдется без последствий. Это знал и Антон. Сообразив, что дело зашло далеко и ему, возможно, придется кое за что отвечать, он стал избегать Ильзу. Встречаясь с девушкой на людях, Антон делал вид, что не знаком с нею. Более месяца продолжалось это трусливое увиливание. Ильза поняла истинный смысл внезапного равнодушия Антона; этот человек сразу стал в ее глазах ничтожным и подлым. Оскорбленная гордость заставила отвернуться от Антона. Отец Антона Пацеплиса, поговорив с глазу на глаз со старым Кикрейзисом, добился того, что Ильзе за две недели до Юрьева дня предложили подумать о другом месте работы. Беременную работницу ни один хозяин не хотел нанимать. В Юрьев день Ильза, покинув Кикрейжи, переселилась в другой конец волости, где в одной из усадеб, в людской комнате, ей отвели темный угол; за это она должна была отрабатывать хозяину по нескольку дней каждый месяц. Когда родился Артур, все советовали ей отдать ребенка в сиротский дом, но она оставила его при себе.

Тяжелое это было время, особенно в первый год после рождения Артура. Когда малыш начал ходить, она брала его с собой на работу; постепенно все привыкли к нему и уже не считали его помехой. Ильза твердо решила воспитать сына сама, хотя бы это потребовало от нее величайших жертв, вырастить его настоящим человеком, достойным деда — Петера Лидума.

Будь она не столь красивой, ее жизнь, наверное, текла бы гораздо ровнее и спокойнее и она была бы избавлена от многих унижений. Не случилось бы и того, что произошло несколько дней тому назад. Богатей Стабулниек, в доме которого она жила, давно засматривался на

нее. И однажды, застав ее одну на сеновале, этот кулак нагло сказал: «Живи со мной, и тебе будет неплохо...» Уверенный, что его предложение не может быть отвергнуто, Стабулниек попытался обнять Ильзу. По его понятиям, женщина, которая в девушках прижила ребенка, не имела оснований быть гордой и строить из себя недотрогу, и он думал, что ничем не рискует, предлагая ей выгодные условия. Предприимчивый кулак получил в ответ оплеуху.

Хозяйка, для которой характер мужа не составлял никакого секрета, следила за каждым его шагом. И в этот раз она появилась на сеновале именно тогда, когда ее присутствие, по мнению мужа, было менее всего необходимым. Она видела, как Ильза наградила оплеухой хозяина.

— Прочь с моих глаз, бесстыжая потаскуха! — закричала Стабулниеце. — Вешайся на шею парням, чего пристаешь к женатым!

Спорить и оправдываться не имело смысла. Правда все равно оказалась бы не на стороне Ильзы. Она собрала свои скудные пожитки, какой-то сердобольный батрак отдал ей старые санки, и вот она очутилась со своим сыном зимой на большаке.

Ни разу в эти годы не вспомнил о ней Антон Пацеплис и не пытался помочь. Впрочем, если б и пытался, Ильза отказалась бы от его помощи. Встреча со свадебным поездом только всколыхнула в сердце Ильзы ненависть и презрение к этому человеку.

8

Поздно вечером Ильза дошла до какой-то корчмы. Здесь прохожие и проезжие могли остановиться на ночлег. Она заказала самое дешевое — чайник чаю. Покормив Артура, съела ломоть хлеба с соленым творогом и, выбрав укромный угол, приготовила на широкой скамье постель для сына. Артур сразу уснул. Ильза уселась рядом и так провела ночь. Она долго не могла заснуть. По углам и у стен устраивались на ночлег возвращавшиеся домой крестьяне и возчики бревен, они ездили на заработки в дальние лесные вырубки. За столом долго играли и громко смеялись картежники. Какой-то старикашка

рассказывал, как он судился с хозяином из-за невыплаченного заработка: начал с волостного и кончил окружным судом, но ничего не добился.

— Не было деньжат, чтоб заплатить адвокату. А ведь я не знаю ни статей, ни законов, ни всех этих высоких порядков. Поэтому и не высудил. А если написать прошение самому президенту, еще неизвестно, как повернется.

— Почему ж не напишешь? — спросил кто-то.

— У меня вот с почерком не ладится, некрасив он, да и выражения тоже какие-то старомодные получаются, — ответил старикашка. — Такое прошение, пожалуй, не положат ему на стол.

— А если б и дали прочесть, ты думаешь, он лучше твоих судей?— мрачно усмехнулся какой-то возчик.— Все одним миром мазаны. У президента тоже большое поместье с батраками и батрачками. Ты думаешь, будет он другому кулаку глаза выклевывать? Как же, дожидайся...

Несколько раз Ильзу охватывала легкая дрема, но стоило кому-нибудь громче заговорить, шумно двинуть скамейкой или, бросая карты, стукнуть суставами пальцев о стол, — она просыпалась. Лишь под утро, когда кругом все спали, она тоже задремала. Как только в окне забрезжили серые предутренние сумерки, все постояльцы поднялись, развязали свои дорожные сумки и принялись закусывать. Вскоре на большаке заскрипели полозья и зафыркали лошади. Ильза разбудила Артура и отправилась дальше.

Весь день двигались они по большаку мимо корчем, церквей и чужих домов, а к вечеру свернули на проселочную дорогу и несколько километров шли по ней. Стало смеркаться. Налево от дороги стояла замшелая батрацкая избенка с полуразвалившейся трубой и двумя оконцами. По другую сторону дороги на пригорке красовался двухэтажный деревянный дом с закрытой верандой, застекленной цветными стеклами, позади дома был разбит большой фруктовый сад. Новый каменный коровник, конюшня и клеть находились несколько поодаль, по обе стороны внутриусадебной дороги. К хозяйскому дому вела аллея из старых ив.

Ильза остановилась и сказала Артуру:

— Слезай-ка, сынок, разомни ножки. Сегодня мы дальше не поедем.

В окне батрацкой избушки показалась растрепанная

женская голова, несколько мгновений женщина глядела на прибывших, затем исчезла за старой, рваной занавеской. Артур выбрался из санок и, расправляя онемевшие от долгого сидения ножки, жался к матери и озирался кругом.

— Вот мы и приехали к дяде Яну, — сказала Ильза.— Сейчас ты увидишь маленького мальчика Айвара. Побегай немножко.

Артур смотрел в сторону дома на пригорке и молчал. За последние два дня он так много наслушался хорошего и заманчивого про дядю Яна, про маленького Айвара и про тетю Ольгу, что его головка не могла усвоить все это, и сейчас, когда долгожданный момент наступил, его охватила робость. Обеими ручонками ухватился он за юбку матери, прижался щекой к ее руке и молчал.

С другой стороны избушки скрипнула дверь. В накинутой на плечи шали вышла Ольга Лидум и издали наблюдала за прибывшими.

Тогда Ильза взяла за руку Артура и направилась к невестке.

— Добрый вечер, Ольга... Гостей не ждала?

Как всегда грустная и замкнутая, невестка тревожно посмотрела на Ильзу, взглянула на Артура и тихо вздохнула.

— Добрый вечер... — ответила она. Лицо ее осталось таким же серьезным и озабоченным. Она не протянула Ильзе руки, не расцеловалась с ней, не нашлось у нее ни одного ласкового и ободряющего слова и для Артура. Ильза понимала: у жены батрака не было причины радоваться их появлению, — они могли принести только новые заботы, стать лишней обузой, сделать ее жизнь, и без того полную лишений, еще тяжелей.

— Далеко ли путь держите? — спросила наконец Ольга, и глаза ее, обращенные к санкам, осторожно прощупали каждый предмет: ясно, они пустились в путь со всеми пожитками. Наверное, опять что-нибудь случилось. Взгляд Ольги подозрительно скользнул по фигуре Ильзы.

— Не знаю, Ольга... — ответила Ильза. — Посмотрим. Хочу поговорить с братом, спросить совета, как быть.

— Яна нет дома, — сказала Ольга. — Хозяин послал вывозить из лесу бревна.

— Вот как... — тихо отозвалась Ильза. Наступило неловкое молчание. Сдержанность и явное равнодушие не-

вестки не удивили Ильзу — такой Ольга была всегда, и жить с ней Яну было нелегко. Неизвестно, как долго простояли бы они посреди двора, если бы Артур не заметил большого серого полосатого кота, который как раз вынырнул из дровяного сарайчика и, стоя в снегу, сердито помахивал хвостом.

— Киса! — воскликнул мальчик и дернул мать за рукав. — Посмотри, мамуся, какой большой киса! Такой, как у нас дома!

— Да, сынок, красивый кот... — отозвалась Ильза и погладила головку сына. — Только не напугай его — киски боятся незнакомых ребят.

— Чего ж мы стоим здесь, — спохватилась наконец Ольга. — Идемте в избу. Ян вернется не так скоро, а вы в ночь все равно никуда не поедете. Придется переночевать у нас.

Ильза вернулась к санкам и подвезла их к дверям. Вещи сложила в сенях, санки прислонила снаружи к стене и вошла с Артуром в избу. Пользуясь случаем, серый кот шмыгнул за ними.

В комнату можно было попасть только через кухоньку, где в плите потрескивали дрова. Ильза повесила пальто на крюк в углу у входной двери, раздела Артура и, обтерев сапоги, вошла в комнату. Потолок был так низок, что приходилось пригибаться, чтобы не удариться головой о почерневшую балку.

Ольга засветила маленькую керосиновую лампочку. И сразу стала видна вся нищета батрацкой семьи. В углу за печкой стояла старая деревянная кровать, до половины скрытая самодельным коричневым шкафом. У окна — стол, покрытый скатертью из пестрых лоскутов. Два стула, скамья, в углу окрашенный в зеленый цвет сундук, на стене полочка с книгами и несколько выцветших фотографий в самодельных рамках — вот и все. Да еще малыш — Айвар; он спрятался в углу за печкой и исподтишка наблюдал за вошедшими. Когда Ильза заметила Айвара, ему пришлось покинуть свое убежище и поздороваться за руку с Артуром. Они оба были одного роста и очень походили друг на друга: прямые носы, голубые глаза, только волосы у Айвара были несколько темнее.

Оглядев друг друга, они быстро забыли начальное недоверие и ушли в угол за печку, где Айвар хранил свои игрушки: глиняную уточку-свистульку, сделанный отцом

лук и надутый свиной пузырь с горошинами внутри, которого так боялся старый кот. Сначала из угла доносился только приглушенный шепот, затем загрохотал пузырь, засвистела уточка, и ребята разразились веселым смехом. Прислушиваясь к возне детей, несколько повеселела и Ольга. Она вышла в кухню, собрала ужин и пригласила гостей к столу. Поев, ребята снова исчезли за печкой, а женщины вышли на кухню помыть посуду.

— Что же это случилось с тобой? — наконец поинтересовалась Ольга. Она была всего на два года старше Ильзы, но более худощава и ниже ростом, поэтому казалась гораздо старше золовки. Маленький, немного вздернутый нос, сжатые губы выражали упрямство, а карие глаза глядели на мир холодно и равнодушно. Красавицей она не слыла, но и некрасивой назвать ее нельзя было — просто одна из тех обыкновенных, не бросающихся в глаза женщин, мимо которых люди проходят равнодушно и редко оглядываются. Только один — Ян Лидум — оглянулся, и она стала его женой.

— Случилось то, что надо было уйти, — ответила Ильза. — Хозяин в Стабулниеках стал слишком наглеть... начал приставать. Я не могла больше там оставаться.

— Где же ты думаешь найти честного хозяина? — в голосе Ольги задрожал холодный смешок. — В таком положении... с ребенком без отца...

— Не знаю... — сказала Ильза, задумчиво глядя в пламенеющую топку плиты. — Неужели не найдется на свете ни одного честного человека? Может, Ян сумеет что-нибудь посоветовать.

— Тебе не следует быть слишком гордой и строптивой, вот и все, — продолжала Ольга. — Кто раз в жизни поскользнется, тот должен научиться ходить по краешку дороги.

— Разве я так не поступаю? Я держусь обочины, и все же многие стараются затоптать. И, конечно, затоптали бы, если б я не сопротивлялась.

— Ты говоришь так, будто это еще не случилось. Выплеснутую воду не соберешь. А теперь твоя гордость становится только бременем и мешает жить.

— Что ты этим хочешь сказать? — Ильза выпрямилась и пристально посмотрела невестке в глаза.

— Только то, что не надо быть такой привередливой, — ответила Ольга.

— Но я ведь ничего не ищу, не привередничаю. Я хочу жить честно и растить своего ребенка.

— Такой жизнью ты ничего не достигнешь. Будешь батрачить и бродяжничать до конца своих дней. — Внезапно выпрямилась и Ольга, с нее как бы спали путы равнодушия, сдерживавшие ее. Злой огонек мелькнул в глазах, а голос зазвучал резко: — Ну, посмотри, что здесь? Нищета? Или ты думаешь, что быть женой батрака больше радости, нежели сделаться любовницей какого-нибудь богатого хозяина? Тогда тебе хоть что-нибудь перепадет от жизни.

— Ольга... ты это серьезно думаешь? — спросила Ильза. — Ты очень жалеешь, что вышла замуж за Яна? Мне всегда казалось, что вы... счастливы... довольны своей жизнью.

— Не про нашу жизнь разговор, а про твою, — возразила Ольга. — Твое положение с моим не равняй. Моя жизнь устроена, в ней все правильно. Я только хотела тебе сказать, как поступила бы, если очутилась на твоем месте, вот и все. Но вижу, что ты это поняла совсем поиному.

Разговор оборвался и до самого прихода Яна Лидума не возобновлялся.

4

Ян Лидум с другими батраками и крестьянами вывозил бревна из Айзупского леса к железнодорожной станции. От вырубки до станции было километров двенадцать, и более двух поездок за день сделать не удавалось — даже и тогда приходилось начинать до зари и возвращаться домой к ночи.

Когда Ян в тот день во второй раз появился на вырубке, был уже третий час пополудни. Для погрузки он выбрал два основательных сосновых бревна, лежавших неподалеку одно от другого по обе стороны проложенного возчиками санного пути. Через несколько минут воз был готов, но Ян Лидум не торопился уезжать. Взяв кол, он пошел к товарищам и добрых полчаса помогал им нагружать сани. Выехав на большак, возчики закурили трубки.

— Ну и силища у тебя медвежья, — удивлялся сухопарый возчик. — Что мы втроем, то ты один. Я б на твоем

месте не батрачил, а пошел в цирк борцом. Думаешь, такому Луриху[1] мало платят?

Ян Лидум добродушно улыбнулся. Да, от отца он унаследовал большой рост, силу и могучие руки, в которых была такая железная хватка, что кости трещали у того, за кого он брался.

— С сильными можно бороться не только в цирке, — ответил он, усмехнувшись, и на мгновение в его голубых глазах сверкнул озорной огонек. — Если бы когда-нибудь удалось положить на лопатки всех кровопийц, это было бы куда важнее, чем победить сотню цирковых борцов. Уж мы-то тогда не позволили бы им подняться, — пусть лежат до самого страшного суда.

— Они удивительно живучи... — пробормотал средних лет мужчина — Гравелис, новохозяин с дальнего конца Айзупской волости. — В пятом году ведь некоторых уложили, в восемнадцатом тоже, но что поделаешь с сорняком, — дай только волю, он полезет даже из камней. А те, кто осмелились пойти против этих богачей, теперь тоже лежат.... в могилах.

— Лежат не все, — сказал Ян, пристально посмотрев в глаза Гравелису. — Народ нельзя зарыть в могилу. И последнее слово все же скажем мы.

Видя, что его попутчики уже покурили, он направился к своему возу и взялся за вожжи.

Гладко наезженная дорога шла под уклон. Когда воз двинулся, Ян уселся на бревна и пустил коня мерным шагом, наблюдая лишь за тем, чтобы его сани, идущие в голове обоза, не слишком отрывались от остальных возов. Лошаденки новохозяев и испольщиков с трудом поспевали за крупным лаверовским жеребцом.

Лицо Яна Лидума еще горело от недавнего напряжения. Чтоб не схватить какую-нибудь хворь, молодой батрак потуже затянул вокруг шеи шерстяной шарф, застегнул на все пуговицы поношенный полушубок и обил кнутовищем набравшийся в пасталы[2] и прилипший к онучам снег.

Яну Лидуму было двадцать девять лет, но он не отпускал ни бороды, ни усов, поэтому казался моложе своего возраста. С четырнадцати лет выполнял он работу взрос-

---

[1] Известный эстонский силач и борец.
[2] Пасталы — кожаные лапти.

лого мужчины, но больше чем на хлеб насущный да на одежду, чтобы прикрыть наготу, заработать не мог. Да и как заработаешь, если плоды твоего труда достаются хозяину, а тебе перепадают лишь крохи — несколько медных грошей, на которые и жить не проживешь и не умрешь... Вот и сейчас Ян высчитал, что на возке бревен он зарабатывает в день меньше, чем стоит корм лошади. «Но ведь это хозяйский конь, — с горечью думал Ян, — имущество и гордость Лавера, тогда как я...»

Если бы остальные возчики могли сейчас увидеть Яна Лидума, они удивились бы: таким темным, мрачным и грозным было его лицо, которое все привыкли видеть или добродушно улыбающимся, или спокойно-задумчивым и ласковым.

Сила... да, этим ты наделен с детства. По всей округе — от Змеиного болота до больших Айзупских лесов — рассказывают чудеса про твои подвиги. Поднять на прилавок бочку с пивом для тебя ничего не стоит, ухватить лошадь за хвост и одним рывком повалить ее ты можешь хоть десять раз подряд. С мешком зерна в целый берковец ты свободно поднимаешься по мельничной лестнице, это очень нравится хозяину, но он не платит тебе за эту сумасшедшую работу ни одной копейки больше, и если через сорок лет все останется по-старому, к концу жизни тебя ждет волостная богадельня и больше ничего.

Через сорок лет? Нет, нет!.. Ян Лидум тихо засмеялся. Так долго это не протянется, ведь мы не будем ждать вечно... Мы — Ян Лидум и сотни тысяч таких, как я.

Когда дорога шла в гору, Ян слезал с воза и шагал рядом, помогая лошади.

Бревна принадлежали Тауриню из Пурвайской области. Каждую зиму он приобретал на торгах небольшую вырубку и понемногу занимался торговлей лесом, прибавляя хорошие денежки к доходам от усадьбы. В ту зиму в Аурском бору не рубили, поэтому Тауринь приобрел на торгах две вырубки в большом Айзупском лесу. Сам он редко появлялся на вырубках, там за работой наблюдал браковщик, зато у станции его можно было видеть часто. Когда возчики в сумерках подъезжали к лесному складу, Ян Лидум издали признал серого в яблоках жеребца Тауриня и его новые сани. Тауринь вышел навстречу возчикам, издали махая рукой, чтоб они остановились.

Немного старше тридцати лет, среднего роста, сухо-

парый, со светлыми усиками, одетый в полушубок из темнозеленого сукна с высоким овчинным воротником, в черной ушанке, в фетровых сапогах, он больше походил на торговца или волостного писаря, чем на крестьянина. Холодным взглядом маленьких серых глаз встретил он Яна Лидума.

— Подъезжайте к путям, — спокойно и мягко сказал Тауринь. — Бревна можно сразу же грузить на платформу.

Ян повернул воз влево и съехал с дороги. На запасном пути стояла почти пустая железнодорожная платформа, на которую только недавно был нагружен первый ряд бревен. Остановив лошадь у платформы, Ян развязал веревки и огляделся. У запасного пути и на складе не было ни одного человека.

— Господин Тауринь, а где же грузчики? — спросил он.

— Какие грузчики? — удивился Тауринь.

— Да те, которые грузят вагоны... — ответил Ян.

— Каких вам еще грузчиков? — переспросил Тауринь. — Разве вы сами, вшестером, не накатите бревна на платформу? Друг другу подсобите, вот и все.

— Ах вот как? — усмехнулся Ян. — А вы заплатите за погрузку?

Возчики, столпившись в стороне, прислушивались к их разговору. Тауринь сжал губы и о чем-то задумался, затем, пожав плечами, сказал, глядя в землю:

— Не все ли равно, куда вы сгрузите — на платформу или на штабель? Ведь так и так надо закатывать кверху. О лишней доплате не может быть и речи.

— О лишней нет, но о той, которая полагается, — ответил Ян. — За те деньги, что вы платите Лаверу, я должен привезти бревна только на склад. До платформы мне нет никакого дела.

— Договор заключен с Лавером, а не с вами, — продолжал Тауринь в том же спокойно-вежливом тоне. — Ваше дело сделать, что от вас требуют, мое дело заплатить Лаверу, сколько полагается. Лошадь принадлежит хозяину, а не вам, и мне нет никакой нужды пререкаться с вами.

— Лошадь, верно, хозяйская, но руки — мои, — возразил Ян. — С ними я делаю то, что мне нравится.

Тогда Тауринь рассмеялся дробным тихим смехом.

— Ошибаетесь, лошадь принадлежит хозяину и эти руки тоже. Все принадлежит хозяину, ибо он платит вам. Ну, а теперь довольно разглагольствовать. Делайте, что я велю. У меня нет времени возиться здесь до полуночи.

Возчики подмигивали Яну, чтоб он бросил спорить.

— Да что там... в два счета накатим сообща... — подал голос новохозяин Гравелис. — Неужели так уж будет, что господин Тауринь не даст на водку?

Ян махнул рукой:

— Ну ладно, пусть подавится. Приступим!

Вытаращенными глазами посмотрел Тауринь на Лидума, хотел что-то сказать, но сдержался. Отойдя в сторону, он наблюдал, как возчики накатывают бревно за бревном на платформу. Когда был разгружен последний воз, Тауринь достал кошелек, вынул две кредитки, немного подумал, сунул одну обратно, а другую подал айзупскому новохозяину:

— Вы там сами поделите между собой... Как захотите. Ну, разве надорвались? С полчаса поработали — и готово. Не стоило рот студить. Только некоторые горлопаны пусть поостерегутся, когда-нибудь им заткнут глотку — знаем мы, как утихомирить таких крикунов.

Он, прищурившись, посмотрел на Яна, холодно усмехнулся и направился к своим саням.

— Теперь придется заехать в кабак, — сказал Гравелис, когда Тауринь ушел. — Выпьем по бутылке пива. Иначе деньги не разменять.

Одна за другой выехали пустые подводы на большак. Возчики, понукая лошадей, проехали рысью до самого трактира, который находился в километре от станции. У трактира засуетились, привязывая лошадей к коновязи, — хотелось скорее очутиться в тепле.

В трактире было людно и шумно.

— Полштофа и дюжина пива для меня все равно, что плюнуть! — бахвалился пьяный кулак, направляясь к выходу. — Могу пить, когда захочу, могу ущипнуть за бок трактирную мамзель, а вам, голи перекатной, нет до этого дела. Мои двести пурвиет все выдержат.

Это был из тех, кто сам не пахал и не косил, — человек с тучным телом и голосом распорядителя. А у трактирной стойки толпилась кучка мелкоты-испольщиков, батра-

ков и валениеков-постояльцев.[1] Их заплатанная одежда была залита пивной пеной. Они посоловевшими глазами глядели на замызганные стаканы и упрашивали трактирщика дать им несколько бутылок в долг.

Выпив свою долю пива, Ян Лидум вышел из трактира и уехал. А возчики еще остались: они вывозили бревна на собственных лошадях, заработали сегодня сносно и могли себе позволить заказать пол-литра водки на троих. Иначе не стоило и в лес ехать. Батраку Лавера такая роскошь была недоступна, да она его и не привлекала.

5

Был уже поздний вечер, когда Ян Лидум добрался до усадьбы Лавера. Яркая луна освещала притихшую землю, придавая всем предметам вокруг таинственный, призрачный облик. Прозрачно светился гладкий лед пруда. То тут, то там под навесом клети и перед каретным сараем как бы вспыхивали крохотные белые огоньки, когда какая-нибудь отшлифованная часть машины отражала лунный луч.

Ян распряг лошадь и повесил сбрую на крюк под навесом, затем дал жеребцу поваляться в снегу. Покатавшись с боку на бок и освежив натертые седелкой и хомутом разопревшие места, жеребец поднялся и пошел вслед за Яном в конюшню. Поставив коня, Ян вышел из конюшни. От дома на пригорке спускался человек — Ян издали узнал своего хозяина Лавера. Приземистый толстяк, сопя и пыхтя, шаром катился по снегу. Круглое лицо его со старомодной бородкой освещалось лунным светом, выбритая верхняя губа была прикушена. Ян понял: хозяин не в духе.

— Добрый вечер... — поздоровался он первым.

— Вечер добрый, вечер добрый... — быстро, точно сыпал горохом, ответил Лавер. — Сколько кубических футов сегодня вывез?

[1] Валениеки — крестьянская прослойка времен дореволюционной буржуазной Латвии. Валениек нанимался на временную работу к разным кулакам, но в первую очередь должен был отрабатывать плату за квартиру тому кулаку, в усадьбе которого проживала его семья. Часто валениек являлся и мелким ремесленником. Валениеки являлись беднейшей прослойкой крестьянства и эксплуатировались не меньше батраков.

— Семьдесят два, хозяин, — ответил Ян. — Думаю, что неплохо. Можно было еще с десяток выжать, но не хотелось мучить коня. По Козьей дамбе дорога совсем оголена.

— Гм, да... больше не надо, мне конь дороже, чем весь заработок от возки. Но скажи, что ты там наговорил этому господину Тауриню? Звонил по телефону... жаловался.

— Все-таки звонил? — Ян усмехнулся. — Так и знал. Такой клещ не успокоится. По мне — пускай катится к черту.

— Кому катиться к черту? — переспросил Лавер, как бы не веря своим ушам.

— Да вашему господину Тауриню, — ответил Ян, начиная раздражаться. — Пусть командует своими работниками. Он мне не отец и не хозяин, плевал я на него.

— Слушай, ты... — вдруг тихо, угрожающе заговорил Лавер и, поднявшись на цыпочки, попытался приблизить свое лицо к лицу Яна, но его нос еле достиг подбородка батрака. — С этим Тауринем будь поосторожней и повежливей. Из-за твоего горлопанства я не намерен терять дружбу с другими хозяевами. Тауринь человек уважаемый, и я запрещаю тебе поносить его в моем присутствии. Чтоб я больше не слышал такого. Времена большевиков прошли, ты это заруби себе на носу.

— Придется запомнить... — проворчал Ян. — Но вам, хозяин, советую не забывать, что времена барщины тоже кончились и бароны прогнаны в тартарары.

Ян повернулся и пошел в сторону батрацкой избенки. Потрясенный Лавер долго глядел ему вслед.

— Ах ты, разбойник этакий... — прошипел он, когда Ян уже не мог расслышать его слов. — Перечит хозяину. Как такого не бить? Ну, кабы ты не был таким работником, я б тебе показал. В наши времена быстрехонько можно получить путевку в каменные хоромы...

Сопя и почесывая желтую бороду, он направился обратно к дому: «Одно спасение — вступить скорее в эти самые айзсарги. Когда на мне будет мундир да в руках винтовка, в усадьбе воцарится строгий порядок и истинное послушание. А так — это не жизнь. Батрак перечит хозяину — где такое видано! Эх-ма... Но работник он отличный, такого не сыщешь».

Подойдя к своей хибарке, Ян Лидум сразу заметил

прислоненные к стене чужие санки. Он сбил снег с пастал и, оправив одежду, вошел в дверь, напрасно пытаясь угадать, кто так неожиданно явился к ним.

В кухне у плиты сидела Ильза, занятая штопкой детского чулка. На скамеечке у окна примостилась Ольга с вязаньем в руках. Ян широко улыбнулся и сказал:

— Гляди-ка, какой дальний гость... — и крепко пожал руку сестре.

Они не виделись с позапрошлого Юрьева дня, почти два года, и теперь с волнением вглядывались друг в друга, как бы желая установить, какие перемены внесло время в их черты лица. Впрочем, перемен не было: прошло два года, но ни тот, ни другая не постарели. Как и раньше, сердечно и ласково смотрела Ильза в обветренное лицо брата, и так же добродушно и дружески улыбался Ян. Пока он раздевался и вешал в углу полушубок, Ольга за спиной золовки шепнула Яну на ухо:

— С ребенком... наверно, надолго... — и выразительно покачала головой.

— Ребята уже спят? — поинтересовался Ян, не отозвавшись на беспокойный шепот Ольги.

— Да, уложили обоих в углу за печкой, — ответила Ольга. — Тебе придется ужинать одному. Мы уже поели вместе с детьми.

Ян поужинал. Ольга убрала со стола, потом, сказав, что ляжет спать, ушла в комнату, оставив дверь в кухню полуоткрытой. Прежде чем начать беседу с сестрой, Ян на минутку вошел в комнату, взял с полки какую-то книгу и, возвращаясь, плотно закрыл дверь.

— Ну, Ильзит, как ты поживаешь? — спросил он, усевшись рядом с Ильзой на скамеечке у топки плиты.

И Ильза спокойно, не торопясь, начала свою повесть. Когда все было сказано, она взглянула брату в глаза и добавила:

— Мне в жизни не везет. Всегда получается так, что я кому-нибудь в тягость.

Ян грустно улыбнулся и медленно покачал головой. Волна густых темных волос упала на глаза. Он рукой отвел их назад и ответил:

— Мне ты никогда не была и не будешь в тягость. Что у меня будет, тем и поделимся, и под моим кровом ты всегда найдешь приют.

— Все же, братец, разве я не понимаю... Хотя твои

плечи и очень широки, но и на них нельзя наваливать непосильную ношу.

— Еще немножко можно, — улыбнулся Ян. — Иначе куда же я дену свою медвежью силу.

Чем больше глядела Ильза на этого статного, красивого человека — своего брата, — тем острее становилась боль в ее сердце. Каким он был одаренным, способным парнишкой, на удивление всей школе, но больше трех лет ему не суждено было учиться. Старый учитель приходской школы даже заплакал, когда Ян пошел к хозяину полубатраком. «Бросить на ветер такие дарования... — сокрушался учитель. — Нет еще справедливости на свете». А Ян, и борясь за свое существование, все же продолжал учиться. Сколько книг было в библиотеках округи, столько он и прочел. Позже он уже брался не за всякую книгу, читал с выбором, только то, что, по его мнению, могло обогатить новыми знаниями. Когда началась первая мировая война, его мобилизовали и услали куда-то на австрийскую границу. Дома осталась молодая жена. Через некоторое время он вернулся в родные края и был зачислен в один из латышских стрелковых батальонов. Остров смерти, Тирельское болото, Пулеметная горка... Легендарный бой в рождественскую ночь и ранение в ногу... По выходе из госпиталя Ян получил трехмесячный отпуск для поправки здоровья, но работать еще не мог. Ольга, у которой в то время уже кричал в люльке сынок Айвар, самоотверженно ухаживала за мужем. Когда немцы заняли Ригу и половину Видземе, нога Яна еще не зажила и он никуда не мог уйти.

1918 год... В Латвии установилась советская власть. Впервые после великой бури 1905 года трудовой народ Латвии стал строить новую, свободную жизнь. Положив конец власти помещиков, он по-хозяйски оглядел свою страну и взялся за работу. Это был могучий порыв навстречу свободе и вековечным мечтам, которые наконец-то могли осуществиться. Дали бы ему время — несколько лет, — и показал бы он, на какие богатырские подвиги способен свободный народ, но это... не было ему суждено осуществить. В 1919 году, когда белый террор потопил в крови молодую, еще не окрепшую Советскую Латвию, Ян мог бы эвакуироваться с красными латышскими стрелками, своими старыми боевыми товарищами, но партия велела ему остаться на месте и в под-

поле продолжать борьбу с угнетателями рабочего люда. Ян уже тогда был членом великой партии и, ни на мгновение не усомнившись, взялся за ответственные, полные опасностей обязанности, доверенные ему руководством партии.

«Сильный, добрый Ян, — думала Ильза. — Придет ли такое время, когда ты сможешь жить по-человечески?»

— Значит, договорились... — внезапно промолвил Ян и, взяв Ильзу за локоть, легонько потряс ее руку. — Ты здесь дома и пробудешь столько, сколько потребуется. Неужели все вместе ничего путного не придумаем? А теперь иди спать, Ильзит, после такой утомительной дороги тебе надо хорошо отдохнуть.

— А ты... ты еще не пойдешь спать? — спросила Ильза. — Тебе больше нужен отдых, чем мне.

— Мне еще надо проделать маленькую работенку, — ответил Ян и лукаво сощурил глаза. — Надо прочесть несколько глав из этой книги. Тогда будет о чем порассказать другим людям.

Он показал Ильзе обложку книги — это был какой-то роман из великосветской жизни XVIII века.

— Ты и впрямь думаешь читать это? — удивилась Ильза, хорошо знавшая вкус брата. — Ведь это дрянь.

— Смотри-ка сюда... — сказал Ян, раскрыв книгу где-то в середине, — о каких аристократах здесь идет речь!

Ильза прочла один абзац и поняла, что это совсем не роман, а научный труд о революции и государстве. Страницы запретной книги, только за хранение которой грозили долгие годы каторги, были вплетены в бульварный роман, — один печатный лист о графах и маркизах, другой — научной работы, которая давала людям возможность познать самые сложные исторические процессы и предвидеть события будущего.

— Знаешь ли, кто ее написал? — шепнул Ян.

Ильза отрицательно покачала головой. Тогда Ян приблизил губы к самому ее уху и прошептал:

— Ленин...

Восхищение и гордость слышались в его словах.

— Только никому ни слова об этом... — предупредил Ян и шутливо погрозил пальцем.

— И Ольге нельзя? — спросила Ильза.

— И ей ни слова... — ответил Ян.

— Запомню, — сказала Ильза. Она еще немного постояла рядом с братом, погладила его плечо и ушла в комнату. В углу на старом сундуке, с приставленным к нему стулом, была приготовлена постель для Ильзы. В другом углу, у печки, прижавшись друг к другу, спали Айвар и Артур, а старый кот, свернувшись калачиком, сладко мурлыкал у них в ногах.

6

Узнав, что в батрацкой избе поселились новые жильцы, Лавер вначале немного поворчал и посердился, но в конце концов разрешил Ильзе и Артуру остаться при условии, что сестра Яна будет помогать в работах по усадьбе. На скотном дворе и в кухне женских рук хватало, поэтому хозяин предложил Ильзе ездить на второй лошади с Яном в лес за бревнами.

Каждое утро, лишь только займется заря, они запрягали лошадей и уезжали в лес, а домой возвращались поздно вечером, когда Артур с Айваром уже спали. Убедившись, что сейчас ничего не изменишь, Ольга смирилась и вооружилась терпением — нечего было думать, что Ильза раньше весны найдет себе постоянное место.

Проходили дни. Айвар и Артур играли вместе. В полдень Ольга выпускала их часа на два погулять; они сразу же направлялись к замерзшему пруду, с радостными криками бегали по льду, катались на доске с косогора, лепили снежную бабу.

По субботним вечерам, когда семья Лавера и работники из хозяйского дома уже побывали в бане, обитатели батрацкой избенки тоже шли попариться. По воскресеньям возчики леса разрешали себе поспать несколько дольше обычного.

Как-то в середине недели Ян сказал, что необходимо отдать в починку старые рабочие сапоги, иначе в весеннюю распутицу он в своих стоптанных пасталах не сможет выйти из дому. В воскресенье утром, позавтракав и побрившись, он завернул сапоги в старую мешковину и ушел к сапожнику, жившему в центре бывшего имения, километрах в четырех от усадьбы Лавера.

Сдав в починку сапоги, Ян не спешил возвращаться домой, а прошел через центр имения и, обогнув старую

водяную мельницу, направился к старинному баронскому кладбищу. За кладбищем Ян свернул с дороги и по узкой тропке, протоптанной в снегу, углубился в рощу. В середине ее, на пригорке, находилась небольшая поляна с замшелыми деревянными скамьями и павильончиком для оркестра — летом здесь устраивали деревенские гулянья. С поляны были видны и та дорога, по которой пришел Ян, и другая, огибавшая рощу с севера.

С полчаса Ян в одиночестве прохаживался по роще, внимательно наблюдая за обеими дорогами.

Но вот на тропке показался молодой парень Мартын — он работал на ремонте дорог. Немного погодя пришел пожилой мужчина, батрак из соседней волости, — он проделал дальний путь, выйдя из дому еще задолго до рассвета. По другой тропинке, со стороны второй дороги, пришла девушка Зента — прошлым летом она закончила среднюю школу. Скоро к собравшимся присоединился учитель начальной школы и руководитель местного хора Улуп, высокого роста моложавый мужчина с чахоточным румянцем на щеках. Всего собралось восемь человек. Каждый из них представлял какую-нибудь подпольную группу, а Ян Лидум, руководивший партийной организацией всего района, знал их всех. Из присутствовавших только двое—учитель Улуп и Мартын — знали его настоящее имя, для остальных он был известен только как руководитель организации — товарищ Акот.

— Можем начинать, — сказал Ян, поздоровавшись с молодым парнем, пришедшим последним, музыкантом в оркестре местной пожарной команды, которого можно было встретить на всех вечерах с танцами, устраиваемых в округе. — Больше никто не придет.

Они уселись на скамейках справа от павильончика. Один из мужчин стал за караульного и, медленно прохаживаясь по полянке, не спускал глаз с тропинок и обеих дорог, в то же время стараясь ничего не пропустить из того, о чем говорили его товарищи.

Участники собрания сообщили о положении на местах. Деревенские кулаки с каждым днем все больше и больше наглели. Они спешили стать наследниками прогнанных баронов, занять их место. Организация айзсаргов вбирала в себя активнейшую часть реакционеров и успешно конкурировала с полицией по угнетению рабочего люда. На шею народа вместо прибалтийского дво-

рянства старались сесть доморощенные господа — в насилии и гнусности они не отставали от своих предшественников. Самая ценная прослойка народа — революционеры, закаленные в открытых боях, — понесла большие потери и была слишком обессилена, чтобы в ближайшее время развернуть более широкую деятельность: изрядная часть ушла с красными полками в Россию и участвовала теперь в великой борьбе за укрепление молодой советской власти, а те, кто остался на месте, тысячами гибли в тюрьмах. Интеллигенцию старались отравить ядом шовинизма и всякими националистическими иллюзиями. Прожорливый и ненасытный кровопийца кулак плотно уселся на грудь народа и душил его, убежденный в том, что нет такой силы, которая может прогнать и уничтожить его.

— Трудно что-нибудь сделать при таких обстоятельствах, — сказал музыкант. — Товарищи начинают терять веру в успех борьбы. То ничтожное, что нам удается осуществить, несоразмерно с жертвами. Ничего мы не можем добиться, только злим своих противников, а на большее мы сейчас не способны. Выловят по одному и сгноят в тюрьме.

— А что ты предлагаешь? — спросил Ян Лидум.

— Надо сохранить оставшиеся силы, — ответил парень. Его не смутили угрюмые усмешки, с которыми приняли его слова участники сходки, — свою мысль он обдумал до конца в долгие бессонные ночи и верил в ее правильность. — Вы сами видите, что сейчас слишком неблагоприятное время для активной борьбы. Если мы будем продолжать борьбу, погибнем все. Но через несколько лет обстоятельства могут измениться: народ убедится на деле, какое ужасное ярмо приготовила для него национальная буржуазия, настроение масс станет революционным — тогда понадобится партийный актив, чтобы руководить борьбой и довести народ до победы. Надо подождать — вот самое разумное.

— За такую услугу ты можешь получить орден из рук буржуазного правительства, — сказал Ян. — Того, что ты нам предлагаешь, больше всего добиваются наши враги. Допустить, чтобы у рабочего пропала вера в необходимость борьбы, в возможность победы, жалобно вздыхать, сложить оружие и сдаться, признать, что наши враги непобедимы, — дорогой товарищ, понимаешь ли ты о чем

говоришь? Именно теперь, когда положение самое трудное, когда даже иной член партии начинает терять веру в победу революции, нам надо делать все, чтобы в сердцах людей не погасло пламя сопротивления. Большими и малыми делами мы должны ежедневно доказывать, что мы существуем, что есть сила, которая продолжает расти и зреть в недрах народа, что у рабочего класса всегда жива его великая цель и что борьба кончится только тогда, когда будет одержана окончательная победа. В огромном море лжи должен гореть и пламенеть наш маяк правды, его лучи должны проливать яркий свет вокруг каждой гнусности, каждого преступления угнетателей. Это ускорит пробуждение классового самосознания масс, ускорит рост новых отрядов борцов.

— Товарищ Акот прав, — заговорил учитель Улуп. — Нам надо не умолкать и сдаваться, а собрать все силы для более напряженной работы, для более острой борьбы.

— С дезертирами нам не по пути! — страстно воскликнула Зента. — Кто бросает своих товарищей на поле боя, тот предатель, и партия должна осудить его.

— Я совсем не собираюсь дезертировать, — смущенно оправдывался музыкант. — Я только рассказал, какое настроение начинает появляться у некоторых товарищей. Что касается меня, — я буду действовать так, как решит организация.

Ян взглянул на учителя.

— Товарищ Яков, тебе придется поработать с этими товарищами, — сказал он, — правильно осветить перед ними создавшееся положение и задачи нашей партии. Когда они освободятся от этой куриной слепоты, им будет стыдно вспоминать о своих теперешних настроениях.

— Хорошо, товарищ Акот, — сказал учитель, — я это сделаю.

Слово взял дорожный рабочий Мартын.

— Айзсарги издеваются и всячески угнетают простых людей. Мы это переносим, стиснув зубы, а наши враги думают, что мы их боимся и только поэтому молчим. Местный начальник айзсаргов Олинь — настоящая кровожадная собака — позавчера до потери сознания избил какого-то пожилого человека на дороге только потому, что тот не приветствовал его. Если организация одобрит, я готов на этой же неделе уничтожить Олиня.

— Организация не может с этим согласиться, — ответил Ян. — Индивидуальный террор — не наш метод.

— Но проучить этого мерзавца все же следовало бы, — заговорил пожилой батрак, пришедший на сходку из соседней волости. — Если такую подлость оставить безнаказанной, их бесчинству не будет конца. Если уж нельзя пристрелить, то как следует поколотить обязательно надо.

Этот вопрос вызвал горячие споры. Авторитет Яна Лидума был так велик, что участники сходки в конце концов согласились с его предложением — припугнуть Олиня, но от террористических актов воздержаться.

В этот день на сходке решали вопросы о подготовке к празднику Первого мая, о том, каким путем привлечь к подпольной работе новых товарищей. Затем подпольщики бесшумно, по одному и по двое, разошлись.

В роще остались лишь Ян Лидум и молодой рабочий с паровой мельницы. Он только несколько месяцев тому назад вернулся из Советской России, где воевал в рядах латышских стрелковых полков против белогвардейцев и интервентов.

— Товарищ Акот, мне надо поговорить с тобой... — начал он, когда остальные уже разошлись. — Нужен совет.

— Я слушаю, товарищ Лаунаг, — ответил Ян.

Лаунаг (это была подпольная кличка рабочего с мельницы) подошел вплотную к Яну и заговорил вполголоса:

— Я, как дурак, приехал сюда, в Латвию, думал, что здесь меня ждут не дождутся. Тьфу! Задыхаюсь. Разве это жизнь? Если бы еще можно было сделать что-нибудь такое, что принесло бы пользу рабочему делу... Тогда бы другая статья. А подобное положение — мне это все осточертело. Не лучше ли вернуться в Россию и помогать строить там государство трудящихся? Я совсем одинок, никого близких. Здесь от меня пользы мало, а там...

— Знаю, что ты хочешь сказать, — прервал его Ян. — Но я не согласен с тобой.

— Почему?

— Здесь ты нужнее. Можешь не сомневаться, что наши русские товарищи, вместе с другими советскими народами, построят социализм и без твоей помощи, но что будет, если все те, кто может активно бороться за дело трудящихся, убегут из Латвии? Кто же в этой

стране будет бороться за нашу победу? Конечно, сейчас здесь очень трудно, но именно поэтому нам нужны люди, которые не боялись бы этих трудностей и с огромным терпением работали бы долгие годы в подполье, выковывая победу над темными силами.

— Я не ищу, товарищ Акот, легкой жизни. И там, в Советской стране, я работал бы много, упорно.

— Здесь твоя работа нужнее, чем там. Никогда не забывай об этом, в особенности когда, как ты сказал, не хватает свежего воздуха! Вот тогда важно выдержать. И уж если станет совсем невмочь, думай о прекрасной стране свободы и справедливости, которую строят рабочие там, в России, — она наша надежда, великий пример для нашей борьбы и работы. Придет время, и мы зашагаем в ногу с нею. Только не сдавайся и не теряй надежды — нам надо дождаться, надо завоевать победу.

— Ладно, Акот... — сказал Лаунаг. — Придется выдержать.

Ян крепко пожал ему руку, ободряюще похлопал по плечу, затем они расстались и ушли из рощи, каждый в свою сторону.

Медленно прошел Ян через центр бывшего имения. У лавки потребительского общества ему пришлось немного задержаться и перекинуться несколькими словами со знакомыми крестьянами, стоявшими на улице. Распрощавшись с ними, Ян направился домой, размышляя о своей маленькой жизни и великой борьбе. Его сердце всегда начинало трепетать от счастья, когда он вспоминал о своем сыне, маленьком Айваре. Ян был готов пожертвовать всем, отдать все свои силы, чтобы завоевать счастливую, светлую, достойную человека жизнь для своего сына и для всех детей, которые сегодня росли в горькой нужде и чье детство походило на детство его Айвара.

Ольга встретила его с заметным неудовольствием.

— Обед давно остыл. Где так долго пропадаешь?

Ян пожал плечами и спокойно ответил, выдержав пытливый взгляд жены:

— Сапожника не было дома. Мне пришлось подождать его.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Четыре месяца прожила Ильза в усадьбе Лаверов. Пока держался санный путь и хозяин отряжал на заработки две лошади, Ильза не только зарабатывала на пропитание себе и Артуру, но кое-чем могла помочь и семье брата. Выбрав в лавке потребительского общества дешевый вязаный костюмчик для Артура, она купила такой же и Айвару. Маленькие друзья, шагу не ступавшие друг без друга, обрадовались обновкам.

Когда вывозка бревен кончилась, Ильза несколько недель пряла лен для хозяйки усадьбы, потом села за станок и наткала целый тюк простынного полотна. Пока у Ильзы была работа, Ольга не показывала и вида, что ее тяготит присутствие золовки. Случалось по вечерам женщины беседовали о днях своей юности, вспоминали общих знакомых. Особенно разговорчивой Ольга никогда не была, только теперь ее сдержанность уже не проявлялась так подчеркнуто, а в иных словах звучало что-то похожее на задушевность. Но были минуты, когда Ильза чувствовала, что невестка ревнует к ней брата за то, что Ян в свободное время любил поговорить с сестрой. Иногда Яну удавалось урывать время и для детей, он брал их на руки, усаживал на колени, рассказывал им сказки, учил новым играм. Хотя он делил свое внимание и ласку поровну между обоими, Ольге казалось, что привязанность

Яна к Артуру какая-то особенная и что каждая, даже сдержанная ласка, что он дарит племяннику, отнята у их собственного сына, который имел право на всю любовь отца — без остатка. Если Ян и впредь намерен делить заботы между своим сыном и ребенком от неизвестного молодца, то Айвару в его детские годы придется от многого отказаться. Кроме того, жить в маленькой батрацкой избе впятером было тесно.

Когда Ильза снова осталась без работы, Ольга уже не скрывала, что ей надоела эта жизнь в тесноте. Все чаще случалось, что при входе Ильзы в комнату Ольга умолкала на полуслове и, повернувшись к ней спиной, начинала делать что-нибудь такое, в чем не было особой надобности. Артур все чаще вертелся под ногами, Ольге приходилось прикрикивать на него и отталкивать в сторону. Тогда Ильза поняла: дольше так жить нельзя.

Как только наступила теплая погода, Ильза начала искать работу. Однажды ее не было дома два дня. А когда она вернулась, ее приподнятое настроение яснее всяких слов говорило, что на этот раз поиски увенчались успехом. Так и было: Ильза нашла работу в небольшом местечке километрах в тридцати от Лаверов, на предприятии, которое объединяло лесопилку, мельницу и шерстечесальню, и уже сняла небольшую комнату неподалеку от места работы. Можно было перебираться туда хоть сегодня.

Лицо Ольги сразу точно посветлело, весь вечер она была суетлива, любезна со всеми и необыкновенно разговорчива. Эта внезапная перемена еще больше убедила Ильзу, что они с Артуром были здесь в тягость. На другой день Ильза попрощалась с невесткой и Айваром. Ян выпросил у Лавера лошадь, чтобы отвезти сестру в местечко.

Когда все пожитки Ильзы были погружены на телегу и можно было трогаться в путь, Ольга с Айваром вышли проводить их. Ребята, чувствуя, что скоро придется расстаться, все утро ни на шаг не отходили друг от друга. Они обошли все знакомые места, где играли вместе, взобрались на земляную насыпь погреба, чтобы в последний раз кубарем скатиться с нее, пили березовый сок, собранный отцом Айвара в роще. За эти четыре месяца они так привязались друг к другу, что не могли и представить себе, как будут жить врозь.

— Мамочка, почему Артуру надо уезжать? — грустно спросил Айвар. — Пусть он останется у нас.

— Нельзя, сынок, — ответила Ольга. — Артур должен жить у своей мамы. На новом месте им будет лучше, чем у нас.

— А мне не хочется, чтоб Артур уходил... — не унимался сын.

— Пускай Айвар едет с нами, — в свою очередь настаивал Артур. — Мне жалко, что он остается здесь.

— Летом ты сможешь приехать в гости к Айвару, — успокаивала Ильза. — Приедем вместе. И Айвар со своей мамой тоже когда-нибудь приедут к нам.

Только так удалось немного успокоить их.

До конца аллеи все шли пешком. Выехав на дорогу, Ян остановил лошадь. Яркое апрельское солнце ласково сияло над черными полями. Снег уже сошел, и на просохших участках крестьяне пахали. В рощах и придорожных кустах весело щебетали птицы.

— Напиши, как устроишься на новом месте... — сказала на прощанье Ольга.

— Ян тебе расскажет, — ответила Ильза. На мгновение она задержала руку Ольги и смущенно, как бы спрашивая, посмотрела ей в глаза. Но невестка сделала вид, что не понимает этого взгляда, натянуто улыбнулась и, освободив руку, спрятала ее под передник. Тогда Ильза отошла от Ольги, и они расстались, даже не поцеловавшись. Айвар с Артуром подали друг другу руки и сказали: «До свидания...» В последний момент, уже сидя в телеге, Артур, что-то вспомнив, вскрикнул:

— Подожди, дядя Ян, не езжай еще! — Он вынул из кармана пальто две переводные картинки и протянул Айвару. — Возьми, я тебе дарю.

Тогда и Айвар в свою очередь вытащил из-за пазухи ивовую свирельку, сделанную накануне отцом, и, взобравшись на спицу колеса, отдал Артуру.

— Возьми себе. Мне папа сделает другую.

Телега тронулась. Артур все оглядывался на стоявшего в конце аллеи друга, махал ему рукой и вдруг заплакал.

— Мне жалко, что Айвар останется здесь.

Увидев это, не удержался и Айвар. Глотая слезы, он побежал за телегой и с плачем кричал:

— Подожди меня... Я хочу... Я хочу..

Но ждать было некогда. Ольга догнала Айвара и взяла его за руку.

— Глупенький, чего ты плачешь, — успокаивала она сына. — Найдешь других друзей. Они будут не хуже Артура.

Но мальчик не слушал ее, вырывался и громко плакал. Ему было горько, что в этот весенний солнечный день увозят неизвестно куда его лучшего друга. Айвару казалось, что он никогда не увидит Артура и не будет больше с ним играть... Это было страшно. Почему взрослые не хотят понять этого?

2

После отъезда Ильзы и Артура Яну Лидуму показалось, что дом вдруг опустел. Ему не хватало сестры, с которой он мог свободно и откровенно поговорить почти обо всем, — с Ольгой он пока так разговаривать не мог. Может, позднее, когда ему удастся воспитать жену так, что Ольга станет разделять с ним его мечты и стремления, тогда прекратится теперешнее духовное одиночество, которое иногда угнетает человека больше, чем самая тяжелая работа.

Свободные минуты, редко выпадавшие на его долю, он посвящал Айвару. Он научил сына читать и писать, заставил выучить таблицу умножения, простыми чудесными рассказами знакомил Айвара с природой и жизнью людей. Ему рано удалось пробудить в сыне любознательность, а когда мальчик все чаще стал приставать к отцу со своими многочисленными «а что это?» и «почему?», Ян никогда не оставлял этих вопросов без ответа, терпеливо и исчерпывающе пояснял непонятное Айвару. Поэтому неудивительно, что сын всей душой привязался к отцу. Мать он любил, — к ней можно было приласкаться, откровенно поведать свои чувства, а отец являлся для него примером, он был самым сильным, умным и самым замечательным человеком на свете, каждому его слову можно было верить.

В жизни батрака все времена года одинаково тяжелы. Когда на полях и лугах нечего было делать, Лавер находил работу для Яна по дому, а когда там все было пере-

делано, посылал выполнять гужевую повинность или заставлял, с большой выгодой для хозяина, заниматься извозным промыслом. Эта работа была на глазах у людей, этим трудом Ян зарабатывал на жизнь семье. А вот о другой работе, которая была несравненно труднее, больше, ценнее, знали только немногие. И именно этой работе Лидум посвящал весь остаток времени и сил. Что эта незримая работа приносит зримые плоды, чувствовалось и по возрастающей нервозности властей, опирающихся на кулаков и айзсаргов, и по ожесточенной возне полицейских в соседних волостях, и по резким разговорам батраков при заключении с хозяевами договоров в Юрьев день, и по слишком смелым, «еретическим» вопросам учеников в школе и все уменьшающимся в церковных приходах группкам молодежи на конфирмации.

Подпольная организация, руководимая Лидумом, хотя и медленно, но заметно росла: когда поздней осенью созвали районную конференцию, он убедился, что, невзирая на ульманисовский террор, число членов за год удвоилось.

Все это оставляло очень мало времени на заботы о семье и на личные дела. Изредка он обменивался письмами с Ильзой, но побывать у нее в местечке так и не удалось, хотя Айвар постоянно напоминал про обещание отца отвезти его к Артуру в гости. Мальчик часто вспоминал своего двоюродного брата и общие игры прошлой зимой. Прошло лето, и вновь наступила зима, но встречи все не было, от Артура он только получал приветы, собственноручно приписанные им в конце Ильзиных писем. Такие же приветы в каждом письме отца Айвар посылал Артуру, но ведь этого было мало.

С тех пор как уехала Ильза с Артуром, прошло полтора года. Осенью Айвару исполнилось семь лет; в тот день отец подарил ему книгу сказок с красивыми картинками и такими большими и четкими буквами, что мальчик смог сам, и довольно бойко, прочесть ее. Это был последний подарок, который Айвар получил в детстве от отца. Несколькими днями позже, темной, ненастной осенней ночью, батрацкую избушку в Лаверах окружила толпа айзсаргов и полицейских. Несколько незнакомых мужчин вошли в комнату и начали рыться по всем углам, а толстый Лавер, приглашенный понятым, строя невинное лицо, сидел на табуретке и все время, пока продолжался обыск, сладко позевывал. Грубые голоса полицейских и

айзсаргов разбудили Айвара. Он испугался, заплакал, и мать не знала, как его успокоить. Он перестал плакать только тогда, когда отец издали дружески улыбнулся ему и состроил смешную гримасу, которой обычно забавлял сына.

Айзсарги перетрясли и разбросали по полу всю одежду, белье, книги Яна Лидума, но ничего запрещенного не нашли.

Когда руководитель обыска уже приступил к составлению протокола, в комнату вбежал начальник айзсаргов Олинь и, ликуя, показал две винтовки:

— Вот что мы нашли на чердаке! Готовились к вооруженному восстанию! Хотели нас всех перестрелять! Расскажи, разбойник, откуда у тебя оружие?

— Мне нечего рассказывать, — спокойно ответил Ян. — Винтовки не мои, я вижу их впервые. Не знаю, где вы их раздобыли.

— Может, ты скажешь, что мы принесли их с собой? — побагровев, закричал Олинь.

— Иначе не может быть, — сказал Ян. — Вам это лучше знать.

Потом Айвар видел, как айзсарги колотили рукоятками револьверов и кулаками отца, а отец не мог защищаться: руки у него были связаны.

Ольга угрюмо молчала и смотрела на Яна с укором и тревожным удивлением. Когда был подписан протокол обыска и Яна Лидума собирались уводить, она не удержалась и резким, изменившимся голосом крикнула:

— Вот ты какой! Понимаешь ли ты, в какую беду вогнал семью?

— Успокойся, Ольга... — сказал Ян. — Тяжело будет вам обоим... я это знаю. Думай об Айваре, делай все, что в твоих силах, вырасти его настоящим человеком. Когда-нибудь я вознагражу тебя за все до последней капли пота, до последней слезинки. Думай о нашем ребенке, милая...

— Почему ты не думал? — опять закричала Ольга, исступленно ударяя себя в грудь. — Теперь ты беспокоишься о своем ребенке! Где была твоя любовь раньше?

Ян тяжело вздохнул.

— Я хотел добра... тебе и ему... — прошептал он. — Всем людям хотел добра...

Яна увели. Уходя, он посмотрел на Айвара глубоким,

полным нежности взглядом, затем собрал всю силу воли и в последний раз озорно подмигнул ему, состроив смешную гримасу, но вызвать улыбку на лице сынишки ему уже не удалось.

Широко раскрытыми глазами, полными страха и удивления, смотрел Айвар вслед отцу. Когда стукнула наружная дверь и все на дворе затихло, мальчик спросил:

— Мамочка, куда ушел папа?

Ольга не ответила. Она лихорадочно гладила голову сына и тихо всхлипывала. Вдруг, будто что-то вспомнив, она поспешила к окну и, отодвинув занавеску, долго вглядывалась в ту сторону, где должен был находиться Ян Лидум и те, кто увели его. В темноте ничего нельзя было разглядеть, только где-то вдали, за приусадебной дорогой Лаверов, блеснул на мгновение огонек, — наверно, кто-нибудь из полицейских закуривал папиросу.

— Мамочка, почему ты ничего не говоришь? — снова раздался голос ребенка. — Куда ушел папа? Я хочу знать...

И опять мать ничего не ответила.

8

Учитель Улуп узнал об аресте Яна Лидума уже на следующий день. После уроков, когда часть учеников разошлась по домам, а те, кто жил в школьном интернате, готовили уроки, к Улупу явилась пожилая женщина и передала ему письмо от члена их партийной организации — дорожного рабочего.

«Дорогой Яков... Приходится сообщить тебе грустную весть: Акот, наш славный друг, тяжело захворал, и ночью его отвезли в больницу. Кажется, это не случайное заболевание, а мы здесь имеем дело с эпидемией, в одно время с Акотом заболели и отправлены в больницу еще двое из наших близких друзей — Зента и Лаунаг. Не иначе, как их заразил человек, который соприкоснулся с очагом заразы. Думаю, что это наш непоседливый музыкант, — в последнее время он выглядел очень вялым и хворым. Не исключено, что эпидемия может перекинуться еще на кого-нибудь. Стоит подумать о дезинфекции и прививке. Очень хочется поговорить с тобой об этом деле. Если можешь, приходи сегодня попозже. Буду ждать тебя там, где в прошлый раз. С приветом, Мартын».

Прочитав письмо, Улуп нахмурился.

— Скажите ему, что приду, — сказал он женщине — это была мать Мартына. — Большое спасибо за то, что принесли письмо.

Когда женщина ушла, Улуп прочитал еще раз письмо и, обдумав каждое слово, сжег его, потом положил документы, деньги и две смены белья в портфель. Ничего компрометирующего его и товарищей в квартире не было, поэтому сборы в дорогу не заняли много времени. В городишке соседнего уезда жила старушка швея — мать Улупа, больше близких родных у него не было.

«Как хорошо, что она не приняла моего приглашения и не перебралась осенью ко мне... — подумал Улуп, поздно вечером навсегда покидая школу. — Тяжело было бы оставить ее одну среди чужих людей».

Моросил дождик. Улуп не спеша зашагал по дороге, подняв воротник демисезонного пальто и настороженно, насколько это позволяла темнота, наблюдая за окрестностью. С полкилометра приходилось идти по открытой местности. Дул встречный ветер. Временами Улуп останавливался и прижимал ко рту носовой платок, пока не проходил приступ кашля. Минут через двадцать путник достиг леса. Здесь идти стало легче, не было ветра. Вскоре Улуп сошел с дороги и несколько минут простоял в тени молодых елок: навстречу ехали две повозки, — судя по доносившимся голосам, они были переполнены людьми. В темноте вспыхивали угольки папирос. Когда первая подвода поровнялась с молодыми деревцами, где стоял Улуп, один из едущих промолвил:

— Улуп рассердится, когда мы потревожим его первый сон, ха, ха, ха!

— Ничего, — ответил кто-то, и Улуп узнал голос начальника айзсаргов Олиня. — В каменном поместье он сможет отоспаться до одурения. А вот когда его водворят туда, наш сон по ночам будет спокойнее.

Раздался хохот. Подождав, пока затихнет шум повозок, и удостоверившись, что никто за ними не следует, Улуп снова вышел на дорогу.

«Опоздали, мерзавцы... — пронеслась в мозгу горькая и вместе с тем радостная мысль. — Облизнетесь, цепные псы Ульманиса. Вам нужен безмятежный сон — погодите, мы вам покажем такую безмятежность, что своих не сыщете. А ты, Мартын, просто золото. Подумать только,

что могло произойти, если бы ты не предупредил меня». И Улуп ускорил шаг, насколько позволяли ему силы.

...Они встретились в кустарнике у дороги. Мартын, крепкий парень с огромными и сильными руками каменотеса, так сжал пальцы Улупа, что тот чуть не вскрикнул от боли. Узнав о встрече Улупа и том разговоре, что довелось ему услышать на дороге, Мартын негромко выругался и поспешно заговорил:

— Мерзавцем оказался музыкант. Это вне всякого сомнения. Позавчера один из моих товарищей видел его вместе с Олинем на опушке леса за кладбищем. Как влюбленная парочка на свидании. Какие могут быть тайны у музыканта с начальником айзсаргов? Ясно, какая-нибудь мерзость. Жаль, что я сразу же не предупредил Акота, Зенту и Лаунага...

— Ты уверен, что они арестованы? — спросил Улуп.

— Совершенно точно. Своими глазами видел, как их увезли полицейские и айзсарги... наверно, в город. Что нам теперь делать, Яков?

— Будем продолжать борьбу, Мартын. Только теперь нам надо будет работать в иных условиях. Мне придется перейти на нелегальное положение. Тебе тоже надо быть готовым ко всему... Некоторое время не ночуй дома, по крайней мере в комнате. Надо предупредить товарищей: с музыкантом прервать всякие отношения. Не подпускать его за версту.

— До утра я навещу нескольких наших. Они смогут предупредить остальных, живущих далеко.

— Правильно, Мартын...

У Улупа снова начался приступ кашля. Мартын, подождав, пока товарищ откашляется, спросил:

— А как же теперь будет с нашей организацией, Яков? После ареста Акота тебе придется руководить.

— Согласно прежним установкам так оно и будет, — ответил Улуп. — Плохо только, что мое здоровье никуда не годится. Год, самое большее два, а потом нужна будет смена, но думать об этом надо уже сейчас. Не исключено, Мартын, что когда-нибудь тебе придется возглавить организацию.

— Да что я... — смущенно пробормотал Мартын. — Нет никакого опыта... знаний тоже маловато.

— В работе накопишь.

— Какие будут указания на ближайшее время?

— Надо сделать все, чтобы больше не терять ни одного члена организации и не распылять сил. Еще больше конспирации и бдительности. Но работа ни на день не должна прекращаться. С этого момента я уже не буду Улупом, а... Цинисом. На лесных лугах есть небольшой крестьянский хуторок Терце. Ты будешь единственным, с кем на первых порах я буду встречаться. Первый раз придешь на хуторок через две недели. Я буду ждать тебя у старого сарая. Если случится что-нибудь непредвиденное, чрезвычайное или тебе придется спасаться, — приходи туда, на хуторок Терце. А если ты мне понадобишься, к тебе — на работу или домой — придет человек с приветом от двоюродного брата Циниса. Ты ответишь: «Как его здоровье?» Запомни это, Мартын.

— Запомню, Яков.

— А теперь вот какое дело... — сказал Улуп. — Лаунаг был одиноким человеком, у него родных не осталось. Родители и братья Зенты трудоспособны и продержатся без материальной помощи, а вот у Акота остались без кормильца жена и маленький сынок. О них надо будет позаботиться. Кто-нибудь из наших должен их навестить и передать им хоть немного денег. Без нашей поддержки им будет трудно.

Улуп достал бумажник и дал Мартыну несколько кредиток.

— Только имей в виду — жена Акота не была вовлечена в нашу организацию. Акот скрывал от нее свою подпольную деятельность, так как она отсталый человек с мещанскими взглядами и разными предрассудками, к ней нужен особый подход.

— Если у тебя, Яков, не будет возражений, я попрошу об этом мою мать. Ей, как женщине, будет легче сговориться с женой Акота, да и ее посещение не бросится в глаза людям.

— Верно, Мартын, так будет лучше.

Крепко пожав друг другу руки, они расстались. Улуп окольной дорогой направился к лесным лугам, где уже загодя, на всякий случай, было приготовлено конспиративное убежище, а Мартын ушел предупреждать своих товарищей. До утра ему предстояло пройти много километров, но он не унывал: разве считаешься с трудностями, когда дело касается великой борьбы?

4

Через день после ареста Яна Лидума в батрацкой избушке Лаверов снова появился начальник айзсаргов Олинь вместе с полицейским и каким-то штатским — агентом охранки. Полдня допрашивали они Ольгу о родных и знакомых Яна Лидума, обо всех, кто в последнее время навещал его и с кем он встречался вне дома.

— Вам же от этого будет лучше, если вы чистосердечно расскажете обо всем, что видели и слышали, — старался внушить Ольге агент охранки. — Ваш муж обвиняется в весьма тяжких государственных преступлениях, но мы не желаем вести следствие односторонне, поэтому делаем все, чтобы найти таких людей, которые могли бы показать что-нибудь в пользу Лидума.

В подобных делах у Ольги не было опыта, но она догадывалась, что ее хотят обмануть — напасть на новые следы, по которым найдут товарищей Яна. В сущности она и не знала, с какими людьми он встречался на стороне, это знал только сам Лидум.

Убедившись, что эта женщина не откроет им ничего нового, следователи попытали счастья у Айвара — ласково разговаривали с мальчиком, угощали конфетами и спрашивали, какие дяди и тети приходили в гости к отцу. Но Айвар прятался за спину матери и смущенно молчал.

Наконец они ушли, заметно рассерженные и разочарованные.

В тот же вечер в батрацкую хижину пришел Лавер. Без всякого приглашения он уселся на стул и, почесывая свою бородку, скороговоркой выпалил:

— Выходит, нам следует расстаться. Твоему коммунисту придется долго сидеть, а мне ждать, пока он выйдет из тюрьмы, не резон. Мне нужен работник семейный, а работнику нужно жилье. Даю неделю сроку, после этого тебе придется отсюда убираться. Ты подумай об этом и присмотрись, куда переселяться. Ничего страшного в этом нет, где-нибудь угол найдешь. Значит, через неделю.

Сказав это, Лавер ушел, а Ольга в ту ночь до самого утра не сомкнула глаз.

Куда ей деваться? К кому обратиться за советом и помощью? Родители Ольги умерли от тифа, и нет у нее сейчас ни одного близкого человека... только Ильза. Но та ведь и так несет свой крест, у нее своя беда и заботы.

Ольга не сомневалась, что Ильза приютила бы ее, но именно к Ильзе она не хотела обращаться. С первого дня своего замужества Ольга думала, что золовка в глубине души считает выбор Яна роковой ошибкой. И эта мысль превратилась потом в предубеждение, от которого Ольга не могла освободиться даже сейчас, в труднейшую полосу своей жизни. Если не будет уже никакого другого выхода, только тогда она постучится в Ильзины двери, но ни на минуту раньше.

Ольга ожесточилась и решила с гордым упрямством идти навстречу всем испытаниям. В поисках работы и крова она исходила всю округу, побывала во всех крупных усадьбах. Одну ее соглашались принять на работу, но когда узнавали, что у нее ребенок, которого еще нельзя использовать как пастуха, хозяева старались отделаться от нее. Наконец ей посчастливилось зайти в какую-то усадьбу, где недавно бросили работу и, даже не получив заработок за два месяца, ушли в город две батрачки. В Кукажах — так звали эту усадьбу — позарез требовалась хоть одна батрачка, поэтому хозяин без лишних слов выделил Ольге угол в людской комнате и послал батрака с подводой в усадьбу Лавери за ее скарбом. Назначенный Лавером срок еще не прошел, а Ольга с Айваром уже покинули батрацкую избушку. Когда Лавер да еще кто-то из батрачек стали интересоваться, куда она переезжает, Ольга гордо отрезала:

— К богатым родичам, подальше от этого мерзкого места, где честным людям жить не дают.

— Вот как, у тебя, оказывается, есть богатые родичи? — удивился Лавер, становясь почти любезным и доброжелательным.

— А вы думали, что они могут быть только у вас? — насмешливо спросила Ольга. — Иногда случается, что у бедных тоже находится по богатому дядюшке или двоюродному братцу.

Когда несколькими днями позже в Лавери завернула мать Мартына и спросила об Ольге, сам хозяин ответил ей совершенно серьезно:

— Позавчера уехала со всеми пожитками. У нее оказались состоятельные родственники. Раньше, наверное, изза мужа не знались с ней, а сейчас, когда этого коммуниста посадили, богатые родичи взяли ее к себе. Теперь она заживет на славу.

Мать Мартына поговорила с батрачками и батраками Лавера, они тоже подтвердили слова хозяина:

— Оказывается, у Ольги Лидум есть важные родственники. Какой-то там двоюродный брат или дядя — так заявила сама Ольга. Прислали за ней батрака с повозкой.

— А куда она уехала? — поинтересовалась мать Мартына.

— Точно не знаем. Вероятно, поближе к городу, в ту сторону поехали.

Богатые родичи... дядя или двоюродный брат... это казалось вполне правдоподобным. Когда вечером мать Мартына рассказала об этом сыну, тот задумался.

— Если это правда, то Ольга Лидум сейчас в нашей помощи не нуждается, — решил он. — Может, попозже. Надо думать, Ольга скоро даст знать Яну, куда она перебралась. Тогда и мы узнаем, где она живет, и кто-нибудь сможет проверить, как ей с сыном живется.

— А что делать с деньгами? — спросила мать.

— Их мы перешлем Яну Лидуму, — ответил Мартын. — Они ему очень пригодятся.

— Как же вы это сделаете? Ведь он в тюрьме?

Мартын улыбнулся.

— Не беспокойся, мама. В тюрьме или на воле, мы никогда не забываем про своих товарищей и не оставляем их без помощи.

— А как скоро ты добудешь Ольгин адрес?

— Да с месяц пройдет, а может, и больше. Пока Ольга напишет письмо в тюрьму, пока цензура просмотрит его да передаст Яну и пока он известит нас — раньше и ждать нечего.

В эту ночь, как и во многие предыдущие, Мартын решил не ночевать дома и поэтому собрался уходить.

— Если меня будут спрашивать, говори, что вызван к дорожному мастеру. Кстати, завтра я должен быть у него с отчетом.

5

Жилой дом в Кукажах был разделен на две части: хозяйская и батрацкая половины. Дверь хозяйской половины выходила в сторону фруктового сада, а на батрацкую половину попадали через общую батрацкую

кухню. Мимо входа в кухню, вдоль батрацкой, извивалась дорога, и каждая подвода оставляла на кухонном пороге свою долю пыли или грязи.

Приехав в Кукажи, Ольга Лидум поставила свою кровать в углу большой людской комнаты. Старый платяной шкаф теперь отгораживал пожитки Ольги и Айвара от площадки, занимаемой остальными обитателями людской. Это были: работник Судмалис с женой и тремя детьми — младший из них еще находился в люльке, подвешенной к тонкому концу гибкой еловой жерди, другой конец которой был прикреплен к почерневшей потолочной балке, — и батрак, хромой Микелис, слабоумный, он прожил здесь лет двадцать и работал на хозяина всего лишь за еду и одежду. В отдельной избушке по другую сторону проезжей дороги жила какая-то пожилая пара постояльцев-валениеков.

Уже в первый вечер Ольга убедилась, что настоящим хозяином в усадьбе является властная и энергичная хозяйка. Ее муж был примаком и боялся в чем-либо перечить жене. Дебелая, высоченная и грубая хозяйка Кукажей даже не дала Ольге устроиться, сразу же отправила ее доить коров, и пока Ольга доила их, она стояла и наблюдала, как новая батрачка справляется с работой. За этим последовали всякие малые и большие дела, с которыми Ольге надо было справиться в тот же вечер: нарубить картофеля и кормовой свеклы, наполнить водой большой котел для пойла скоту, затопить печку на хозяйской половине и принести из клети мотовило и прялку.

На следующее утро рабочий день Ольги начался еще затемно и кончился глубокой ночью. Мучная болтушка на завтрак, синеватая похлебка на снятом молоке с кусочком селедки и ломтем черствого ржаного хлеба в обед, отварная картошка в мундире, немного соленого творогу и кружка простокваши на ужин — вот обычное питание Ольги и Айвара. К вечеру Ольга так уставала, что у нее даже не хватало сил поболтать с Айваром, но, ложась в постель, она подолгу не могла уснуть. Мрачные думы, полные отчаяния, мучили ее. Временами хотелось плакать, чуть ли не выть, или наложить на себя руки — удерживал только Айвар.

Однажды вечером Айвар, набегавшись во дворе с детьми Судмалиса, подошел в кухне к матери, варившей пойло для скота, приласкался, а потом так грустно

и долго глядел на огонь очага, что сердце Ольги чуть не разорвалось от жалости.

— Что с тобой, мой мальчик? — спросила она. — Отчего ты такой грустный?

— Где сейчас папа? — тихо заговорил Айвар. — Почему он не приходит домой?

Ольга дрожащими руками принялась гладить голову, плечи и руки сына, глядя затуманенными глазами куда-то вдаль.

— Он не может, сыночек, прийти к нам... — шептала она. — Твой папа в тюрьме. Может быть, он вечно будет оторван от нас. Тебе придется самому заботиться о себе... тяжелым будет твое детство.

— А почему он не пришлет письма? — не успокаивался Айвар.

— Наверно, не может написать, — ответила мать. — Ведь он не знает, где мы живем.

— А почему ты ему не напишешь, где мы с тобой живем?..

Вопрос Айвара, высказанный с детской непосредственностью, словно заставил Ольгу очнуться: и вправду, почему она до сих пор не написала Яну? Как это она не додумалась известить его о своем уходе из усадьбы Лавери, попытаться что-нибудь выяснить о его судьбе?

— Я обязательно напишу, Айвар, письмо отцу... — пообещала мать. — И от тебя передам привет. Только ты никому не говори, что папа сидит в тюрьме, иначе хозяин нас прогонит отсюда.

— Не скажу, мамочка, — обрадовался Айвар. — А письмо папе ты напишешь сегодня?

— Нет, сыночек, времени сегодня не будет, — ответила Ольга. — Напишу в воскресенье. Ведь еще надо купить бумаги и конверт.

— И папа тогда получит письмо и напишет ответ, правда? Он скажет, когда вернется к нам?

— Конечно, сыночек, может, и об этом напишет... — прошептала Ольга и, скрытно от Айвара, смахнула рукавом слезу. — Только ты никому ничего не говори... ни детям, ни взрослым... Иди теперь в комнату, посмотри книжку с картинками. Сейчас понесу скотине пойло.

Айвар ушел, а Ольга опять принялась за работу. Она много раз ходила из кухни в хлев, отнесла коровам пойло и все время думала про Яна: что-то сулит ему судьба?

Она любила Яна попрежнему, только одного не могло простить ее сердце: как это он тайно от нее занимался такими делами, которые довели его до тюрьмы, и этим вверг себя и своих близких в беду.

«Ах, Ян, милый, зачем ты так поступил? — корила она его мысленно. — Разве тебе было плохо со мной и Айваром?».

Не будучи в состоянии по своему развитию подняться до Яна, она не могла понять ни смысла, ни величия его борьбы. В ее представлении Ян в лучшем случае был мечтателем, вообразившим, что при добром желании и безумном дерзании человек может изменить незыблемый порядок жизни, установившийся испокон веков. Понятно, что из этого ничего не может выйти, — этак люди могут заставить воду потечь вверх на гору. Почему Яну надо было подвергать себя опасности? Разве его совсем не беспокоило, что будет с семьей, если случится беда? Теперь эта беда пришла, а все остальное на свете осталось неизменным. Так не лучше ли Яну и тем, кто поступал так, как он, отбросить свои мечты и жить тихо, смирно, довольствуясь своим достатком, как большинство людей? Может, со временем посчастливилось бы добыть небольшой, но свой кусочек земли, свой уголок, и на старости лет спокойно закончить свой жизненный путь...

Только это немногое требовала она от жизни, на это надеялась и за это готова была бороться неистово, упорно.

В воскресенье Ольге не удалось сходить в лавку за бумагой и конвертом, так как к хозяину приехали гости и она день проработала на кухне. Хозяйка не осталась в долгу: за эту работу она дала Ольге и Айвару мисочку куриного супа с клецками, недоеденного в хозяйской половине дома. Вечером, подоив коров, Ольга вырвала из тетрадки Айвара листок и написала Яну письмо. Она рассказала о переменах в ее жизни, спросила про его здоровье и в конце добавила:

«Айвар постоянно вспоминает тебя, каждый день спрашивает, когда ты вернешься. Трудно ребенку расти без отца. Другие дети спрашивают, где папа Айвара, но мы не хотим, чтобы они узнали правду, тогда они станут дразнить и высмеивать Айвара, а это было бы плохо и больно. Милый Ян, не можешь ли ты сделать так, чтобы поскорее выйти на свободу и снова жить с нами? Покайся от всего сердца в своих ошибках, обещай такими делами

больше не заниматься, — может, тогда они простят тебя и выпустят на свободу. Ты ведь можешь жить так же, как все честные люди. Тогда никто тебя не тронет и твоему сыну не придется расти без отца. Я тебя очень прошу подумать об этом.

Жду от тебя хоть несколько строчек. Если тебе что нужно, напиши, я сделаю все, что будет в моих силах. Сердечный привет от меня и Айвара. Не забывай, что мы очень ждем твоего возвращения домой. Ольга».

Листок письма она сложила вдвое и спрятала в одну из немногих книг, привезенных с собой из Лаверов. В один из ближайших дней надо было пойти в лавку, купить конверт и тут же опустить письмо в почтовый ящик — тогда в Кукажах никто не узнает, что она посылала письмо в тюрьму.

6

В понедельник утром, сразу же после того, как Ольга подоила коров, хозяин велел ей ехать в лес, помогать батраку Судмалису. Кукажа недавно купил на торгах несколько кубометров пней, — их надо было привезти домой, тогда хромому Микелю хватит работы на несколько недель, пока он их расколет.

Судмалис и Ольга поехали в лес каждый на своей подводе. Около полудня они достигли вырубки, где на краю дороги были сложены пни.

— Попробуй взвали таких чертяк на подводу! — сердился Судмалис. — Подохнешь, пока справишься с этими раскоряками.

Он чертыхался все время, пока накладывал воз. Если бы Кукажа слышал, какими словами честил его батрак, он лопнул бы от досады.

— Скупердяй, хоть бы разок купил для людской половины настоящих дров. За десять сантимов готов черту душу продать. В прошлом году навезли в усадьбу трухи да мокрой ольхи, сейчас набросился на пни. В будущем году разыщет какую-нибудь дрянь за полцены. Сам только раздувается от нашего пота. До тех пор будет раздуваться, пока не лопнет, а тогда засмердит на весь мир.

Ольга хотела помочь, но Судмалис не дал ей дотронуться до пней.

— Это не бабье дело. Надорвешься и будешь ни человеком, ни мертвецом. Я и один как-нибудь справлюсь.

Прошло более часу, пока нагрузили обе подводы. Поев хлеба и немного передохнув, они поехали домой — Судмалис со своим возом впереди, за ним шагах в двадцати Ольга. На пнях сидеть было нельзя, поэтому весь путь пришлось пройти пешком. Шагая рядом с возом, Ольга погрузилась в раздумье.

«Вот так и проходят лучшие мои годы — в одних мучениях и тяготах. Придет старость — и не вспомнишь ничего теплого, радостного. Да и где эти радости, где это счастье? Только тяжелый труд, нужда да вечное издевательство хозяев. А когда Айвар вырастет, разве его ждет лучшая доля? Что может ждать от жизни сын батрака? Три-четыре зимы в школе — а потом впрягайся в ту же лямку, которую тянули твой отец и дед. Чужие люди будут распоряжаться тобой, выматывать твои силы, а платой за это будет скудный кусок хлеба. Стоит ли жить такой жизнью? Нет, не стоит. Ян тоже думал, что не стоит, но он вообразил, что можно изменить эту жизнь. Ах, если бы все эти тяготы были только сном и можно было утром проснуться в довольстве и счастье... Если бы произошло чудо...»

Нет, ни в какие чудеса Ольга больше не верила. Сердце постоянно наполняли мрачные предчувствия: ей казалось, что жизнь со времени ареста Яна — кошмар и непрестанное страдание.

«Только бы Ян попросил прощения и обещал господам начать жить по-новому... Это совсем не так трудно, надо только превозмочь свою гордость. Даже из-за Айвара стоит это сделать. Завтра обязательно надо отнести письмо и бросить в почтовый ящик... обязательно».

Так размышляла она, меся холодную грязь и совсем не чувствуя, что начинают мерзнуть ноги.

До усадьбы оставалось еще около полутора километров, когда Судмалис услышал за своей спиной отчаянный крик. Остановив лошадь и оглянувшись, он увидел повалившуюся набок подводу, а под ней, в придорожной грязи, придавленную тяжелыми пнями Ольгу. Судмалис бросился на помощь, но прошло несколько минут, прежде чем удалось откатить в сторону тяжелые пни и освободить Ольгу.

Она лёжала, не открывая глаз, в груди ее что-то страшно хрипело, и из уголков рта текли струйки крови.

— Что с тобой? — встревоженно спросил Судмалис. — Ты сильно разбилась? Наверно, лошадь чего-нибудь испугалась и бросилась в сторону?

Но Ольга была в глубоком обмороке.

Судмалис тяжело вздохнул:

— Ох, беда, ох, несчастье...

Он откатил пни к придорожным кустам, поднял телегу, уложил на нее Ольгу, подсунув под голову полупустой мешочек с овсом. Ольга даже не застонала, только в груди ее хрипело попрежнему, да из уголков рта тоненькой струйкой бежала кровь. Судмалис снял пиджак, накрыл им Ольгу и, взяв лошадь под уздцы, повел ее по раскисшей дороге, стараясь объезжать рытвины.

— Ох, несчастье, ох и беда... — еще и еще раз повторял батрак. — Что теперь будет?

Через полчаса он с обеими подводами достиг Кукажей. Неподвижная и безгласная лежала Ольга на телеге. Ехать за врачом не было смысла — каждому было ясно, что никакой помощи ей уже не надо.

— Едут, как скоты! — закричал хозяин, узнав о случившемся. — Сами себе ломают шею, а мне теперь отвечать!

Старого валениека-постояльца сразу же послали за полицейским. Надо было составить акт о смерти Ольги. Покойницу внесли в каретник и временно, пока не были оформлены все нужные в таких случаях медицинские и юридические акты, никого туда не пускали.

Айвар узнал о смерти матери только поздно вечером, но и ему не разрешили войти в каретник. Растерянный и взволнованный до глубины души, сидел он на кровати и долго, долго плакал. Старшие дети Судмалиса старались успокоить своего товарища.

На следующий день, когда судебный врач осмотрел покойницу и были закончены все формальности, Судмалиса послали к столяру за гробом. Судмалиене с женой валениека обмыли и одели покойницу в лучшую одежду, какую нашли среди ее вещей, затем гроб внесли в батрацкую клеть, и обитатели ее побыли несколько часов с покойницей. Айвару в тот вечер тоже разрешили посидеть у открытого гроба матери.

В среду под вечер гроб с телом Ольги Лидум выне-

сли из клети и поставили на телегу, покрытую пестрой попоной. Батрак Судмалис отвез гроб на кладбище, несколько работниц и жен батраков проводили покойницу до могилы и вместе со старым причетником, заменившим пастора, пропели похоронные псалмы. Айвара оставили дома с детьми Судмалиса, чтоб он хоть сегодня не почувствовал себя одиноким и брошенным.

Всякий раз при встрече с ним хозяйка Кукажей злобно шипела и поджимала губы. Айвар боялся ее и старался не попадаться на глаза.

7

Мрачным и озабоченным был хозяин усадьбы Кукажи. Жена сердилась и не давала ему покоя ни утром, ни вечером.

— Как на несчастье привез их к нам. Заботься теперь о чужом ребенке, будто своих не хватает.

— Что ты все ворчишь? — возражал хозяин. — О нем позаботится волость...

— Волость, волость... — кипятилась жена. — Где ж эта волость? Видишь, никто и знать его не хочет. Если сам не позаботишься, никто тебя искать не станет. Но имей в виду: кормить не буду и ухаживать за ним не стану. Я не прислуга для чужого ребенка. Позаботься, чтобы скорее убрать его из дому.

— Дай мне подумать и посоветоваться с волостным писарем Друкисом, — сказал он. — Тот знает все законы.

На следующее утро после похорон Ольги он запряг лошадь и поехал в волостное правление. Почти час совещался Кукажа с волостным писарем Друкисом, который по всей округе славился как «подпольный» адвокат и большой мастер по составлению всяких прошений. Когда хозяин возвращался домой, настроение его было гораздо бодрее. На радостях, что неприятное дело можно будет уладить в ближайшие дни, он по дороге завернул в трактир, подкрепился и домой вернулся только поздно вечером — в таком состоянии, что в тот день не было никакого смысла разговаривать с ним о результатах поездки.

Жена сейчас же, даже не раздев, уложила его спать, сняв с него только сапоги и вынув из кармана кошелек.

— Свинья свиньей... — сердилась она. — Ты его весь

день ждешь, думаешь, что все выяснит, а он нажрался, что боров. Теперь до утра будет дрыхнуть, как мертвец.

Айвар понимал, что хозяйка его ненавидит, и поэтому боялся попадаться ей на глаза. С утра он забивался в угол за шкаф и молча, как мышонок, просиживал там целыми часами и выходил лишь тогда, когда сердобольная Судмалиене звала к столу. Разливая крупяную похлебку, сваренную на снятом молоке, она никогда не забывала маленького сироту и делила похлебку всем поровну.

— Ах ты, бедный цыпленочек, — приговаривала она, гладя заскорузлой рукой голову ребенка. — Тяжело тебе будет жить теперь. Не дай бог, чтобы моим детям выпала такая доля. Ешь, мальчик, ешь, тебе нужно много силы.

Судмалиене стирала штанишки и рубашку Айвара, а по вечерам, постелив ему постельку, сидела рядом, пока он не засыпал. Айвар в детской наивности надеялся, что теперь отец, может быть, вернется домой и будет жить вместе с ним. Тоскуя, он ждал отца с утра до вечера, но никому о своих надеждах ничего не говорил. Но шли дни, а отец так и не приходил. На сердце у Айвара становилось все грустнее, иногда охватывала такая тоска, что он, забившись в укромный уголок, тихо плакал.

Стояла поздняя осень. На дворе была непролазная грязь, а дождь все лил и лил под завывание холодного ветра. Айвар весь день сидел в избе вместе с батрацкими детьми. Когда до его слуха долетал скрип колес проезжающей повозки, Айвар бросался к окну и взволнованно глядел, не приехал ли отец.

Как-то утром в людскую избу вошли двое мужчин — один был хозяин Кукажей, другой член волостного суда. Они осмотрели оставшиеся после Ольги вещи и составили акт.

— Пока пусть все останется на месте, — сказал член суда. — Только смотрите, чтобы ничего не пропало. А то вам придется отвечать перед судом, потому что это — имущество сироты. На аукционе каждый сможет приобрести то, что ему понравится.

Дня через два рано утром в людскую избу пришел хозяин и велел одеть Айвара потеплее, а жене Судмалиса сказал, чтобы она связала в узел вещи мальчика и снесла в повозку.

Когда все было сделано, Кукажа взял Айвара за руку и вывел во двор.

Моросил дождь. Посадив Айвара в повозку, хозяин уселся рядом, накрыл колени кожаным фартуком, и лошадь тронулась. Дети Судмалиса, взобравшись на подоконник, смотрели, как увозят Айвара, и на прощанье махали ему руками. Но он был настолько смущен, что забыл ответить своим друзьям. Айвар боялся хозяина, поэтому не осмелился спросить, куда они поедут.

Через некоторое время повозка остановилась у большого двухэтажного каменного здания. Во дворе уже стояло много повозок. На головы лошадей были надеты торбы с овсом или мешки с сеном; привязанные к коновязи животные дрожали от холода. Поставив свою лошадь и накинув на нее попону, Кукажа сказал Айвару:

— А теперь слезай. Дальше не поедем.

Он помог мальчику выкарабкаться из телеги, взял его за руку и повел в дом. В обширном помещении, где толпилось много людей, их встретил тот же член волостного суда, который два дня тому назад описывал вещи покойной Ольги Лидум. Поздоровавшись с хозяином Кукажей, он увел Айвара в другой конец помещения и усадил на скамью рядом с четырьмя другими детьми. Самому старшему из них по виду можно было дать лет десять, рядом с ним сидела сестренка года на два моложе его и еще два мальчика — один лет семи, другой девяти. Притихшие и взволнованные, глядели они на чужих людей. Когда подошел Айвар, они немного потеснились, чтобы дать ему место на скамье. Справа стоял большой стол с письменными принадлежностями и деревянным молотком.

Моложавый человек в пенсне, сидевший в конце стола, что-то записывал в толстую конторскую книгу. Член волостного суда о чем-то тихо спросил писавшего. Тот так же тихо ответил. После этого член волостного суда повернулся к собравшимся.

— Господа, кто желает участвовать в аукционе, прошу сесть поближе. Мы скоро начнем. Пока еще есть время, прошу осмотреть детей. Если будут какие-нибудь вопросы, господин писарь даст необходимые пояснения.

Люди зашевелились. То были местные крестьяне — главным образом кулаки, явился также кое-кто из середняков, которым требовались даровые пастухи. Некоторые

приехали с женами. Один за другим они подходили к скамье, на которой сидели дети, и бесцеремонно осматривали их. Какой-то хозяин велел старшему мальчику подняться и повернуться к нему спиной, а на его сестренку он бросил лишь мимолетный взгляд. Какая-то кулацкая супружеская чета долго обследовала одного из мальчиков, наконец жена велела ему раскрыть рот и показать зубы.

— Кажется, здоров, — пробормотала она, видимо довольная результатами обследования. — А вшей нет?

Паренек отрицательно покачал головой и смущенно опустил глаза.

Айваром пока никто не интересовался. Промокнув в дороге, он сидел, сжавшись в комок, и весь дрожал, исподлобья наблюдая за чужими людьми.

Вскоре начался сиротский аукцион. Член волостного суда велел брату и сестре встать, чтобы их лучше могли разглядеть и, назвав имена, сказал, сколько кому лет.

— Дюжий парень, он скоро сможет ходить за плугом, а лучшего пастуха желать нечего. Сестра его тоже девочка сильная — полных восемь лет. Может пригодиться в подпаски и на легкие работы по дому. Желательно, чтоб оба попали в одну семью. Есть ли желающие? Наивысшая сумма, которую волость может платить их воспитателям, — тридцать латов в месяц за обоих. Кто желает взять за меньшую сумму?

— Двадцать пять латов! — раздался голос в зале.

— Двадцать пять латов — первый раз! — выкрикнул аукционер, член суда.

— Двадцать латов!

— Восемнадцать!

— Пятнадцать!

— Пятнадцать латов — раз! — снова выкрикнул член суда. — Пятнадцать латов — два! Кто меньше! Такого крепыша можно взять даром и еще приплатить.

— Двенадцать латов и ни сантима меньше!

— Десять латов!

За десять латов брата и сестру приобрел какой-то крупный кулак, владелец самого большого стада в волости, которому нужны были пастух и подпасок.

Девятилетний мальчик довольно быстро перешел за десять латов в месяц к той супружеской паре, которая при первом осмотре велела ему показать зубы. Какой-то хо-

зяин за двенадцать латов взял себе семилетнего мальчугана. После этого часть людей ушла.

Дети, подобно пойманным зверькам, смотрели на чужих людей, во власть которых теперь их отдали. Старшие старались прочесть на лицах чужих, добрые ли они люди, друзья или враги? Во взгляде младших были откровенный страх и глубокое неудержимое отчаяние. Они жались друг к другу, а маленькая девочка судорожно сжала пальчиками руку брата и не отступала от него ни на шаг.

Подошла очередь Айвара. Он ничего не понимал в этой мрачной игре, у него не было даже туманного представления о смысле происходящего. Когда член волостного суда велел ему встать, он медленно поднялся со скамьи и, как бы ища спасения, с отчаянием оглянулся кругом.

— Айвар Лидум... — начал член суда. — Семилетний. Мать умерла, отца... нет. Высшая доплата — пятнадцать латов в месяц. Кто меньше?

Некоторое время в помещении царила тишина. Мальчик был слишком мал, и в хозяйстве от него не предвиделось никакой пользы. Пройдет не меньше года, прежде чем его можно будет использовать, — это казалось слишком долгим сроком для собравшихся здесь людей, которых занимало только одно — выгодная сделка.

— Ну, если желающих нет, за пятнадцать латов в месяц я готов его забрать! — произнес наконец какой-то бородач. Его лицо было красно, а язык слегка заплетался. На ногах он держался нетвердо. — Пятнадцать латов и ни сантима меньше. Иначе не стоит.

— Пятнадцать латов — раз! — объявил член суда и, словно нехотя, продолжил: — Пятнадцать латов — два! — Затем внезапно, точно испугавшись, как бы охмелевший крестьянин не передумал и не отказался от своего предложения, спешно выкрикнул: — Пятнадцать латов — три! — и громко ударил деревянным молотком по столу.

На этом детские торги закончились.

— Господин Коцинь, подойдите расписаться! — Друкис жестом подозвал бородача. Тот шатаясь подошел к столу и трясущимися пальцами нацарапал свое имя.

— Ну, теперь все? — спросил он.

— Пока все, — ответил писарь. — Удостоверение получите через несколько дней, вместе с первым платежом.

— Быть по сему! — Коцинь ударил кулаком по столу

с такой силой, что подскочил письменный прибор. Член волостного суда неодобрительно покосился в его сторону, но ничего не сказал — с пьяным связываться не стоит. — Значит, я этого молодчика могу сразу забирать домой?

— Да, можете... — сказал писарь.

Крестьянин подошел к Айвару, поглядел на него с минуту, потом громко рассмеялся и, положив свою тяжелую руку на плечо мальчика, слегка встряхнул его.

— Небось испугался. Ну, соберись с духом и подыми повыше нос. Мне неженки не нравятся.

Подталкивая идущего впереди Айвара, он вышел из помещения, держа в руке узелок с одеждой ребенка. Немного погодя они уже сидели в телеге и ехали по грязной дороге. Лошаденка была малорослая, худая и еле вытягивала телегу из попадавшихся на дороге рытвин. Коцинь нещадно колотил ее кнутовищем и осыпал бранью.

И снова, как утром, когда Кукажа вез его к дому волостного правления, Айвар не осмелился спросить у этого чужого, от которого за версту разило водкой, куда они едут. А бородач только икал да иногда, ухмыляясь, поглядывал на своего маленького спутника. Раз он спросил:

— А что, мать тебя порола?

Айвар вздрогнул, полными страха глазами посмотрел на Коциня и отодвинулся от него. Нс тот только посмеялся и вытер рукой нос.

— Значит, ты все-таки не знаешь, что такое розги. Ничего, парень, скоро познакомишься. У нас в Коцинях порядки строгие — слушаться надо с первого слова. Если что-нибудь не так, тотчас же порка. У моей старухи удивительно легкая рука на это дело. Да что я тебе рассказываю, сам скоро увидишь.

Всю дорогу не переставал лить дождь, и ветер бросал в лицо путникам холодную изморось, Айвар начал мерзнуть.

8

У Коциня была большая семья и старая, запущенная усадьба, арендованная его отцом у барона и перешедшая после мировой войны в собственность молодого Коциня. Вся земельная площадь не превышала пятидесяти пурвиет. Коцинь с женой, пока были молоды, бились изо всех сил, чтобы поднять доходы своего хозяйства, но из этого ничего не получилось: слишком уж скудная была земля —

валуны, камни, кустарник. С каждым годом Коцини все больше залезали в долги и часто не знали, как свести концы с концами. Убедившись, что этот рабский труд не поможет выбиться из горькой нужды, Коцинь махнул на все рукой и запил с горя.

Хозяйские дети — их было с полдюжины — ходили грязными и неопрятными; мальчикам по полгода не стригли волос, их головы были полны насекомых. С утра до вечера в Коцинях раздавались брань, сердитые окрики и плач детей.

В ненастный ветреный вечер привез хозяин к себе Айвара.

— Ну, старуха, иди встречай приемного сына! — закричал он, остановив телегу у самого порога избы. Двери были раскрыты настежь и походили на огромную дыру, ведущую в темную дымную пещеру, которую здесь называли кухней. Эту дыру тотчас же заполнили косматые головы детей. Ребята толкали друг друга, стараясь протискаться вперед. Старшие наделяли младших тумаками, а те отвечали такими словцами, которые не принято печатать в книгах. Наконец, откуда-то из кухонной тьмы вынырнула высокая исхудавшая Коциниене, с закопченным лицом и в облепленных грязью мужских сапогах. Как ледокол, она рассекла толпу детей и протиснулась вперед, напоминая собой растрепанную наседку, которая, завидя тень ястреба, собирает под крылья своих детенышей. Она долго и пристально разглядывала чужого мальчишку, дрожавшего на телеге — не то от холода, не то от страха. Лицо Айвара было мокрое и синее; съежившись в клубок, он казался меньше и тщедушнее, чем в действительности.

— Куда нам такого заморыша! — заговорила хозяйка суровым голосом. — Разве там поздоровее детей не было?

— Он совсем не такой заморыш, — пробасил в ответ Коцинь и с оханьем стал слезать с телеги. Его сапоги по щиколотку погрузились в липкую грязь. — Ну, молодчик, слезай. Иди в избу, согрейся и покажись другим.

Он снял мальчугана с телеги и опустил на землю у самого порога, затем подал знак своему старшему, тринадцатилетнему сыну Мике:

— Поди распряги лошадь.

Недовольный Мика пробормотал что-то себе под нос, но мешкать не стал. Босыми ногами он полез в грязь и взялся за вожжи.

— Ну, трогай, дохлятина!

Минутой позже Айвар оказался в узкой полутемной комнате с таким низким потолком, что взрослым приходилось наклонять головы. Разбитое стекло в углу маленького оконца было заткнуто тряпкой, и с подоконника на некрашеный грязный пол стекала вода. В помещении пахло плесенью и дымом. В одном углу была печь с широкой лежанкой, по которой бегало множество прусаков. У стены — старая кровать с высокими бортами, походившая на ящик. На ней тут же устроился вошедший в комнату отец хозяина старый Коцинь, высокий плечистый старик с длинной седой бородой и огромными костлявыми руками. У наружной стены стоял широкий топчан, на котором лежала солома и разбросанные в беспорядке одеяла, простыни из мешковины и несколько подушек в липких, грязных наволочках.

Хозяйка сняла с Айвара пальтишко. Ее взгляд оценивающе скользнул по одежде мальчугана. Потом она развязала узелок с его вещами и все просмотрела на свет.

— И все это к нему в придачу? — спросила она мужа.

— Все до нитки и еще пятнадцать латов в месяц, — поспешил пояснить Коцинь. — На меньшее я не согласился. Зимой эти пятнадцать латов послужат нам хорошим подспорьем.

— Подспорьем... — мрачно повторила жена и засмеялась сердито, без улыбки. — Сам пропьешь. Моим глазам этих латов не видать.

— Чего преувеличиваешь... — пробормотал Коцинь. — Если желаешь, можешь сама ходить в волостное правление за этой доплатой.

— А ты думал, что я тебя пущу! — решительно заявила Коциниене. — Тогда лучше вези мальчишку сразу обратно. Пусть волость девает его, куда хочет.

Она подозвала младших детей — восьмилетнего Карлушку и шестилетнюю Мирдзу — и начала примерять им одежду Айвара.

— Все как будто сшито на Мирдзу, — решила она, — Карлушке тесновато, но можно распустить шов, а внизу что-нибудь притачать.

Всю одежду и обувь Айвара тотчас же распределили между хозяйскими детьми, а вместо нее мальчик получил старые отрепья, которые ему были длинны и широки.

— Обойдется, — сказала хозяйка. — Не барчук, на

бал не ходить. Если наши дети обходились, этот тоже не умрет.

— Правильно, старуха, — поддакнул Коцинь. — Никто не может требовать, чтобы мы за пятнадцать латов в месяц наряжали его, как барчука.

Обедала хозяйская чета вместе со старым Коцинем в другой комнате, после этого к столу допускались дети. Айвар почти ни к чему не прикоснулся, он был слишком подавлен новыми впечатлениями, чтобы думать о еде.

Вечером его вместе с другими детьми уложили спать на широкий топчан, но он долго не мог заснуть. Мальчики баловались, брыкались и дразнили девочек, пока не вывели из себя старого Коциня. Он встал, схватил вожжи и начал стегать по спинам шалунов.

— Вы перестанете? Грызутся, как собаки! Вот спущу со всех шкуру!

После этого наступила тишина. Дети один за другим уснули. Не спали только Айвар да старый Коцинь, у которого ломило кости. Мальчуган прислушивался, как старик со стоном поворачивался с боку на бок и по временам раскачивал больную ногу. Таинственная темнота незнакомой комнаты казалась Айвару угрожающей. Порывы дождя ударяли в стекла оконца, а с потолка на спящих падали прусаки и кусали так больно, что дети во сне вздрагивали и стонали.

«Может, теперь скоро приедет отец? — думал Айвар. — И тогда он заберет меня отсюда». Ему хотелось, чтобы отец скорее явился сюда, — тогда будет к кому приласкаться, рассказать обо всем, что он видел и слышал за это время. Тогда не надо будет бояться чужих людей, — что они могут сделать ему, если отец будет с ним? Он думал об этом большом счастливом событии, и его сердечко, ободренное надеждами, начинало усиленно биться. Но стоило рядом лежащим застонать во сне или коснуться локтем Айвара, как он возвращался к действительности. Все надежды рушились, были только темень, страх и много чужих людей, которые его не любили. Свернувшись калачиком и спрятав голову под тонкое грязное одеяло, он долго плакал, содрогаясь всем телом от сдерживаемых рыданий. Никто не слышал его плача, никто не пришел утешить...

...В жизни Айвара настал самый мрачный период. Суровое время — без радости, без дружбы, без ласки. За

стол его, правда, сажали вместе с хозяйскими детьми, но Кошиниене между завтраком и обедом старалась подсунуть своим то кусочек хлеба с творогом, то кружку простокваши. Айвару же приходилось дожидаться обеда или ужина, поэтому он всегда чувствовал голод. В этом, впрочем, он не был одинок: пастуший песик Дуксис жил тоже впроголодь, довольствуясь только тем, что выскребал из помойки и что удавалось украсть у свиней. Когда хозяйка ставила в углу кухни котел с мелкой картошкой и рубленой кормовой свеклой, Дуксис подбирался к котлу и пожирал горячие овощи. Если его заставали за этим делом, порка была обеспечена.

Дети Коциня любили дразнить и пугать Айвара.

— Мой папа купил тебя за деньги, — объявлял Карлушка. — Он может с тобой делать все, что захочет, как с Дуксисом или старой лошадью, которых он тоже купил. Моя мама может тебя пороть каждый день, сажать в темную каморку и продать цыганам.

Детские забавы в этой усадьбе были грубы и жестоки. Старшие дети старались одурачить младших, причинить им боль и всячески их унизить. Одетый, как огородное пугало, Айвар служил посмешищем для всего семейства. Часто случалось, что другие дети что-нибудь натворят: разобьют посуду, опрокинут ведро с болтушкой для свиней, выбьют стекло в окне, — а вину взвалят на Айвара, и порку получал он. Хозяйка действительно была скора на это дело, но справедливости ради надо сказать, что и ее собственным детям зачастую приходилось не слаще, чем Айвару.

Хозяин большую часть времени проводил вне дома, и видеть его трезвым можно было очень редко. Пособие, получаемое на содержание Айвара, Коцинь исправно пропивал, хотя в день выдачи жена всегда ездила в волостное правление сама.

Айвара сразу впрягли в работу: его заставляли носить на кухню хворост, рубить картофель, свеклу, крутить точило, когда старый Коцинь правил топор. Мальчик изо всех сил старался быть полезным и честно зарабатывал скудный кусок хлеба, который уделяли ему в этом чужом доме, но угодить кому-нибудь ему удавалось редко. В глазах этих людей он оставался чужаком, еще никчемнее и бесправнее, чем все они. Единственным другом его стал

Дуксис. Пес понимал его без слов и никогда не пытался обмануть или обидеть. Мальчуган отдавал ему часть своего хлеба, часто оставлял в миске немного похлебки, и Дуксис привязался к нему так, как ни к кому другому.

Образы отца и матери все еще ясно сохранялись в памяти Айвара, он часто думал о них, но при воспоминаниях тоска больно сжимала сердце.

9

В Коцинях Айвар прожил всего лишь несколько месяцев. В начале декабря хозяйку разбил паралич, и она больше не вставала с постели. Участковый врач заявил Коциню, что нечего надеяться на выздоровление жены — в подобных случаях медицина бессильна.

Пролежав несколько недель и убедившись в безнадежности своего состояния, Коциниене однажды заговорила с мужем:

— Для тебя лучше, если б я скорее умерла. Тогда б ты мог привести в дом новую жену, которая помогла бы тебе вырастить наших детей. Трудненько, правда, будет тебе найти такую, которая согласилась бы выйти за вдовца с полдюжиной ребят. Другого выхода, верно, нет, как найти пожилую работницу.

— Пятнадцать латов в месяц, которые мы получаем за воспитание Айвара, как раз хватит, чтобы оплачивать работницу, — сказал Коцинь.

— От этих денег придется отказаться, — продолжала Коциниене. — Если нельзя как следует управиться с уходом за своим ребенком и он на глазах хиреет, то это еще можно перенести, и людям тут сказать нечего. Такова судьба, ничего не поделаешь... Но как мы объясним людям, волости, сиротскому суду, если погибнет чужой ребенок? Никак. Все скажут, что мы виноваты, мы довели его до этого. Поэтому, не откладывая, сходи в волостное правление к Друкису, расскажи о нашем теперешнем положении, и пусть забирают мальчишку... чем скорее, тем лучше.

Коцинь пытался было возразить, что зимой пятнадцать латов в месяц будут большим подспорьем, но жена настояла на своем, и ему ничего не оставалось, как отправиться к Друкису.

Сообщив о тяжелой болезни жены, он сказал писарю:
— Забирайте его от нас. Своих детей больше чем нужно. В таком положении, как сейчас, мы не можем воспитывать чужих детей. Конечно, жалко, что приходится расставаться с этим мальчуганом... после того как успели полюбить словно своего. Прямо-таки за сердце хватает, когда подумаешь, как-то он теперь будеть жить у чужих! Такую любовь и заботу он найдет не в каждом доме.

И он до тех пор тер глаза, пока они не покраснели: доверчивый человек мог бы и впрямь подумать, что он расплакался от избытка чувств.

Удивительно, что Друкис, узнав, по какому делу явился Коцинь, явно чему-то обрадовался.

— Ладно, господин Коцинь, если уж ваша жизнь так сложилась, то мы попытаемся снять эту ношу с ваших плеч. Пусть мальчуган побудет у вас еще недельку — пособие вам выплачено за весь месяц, — но я думаю, что до конца года вам его держать не придется. У меня есть кое-какие планы. Как только все будет устроено, я дам вам знать, и вы сможете привезти мальчугана ко мне.

Не прошло и недели, как Коцинь получил от Друкиса письмо с просьбой привезти Айвара в волостное правление. Перед отъездом мальчугана основательно помыли в бане, и сам хозяин ножницами для стрижки овец постриг ему волосы. Благодаря этим стараниям Коциня Айвара снова можно было показать людям.

* * *

За полгода до этих событий в дальней Турвайской волости, что была расположена у Змеиного болота, бездетная супружеская чета — Рейнис Тауринь и его жена Эрна — после долгого раздумья пришли к выводу, что их богатой усадьбе Урги нужен наследник. Тауриню в ту пору исполнилось тридцать пять лет, а жене тридцать восемь. Уже восьмой год жили они, как говорят, в законном браке, а детей все еще не было. Доходы усадьбы умножались с каждым днем, близкие и дальние родичи взвешивали свои шансы на богатое наследство, и много было таких, которые желали скорейшей смерти Рейнису Тауриню. Эрна, убедившись, что у нее нет надежды подарить мужу сына, с тревогой, не лишенной оснований, начала

замечать недовольство хозяина. Все чаще задумывалась она над тем, что Тауринь может возбудить дело о разводе, причина была достаточно веской, суд признает просьбу Тауриня обоснованной и расторгнет брак.

Не дожидаясь, пока дело примет такой оборот, умная женщина начала действовать. Выбрав удобный случай, когда Тауринь не был занят хозяйственными заботами, Эрна вызвала его на откровенную беседу о самом больном в их жизни.

— Годы проходят, скоро мы станем пожилыми, а детей у нас нет... — начала она. Хмурый взгляд, которым Тауринь посмотрел на нее, свидетельствовал, что она попала в самое чувствительное место. — Если человек не знает, кто после его смерти будет продолжать начатое им дело, пропадает цель жизни и нет никакой радости что-нибудь строить, предпринимать. Мы оба скоро можем очутиться в таком положении, но, я думаю, с этим нельзя мириться.

— Что же ты советуешь делать? — спросил Тауринь.

— Надо взять на воспитание какого-нибудь мальчика, — предложила Эрна. — Взять малышом и воспитать по-своему. Может быть, среди твоей родни есть подходящий ребенок? Подумай, ты их лучше знаешь.

— Не знаю, — ответил Тауринь. — Разве у меня было время интересоваться ими? Но твоя идея неплоха.

— Не правда ли? — обрадовалась жена. — Чересчур маленького брать невыгодно. Неизвестно, какое у него здоровье и как он будет выглядеть, когда подрастет. Лучше всего взять лет пяти-восьми — из такого еще можно вылепить все, что хочешь, и не надо возиться с пеленками. Главное, чтобы он был здоров, неглуп и приятной наружности.

— Идиота или калеку я воспитывать не собираюсь, — согласился Тауринь. — Если уж брать себе в дом чужого ребенка, то он должен быть первосортным. Иначе не стоит. Мы можем предъявить самые высокие требования.

— И я так думаю, — согласилась Эрна. — Тогда начнем искать.

Они перебрали семьи всех своих родственников, где имелись дети, но ничего подходящего не нашли. У некоторых родичей дети уже посещали школу, у других еще кричали в люльке. Иной, подходящий по возрасту, оказывался таким заморышем, что не хотелось даже смотреть

на него, а тех двух или трех, которые отвечали требованиям Тауриня, родители не соглашались отдавать.

— С родственниками возиться не стоит, — сказал наконец Тауринь. — Этим мы только ограничиваем выбор. Кроме того, если возьмем родича, то полностью, как своего, его воспитать не удастся. Настоящие родители постоянно будут лезть, интересоваться и стараться использовать нас — всегда придется им кое-что подбрасывать. Другое дело, если нет ни отца, ни матери. Такого мы можем воспитывать, как нам нравится, и никто не будет беспокоить нас. Сначала его можно и не усыновлять, а испытать годик-другой...

— Я подумала об этом с самого начала,— призналась Эрна. — На самом деле, зачем сразу усыновлять? Лучше приглядеться, ознакомиться с его характером и способностями, и если все будет как надо, тогда только дать ему свои имя и принять в свою семью.

— Именно так мы и сделаем, — сказал Тауринь, — и риска будет меньше.

Теперь у них был действительно широкий выбор, но с каждым днем они становились все разборчивее. Полгода супружеская чета Тауриней объезжала детские приюты, они осмотрели сотни детей, но никак не могли найти такого ребенка, который понравился бы им обоим с первого взгляда. Некоторые не подходили по росту, у иного наружность не отвечала представлениям Эрны о мужской красоте. Случалось и так, что мальчик нравился Эрне, а мужу нет. Тогда Эрна уступала и соглашалась на дальнейшие поиски.

— Он должен обладать хорошим экстерьером, — сказал Тауринь, а он-то кое-что понимал в породах. Даже лошадь или охотничью собаку он отказывался покупать, если замечал малейший недостаток в признаках породы, а сейчас дело шло о человеке, возможно о приемном сыне, которому придется унаследовать уважаемое имя Тауриней и богатую усадьбу Урги, — поэтому надо было проявить удвоенное внимание, чтобы не всучили брака.

В газетах супруги читали объявления: матери, очутившиеся в безвыходном положении, предлагали своих детей.

«Здорового белокурого трехлетнего мальчика отдаю на усыновление в материально обеспеченную семью...»

«Годовалую девочку с голубыми глазами со-

гласна отдать бездетной паре, желательно в зажиточную семью».

«Шестилетний мальчик, шатен, ищет себе приемных родителей».

Таурини на некоторые объявления отзывались, и кто-нибудь из них, а то и оба, ездили осматривать ребенка, но все их поиски пока оставались тщетными. Цепь неудач уже начинала волновать Эрну. Она видела плохо скрытое недовольство мужа, и вновь в ней пробудилось прежнее опасение. Она решила впредь не навязывать мужу своего вкуса и позволить ему выбрать приемного сына по своему усмотрению. Домой будет привезен первый мальчик, понравившийся Тауриню,— даже в том случае, если ей в нем ничего не понравится. В конце концов важно, чтобы появился ребенок и положение Эрны укрепилось.

«Хватит привередничать, — решила Эрна. — Если бы у меня самой родился ребенок, пришлось бы довольствоваться таким, какой он есть. Из-за наших чрезмерных требований можно остаться с пустыми руками».

В середине декабря, на лесных торгах, Тауринь встретился с писарем соседней волости Друкисом. Зная, что Тауринь давно ищет приемного сына, Друкис посоветовал приехать к нему.

— У нас есть один мальчик, он вполне подойдет вам. Круглый сирота — мать умерла, отец пропал без вести, других родственников нет. Ни один человек не сможет предъявить претензий. Волостное правление вправе отказать в выдаче каких бы то ни было справок бывшим родственникам такого ребенка. Если желаете, я могу сделать так, чтобы ни один человек не смог потом узнать, куда он девался.

Так действовать Друкиса побуждало не столько желание помочь Тауриню, сколько практическое соображение: если Тауринь усыновит мальчугана, волости не придется в дальнейшем расходовать ни одного сантима на его содержание. Поэтому он сознательно умолчал о том, что отец мальчика жив и находится в тюрьме.

Они договорились, что Тауринь с женой через несколько дней приедут в волостное правление.

Когда Тауринь с Эрной приехали в правление волости, там не было ни одного лишнего человека — только писарь Друкис, член волостного суда и маленький Айвар.

Эрна начала ласково разговаривать с мальчиком и вдохнула в него ту крупинку доверия, какая была необходима, чтобы хоть немного оттаяла душа ребенка и он мог бы ответить на ее вопросы.

Осмотрев мальчугана и немного поговорив с ним, супруги переглянулись и, отойдя в сторону, посовещались.

— Не знаю, как тебе, а мне кажется, что можно будет остановиться на этом, — сказал Тауринь.

— Мне тоже так кажется, — призналась жена.

За четверть часа они покончили с формальной стороной дела: с этого дня Айвара отдавали на воспитание Тауриням. Тауринь отказался от волостной приплаты, а Друкис обещал за это ни одному человеку не выдавать справок о мальчике.

— Не верю, чтобы кто-нибудь вздумал искать его, — сказал Друкис, передавая Тауриню справку о только что совершенной сделке и метрику Айвара. — А если кто-нибудь полюбопытствует, я скажу, что мальчик уже усыновлен и по закону я не имею права ничего разглашать. Положитесь на меня, господин Тауринь.

— Иначе я не согласился бы, — напомнил Тауринь. — Если кто-нибудь начнет меня беспокоить по этому делу, я немедленно привезу обратно мальчика. Тогда делайте с ним, что хотите.

— Будьте покойны, господин Тауринь, — еще раз заверил Друкис. — Вас никто тревожить не станет.

Тауринь внимательно прочел справку и метрику мальчика, потом аккуратно сложил их и спрятал в бумажник.

И снова Айвар сидел в чужой повозке, и два человека, которых он сегодня увидел впервые, увозили его куда-то далеко и, может быть, на долгие годы.

10

В усадьбе Урги, самой крупной в Пурвайской волости, было двести семьдесят пурвиет земли. Поля и луга Тауриня были на возвышенности, и их не заливали воды Змеиного болота. Почти всю землю обрабатывали машинами: валуны были удалены, старые пни выкорчеваны, и кустарник вырублен. У Тауриня была собственная молотилка, а прошлой осенью он первым в уезде приобрел

небольшой трактор. Вместе с усадьбой он унаследовал от отца и водяную мельницу в нижнем течении реки Раудупе.

В то время как земли окрестных крестьян постепенно заболачивались, скудно вознаграждая тяжелый труд землепашца, Тауринь из года в год снимал хороший урожай и его состояние умножалось. Хозяйский жилой дом стоял на краю большого фруктового сада и напоминал настоящий господский дом: двухэтажный, окрашенный в белый цвет, с красной шиферной крышей, большими окнами, крытой верандой внизу и балконом наверху. Для батраков и батрачек был построен особый «людской дом». Над новым коровником возвышался ветряной двигатель, который качал воду, обеспечивал электричеством хозяйство и одним своим видом издали оповещал всю округу о богатстве хозяина Урги. Если других хозяев Пурвайской волости именовали просто Мелдером, Кикрейзисом или Стабулниеком, то владельца усадьбы Урги даже за глаза величали господином Тауринем. Как не быть господином этому образованному человеку, у которого было пять рабочих лошадей, двадцать дойных коров, полный сарай сельскохозяйственных машин, три постоянных батрака и четыре батрачки? На лето он нанимал еще нескольких сезонных работников и пастуха.

На его полях работали батраки и батрачки, а сам Тауринь только похаживал да распоряжался. Если ему что-нибудь не нравилось в их работе, он не бранился, как другие кулаки, не орал и не топал ногами, а спокойно говорил лишь несколько слов, но этих слов работники боялись больше самых грубейших ругательств. Редкий работник или работница выражали желание остаться в Ургах дольше Юрьева дня. Работники и беднейшие соседи прозвали Тауриня кровопийцей и живодером, — наверно, эти прозвища были даны не без основания.

Хозяйка, Эрна Тауринь, происходила из зажиточной семьи, ее отцу принадлежал большой магазин возле шоссе, и именно тесть надоумил зятя взяться за торговлю лесом. Окружающие не могли понять, почему эта женщина, у которой всего было вдоволь, такая бледная и тощая, будто она голодала.

— Иная жена батрака, перебиваясь с хлеба на воду, ходит с румяными щеками, а этой не помогает ни пареное, ни жареное — глиста глистой, — говорили про нее

люди, — наверно, из породы ненасытных. Только и есть, что богатая одежда да острый горделивый нос.

Лишь один человек жил в Ургах вот уже пятнадцатый год и не собирался никуда уходить. Это был старый Лангстынь — садовник и пасечник, небольшого роста старичок с пышной седой бородой до пояса. Хороший мастер своего дела, он знал себе цену и не привык гнуть спину перед хозяином. Придя в усадьбу еще при старом Таурине, Лангстынь вырастил такой фруктовый сад и завел такую пасеку, что они являлись не только украшением усадьбы, но и приносили владельцу изрядный доход. По этой причине молодой Тауринь, став хозяином в Ургах, не вмешивался в дела Лангстыня, а предоставлял ему действовать по своему усмотрению. Он даже побаивался этого старика: уж очень тот был остер на язык, и не раз говорил ему в глаза такие вещи, которые он не привык выслушивать ни от кого, — о ненасытности хозяев, о выжимании пота, о том, что большинство здешних столпов являются только попрыгунчиками и последними пустомелями. В подобных случаях Тауринь старался поскорее убраться, чтобы не вступать в спор со старым садовником.

Вот в такую усадьбу и к таким людям привезли поздним зимним вечером Айвара. Утомленный дальней дорогой, он захотел спать, как только очутился в тепле. Его повели в кухню. Там было много полок с начищенной до блеска металлической посудой. На белой изразцовой плите в золотистом медном котле варилось что-то удивительно вкусное; от этого запаха Айвар сразу почувствовал голод.

Эрна Тауринь сказала молодой толстушке-прислуге, готовившей ужин:

— Вот тебе еще один жилец, Ирма. Дай ему поесть, а потом приготовь постель в маленькой каморке. Нам с хозяином ужин подай в большую комнату.

— Сейчас, сударыня? — спросила Ирма.

— Не в полночь же! — резко сказала хозяйка и вышла из кухни.

— Тебе придется немножко подождать, пока подам ужин хозяевам, — заговорила с Айваром Ирма. — Сними пальтишко и погрейся у плиты. Пока закуси вот этим...

Она отломила кусок ватрушки и, положив на стол перед Айваром, стала вынимать из духовки всякую еду: оладьи, жареное мясо, соус, яичницу. Поставив все это

на поднос, она понесла ужин в большую комнату. Вернувшись в кухню, Ирма увидела, что Айвар уже съел ватрушку и не знает, куда девать свое старое пальто.

— Давай сюда... — весело сказала девушка. Взяв пальтишко Айвара, она вынесла его в переднюю и повесила на крюк, подальше от одежды Тауриней. В маленькой каморке рядом с кухней она приготовила постель Айвару, в соседней такой же каморке находилась кровать и платяной шкаф Ирмы.

В ожидании, когда поедят хозяева и остатки еды достанутся ей с Айваром, Ирма стала расспрашивать мальчугана: как его зовут, откуда он, где родители и как он попал в Урги? Осмелев от ласкового обращения девушки, Айвар рассказал ей о себе все, что знал.

— Значит, все равно что сирота... — заключила Ирма. — У меня тоже нет родителей, только я потеряла их несколько позднее. Ну, ничего, Айвар, — здесь ты одиноким не будешь. В Ургах есть ребята, такие же, как ты. Друзей у тебя хватит.

Хозяева наконец поужинали, и Ирма могла убрать со стола.

— Вначале не давай этому мальчишке есть слишком много, — поучала Эрна Тауринь. — А то еще заболеет.

Оставшись одна с мужем, она сказала:

— Я думаю, что пока Ирма одна справится с Айваром. Пусть она на первых порах его одевает и кормит — не такой уж он младенец. Я совсем не знаю, как с такими детьми обходиться. Ирма до нас служила в нянях.

— Понятно, Эрна... — согласился Тауринь. — Если мы его приняли на воспитание, это еще не значит, что мы должны стать его слугами. Пусть с малолетства учится себя обслуживать. Баловать не в моем духе.

— Я тоже не признаю этого, — добавила Эрна. — Баловством только испортишь ребенка.

Невзирая на запрет хозяйки, Ирма сразу же разрешила Айвару есть сколько захочется, а потом уложила спать, заботливо укрыла и оставила дверь на кухню полуоткрытой. Айвар моментально уснул.

Ночью он проснулся и вначале не мог понять, где он. Рядом не храпели мальчишки Коциня, прусаки тоже не кусались, а кроватка была мягкая и теплая. Он вспомнил поездку в удобной рессорной бричке по окаменевшей на морозе дороге и двух чужих людей, которые привезли его

сюда. Тогда он успокоился и, немного повертевшись в кроватке, снова заснул и уже не просыпался до утра.

В первый день Айвару выходить из дома не разрешили; в тот день Тауринь уехал в город, и Эрна посоветовала купить кое-какую одежду и обувь для Айвара.

— Хотя и не свой ребенок, но таким оборванцем его нельзя показывать людям. Ничего особенного не надо, лишь бы был чистым и здоровым.

Как зверька, которого хотят приучить к новому месту, Айвара в тот день особенно не тревожили. Справившись, как он спал, хозяйка оставила его на попечение Ирмы. Та помогла ему одеться и показала, где и как умыться, затем накормила, ласково поговорила с ним и разрешила осмотреть и потрогать каждую вещь на кухне, поясняя, для чего они служат. Когда Эрна ушла на прогулку, Ирма показала Айвару все жилые комнаты в доме. Там было много прекрасных вещей: столы и шкафы с такими гладкими стенками, что в них можно было смотреться, как в зеркало, а на стенах висели картины и большие часы. В одной из комнат все стены были увешаны рогами оленей и скрещенными ружьями, а в углу стояли чучела птиц.

— Теперь ты видишь, Айвар, как живут господа... — сказала Ирма, когда они вернулись на кухню. — В наших каморках таких вещей нет, а если бы ты пошел в людской дом, то увидел бы заплесневелые клетушки.

— А кто там живет? — спросил Айвар.

— Батраки и работники, те, кто зарабатывает хозяину все это добро, — пояснила Ирма. — У них никогда не будет ни одной хорошей вещи и красивой одежды. Твои родители тоже из батраков, — разве у вас было что-нибудь хорошее?

Айвар представил себе старую батрацкую избушку в Лаверах, он еще помнил каждую вещь в кухоньке и в комнате, — действительно, все там было старым и обтрепанным... но там была мать, маленькая, всегда серьезная женщина, которая одевала и кормила его, и отец... большой, сильный и всегда ласковый. Однажды ночью его увезли чужие люди.

Грусть снова охватила сердце Айвара. Он сжал губы, стараясь не расплакаться, но удержать слезы ему не удалось.

— Почему ты плачешь, Айвар? — спросила Ирма. — С тобой что-нибудь случилось?

— Папа... — ответил он, тяжело и порывисто дыша. — Мне хочется к нему... домой...

— Теперь нельзя, мальчик, — успокаивала его Ирма. — Когда-нибудь он придет. Ты его жди и не забывай.

Девушка взяла полотенце и вытерла слезы мальчику, потом сказала:

— Не плачь, Айвар. Хозяйка рассердится, если увидит. Ей не нравится, когда плачут. Лучше погляди в окно, как играют другие дети.

На другой стороне двора, у людского дома, бегали и кричали несколько мальчиков и девочек. Один был ровесник Айвару, остальные поменьше. Айвар долго наблюдал за игрой детей и постепенно забыл о своем недавнем горе.

— А ты читать и писать умеешь? — спросила Ирма. — Будущей осенью ты пойдешь в школу.

— Папа научил, — ответил Айвар. — В Коцинях у Мики были учебники. Иногда и мне разрешали почитать. Там были интересные сказки про зверей и птиц. Писать умею чуть-чуть.

— Ничего, Айвар, до весны я тебя научу, — обещала Ирма. — Скоро я тебе принесу красивую книгу с картинками. Тогда ты сможешь читать.

Ласковое, задушевное отношение Ирмы быстро расположило к ней мальчика, и с первых же дней он доверчиво привязался к девушке. Хозяин с хозяйкой ему тоже ничего плохого не делали, но они никогда не говорили с ним так ласково и задушевно, как Ирма, поэтому он немного побаивался их и не умел разговаривать с ними так свободно и смело, как с Ирмой.

Вечером из города вернулся Тауринь и привез Айвару простой полушерстяной костюмчик с короткими штанишками, ватное пальтецо и две пары обуви — резиновые тапочки и резиновые сапожки. На следующее утро его одели в новую одежду, и Эрна позволила ему погулять.

Робко ходил Айвар вокруг дома, не осмеливаясь подойти к детям, которые катались на льду утиного пруда, хотя ему и очень хотелось поскользить по льду. Таким расстроенным увидел его старый Лангстынь, который направлялся в сад закутывать тряпками молодые деревца. Вначале Айвар испугался бородатого старика,

но когда тот состроил смешную гримасу и дружески улыбнулся, страх пропал.

— Как тебе нравится у нас? — спросил Лангстынь.

— Не знаю, дядя... — застенчиво ответил Айвар.

— Яблочки любишь?

Айвар утвердительно кивнул головой и потупил глаза.

— Тогда приходи попозже ко мне в мастерскую, вон туда, в конце конюшни. Я тебя угощу такими сладкими яблоками, каких ты еще не едал. А почему ты не играешь с ребятами?

— А может быть, им не хочется со мной играть.

— Ну, что за ерунда! — засмеялся Лангстынь, — почему же им не играть с тобой? — Он повернулся в сторону пруда и крикнул: — Инга! Поди сюда!

И сейчас же светловолосый мальчуган подбежал к Лангстыню.

— Зачем звали, дядя Лангстынь? — спросил он, внимательно оглядывая Айвара.

— Вот тебе еще один друг, — ответил Лангстынь. — Веди его на пруд и прими в свою ватагу, а после, когда вдосталь набегаетесь, приходите ко мне в мастерскую.

Инга взял Айвара за руку.

— Пойдем.

За какие-нибудь полчаса Айвар перезнакомился и подружился со всеми детьми. Инга был сыном батрака Тауриня — Регута. Одна из маленьких девочек была сестра Инги, моложе его на два года. Другие дети тоже были детьми батраков Тауриня: Ансис и Лида Риекстыни и Робчик Иесалниек, еще совсем малыши, — с ними таким «парням», как Инга и Айвар, даже не пристало водиться. А вот Айвар и Инга, как только познакомились, сразу и подружились, у обоих сразу же нашлись общие дела.

Покатавшись некоторое время по льду вместе со всеми, Инга и Айвар убежали. Инга показал своему новому другу все, что в Ургах казалось ему достойным внимания: каретник, машинный сарай, конюшню и коровник, полный коров. После этого он повел его в людскую избу и показал комнату Регутов. В ней было одно окно, сырые стены, покрытые плесенью; в углу за печью стояла старая кровать, а на почерневшей кирпичной лежанке сушилось несколько пар носков и зачиненные варежки. Воздух был тяжелый, немного пахло дымом. Все остальное напо-

минало Айвару их комнатенку в батрацкой избушке в Лаверах.

— Ты заходи когда-нибудь ко мне, — сказал Инга. — К тебе в хозяйский дом я прийти не смогу.

— Почему? — удивился Айвар.

— Хозяину с хозяйкой не нравится, когда в дом батрацкие дети ходят, — пояснил Инга. — Они ругаются и гонят нас. А сюда ты можешь приходить смело.

Инга показал Айвару свою книгу для чтения и тетрадь, половина страниц ее была исписана большими корявыми буквами.

— Ты это сам написал? — спросил Айвар.

— Ну, конечно, я, — не без гордости ответил Инга. — Айна еще не умеет писать. А ты умеешь?

— Немного умею.

— Тогда будущей зимой мы с тобой вместе в школу пойдем.

Когда они снова вышли во двор, у конюшни какой-то молодой плечистый мужчина распрягал лошадь. Заметив ребят, он весело кивнул им головой, внимательно взглянул на Айвара, но ничего не сказал.

— Кто это? — спросил Айвар у Инги.

— Мой папа...

Айвар еще раз внимательно взглянул на мужчину. «Какой он большой и плечистый... такой же, как мой отец... Нет, мой папа был еще больше...»

Они посмотрели, как Регут отвел лошадь в стойло, потом пошли к старому Лангстыню — его мастерская находилась тут же возле конюшни.

Старик стоял у столярного верстака и строгал доску. Пол мастерской был устлан свежей стружкой, а в углу стояло несколько наполовину готовых ульев.

— Ну что, набегались? — встретил их старик. — Теперь не вредно будет кое-чем и жадный зуб побаловать.

Лангстынь открыл какой-то ящик, разворошил сухое сено и вытащил два больших румяных яблока.

— А ну, закусите.

Ребята жадно принялись за яблоки, наблюдая, как Лангстынь, попыхивая маленькой глиняной трубочкой, строгал доску. Потом он распилил конец одной доски на мелкие кусочки разной формы и показал ребятам, как строить из них всякие фигурки и сооружения. Так же, как вчера Ирма, Лангстынь не спеша спрашивал Айвара про

его прежнюю жизнь, по временам покрякивая и глубокомысленно ворча себе в бороду:

— Так, так, вон как... Вон как...

Наконец старик сказал:

— Тогда ты нашего поля ягода, кость от нашей кости. Если только не испортят тебя господские харчи... Ну, ничего, держись ближе к нам, тогда твоя жизнь будет теплей. От тех клещей, — он кивнул в сторону хозяйского дома, — ты никакой любви не дождешься. У них в голове одна дума: как бы побольше нажить добра чужими руками.

Айвар тогда еще не понял, что хотел сказать Лангстынь, осмыслил он эти слова гораздо позднее.

Поиграв с Ингой и поболтав с Лангстынем, Айвар пошел домой. Он пообедал вместе с Ирмой на кухне, потом Ирма учила его писать, и только под вечер ему удалось снова выскользнуть из дому, и он сразу же в людском доме разыскал своего нового друга. В тот вечер Инга научил Айвара игре в «ричу-рачу».

Перед сном Эрна Тауринь сказала Айвару:

— Ты во всем должен слушать меня и хозяина. Если ты куда-то собираешься идти, надо раньше попросить у нас разрешения. Мне не нравится, что ты так много водишься с этим мальчишкой, Ингой, он грубый и озорной.

Айвар кивнул головой, в знак того, что понял, чего от него желают, но об Инге Регуте у него сложилось совсем иное представление, чем у хозяйки.

11

Только через полтора года жизни в местечке Ильза Лидум узнала, что случилось с братом. За это время она ни разу из местечка не отлучалась, а люди Айзупской волости здесь появлялись редко. Ян и раньше бывало не писал по нескольку месяцев, и его молчание теперь казалось ей обычным — брат не любил писать письма.

Вернувшись однажды вечером с работы, она увидела в газете сообщение о суде над Яном.

„Справедливое возмездие подрывателю государственных основ" —

гласил жирный заголовок. Дальше следовало краткое описание судебного процесса. Яна Лидума обвиняли

в принадлежности к «антигосударственной» террористической организации, которая якобы ставила своей целью подорвать существующий государственный строй с помощью вооруженного восстания. Хотя суд и не мог ничего доказать, но все же, основываясь единственно на агентурных сведениях, присудил Лидума к десяти годам каторжных работ.

— Десять лет... — прошептала Ильза, взором, полным отчаяния, перечитывая статью. — Все лучшие годы пропали... Это несправедливый и жестокий приговор... но разве впервые такой приговор выносится в белой Латвии... Как же будут жить Ольга с Айваром? Бедные, горемыки... И так никакого счастья они не видели, а теперь эта новая беда...

В тот же вечер Ильза написала письмо Ольге — от первой до последней строчки полное участия и любви. От чистого сердца она предлагала невестке свою помощь, сообщала, что готова взять Айвара к себе и заботиться о нем — Артуру и Айвару будет лучше расти вместе.

Письмо Ильза послала заказным по адресу усадьбы Лаверов. Через неделю оно вернулось с пометкой, что адресат выбыл. Ильза не успокоилась, написала второе письмо в адрес Айзупского волостного правления, с просьбой сообщить нынешнее местожительство невестки, даже марки приложила для ответа. Через несколько недель пришел краткий ответ: «Ольга Лидум несколько месяцев тому назад выехала отсюда и вычеркнута из списков жителей волости. Ее теперешнее местожительство неизвестно».

Тогда Ильза поместила в газете краткое объявление:

> «Если кому что-нибудь известно об Ольге Лидум и ее сыне Айваре, проживавших до прошлой осени в Лаверах Айзупской волости, прошу сообщить сестре мужа Ильзе Лидум по адресу...»

Никто не откликнулся на это объявление. Молчал и Ян — ему, по всей вероятности, была запрещена переписка. В конце зимы к Ильзе явился один из товарищей Яна — это был дорожный рабочий Мартын — и рассказал, что ему было известно об Ольге и Айваре.

— Из Лаверов их выгнали сразу после ареста вашего брата. Вначале у нас были сведения, что они уехали к каким-то богатым родичам, но позднее, когда удалось наладить связь с Яном, стало известно, что никаких бо-

гатых родственников у них нет. При помощи товарищей мы установили, что некоторое время проживали они в соседней волости у какого-то кулака. Там ваша невестка погибла при несчастном случае — на нее опрокинулся воз и задавил ее. Мальчика волость отдала на воспитание в семью какого-то крестьянина, а несколько месяцев спустя его усыновила бездетная пара и увезла к себе в другую округу. Куда именно — это мы еще не узнали, так как волостное правление отказывается выдать справки об этом деле. Может, вам, как близкой родственнице, они что-нибудь и скажут. Что вы думаете делать? Не можем ли мы чем-нибудь помочь вам?

— Спасибо, пока никакой помощи не надо, — сказала Ильза. — При первой возможности я направлюсь туда и не отстану до тех пор, пока мне не скажут, куда девался Айвар. Я своего племянника у чужих не оставлю, кем бы они ни были.

Вскоре Ильза отпросилась на два дня с работы и, оставив Артура на попечение одной из работниц их предприятия, отправилась в путь. В Кукажах ей рассказали про смерть Ольги. Судмалиене показала и могилку Ольги, обещала весной убрать ее. В усадьбе Коцини Ильза убедилась, что обитатели этой усадьбы знают о судьбе Айвара столько же, сколько она сама, а писарь Друкис, к которому она обратилась в последнюю очередь, отказался вступать с ней в какие бы то ни было переговоры.

— Ребенок усыновлен — и делу конец, — грубо заявил он. — Согласно закону мы не имеем права выдавать какие-либо справки родственникам усыновленного ребенка. Таков закон, и нарушители его строго караются. Будьте здоровы...

— Я обращусь в суд, — попыталась пригрозить Ильза.

— Хоть к самому президенту, никто вам не поможет, — ухмыльнулся Друкис. — Или тогда надо изменить закон.

Ничего не добившись и ничего не выяснив, Ильза вернулась в местечко. Адвокат, к которому она пошла на следующий день, посоветовал ей примириться, ибо здесь ничем помочь нельзя.

В глубоком отчаянии Ильза написала письмо Яну и рассказала все, что знала о судьбе Ольги и Айвара. Но ответа не получила: Ян, по всей вероятности, находился

на каком-то особом режиме. Прождав недели две, она послала второе письмо. А месяцем позднее, не дождавшись ответа, с большим трудом выбралась в Ригу и, приготовив передачу, понесла в Центральную тюрьму. Там от помощника начальника тюрьмы она узнала, что сейчас Ян Лидум лишен права на передачи и свидания; единственное, что она может сделать, — это внести несколько латов на имя брата: когда закончится его «черный месяц», он сможет их получить.

Огорченная и подавленная вернулась Ильза в местечко и решила через месяц снова попытаться встретиться с братом. Возможно, ей и удалось бы осуществить свое решение, если бы внезапно в их жизнь не ворвалось непредвиденное обстоятельство, которое принесло Ильзе и Артуру новые трудности...

12

Артур быстро рос и все больше походил на мать. В шестилетнем возрасте он уже научился читать и для него не было большей радости, более увлекательного занятия, чем читать сказки и узнавать все, что там рассказывалось про зверей, гномов и красавицу-принцессу, которую злые люди мучили, пока не приходил храбрый принц и не освобождал ее. Мальчик придумывал разные игры и часами играл один, а если, случалось, вечером после работы и Ильза включалась в какую-нибудь игру, радости Артура не было предела.

Мать не хотела, чтобы ее сын рос дичком, и поэтому советовала ему чаще играть с другими детьми. Товарищей по играм у него в местечке хватало, но ни с одним мальчуганом или девочкой он не мог подружиться так, как в свое время с Айваром. Долго не забывал он зиму в Лаверах и не терял надежды, что однажды к ним в гости приедет Айвар. Как тогда они весело побегут по полям и лугам и сколько новостей расскажут друг другу! Мать и сын жили простой, скромной жизнью. Ее нельзя было назвать легкой, были в ней свои трудности и заботы, но света и радости тоже хватало. Самоотверженная любовь Ильзы солнцем озаряла детство Артура, он рос жизнерадостным, и характер его под влиянием всегда ласковой матери складывался ясным и ровным.

Кроме работы на лесопилке, Ильза кое-что прираба-

тывала на стороне: собирала ягоды и грибы, стирала господам белье, а в длинные зимние вечера вышивала для жен местных богачей всякие изящные вещи. Это давало возможность кое-как пробиваться.

Ни трудная работа, ни тяжелые жизненные испытания не смогли ничего поделать с румяными щеками и стройным станом Ильзы. К двадцати семи годам она только по-настоящему расцвела, и редкая женщина в местечке не смотрела ей вслед с завистью, когда она, накинув на плечи платочек, выходила по воскресеньям погулять с Артуром. Но еще меньше было мужчин, способных равнодушно пройти мимо нее, и один из тех, кто воспламенился больше других, был владелец лесопилки, мельницы и шерстечесальни — Блумберг. Этому мужчине, несомненно самому богатому человеку в местечке и ближайшей округе, весною стукнуло пятьдесят лет; его юбилей высшие слои местного общества отметили пышным банкетом и всевозможными чествованиями. Сын его учился в Риге, в университете, дочь была замужем за старшим лесничим, что, конечно, не вредило лесопилке, а жена каждое лето лечилась в Кемери. Этой весной, когда на деревьях и кустах начали распускаться почки, в сердце Блумберга тоже расцвело кое-что, и почтенный промышленник сделался каким-то взволнованным и неуравновешенным. Ежедневно раз по десять он заворачивал на лесопилку и находил всякие поводы, чтобы некоторое время побыть возле Ильзы, укладывающей в штабелечки только что напиленный штакетник для заборов. Наконец, улучив момент, когда вблизи никого не было, он сказал Ильзе:

— Зайдите сегодня в восемь часов вечера в контору. Мне надо вам кое-что сообщить.

— В восемь? — удивилась Ильза, зная, что контору закрывают в шесть вечера, а в восемь там обычно нет ни живой души — все предприятия Блумберга работали только в одну смену.

— Да, в восемь, — повторил Блумберг. — Прошу не забыть.

Сказав это, он ушел и больше в тот день не показывался на лесопилке.

В пять часов Ильза кончила работу. По дороге домой она зашла в лавку. Дома отмыла выпачканные смолой руки, переоделась и приготовила ужин. Артур, бегавший

целый день на улице, сильно устал и вскоре после ужина уснул.

Выйдя из дому без четверти восемь, Ильза в назначенное время явилась в контору лесопилки. Открыл ей сам Блумберг. Больше никого в конторе не было.

— Садитесь... — сказал хозяин, указывая на стул по другую сторону письменного стола. Сам он расположился в директорском кресле и, достав папиросу, закурил. Когда Ильза села, он спросил: — Скажите, сколько вы у нас зарабатываете?

— Полтора лата в день, — ответила Ильза. — Женщинам больше не платят.

— Да, это обычный женский тариф, — согласился Блумберг. — Полтора лата в день... за месяц выходит что-то около тридцати шести — тридцати девяти латов. А сколько вы платите за квартиру?

— Десять латов в месяц... — сказала Ильза, удивляясь внезапному любопытству Блумберга: до сих пор не было слышно, чтобы хозяин интересовался условиями жизни своих рабочих.

— Но ведь тогда для остальных потребностей в среднем не остается даже лата в день, — заключил владелец лесопилки. Склонив шаровидную голову с коротко остриженными седоватыми волосами на грудь и сложив руки на основательном брюшке, обтянутом темносерыми шерстяными брюками и жилетом, он что-то подсчитал в уме и затем внезапно, не скрывая удивления, посмотрел на Ильзу. — На это ведь вы не сможете просуществовать. Не может быть, чтобы вы обходились только этим.

— Конечно, на это не проживешь — ответила Ильза, — я еще кое-что прирабатываю.

— Ах так, прирабатываете? — Блумберг казался весьма заинтересованным. — Каким образом?

— Собираю грибы, ягоды, стираю белье, рукодельничаю.

— Правда? А я думал, что... — В голосе Блумберга послышались нотки разочарования. — Чтобы прилично жить молодой женщине в ваши годы... и с вашей наружностью, совсем не надо так утруждать себя. Ходить по грибы, по ягоды, ха, ха, ха!

— Господин Блумберг, по какому делу вы пригласили меня? — тревожно спросила Ильза.

— А как вы думаете, какое могло быть дело? — усмехнулся Блумберг, устраиваясь поудобнее в кресле.

— Не знаю, — ответила Ильза, хотя именно сейчас она начала понимать намерения Блумберга.

— Ну ладно, не буду затягивать, — сказал Блумберг. — Если говорить коротко: я желаю вам помочь. То, что вы прирабатываете этими грибами, ягодами и разными прочими мелочами, я готов вам уплатить из своего кармана... может, даже больше. Но за это... — он немного помедлил, стараясь угадать, какое впечатление произвели на Ильзу его слова, — но за это вы должны проявить маленькую любезность. Вы знаете... моя жена болезненна. А мне еще хочется жить — ведь это совершенно естественно. Вы молоды, красивы. Приходите иногда ко мне на свидание, попозже вечером... к кустам у речки. Разрешите иногда навестить вас дома... конечно, никто не должен об этом знать. Скажите «да», и у вас будет лучший друг в мире.

— Нет... — резко ответила Ильза и встала. — Вам придется поискать другую.

— Что вы говорите? — воскликнул Блумберг с неподдельным изумлением. — Вы отказываетесь от моего предложения?

— Да, господин Блумберг. И я попросила бы вас никогда больше о подобных вещах со мной не говорить.

— Да понимаете ли вы, какую возможность упускаете? Вы могли бы жить без забот. Из ста женщин девяносто девять рассматривали бы это, как величайшее счастье.

— Господин Блумберг, у меня нет времени. Разрешите мне уйти.

— Уйти? — простонал Блумберг. — Я не могу... я не могу обойтись без вас. Вы мне... нужны! Неужели вы этого не понимаете? Ведь никто ничего не узнает.

Он загородил Ильзе дорогу — огромный и страшный, как голодный зверь. В сердцах он выхватил свой бумажник и так швырнул его на стол, что ассигнации в беспорядке рассыпались.

— Все это вы можете взять! Хоть сейчас! Только не уходите, остановитесь... сжальтесь надо мной...

Он подскочил к Ильзе, схватил ее и пытался поцеловать. Ильза дала ему пощечину — точно так же, как тому хозяину у Змеиного болота, который приставал к ней на сеновале.

Удар был сильным — из ноздрей Блумберга показалась кровь. Пока он вытирался, Ильза выскочила на улицу.

На следующее утро ее уволили. В тот же день хозяин дома, где она жила, предупредил, что с первого числа комната понадобится ему самому — пусть поищет себе другую квартиру.

Опять молодость и красота Ильзы стали причиной людской враждебности и низости, опять ей еще раз пришлось пуститься в путь-дорогу и искать новое пристанище.

Несколькими днями позже она с Артуром перебралась в уездный город и устроилась на работу в прачечную. Там ее никто не знал.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Хозяин усадьбы Сурумы Антон Пацеплис надеялся, что выгодный брак поможет ему поправить его запущенное хозяйство. Женившись на дочери богатого землевладельца Мелдера, он породнился с видной семьей, имевшей вес в делах волости: старый Мелдер несколько лет был волостным старшиной, а в последнее время очень активно работал в местном обществе взаимного кредита. Антон рассчитывал, что старик поможет ему стать каким-нибудь должностным лицом. Человек, от которого зависело распределение кредитов, в первую голову может выкроить кое-что для себя, а лишние деньги в Сурумах были давно нужны, как воздух.

Но все обернулось не так, как надеялся Антон. Лина Мелдер получила в приданое две дойные коровы, полный сундук полотна и ровно столько денег, сколько было необходимо, чтобы сыграть приличную свадьбу,— а с остальными старый Мелдер велел подождать. Он и не пытался устроить своего зятя ни на какие должности, только обещал каждый год выдавать Лине небольшое денежное пособие, чтобы она не зависела во всех мелочах от мужа. Главная добыча, на которую больше всего надеялся Антон, — богатая усадьба Мелдеров — на неопределенное время осталась только приятной мечтой. И нельзя было

с уверенностью сказать, исполнится ли когда-нибудь эта мечта. Мелдер сообщил, что он решил объявить наследником своей усадьбы старшего сына Лины, и тот вступит в свои права, только достигнув совершеннолетия.

«Ну, а если у Лины будут рождаться одни девчонки, что тогда? — с тревогой думал Антон. — Наверное, в таком случае тесть поищет наследников среди родственников другого колена по мужской линии. Настоящий скряга, сидит, как сыч, на своем золоте, самому девать некуда, и другим не дает. А тут же рядом с ним живет человек, который хорошо понимает, что можно взять от жизни, дали бы только ему волю. Самому была бы радость, да и миру потеха: с веселыми песнями и полными кружками пенистого пива проводил бы он деньки, с утра до вечера напевая:

Ну, катитесь, ну, катитесь,
Тестюшкины рублики!

Жестокосердие Мелдера огорчало Антона, но он старался не выказывать этого, чтобы не стать посмешищем в глазах соседей, — уже и так некоторые ухмылялись, исподтишка болтая, что молодой Пацеплис основательно просчитался, женившись на некрасивой Лине.

Родители Антона были еще живы. Они делили со своим единственным сыном его горести, советовали крепиться и запастись терпением — авось старый Мелдер, увидев серьезное отношение зятя к хозяйству, изменит свое решение и станет щедрее. Лезть на стенку и ссориться с тестем было неразумно при любых обстоятельствах.

Антон принял во внимание мудрые советы родителей. Первое время после свадьбы он воздерживался от каких-либо развлечений: не ходил по кабакам, не дрался на вечеринках, в будни не шатался без дела. Если уж очень хотелось выпить, просил Лину на обратном пути с молочного завода прихватить бутылочку — ведь не было у нее большей радости, как угодить своему статному, молодцеватому мужу, в которого она все еще была сильно влюблена. Получив бутылку, Антон забирался в какой-нибудь тихий уголок — в клеть или на сеновал — и в полном одиночестве услаждал свою однообразную, незавидную жизнь. Конечно, в компании пить гораздо приятнее, но тогда слава пьяницы пойдет по всему свету и, между про-

чим, достигнет ушей скупого Мелдера. Ничего не поделаешь, приходится пить в одиночку.

Антон стал уделять гораздо больше внимания хозяйству: починил изгородь скотного двора, сделал несколько новых мостиков через канавы, позвал печников и велел замазать глиной щели старой дымящей печки; но это было каплей в море запущенности и разрухи. Кратковременный отчаянный порыв не мог изменить к лучшему положение в Сурумах: нужны были деньги, много денег, и в первую голову — необходимо положить конец неумолимым водам Змеиного болота, которые из года в год наступали на земли Сурумов и других крестьян, превращая угодья в трясину. Денег у Пацеплиса не было, а кроме того, борьба с болотом не по плечу одному человеку, здесь нужна коллективная сила многих людей. Антон понимал, что ему не дано ничего изменить, поэтому сдался без борьбы.

На пригорке торчала возведенная еще прадедами покосившаяся набок изба с маленькими низкими оконцами и дырявой соломенной крышей, и не было смысла заниматься починкой ее, скорее уж следовало бы строить новый дом. Хлев наполовину рухнул и держался только многочисленными подпорками; коровы стояли по брюхо в навозе и круглый год ходили такими грязными, что было трудно даже определить их масть. На лугу, кроме жесткой болотной осоки, ничего не росло, а летом, когда косарь гнал прокос, земля колыхалась под ним и болотная жижа обдавала ноги. Кустарник врывался даже на поля, отвоевывая обратно то, что человек когда-то отнял у него. У дома безо всякого ухода росло несколько фруктовых деревьев и кустов сирени. Одна лошадь, три коровы и несколько овец — вот все, что можно было прокормить на шестидесяти пурвиетах Сурумской усадьбы.

— Не стоит надрываться... — решил Антон и оставил все по-старому.

Лина в глубине души тоже считала, что не весь век придется провести в Сурумах, а поэтому лучше, если муж сохранит свои силы для благоустроенных полей в Мелдерах.

Она слышала о грехах молодости Антона, знала, что какая-то девушка родила от него ребенка, но ей и в голову не приходило подать мужу мысль о помощи той жен-

щине. Старые проказы принадлежали прошлому; сегодня Антон — ее законный муж, и надо делать все, чтобы их жизнь не беспокоили тени былого.

Меньше чем через год супружеской жизни, поздней осенью, Лина подарила Антону сына — здорового крепыша, которого назвали Бруно. Родители были очень счастливы. Старый Мелдер на радостях за появление на свет долгожданного наследника дал зятю денег на новый костюм. Но счастье вскоре было омрачено большим горем. Лина схватила родильную горячку и умерла, не успев даже понянчить своего сына.

Мелдеры хотели немедленно забрать маленького Бруно к себе на воспитание: мать Лины чувствовала себя достаточно бодрой, чтобы вынянчить внука, но тут Антон ответил таким категорическим «нет», что дальнейший разговор об этом стал невозможным. Его соображения были очень просты: если мальчика отдать Мелдерам, они будут заботиться только о нем и забудут, что у будущего наследника усадьбы Мелдеров есть отец, которому также кое-что необходимо в жизни. Если Бруно останется под кровом отца, дед и бабушка окажутся в некоторой зависимости от Антона и, желая помочь внуку, будут вынуждены поддерживать и отца.

Старая Сурумиене[1] обзавелась соской и стала сама нянчить и кормить Бруно, а Антону посоветовала поскорее присмотреть себе новую жену.

— Неизвестно, долго ли я проживу, — говорила она. — Без хозяйки все в доме развалится. Хорошо еще, что я справляюсь с ребенком, а кто же будет заботиться о скотине да кухне? Ты еще слишком молод, чтобы оставаться вдовцом, тебе, сынок, надо жениться.

Антон Пацеплис понимал: матери одной не справиться с хозяйством, но выгодно жениться было делом не легким. Он не желал брать первую попавшуюся. Хорошо, если бы опять удалось найти какую-нибудь хозяйскую дочь с приданым. Антон готов был жениться даже на вдове, но богатой и не очень старой — исключение можно было допустить только для очень богатой вдовы.

Он стал разыскивать, расспрашивать, пускался в ближние и дальние разведки, откликался на газетные объявле-

---

[1] В Латвии владельцев усадеб именовали по названию усадеб.

ния и поместил свое в «Яунакас Зиняс», но ничего подходящего не попадалось. К двум богатым хозяйским дочкам посылал сваху, но получил отказ. Одной вдове Антон сам открыл сердце и по всем правилам хорошего тона просил руки, но опять неудача. Одну девицу ему почти удалось уговорить, но когда она приехала в Сурумы знакомиться с семьей и хозяйством предполагаемого мужа, у нее пропала всякая охота стать там хозяйкой.

Видя, что сыну не везет, и признав его действия недостаточно энергичными, старая Сурумиене слегла и объявила, что ее дни сочтены. Понимая, что в случае смерти матери не будет никакой возможности удержать у себя Бруно и придется отказаться от надежд на помощь Мелдера, Антон с новой энергией заметался по волости. Убедившись наконец, что с богатыми невестами ничего не получается, Пацеплис обратил свой взор на более обыкновенных девушек и на четвертый месяц после смерти Лины нашел наконец новую жену.

Это была молодая девушка Кристина, служанка с мызы пастора Рейнхарта. По внешнему виду ее нельзя было и равнять с покойной Линой: красивая, стройная, только характером слишком застенчивая и тихая.

Старые Сурумы повели носом, когда узнали, что избранница сына происходит из семьи батрака, но в конце концов примирились с выбором Антона: в Сурумах прежде всего нужна была даровая служанка, трудолюбивая батрачка, которой не приходилось бы платить за работу. Урожденную хозяйскую дочь нельзя было эксплуатировать, как простую батрачку.

Через тринадцать месяцев после свадьбы с Линой Мелдер Антон Пацеплис снова стоял перед алтарем, и золотое обручальное кольцо, которое пастор Рейнхарт в свое время надевал на палец Лины, он надел в этот день на палец второй жены хозяина Сурумов. Старые Мелдеры шипели от злости и позора, что зять, не выдержав и года траура после смерти их единственной дочери, снова женился, но ничего поделать они не могли.

Сурумиене сразу же после свадьбы сына, которую на сей раз сыграли тихо и скромно, выздоровела и поднялась с постели, так как в доме нужен был человек с опытом, знавший, как лучше всего распорядиться и использовать **работницу**.

2

Подоив обеих коров — третья еще не отелилась, — Кристина процедила молоко и слила утренний удой в большой бидон, оставив только пол-литра для маленького Бруно. Услышав, что невестка уже возится около плиты, Сурумиене высунула седую голову в дверь и зашипела:

— Нельзя ли потише! Еще ребенка разбудишь...

Кристина вздрогнула и виновато опустила глаза, будто действительно допустила большую оплошность.

— Что готовить на завтрак? — немного погодя спросила она, видя, что свекровь все еще наблюдает за ней. В длинной рубахе, босая, косматая и сонная старуха казалась настоящей ведьмой. Беззубый запавший рот с плотно сжатыми губами ухмылялся, подслеповатые спросонок глаза глядели холодно и пытливо.

— Завари мучную кашу и поджарь каждому по ломтику мяса. Я вчера нарезала, найдешь в каморке, на полке.

— Разве там для всех хватит? — вырвалось у Кристины.

Старуха снова зашипела:

— Ах, тебе опять не хватает? Не можешь забыть благодати на пасторской мызе! Чего же ты пришла к нам, к таким простым людям — надо было оставаться там. Уж мы как-нибудь обошлись бы без тебя.

Кристина ничего не ответила, но свекровь не уходила. Как вскочила в одной рубашке с постели, так и стояла на кухне, с назойливой настойчивостью наблюдая за каждым движением невестки. Она смотрела, как та насыпала в чашку муки, как принесла из каморки с вечера нарезанную ломтиками свинину.

— Куда ты кладешь? — воскликнула Сурумиене, когда Кристина, не найдя другого свободного места, поставила тарелку с мясом на дно опрокинутого ведра. — Чтоб кошка стащила? Прямо как ребенку все надо показывать пальцем. Разве мать тебя ничему не учила?

Когда мясо на сковородке зашипело, старуха подошла к плите, оттолкнув в сторону невестку.

— Пусти меня, иначе опять пережаришь или оставишь сырую серединку. Ты могла бы принести хворост, здесь не хватит, чтобы сварить свиньям варево, — и, схватив ку-

хонный нож, стала передвигать и переворачивать побуревшие ломтики.

Кристина вышла во двор, набрала полную охапку сухого хвороста, вернулась в кухню и опустила ношу на пол у плиты.

— Сколько раз говорила: приноси хворост с вечера, чтоб подсох, но разве мои слова действуют... — ворчала свекровь. — Какая от такого хвороста польза — только шипит, дымит, а жара никакого.

К счастью, в маленькой комнатке заплакал Бруно. Сурумиене тотчас же передала нож Кристине, обтерла руки подолом рубахи и поспешила к своему любимцу.

— Не забудь наносить воды в большой котел и почистить картошку, — напомнила она. — Хозяину сапоги тоже не почистила... Опять поедет к людям грязный, как медведь.

Ребенок кричал все настойчивее. Уже в дверях старуха состроила ласковое лицо, вытянула тонкие губы и зашамкала:

— Что с моим птенчиком? Наверно, постелька мокренькая? Иду, иду, мое золотце, иду... ты только не плачь, мой сладенький, хорошенький.

Но «сладенький, хорошенький» орал благим матом, пока бабушка не сунула ему в рот соску.

На некоторое время Кристину оставили в покое. Она спешила скорее приготовить завтрак и подать его на стол, чтобы старый Сурум и Антон сразу, как встанут, могли бы позавтракать.

Ее не особенно беспокоила вечная ругань и ворчанье свекрови; начиная с раннего детства она привыкла к тому, что чужие люди всегда распоряжались ею — иные грубо, другие более сдержанно. Привыкнув выполнять то, что приказывали, она не могла представить себе свою жизнь без вечного послушания, без угождения чужой воле. Ни один человек до сих пор не надоумил ее восстать против несправедливых требований, защищаться или возражать. Трудолюбивая и неутомимая, Кристина с раннего утра до позднего вечера была на ногах, и не было такой работы, которой бы она не умела делать. Прожив четыре месяца в Сурумах, она наперед знала, какая работа и в какое время ждет ее завтра, послезавтра, через неделю. Ритм жизни здесь был такой же, как и в любой крестьянской усадьбе: ни один день не приносил чуда или неожиданно-

стей. Но несмотря на то, что Кристина работала в усадьбе за всех, она ни минуты не чувствовала себя хозяйкой в Сурумах. И в самом начале совместной жизни Антон просил, чтобы она не ссорилась с матерью.

— Не перечь ей, тогда она тебя скорее полюбит, — сказал он Кристине.

Но как ни старалась Кристина завоевать любовь старой Сурумиене, ей это не удавалось. Свекровь целыми днями придиралась к невестке.

Неприятнее всего, когда другой человек заставляет тебя делать то, что ты уже делаешь или собираешься сделать без указки. И в этом отношении Сурумиене оставалась непревзойденной. На каждом шагу она старалась напомнить Кристине ее зависимость, к месту и не к месту давала понять, что хозяйка в Сурумах была и остается только она и невестке нечего на это рассчитывать. Ключи от клети и погреба хранились у свекрови, без ее ведома Кристина не могла взять ни капли молока. Даже у чужих людей, где она раньше служила, ей доверяли больше, чем здесь.

Как-то Кристина заикнулась об этом Антону.

— Разве нельзя устроить так, чтобы хоть в самых пустяковых делах распоряжалась я одна? — пожаловалась она. — Мне не нужна власть, пусть она остается в руках матери, но если я тебе жена, попроси ее не обходиться со мной, как с батрачкой.

— Старые люди всегда таковы... — успокаивал ее Антон. Сам он относился к жене хорошо и даже любовно, но у него не хватало духу заступиться за Кристину. Конечно, и ему хотелось, чтобы мать знала меру и не относилась бы так деспотично к невестке, но характер у Антона был не такой, чтобы он мог рискнуть поссориться с матерью из-за жены.

— Я поговорю с ней, — обещал он Кристине и действительно попытался начать разговор с матерью, но старуха с полуслова сообразила, откуда ветер дует, и сразу же оборвала сына:

— Ах, ей уже не нравится? — раскричалась она. — Забыла, из какого навоза мы ее вытащили. Голую, нищую взяли, а она уже нос задирает, хочет гулять барыней. Вот она, благодарность! Только покажи ей, что тебе можно сесть на голову, тогда увидишь свое счастье. Околпачит тебя, как глупого барана, и на старости лет всех

нас из дому выгонит. Пляши, пляши, сыночек, под ее дудку, далеко пойдешь.

И Антон сдался. Он сам в глубине души думал, что Кристина не может требовать для себя такого положения, в каком находилась Лина. Ведь та была хозяйской дочерью и с рождения привыкла к иному обхождению. У нее хозяйский характер всосался в кровь с молоком матери, и его не выжечь было огнем, не залить водой. А Кристина, наоборот, росла в батрацкой семье, с детских лет достаточно натопталась в навозной жиже чужих хлевов — с какой стати вдруг ее так баловать? Мать права, так только испортишь человека.

Все осталось по-старому. Сурумиене еще туже натянула вожжи. Еще безжалостней стала она тиранить невестку, считая ее низшим существом, хотя Кристина уже четыре месяца была членом семьи. Старый Сурум не имел своего мнения. Он находился полностью под влиянием своей властолюбивой жены; во всяком случае, он ни разу еще не сказал невестке ласкового слова, Кристина не могла представить его улыбающимся.

Утром Антон с отцом, в глубоком молчании, уселись за стол и, задумчиво посапывая, ни разу не взглянув друг на друга, позавтракали. Когда мужчины, подкрепившись, ушли из избы, их место заняли женщины и доели остатки.

Антон запряг лошадь и повез на маслобойный завод молоко, а старый Сурум принялся чинить грабли около сарая. Лучи апрельского солнца отражались в мутной стоячей воде на лугах. Посвистывали скворцы, жаворонки рассыпали свои трели над полями, а в хлевах волновался и мычал стосковавшийся по зеленому пастбищу скот. Прошлогоднее сено было съедено, оставалось не больше воза черной, сопревшей осоки, а молодая трава не спешила всходить.

— Выпусти скотину и постой около нее, — сказала Сурумиене Кристине. — Все же малость какую подберут.

Закутав Бруно в ватное одеяло, старуха уселась с ним на солнышке и равнодушно смотрела на черные, залитые талой водой поля. Только на полях Тауриня были видны пахари, — там на высоком месте земля уже достаточно просохла.

Кристина выпустила скот и, присев на большой валун, наблюдала, как коровы шарили мордами по обнаженной

земле. У них из-под длинной свалявшейся шерсти торчали ребра. Изголодавшиеся животные с жадной торопливостью спешили от одной кочки к другой, но им никак не удавалось захватить губами поникшую прошлогоднюю траву и утолить голод.

«Бедная скотина... — думала Кристина. — За что вам такое наказание, почему выпала вам судьба жить именно в этой усадьбе, где вас никто не любит?»

То же самое она могла спросить и у себя. Ее молодость, свежие силы высасывал — каплю за каплей — чужой, враждебный ей мир. Не было никакой надежды, что эта вечная ночь когда-нибудь сменится светлым утром.

У дома на скамейке сидит старая женщина. Она качает и уговаривает раскапризничавшегося ребенка, не зная, какими еще нежными словами назвать его. Ведь он станет хозяином в Мелдерах. Правда, не скоро. Но уже сегодня он идол в этой мрачной усадьбе: его балуют, боготворят, за ним днем и ночью следят несколько человек — уже сейчас ему оказывается честь, как будущему хозяину.

«Как-то будет расти мой ребенок?» — думает молодая женщина и, прислушиваясь, как бьется под сердцем новая жизнь, переживает одновременно глубокое счастье и еще более глубокую боль.

3

Поздней осенью в ненастную ветреную ночь, когда северо-западный ветер гнал изморось над полями и лесами Видземе, у Кристины Пацеплис родился первенец — девочка, которую назвали Анной. Как только молодая мать поднялась с постели, Антон запряг лошадь в сани и повез жену с ребенком в пасторскую мызу к старому Рейнхарту. Крестным и крестной были записаны молодой Кикрейзис с женой. Кикрейзис был другом юности и верным собутыльником Антона. Вот и теперь, окрестив ребенка, они никак не могли проехать мимо корчмы. Пока они там подкреплялись, жены сидели в санях и ждали на морозе, когда их благоверным заблагорассудится продолжать путь. Кикрейзиене была лет на восемь старше Кристины, дома у нее бегало двое ребят — старшему Марцису было шесть, а Густу недавно исполнилось три.

Промерзнув с полчаса в санях, Кикрейзиене рассер-

дилась и направилась было в корчму, чтобы пробрать своего мужа, — она была строга с супругом, — но в это время оба друга, нежно обнявшись, показались на пороге. У Антона в руках была бутылка вина, Кикрейзис нес кулек с конфетами.

— Милая женушка, мы сейчас договорились обручить наших детей! — громко закричал Кикрейзис. — Выпили магарыч, а теперь вам обеим тоже придется с нами выпить. Антон, дай сюда бутылку!

— Что за обручение? — нелюбезно отозвалась Кикрейзиене. — Что ты плетешь, точно белены объелся...

— Да, свашенька, это уже решено раз и навсегда... — заговорил и Антон. — У вас сын, у меня с Кристиной дочь. Лет через двадцать справим свадьбу.

— Вот ветрогоны... — Кикрейзиене сердито сплюнула. — Кто его знает, что еще будет через двадцать лет.

— Тут ничего не поделаешь, милая женушка, — бормотал Кикрейзис. — Уговор дороже денег. Нашему Марцису придется жениться на Аннушке, так мы и порешили. На, отпей глоточек, и по рукам с будущей родней.

Антон втиснул в руки Кикрейзиене бутылку с вином и не отстал до тех пор, пока она прямо из горлышка не отпила изрядный глоток.

— Бери закуску... — бормотал заплетающимся языком Кикрейзис и услужливо поднес к самому лицу жены кулек с конфетами. — Бери побольше, чтоб хватило до дому сосать.

Кикрейзиене схватила целую пригоршню, потом кивнула в сторону других саней.

— Угости и Кристину! Дочка-то ее. Как знать, пожелает ли она выдать ее за какого-то Марциса Кикрейзиса.

Антон уловил в ее голосе что-то вроде насмешки, но не подал виду.

— Что верно, то верно. Кристине тоже надо выпить с нами. И тогда пусть дочка растет на здоровье.

— Мне ведь нельзя, — пыталась отговориться Кристина, когда Антон и Кикрейзис стали приставать к ней с вином. — Кормящим нельзя пить спиртного.

— Это не водка, только легкое клубничное вино, — пояснил Антон. — Такой сок даже больные могут пить.

Когда Кикрейзис стал величать ее сватьей и рассыпаться в пьяных любезностях, Кристина сдалась и поднесла бутылку к губам. Глотнув, она поперхнулась и за-

кашлялась, а стоявшие рядом мужчины громко смеялись над ее смущением. После этого все уселись в сани и разъехались по домам, так как в Сурумах никаких крестин справлять не собирались — мать Антона этого не хотела.

Лошадь лениво трусила по дороге, и Антону приходилось все время подстегивать ее кнутом. Когда впереди, справа от дороги, показались яркие огоньки усадьбы Урги, Антон одной рукой обнял Кристину, лукаво посмотрел ей в глаза и заговорил:

— Ты счастливая мать, Кристина: дочь еще не ходит, а уже почти выдана замуж. Начинай думать о приданом...

Он громко, искренне засмеялся и разбудил ребенка. От его смеха и дружеского прикосновения Кристине стало тепло и радостно. Давно она не чувствовала себя так хорошо, и вдруг ей показалось, что вместе с рождением Анешки мир как будто посветлел и все люди подобрели. Может быть, самый темный период ее жизни уже позади и наступят более счастливые дни?

— Пусть бог даст тебе солнечное детство, — шептала Кристина, наклоняясь над ребенком, и ее вдруг охватило такое волнение, что слезы навернулись на глаза. — Самой мне ничего не надо. Только бы тебе, девочка моя, хватило вдоволь тепла.

— Почему же не хватит! — спросил Антон. — Об этом ведь мы позаботимся. Разве я не родной отец своему ребенку?

— Это хорошо, Антон, что ты так говоришь, — сказала Кристина. — Будь всегда добр к своей дочке. Если ты за нее не заступишься, ее жизнь будет не легче моей.

— Ну, ну, разве уж тебе так плохо живется... — пробормотал Антон. — Ведь я о тебе забочусь. Что тебе еще нужно?

До самых Сурумов они ехали молча.

...К рождению Анны старики Сурумы отнеслись равнодушно. Вскоре после крестин Сурумиене объявила, что двух младенцев ей на своих старческих руках нянчить не под силу, поэтому пусть Кристина заботится о своем ребенке сама.

— Хорошо еще, что я управляюсь с Бруно. Как начал ходить, ни на мгновение нельзя оставить одного.

Только первый месяц после родов Антон и остальные домашние не взваливали на Кристину самую тяжелую работу, затем все пошло по-старому. От зари до темна работала она, не покладая рук. В сенокос Кристина брала Аннушку с собой на луг; осенью, при копке картофеля, оставляла ее где-нибудь на поле в старой тележке и, когда ребенок плакал, не всегда могла оставить работу и заняться дочкой.

Старая Сурумиене проявляла твердость характера, сказав, что с нее хватит забот о Бруно: она в самом деле не обращала никакого внимания на внучку, — Аннушка могла кричать часами, старуха не подходила к ее люльке и не пыталась успокоить ребенка.

Спустя год после рождения Аннушки у Кристины родился сын. Его назвали Жаном. Аннушка уже ходила, могла сама подойти к старой люльке и посмотреть на маленького братика. Жан разделил участь Аннушки. Старые Сурумы его почти не замечали.

Когда дети подросли, разница в отношении к ним стала еще заметнее. Бруно одевали и кормили лучше, чем Аннушку и Жана. Все ему разрешалось, над его шалостями добродушно посмеивались, в каждой его проказе видели только проявление способностей, самостоятельность характера и благородную породу будущего хозяина. Быстро сообразив, что ему дозволено все, Бруно, будучи старше и больше ростом, на каждом шагу давал Аннушке и Жану чувствовать свое превосходство: он безнаказанно таскал за волосы сестренку, царапал ей лицо, бил маленького Жана.

Сурумиене наблюдала за всем этим с добродушной улыбкой.

— Ах ты, маленький проказник... Разве так обходятся с барышнями? Поди-ка, золотко, на колени к бабусе — я тебе вытру носик.

Запуганной и одинокой росла Аннушка. Отец никогда не ласкал ее, не сажал на колени, чтобы поболтать с ней, а когда она пыталась рассказать, что видела или что делала, ни у кого не было времени послушать ее или ответить ей. Дед и бабка никогда не рассказывали ей сказок. А ей очень нравились старинные сказы о зверях и чудищах. Сурумиене знала их бесконечное множество. Приходилось ждать, когда она начнет рассказывать сказки Бруно и слушать их тайком. Если, забывшись, Аннушка

выдавала свое присутствие каким-нибудь восклицанием, старуха гнала ее прочь.

Девочке не с кем было играть. Несколько раз она пыталась присоединиться к играм мальчиков, но Бруно был груб и жесток — всегда старался унизить Аннушку, причинить ей боль. Она стала избегать его.

И девочка постепенно становилась замкнутой, сторонилась всех, за исключением матери. Спрятавшись где-нибудь в укромном уголке, она играла одна. Старые Сурумы и Антон считали ее тупицей, так как она не проявляла интереса к шумным детским играм и веселью. Они не думали, что сами убили этот интерес и отдалили от себя любознательную девочку. Антон и старики ошибались: Аннушка не была тупым, ограниченным ребенком — она рано научилась довольствоваться своим одиночеством и знала, что ей нечего ждать ни от бабушки, которая ее не любила, ни от отца, который был к ней равнодушен. Мечтать и объяснять по своему разумению явления окружающего мира Аннушка умела, как и все дети, — только она мечтала в одиночестве, иногда открывая свои мечты матери.

Кристина любила дочь настоящей и самоотверженной любовью, и ребенок это чувствовал. Самыми счастливыми минутами в жизни Аннушки были те, когда мать брала ее на колени и ласкала. Матери она доверялась полностью, не опасаясь, что та ее обидит, высмеет. Аннушка уже понимала, что жизнь матери тяжела, слишком много ей приходится работать — гораздо больше, чем всем прочим. У нее появилось одно желание, одна единственная мечта: облегчить жизнь милой мамусе, взять на свои маленькие плечи хоть частицу ее непосильной ноши. Очень рано, еще совсем маленькой, Аннушка начала находить себе работу. Она нянчила маленького братишку, таскала в кухню хворост по одной хворостине и приносила столько топлива, что матери хватало сварить обед. Когда зимними вечерами мать пряла лен или шерсть, Аннушка мотала клубки. Это немногое все же сберегало Кристине лишнюю минуту, которую она могла посвятить своим детям.

Все это проходило мимо глаз и сознания Антона.

А Кристина быстро старилась и с каждым днем становилась серее и слабее; потух блеск ее ласковых глаз, согнулся стройный стан, преждевременный иней упал на пышные волосы. Жизнь еще не была прожита, а неотвра-

тимый вечер уже простер над нею свою тень. Никто этого не хотел понимать... Может быть, только она сама. И это становилось причиной новых забот и боли: чувствуя, что конец ее жизненного пути близок, Кристина неустанно думала о том, что станет с ее детьми, когда ее не будет.

4

Будущей осенью Аннушка должна была пойти в школу. Мать уже научила ее читать и писать. В шесть лет Аннушка знала таблицу умножения лучше Бруно, с которым занималась бабка, а иногда и отец. Когда Аннушка вызубрила свою азбуку, книжка перешла к Жану. Кристина в последнюю зиму обучила и сына читать по слогам.

Весной Кристина стала кашлять кровью. Врач, к которому Антон после Юрьева дня повез жену, советовал отправить Кристину в санаторий.

— А если это не по карману, то во всяком случае освободите ее от тяжелых работ, больной надо отдыхать, много бывать на свежем воздухе, хорошо питаться, — сказал врач. — Я надеюсь, что вы это понимаете и послушаетесь моих советов.

Антон и Кристина обещали следовать советам уважаемого лекаря. Но о санатории нечего было и думать — средства Пацеплиса не позволяли таких больших расходов. Чтобы обеспечить Кристине более сносные условия жизни в Сурумах, следовало нанять работницу. Это тоже требовало денег — до сих пор Сурумы привыкли обходиться без наемных работников. На это лето здесь не взяли даже пастуха, так как, по общему мнению, Анна достаточно подросла, чтобы пасти коров,— неужели семилетний ребенок не сумеет приглядеть за таким небольшим стадом?

Вернувшись от врача, Кристина снова стала ходить в хлев доить коров, кормить свиней и управляться одна по дому. Дважды в месяц она становилась к корыту и стирала белье, а когда наступал субботний вечер, ни у кого, кроме нее, не находилось времени, чтобы истопить баню. Старый Сурум все жаловался, что болят кости, а свекровь ухаживала за Бруно и хранила ключи от дома, клети и погреба — нельзя же было требовать, чтоб она разрывалась на части.

Так продолжалось до Иванова дня. В это утро Кристина не смогла подняться с постели, и вся семья осталась без горячего завтрака. Теперь Антон понял, что без наемной работницы не обойтись. Он запряг лошадь и поехал к Кикрейзисам. Вечером он привез пожилую женщину, жившую у Кикрейзисов на правах дальней родственницы.

Пригнав домой стадо в обед, маленькая Анна все остальное время проводила подле больной матери. В хорошую погоду мать и дочь выходили из избы, садились на скамью под куст сирени и смотрели, как ползает пчела по цветку, собирая мед, как наседки со своими цыплятами ходят по зарослям крапивы. Иногда к ним присоединялся Жан, но старая Сурумиене тут же прогоняла его, боясь, что Кристина заразит его. Об Анне она не беспокоилась. Но Кристина сама не забывала об этом и, как бы ни рвалось сердце к Анне, не позволяла дочурке слишком близко подходить к ней. За последнее время она ни разу не поцеловала дочку, не прижала ее к своей груди.

Однажды вечером, пригнав домой скотину, Анна увидела на дворе много мужчин, они разговаривали с отцом. Только одного из них — черноусого Клугу — она знала, остальные были чужие. Загнав скотину в хлев, она зачерпнула шайкой воды, присела на чурбан у кучи хвороста и стала очищать пасталы.

— Если мы будем сидеть сложа руки, лет через десять Змеиное болото нас всех затопит, — страстно говорил Клуга. — Половина моей земли уже сейчас заболочена.

— А разве у меня лучше? — добавил другой. — С каждым годом урожай уменьшается. Скоро нечем будет кормить семью, а чем платить налоги и долги в банк? В один прекрасный день пустят с молотка.

— Я разве что говорю... — задумчиво протянул Антон Пацеплис. — Но что мы можем предпринять? Это огромная работа. Кто может ее осилить и где нам взять деньги на мелиорацию? Влезать в новые долги? Я от старых задыхаюсь.

— Но ведь это окупится! — воскликнул Клуга. — В несколько лет мы вернем с лихвой затраченные средства и труды. Без пота и жертв такие дела никогда не делались. Надо только, чтобы все этого захотели. Ну, подумайте сами: когда осушим болото, на наших лугах вы-

растет такой клевер, что его не скосить, а на самом болоте посеем хлеб, разведем сады. Сейчас здесь от одних комаров нет никакого спасения.

— Как смотрит на это Тауринь? — поинтересовался Пацеплис.

— Да ну его... денежный мешок... — Клуга махнул рукой. — Ему ведь вода к горлу не подступает. И слышать не желает об участии. Его земля, мол, от излишка влаги не страдает, и пусть его не беспокоят, — вот что он говорит. Его мельнице нужна вода. Мы можем утонуть а он будет наживать деньгу.

— Без Тауриня нам этого дела не поднять, — заметил кто-то. — Если он отказывается принять участие в рытье канала, не стоит и начинать. Не нам тягаться с таким человеком.

— Я тоже так думаю, — сказал отец Анны. — И зачем этому каналу идти обязательно через мою землю? Пользу получат все, а мне придется лишиться нескольких пурвиет. Кто мне возместит это — может, ангелы?

— Через твою землю самый короткий путь к реке, — пояснил Клуга. — Да и уклон здесь тоже самый большой. А вместо земли, отошедшей под канал, тебе прирежут участок от осушенного болота.

— Да, и я должен буду корчевать пни и маяться с кустарником, — ответил холодно Пацеплис. — Вместо обработанной земли получить целину — это здорово!

Так они спорили довольно долго и разошлись, ни о чем не договорившись. Слишком велико и могуче было Змеиное болото, чтобы горсточка людей осмелилась начать с ним решительную схватку. Слишком силен был и Рейнис Тауринь. Как вековечное проклятие, лежало болото в своем огромном гнезде, с каждым днем все больше раздаваясь в стороны. Не в первый раз отчаявшиеся крестьяне думали начать с ним борьбу, но всякий раз их попытки оставались бесплодными.

Жили тогда латыши разрозненно, каждый на своем небольшом хуторе, который в их глазах являлся целым миром; редко они действовали сообща, поэтому не привыкли совместными усилиями совершать большие дела, непосильные любому из них в одиночку. Хутор, это обособленное гнездо крестьянской семьи, отдалял людей друг от друга, суживал их горизонт от одной межи до другой и накладывал свой отпечаток на всю жизнь латышского

крестьянина. Не было ничего удивительного в том, что Антон Пацеплис спрашивал эгоистично: «Зачем этому каналу идти обязательно через мою землю?» Это спрашивал житель хутора...

Следующим утром, выгнав скот на пастбище, Анна долго смотрела на мрачное болото. Оно тянулось на много километров, другим своим краем вдаваясь в землю соседней Айзпурской волости. Подобно зеленому поясу, рос по краю болота густой ольшаник. За ним раскинулось унылое пространство с карликовыми сосенками, чахлыми березками и мелким кустарником на редких болотных островках, к которым вели узкие тропинки. Отовсюду глядели круглые и бездонные болотные окна, маленькими озерками блестела на солнце вода луж. Но и здесь, в этом царстве запустения и тлена, росли алые и белые цветы, порхали птицы и звучали голоса живых существ. Тучи комаров носились над трясиной, вечерами воздух гудел от мошкары, а в полдень, свернувшись на кочках, грелись на солнцепеке гадюки. Ни одно лето не проходило без того, чтобы змеи не покусали скотину или человека. Поэтому пастухи носили толстые шерстяные чулки и всегда ходили с короткими палками. Отец научил Анну бить змей, и она их уже не боялась. Иногда она убивала по две-три гадюки в день. В сущности, это было небольшим искусством: нужно только с первого удара точно попасть в голову змеи и при втором взмахе не подымать высоко палку, так как гадюка могла обвиться вокруг палки — и ее можно было забросить себе на шею.

Старый пес Рипсис оказался хорошим помощником Анны. Стоило только показать ему гадюку, как он, схватив зубами, яростно мотал ее из стороны в сторону до тех пор, пока она не становилась неподвижной. Во время этих схваток бывало, что змея жалила собаку; тогда пес несколько дней ходил с опухшей мордой и терся ужаленным местом о землю, но ничего худого с ним не случалось. Старики говорили, что собаки знают такие травы, которые помогают от укусов змей, находят их и едят, пока не выздоравливают.

«На самом болоте можно будет сеять хлеб, разводить сады...» — вспоминала Анна слова Клуги. Убедившись, что скотина спокойно щиплет траву, девочка мечтала о том времени, когда она вырастет большой и сделает так, чтобы Змеиное болото превратилось в прекрасный

цветущий сад. Она не знала, как это сделает, но крепко верила — придет время, и она победит болото. Словно по щучьему веленью исчезнут опасные болотные окна, сгинут змеи, и там, где сегодня чернеет грязь, расцветет много красивых яблонь и вишен. Посередине огромного сада будет возвышаться красивый дом — такой белый, с большими окнами, под красной шиферной крышей, ну прямо как в Ургах у Тауриня. Вокруг дома расцветет много красивых цветов — красных, фиолетовых, белых и желтых, а в центре сада будет скамейка и маленькая простая табуретка. Отец с матерью сядут на скамейку отдохнуть после работы, а Анна присядет на табуретку и почитает им вслух о далеких солнечных странах, где весь год погода такая теплая, что люди даже зимой ходят в тонкой белой одежде. Мамуля тогда не станет так много работать, все для нее сделает Анна. А подальше от их дома будет красоваться много таких же прекрасных домов соседей, и все будет так чудесно, как в сказке.

«Я это сделаю... — думала девочка. Она решила сегодня в обед рассказать, матери про свою мечту. — Может, тогда мамуле станет легче, и она больше не будет так сильно кашлять».

В одном месте Анна нашла много сладкой лесной земляники; сделав из бересты туесок, она наполнила его ягодами.

«Отнесу маме, она в этом году не съела еще ни одной ягодки. Пусть попробует. Я посижу с ней и не дам покоя, пока не съест все до последней землянички».

Приятно было сознавать, что можешь доставить радость единственному человеку, который тебя действительно любит всеми силами своего чистого сердца.

С туеском ягод и с букетиком пестрых цветов в руках девочка пригнала в обед домой скот и, загнав его в хлев, поспешила к матери. На пороге ее задержала старая Сурумиене.

— Не ходи сейчас туда. Побудь здесь.

Все люди казались серьезными и озабоченными, у отца были покрасневшие глаза, а Жан, сидя в углу кухни на чурбане, тихо плакал.

— Что с тобой, Жанит? — спросила Анна.

— Мамуся умерла... — всхлипывая, ответил мальчуган. — Она больше не говорит... не встает...

Девочка вздрогнула и некоторое время, оцепенев.

стояла посреди кухни, устремив взгляд куда-то далеко-далеко. Потом лицо ее задергалось, а сама она вдруг так обессилела, что не могла устоять на ногах. Присев рядом с Жаном, не выпуская из рук букетик и туесок, Анна судорожно зарыдала.

...Позже этот букетик Анна положила в гроб — на грудь матери. Туесок с земляникой взрослые не разрешили класть в гроб и оставили его тут же на подоконнике; там он стоял до вечера, пока его не заметил Бруно, которого тоже на минутку впустили посмотреть покойницу. Он сейчас же стянул ягоды и, выйдя в сад, съел их.

Не стало больше у Анны единственного друга, к которому можно было приласкаться и рассказать все, что она думала и чувствовала. И некому теперь было поведать о своей большой мечте: о превращении Змеиного болота в чудесный сад, который вырастет над трясиной.

Через три дня Кристину похоронили на старом Пурвайском кладбище, поодаль от могилы Лины Мелдер: хоронить ее рядом с первой женой Антон Пацеплис не осмелился: старые Мелдеры могли это расценить как оскорбление и унижение памяти их покойной дочери. Человеку батрацкого происхождения даже после смерти не полагалось лежать рядом с дочерью богатого хозяина, поэтому между их могилами оставили два свободных места — на семейном кладбищенском участке Пацеплисов места еще хватало.

5

Через полгода после смерти Кристины умер старый Сурум. Двумя месяцами позже Антон привез домой третью жену — старую деву в летах, рослую и костлявую, с большой волосатой бородавкой на щеке, придававшей ее лицу смешное выражение. Лавиза Плука — так звали новую жену Антона — была сестрой какого-то разорившегося земледельца. Анна и Жан приобрели строгую мачеху, а их отец — суровую жену, у которой он в скором времени очутился под башмаком. Сурумиене пришлось уступить новой невестке все ключи: та не терпела, чтобы свекровь совала свой нос в хозяйственные дела. После нескольких неудачных попыток сопротивления старая хозяйка смирилась и большую часть времени проводила в маленьком чуланчике рядом с кухней. С тех пор как Бруно

начал ходить в школу, ей почти нечего было делать — пришло время, когда старуху стали больше всего занимать воспоминания. Теперь случалось, что Сурумиене в присутствии Лавизы начинала хвалить покойную Кристину: каким она была хорошим человеком — усердная и нетребовательная — и как во всем слушалась свекрови.

Лавиза, казалось, не обращала внимания на болтовню старухи, только всегда почему-то получалось, что в тарелке Сурумиене похлебки оказывалось меньше, чем у других, а ломоть хлеба — с самой толстой и подгорелой коркой.

Может быть, это и было причиной того, что властолюбивая старуха так быстро начала чахнуть и пережила своего старика только на несколько месяцев. Когда ее отвезли на кладбище и похоронили рядом со старым Сурумом, никто особенно не горевал, а Лавиза даже не пыталась скрывать своей радости.

Антон наказал детям называть Лавизу матерью, но здесь он в первый раз наткнулся на сопротивление: Бруно называл мачеху или Лавизой или просто мачехой. Анна и Жан — тетей Лавизой. К наследнику Мелдеров мачеха не осмеливалась прикасаться — это ей было строго-настрого запрещено уже на второй день после свадьбы, — но тем охотнее и чаще таскала она за волосы Анну и Жана, срывая таким образом накопившуюся злобу.

Осенью, вскоре после смерти матери, Анна начала ходить в школу С первого дня ей очень понравилось в школе. Учеба давалась легко, почти по всем предметам Анна получала пятерки, но главное было то, что в школе она чувствовала себя гораздо лучше, чем дома. Учителя любили старательную девочку и нередко ставили ее в пример другим детям. Мальчики и девочки, с которыми училась Анна, не обижали ее, не дразнили. Некоторые даже пытались подружиться с нею, и если этого не получалось, то только потому, что Анна была застенчива. В школе она отдыхала. Но стоило ей под вечер прийти домой, как мачеха начинала распоряжаться и не давала падчерице ни одной минуты покоя.

— Анна, пойди наруби корму скотине! Принеси хворосту! Подмети избу! Почисти подойник! Сходи в погреб, принеси картошки! — Распоряжение следовало за распоряжением.

Анна безропотно делала все, что ей приказывали. Уроки

приходилось готовить поздно вечером, когда взрослые уже спали. Только благодаря своим способностям Анна не отставала и училась хорошо.

Бруно начал ходить в школу годом раньше и был уже во втором классе. В школе его окружали друзья, и он не подпускал к себе Анну. Тот, кто не знал их, мог подумать, что это дети из разных семей. Домой они возвращались порознь.

Годом позже в школу пошел Жан. Теперь у Анны был спутник. Только зимой, в очень плохую погоду, Пацеплис отвозил своих детей на лошади, но он их не слишком баловал: шесть километров туда и шесть километров обратно — не такое уж огромное расстояние.

Летом Анна опять пасла скот, теперь уж вдвоем с Жаном, а Бруно все каникулы проводил в Мелдерах.

* * *

Так проходил год за годом.

Анна окончила пятый класс основной школы. Когда она принесла домой свидетельство, где по всем предметам стояли одни пятерки, отец с Лавизой долго разглядывали его и совещались о чем-то наедине, затем позвали Анну.

— Теперь ты достаточно образованна, — сказал отец. — Мне удалось проучиться только три зимы в волостной школе, но разве у меня не хватает ума для жизни? Ты проучилась пять зим. Для женщины этого хватит с излишком.

Анна побледнела. Она надеялась, что ей разрешат по крайней мере закончить полный курс основной школы — все шесть классов, зимой ведь дома особой работы не было.

— Тебе уже больше двенадцати лет, — сказала мачеха. — Скоро будешь взрослой девушкой. Пора помогать родителям и зарабатывать хлеб.

— Да, конечно... — прошептала Анна.

Не имело смысла просить и уговаривать — в Сурумах нужен был работник. Тоска весь день сжимала сердце Анны, вечером она даже немного поплакала, но изменить что-либо в своей судьбе не могла. Отца, пожалуй, удалось бы переубедить, но этим ничего не достигнешь — он во всем подчинялся воле жены.

Для Анны началась тяжелая пора жизни. Летом Жан пас скот один, а Анна с утра до вечера надрывалась на работе: доила коров, полола огород, варила болтушку свиньям, таскала воду из колодца, а во время сенокоса работала на лугу. Лавизе не нравилось становиться к корыту с бельем — ее больное сердце будто бы не переносило пара. Анна стирала на всю семью, по субботам скребла и мыла полы, топила баню. К осени ей купили ситцевую юбку и желтые резиновые тапочки — это все, что она заработала за целое лето.

Бруно, окончив основную школу, уехал учиться в школу лесничих, так как старые Мелдеры хотели, чтобы их наследник по образованию не отставал от лучших людей их округи; все расходы по обучению они взяли на себя. Жану, как будущему хозяину Сурумов, разрешили закончить основную школу, но о дальнейшей учебе ему и думать не приходилось, хотя мальчик был способный и проявлял большой интерес ко всяким машинам и технике.

Анна, собрав старые учебники Бруно за шестой класс, в течение нескольких месяцев прочла их по вечерам и закончила таким образом курс основной школы.

А дальше? Дальше были только хлев, кухня, борозды картофельного поля, полные воды, и корыто с бельем.

В волостном Народном доме устраивались иногда театральные представления и концерты хора, но во главе местной культурной жизни стояли айзсарги и айзсардзес [1], и это накладывало на всю культурную работу мрачный отпечаток.

Однажды Анна заговорила о вступлении в хор, но мачеха высмеяла ее и грызла потом целую неделю.

— Глядите, какой соловушка нашелся! Хор ей понадобился! Если ты не знаешь, куда деть свою глотку, пойди на болото и наорись там всласть. Кто же будет коров доить, если ты два раза в неделю, задрав хвост, будешь бегать на спевки? Не думай, что я за тебя буду надрываться.

Анна смирилась и больше не мечтала о хоре.

Она начала брать из местной библиотеки книги. Но читать можно было только по ночам, когда вся дневная работа была сделана и отец с мачехой уже спали. Жертвуя своим коротким отдыхом, девушка, захлебываясь,

[1] Айзсардзес — женщины айзсарги.

читала художественную литературу, описания путешествий, исторические книги и биографии замечательных людей.

Она понимала, что не читать нельзя. Надо искать в книгах то, чего не было в ее теперешней жизни. Если она не будет этого делать, то как воды Змеиного болота постепенно затопляют луга и низменные поля, так эта пустая тяжелая жизнь понемногу задушит ее, она станет тупой и ограниченной — мягкой глиной в руках своих угнетателей. Этого как раз желал отец Анны — Антон Пацеплис. Об этом же мечтала мачеха, которой в тягость стала даже кухонная плита — все остальные домашние работы надоели ей уже раньше, когда падчерица кончила ходить в школу. Лавиза не жалела сил, чтобы превратить Анну в покорного раба, которому ничего не нужно и который не смеет ничего требовать для себя.

Но как бы наперекор невыносимой жизни, девушка с каждым днем расцветала, становилась красивей и привлекательней и все больше начинала походить на свою мать в дни ее молодости.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Ян Лидум лег спать сразу после поверки. Днем пришло письмо от Ильзы, и он все время думал о тех скупых сообщениях из внешнего мира, которые оно принесло.

Вытянувшись на нарах, Ян Лидум предался воспоминаниям: перед ним проплывали картины его мрачной, но богатой событиями жизни. Уже более трех лет он провел в тюрьме.

Подследственное время — несколько месяцев — он просидел в одиночке. Охранка не могла предъявить ему никаких конкретных обвинений, так как при аресте не было найдено ничего компрометирующего, но в то же время она не желала разоблачать своих агентов, по доносам которых был арестован Ян. Следователи извивались, как ужи, стараясь выудить у Яна хотя бы нечаянное признание о его участии в подпольной работе. Убедившись, что все старания тщетны, противники Яна переменили тактику — они стали помещать к нему в одиночку провокаторов. Один такой тип — разговорчивый парень — пробыл с Яном почти целый месяц. Он много рассказывал о своей революционной деятельности, надеясь, что этот простой батрак на его откровенность ответит еще большей откровенностью. Но Лидум отмалчивался. «Товарища» по камере убрали, и спустя неделю его место занял другой.

Этот весь первый день молчал, притворялся подавленным и давал понять, что присутствие Яна его тяготит. На следующий день он потихоньку начал ругать тюремную администрацию и существующий государственный строй, на третий день не удержался и стал просить у Яна совета, как ему вести себя на суде: его якобы обвиняют в подготовке вооруженного восстания: к несчастью, имеются определенные доказательства, — если он не будет знать, как защищаться, дело может кончиться весьма скверно. Ян не поддался и на эту удочку. Попытали счастья еще двое, но простой батрак не сделал ни одного ложного шага; в конце концов его пришлось судить только на основании агентурных донесений.

Вскоре после суда его перевели в общую камеру, Выяснив, что Ян Лидум во время следствия и на суде вел себя так, как полагается настоящему борцу, товарищи приняли его в свой коллектив. Теперь вся его жизнь была связана с этим коллективом, в жизни которого царил удивительный порядок, железная дисциплина и благородное чувство товарищества — сила, которую ненавидели и которой боялись те, кому сегодня принадлежала власть в Латвии. Каждый кусок хлеба, каждая капля супа, каждый сантим — все было общим и использовалось так, как этого требовали интересы коллектива. Авторитет Яна Лидума быстро рос. Скоро его выдвинули старостой камеры, а когда подошло время перевыборов партийных органов, его единогласно избрали в комитет этажа. Годом позже Ян стал уже членом корпусного комитета.

Как все политзаключенные, Лидум все время неустанно учился. Он изучал языки и общественные науки, где главное место занимали философия марксизма-ленинизма и политэкономия, интересовался также математикой и техникой. Связь с внешним миром была налажена так хорошо, что о многих событиях жизни Латвии и зарубежных стран они в тюрьме узнавали одновременно с находящимися на свободе товарищами. Каждое утро, сразу после утренней поверки и завтрака, все двадцать пять заключенных общей камеры садились за столы и начинали заниматься. И это спасало их от тоски и скуки, сохраняло бодрость духа. Гимнастика помогала хотя бы частично сберегать физические силы.

Но не только это давало им силы выдержать все испытания и ужасы долголетнего заключения: главный ис-

точник, из которого они черпали свои силы, было сознание того, что они не одиноки. За тюремными стенами, на воле, в глубоком подполье напряженно работали их товарищи по борьбе, руководимые Центральным Комитетом неустрашимой коммунистической партии Латвии. Везде: на больших заводах и в небольших мастерских, в порту и на железной дороге, в городах и селах угнетенной страны — всюду были смелые и самоотверженные люди, готовые отдать все свои силы великой борьбе за освобождение народа. И была — совсем недалеко, на востоке, — великая страна победившего социализма — Советский Союз! Туда обращались взоры и мысли заключенных: в самые мрачные дни неволи сознание того, что в мире существует Советский Союз, давало им ту сказочную силу, которую не могли сломить ни «черные месяцы», ни карцер, ни истязания, ни голод. Люди жадно подхватывали каждую весточку о т т у д а; не было большего счастья, чем получить какую-нибудь советскую книгу или журнал, где рассказывалось, как советские люди строят свой новый чудесный мир.

Все попытки тюремной администрации сломить эту силу сопротивления остались безуспешными. Если кто-нибудь из заключенных начинал сдавать, коллектив сейчас же окружал его заботой и помогал ему.

Когда Лидум получил от Ильзы письмо, в котором она рассказала о смерти Ольги и о передаче Айвара в руки чужих, Ян зашатался от этого ужасного удара; находись он в то время в одиночке, весть эта, наверное, лишила бы его духовного равновесия и привела бы к депрессии, но товарищи по камере позаботились, чтобы этого не случилось. Только на один день Ян был выбит из колеи — не мог ни читать, ни заниматься, а потом он сумел превозмочь тоску и снова зажил прежней жизнью. Все же сердце его сильно болело. Айвар, надежда всей его жизни, сын, которого он мечтал видеть в рядах славных борцов и строителей новой жизни, — что теперь станется с ним? Чужие люди воспитают его по-своему, поведут его по чужим тропам, а он, Ян Лидум, не в силах предотвратить это.

Вот и сейчас он думал об этом. В камере постепенно воцарилась тишина. Один за другим ложились и засыпали товарищи, но он не сомкнул глаз до утра. Скрестив могучие руки на груди, Ян Лидум смотрел на потолок,

где слабо светилась маленькая лампа, и думал свою тяжелую думу. Ни шаги надзирателей в коридоре, ни резкие свистки проносящихся мимо тюремной стены локомотивов не могли отвлечь его от мрачных мыслей, хотя он и сознавал, что, как ни велико его горе, надо перенести все невзгоды. Пусть его сердце исходит кровью и острая боль охватывает все существо, но надо сделать так, чтобы ни один из его врагов никогда не смог сказать, что ему удалось сломить Яна Лидума.

2

Настала пятница. В шесть утра, после звонка, Ян Лидум встал, поднял нары и вместе со всеми товарищами по камере стал ждать, когда их поведут умываться — обычно вели всю камеру сразу.

Коридор наполнялся звуками. Бряцали ключи, стучали деревянные коты, раздавались голоса, но сегодня этот шум был какой-то особенный, во всем ощущался подъем, его можно было заметить и в движениях и в выражении лиц заключенных — наступал очередной день передач и свиданий. Каждый, у кого было основание ожидать посещения, чувствовал себя необычно. Более беспокойные разговаривали друг с другом, пытались угадать, кого из них вызовут сегодня на свидание.

Впервые за все тюремные годы такое настроение передалось и Яну Лидуму. Он стеснялся признаться в этом товарищам, но те и так знали, почему Ян не может усидеть за книгой, почему он так долго не переворачивает страницы, уставившись глазами в одну точку. Ясно, его мысли заняты чем-то другим.

— Ждешь, Лидум, не правда ли? — спросил, улыбаясь, один из товарищей по камере. — У тебя есть основания ждать.

— Ты думаешь? — вопросом ответил Ян. — Хотелось бы разочек дождаться, но кто знает, как там у сестры время позволит.

— Мы от всего сердца желаем тебе удачи, — сказал товарищ.

Скоро надзиратели начали приносить «пудинги». Впервые Ян тоже получил передачу. Масло, белый хлеб, са-

хар, сыр — все было испробовано и истыкано щупом вдоль и поперек.

Староста камеры присоединил «пудинг» Яна к остальным передачам и занес в список, что и сколько принято (позже весь этот запас продуктов будет распределен среди заключенных камеры так, как коллектив найдет нужным).

Теперь надежды Яна на свидание стали еще определеннее. Ильза была в Риге, совсем близко, и ждала, когда помощник начальника тюрьмы назовет ее имя. Еще полчаса, час, может быть два — и они смогут глядеть друг другу в глаза, искать на лице новые линии, проведенные незримым карандашом времени, и говорить. Пятнадцать минут пролетят, как мгновенье, и только позже, когда чужие люди их разъединят, они вспомнят, что остались сотни незатронутых вопросов и почти ни о чем они не успели переговорить. Чтобы возможно полнее использовать короткое свидание, Ян заранее обдумал, о чем он расскажет и какие вопросы задаст Ильзе, но он забыл, что и у Ильзы тоже найдется о чем рассказать и о чем спросить, поэтому все его планы разлетелись позже, как дым.

Наконец наступил долгожданный момент. Надзиратель открыл дверь камеры и выкрикнул фамилию Яна.

— На свидание!

Вместе с другими заключенными Лидум, расправив богатырские плечи, вошел в помещение для свиданий. Проходя мимо первых отсеков, где за двойной стеной проволочной решетки уже стояли посетители, дожидаясь появления своих родственников и друзей, Ян острым взглядом впивался в каждое лицо, и вдруг его сердце забилось учащенно и порывисто: в четвертом отсеке стояла Ильза. Этот отсек был одним из самых неудобных: он находился посредине, с обеих сторон переговаривались, и трудно было расслышать, что говорят тебе.

Брат и сестра сразу узнали друг друга. Вцепившись в решетку, Ильза со слезами на глазах смотрела на Яна и взволнованно улыбалась, вначале будучи не в состоянии вымолвить ни слова.

— Братик... Ян, милый... — шептала она, не соображая, что в хаосе раздающихся кругом них криков Яну не слышны ее слова. Потом, успокоившись, Ильза заговорила громче и наконец поняла, что брат ей что-то расска-

зывает и о чем-то спрашивает. — Как твое здоровье, родной? — был ее первый вопрос. — Почему ты такой бледный? Не болит ли у тебя грудь?

— Я так же здоров, как прежде, — ответил Ян. — Где же я загорю, если не бываю на солнце? А как ты сама, Ильзит? Вообще-то выглядишь молодцом... как всегда.

— Привет тебе от Артура.

— Передай и ему сердечный привет. Об Айваре ничего нового не узнала?

— Нет ничего нового, родной, — Ильза тяжело вздохнула и потупила глаза, чувствуя себя виноватой перед братом. — Все люди, к кому обращалась по этому делу, говорят, что мы ничего не добьемся. Таков закон. Мы утеряли всякие права на Айвара, и он якобы утерян для нас навсегда. Что нам теперь делать?

— Ты ничего не добьешься, — ответил Ян. — Может, когда-нибудь... я сам... когда выйду из тюрьмы. Я подумаю об этом, поговорю с товарищами. Если что-нибудь дельное придумаем, сообщу тебе.

Они заговорили о другом: об Ильзе, ее работе, об Артуре, о разных повседневных делах. За спиною Яна стоял тюремщик и с усмешкой вслушивался в их разговор.

— Очень часто не приходи на свидания, — сказал Ян напоследок. — Это тебе слишком трудно.

— Буду навещать тебя дважды в месяц, — ответила Ильза. — Мне совсем не трудно. Только не пытайся отговаривать.

Они не спускали глаз друг с друга. Страдальческое выражение не сходило с лица Ильзы. Ян был как всегда спокоен и невозмутим, его фигура, голос, каждое движение выражали уверенность и силу. Ильза предполагала увидеть человека, надломленного пережитым, подавленного, но в нем не было ничего такого, разве только бледность и немного более впалые щеки, да еще несколько глубоких морщин в уголках рта и более резко очерченный подбородок.

— Кончать! Время свидания истекло! — прервал их беседу резкий окрик надзирателя.

Ян приветственно махнул рукой, улыбнулся и, уходя, поднял кулак над головой — то был привет борцов. Смутившаяся Ильза не сообразила, как ему ответить. Сту-

ча деревянными котами, заключенные вышли из помещения.

Вечером в общей камере можно было ожидать обыска. Надзиратель после обеда беспрерывно крутился у дверей и исподтишка наблюдал, но заключенные спокойно беседовали; ничто не свидетельствовало о том, с каким нетерпением ждут они вечера, когда обычно читались тайно полученные записки. Написанную на тонкой папиросной бумаге записочку обыкновенно помещали между листами книги. Читающий садился за стол, раскрывал книгу и, стараясь сохранить обычное выражение лица, прочитывал нелегальную весть из внешнего мира или из другого тюремного корпуса, — в своем корпусе заключенные разговаривали перестукиванием. Но как бы внешне спокойно ни выглядел читающий, внутренне он был напряжен до предела и был готов в любой момент скомкать папиросную бумажку и проглотить ее.

Сегодня шестерым товарищам по камере прислали «пудинги», а четверо получили свидание. Тюремная администрация была уверена, что в одной из передач должно находиться тайное письмо. Во время ужина его, безусловно, нашли и сейчас при первой возможности попытаются прочесть.

После ужина, состоявшего из нескольких картофелин и куска гнилой селедки, Ян Лидум присел к столу, чтобы изучить один из разделов книги Сталина «Вопросы ленинизма».

Внезапно раскрылась дверь и в камеру ворвались дежурный надзиратель и старший по этажу. Старший одним прыжком подскочил к столу и выхватил из рук Яна Лидума книгу, а коридорный надзиратель наблюдал за каждым движением заключенного.

Не найдя в книге того, что искал, старший надзиратель приказал Яну раскрыть рот, осмотрел зубы, пошарил пальцем под языком, нажал даже на гортань. Не успокоившись, он велел Яну раздеться догола и тщательно осмотрел тело, прощупал каждый шов одежды, а после долго рылся в принесенных продуктах.

— Скажите добром, куда спрятали письмо! — кричал он. — Все равно найду. Ведь вам меня, старого воробья, не провести.

— Никто не собирается этого делать... — ответил Ян.

— Береги морду, образина! — неистово закричал стар-

ший надзиратель и поднес к лицу Яна кулак. — В два счета фонарь поставлю. Зубы выкрошу, тогда посмотрим, чем будешь кости грызть.

Наконец он ушел, на прощанье метнув злой взгляд на заключенных:

— Я вам еще покажу!

Коридорный надзиратель, последовав за ним, в свою очередь погрозил кулаком.

А через четверть часа все обитатели общей камеры уже знали содержание конспиративной записки, все же попавшей сюда. Товарищи из соседнего корпуса сообщали о провокаторе, засланном вчера в их корпус. Надо было сейчас же выяснить, в какой камере он находится. Вечером, после поверки, когда коридор был заперт и ключи унесены, началось перестукивание. Из камеры в камеру, из этажа в этаж передавалась предостерегающая весть. На следующее утро какой-то побледневший тип просил надзирателя перевести его в другое место, ибо оставаться здесь он больше не может. Ни один этаж, ни одна камера его не принимали, и тюремной администрации ничего не оставалось, как поместить иуду в одну из «звериных клеток», которые занимали целый этаж в одном из корпусов. Только там он, не ощущая гнева заключенных, на некоторое время избавлялся от справедливого возмездия.

Всю ночь после свидания с Ильзой Ян Лидум не мог уснуть. В его мозгу раскаленными углями горели тяжелые думы о смерти Ольги, о судьбе Айвара, находившегося теперь во власти чужих, возможно, черствых и бессердечных людей.

3

Прачечная, в которой работала Ильза Лидум, находилась недалеко от центра уездного города, в полуподвальном этаже старого кирпичного здания. Первый год Ильза проработала сборщицей белья: с объемистой корзиной и мешком ходила она от квартиры к квартире, собирая грязное белье для прачечной. Потом ее перевели на работу в стиральное отделение, — там она работала более двух лет, — а сейчас Ильза уже третий год гладила белье и так освоила все тонкости своей профессии, что владелец прачечной давал ей в последнее время крахмалить и гладить самый дорогой и тонкий товар: дамское

белье с кружевами, гардины, верхние шелковые сорочки. В гладильне у нее был свой стол со всеми необходимыми принадлежностями.

Как и остальные работницы прачечной, Ильза весь день работала стоя и, закончив вечером работу, чувствовала себя бесконечно усталой. Товарищи по работе — жены и дочери рабочих — любили посудачить о событиях жизни городка; если вблизи не было хозяина прачечной или мастерицы, они вполголоса говорили о владельцах и владелицах белья, о личной их жизни, которая давала достаточно пищи для насмешек, презрения и ненависти. Ильза в этих пересудах не участвовала, но относилась к товарищам по работе хорошо и сердечно, ибо одинаково тяжел был их труд, всех одинаково давила горькая нужда, а унизительное и бесправное положение, в котором все они находились, рождало жгучую ненависть.

Надувшись, несмотря на свою сухопарость, словно индюк, готовый лопнуть от сознания своей власти и важности, ходил из отделения в отделение владелец прачечной Лемкин. На работе никто и никогда не видел его улыбающимся, не слышал приветливого или вежливого слова, а вот по воскресеньям в церкви этот тип сидел в первых рядах в соседстве с городским головой, мясником Треем, директором школы и другими столпами местного общества, пел хоралы и шептал молитвы. По вечерам Лемкин любил играть на бильярде в доме общественного собрания и, подкрепившись несколькими глотками спиртного, пробирался в темноте к перворазрядному ресторану «Астория», ибо там были отдельные кабинеты и дамы. Все это отнюдь не мешало ему состоять членом приходского совета и занимать почетные общественные посты.

— Леность и озорство суть главные причины бедности... — обыкновенно отвечал он тем, кто в тяжелую минуту обращался к нему за помощью. — Работайте так же трудолюбиво, как я, и живите по заповедям господа бога нашего, и вы будете преуспевать.

Ни для кого не было секретом, что он живет с мастерицей прачечной, краснощекой толстушкой Эперман, не прочь пристать и к молодым работницам, но разве это могло как-нибудь повредить доброй славе этого честного человека? Конечно, нет: он был хозяином, богатым человеком и видным деятелем городка — ведь его нельзя мерить на один аршин со всеми прочими смертными. Зато

никто не мог запретить прачкам за глаза называть хозяина пиявкой, лицемером, прохвостом и гадиной. Особенно ядовитые замечания на счет Лемкина отпускала прачка Карклинь, довольно молодая женщина, жена носильщика досок на лесопилке. Несмотря на ее острый язык и резкие заключения, Ильза больше других дружила с ней, видимо потому, что Карклинь говорила всегда лишь о том, что она сама хорошо знала и понимала.

— Такого Лемкина надо самого на несколько месяцев поставить к бельевому котлу, — начала как-то Карклинь, возвращаясь вместе с Ильзой домой с работы. — Тогда б мы посмотрели, какое покорное лицо будет у него в церкви во время богослужения. Последнюю кровинку готов высосать из рабочего, а перед богом свят, как ангел. Настоящая дрянь.

— Если б у нас было так, как в Советской России, то Лемкину пришлось бы ходить по домам с бельевой корзиной самому и собирать грязное белье, — заметила с усмешкой Ильза.

— В России... — вздохнула Карклинь. — Когда-нибудь и здесь так будет. Только бы все рабочие поняли, что для этого надо, и все разом бы потребовали справедливости. Но люди еще не так умны. Каждый думает о себе, поэтому ничего не получается. Когда люди начнут думать об общем, тогда Лемкину и всем прочим живодерам придется сказать аминь своим золотым денежкам.

На перекрестке они расстались, так как Ильза по дороге домой хотела зайти в библиотеку обменять книги. Хоть Карклинь и не сказала ей ничего такого, о чем Ильза не думала бы раньше, но пока она шла в библиотеку, в ее ушах звенели смелые слова прачки.

«Значит и здесь, в этом тихом углу, есть люди, которые думают так же, как Ян, так же, как я. Не мало людей чувствуют несправедливость и думают о завтрашнем дне. Пока только думают, ждут, надеются... Придет время, и они будут действовать и осуществлять свои чаяния. Ян, дорогой, тогда исполнится то, за что ты боролся, за что сейчас брошен в тюрьму. Когда же это будет?»

Ей почудилось, что прозрачный апрельский небосвод улыбается ее вопросам добродушно и дружески, будто понимает красоту и благородство ее мечтаний. Но об этом мечтала не одна Ильза, — об этом мечтали сотни, тысячи людей и здесь и вдали от этих мест.

Библиотекарь, моложавый мужчина в роговых очках, с густыми, зачесанными назад волосами, хорошо знал вкусы своих читателей, и не пытался предлагать Ильзе новинки — бульварные романы Ольги Бебутовой и Курт-Малера (в городке на них был большой спрос), не навязывал и псевдоисторические романы Александра Грина или произведения других националистических «трубадуров». Библиотекарь, у которого была привычка не смотреть в глаза собеседнику, молча положил на прилавок солидную стопу разных книг. Здесь были и классики мировой литературы и несколько политических брошюр. На самом верху лежал роман Федора Гладкова «Цемент», недавно изданный в Латвии на русском языке. Других посетителей в библиотеке не было: поток школьников прошел, чиновники, кончавшие работу раньше, тоже уже получили книги. Библиотекарь незаметно наблюдал за Ильзой.

«Возьмет или не возьмет «Цемент»?» — думал он. Что Ильза Лидум читает и русские книги, он давно знал.

Ильза взяла «Цемент» и, отложив книгу в сторону, обратилась к библиотекарю:

— Нет ли у вас книги «История рабства»? Автора не помню. Может, вы знаете...

Библиотекарь вышел в соседнюю комнату, где хранилась научная литература; порывшись на полках, вернулся и подал Ильзе:

— Прошу. Эту вы хотите?

— Да, — ответила Ильза, перелистывая брошюру. — Большое спасибо.

Библиотекарь, вынув из книг карточки и отметив число выдачи, отпустил Ильзу. Как только за нею закрылась дверь, он достал из кармана блокнот и записал:

«Читательница Ильза Лидум — «Цемент», «История рабства».

«Придется сегодня же сообщить начальнику точки политической охраны... — подумал он. — Первое мая не за горами. Ему будет полезно знать, какими вопросами интересуется эта женщина. За последнее время начальник точки должен быть мною доволен, я доставляю ему интересные сведения».

Из библиотеки Ильза направилась к себе. Квартира ее находилась на окраине, в чердачном помещении старого деревянного домишки. Она не торопилась — была

прекрасная погода, и хотелось подышать свежим воздухом.

Ильза всю дорогу думала. Окружающая обстановка не отвлекала ее внимания. Жизненный пульс уездного городка бился так медленно и тихо, что был почти незаметен. За годы, которые Ильза с Артуром прожили здесь, ничего не изменилось. Тот же городской голова, тот же начальник полиции, те же самые жители... только дети подросли да кое-кого из соседей отвезли на кладбище. В жизни самой Ильзы внешне тоже ничего не изменилось, но внутреннее содержание медленно и беспрестанно менялось, становилось с каждым днем богаче. Каждая прочитанная книга расширяла кругозор, будила потребность новых знаний. Вспоминая, как учился брат в своей юности, Ильза хотела походить на него, жить с ним в одном мире, понимать его. В маленькой однокомнатной квартирке часто упоминали имя Яна Лидума — особенно теперь, когда Артур подрос и стал интересоваться тем, что происходило в окружающем мире. В школе он учился отлично, только не умел заискивать перед сынками зажиточных горожан, своими одноклассниками, не любил уступать им дорогу, а поэтому отметка за поведение бывало не подымалась выше тройки. Прошлой осенью, когда он подрался с сыном мясника Трея, Ильзу впервые вызвали в школу, и заведующий Лейниек прочел ей нравоучение о правильном воспитании детей. Она пообещала принять во внимание советы уважаемого педагога и быть строже с сыном, но какую можно было проявить строгость, если правда была на стороне Артура? Полкласса могло подтвердить, что сын богатого мясника напал первым. Он не любил, когда дети бедноты сопротивлялись, и тем более не переносил, если кто-нибудь колотил его, а в этот раз так и случилось.

— Ты избегай их, — советовала Ильза Артуру. — Держись в стороне, а если кто оскорбит, не обращай внимания. Такие Треи всегда будут правы в глазах учителя, потому что их отцам принадлежит решающее слово в городке.

— Разве мне молчать и тогда, когда в моем присутствии поносят... тебя? — спросил Артур. — Трей рассказывал всему класссу... нет, мама, мне не хочется повторять, это слишком подло...

— Мне ты можешь сказать, — ответила Ильза. —

Могу себе представить, о чем он говорил. Наверно, спрашивал, почему у тебя нет отца?

— Он сказал, что у меня целая дюжина отцов, только неизвестно, который настоящий. Поэтому меня и зовут сыном Ильзы. Мамуся, неужели я должен спускать ему? Ведь не я первый ударил, я только сказал, чтобы он попридержал язык. Тогда Трей ударил меня ногой и назвал... скверным словом. Ну... а после этого он получил как следует. И я снова поколочу его, если он осмелится говорить такие гадости.

Ильза долго говорила с Артуром и добилась того, что он обещал впредь не драться, а все рассказывать матери, и она уже решит, что делать. Можно ведь обойтись без драки: поговорить с заведующим школой или с родителями драчуна-мальчика. О своем отце Артур знал только, что он негодяй и не заслуживает того, чтобы видеть сына. Как его зовут и где он живет — Ильза ему не сказала.

То ли взбучка, которую получил в тот раз сын мясника, напугала наглых сверстников Артура, то ли сын постеснялся передавать матери все неприятное и унизительное, что приходилось слышать в школе, только после этого Ильзу не вызывали к заведующему. У матери и сына теперь было много других тем для разговоров.

Больше всего Артур любил слушать рассказы матери о дяде Яне Лидуме: как он рос, как учился, каким стал большим и сильным — таким могучим, что замышлял сокрушить всех угнетателей и насильников и начал с ними борьбу. Но в руках врагов была власть и, опасаясь Яна Лидума, они заточили его в тюрьму. Когда-нибудь он выйдет из тюрьмы, и тогда пусть поберегутся все негодяи и кровопийцы. Каждый получит по заслугам.

Во время рассказа Ильзы глаза Артура сверкали от восторга. Постепенно он узнал о Лидуме все, что было известно самой Ильзе, и в его сознании сложилось представление о дяде, как о сказочном герое. Теперь Артур больше всего желал походить на дядю, быть таким же большим, сильным и бесстрашным, так же смело бороться с угнетателями.

Он часто глядел на портрет Яна Лидума, висевший на стене, и мечтал о том, как, возмужав, раскроет тюремные ворота, разгромит стражу и выпустит из тюрьмы борцов за свободу и счастье народа, — тогда начнется со-

всем другая жизнь, и всем честным и бедным людям станет хорошо.

Иногда он делился своими мечтами с матерью, и Ильза поддерживала его, но советовала не надеяться на легкую победу. Если бы угнетателей можно было осилить без жестокой борьбы и тяжелых жертв — их давно бы осилили. Но до сих пор это сумели сделать лишь рабочие и крестьяне России — там больше нет ни одного угнетателя, ни одного эксплуататора, трудовой народ сам управляет государством.

— Если ты будешь учиться у них, то вместе с другими вы в Латвии сможете построить такое государство, только для этого надо очень много учиться.

Он, тринадцатилетний мальчик, обещал посвятить этому делу всю свою жизнь. Сейчас, медленно шагая из центра городка к себе на окраину, Ильза Лидум думала об этом.

Артур пришел из школы на несколько часов раньше Он встретил мать загадочной и чуточку лукавой улыбкой. Ильза поняла — ее ожидает сюрприз, но, не желая расстраивать задуманную сыном игру, сделала вид, будто ни о чем не догадывается. Артур еле дождался, пока она умылась и переоделась.

— Мама, — сказал он, сияя, — угадай, что у меня в кармане. Если угадаешь — получишь, если не угадаешь... тоже получишь, только немножечко позже. Если бы ты знала, что это, ты захотела бы получить сейчас же, сию же секунду.

— Наверное, письмо... — сказала, улыбаясь, Ильза. Не впервые Артур так шутил с ней.

Лицо Артура разочарованно вытянулось.

— Как ты узнала? Встретила на улице почтальона? Тот, болтун, не мог удержаться... сразу надо все рассказать.

— Почтальон мне ничего не сказал, — ответила Ильза. — Но когда ты объявил, что у тебя в кармане имеется кое-что, что я желала бы сразу получить, мне все стало ясно. Ну, давай сюда, сынок, не дразни мать.

Артур положил на стол голубовато-серый конверт с продолговатым штампом Рижской Цетральной тюрьмы. Ему и самому не терпелось, — в их тихой однообразной жизни каждое письмо Яна Лидума было чрезвычайным

событием, под впечатлением которого оба потом находились несколько дней.

Так же, как раньше, Ян в своем письме не мог сообщить ничего особенного. Он просил Ильзу прислать ему англо-латышский или англо-русский словарь. Он начал изучать английский язык и надеется за последние тюремные годы овладеть им. «Тогда попробую говорить с Артуром по-английски, — писал он, — пусть занимается хорошенько, пока еще есть время, а то дядя Ян опередит его. Поцелуй его, Ильзит, за меня, теперь он, наверно, уже большой. Передай, пусть учится в школе как можно лучше, я в тюрьме тоже занимаюсь каждый день. Знания нам когда-нибудь очень пригодятся, это такое богатство, ценнее целой горы золота. Ты, сестрица, тоже подумай об этом и не щади своей головы. Но только береги здоровье и силу — они долго будут нужны тебе».

Была еще только середина недели, но Ильзе и Артуру казалось, что сегодня субботний день и завтра наступит большой, радостный праздник. Они несколько раз перечитали письмо, пока не заучили наизусть. Потом Ильза достала бумаги и села писать ответ. Артур просил написать, что он будет учиться так, чтобы стать первым учеником в классе, а нужный словарь достанет ему завтра. Письмо вложили в конверт, но до утра оставили незаклеенным: ночью могла прийти в голову мысль, которую стоило сообщить Яну.

На следующее утро, заметив, что мать проснулась, Артур сказал:

— Мама, ты знаешь, я в этом году не пропустил ни одного дня в школе И не будет ничего плохого, если до конца учебного года я пропущу один денек?

— Что же ты в этот день будешь делать? — поинтересовалась Ильза.

— Когда ты в следующий раз поедешь в тюрьму на свидание с дядей Яном... возьми меня с собой, — попросил Артур. — Мне очень хочется повидать его.

Ильза задумалась.

— Я не знаю, пустят ли тебя. Свидание разрешается только ближайшим родственникам. В следующий раз останься дома, а я постараюсь выяснить в тюремной канцелярии, и если разрешат, поедем вместе.

— Можно и так, но тогда поезжай в Ригу в эту пятницу, — сказал Артур.

Ильза пообещала, но в пятницу поездка не состоялась. Библиотекарь донес начальнику точки, какие книги читает Ильза Лидум; в городке уже раньше было известно, что ее брат сидит в Рижской Центральной тюрьме и она переписывается с ним. Этого было достаточно, чтобы накануне Первого мая, когда охранка имела обыкновение арестовывать на несколько дней «подозрительных», взяли и Ильзу Лидум.

Ее арестовали в ночь с 27 на 28 апреля и продержали в уездной тюрьме до утра третьего мая. Несмотря на предусмотрительные действия охранки и полиции, красное знамя все же развевалось над башней старого замка, а в первомайское утро жители городка читали на заборах и на белых стенах дома мясника Трея революционные лозунги.

На свидание с Яном Лидумом Артур так и не попал: при очередном посещении тюрьмы Ильза узнала, что Артуру не разрешат встретиться с дядей.

С той поры Ильзу каждый год накануне Первого мая и годовщины Великой Октябрьской революции арестовывали на несколько дней. Артуру пришлось привыкнуть к посещениям полицейских и дважды в год несколько дней управляться по дому без матери. В городке их прозвали «красными».

4

Прошло еще несколько лет. В жизни Яна Лидума за это время ничего не изменилось. Срок заключения истек, но сейчас его держали в тюрьме на основании так называемого закона Керенского.[1] Время от времени его сажали в карцер и переводили на режим «черного месяца». В тюрьмах были периоды, когда надзиратели по нескольку месяцев подряд воздерживались от жестоких расправ с заключенными — они не придирались к мелочам, не занимались рукоприкладством. А за этими периодами следовали другие, сопровождавшиеся внезапным вторжением надзирателей в камеры, избиением, заклю-

---

[1] В буржуазной Латвии до 1940 года применялся так называемый «закон Керенского», на основании которого любого гражданина могли «в целях обеспечения общественной безопасности» держать в тюрьме без суда и следствия.

чением без всякого повода в карцер. Все это происходило по указанию свыше: если общественное мнение слишком накалялось, тюремный режим на время смягчался, но когда правящей клике по каким-либо причинам было выгодно сгустить атмосферу, в тюрьмах Латвии начинался террор и всевозможные провокации.

Ян продолжал заниматься, заканчивал изучение «Капитала» Маркса, учился английскому языку и готовился к более углубленному изучению истории. Время от времени он встречался с Ильзой, обменивался с ней письмами и получал передачи.

Наступило лето 1933 года. Заканчивался одиннадцатый год тюремного заключения Яна Лидума. В те дни всю прогрессивную часть населения Латвии взволновал законопроект, который правительство старалось провести через сейм. Это было так называемое «Новое уложение о наказаниях», предусматривавшее кандалы, телесное наказание, изоляцию в карцерах. Рабоче-крестьянская фракция мужественно боролась в сейме, но что она могла сделать против объединенного фронта национальной буржуазии и реакционеров всех мастей. Пример Гитлера не давал покоя правителям Латвии — уже давно бельмом на глазу казался им сейм, левые профсоюзы, «свободы» собраний и печати. Буржуазия не могла дождаться, когда правящая клика ликвидирует эти атрибуты демократии и открыто станет на путь фашизма. В глазах реакционеров «Новое уложение о наказаниях» было шагом в сторону их черного идеала — фашистской диктатуры, которую позднее — 15 мая 1934 года — во всей полноте реализовал кулацкий главарь Ульманис с помощью своей банды айзсаргов.

В тюрьме стало известно, что гнусное «уложение» вступит в силу с 1 августа 1933 года. Центральное бюро тюремной партийной организации, членом которого был и Ян Лидум, по согласованию с Центральным Комитетом коммунистической партии Латвии решило в знак протеста объявить голодовку и разослало по всем корпусам письмо. В письме были изложены основные требования, которые предлагалось обсудить во всех камерах; они выражали категорический протест против применения в тюрьмах Латвии «Нового уложения о наказаниях». Вместе с тем политические заключенные требовали улучшить освещение камер, чтобы можно было читать и ве-

чером; улучшить медицинское обслуживание, которое было ниже всякой критики; увеличить хлебный рацион — вместо четырехсот граммов выдавать в день по семьсот граммов; допустить переписку, передачи и свидания каждую неделю, допускать на свидания и дальних родственников; устраивать дважды в день получасовую прогулку на свежем воздухе; разрешить выписку газет, и еще ряд мелких требований.

Это письмо обсудили во всех камерах тюрем Латвии. Каждый коллектив принимал решение, в котором излагал и свои требования и дополнения к предложениям Центрального бюро. Эти решения и требования отдельных коллективов конспиративными путями пересылались Центральному бюро, и на основании всего этого материала руководство партии постановило объявить голодовку с 1 августа — со дня вступления в силу «Нового уложения о наказаниях».

Заключенным разрешалось два раза в месяц требовать от тюремной администрации лист бумаги и карандаш для подачи заявлений прокурору и начальнику тюрьмы. В пятницу 30 июля все политзаключенные потребовали письменные принадлежности, и каждый от своего имени изложил требования к тюремной администрации. Кроме основных требований, каждый выдвинул свои претензии общего и личного характера и объявил, что в случае их отклонения начнет голодовку. В субботу утром 31 июля все заявления были переданы старшему надзирателю корпуса.

Голодовка началась со следующего утра. Все продукты, находящиеся в камерах, заключенные сдали тюремной администрации и потребовали удостовериться, что в камерах не осталось ничего съестного. В тех этажах и коридорах, где надзиратели не принимали продукты, заключенные выбросили их в уборную. Больным руководители забастовки приказали перевестись в больницу, некоторых поместили в одиночку — они не должны были участвовать в голодовке. Каждый участник голодной забастовки, набрав котелок воды, унес его в камеру и после этого не вступал ни в какие переговоры с тюремной администрацией.

Так началась эта героическая борьба, за которой, затаив дыхание, следил весь трудовой народ Латвии, все честные люди страны. Эхо великой борьбы прозвучало

далеко за пределами Латвии. Цвет народа, мужественные и самоотверженные сыны и дочери его, дерзнули в беспросветную ночь реакции поднять в родной стране знамя борьбы. Напрасно правящая банда негодяев старалась сломить, усмирить их, сгноить в каменных мешках тюрем, — они еще раз бросили в лицо своим противникам бесстрашный клич протеста и вызова, подтверждая этим свое единство и несокрушимость своей великой правды. У вас пулеметы, штыки, полки полицейских и айзсаргов, золото, власть, а мы, заключенные в камерах и карцерах, стоим с голыми руками, физически полностью в вашей власти, но что вы можете сделать нам и нашей правде? Все ваши происки разбиваются о нее, как о гранитную скалу, ваше оружие одно за другим ломается, а скала стоит, как стояла, — несокрушимая, вечная, и от ее вида ваши черные сердца наполняются животным страхом. Не помогут оковы, не помогут нагайки, виселицы, — нашу правду нельзя заковать в кандалы, так же как нельзя задушить нашу борьбу, а она не прекратится до той поры, пока не будет истреблен последний насильник на земле.

Притихшие и сдержанные слонялись надзиратели по коридорам, подглядывали в двери, наблюдали, подслушивали, но как они ни старались держаться спокойно, скрыть свое волнение и смущение им все же не удалось. В камерах жизнь продолжалась по-старому: люди сидели у столов, читали, переговаривались вполголоса, на лицах некоторых даже искрилась задорная улыбка. Когда подошло время обеда, никто не встал и не пошел получать похлебку. Надзиратели сами внесли дымящийся бак и, набрав полную поварешку похлебки, которая была гуще обычной, медленно выливали обратно, разгоняя ароматный пар по камере, расхваливая вкусное варево.

Но никто даже не смотрел в их сторону.

В первый и второй день голодной забастовки заключенные утром и вечером становились на поверку. На третий день Центральное бюро партийной организации, руководившей голодовкой, дало указание — на поверку не становиться. Нары к стене больше не поднимали. Заключенные перестали ходить на прогулку и в баню, отказались от свиданий.

Огромная тюрьма напряженно притихла. Присоединилась к голодовке и часть уголовных, солидаризируясь с политзаключенными.

С пятого дня голодовки заключенные больше не подымались с нар. Сберегая силы, онн старались как можно меньше двигаться, переговарнвались вполголоса н, собрав всю волю, заставлялн себя не думать о еде, хоть мысль о ней неотступно лезла в голову.

На восьмой день в одной из «звериных клеток» объявнлся первый дезертнр — находись он в общей камере, моральная сила коллектива безусловно помогла бы ему выдержать борьбу до конца. В следующие дни попроснлн пнщу еще некоторые нз более слабых, но нх можно было сосчитать по пальцам — это никак не могло нн повлиять, ни бросить тень на ход голодной забастовкн.

А там, на воле, сотни тысяч людей с возрастающим напряжением следнлн за геронческой борьбой. Чнтали скупые заметкн газет о ходе голодовки, обсуждали каждую новую весть и проклинали тех, кто был причиной этой мрачной борьбы; нх сегодня еще охраняли штыки наемников, н к ним было не подступиться, но придет время, когда не помогут этому гадючьему отродью ни штыки, ни пулеметы... Голодовка продолжалась, несмотря на полные злорадства предсказания реакцнонной печати о том, что она сорвется уже в конце первой неделн. Прошел восьмой, девятый, десятый день, но еще не заметно было нн малейшнх признаков срыва. Напрасно пыталнсь надзиратели соблазнить страдающих от голода людей пищей, напрасно жевали они на виду у заключенных свои бутерброды с кускамн колбасы; в конце концов они были вынуждены прекратить эту гнусную игру: ни одна рука не протянулась к ним.

...Как ни берегли снлы участнннкн голодовкн, как ни избегали малейшего движения, но силы с каждым днем убывали. Ян Лидум ощущал свннцовую тяжесть во всем теле. Это чувство день ото дня все уснливалось. От долгого лежання в одном положенин начинала болеть спнна, и если Ян пытался повернуться набок, казалось, тело его привязано невидимыми узами к нарам, а на груди лежит тяжелая каменная плита и сброснть ее не хватает сил. Всякнй раз, когда, преодолев путем нечеловеческнх уснлий смертельную усталость, он менял положенне тела, у него кружнлась голова, лоб покрывался холодным потом, сердце учащенно билось, н он словно падал в темную бездну. Тогда некоторое время он лежал не шевелясь, с расслабленными мускуламн, дышал медленно, не-

глубоко, чтобы не тратить на дыхание тот ничтожный запас энергии, который еще сохранился в его теле.

Яна Лидума, как и его товарищей по камере, порой начинали мучить галлюцинации — сонная полуявь, знакомая чрезвычайно уставшим и измученным голодом людям. Но огромными усилиями воли ему удавалось освобождаться от этих кошмаров. Замечая, что какой-нибудь товарищ начинает поддаваться галлюцинациям, Ян непонятным образом находил в себе силы приподняться с нар и, медленно волоча ноги, доплестись до него. Сев на нары, Лидум нащупывал руку товарища, легко поглаживал ее и, улыбаясь, шептал:

— Ну как, старина, держимся? Надо выдержать... Ничего они не могут сделать... Еще последнее усилие... немного терпения... и все будет позади.

Более слабым он приносил воду и примером своей сказочной выносливости как бы вливал в них новые силы. Возвращаясь на свое место, он шатался, как пьяный, в глазах его темнело. Ян старался думать о тех сильных людях, о людях железной воли, которые умели превозмочь самые невероятные трудности и в ужасную стужу, страдая от голода, искали дорогу к полюсам нашей земли или, изнемогая от жары, пересекали бесконечные песчаные пустыни. Какая все же огромная сила дана человеку!

«Ведь и ты человек, Ян Лидум... — мысленно разговаривал он с собой. — Ты должен преодолеть все, что могли преодолеть другие... ты не смеешь быть слабее их. И ты это сможешь... можешь... надо только хотеть... выдержать...»

Выдержать, не поддаться... Эта мысль даже во сне жила в сознании заключенных. Когда они бодрствовали, они знали, что не одиноки в своей борьбе, и понимали: сотни тысяч трудящихся людей, честных боевых товарищей — здесь же, в Латвии, и далеко за ее пределами — напряженно следят за их героической борьбой, переживают вместе с ними, гордятся их несгибаемой силой.

...Ночь. Тюрьма молчит, как настороженное, затаившее дыхание чудовище. Даже надзиратели, которых с каждым днем все больше смущает сказочное геройство заключенных, боятся шуметь и при очередных обходах стараются шагать по возможности тише. Подобно ворам подкрадываются они к дверям, заглядывают в камеру и,

опустив глаза, идут дальше. Но куда бы они ни отводили свой взгляд, не покинет их страшное чувство, будто немые стены тюрьмы глядят на них с безмолвным укором и обличают в преступлении.

Ян Лидум лежит на нарах, вытянув руки вдоль тела. Сон не идет к нему, глаза сверлят сумрак камеры, а думы носятся где-то далеко. Вся жизнь — с того дня, как он себя помнит, — проходит перед его глазами. О прошлом все передумано, его мысль не задерживается на настоящем, — духовный взор Яна Лидума, незатуманенный и не потерявший остроты, обращается к лазурным далям будущего, когда не будет голода и люди не будут знать, что такое тюрьма. Это наполняет его сердце чувством бесконечной радости и гордости за героическое племя, которое завоюет это будущее.

«И ты будешь среди них... и ты завоюешь... Только не сгибайся, не согнись сейчас. То, что ты преодолеваешь сегодня, еще не самое тяжелое...»

И вдруг он слышит детский плач. Маленький мальчик, одетый в отрепья, стоит под осенним дождем. В мольбе простирает он свои худые, озябшие ручонки к Яну Лидуму и рыдает: «Папочка, помоги мне, спаси меня! Почему ты не идешь?» Лидум узнает своего маленького сына, с отчаянным усилием рвется к нему, но не может двинуться с места. А грубый мужчина бьет толстой веревкой ребенка.

— Айвар... — стонет Лидум и открывает глаза, смежившиеся лишь на одну секунду: снова перед ним стены тюрьмы, и он на своих нарах, а на него испытующе смотрит надзиратель. Где-то справа, в нескольких шагах от Лидума, тихо стонет товарищ, и этот стон похож на предсмертный хрип. Лидум медленно спускает ноги с нар, нащупывает пол и медленно, осторожно встает, как бы опасаясь соскользнуть в маячащую впереди бездну. Выждав, пока пройдет приступ головокружения, он начинает двигаться в сторону стола. Достигнув стола, наливает кружку воды, пьет и отдыхает, присев на скамью, затем снова наполняет кружку и направляется к нарам, где мучается от голода его товарищ. Этот путь еще тяжелее — Ян держит в руках кружку и остерегается пролить драгоценную жидкость.

— Выпей, старина... — шепчет он, достигнув цели своего похода.

Хрип затихает. Серый утренний свет — предвестник приближающегося рассвета — мелькнул у верхней части стены, в том месте, где находится окно.

«Победить, сломить и уничтожить тело вы можете... — думает Ян. — Но нет у вас власти над нашим свободным духом. Нас не сломить, мы не поддадимся... победа все же будет принадлежать нам. Потерпи, Айвар, мой мальчик... потерпите, сироты, все обездоленные, мы придем к вам».

Немного погодя Лидум впадает в тяжелый бредовый сон — со стороны даже незаметно, дышит ли он, грудь не приподнимается, и создается впечатление, что человек мертв. Но он жив и выдержал борьбу вместе с другими товарищами; оголтелой своре белых насильников оказалось не под силу сломить их боевой дух.

...На следующий день Центральное бюро тюрьмы получило директиву Центрального Комитета партии о прекращении голодовки с 13 августа. В некоторых камерах и «звериных клетках», где директиву получили с опозданием, голодовка продолжалась и 13 августа.

Ян Лидум еще несколько дней после окончания голодовки ощущал в теле свинцовую тяжесть, при каждом резком движении кружилась голова. Некоторых товарищей пришлось поместить в больницу, кое-кому эти нечеловеческие испытания надломили здоровье на всю жизнь. Хотя заключенным не удалось добиться полной отмены «Нового уложения о наказаниях», но теперь политических заключенных приравняли в отношении режима ко второй группе, и это, безусловно, была значительная победа. В тюрьме улучшилось медицинское обслуживание; в одиночках на стене рядом с нарами появились электрические лампочки, а в общих камерах лампочки спустили над столом на уровень человеческого роста, и теперь по вечерам можно было читать. Кроме того, заключенным разрешили выписывать газеты «Утро» и «Латвийский воин».

Главным же достижением было то, что удалось всколыхнуть общественную мысль и привлечь внимание широких слоев населения к этой борьбе, в которой господствующий класс до конца раскрыл свое звериное обличье; народ, увидев его во всей неприглядности, никогда не позабудет, никакие льстивые заверения, никакая ложь не обманут больше честных людей страны.

Когда Артур после окончания основной школы поступил в среднюю[1], многие жители уездного городка иронически ухмылялись. Мастерица Эперман совершенно открыто смеялась над Ильзой:

— Подумайте только, добрые люди, что эта женщина выдумала: гладит господское белье, а хочет из своего мальчишки сделать барина!

А Лемкин осуждающе покачивал головой и мрачно ворчал:

— Скоро каждый нищий начнет задирать нос до небес. Такую гордыню господь бог безнаказанной не оставит, попомните мои слова.

Ильза не находила сочувствия и среди простых людей. Им казалось, что она взвалила на себя слишком большое бремя.

— Проучится годика два в средней школе, и окажется невмоготу... — рассуждали они.— Придется бросить учебу на полпути. Лучше определила бы парня к какому-нибудь мастеру, научился бы он ремеслу. Сапожники, кузнецы и шорники сегодня больше нужны, чем люди, умеющие работать за письменным столом; интеллигентных безработных в Латвии и теперь много, и каждый год добавляются тысячи новых — Рижская биржа труда не успевает регистрировать их.

Нельзя сказать, чтобы Ильза не подумала об этом, прежде чем решила вопрос о дальнейшем пути Артура. Раз вечером, завернув к Карклиням, она посоветовалась с мужем своей приятельницы-прачки. Одно плечо у Карклиня было ниже другого, как у всех носильщиков тяжестей, но этот низкорослый, плечистый человек держал свою голову всегда гордо поднятой, и в уголках губ, слегка прикрытых светлыми усами, часто появлялись морщинки добродушной улыбки.

Его никогда не видели пьяным, подобно некоторым другим рабочим лесопилки; если кто-либо из молодых товарищей по работе позволял какую-нибудь грубоватую шутку и пытался блеснуть скабрезным остроумием, Кар-

---

[1] В основной школе буржуазной Латвии было шесть классов, в средней — четыре.

клинь спокойно указывал ему, что такие вещи не к лицу рабочему человеку.

— Возможно, господам и нравилось бы, чтоб мы жили и вели себя, как скоты, но я думаю, не стоит доставлять им это удовольствие.

Ильзе он сказал:

— Пусть мещанские барыньки насмехаются над вами. Разве нашим детям не пригодится образование? Ничего, что сегодня много безработной интеллигенции, — ведь мы будем жить не только сегодня, но и завтра. Надо думать о будущем. Тем, кто не имеет возможности приложить свои силы сегодня, они могут пригодиться в будущей жизни.

Почти то же самое сказал и Ян, когда Ильза в середине лета встретилась с ним в тюрьме.

— Посылай Артура в школу, Ильзит. Жертвуй всем и не сомневайся: образование пригодится ему больше, чем золото и серебро.

После этого Ильза больше не колебалась, и вскоре Артур стал учеником средней школы.

В летние каникулы Артур уходил на заработки. Последние два лета до окончания основной школы он нанимался пастухом к окрестным кулакам, а когда подрос, работал на разных случайных работах: по ремонту дорог, на посадке леса и на реке у сплавщиков. Лето 1933 года он проработал полубатраком у одного кулака. Но несмотря на все усилия, мать и сын с большим трудом сводили концы с концами. Яну в тюрьме тоже надо было помогать. Небольшие сбережения, сделанные в прежние годы, быстро растаяли, и подчас Ильза не знала, чем заплатить за учение Артура и за квартиру. До последней возможности урезали они свои расходы: обходились собранными осенью грибами и картошкой, которую Ильза получала за свою работу в кулацких усадьбах по вечерам и в воскресные дни. Масло и мясо они видели только по воскресеньям. Артур уже вырос из своей одежды, ему нужно было теплое зимнее пальто, но приходилось ждать лучших времен. В средней школе, где большинство составляли дети зажиточных родителей, бедность Артура бросалась в глаза более резко чем в основной, но он геройски переносил холодное отношение к нему девочек и не обращал внимания на вызывающие замечания сынков богачей о его подозрительном происхождении, а то, что

его прозвали красным, доставляло ему удовольствие. Главное — надо было хорошо учиться, а в этом отношении даже самый придирчивый учитель не мог ни в чем его упрекнуть: из года в год он оставался лучшим учеником своего класса.

Так подошел февраль 1934 года. Осенью Артуру исполнилось восемнадцать лет, и он теперь учился в предпоследнем классе средней школы. Высокий, костлявый, с шапкой пышных волос, с несколько угловатыми плечами, по которым уже сейчас можно было угадать будущее атлетическое сложение, он научился держаться прямо и поэтому выглядел почти взрослым парнем.

Однажды, вернувшись из школы, Артур сел писать сочинение по латышской литературе. На лестнице раздались тяжелые шаги, в дверь постучали. Артур вышел в кухню и, отодвинув засов, приоткрыл дверь. На лестнице стоял незнакомый широкоплечий мужчина на полголовы выше его.

— Что вам угодно? — спросил Артур, не совсем ясно различая в полутьме лестницы лицо человека.

— Скажите, здесь живет Ильза Лидум со своим сыном? — спросил незнакомец.

— Да, — ответил Артур. — Ильза Лидум моя мать.

— Значит, я пришел правильно. Мне надо видеть вас обоих.

— Но мама придет только часа через два, — пояснил Артур. — Если можете подождать — прошу... — и он широко раскрыл дверь.

— Времени у меня достаточно, — ответил незнакомец. Войдя в кухню и почти касаясь головой низкого потолка, он осмотрел узкое помещение, взглянул на Артура, улыбнулся ему и тихо промолвил: — Здравствуй, Артур...

— Здравствуйте... — смущенно ответил Артур. Теперь, когда было освещено лицо пришельца, его коротко остриженные волосы и ласковые голубые глаза, у юноши появилась неясная догадка. Он желал от всего сердца, чтобы все было так, как он предполагал, но слишком уж это казалось чудесным.

— Вы знаете мою мать? — спросил Артур.

— Конечно... — снова улыбнулся пришедший. — Но разве ты не узнаешь меня? Вот какой у меня племянник!

— Дядя Ян? — вырвался у Артура ликующий возглас; одним прыжком очутившись около Яна, он схватил

его большую руку, тряхнул раз десять подряд, все время взволнованно шепча: — Дядя Ян... наконец-то вернулся... вот обрадуется мама!

Ян Лидум обнял его за плечи, слегка притянул к себе и сказал:

— Выйти-то вышел. Но надолго ли?.. Ты помнишь, как сидел когда-то у меня на коленях — на одном ты, на другом... Айвар?

— Как же, помню, — ответил Артур. — Мы с матерью часто вспоминали тебя.

— Да... — вздохнул Ян. — Тогда и Айвар, наверное, кое-что помнит.

Артур помог Яну снять старое серое полупальто, повесил его в углу кухни на крюк и повел гостя в комнату. В тот вечер нечего было и думать об учебе. Артур не спускал глаз с дяди, и чем больше он глядел на него, тем больше убеждался, что этот человек действительно такой, каким он его представлял. Какой рост и какие могучие руки! И какое спокойствие, какая твердая уверенность в каждом движении, в каждом слове! Одиннадцать лет просидел он в Рижской Центральной тюрьме, а держится прямо, как двадцатилетний юноша, хотя за спиной у него уже сорок три года... и какие годы! Только в коротко остриженных волосах уже появилась проседь.

— Расскажи о своей жизни в тюрьме, — попросил Артур.

— За стеной кто-нибудь живет? — спросил Ян.

— В этом конце нет, — пояснил Артур. — Мы можем разговаривать совсем спокойно.

И Ян рассказал ему о том, что представляет собой тюрьма, как живут и учатся политические заключенные, о большой голодовке, взволновавшей несколько месяцев тому назад всю Латвию, и о непрестанной борьбе с тюремной администрацией. Конспиративная почта, потайные места — «молены» в камерах, «звериные клетки» и карцеры и свой собственный радиоприемник в радиаторе центрального отопления... Каждое слово было откровением для Артура. Слушая рассказ дяди, он мечтательно улыбался, глаза его сияли. Ян и Артур совсем не заметили, как пролетело время, и приход Ильзы показался им неожиданным.

Это был длинный вечер, полный радости и счастья. Ильза снова и снова подкладывала еду на тарелку Яна,

угощая его всем, что у них было. В честь возвращения брата она купила в лавке белого хлеба и полфунта масла.

Хорошо зная, как относятся правители белой Латвии к политическим заключенным, отбывшим срок наказания, Ян не был уверен, что его уже завтра не арестуют. Поэтому он хотел возможно полнее использовать дни своей относительной свободы. Сразу же по выходе из тюрьмы он выполнил несколько заданий, порученных ему Центральным бюро тюремной парторганизации: встретился в Риге с некоторыми членами организации, возобновил связи с одной из подпольных групп, оставшейся, вследствие последних арестов, без руководства, и выяснил нужные сведения о двух недавно арестованных товарищах, что Центральному бюро было чрезвычайно важно знать. Все приходилось делать с величайшими предосторожностями, соблюдая строжайшую конспирацию, ибо не было сомнения, что охранка следила за каждым шагом выпущенного на волю Яна. Про эти дела, он, конечно, ни словом не обмолвился в разговоре с Артуром и Ильзой.

Только после выполнения этих партийных поручений он поехал к сестре, чтобы за оставшееся время, которое предоставят ему враги, привести в порядок личные дела.

В тот вечер, глядя на Артура, Ян Лидум думал: «Вот точно таким был бы и мой сын... Где он теперь? Где искать его потерянные следы?»

Подробно расспросив Ильзу о ее разговоре с волостным писарем, Ян заявил, что завтра же отправится в дальнюю волость и попробует выяснить то, что не удалось Ильзе.

6

Когда в канцелярию волостного правления вошел незнакомый мужчина, писарь Друкис понял, что это не крестьянин, хотя одежда его мало чем отличалась от мужицкой. Взгляд пришельца был таким пристальным, что его трудно было выдержать. И часто случалось — собеседник невольно опускал глаза, чувствуя себя неловко. Друкис испытал это с первой же минуты.

— Что вам? — спросил он, не отрываясь от своих бумаг.

— Могу ли я поговорить с делопроизводителем, господином Друкисом? — спросил вошедший.

— Прошу, — сказал Друкис и подошел к барьеру, отделявшему канцелярию от посетителей. — С кем имею честь?

— Меня зовут Ян Лидум. Вы меня не знаете, так как я никогда не жил в этой волости. Но у меня есть вопрос, выяснить который я могу только с вами.

В канцелярии, кроме них, никого не было. Помощница писаря ушла обедать, а волостной старшина в этот день не принимал.

— Я слушаю, господин Лидум... — сказал Друкис. — Чем могу служить?

Ян немного подумал, глядя в глаза Друкису, и сказал:

— Я потерял сына. В последний раз я видел его, когда он был малышом, но с того времени прошло более одиннадцати лет.

— А какое это имеет отношение ко мне? — удивился Друкис. — Ведь вы никогда в этой волости не жили...

— Отношение весьма определенное, — перебил Ян. — Мне известно, что одиннадцать лет тому назад в этом здании происходили сиротские торги и один из мальчиков, отданных в тот день на воспитание, был мой сын — Айвар Лидум. Мне известно и то, господин Друкис, что вы при этом присутствовали и составили акт о торгах.

— Такого случая я не помню... — пробормотал Друкис. — Сиротских торгов было много, на всех я присутствовал, но разве можно запомнить имя каждого ребенка?..

— Верно, требовать от вас этого нельзя, — продолжал Ян. — Но ведь по старым протоколам можно выяснить то, что вы не в силах удержать в памяти.

— Что вы, собственно, хотите? — спросил Друкис, избегая взгляда Яна.

— Я хочу знать, куда делся мой сын... кому тогда вы отдали его, — сказал Ян. — Не думайте, что я собираюсь вас в чем-нибудь упрекать. Вы делали только то, что в подобных случаях делают местные органы самоуправления.

— Разрешите спросить, где вы сами находились в то время? Почему не заботились о своем сыне? — в голосе Друкиса появилась резкая нотка.

— Я находился в тюрьме, — спокойно ответил Ян.

— За какие дела?

— Ни за какие. Меня подозревали в нелегальной по-

литической деятельности. Этого было достаточно, чтобы осудить.

— И как долго вы просидели ни за что ни про что?

— Более одиннадцати лет.

— Что-то не слыхал я, чтобы безвинных людей держали так долго в тюрьме, — усмехнулся Друкис.

— Об этом вам следовало бы поговорить с Поммером.

— Кто это?

— Начальник Рижской Центральной тюрьмы.

— У меня нет ни малейшего желания иметь дела с этим уважаемым господином, — засмеялся Друкис. — Ну скажите на милость — одиннадцать лет! Как медленно все же работают наши судебные органы. Вас давно освободили?

— Полторы недели тому назад.

— А, так вы даже и свежего воздуха еще не понюхали как следует.

Друкис задумался. Он хорошо помнил случай с маленьким Айваром. Друкису казалось, что к этому делу никогда не придется возвращаться, его ответ Ильзе Лидум был достаточно ясным и понятным. Кто бы мог подумать, что на сцене когда-нибудь появится такая важная личность, как отец мальчика.

— Господин Друкис, я надеюсь, что вы поможете мне, — продолжал Ян. — Я не уйду, пока не узнаю, куда девался мой сын.

— Боюсь, что вам все же придется уйти ни с чем, — ответил Друкис. Сняв роговые очки, он долго протирал запотевшие стекла.

— Почему вы так думаете? — спросил Ян, стараясь говорить спокойно, хотя это стоило ему больших усилий.

— По двум причинам, — ответил Друкис, продолжая заниматься очками. Со второго этажа лились звуки какой-то красивой грустной песни — наверно включили приемник. — Вы сами сказали, что торги происходили более одиннадцати лет тому назад. Это значит — все акты и другие документы давно сданы в архив, и у меня нет никакой возможности найти нужные вам сведения. Это первая причина.

— А вторая? — спросил Ян, перегнувшись через барьер и как бы намереваясь схватить Друкиса за плечи.

Писарь инстинктивно отодвинулся и нащупал спрятанный в кармане брюк револьвер.

— Вторая причина такова, что ваш бывший сын уже давно усыновлен, — сказал он. — И многие годы он носит фамилию другого человека, и у него теперь другой отец. Согласно закону и высказанному усыновителем пожеланию ни один государственный служащий не имеет права дать вам об этом какую-либо справку. Это для того, чтобы бывшие родители и другие родственники не могли мешать воспитанию. Вы утеряли все права на своего сына, господин Лидум, и я при всем своем желании ничем не могу вам помочь. Я не желаю очутиться в тюрьме. Вам тоже не надо было сидеть там, тогда сегодня все было бы в порядке.

Лицо Яна помрачнело.

— Значит, не скажете? — спросил он внезапно охрипшим голосом.

Друкис пожал плечами.

— Мне нечего сказать вам. У вас еще есть вопросы ко мне, господин Лидум?

— Послушайте, человек... — прошептал Ян. — Попробуйте на мгновение очутиться в моем положении. Если бы на месте моего сына был ваш сын и сегодня вы бы стояли здесь за барьером, как нищий, у которого похитили самое драгоценное в жизни, поймите мою боль, умоляю вас...

— Никто ничего у вас не похищал, — ответил Друкис. — Сами потеряли, и хорошо, что утерянное нашли такие люди, которых никому не приходит в голову заключать в тюрьму. А теперь извините — у меня работа. Будьте здоровы...

В знак того, что беседа окончена, он сел за стол и погрузился в свои бумаги. Из квартиры Друкиса на втором этаже опять донеслась чудесная мелодия — это был танец маленьких лебедей из балета «Лебединое озеро» Чайковского, мелодия, знакомая всему цивилизованному миру. Человеку, которому принадлежал этот приемник и который безусловно причислял себя к членам цивилизованного общества, Ян Лидум, уходя, бросил всего одно слово:

— Дикарь...

— Потише, вы... — Друкис угрожающе повысил голос. — Можно скоро вернуться туда, откуда вы недавно вышли. Оскорблять ответственного государственного служащего при исполнении служебных обязанностей...

Но Яна Лидума уже не было в канцелярии. В душе Яна, когда он вышел на пеструю от летящих снежинок улицу, бушевала буря.

«Неужели потерян? — спрашивал он себя. — Навсегда потерян для меня? Это невозможно. Я не допущу, нет, нет... Друзья мне помогут... мы обойдем все окрестности, пройдем по всей Латвии, и если только он жив... я найду его! Да, да, Друкис, найду! Твое молчание не поможет!»

Снег продолжал падать большими хлопьями, заслоняя небо, солнце, и казалось, наступил вечер. Размеренной широкой поступью Ян Лидум шагал по дороге — обратно в уездный городок к Ильзе и Артуру.

* * *

Возвратившись в городишко, Ян пошел работать на лесопилку носильщиком досок. Старые носильщики одолжили ему наплечную подушечку и показали, как брать на плечо ношу, чтоб не терять равновесия, и как сбрасывать доски на штабель, чтобы они не расползались. Несколько дней у Яна болели мышцы ног и ныло плечо, но скоро к нему вернулась прежняя физическая выносливость и он уже не отставал от своих товарищей. Только по вечерам, когда рабочие приглашали Яна после работы распить бутылочку водки, он добродушно отказывался и шел домой к Ильзе и Артуру. Потеряв надежду найти Айвара, он еще сильнее привязался к племяннику и отдавал ему каждую свободную минуту.

Следуя указаниям партийного руководства, Яну надо было несколько месяцев прожить так, чтобы у охранки не возникло ни малейшего подозрения. В Риге он получил несколько адресов и пароль, чтобы позднее, когда это позволят обстоятельства, связаться с подпольщиками уездного городка и включиться в нелегальную работу. А до тех пор Яну ничего другого не оставалось, как читать книги, которых не было в тюрьме, и заниматься политическим просвещением сестры и Артура. Он делал это с большим увлечением.

Из первых же разговоров Ян понял, что Ильза много читала и правильно разбирается в основных вопросах классовой борьбы и международной политики. Лицемерие и предательство латвийских меньшевиков для Ильзы было понятным, но до сих пор никто ей не указывал путь

борьбы, по которому следовало идти. Однажды вечером, когда Артур ушел на озеро покататься на коньках, Ян заговорил об этом с сестрой.

— Ты видишь несправедливости и возмущаешься ими. Тебе ясно, какой строй и какая жизнь необходимы человеческому обществу. Но какая польза от сознания этого тебе и остальным трудящимся?

— Никакой, — согласилась Ильза. — А что может сделать для пользы всего общества слабая женщина?

— Во-первых, ты не слабая женщина, — возразил Ян. — Это ясно уже потому, что ты, вопреки трудностям, довольно крепко держишься на ногах. Во-вторых, ты будешь не одна. В большом механизме нужно много маленьких винтиков, каждый из них выполняет определенную работу. И когда такой механизм приходит в действие — дрожит земля... а иногда и люди, у которых есть причины дрожать.

— Ты думаешь... я могла бы? — шепотом произнесла Ильза, краснея от волнения.

— Если ты не сможешь, то мало найдется таких, которые смогли бы. Риск большой, настаивать я не могу. Но сестре Яна Лидума роль стороннего наблюдателя не к лицу.

— Я не хочу быть пассивной наблюдательницей, только у меня в таких делах нет никакого опыта. Что толку, если я, имея самые хорошие намерения, сделаю что-нибудь необдуманное и с первого шага попаду в тюрьму? Попасть в тюрьму дело не хитрое, но если это случится по глупости, меня никто не похвалит.

— Правильно, Ильзит, — улыбнулся Ян. — Надо так работать и бороться, чтобы у тебя были успехи, а наши враги остались бы с носом. Понимаешь ты, с каким риском это связано, и все же не боишься н а ч а т ь?

— Не боюсь, Ян... — сказала Ильза.

— Ладно, тогда ты скоро получишь работу... — обещал брат.

Несколькими днями позже произошел такой же разговор с Артуром, только на этот раз начал его не Ян.

— Дядя Ян, я хочу жить такой же жизнью, как ты, — объявил Артур, оставшись наедине с дядей. — Я учусь только для того, чтобы быть полезным в великой борьбе. Посоветуй, что мне делать?

И Ян рассказал племяннику о смысле и целях рево-

люционной борьбы, познакомил его со сложным искусством конспирации и добился того, что Артур загорелся желанием как можно скорее включиться в ряды борцов.

Спустя несколько недель, в одно из воскресений, Ян с Ильзой отправились в лес за хворостом. На обратном пути они встретили носильщика досок Карклиня и обменялись с ним коротким разговором. Только сейчас Ильза узнала, что Карклинь один из тех, вместе с которыми Ян борется за лучшую долю трудового народа. Они договорились, где и когда встретятся в следующий раз. Так Ильза включилась в подпольную работу. Ян держал себя так, словно встреча и разговор произошли совершенно случайно

В другое воскресенье Ян с Артуром пошли в кино. Демонстрировали американский фильм с участием Чарли Чаплина. Когда сеанс окончился, на улице уже стемнело. Выходя из кино, они встретились с учителем географии местной средней школы Пилагом — молодым парнем. Он недавно окончил учительский институт и первый год работал в городке. Ян поздоровался с ним только тогда, когда они завернули в совершенно темный переулок.

— Вот, Артур, твой будущий руководитель в тех делах, о которых мы так много в последние дни говорили, — сказал Ян, положив руку на плечо племянника. — Переговорите обо всем и в дальнейшем действуйте сами.

Оставив Артура с Пилагом, Ян отправился домой. На сердце у него было легко и радостно.

Артур вернулся домой через несколько часов. По серьезному виду и сияющим глазам племянника Ян догадался, что у того началась новая жизнь. Он обнял его и крепко прижал к себе. Так они долго стояли посреди комнаты — зеленеющий могучий дуб и молодой побег.

— Поздравляю тебя... — сказал Ян, и, глубоко взволнованный, улыбнулся Артуру: — Держись, как мужчина, смело гляди в будущее. Нам надо пройти немалый путь, пока достигнем цели.

— Я тебе очень благодарен, дядя Ян... — прошептал Артур. — А я думал, что у тебя в нашем городке нет ни одного знакомого человека. Оказывается, ты знаешь многих, и еще лучше, чем я. Дорогой дядя, мне трудно поверить, что теперь у нас — у тебя и у меня — общая дорога.

Ян предостерегающе приложил к губам палец.

— Тише, Артур! О таких вещах, товарищ Лидум, не надо много говорить.

Ему все время казалось, что он говорит со своим сыном.

...Прошло еще несколько недель. Как-то ночью в середине апреля на квартиру Ильзы явилась полиция и шпики охранки. Они искали Яна. Понимая, что означает это позднее посещение, Ян сейчас же встал и оделся в дорогу. В квартире сделали обыск, стараясь не шуметь, чтобы не потревожить соседей. Через час Яна увели. Один день его продержали в уездной тюрьме, затем на полицейской машине увезли в Ригу и вновь, на основании закона Керенского, заключили в Рижскую Центральную тюрьму.

Недалек был канун 15 мая 1934 года. Готовясь к фашистскому перевороту, правящий класс стремился заточить в тюрьму всех тех, кто мог в день преступления заклеймить и назвать настоящим именем это преступление.

7

Два раза в неделю Артур по вечерам уходил из дому и возвращался только после полуночи. Ильза не спрашивала его, где он проводит время, а сам он тоже ничего не говорил, хотя это молчание заметно тяготило его. Только однажды — это было 30 апреля — вечером перед уходом Артур подошел к матери и тихо заговорил:

— Сегодня опять приду поздно. В случае, если к утру не буду дома, не беспокойся. Так... надо.

Они обменялись спокойным ободряющим взглядом.

— Будь осторожен, — сказала Ильза. — Возьми с собой ключ. Я сегодня дома не буду ночевать. Может, опять придут незваные гости. Пусть на этот раз уйдут ни с чем.

После ухода Артура Ильза оделась потеплее и вышла на улицу. Возможно, охранка и не предполагала арестовать ее в этом году — в предыдущие годы ее арестовывали 29 апреля и держали в тюрьме до 3 мая, но на всякий случай она решила эту ночь провести вне дома. Некоторые жители городка были арестованы уже вчера. Ильза предполагала, что охранка оставляет ее на свободе в надежде на более крупный улов: ведь Ян Лидум жил у нее несколько месяцев, и можно было заключить, что его пребывание в городке не осталось без последствий.

«Попытаются усыпить мою бдительность, некоторое время не будут беспокоить, чтобы я начала действовать смелее и решительнее, а в подходящий момент свалятся, как снег на голову».

С той поры, как Ильза включилась в работу подпольной организации, жизнь ее стала тревожнее, но в то же время интереснее и содержательнее. По условиям железных правил конспирации, при выполнении партийных заданий Ильза встречалась только с двумя-тремя членами организации, но, невзирая на это, она сознавала и постоянно чувствовала себя членом сильного и широко разветвленного коллектива. Почти во всех городских предприятиях находился кто-нибудь из партийных товарищей; судя по отдельным событиям, представители подпольной организации действовали и в различных учреждениях городского самоуправления, и на почте, и в школах, и среди железнодорожников. Руководитель городской организации Карклинь всегда знал все, что происходило в любом рабочем месте, имелись у него и связи с сельскими ячейками уезда.

По заданию Карклиня Ильза дважды ходила в деревню, относила сельским товарищам литературу и руководящие указания. Каждый раз ей приходилось проделывать большой путь, и каждый раз она встречалась только с одним человеком, имени которого не знала: в заранее обусловленном месте ее встречал неизвестный товарищ, его приходилось узнавать по известной примете в одежде и проверять паролем.

Это была опасная, но захватывающая работа. Вначале Ильза не могла освободиться от тревожного чувства, будто каждый айзсарг или полицейский, каждый встречный глядит на нее с подозрением, читает ее мысли и знает про ее подпольную работу. Постепенно это чувство прошло, и она уже не принимала каждого встречного за шпика, однако повышенное чувство напряженной бдительности и осторожности никогда ее не покидало. Подпольщику надо было каждую секунду быть готовым к любой неожиданности; незначительная мелочь, одноединственное неосторожно сказанное слово могли привлечь внимание врагов и сорвать продуманное мероприятие.

На такой работе становилась острее мысль, в человеке создавались и развивались новые, ранее не существовав-

шие качества: резкая реакция, способность быстро определить психику противника, разумная смелость и большое самообладание. Пройти мимо полицейского, когда у тебя в руках корзинка с пачкой воззваний, спрятанная под мешочком крупы и полкараваем хлеба, казалось, было пустяковым делом, но какое огромное требовалось напряжение нервов, чтоб не выдать своего возбуждения, чтоб не ускорить шаги и не оглянуться на прошедшего мимо врага! И какое глубокое удовлетворение, почти счастье, ощущалось после удачно выполненного задания!

Да, это была борьба — не тихая, терпеливая тоска, а сознательная и бесстрашная работа по осуществлению своих заветных мечтаний. Ильза чувствовала, что она в этой борьбе растет и с каждым днем становится сильнее, духовно богаче. Она уже не была той одиночкой, которая, замкнувшись в своем узком мирке, шагала по жизни, неся на плечах ношу повседневных забот и лишь изредка испытывая маленькие радости от той или иной случайной улыбки судьбы. Теперь у нее была ясно осознанная цель, общая для всего рабочего люда, всеобъемлющая задача жизни и сознание, что она член непобедимого коллектива. До сих пор у нее во всем свете были только два близких, бесконечно дорогих существа — Артур и Ян; сейчас этих родных по духу и судьбе людей можно было считать сотнями, тысячами. Со многими из них Ильза встречалась изо дня в день, знала все их радости и беды, про других только догадывалась, что они повсюду окружают ее. И это было хорошо, чудесно, — теплое дыхание дружбы и товарищества незримыми волнами овевало ее жизнь, делая ее прекрасной.

Всю ночь она провела в лесу и в городок возвратилась только утром, когда на улицах стало оживленно и не могла броситься в глаза одинокая женщина. Ильза проходила через городской парк рядом со старинным замком на холме. Посреди парка у высокого дерева с совершенно гладким стволом и пышной кроной собралось много людей: несколько полицейских во главе с уездным начальником Риекстом, айзсарги, подростки-школьники и целая толпа любопытных.

«Зачем они здесь?» — удивилась Ильза. Случайно она подняла голову кверху, и ей стала понятна причина этой ранней суеты: на самой верхушке дерева развевался привязанный к длинному шесту красный флаг. Весь го-

родок, расположенный в котловине, мог видеть его. «Все-таки недосмотрели», — подумала Ильза, и ей стало радостно при виде традиционного символа Первого мая, который и в этом году находится на своем месте. Накануне первомайского праздника полицейские охраняли все места, где могло появиться красное знамя, но пока они боролись со сном, подпольщики делали свое дело, и каждый год красное знамя развевалось на новой вышке — иногда на башне старинного замка, иногда над фабричной трубой, а иногда даже на флагштоке над зданием городской управы.

Подойдя к толпе, Ильза остановилась и некоторое время наблюдала за происходящим. Начальник уездной полиции Риекст разговаривал с подростками.

— Ну, ребята, кто из вас хочет заработать лат? — спрашивал он, поглаживая свою черную холеную бородку. — Что тут особенного, я в ваши годы больше времени проводил на верхушках деревьев, чем на земле. Ну, кто будет таким молодцом? Пять минут работы — и лат в кармане. Сможете купить мороженого, да еще и на кино останется.

Никто не откликнулся. Тогда начальник начал предлагать каждому в отдельности:

— Ты, кажется, храбрец. Берись за дело.

— Я боюсь... — ответил один.

— У меня новые штаны, — сказал другой.

— Я не умею... — заявил третий.

— Мне отец не велит карабкаться на деревья... — пояснил четвертый.

— Мне не хочется... — равнодушно пробурчал пятый.

Ствол дерева до самой верхушки был обмазан смолой. Один из полицейских, видимо, уже пробовал взобраться на дерево, и о результатах этой попытки красноречиво свидетельствовали черные руки и совершенно испорченный мундир. А красное знамя продолжало развеваться на ветру, приветствуя трудящихся в день их великого праздника и приводя в бешенство всех тех, для кого этот праздник был вызовом и угрозой.

Лат Риекста был не в состоянии соблазнить подростков. Тогда начальник полиции прибавил — обещал заплатить два лата. Но и после этого охотников не нашлось. Больше трех латов скупой Риекст платить не желал. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы в парке не

появился хулиганистый отпрыск мясника Трея — рыжий Лудис. Смекнув, в чем дело, он немедленно снял верхнюю одежду и, поплевав на ладони, в одних трусах полез на дерево. Минут через десять флаг был снят, а Лудис выглядел так, что противно было смотреть на него: ноги, грудь, руки и лицо были сплошь измазаны смолой.

Мальчишки хлопали в ладоши и кричали:

— Черт, черт! Черный чертяка! Теперь тебе вечно быть черным: никаким мылом не отмоешь своей рожи!

Лудис, вылупив глаза, взглянул на ребят и что-то пробурчал. Получив три лата, он схватил одежду, ботинки и направился к озеру отмываться. Толпа ребят следовала за ним по пятам, продолжая насмехаться. Кто-то бросил в него камнем, и он с силой ударился в спину Лудиса, еще несколько камней просвистали над его головой. Тогда Лудис бросился бежать, петляя, как заяц, и пригибаясь почти к земле, чтобы сберечь свою драгоценную голову.

...Ильза застала Артура еще в кровати. Когда он проснулся, мать рассказала, что видела в парке.

— Лудис Трей! — заговорил Артур, когда Ильза кончила рассказ. — Ни одно грязное дело не обходится без него. Где что-нибудь такое, — он тут как тут. Ребята правы: будет грязным всю жизнь.

В полночь по городку были разбросаны листовки, а на заборах пестрели лозунги. По улицам бегали полицейские, всюду шныряли шпики. Агенты охранки допрашивали торговцев, кому они в последние дни продавали красный материал и смолу; оказалось, что красного материала не было в лавках с Нового года, а смолу отпускали многим крестьянам, — иди ищи ветра в поле.

Скоро об этом перестали говорить, так как в Латвии начались события, заслонившие все остальное: 15 мая Ульманис разогнал сейм и захватил власть в свои руки. Тюрьмы не успевали принимать всех тех, кто теперь стал помехой для вожаков кулацкого «крестьянского союза», — приходилось на скорую руку готовить концентрационные лагери. В городке арестовали около двадцати человек, но Ильзу почему-то оставили в покое.

Спустя неделю после фашистского переворота, Артур снова ушел на всю ночь. Утром он был чем-то встревожен. Когда Ильза оделась, чтобы идти на работу, он сказал ей:

— Мама, у меня к тебе просьба. Если ты посчитаешь это опасным и нежелательным, можешь мне отказать, — тогда мы попытаемся найти иной выход. Но было бы хорошо, если бы это удалось организовать у нас.

— В чем дело?

— Завтра вечером приедет один человек. Он не может остановиться в гостинице, но одну ночь ему надо пробыть здесь. Могу ли я... привести его сюда?

— Ты думаешь, у нас будет безопасно для него?

— Нет, опасно везде, но у других еще хуже. Только одну ночь, мама...

— Ладно, пусть переночует, — сказала Ильза. — Неужели уж обязательно завтра кто-нибудь сунет к нам нос.

К вечеру Артур ушел и вернулся только после полуночи вместе с молодым человеком. Ильза оставила им в кухне на столе еду и записку: «В духовке горячий чай. Возьми сам».

Они закусили в темноте и еще долго о чем-то разговаривали вполголоса. Проспав на кровати Артура всего несколько часов, незнакомец рано утром ушел и больше не возвратился.

Вечером, узнав от товарищей, что представитель ЦК комсомола Латвии устроился в автобусе и удачно уехал из городка, Артур сказал матери:

— Спасибо, мама. Ты оказала нам большую услугу. Комсомол этого не забудет.

Ильза села рядом с Артуром, задумалась, потом ответила:

— Хорошо, Артур, что ты ведешь справедливую борьбу. Продолжай и дальше. Я мешать тебе не буду. Только помни — наша квартира может когда-нибудь стать ловушкой. Я не боюсь неудобств, мне не страшна и тюрьма, но мы не смеем подвергать опасности людей, нужных всему народу.

— Я это учту... — обещал Артур. — К следующему приезду мы подготовим вполне надежное место. Мама... ведь ты не слишком опасаешься за меня?

— Опасаться за тебя я буду всегда, — ответила Ильза. — Но я не могу тебе запретить то, на что ты имеешь право — право на борьбу. — Ее взгляд помрачнел, а дыхание стало глубоким, взволнованным. — Тебе надо бороться, Артур И я буду бороться. У нас с тобой большой счет к жизни, и пока по нему не будет заплачено за про-

литый пот и за каждую каплю твоих и моих слез, за муки и унижения всех простых людей, — мы не смеем успокаиваться. Ты понимаешь меня, Артур?

— Понимаю... — прошептал юноша. — Я горжусь тобою, мать. Мы всегда были хорошими друзьями. Теперь постараемся быть еще и хорошими товарищами.

Ильза привлекла к себе голову Артура, прижала к своей груди и поцеловала в лоб.

— Да, сын, будем товарищами.

Обоим казалось, что сейчас они стали гораздо более близкими друг другу, чем до сих пор.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

В усадьбе Урги жизнь текла по-старому: каждый год Тауринь приобретал что-нибудь новое для своего хозяйства, а часть денег помещал в банк под проценты. В коровнике теперь были только породистые коровы, в конюшне, рядом с рослыми битюгами, переступали с ноги на ногу, били копытами о пол и ржали от избытка силы два рысака, которых хозяин дважды в год отправлял в Ригу на ипподром. В людском доме весной менялись жильцы. На смену латгальцам приходили батраки из Литвы и Польши, но и те больше года в Ургах не выдерживали. Только старый Лангстынь никуда не уходил: не мог расстаться с любимым садом и пасекой, созданными и взлелеянными его многолетним трудом. Возможно, не только это удерживало седого садовника в Ургах, но об этом он молчал и никому не могло прийти в голову, что здесь играет некую роль маленький Айвар. С первых дней мальчик подружился с садовником и нигде не чувствовал себя так хорошо, как в обществе Лангстыня. Зимой он целыми часами просиживал в мастерской у садовника и без устали наблюдал, как старый пасечник делает ульи и маленькие рамки для сот, а летом не было у него большего удовольствия, чем ходить за стариком по саду.

В Ургах у Айвара был еще один верный друг и хороший товарищ по играм — Инга, сынишка батрака Ре-

гута. Старый Лангстынь всячески способствовал закреплению их дружбы. Каждый день по нескольку часов Айвар учился под присмотром кухарки Ирмы, изредка уделяла внимание его занятиям даже Эрна Тауринь, но когда заданный текст был прочтен и страница тетради исписана прописными и малыми буквами, ничто не могло удержать Айвара в комнате.

Весною Айвар вместе с Ингой излазил все окрестные рощицы и кустарники, они знали наперечет чуть ли не все птичьи гнезда вокруг усадьбы и под стрехами строений в Ургах. Иногда они отправлялись вместе с подростком-пастухом на пастбище и помогали ему пасти изрядное стадо Тауриня; там на просторе можно было побегать, напрыгаться, покричать, а когда надоедало резвиться, ничто не мешало помечтать о далеких южных странах и морях, куда они обязательно направятся, как только подрастут. Попугаи и пальмы, львы и крокодилы, красивые парусники среди океанских просторов и индейцы с головными уборами из орлиных перьев — кто из ребят в свое время не мечтал об этих далеких чудесах, простодушно веря каждой книжной картинке и подслушанному рассказу. И Айвар с Ингой строили планы далеких путешествий, геройских поступков, уверенные в том, что в их жизни не будет ничего такого, чего они — самые сильные и ловкие мальчишки на свете — не смогли бы со временем превозмочь. Что будет не по плечу одному, то вдвоем они осилят шутя, только надо всегда держаться вместе; чтоб это сбылось, они торжественно поклялись в вечной дружбе, только ни один человек — даже старый Лангстынь — не должен был знать об этом.

Прошло с полгода, как привезли Айвара в Урги. Однажды Эрна и Рейнис Тауринь стали совещаться о судьбе мальчика.

— Память у него хорошая, — сказала Эрна. — Учеба дается ему легко. Посмотри, как красиво он стал писать буквы.

— Да, — согласился Тауринь, — паренек способный. А главное — здоров, как бычок, и растет не по дням, а по часам.

— Этой осенью ему надо идти в школу, — заметила Эрна. — Как ты думаешь, Рейнис, не лучше ли было, чтоб до того времени мы обо всем решили?

— Мне кажется, что дольше его испытывать не

стоит, — согласился Тауринь. — Материал как раз такой, какой нам нужен, а получится ли из него деловой парень, так это зависит всецело от нас самих.

И вот было принято важное решение: усыновить Айвара. Вслед за тем Тауринь посетил некоторые учреждения и заверил формальную сторону этой сделки.

Как-то вечером Айвара позвали в охотничью комнату, где на стенах висели ружья и оленьи рога. Там его ждали торжественно серьезные хозяева.

Тауринь закурил папиросу, глубоко затянулся и, пристально посмотрев на Айвара, спросил:

— Ты знаешь, как тебя звать?

— Айвар... — ответил мальчик.

— Только Айвар? Фамилии у тебя нет?

— Айвар Лидум, — смутясь, прошептал Айвар.

Тауринь усмехнулся.

— Так тебя звали раньше, — пояснил Тауринь. — Теперь ты уже не Айвар Лидум, а Айвар Тауринь. Запомни это хорошенько, а свою прежнюю фамилию забудь навсегда. Повтори, как тебя сейчас зовут?

— Айвар Тауринь... — произнес мальчик.

— Правильно, Айвар Тауринь. Теперь ты наш сын. Я твой отец, а она твоя мать. С этого дня ты будешь называть нас мамой и папой. Раньше у тебя были другие папа и мама, но они оба давно умерли и похоронены. Ты о них больше не думай, а во всем слушайся только нас — своих отца и мать. У нас тебе будет житься неплохо.

— Гораздо лучше, чем у прежних отца и матери, — добавила Эрна.

— Пока ты нас будешь во всем слушаться, тебе здесь всегда будет хорошо, — сказал Тауринь. — Никто не посмеет тебя тронуть, потому что ты теперь мой сын. Мы тебя вырастим хозяйским сыном. У тебя будут хорошие друзья, с которыми ты сможешь водиться и играть. Все они будут хорошо одеты. С грязными мальчишками батраков ты дружить не должен — они тебе не ровня. Я пошлю тебя в школу и сделаю барином. Когда вырастешь, сможешь носить красивый мундир айзсарга, такой, как на мне, и у тебя будет своя винтовка и револьвер. А когда я состарюсь, все, что здесь имеется, перейдет к тебе, ты станешь хозяином этой усадьбы. Только ты должен крепко нас любить, своих отца и мать, и быть нам благодарным весь век, так как мы дарим тебе большое

счастье, до конца твоей жизни ты сможешь жить в Ургах. Ты понял, что я тебе сказал?

В знак того, что понял, Айвар молча кивнул головой. Немного погодя он встретился во дворе с Ингой и рассказал ему все.

— Мне всю жизнь придется прожить в Ургах, — поведал Айвар. — Как ты думаешь, Инга, хорошо ли это? Тебе бы нравилось?

— Нет, не нравилось бы... — задумчиво ответил Инга. — Ты никогда не сможешь поехать на юг, не увидишь ни чужие страны, ни индейцев. Это плохо.

— Это ужасно... — согласился Айвар.

Спрятавшись за каретником, они долго обсуждали создавшееся положение и поняли, что теперь им придется скрывать свои отношения от приемных родителей Айвара. Чем больше они об этом думали, тем грустнее становилось обоим.

— Мы все же навсегда останемся друзьями, — сказал Айвар. — Ничего, что Тауриню... что отцу не нравится. Мы можем встретиться, поиграть и поговорить в лесу, тогда никто об этом не узнает.

— Можно и так... — согласился Инга.

И они действительно так и встречались — до самой осени, когда оба пошли в школу.

В школе Айвар встретился с сынками окрестных хозяев, но ни с кем не подружился так, как с Ингой Регутом. Все эти мальчики были избалованными, заносчивыми и спесивыми хозяйскими сынками, привыкшими смотреть на бедных сверстников свысока. Иногда Айвар на переменах участвовал в их играх и соревнованиях, но, заметив, что они и на него посматривают свысока, отошел от них. Настоящим другом и товарищем Айвара оставался Инга Регут. Они сидели на одной парте, а после уроков шли домой вместе, вдвоем бродили по лесу и продолжали мечтать о будущем. Свои вкусные, густо намазанные маслом бутерброды Айвар всегда делил на две равные части и одну из них отдавал Инге, но зато ему в свою очередь приходилось съедать половину скудного завтрака Инги, состоящего чаще всего из куска ржаного хлеба, — иначе Инга не соглашался брать его бутерброды.

Теперь супруги Таурини стали уделять больше внимания воспитанию Айвара. Эрна старалась привить мальчику хорошие манеры, которым сама научилась, общаясь

с образованными людьми. Ни разу Айвар не поел без того, чтобы она не сделала ему несколько замечаний.

— Сиди прямо и не клади локти на стол... Вилку держи пальцами, а не зажимай в кулаке... Не облей штаны... Рукавом губ не вытирают — для этого есть носовой платок... Почему ты чавкаешь? Так делают только поросята...

Весной Тауринь, отправляясь проверять полевые работы, иногда брал с собой Айвара. В каждом месте он находил какие-нибудь непорядки или недоделки и своими колкими замечаниями давал почувствовать хозяйскую власть. Если батрак пытался оправдываться или обижался на незаслуженные нарекания, Тауринь впивался в него, как клещ, и терзал до тех пор, пока не вгонял в седьмой пот, и батрак уже не осмеливался перечить. Айвар слушал и с каждым днем все больше понимал, что приемный отец — самый сильный человек в Ургах. Он заметил, что ближайшие соседи относятся к Тауриню с большим подобострастием, почти унижаются,— наверно, его власть распространяется и на них. Встречаясь с кем-нибудь на дороге — кто бы это ни был, — Тауринь никогда первым не ломал шапки.

Вторая мысль, которую Тауринь старался привить приемному сыну, была немного сложнее, но в своих проявлениях столь же простая и примитивная: все люди, говорящие на чужом языке, хуже и малоценнее латышей.

Неизвестно, какие плоды принесло бы это воспитание, если бы в Ургах не находился маленький седой человек — старый Лангстынь. В его присутствии Айвар чувствовал, что попал в другой мир, где не было ни зазнайства, ни нетерпимого отношения к другим людям. Спокойно и ловко делал Лангстынь свое дело: копал землю, известковал яблони, прививал ягодники, фруктовые деревья и ухаживал за бесчисленными ульями, а своими беседами и рассказами прививал Айвару такое, что совсем не входило в планы Тауриня и за что Лангстыню не платили ни одного сантима: уважение ко всем людям, занимающимся полезным трудом, любовь и сострадание к тем, кому тяжело живется на свете. Лангстынь интересовался чуть ли не каждым шагом Айвара и охотно слушал, когда мальчик рассказывал о том, что видел и что случилось дома, в поле или в школе. Однажды Айвар рассказал, как двое хозяйских сынков, возвращаясь из школы, разодрали

одному ученику штаны и запачкали грязью книги и тетради. Старый садовник, нахмурив лоб, спросил Айвара:

— Тебе это нравится?

— Он выглядел таким смешным в разодранных штанах, — ответил Айвар, не в состоянии сдержать смех. — Рубашка вылезла, а книги так запачкались в грязи, что их нельзя было взять подмышку.

— Смешным, говоришь? — проворчал Лангстынь. — Тебе смешно? Ну, а если у этого мальчика единственные штаны, а у отца нет денег, чтобы купить новые учебники, — что ему тогда делать? Он не сможет больше ходить в школу. Если бы с тобой так поступили, ты бы тоже смеялся? Это гадко и подло. Так ведут себя собаки, а не честные люди. Ты должен был прийти ему на помощь и так проучить этих хулиганов, чтобы они долго не забывали. В таких случаях нельзя глядеть со стороны. Если слабого обижают, ему надо помочь. Так делают все честные и смелые люди, а ты вел себя, как трусливый заяц.

Айвар, покраснев, слушал упреки садовника.

— Совсем не так, дядя Лангстынь... — пытался оправдаться он. — Я совсем не боялся... только не пришло в голову, что так надо сделать. В другой раз буду знать.

— Ну ладно, только не забудь, что я тебе сказал, — Лангстынь стал ласковее. — Таких псов надо учить. Они думают, если у отца есть дом и земля, то можно плевать на всех. Пусть поостерегутся, как бы когда-нибудь не наплевали и на них.

При разговоре о хозяевах и богачах у Лангстыня всегда выходило так, что эти уважаемые люди представали в смешном и невыгодном свете. Он смеялся над их толстыми животами и бахвальством, яркими примерами доказывал их ограниченность, тупость, жестокость и коварство. В глазах Айвара они становились неприятными, даже противными, и он не понимал, почему приемный отец водит знакомство с такими плохими людьми. Больше всего Лангстынь любил посмеяться над лицемерием и ханжеством, — тут самой подходящей мишенью для его насмешек был приходский пастор Рейнхарт. Старик рассказывал о его обжорстве и стяжательстве, о том, что его преподобие на словах проповедует одно, а на деле творит другое — именно то, за что по воскресеньям с церковной кафедры сам бранит своих прихожан.

— Но ведь тогда он лгун! — удивлялся Айвар.

— Понятно, лгун... — подтверждал Лангстынь. — Нельзя верить ни одному слову этого ловкача.

— А почему же люди ходят в церковь и слушают его?

— Потому, что на свете еще много дураков, — пояснил Лангстынь. — Если бы люди поняли, что такие Рейнхарты думают только о своем брюхе и о том, как больше выудить у них денег, они бы его не слушали.

В другой раз Лангстынь начал с Айваром разговор о Змеином болоте.

— В старину болото было совсем маленьким. Беда началась с того времени, когда дед теперешнего хозяина усадьбы Урги построил в нижнем течении речки водяную мельницу. Плотина мельницы задержала воды Раудупе и подняла их уровень. Речка вышла из берегов, и болото стало с каждым годом расширяться. Но это еще не все. Если люди не возьмутся за ум, воды затопят половину волости.

— А почему люди ничего не делают, чтобы освободиться от излишней воды? — удивился Айвар.

Лангстынь хмуро усмехнулся:

— Если бы все люди были честными, это было бы очень просто. Но ведь мельница принадлежит твоему отцу. Ей весь год нужна вода. Без согласия хозяина усадьбы Урги ничего не выйдет. Однажды уже брались за это. Крестьяне собрали подписи и обратились с просьбой к правительству. Приехали начальники, все обследовали, что и как надлежит делать, а Тауринь сказал: «Нет! Если хотите что-нибудь предпринять, углубите в нижнем течении речку Раудупе, чтобы плотину можно было опустить ниже, и платите мне по тысяче латов в месяц, пока мельница будет простаивать, — иначе я не согласен». Никто таких денег не мог уплатить, и все осталось по-старому. И с Тауринем ничего не поделаешь, — он хозяин, а с такими людьми правительство не хочет спорить. Может быть, ты, когда вырастешь, будешь не таким, как твой отец, и подумаешь о нуждах других людей.

Так воспитывал Лангстынь приемного сына владельца усадьбы Урги. Сколько Тауриню удавалось посеять своей эгоистической жизненной мудрости, столько потихоньку выпалывал старый садовник. Сорняк за сорняком, росток за ростком. Только поэтому совесть Айвара

не успела окаменеть в атмосфере самодовольства, царившей в семье Тауриня. Благодаря усилиям Лангстыня, Айвар получил правильное представление о чести, научился уважать человека независимо от его имущественного положения и положения в обществе, научился сочувствовать несчастным и презирать подлецов.

Айвар находился меж двух миров — как бы на распутье: обстоятельства и семья направляли его по одному пути, старый Лангстынь побуждал идти по другому.

Тауринь был убежден, что Айвар с каждым днем все больше становится настоящим хозяйским сыном. Трезвыми глазами практика он рассматривал его как объект опыта и почти совсем не видел в нем живого человека; он сильно привык к мальчику, но не научился любить его всем сердцем, потому и в сердце Айвара он не затронул те глубокие, самозабвенные чувства, которые рождают любовь. Откуда же ей было появиться, когда делалось все, чтобы будущий хозяин хутора вырос самоуверенным эгоистом. То, что в душе Айвара посеял старый Лангстынь, не принадлежало Тауриню, не принадлежало ему и то, чему Айвара учила сама жизнь — все, что он видел и слышал на полях и в батрацком доме усадьбы Урги, все, о чем он мечтал вдвоем с Ингой Регутом, идя домой из школы или спрятавшись в мастерской Лангстыня, где они были недосягаемы зоркому оку Тауриня.

2

Тауринь постоянно ставил себя в пример Айвару.

— Действуй по-моему, иди по моим стопам, тогда ты всегда будешь на верном пути, — повторял он при каждом удобном случае. Тауриню казалось, что в этой фразе заключается вся житейская премудрость, он совершенно забывал, что в возрасте Айвара такой совет даже невыполним, так как круг действий и возможностей ребенка был ограничен.

Наблюдательный и пытливый, как все дети, Айвар искал объяснений вещам и событиям, с которыми ему приходилось сталкиваться. У приемных родителей не хватало терпения все подробно разъяснять мальчику, чаще всего они ограничивались сухим пояснением, не раскрывающим сущности и истинного смысла события или вещи.

Убедившись, что ответы Тауриней скупее ответов других людей, Айвар старался все реже тревожить их своими вопросами, и если что-нибудь не давало покоя его пытливому уму, он обращался или к кухарке Ирме, или к старому Лангстыню, а иногда, набравшись храбрости, задавал вопросы отцу Инги, — от этих людей Айвар узнавал гораздо больше, чем от приемных родителей.

Прошло свыше года с тех пор, как Айвар появился в Ургах, когда случилось нечто такое, что ему не мог и не хотел объяснить никто из тех, к кому он обращался. Однажды вечером Тауринь вернулся домой с собрания айзсаргов сильно подвыпившим. После ужина, когда все улеглись спать, хозяин вошел в каморку кухарки и стал приставать к Ирме. Спавшего за тонкой стенкой Айвара разбудил плач Ирмы.

— Уходите, хозяин... — умоляла девушка. — Почему вы меня мучаете? Я ведь тоже человек.

Затем Айвар услышал приглушенный смех приемного отца, какую-то возню и, наконец, громкий крик.

— Свинья... ты со мной так! — кричал Тауринь. — Теперь ты увидишь! Поднять руку на своего хозяина!

Он выскочил из каморки, громко захлопнув за собою дверь.

Утром Эрна Тауринь велела Ирме убираться прочь.

— В моем доме потаскухам не место! — заявила она. — Получи заработанное — и с глаз долой.

— Здесь не хватает пятнадцати латов, — сказала Ирма, сосчитав деньги, брошенные на стол хозяйкой. — Я недополучила заработную плату за последние три месяца.

— Скажи спасибо, что я удержала с тебя за разбитую посуду только пятнадцать латов! — отрубила Эрна.

— Вы сами ее разбили, не я...

— Если хочешь, можешь подавать в суд, но ни одного сантима я больше тебе не дам.

— Подавитесь, живодеры! — сказала, уходя, Ирма.

Тауринь целую неделю не выходил из дому, ибо в ту ночь Ирма исцарапала ему лицо — надо было подождать, пока заживет.

— Чем провинилась Ирма, за что ее прогнали? — спросил Айвар.

— Держи язык за зубами! — резко сказала Эрна Тауринь. — Какое тебе дело?

Тогда Айвар задал тот же вопрос Лангстыню. Старичок вздохнул и ответил:

— Нет на свете справедливости, вот и все. Богатый думает, что он может с бедным поступать так, как ему вздумается. Но он забывает, что и бедняк — человек и нельзя его топтать ногами. Бедному так же больно, как богатому, он так же чувствует все, ведь и он живое создание.

— У отца поцарапано лицо, — заметил Айвар.

— Вот и хорошо, — сказал Лангстынь. — Бесстыдник получил то, что заработал. Ирма храбрая девушка.

Лангстынь замолчал. Так и осталось неясным Айвару это происшествие. Он понял только, что Ирму обидели и приемный отец поступил скверно.

* * *

Вместо Ирмы в Ургах появилась новая кухарка. Иногда после ужина Тауринь заходил в ее каморку, но она не плакала и не царапалась.

Вскоре после ее появления в Ургах приемная мать велела переставить кровать Айвара в небольшую комнатку, окно которой выходило в сад: он все-таки был хозяйским сыном и ему не подобало спать в каморке рядом с кухней.

В Юрьев день в Ургах снова произошли некоторые перемены: проработавший два года у Тауриня батрак Регут не пожелал оставаться у старого хозяина и подрядился к новому — Стабулниеку. С грустью расставался Айвар со своим другом; после отъезда Инги ему казалось, что жизнь в Ургах сразу стала какой-то невеселой и пустой.

— Почему отец Инги не захотел остаться в Ургах? — спрашивал он Лангстыня. — Разве у Стабулниека ему жить будет лучше?

— Батраку всюду живется не сладко, — ответил Лангстынь. — В Ургах или Стабулниеках — всюду его ждет рабский труд и нищенский заработок.

— Почему же он ушел, если у Стабулниеков не лучше?

— Когда человеку тяжело, ему хочется перемены. Если и не будет лучше, то пусть хоть будет иначе. С какой стати Регуту всю жизнь слушать понукания и распоряжения какого-то там Тауриня? Можно годок послушать, как это делает Стабулниек.

В конце учебного года Инга сообщил Айвару, что летом он будет пасти коров Стабулниека.

— Ты мог бы пасти стадо и в Ургах, — сказал Айвар. — А я бы тебе помогал. Там тебе никто не будет помогать.

— Навряд ли ты мог бы помогать мне, — усомнился Инга. — Твоему отцу это не нравится. Он не позволил бы тебе ходить на пастбище.

— Да, ты прав... — согласился Айвар. — Но друзьями мы все же останемся, не так ли?

— Если ты хочешь... я согласен, — ответил Инга.

До чего скучно и медленно тянулось это лето для Айвара, с каким нетерпением дожидался он осени! Раза два-три за лето он навестил своего друга на пастбище Стабулниеков. Айвар всегда приносил Инге какую-нибудь новую, уже прочитанную им книгу, и снова друзья несколько часов проводили вместе. Обоим тогда казалось, что наступил большой праздник. Когда Айвар вспоминал, что Инге приходится рано вставать по утрам и, несмотря ни на какую погоду, весь день ходить за стадом, у него сжималось сердце, становилось стыдно перед другом: пока Инга одиноко бродит по пастбищу, он может каждое утро спать, а потом целый день заниматься тем, что придет на ум: гулять по лесу, играть, читать книги или удить на речке рыбу. Почему же так устроено, что одному живется плохо, а другому хорошо? Ведь Инга ничуть не хуже его, Айвара, в школе по всем предметам у них были одинаковые отметки, — чем Айвар заслужил, что его жизнь намного легче и лучше жизни Инги?

Мальчику казалось, что он как-то обкрадывает своего друга.

Зимой друзья снова сидели рядом за одной партой, помогали друг другу решать трудные арифметические задачи, но после уроков уже не могли, как раньше, вместе бродить по лесу, так как дороги домой вели в разные стороны. По очереди они провожали друг друга небольшой кусок по большаку, говорили о прочитанных книгах, о предстоящем путешествии в теплые страны, затем, расставшись, спешили домой, чтобы родители не подумали, что учитель в наказание оставил их после уроков в школе.

3

Прошло четыре года. Инга Регут каждое лето нанимался пастухом, зарабатывая себе на одежду и еду, — для батрацкой семьи это являлось большим подспорьем. Айвару не приходилось зарабатывать себе ни на хлеб, ни на одежду — все это доставляли ему с избытком работники Тауриня. Если мальчик в летние каникулы помогал в легких работах по усадьбе, то только потому, что хотел стать сильным и выносливым, и еще потому, что будущему хозяину — если он когда-нибудь захочет руководить большим хозяйством — надо и самому хорошо разбираться в полевых работах. Уже давно было решено, что после окончания основной школы Айвара пошлют учиться в одно из средних сельскохозяйственных училищ.

Время это подошло быстро. Айвару и Инге было по четырнадцати лет, когда они окончили основную школу. Получив свидетельства — лучшие, которые в том году выдали выпускникам, — друзья в последний раз направились в Аурский бор и несколько часов бродили по любимым тропам.

— Что ты теперь станешь делать? — поинтересовался Айвар.

Инга пожал плечами и попробовал улыбнуться, но улыбка получилась грустная, вымученная.

— Такому, как мне, решать не приходится. Надо начинать работать. На карман отца надеяться нечего. Уже договорились — у Кикрейзиса за полубатрака.

— А как с дальнейшей учебой?

— Там будет видно.

— Тебе надо учиться, Инга! — страстно воскликнул Айвар, — у тебя хорошая память.

— Какой в том прок, если в кармане ни гроша. Основную школу пройти тоже было не легко, о средней школе или техникуме и думать нечего. Они для хозяйских сынков.

— А если у тех башка звенит от пустоты? Учиться надо тем, у кого способности, а не тем, у кого много денег, да мало ума. Надо было бы издать такой закон, который запретил принимать в среднюю школу неспособных людей, пусть они будут хоть как угодно богаты. Ты, Инга, не смеешь останавливаться на полдороге.

— Я и не думаю. Проработаю у Кикрейзиса до осени, приобрету книги, буду заниматься по вечерам, дома, а весной попробую сдать экзамены.

— Как долго ты сможешь так выдержать?

— Выдержу... силы хватит... — засмеялся Инга.

Он был ростом на полголовы ниже Айвара, но плечист и мускулист — почти как взрослый парень.

Айвару было жаль Инги, и так же, как тогда, летом, при встречах на пастбище Стабулниеков, он чувствовал себя в чем-то виноватым перед ним. Почему Инге с его светлой головой приходится так рано впрягаться в тяжелое ярмо? Почему он, Айвар, не может ему помочь и как-то изменить его судьбу? Почему так бессмысленно устроена жизнь?

Много было этих «почему», слишком много, и Айвар тщетно старался найти ответ. Ответа он не нашел, только теперь он особенно ясно чувствовал, что в жизни, которую ему приходилось наблюдать, царит железный, суровый и жестокий закон — право сильнейшего — и один человек изменить этот закон не в силах, будь он самым сильным и самым честным.

Прощаясь, они крепко пожали друг другу руки и, как бы ободряя один другого, кивнув головой, улыбнулись, но у обоих на душе было тяжело. Они понимали, что сегодня их пути расходятся надолго, возможно — на всю жизнь.

Дома Айвара ждал сюрприз: в связи с успешным окончанием основной школы Тауринь подарил ему велосипед. Вручая подарок, он торжественно сказал приемному сыну:

— Это за основную школу. Когда закончишь среднюю и пройдешь конфирмацию, получишь мотоцикл, а когда вернешься с военной службы, велю сшить тебе мундир айзсарга из лучшей материи, как офицеру.

Жизненный путь Айвара был отмечен вехами далеко вперед, и никто не спрашивал, нравится ли ему этот путь.

В конце лета Тауринь отвез приемного сына в соседний уезд и определил в одну из прославленных средних сельскохозяйственных школ — в Приедолэ.

4

Приедольская средняя сельскохозяйственная школа была устроена в бывшем дворце какого-то помещика, репатриировавшегося на родину своих предков — в Германию. В одном флигеле помещались классы, в другом — интернат. Здесь же, за большим парком, расстилались поля, где воспитанники проходили сельскохозяйственную практику. Окрестности были живописны — березовые рощи, пологие холмы и богатая рыбой речка Приедолэ.

Большую часть воспитанников составляли дети состоятельных родителей, у них были одинаковые интересы и одинаковое отношение к окружающему миру и его событиям. Большинство готовилось использовать приобретенные в школе знания в усадьбах своих отцов, и лишь немногие, родители которых не имели собственных хозяйств, думали о службе. Кулацкие сынки, которым во всех школьных делах принадлежало решающее слово, называли себя «молодыми волками» и составляли замкнутое, крепко спаянное сообщество, во главе которого стоял так называемый «старый волк» — один из самых энергичных и влиятельных воспитанников последнего класса. Такого главаря избирали в начале каждого учебного года на открытом собрании; это событие почему-то именовали «завыванием молодых волков», и воспитанники первого класса не имели права участвовать в нем.

Одобрительно и даже с откровенной радостью они восприняли фашистский переворот Гитлера в Германии; еще одобрительней и с бо́льшей радостью они приветствовали события 15 мая в Латвии [1] — эти события казались им само собою разумеющимися и необходимыми, они придавали их классу новый вес и значимость. Наследники состоятельных хозяев — поставщиков масла, льна и бекона — рассматривали новый курс правительства как нечто вполне естественное, приспосабливающее все государство к интересам крупных землевладельцев. Государственная дотация за каждый произведенный для экспорта килограмм масла, льна или бекона, так же как доплата за каждого занятого в их усадьбе городского безработного, не казались им странными и несправедливыми, так как позже они готовились строить свое благополучие именно на основе этих доплат.

[1] 15 мая 1934 г. клика Ульманиса произвела в Латвии фашистский переворот.

Айвар скоро привык к режиму школьной жизни: воспитанники вставали по утрам в один и тот же час, в определенное время приходили в классы; в определенные часы обедали, готовили уроки, отдыхали и ложились спать. С первого же дня Айвар серьезно взялся за учебу и без особого усилия стал одним из лучших учеников своего класса; первым учеником он все же не стал: это место принадлежало Юрису Эмкалну, сыну простого кузнеца. С ним Айвар сидел за одной партой. Их кровати в интернате тоже стояли рядом. Они быстро подружились и стали неразлучны. Юрис Эмкалн заменил Айвару Ингу Регута. Без такой дружбы не мог обойтись ни один юноша его возраста: он должен иметь единственного, настоящего близкого друга, которому можно доверить свои мечты, чаяния, секреты. У Юриса не было надежды когда-нибудь быть принятым в общество «молодых волков»: для сына простого кузнеца, которому отец не мог ежемесячно высылать карманных денег, не было места в этом обществе, но он и не стремился туда. Иногда Эмкалн открыто высмеивал заносчивость «молодых волков», основанную на тугих кошельках их отцов. Сынки богачей кое-как мирились с зубоскальством Эмкална и не задевали его, и то потому, что он обладал свойствами, которые всегда высоко ценились всеми подростками: физической силой и ловкостью. Во всей Приедольской школе не было лучшего гимнаста, чем этот светлокудрый худощавый юноша, а когда он брался за гири или штангу, которые стояли в углу гимнастического зала, то у некоторых хвастунов от удивления раскрывались рты.

Следуя советам Эмкална, Айвар тоже начал в свободное время заниматься гимнастикой и гирями. В конце концов это было гораздо полезнее тайного курения и увлечения пивом, чем занималось исподтишка большинство «молодых волков», считая такое поведение проявлением истинного мужества и юношеской доблести.

В школе всегда происходило празднование именин, которые отмечались должным возлиянием: в одной из комнат интерната приготовляли стол с пивом, вином и закусками, и после ухода учителей в свои квартиры начиналась трапеза. Некоторые воспитанники имели подруг среди дочек соседних хуторян, к которым ходили по ночам на свидания, после чего рассказывали своим товари-

щам совершенно неслыханные вещи о благосклонности своих возлюбленных.

— Мы — будущие господа жизни! — хвалились «молодые волки». — Надо заранее учиться брать от жизни все, что она может дать. Надо наслаждаться — вот в чем главное.

Чувствуя за своей спиной коренастые фигуры отцов и их тугие кошельки, молодчики держались свободно и самоуверенно, не особенно церемонясь даже с учителями, которые все же были не одной с ними кости, не одной плоти. Случилось, что один из приедольских воспитанников, сын владельца центра имения, в пьяном виде пристал к молодой жене учителя, о которой болтали, что она благоволит к ученикам старших классов, но парень действовал слишком опрометчиво и высказал свои предложения в присутствии госпожи директорши. Произошел скандал. Однако дело кончилось отеческим внушением в кабинете директора и формальным извинением перед оскорбленной дамой; из школы исключали только сыновей бедноты — ремесленников или мелких чиновников, сынки состоятельных родителей были здесь хозяевами положения и могли себе позволить то, за что других сажали в тюрьму.

В таком обществе приходилось жить и учиться Айвару. И если он, изо дня в день наблюдая вокруг себя эти вольность и цинизм, все же не приучился рассматривать их как привилегию своего класса, то только благодаря Юрису Эмкалну, у которого в жизни были совсем иные цели и содержание, и он сумел эти идеалы, хотя и частично, привить Айвару.

«Молодые волки» объявили главным содержанием своей жизни наслаждение, а целью — богатство.

— Труд — вот главное содержание человеческой жизни, — сказал как-то во время прогулки Эмкалн Айвару. — И нет более благородной цели, как служить человечеству своей деятельностью и этим способствовать приходу лучшей жизни не только для себя, но и для всего общества.

— Что бы ты сделал, если бы у тебя была возможность исполнять все твои желания? — спросил его Айвар.

— Во-первых, я постарался бы познать мир и жизнь людей во всей ее многогранности, — ответил Эмкалн. — Много бы путешествовал, приобрел бы много книг и попытался бы за самый короткий срок вобрать в себя весь опыт и мудрость, накопленные человечеством, чтобы по-

том с большим успехом поработать в той отрасли, которая была бы мне по душе и где я мог бы стать наиболее полезным обществу. А что бы ты, Айвар, стал делать, если бы тебе открылись все возможности?

— Я об этом не думал. Когда все возможно, трудно выбрать самое желанное. А может, совсем и не стоит думать о таких вещах, про которые знаешь, что они недостижимы.

— Например? — Эмкалн с теплым участием посмотрел в глаза Айвару. — Чего бы ты пожелал такого, что сейчас тебе кажется недостижимым?

— Я очень хотел бы повидать свет, далекие земли, моря, но... мне весь свой век придется прожить в усадьбе моего отца в Ургах. Я буду к ней привязан до конца моей жизни.

— А кто тебе мешает уйти, порвать эту связь?

— Долг, Юри. Меня ведь только потому воспитывают, посылают в школу и обучают, чтобы Урги не остались без хозяина.

— Я не завидую тебе, Айвар, — сказал Эмкалн, обхватив рукою плечи Айвара.

...Первый учебный год пролетел быстро. Летние каникулы Айвар провел в Ургах, а Эмкалн — в маленькой кузне отца, работая молотобойцем и помогая старому Эмкалну: нелегко было кузнецу обучать сына, когда дома имелись едоки, которые еще не могли помогать отцу.

В начале второго года обучения, когда приедольцы на очередном «завывании» выбирали «старого волка», Айвару предложили вступить в стаю «молодых волков», но он отказался: слишком дурацким и бессмысленным казалось ему это паясничанье, эта пародия на общественную деятельность, от которой не было проку никому. Они не очень настойчиво звали его, ибо в школе хватало парней, желающих носить звание «молодого волка»: организация будет существовать и без Айвара.

В эту зиму Айвар прочел много книг. Вначале читал все, что попадало под руку: под его подушкой произведения Виктора Гюго сменяли мрачные патологические романы Достоевского; «Мистерии» и «Голод» Кнута Гамсуна читались после реалистических произведений Бальзака, их в свою очередь сменяли «Война и мир» и «Крейцерова соната» Льва Толстого. Как-то Эмкалн достал сборник рассказов Максима Горького, который так очаровал Ай-

вара, что он не успокоился, пока не прочел все доступные тогда произведения Горького — «Старуха Изергиль», «Городок Окуров», «Мальва», «Дело Артамоновых». С того времени Айвару претили переводы французских салонных романов и стряпня доморощенных трубадуров, до хрипоты восхвалявших сына земгальского прасола и установленный им режим в Латвии. В основной школе Айвар усвоил русский язык настолько, что мог с помощью словаря читать произведения русских писателей в оригиналах. Таким путем ему удалось познакомиться с «Петром I» Алексея Толстого и с нелепо сокращенным изданием «Тихого Дона» Шолохова. В голове Айвара от всего прочитанного был большой сумбур, но беседы с Эмкалном о новой строящейся в Советском Союзе жизни и несколько советских фильмов, которые удалось посмотреть в рижских и уездных кинотеатрах, заставили Айвара уже не верить слепо всему, что старалась втемяшить латышскому народу продажная свора пропагандистов министерства общественных дел.

«Брешет, поганец... — думал он, когда кто-либо из учителей начинал слишком горячо восхвалять «изобилие» ульманисовской Латвии и слишком мрачно и враждебно, не жалея черной краски, рисовать жизнь в Советском Союзе. — Грязи и безобразий хватает и у нас, а в Советском Союзе достаточно найдется хорошего и прекрасного».

Но эта ложь еще не пробуждала в нем отвращения и гнева, Айвар думал о ней, добродушно усмехаясь, как о неловком ходе пойманного в жульничестве шулера.

Быстро пролетел и второй учебный год. Когда Айвар приехал на каникулы домой, его встретил мрачный сюрприз, одно из тех подтверждений несправедливости, при столкновении с которым честный человек должен возмутиться до глубины души.

5

Прибыв в Урги и повидавшись с приемными родителями, Айвар безуспешно искал старого Лангстыня — ни в мастерской, ни в саду его не было. Какой-то незнакомый мужчина, вдвое моложе Лангстыня, работал в саду, но Айвару не хотелось обращаться к нему с вопросами, поэтому он вернулся обратно в свою комнатку и до вечера приводил в порядок вещи, книги и школьные тетради.

За ужином ему пришлось много рассказывать о школьной жизни, об учителях и о товарищах по классу, а потом, улучив момент, Айвар спросил:

— Куда девался Лангстынь?

Тауринь переглянулся с женой. Оба мешкали с ответом. Наконец Эрна, зевнув, сказала:

— Он не живет больше у нас... с пошлого Юрьева дня.

— Тот незнакомый, которого я видел давеча в саду, вместо него? — спросил Айвар.

— Ну, конечно... — пробормотал Тауринь.

— А где сейчас Лангстынь? — не успокаивался Айвар. — Почему он оставил Урги?

— Так нужно было, — резко ответил Тауринь, и Айвар не осмелился больше спрашивать. Тауринь закурил папиросу, сделал несколько глубоких затяжек, затем заговорил спокойным тоном: — Я надумал построить рядом с садом несколько теплиц с центральным отоплением. Помидоры, редис, салат и огурцы... в одной теплице заложу виноградник — это принесет изрядные деньги. На Центральном рынке в Риге будем держать свой ларек. Старый Лангстынь со всем этим не справился бы, поэтому взяли человека помоложе.

— Лангстынь мог бы помогать ему, — заметил Айвар. — Хотя бы на пасеке...

— Где это сказано, что я обязан кормить его вечно? — Тауринь пожал плечами. — Он мне не сват, не брат — чужой старик. Устраивать богадельню в Ургах я не намерен.

— Для этого существует волостная богадельня, — добавила Эрна.

— Значит... он теперь там? — спросил Айвар, потрясенный до глубины души.

— Да, сейчас он там, — сказал Тауринь. — Я сам его отвез туда. Он может мне сказать спасибо за это. Иначе побирался бы, работать ему сейчас уже невмочь.

В ту ночь Айвар долго не мог уснуть. Снова и снова лезли в голову мысли о старом Лангстыне. Полжизни проработал он в Ургах, поливая своим потом чужую землю, и на пустыре развел лучший и доходнейший сад во всей волости, а когда пришла старость, его выгнали из дому, как старую собаку, — что могло быть бессердечнее и несправедливее? В ушах Айвара звенели слова приемного отца: «Он мне не сват, не брат...» «Конечно, он тебе

не сват, не брат, но ведь он человек, и человек знакомый, который работал на твоего отца и на тебя и половину своей жизни был тебе полезным. Как можно так поступать со старым Лангстынем? Это мерзко, это преступление... так поступают только волки».

Несколькими днями позже Айвар, тайком от родителей, навестил Лангстыня в богадельне. Он нашел его в темном, душном углу, куда редко пробивался солнечный луч. По стене, над постелью Лангстыня, ползали прусаки. Во всех углах кряхтели и вздыхали бездомные старцы. Каждое лицо, даже каждый предмет в этом доме были отмечены бедой, безнадежностью и глубокой скорбью.

— Вот чем расплатились со мной за всю мою жизнь... — сказал Лангстынь. — Но что поделаешь — такова уж судьба рабочего человека. Не стоит говорить об этом. Расскажи-ка лучше, как твои успехи в этой школе управляющих имениями. Много ли друзей у тебя?

Айвар рассказал о дружбе с Эмкалном. Наконец он не утерпел и рассказал старику о «молодых волках», про их «завывания».

— Настоящая псиная свора... — проворчал Лангстынь и сердито сплюнул. — Волки... С малых лет в крови повадки хищника. Когда они станут хозяевами, батракам жизни не будет. — Он вздохнул и заморгал, а когда снова заговорил, голос у него дрожал от волнения: — Бедный парень... что они из тебя хотят сделать? Зверя. Сделают клещом и кровопийцей, душителем бедных людей.

— Я никогда не стану им, — сказал Айвар. — Если человек сам не захочет, как же его могут сделать таким?

— Привыкнешь понемногу. Придутся по вкусу их блага... власть, богатство. Но ты не поддавайся, Айвар! Не отдавай свиньям свою честь и совесть. Помни, что ты сам родился среди бедных людей.

— Буду помнить, папаша Лангстынь...

— Дай бог, дай бог.

Несколько часов проговорил Айвар с Лангстынем о всяких вещах. Уходя, он отдал старику все свои деньги, которые имел при себе, и долго жал ему руку, с состраданием вглядываясь в его глаза, словно чувствуя, что сегодня в последний раз видит этого доброго и честного человека, который для него был другом и ласковым дедом.

Впервые в его сознании возник вопрос: почему со старым Лангстынем он мог беседовать обо всем свободно и

откровенно, а со своими приемными родителями нет? Может, он не доверял им? Может, понимал, что существуют две правды и что правда Тауриней — не его правда?

«Нет... — ответил он сам себе. — Настоящая правда может быть только одна. Человеку самому надо найти ее. А если он нашел и понял, то надо держаться, не предавать и не отступать, — иначе он не будет честным человеком. Только честный имеет право жить, носить имя человека».

«Честен ли я? — спросил себя Айвар и после некоторого раздумья ответил: — Не знаю. Повидимому, нет, ибо до сих пор не сумел помочь ни одному человеку, нуждавшемуся в помощи. Тогда, два года тому назад, я не сумел помочь Инге Регуту... сегодня — Лангстыню».

6

Спустя два месяца Айвар вернулся в Приедолэ и в новом году учился так же прилежно, как раньше, но отодвинуть Юриса Эмкална на второе место ему не удавалось. Вскоре после Нового года он получил известие, что старый Лангстынь недавно умер и похоронен на приходском погосте Пурвайской волости. Несколько дней Айвар ходил подавленный горем и не принимал участия в играх и зимних соревнованиях своих школьных товарищей, но как долго может грустить человек о безвозвратной утрате, если жизнь ежедневно требует отклика на каждое новое событие и капризы судьбы. Успокоилось сердце юноши, шершавая рука повседневности отодвинула в царство воспоминаний канувшие в вечность образы, каждое утро сулило что-то новое, еще не бывшее, и хотя обещания чаще всего не исполнялись, но человеку больше нравится глядеть вперед, в будущее, чем назад, в прошедшее.

Третий учебный год подходил к концу, когда Приедольскую школу облетела сенсация: Юриса Эмкална исключили из школы! Он не совершил никакого проступка, в школе его считали примерным воспитанником, поэтому многие «молодые волки» вначале даже восприняли это как недоразумение и ошибку.

Айвар очень высоко ценил способности и несомненную честность своего друга и, узнав об исключении его, до глубины души огорчился. Руководство школы провело исклю-

чение так внезапно и ловко, что исключенный даже не успел попрощаться со своими товарищами: в начале урока Эмкална вызвали к директору и после краткой беседы сразу же отвезли на станцию.

— Надо протестовать против этой нелепости, — сказал Айвар товарищам. — На каком основании руководство школы изгоняет из нашей среды лучшего ученика? Мы знаем Юриса и можем поручиться за каждый его шаг. Кто пойдет со мной к директору?

Никто не отозвался.

— Вы боитесь? — спросил Айвар. — Может, вам запрещено думать, поэтому вы примете на веру все, что вам здесь преподнесут?

— Не стоит связываться, — в конце концов ответил ему Берзинь из Гулбенэ [1]. — Пусть Эмкалн, если он прав, сам заступается за себя. Почему я должен из-за него портить отношения с директором школы? Моя хата с краю, я ничего не знаю...

— Значит, не пойдете со мной? — переспросил Айвар.

Все молчали.

— Ну ладно, и не надо, если вы такие трусы. Я пойду один.

И он пошел.

Директор школы принял сына богатого Тауриня очень вежливо, но, узнав, по какому поводу явился Айвар, вдруг стал весьма официален и резок.

— На каком основании вы суете свой нос в мои дела? — спросил он. — Где сказано, что директору школы надо отчитываться перед своими воспитанниками? Если бы ваши родители не были весьма уважаемыми людьми и верными последователями нашего вождя, мне не оставалось бы ничего другого, как исключить и вас из школы вместе с Эмкалном! Тауринь, да есть ли у вас стыд? Выступить в роли адвоката и защищать т а к о г о человека!

— Эмкалн лучший ученик нашего класса, господин директор... — твердо ответил Айвар. — За ним не замечалось ничего плохого. Как же самый лучший вдруг стал самым худшим — это непонятно ни мне, ни моим товарищам.

Директор от волнения и гнева покраснел. Если бы он имел дело с каким-нибудь другим учеником, чей отец не

[1] Г у л б е н э — волость в Видземе.

был, как Тауринь, командиром роты айзсаргов и влиятельным лицом в «Крестьянском союзе», он бы не стал разводить церемонии; просто прикрикнул, чтобы тот попридержал язык и убрался из кабинета. Но с сыном Тауриня волей-неволей приходилось сдерживаться и говорить корректно.

— Мы не можем давать образование детям своих врагов, — сказал он. — Отец Эмкална недавно арестован. Его сыну нет места в нашем учебном заведении, которое так высоко оценил в одной из своих последних речей сам вождь. Можете передать это своим товарищам. И вообще кончайте с этими глупостями, никогда больше не выступайте в качестве адвоката, если вас не задевают. Как вам не стыдно: отец командир айзсаргов, образцовый хозяин и общественный деятель, а сын защищает отпрыска какого-то неизвестного коммуниста! Идите, Тауринь, и никогда больше такими делами меня не беспокойте.

Айвар ушел. В интернате его встретили молчанием и вопрошающими взглядами.

— Ну, чего добился? — наконец не вытерпел тот же Берзинь. — Эмкална оставили в школе?

— Его исключили из-за отца... — мрачно ответил Айвар. — Отца недавно арестовали, а сыну приходится страдать.

— Коммунист? — глаза хозяйских сынков вспыхнули по-звериному, как у молодых волков, когда они чуют добычу.

— Так говорит директор, — ответил Айвар. — И все же это неправильно. Юрис не должен отвечать за отца.

— Значит, ты не согласен с действиями директора? — спросил один из «молодых волков». — И ты ему сказал об этом?

Возник горячий спор, в котором Айвар со своими взглядами остался одинок. Все воспитанники признали, что директор поступил правильно, исключив Эмкална из школы, — этого требовала добрая слава учебного заведения. Удивительно, как такой человек вообще сумел пробраться в приедольское святилище, откуда Ульманис ожидал полноценное пополнение для своей кулацкой гвардии.

Увидев, что товарищей невозможно переубедить, Айвар обособился, замкнулся в себя. Целую неделю он не разговаривал с одноклассниками и не принимал участия в их жизни.

Первая попытка Айвара восстать против несправедливости и активно повлиять на ход событий потерпела полный провал. Повидимому, жизнь нельзя было изменить гуманностью только одного человека: чтобы добиться улучшения, нужно было что-то большее. А что именно — Айвар не знал.

В начале мая он получил письмо из дому. Эрна Тауринь писала, что после Юрьева дня почти обновился состав обитателей людского дома. Отец подрядил несколько поляков и латгальцев, так как с местными батраками нет никакого сладу — они только и знают, что требуют немыслимую плату, а за спиной хозяина говорят про него разные гадости. Из местных в Ургах будет работать только один сезонный рабочий, Инга Регут, — может, Айвар еще помнит его?

Конечно, Айвар хорошо помнил своего верного друга детства. Это известие доставило ему радость. С нетерпением ждал он окончания учебного года. Хотелось скорее попасть в Урги, ибо там его ждал человек, которому он дал слово вечно быть его другом и с которым вот уже целых три года не виделся.

7

На станции Пурваи Айвара встретил сам Тауринь. Расцеловавшись, они сели в дрожки. Рысак, прошлой осенью получивший на Рижском ипподроме большой сезонный приз, быстро доставил их в Урги. По дороге Айвар узнал все достойные внимания новости: Тауринь был недавно назначен старшиной Пурвайской волости, местные айзсарги получили нового батальонного командира, какой-то хозяйский сын после обязательной военной службы остался на сверхсрочной; в Ургах в одной из новых теплиц был получен первый урожай ранних овощей.

— Все было бы хорошо, только не везет мне с работниками. В Юрьев день нанял сезонным работником сына бывшего моего батрака Регута. Работник он был неплохой, но что в том проку, если у человека голова набита всякой мерзостью.

— Что ж он натворил? — спросил Айвар, с трудом удерживая волнение.

— Что натворил? — проворчал Тауринь. — Оказался коммунистом. Две недели назад его арестовали и отвезли

в Ригу. Вместо него пришлось нанять другого работника, какого-то ученика средней школы из уездного города... в твоих летах. Летом работает, зимой учится. Поди узнай, каким он еще будет. Сейчас ни на кого нельзя положиться.

«Инга в тюрьме... — думал потрясенный Айвар. — Со всеми, кто был мне близок, случается какая-нибудь беда. Лангстынь умер в богадельне... Юриса Эмкална исключили из школы... Инга Регут, как зверь, задыхается теперь в клетке... За что? Какое зло причинили они хоть одному человеку? Почему судьба так безжалостно обрушивается именно на самых честных и способных людей?

Тауринь продолжал:

— У меня к тебе просьба, Айвар. Я понимаю, ты захочешь во время каникул найти себе общество молодых людей с таким же уровнем развития, как у тебя. В этом отношении наш новый сезонный рабочий, Артур Лидум, кажется подходящим, но лучше, если ты не завяжешь с ним знакомства. Сам понимаешь, ты сын хозяина, а он просто батрак... мать работает прачкой. У каждого из вас свои интересы. Если ты заведешь дружбу с этим бедняком, он обязательно постарается тебя использовать, — так они обычно поступают. За свою отзывчивость ты получишь только насмешки, поэтому послушайся моего совета — держись от него подальше. Не может быть, что среди пурвайцев ты не найдешь какого-нибудь интеллигентного хозяйского сына, с которым стоит подружиться. Подумай об этом.

— Ладно, подумаю... — сказал Айвар. Эта забота приемного отца для Айвара не была новостью: в свое время Тауринь так же поучал его избегать детей батраков и бедных соседей, не дружить с ними, будто те были прокаженными и могли заразить его дурной болезнью. Но разве это было возможно? Ведь люди не жили изолированно, на одиноких островах или за крепостными стенами — волей-неволей ежедневно самые различные люди встречались друг с другом. Что же в этом плохого? Совет Тауриня достиг одного — возбудил любопытство Айвара. Не начни приемный отец разговора про Артура Лидума, может, Айвар не уделил бы ему внимания; теперь юноше хотелось видеть и знать, каков этот человек.

На дворе усадьбы хозяин передал рысака стройному, плечистому юноше.

— Выпряги и отведи в загон, только хорошенько оботри его, — сказал хозяин.

— Ладно, хозяин... — ответил юноша, пытливо посмотрев на Айвара. Айвар тоже пристально поглядел на парня. Его смелый уверенный вид, без следа покорности и угодливости, заставил предположить, что это и есть тот самый сезонный рабочий, с которым отец не советовал знаться.

— Добрый день... — тихо приветствовал Айвар незнакомого парня.

— Здравствуйте... — также негромко ответил Артур Лидум и стал распрягать лошадь. Тауринь с Айваром пошли к жилому дому, где их с нетерпением ждала Эрна — болезнь уже третью неделю не давала ей подниматься с постели.

Все послеобеденное время Айвару пришлось просидеть у постели приемной матери, рассказывать ей про школьную жизнь и выслушивать жалобы на постоянные боли под ложечкой. Как только станет немного полегче, она уедет лечиться в Кемери, а по пути посоветуется в Риге с профессором — большой знаменитостью по внутренним болезням. Эрна Тауринь в свои неполных пятьдесят лет была почти седая, увядшая старуха. Одновременно с телом увядала и душа, и теперь трудно было найти в ней какое-нибудь светлое, жизнерадостное чувство или стремление. Она была похожа на надломленное дерево, скрипящее при каждом порыве ветра.

— Как ты вырос и похорошел, — сказала она приемному сыну, и это звучало почти укором. — Скоро отбоя не будет от девиц, только ты не давай каждой вертихвостке обвести себя вокруг пальца. Выбор у тебя большой. Но ты не торопись, сыночек. Проведи свою молодость как следует — человек бывает молод только раз в жизни. Придет время — мы с отцом тебя женим.

Наконец она отпустила Айвара.

Был слишком чудесный вечер, чтобы сидеть дома. Айвар разыскал велосипед и поехал покататься по окрестностям. Он доехал до Аурского бора, растянулся на мху под старой сосной и долго-долго смотрел, как светлые острова облаков проплывали над вершинами деревьев. «Почему жизнь так сложна? — думал он. — Одни люди желают одно, другие — совсем другое. Почему всем не желать одного, быть добрыми друг к другу, любить, по-

могать, а не завидовать и не желать чужого? Ведь были на свете великие и мудрые люди, возвещавшие человечеству правду, но почему их призыв остался неуслышанным и почему люди продолжают жить такой уродливой жизнью, в которой царят ненависть, взаимное уничтожение и бесконечная борьба?»

Уже смеркалось, когда Айвар возвращался домой. На дороге около загона усадьбы Урги он увидел людей. Громкие взволнованные голоса заставляли думать, что там происходит горячий спор. Айвар сошел с велосипеда и свернул в кусты, чтобы проскользнуть мимо незамеченным. Но когда он поровнялся с этими людьми, происходившее так заинтересовало его, что он остановился и прислушался.

Айвар увидел пять человек. Артур Лидум находился в загоне, шагах в десяти от остальных. На дороге стояла девочка лет двенадцати — Анна Пацеплис, босая, в тонком ситцевом платьице, ее густые волосы свободно спадали на плечи. Как загнанный в тупик зверек, испуганно смотрела она на трех окружавших ее подростков. В ее взгляде были страх и мольба. Один из подростков, в форме воспитанника школы лесничих, доводился Анне братом по отцу — то был Бруно; двое других — сыновья крупного кулака Стабулниека, самые отъявленные хулиганы во всей волости, один ровесник Бруно, другой моложе.

— Эрр... эрр... — дразнили они Анну, стегая крапивой по голым ногам. — Красивая собачка, но не лает и не кусается... Эрр...

Бруно, ухмыляясь, смотрел, как сынки Стабулниека издеваются над его сестрой, и поощрительно подмигивал им. Когда Анна пятилась назад, Бруно загораживал ей дорогу. А оба хулигана, продолжая свою мерзкую игру, обжигали крапивой лицо и шею Анны.

— Пустите меня... — просила девочка. — Мне нужно домой... коров подоить. Ну не делайте же так — мне больно.

— У тебя будут красные щеки — станешь красивой! — смеялся старший из братьев. — Эррр, собачка, ну полай немного, нам хочется слышать, как у тебя получится. Ты ведь хотела поступить в хор... Мы тебя...

Но докончить он не успел: Артур перелез через изгородь, одним прыжком очутился среди подростков и схва-

тил за длинные волосы обоих молодых Стабулниеков. Как щенков, пригнул он их к земле и ткнул лицами в дорожную пыль.

— Я вам покажу, негодяи... — тяжело дышал он. — Языками будете крапиву лизать, пока не начнете лаять и выть. Таким собакам, как вы, этому и учиться не придется.

Еще и еще раз ткнул он их в дорожную пыль, потом поставил на ноги и толкнул от себя с такой силой, что хозяйские сынки опять свалились на землю. Но они довольно ловко вскочили на ноги и, боязливо оглядываясь, пустились наутек.

Артур повернулся к Бруно и угрожающе посмотрел на него:

— А ты чего глаза выпучил, сопляк? Тоже захотел? Ладно, могу всыпать... — и он шагнул в сторону наследника Мелдеров.

Вид его был так страшен, что гордый Бруно не выдержал и, не обращая внимания на то, что его постыдное отступление видит Анна, быстро повернулся и бросился бежать. Еще издали можно было слышать, как он хнычет в испуге:

— А... я... я... пожалуюсь... по... полиции...

Анна стояла посреди дороги как вкопанная и не спускала глаз с незнакомого юноши. Впервые в жизни нашелся человек, поднявший руку в ее защиту. Это было что-то такое, чего она. униженное и забитое существо, не в состоянии была сразу охватить, — чудо, целый переворот в душе девочки.

— Вы так добры... — шептала она. — Я вам очень благодарна.

— Почему ты не защищалась? — спросил Артур. — Вырвала бы у них крапиву, ткнула бы им самим в лицо. Царапаться надо было бы, кусаться... таким собакам поддаваться нельзя, иначе они горло перегрызут каждому прохожему. В другой раз действуй смелее. — Он ободряюще кивнул ей головой, негромко засмеялся и ушел. Девочка долго смотрела ему вслед сияющими глазами.

Нагнав Артура недалеко от своей усадьбы, Айвар спрыгнул с велосипеда и несколько шагов молча прошел рядом с ним. Потом заговорил смущенно и неловко:

— Я видел случай на дороге.

Айвар протянул руку Артуру. Тот в первое мгновение

опешил и не знал, как быть. Затем выпрямился и взял в свою ладонь дружески протянутую руку чужого юноши.

Минутой позже каждый из них шел своей дорогой: один — к людскому дому, к батракам и батрачкам, другой — к белому хозяйскому коттеджу, окна которого светились электрическим светом.

8

У Рейниса Тауриня имелись кое-какие планы на ближайшие годы, с ними он познакомил Айвара при обходе хозяйства. Прежде всего они остановились у каретника и машинного сарая.

— Здесь, с этого конца, надо будет пристроить гараж, — сказал Тауринь. — На будущий год я хочу обзавестись грузовиком. Зерновых посеем меньше, больше будем заниматься картофелем и сахарной свеклой. Тогда без грузовика не обойтись. Тебе после сельскохозяйственной школы надо будет пройти курсы шоферов, иначе придется держать платного шофера. Как ты на это смотришь?

— Ничего не имею против, — ответил Айвар. — Но если ты перейдешь на технические культуры, потребуется больше рабочих.

— Это ведь все окупится, — продолжал Тауринь. — В людском доме можно поместить еще с полдюжины батраков и батрачек. Мы сами на грузовике будем доставлять картофель на спиртовой завод, а свеклу — на станцию. Куда девать деньги — об этом, мне кажется, задумываться не придется, в банке места хватит. Потом нигде не сказано, что деньги обязательно должны лежать в банке. Почему не обзавестись одной-двумя акциями, стать совладельцем прибыльного завода или фабрики или, скажем, принять на паях участие в покупке парохода.

Вот куда простирались мечты Рейниса Тауриня! Его не удовлетворяло положение крупного землевладельца, он желал быть промышленником, совладельцем пароходов, предпринимателем крупного масштаба. Он не был обыкновенным кулаком, которому хватало его полей и стада: ему нужны были ширь, разнообразие, он был охвачен характерной для этого века беспокойной ненасытностью. Но самое удивительное, что он о своих честолюбивых планах говорил без особого восторга, руководствуясь только холодным расчетом.

На полях Tauринь и Айвар с самого высокого места своих владений взглянули на соседние поля и луга в низине, где властвовало тяжелое дыхание Змеиного болота, и на старые крестьянские избы, только изредка крытые тесом. На большинство изб были нахлобучены прадедовские соломенные шапки или замшелая дранка. Там, внизу, жизнь стояла на месте, своей отсталостью являя резкий контраст с бурным развитием в Ургах.

— Живут, как барсуки, и мокнут в болотной жиже, — произнес Tauринь с презрительной миной. — Если б я захотел, уже завтра смог бы удвоить количество земли за их счет. Но к чему мне эта трясина?

Айвар, вспомнив беседу со старым Лангстынем, робко заметил:

— Люди говорят, что причиной образования Змеиного болота является наша старая мельница на Раудупе...

Tauринь пристально взглянул на Айвара, задумался и, усмехнувшись, сказал:

— А какое мне дело до этого? Не стану же я ликвидировать доходное дело. Кому сыро, пусть поищет более сухое место. Разве я должен о них заботиться? Прошлой осенью, когда ты уехал в школу, ко мне здесь заявилась целая делегация. Всякая мелкота — Мурниек, Индриксон, Клуга... Старались уговорить, чтобы я принял участие в осушении болота и понизил уровень воды в мельничном озерке. Это значит — ликвидировать мельницу. Я им так и сказал, что мои прежние условия остаются в силе. Пусть построят мне вместо водяной мельницы паровую и заплатят за вынужденный простой по тысяче латов в месяц, тогда я соглашусь.

— Разве мельница приносит столько дохода? — удивился Айвар.

Tauринь усмехнулся.

— Неважно, сколько она приносит. Важно, что она моя — моя, Рейниса Tauриня, частная собственность. А следовательно, она неприкосновенна, и я могу с ней делать, что захочу. По правде говоря, старая раудупская мельница ни черта не стоит, но именно из-за этого болота она в моих руках становится ценным капиталом. В Латвии, слава богу, права частной собственности священны, и я был бы плохим собственником, если бы не сумел из своего добра выжать наибольшую пользу. Так-то, Айвар. Пусть каждый сам заботится о себе и кует свое счастье.

Я ничего ни у кого не украл, а что принадлежит мне, от того не откажусь, и нет такого закона, который заставил бы меня это сделать. Если тебя будут убеждать в ином, не верь никому, все они лгут и хотят себе добра за наш счет. В таких вещах мы не должны сентиментальничать.

На обратном пути они увидели Артура, окучивающего картофель. Занятый делом, батрак даже не взглянул в их сторону, хотя Тауринь и Айвар прошли совсем близко.

После случая у загона Айвар несколько раз пытался встретиться с Артуром наедине, но это никак не удавалось. Так и казалось, что Артур нарочно избегает хозяйского сына. Заговаривать с ним в присутствии других людей Айвар не осмеливался: родители быстро узнали бы об этом, да и неизвестно, как ответит Артур. Но что-то неотвратимо тянуло Айвара к этому стройному, уверенному парню, у которого хватило смелости назвать наследника Мелдеров и будущего лесничего сопляком.

* * *

В воскресенье Артур на целый день ушел из усадьбы. Его не знали в этой местности, и ему удалось добраться до Аурского бора, не обратив на себя внимания. На опушке он встретился с двумя подростками, и они углубились в лес. Несколько часов беседовали, а когда разошлись в разные стороны, то в карманах обоих подростков лежало по тонкой брошюрке, которые они берегли, как зеницу ока.

Артур не торопился с возвращением в Урги. На обед он захватил ломоть хлеба с маслом и творогом. Присев на пень, юноша съел свой обед, потом на вырубке стал собирать землянику. Ему нравилось наблюдать за бегающими в траве насекомыми, смотреть, как дятел долбит засохшую сосну, как рыжая белка прыгает по ветвям деревьев. Целый час просидел он у большого муравейника, наблюдая за оживленной работой насекомых. Какой-то паук слишком неосторожно приблизился к муравьиному государству; тотчас его атаковало множество муравьев. Буквально в один миг у паука оторвали ноги, а беспомощное туловище кучка муравьев медленно поволокла к муравейнику. Носильщики по дороге менялись, на место уставших становились новые, свежие муравьи, и минут

через десять страшный враг исчез в одном из многочисленных входов муравейника.

«Так-таки попался... — подумал Артур. — Выходит, что даже такого насильника могут победить маленькие муравьи, если будут держаться вместе и не потеряют присутствия духа. А что смогли бы сделать люди, если бы действовали также сообща...»

Под вечер в роще заиграл духовой оркестр. Между стволами деревьев замелькали платья женщин, черные и серые костюмы мужчин и зеленоватые мундиры айзсаргов. Артур, остановившись на дороге, издали прислушивался к грустным звукам вальса. Узнав в одном из парней Айвара, Артур не стал больше слушать музыку и пошел дальше. Вдруг он заметил на краю дороги девочку. Она одиноко прижалась к старой ели и глядела в сторону рощи. На ней была полушерстяная домотканная юбка и белая кофточка, на ногах простые резиновые тапочки. В руках у нее были яркие полевые цветы. Артур узнал девочку, которую тогда вечером дразнили крапивой мальчишки Стабулниека.

— Добрый день... — приветствовал он ее и протянул руку.

— Здравствуйте... — ответила Анна.

— Ты, наверное, на вечеринку? — спросил Артур.

— Нет... я так... — ответила девочка. — Пришла послушать, как играют.

— Тебе нравится духовая музыка?

— Очень. Никакой другой я не слыхала.

— У вас дома нет радио?

— Нет. Отец давно обещает протянуть антенну, но... нет времени. Аппарат тоже больших денег стоит.

— Можно слушать с детектором и наушниками, хотя это не так хорошо, как настоящий приемник. Где ты живешь?

— В Сурумах... там, у большого болота.

— А, знаю, рядом с Ургами. Хозяин Сурумов твой отец?

— Да... но хозяйка не мать мне.

— Ах, так... — Артур внимательнее взглянул на девочку. — У тебя нет матери. А я никогда не видел своего отца. Выходит, что у нас почти одинаковая судьба.

Как-то само собой получилось, что они медленно пошли в сторону дома. От простого обращения Артура, в ко-

тором не было ни тени зазнайства и насмешки, Анна сделалась смелее. Пропала робость, все увереннее звучал голос: впервые после смерти матери она говорила с чужим человеком, как равная. Артур рассказал, что он живет с матерью в уездном городке, учится в средней школе, а прошлые летние каникулы работал на сплаве. Анна в свою очередь сказала, что очень хотела закончить основную школу, но родители взяли ее из предпоследнего класса, что о дальнейшей учебе нечего думать. В Сурумах нужен работник — чужой человек обойдется отцу слишком дорого.

— Не вешай головы, Анна... — сказал Артур, когда они подошли к загону усадьбы Урги. — С жизнью надо воевать, бороться за свое место под солнцем. Если сама не будешь бороться, никто тебе ничего не подарит. Смелость и упорство... и всегда голову кверху.

— Я попытаюсь... — ответила Анна.

У дома Анны они расстались, и каждый пошел своей дорогой.

Неделей позже Рейнис Тауринь увез свою больную жену в Ригу. В последнее время Эрне стало немного лучше, поэтому она хотела полечиться в Кемери.

Они уехали в субботу утром. Возвращения хозяина можно было ожидать лишь в понедельник вечером. В распоряжении Айвара было несколько дней, которые он мог использовать, как хотелось. Встретившись в субботу вечером у конюшни с Артуром, он поздоровался с ним и поспешил спросить:

— Вы любите ловить раков?

Застигнутый врасплох, Артур не сообразил, что́ ответить. Он с изумлением посмотрел на Айвара и наконец, пожав плечами, сказал:

— Не знаю. Никогда не участвовал в таких делах.

— Тогда пойдемте ловить завтра, — предложил Айвар. — Люди говорят, что Инчупе полна раков. Если не понравится, бросим это занятие в любое время. Правда, идти порядочно, около шести километров.

— Согласен, можно попытать счастья, — ответил Артур.

— Если вы ничего не имеете против, встретимся в девять утра на дороге у загона, — предложил Айвар. —

Только не говорите никому о нашем походе, иначе пристанут любопытные и, в случае неудачи, еще на смех поднимут.

— Вы считаетесь с такими мелочами? — удивился Артур. — Ну ладно, не скажу никому.

Утром они встретились в назначенном месте и через час достигли берега Инчупе. Оставшись в одних трусах, юноши повесили на шею старые торбы из-под овса и полезли в воду. Речка сильно заросла и была не шире четырех метров, вода в самых глубоких местах доходила лишь до груди. За час они поймали с полсотни раков, некоторые были довольно большие.

— Хватит, пожалуй? — спросил Айвар. — Немного надо оставить и на развод.

— Хватит, — согласился Артур. — На рынок не везти.

Они завязали концы торб, чтобы раки не уползли, уложили свой улов под кусты, а сами растянулись на траве, предоставив палящему солнцу сушить их мокрые спины.

— Вы, наверно, занимаетесь спортом, — заговорил Айвар, оглядывая мускулистую фигуру Артура. — Как вы добились таких бицепсов?

— Занимался немного гимнастикой, но в основном помогла работа, — ответил Артур, осматривая в свою очередь фигуру собеседника. — Ваши бицепсы не меньше моих. Тренируетесь?

— Понемногу... — признался Айвар и улыбнулся. — Иначе вырастешь слизняком. У нас в Приедольской школе есть гири. Я ежедневно работаю с ними. Слышал, вы учитесь в уездной средней школе.

— Точно, — сказал Артур. — Если бы все осталось по-старому, будущей весной мог бы закончить школу, но ведь только что Уль... только недавно правительство увеличило на год срок обучения в средних школах. Придется учиться еще два года.

— Что вы думаете делать дальше? Поступить в университет?

— Навряд ли выйдет — не по карману. А вы?

— Мне надо будет остаться в Ургах... учиться хозяйничать.

— Вам нравится быть хозяином? — Артур повернулся набок и пристально взглянул на Айвара

Айвар немного помедлил с ответом, потом сел и, раздумывая, принялся покусывать травинку.

— Трудно ответить: нравится или нет. В жизни ведь надо что-то делать. А вам бы нравилось?

— Нет, — решительно ответил Артур.

— Почему? — в голосе Айвара послышалось удивление. — Разве это так плохо?

— Как для кого... — Артур тоже сел, обхватил руками колени и задумчиво посмотрел через речку в сторону Аурского бора. — Одному от этого хорошо, а многим плохо. Тем, кто живет на хозяйской половине, нет повода жаловаться, и, напротив, тот, кто живет на батрацкой половине, не имеет достаточных оснований для радости. И все же я не хотел бы жить на хозяйской половине.

— Вы думаете, что в положении хозяина есть что-то нечестное? Если он хорошо относится к своим работникам, платит причитающийся им заработок и сытно кормит — что тут плохого?

— Нет на свете такого хозяина, который платил бы работнику все, что тот заработал... — сухо засмеялся Артур. — Разница только в том, что один удерживает у рабочих больше, другой меньше, но львиную долю все они оставляют себе.

— К какой группе вы причисляете моего отца? —спросил Айвар. Когда Артур замешкался с ответом, он добавил неизвестно почему гораздо более тихим голосом: — Говорите смело. Я не обижусь, и никто о нашей беседе не узнает.

— Для чего вам это?

— Чтобы проверить собственные суждения.

— Ну ладно. Могу сказать. Вашего отца приходится причислять к самой хищнической группе. Вы только не обижайтесь, но если мы начали говорить о таких вещах, надо высказать все, что думаешь. Лицемерие вам ничего не даст.

— Ради бога, только чистую правду! — воскликнул Айвар. — В чем вы усматриваете хищничество отца?

— Во всем, что мы видим в Ургах, — продолжал Артур. — Строения, машины, скот, поля, нивы — ведь это все не свалилось с неба. Человеческим пóтом добыто, создано, а прибрано к рукам теми, кто меньше всего трудился. Сотни людей на протяжении поколений приходили и уходили, оставляя в Ургах, на полях этой усадьбы, часть своей жизни и своих сил. Кто знает, в какой богадельне задыхаются теперь они, на каком погосте их захорони-

ли, — а господин Тауринь остается на месте и один присваивает все то, что эти сотни построили и возделали. Может, вы скажете, что это правильно и законом не запрещается?

— Закон действительно не запрещает. Наоборот, он защищает частную собственность. Но если такой закон был бы неправилен, человеческое общество не терпело бы его так долго.

— Каждый класс, приходящий к власти, издает свои законы, такие, которые отвечают его интересам.

— Значит, абсолютно справедливого закона, который могли бы принять все классы, не существует? — спросил Айвар.

Артур ответил ему встречным вопросом:

— Читали ли вы что-нибудь из политэкономии?

— До сих пор нет, — признался Айвар.

— Тогда прочтите, и, если когда-нибудь встретимся, продолжим разговор по этим вопросам. Я вижу, что сегодня этот предмет вы еще не знаете.

Но Айвар не отступал. Уверенный тон Артура начал его задевать, кроме того, никому не понравится, если его выставляют невеждой.

— Я обязательно попытаюсь прочитать, — ответил он, — но сомневаюсь, чтобы это открыло мне новую Америку. Отец мой часто напоминает, что такой порядок существует тысячелетиями, одним принадлежит больше имущества, другим — меньше. Если имущество не украдено, а приобретено законным порядком, в этом ничего неправильного нет. Один накапливает плоды своих трудов и умножает их, другой транжирит и у него не остается ничего. Кто из них умнее и действует правильнее? Думаю, тот, кто создает и умножает добро. Что касается усадьбы Урги, то всем известно, что несколько поколений Тауриней трудились в поте лица, пока было создано все то, что мы видим сегодня.

Артур усмехнулся.

— Я сомневаюсь, чтобы ваш отец вкладывал в работы по усадьбе все свои силы, однако он получает во много раз больше того, что стоит его труд. И поэтому он — хищник. Другого более мягкого слова я не могу для него найти.

— Вы сами когда-нибудь будете образованным человеком и со временем — это не исключено — можете стать

хозяином многих рабочих, иначе вам не стоит так много учиться. А когда это произойдет и ваше личное благополучие будет достигнуто, то все, что сегодня вам кажется неправильным и несправедливым, предстанет совсем в другом свете.

— Во-первых, это никогда не произойдет! — воскликнул страстно Артур. — Но предположим, что произойдет. Если б я тогда думал иначе, чем сегодня, я был бы подлецом. Неужели вы можете представить, что я так говорю только из зависти? Зависть — плохой судья в оценке жизни. Но есть ведь какая-то единственная правда, есть какой-то единственный и истинный принцип правды, который правильно отражает сущность вещей. Например, что вы скажете про раудупскую мельницу? Разве только зависть заставляет крестьян проклинать эту мельницу и вашего отца? Может, вы считаете честным и правильным, что из-за жадности одного человека сотни семей задыхаются в бедности? Как вы оправдываете вашего отца в этом вопросе?

Айвар смутился и покраснел.

— Я совсем не оправдываю это. На его месте я бы давно отказался от мельницы, но он об этом и слышать не хочет. А если он в чем-нибудь заупрямится, то убедить его нет возможности, в особенности тогда, когда на его стороне закон. А сейчас это именно так.

Дальнейший разговор не клеился.

Через час они расстались у фруктового сада усадьбы Урги.

Весь вечер Айвар просидел в своей комнате один. Горькое обвинение, брошенное Артуром классу Рейниса Тауриня, не выходило из головы юноши. Айвар понимал, что это обвинение относится и к нему, ведь он был приемным сыном Тауриня. Если несправедлива была основа жизни Тауриня, то такой же была она и у Айвара. Это сознание угнетало его, но избавиться от него он не мог.

«Э, стоит ли ломать голову над этим? — отмахнулся он наконец от этих мучительных мыслей. — Если бы люди стали обо всем так много раздумывать и во всем сомневаться, они бы совсем не могли жить».

В понедельник вечером Айвар поехал на станцию встретить Тауриня. По дороге от станции Тауринь рассказал, что мать осталась в Кемери и вернется только через месяц.

— Я привез тебе Монте-Кристо, — сообщил он. — Пора учиться стрелять. У нас в роду все мужчины хорошие стрелки, ты не должен быть исключением.

Айвар кивнул в знак согласия головой и продолжал молчать.

— Что с тобой? — спросил Тауринь. — О чем ты думаешь?

Айвар попытался улыбнуться, но улыбка получилась деланой.

— Просто так. Мне пришло в голову: сколько денег приносит наша усадьба в год? Наверно, довольно большую сумму?

— Ничего, довольно основательную, — засмеялся Тауринь. — Писать ее приходится с четырьмя нулями.

— И сколько от этого остается чистой прибыли?

— Почти половина.

— Значит, ты и мать только вдвоем получаете столько, сколько все батраки и батрачки, вместе взятые?

— Конечно. Но что в этом плохого?

— Правильно ли это, отец?

— Конечно, правильно. Усадьба ведь принадлежит мне. Земля, скот, машины, семена — все мое. За вложенный капитал мне приходится законный процент.

— А как возник этот капитал? Когда-то ведь его не было...

Тауринь резко повернул голову к Айвару и посмотрел на него сверлящим взглядом.

— Послушай, Айвар, что за речи? Где ты нахватался этих глупостей?

— Просто так... — ответил Айвар, избегая взгляда Тауриня. — Задумался. Нечаянно пришло в голову.

— Нечаянно? С какими людьми ты разговаривал в последние дни?

— Почти ни с кем.

— Смотри... — Тауринь погрозил пальцем. — Выбрось из головы эти глупые вопросы. С ними далеко не уедешь. И пойми раз навсегда: что наше — то наше, за него нам не надо давать никому отчета. Ни одной пяди земли, ни одного сантима своих денег никому не отдам. Пусть исходят слюной. Если кто-нибудь начнет тебе болтать о чем-нибудь подобном, плюнь ему в глаза и пошли ко всем чертям. Подожди еще несколько лет — в Ургах появится много такого, о чем наши завистники и понятия не

имеют. Только ты научись удержать все это в своих руках.

Молча и угрюмо просидел Тауринь в дрожках весь остальной путь.

Выпрячь рысака опять велели Артуру. Тауринь отдал свой чемодан Айвару, подождал, пока тот скрылся за углом каретника, а затем будто бы равнодушно поинтересовался:

— Как провели воскресенье? Наверно, потанцевали на вечеринке?

— Я на вечеринке не был, — ответил Артур, развязывая ремень седелки. — Что человеку делать в воскресенье? Отдыхал.

— Отдыхать можно по-всякому, — сказал хозяин и пошел прочь.

Он переговорил в этот вечер чуть ли не со всеми работниками и работницами, был необычайно болтлив и любопытен, спрашивал про всякие мелочи. Люди решили, что Тауринь в Риге выпил лишнего, и это развязало ему язык. Но он почти ничего не пил, если не считать нескольких рюмочек коньяку в станционном буфете. Из этих разговоров с людьми он узнал про все, что его интересовало: Айвар встретился с батраком, целый день они вместе ловили раков на речке Инчупе.

«Вот откуда дует этот дурной ветер... — подумал Тауринь. — Ничего, сейчас прикроем эту дыру».

Поздно вечером, когда в Ургах все спали, хозяин послал кухарку за Артуром Лидумом и велел ему тотчас явиться к нему. Тауринь не кричал, не ругался, только подал ему заготовленную квитанцию и велел расписаться в получении заработной платы.

— Я вам плачу за две недели вперед. Получите деньги и сегодня же ночью покиньте мою усадьбу. Если до утра не уберетесь, дам знать о вас полиции. И попробуйте только еще когда-нибудь засорять мозги моему сыну, — тогда скоро попадете в серое здание за Матвеевским кладбищем.

Артур посмотрел на него, повел плечами и сказал:

— Как хотите...

Он вышел, не попрощавшись, и в ту же ночь, собрав свои пожитки, отправился на станцию.

Айвар, утром узнав о случившемся, побледнел и весь день избегал встречи с Тауринем. «Артур теперь считает,

что я не сдержал слова и сообщил отцу разговор у реки. Нет, у отца нельзя было искать правды... — тоскливо думал юноша. — Я не виноват, Артур, ты слышишь, я не предал тебя. Я это докажу!»

Когда и на второй день Айвар все так же избегал встречи с приемным отцом, Тауринь велел разыскать его и привести к нему.

— Сопляк! — зашипел Тауринь, оставшись с ним наедине в охотничьей комнате. — Такова твоя благодарность за то, что я вытащил тебя из навоза? Кем бы ты был сегодня, если бы я не принял тебя в свою семью? Голью перекатной, отбросом и обузой общества! И такому еще не стыдно разыгрывать из себя обиженного!

С перекошенным лицом, сжатыми кулаками он стал наступать на юношу и вдруг размахнулся, намереваясь закатить Айвару оплеуху. Юноша отступил и выпрямился, собираясь оказать сопротивление. Глаза его угрожающе сверкнули, и голос дрожал от волнения, когда он сказал Тауриню:

— Коль я в твоих глазах стал отбросом и обузой, могу уйти... освободить тебя от надоевшего бремени. И если ты меня ударишь, то я действительно уйду.

От изумления рот Тауриня так и остался открытым, но угроза Айвара подействовала отрезвляюще. Поднятая для удара рука вяло опустилась, лицо конвульсивно передергивалось.

— Ладно, не будем ссориться... — сказал он. — Но эти безумные мысли надо выбросить из головы. С такими мыслями в этом доме жить нельзя. Зачем ты ломаешь голову над всякими глупостями? Если тебе что-либо непонятно в жизни, смотри на меня. Я — живой образец для всей твоей жизни. Постарайся подражать мне, и ты всегда будешь на правильном пути. Что тебе еще нужно? Разве этого недостаточно?

«Нет, мне этого недостаточно!» — хотел крикнуть Айвар этому жестокому, самоуверенному человеку, который свою волю стремился навязать всем, кто от него зависел. Зависел от него и Айвар, поэтому он молчал.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Новое распоряжение правительства Ульманиса об удлинении обучения в средних школах на один год поставило Ильзу и Артура в крайне затруднительное положение: это означало, что Артуру надо учиться еще два года и что он в своей старой, поношенной одежде не сможет дотянуть до окончания школы.

Вернувшись в середине лета из усадьбы Урги, Артур оставшееся время каникул проработал на лесопилке, а по воскресеньям ходил с матерью собирать ягоды и грибы. К осени с большим трудом им удалось сколотить средства для того, чтобы заплатить за учебу Артура и купить ему необходимую одежду. Понимая, что им дорог каждый сантим, Ян Лидум в письмах из тюрьмы просил Ильзу реже привозить ему передачи, а больше заботиться о сыне, так как Артур обязательно должен окончить среднюю школу. Но как Ильза могла послушать Яна? Она сократила хозяйственные расходы до последней возможности, себе ничего не покупала, по ночам вязала, вышивала для жен местных богачей скатерти и коврики и в конце концов добилась того, что смогла, как и раньше, дважды в месяц ездить в Ригу и носить передачи Яну.

Следующее лето Артур провел на реках, сплавляя лес, а осенью снова вернулся в школу. Школьная нагрузка в последнем классе была чрезвычайно велика, приходи-

лось заниматься ночи напролет, подпольная работа тоже требовала от него с каждым днем все больше и больше. Артур руководил теперь одной из самых больших комсомольских групп в округе, и прошлой зимой его выдвинули членом окружного комитета. Учителю Пилагу пришлось проработать в средней школе городка только два года, затем его перевели в какую-то отдаленную волость учителем основной школы. Но Артур и за этот короткий срок освоил основные принципы руководства и смог самостоятельно вести подпольную работу. Как член окружного комитета, он был связан с представителями партии и указания по своей работе получал от прикрепленного к его группе опытного партийного товарища.

С каждым днем нарастал террор ульманисовцев; охранка не упускала из виду ни одного политически неблагонадежного человека. Во всех предприятиях и учреждениях имелись осведомители, в каждую подпольную организацию старались подослать провокатора. Поэтому партия и комсомол еще более укрепили дисциплину и бдительность. Ответом на террор реакции был новый прилив революционных кадров в подпольные организации. Наперекор всем угрозам и провокациям доморощенных фашистов рабочий Латвии упорно думал о непримиримом сопротивлении, батрак гнул спину, но не голову, перед своим угнетателем; трудовая интеллигенция, задыхаясь в чаду мракобесия, нашла свое место в великой семье борцов.

Мрачное и сложное это было время.

* * *

Стояла поздняя осень.

Артур Лидум после обеда готовил отчет окружному комитету комсомола, когда к нему явился нежданный гость — Айвар Тауринь. Последний учебный год в средней сельскохозяйственной школе он провел без летних каникул: воспитанники выпускного курса проходили усиленную практику. Окончив школу, по дороге домой Айвар остановился в уездном городке, чтобы объяснить Артуру неприятное недоразумение. Адрес Лидума он узнал в средней школе.

Бывший сезонный батрак Тауриня принял его сдержанно, совсем не скрывая, что это посещение ему неприятно.

— Что вам нужно? — спросил Артур, холодно поздоровавшись с гостем и выждав, пока тот уселся на предложенный ему стул.

Айвар попросил разрешения закурить и предложил Артуру папиросу. Когда тот отказался, закурил сам и в несколько затяжек выкурил половину папиросы. Успокоив немного себя, Айвар начал говорить.

— Я знаю, вы не захотите мне довериться... как в тот раз, когда мы ловили раков. Но мне будет достаточно, если вы согласитесь меня выслушать.

Артур сел по другую сторону стола и смотрел мимо Айвара в окно, о стекла которого барабанили мелкие капли дождя.

«Оправдываться или шпионить — что ему больше нужно? — думал он, всеми силами стараясь сохранить хладнокровие. — Если он пришел оправдываться, значит чувствует себя виновным. А если пришел пронюхать мое политическое настроение, то второй раз я не попадусь на его удочку».

— Что вам нужно? — повторил Артур.

— Вы убеждены, что по моей вине вам пришлось так внезапно покинуть Урги, — сказал Айвар. — Но это не так. О нашей беседе у речки Инчупе я и до сих пор не говорил отцу ни слова. И никому другому тоже ничего не говорил... и не скажу. Как хотите, можете мне верить, можете не верить, это ваше дело, но слово я свое не нарушил и никогда не нарушу.

— Тогда, выходит, ваш отец ясновидец, — мрачно усмехнулся Артур. — Или вы думаете, что я рассказал ему про нашу беседу?

— Вы имеете право насмехаться, — продолжал Айвар. — Но я не желаю, чтобы меня без всякой причины считали подлецом. В вашем увольнении тогда я все же косвенно повинен. Встретив отца на станции, я в разговоре с ним задал несколько необдуманных вопросов, а он сделал вывод, что меня кто-то надоумил так спрашивать. После я мог молчать сколько угодно, отцу достаточно было поговорить с батраками — и нашу ловлю раков скрыть было невозможно. Значит, я все же виновен, но, поверьте мне, я не хотел вам повредить.

— И это все, что вы хотели мне сказать? — спросил Артур.

— Да, это все, — ответил Айвар. — Если вам когда-

нибудь будет нужна помощь, поддержка или другая услуга, я готов сделать все, чтобы искупить свою вину и показать... что я не враг вам.

— Надеюсь, мне не понадобятся ваши услуги, — ответил Артур. — А если бы и случилось так, из ваших рук я ничего не приму. Вы знаете — почему.

— Потому... что это руки хозяйского сына? — спросил Айвар, поднимаясь.

— Но ведь это так и есть! — воскликнул Артур. — Скоро вы, образованный сельский хозяин, станете рядом со своим отцом и сделаетесь в Ургах вторым хозяином. Вместо одного надсмотрщика и распорядителя ваши батраки будут иметь двух. Или я ошибаюсь?

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза. Артур усмехнулся. Айвар нервно кусал губы.

— Понимайте это, как хотите, — заговорил наконец Айвар. — Я сказал то, что мне надо было вам сказать. Мне хватит, что вы это знаете. Будьте здоровы.

— Будьте здоровы... — ответил Артур. Они расстались, не пожав друг другу руки. Явно взволнованным и угнетенным вышел Айвар из комнаты. Артур подошел к окну и посмотрел, как Айвар, не оглядываясь, шагал по улице. Артуру пришлось еще раз презрительно усмехнуться, когда он представил, что уже сегодня вечером два человека — Тауринь и его сын, сидя за богато накрытым столом, будут обсуждать свои планы на будущее: как выжать побольше доходов из своего хозяйства и как полнее использовать труд батраков и батрачек.

«Между нами возможна только борьба», — подумал Артур, отходя от окна.

2

Наступило утро, когда Ильза Лидум в последний раз проводила своего сына в школу. Она не позволила Артуру уйти, пока не сняла с его одежды последнюю пушинку и не окинула его с головы до ног оценивающим взглядом. Мать осталась довольна осмотром. У других — лучше одежда, новее обувь, но навряд ли кто-нибудь сможет сравниться с ее сыном стройностью, ростом, знаниями, смелостью, силой духа.

Когда Артур ушел, Ильза в первый раз в жизни улыбнулась гордо и уверенно, как победительница.

В честь знаменательного дня она не пошла на работу. Как к празднику, убрала квартиру, расставила в кружках полевые цветы и приготовила обед, какой много лет не готовила: сварила куриный бульон, напекла блинов и сбила земляничный крем. Когда все было готово, Ильза накрыла стол чистой скатертью, поставила с каждой стороны стола по стулу — один для себя, другой для Артура. И хотя еще рано было ждать сына, она присела у окна и не отрываясь глядела на улицу.

Выпускной акт в средней школе начался проповедью пастора и традиционной молитвой «Отче наш». Потом говорил директор школы. Его речь была пересыпана цитатами из Аристотеля, Платона и Канта; он сетовал на лжеучения, которые мутили умы легковерных и подстрекали членов человеческого общества друг против друга, вызывая взаимное недоверие, вражду и борьбу.

— Не в ссорах и разладе, а в братском согласии заключается счастье нашей жизни, дорогие девицы и юноши. Шагая по жизни, всегда помните об этом. И куда бы вас ни занесла жизнь, какие бы бури ни проносились над вами, каким бы соблазнам вы ни подвергались, — всегда помните: вы латыши! Да будет посвящена вся ваша жизнь прославлению всего латышского — это ваша главная задача. Служите своему вождю и выполняйте его волю. Знания, приобретенные в этих дорогих стенах, применяйте так, чтобы каждый ваш шаг, каждое биение вашего сердца было новым цветком в том венке, который сплела история латышского народа руками Намея, Виестура и доктора Ульманиса.

В таком духе он говорил целых полчаса и закончил речь прямой угрозой тем, кто ждет хорошего только со стороны Востока.

— Эти вредные сорняки надо искоренять без всякой пощады и жалости, и каждый из вас, обезвредивший хотя бы одного такого лжеапостола, исполнит свой долг патриота. Да благословит вас господь на этом светлом пути!

Не спуская глаз с круглого лица директора, выслушал Артур этот националистический бред, и ни один из присутствующих даже не догадался, каких огромных усилий стоило ему сдержать свое негодозание.

Когда выпускникам стали вручать аттестаты зрелости, директор долго тряс руку Лудиса Трея, с большой тепло-

той смотрел в глаза сыну мясника, вероятно, надеясь, что отец парня, сидевший тут же в одном из первых рядов актового зала, пришлет ему вечером в знак благодарности за такое внимание круг колбасы или кусок свиного сала. Артуру он сухо сказал: «Желаю успехов...» — и поспешил обратиться к следующему выпускнику.

После торжественной части все сфотографировались группой, и пастор тут же в актовом зале открыл запись желающих конфирмоваться уже этим летом.

Артур перемигнулся с товарищами и незаметно оставил зал.

С аттестатом зрелости в кармане он радостно шагал домой. Спустя полчаса, сидя за обеденным столом, Артур спросил мать:

— А дальше? Что мне делать с этим аттестатом?

Ответить было нелегко. Поехать в какую-нибудь волость помощником писаря? Искать внештатную должность служащего в каком-нибудь учреждении городского правления? Без справки из охранки о политической благонадежности с сыном прачки никто даже и говорить не захочет. А они знали, какую справку мог получить юноша, дядя которого сидел в Рижской Центральной тюрьме.

— Не унывай... — сказала Ильза. — Не господам, а народу растила я тебя. Господам ты не нужен. Жди, Артур, знания тебе когда-нибудь пригодятся.

— Почему ждать, мама? — улыбнулся Артур. — Уже сегодня есть работа. Диплом средней школы — тот может подождать, но у меня нет времени ждать: я хочу быть полезным своему народу уже сейчас. Ты не будешь возражать, если я пойду работать на лесопилку носильщиком досок? Старые товарищи дяди Яна согласны принять меня в свою артель.

— Выдержишь ли, сын? С утра до вечера таскать на штабель тяжелые доски — там нужен закаленный человек. Безо времени согнутся твои молодые кости.

— Не согнутся. Я не всю жизнь собираюсь таскать эти доски, только до осени.

— А осенью?

— Тогда в лес, к лесорубам. — Артур встал, подошел к матери и обнял ее за плечи: — Мама... разве носильщикам досок и лесорубам не полагается слышать ни одного правдивого слова... о великой борьбе?

— Разве это... задание? — спросила Ильза тихо.

— Да, мама, мое задание, — ответил Артур. — И именно потому оно мое, что молодые кости твоего сына смогут это выдержать. Я горжусь, что меня посылают на такое трудное дело. В следующем письме обязательно как-нибудь сообщи об этом дяде Яну.

— Если это воля товарищей, я согласна, — задумчиво произнесла Ильза. — Когда тебе начинать работать?

— С понедельника. Несколько дней могу полодырничать: спать, лентяйничать и есть.

— Уж так ты и будешь лодырничать?.. — улыбнулась Ильза.

Артур вышел из дому, когда скот жителей окраины вернулся с пастбища и жизнь уездного городка, которая за всю неделю не отличалась ни особыми темпами, ни большими событиями, незаметно погружалась в идиллический покой субботнего вечера. То здесь, то там, убрав свои пышные волосы в замысловатые прически и скрыв летний загар под изрядным слоем пудры, сидели у раскрытых окон надушенные и хорошо откормленные мамины дочки. Они любезно беседовали с франтоватыми молодыми людьми, которые стояли на улице с черными лакированными тростями в руках и большим белым или красным цветком в петлице. Приказчики, писаря городских учреждений, конторщики и бракеры с лесопилки, от которых за версту разило бриолином, рассыпались в остроумии перед молодыми, жаждущими выйти замуж женщинами. Иному удавалось уговорить свою даму выйти из дому, и они, медленно прогуливаясь, направлялись к центру городишка, тогда как более застенчивые пары, отыскав на пригорке старый парк, проводили там несколько счастливых часов под густыми ветвями лип, каштанов и зелеными кронами дубов. Навстречу Артуру шла молодежь — недавние товарищи по школе и соседские парни со своими девушками. Далеко в вечерней тишине смело и беззаботно звучали их молодые голоса. В иных девичьих глазах вспыхивал робкий призыв, нежность, и если бы только Артур захотел, он коротал бы этот вечер не один. Но сейчас его не могли пленить ни призывно смеющиеся глаза девушек, ни беззаботно-шумная ватага ребят, с которыми он иногда любил поозоровать, — в лесу за кладбищем его ждал человек, с ним надо было встретиться без свидетелей. Нарядившись в форму, самодоволь-

ные и чванливые, шагали молодые айзсарги, они не считали нужным обращать внимание на обыкновенных смертных, услужливо уступающих им дорогу. Начальник местного пункта охранки совершал обычную вечернюю прогулку с красивой овчаркой. Как всегда в субботние вечера, на одном из подоконников в доме мясника Трея на подносе остывали сдобные булочки, начиненные сбитыми сливками. Жена мясника не держала под спудом свое благополучие: пусть глядит весь город, пусть знают все, какое изобилие царит в этом доме!

Мелкие мечты и мелкое честолюбие, подобно легкому ветерку, веяло на улицах городка, и по меньшей мере у доброй половины прогуливающихся, выставивших напоказ своим согражданам новые костюмы и платья, не было большей радости в жизни, как заметить в глазах встречных холодные огоньки зависти. Но, невзирая на это, вечер был изумительно прекрасен и на лицах многих людей сияла улыбка, как будто они опьянели от воздуха, насыщенного запахами весны. Улыбался даже начальник пункта охранки, ведя на поводу свою красивую собаку.

«Если бы ты только знал, начальник ищеек, с кем я сегодня вечером встречусь... — думал Артур, медленно проходя мимо. — Тогда б ты не водил на вечернюю прогулку свою собаку, а сам, как пес, во главе полицейских и айзсаргов, бегал по лесу, обнюхивая следы. Если б ты только знал, чванливый дурень!»

Но начальник пункта охранки даже не взглянул в сторону проходившего юноши.

3

После окончания сельскохозяйственной школы Айвар всю осень проработал в Ургах. Убедившись, что приемный сын действительно кое-что смыслит в сельском хозяйстве, Тауринь доверил ему наблюдение за всеми осенними работами: уборкой урожая, посевом озимых и подготовкой земли к весеннему севу. Теперь у Тауриня стало больше свободного времени, и он его использовал для осуществления своих планов. По примеру прошлых лет он приобрел на торгах несколько вырубок и хорошо заработал на этом.

* * *

Зимой Айвар несколько месяцев учился на шоферских курсах в Риге. Ко дню получения Айваром шоферского свидетельства Тауринь приобрел грузовик, и они приехали домой на своей машине.

В начале лета, сразу после окончания весеннего сева, Айвар прошел предконфирмационное обучение, прослушал двухнедельные религиозные поучения старого Рейнхарта, вызубрил наизусть катехизис со всеми десятью заповедями, символ веры и «Отче наш». В одно из ближайших воскресений его конфирмовали в приходской церкви вместе с другими парнями и девушками Пурвайского прихода.

В день конфирмации Айвар получил в подарок изящный мотоцикл с прицепной коляской, давно обещанный Тауринем. Были и другие подарки от родственников приемных родителей, от сыновей и дочерей соседних землевладельцев: псалмовник в черном кожаном переплете, евангелие, сборник «Дегсмэ» («Горение») с речами Ульманиса, трость с серебряной монограммой, несколько альбомов для фотографий и стихов. Самый роскошный альбом для стихов подарила дочь крупного кулака Майга Стабулниек, на первом листе которого красовалась ее собственноручная запись:

«Любовь — чудеснейшее украшение жизни».

Этой весной Майга закончила полный курс семинарии домоводства и слыла в Пурвайской волости чуть ли не самой богатой невестой. Супруги Тауринь старались обратить внимание Айвара на эту «интересную, миловидную девушку». О женитьбе, понятно, пока и речи не было — Айвару еще надо было отбыть полуторагодичную обязательную военную службу, но порядочный хозяин, как говорят, зимой уже готовит телегу к лету, поэтому заботы Тауриней о будущей подруге жизни приемному сыну нельзя было считать преждевременными.

Чтобы не перечить родителям, Айвар иногда по вечерам отправлялся к Стабулниекам и катал на своем мотоцикле Майгу, раза два в месяц он танцевал с нею на вечеринках; этого было достаточно, чтобы соседи глядели на них, как на будущую супружескую пару, а также, чтобы Эрна Тауринь была спокойна за выбор сына.

Рослая румяная блондинка с круглым лицом, Майга Стабулниек — утвердись она когда-нибудь хозяйкой в Ургах — была бы полной противоположностью старой хозяйке, от которой остались только кожа да кости. Рейнис Тауринь и раньше не питал особой любви к своей жене, а в последние годы в Урги всегда нанимали какую-нибудь привлекательную кухарку, и хозяйка смотрела сквозь пальцы на то, что ее супруг нет-нет, да и навестит прислугу в ее маленькой комнатке. Тауринь высоко ценил практический ум своей жены. Злые языки говорили, что у Рейниса Тауриня связь и с какой-то буфетчицей из трактира и с моложавой женой аптекаря, к которой он заезжал раз в неделю (в те дни, когда аптекарь ездил в Ригу, чтобы закупить товар для аптеки). Эрну эти сплетни не беспокоили: пока не доходило до публичного скандала, она не считала нужным вмешиваться в личные дела мужа.

Майга Стабулниек не пленила Айвара, но молодому стройному парню было отнюдь не зазорно появляться с нею на людях. Кое-чего начитавшись, кое-чего наслушавшись в обществе, кое-чему научившись в школе, она могла непринужденно болтать за столом и быть довольно интересной партнершей в танцах.

Эрна Тауринь ясно видела, что Айвар не в восторге от ее избранницы, но считала это несущественным: подумаешь, какое великое счастье приобрели те, у кого были пламенные чувства. Главное, чтобы все выглядело прилично, остальное устроится само собой.

Выполняя волю родителей, Айвар носился на мотоцикле по большаку, а за его спиной сидела светловолосая девушка, обеими руками ухватившаяся за его плечи (сидеть сбоку, в прицепной коляске, Майге не нравилось). Когда мотоцикл проносился мимо какой-нибудь деревенской женщины или девушки, они провожали Майгу неодобрительными взглядами и говорили: «Невеста ветра... так несется, так несется, будто на смерть, даже с юбкой своей не может справиться».

Понятно, с их стороны это была только зависть — кому не лестно стать хозяйкой в Ургах.

Иногда случалось, что Айвар по целым неделям не появлялся в Стабулниеках, и Майга напрасно глядела по вечерам на большак — не покажется ли мотоцикл с красивым юношей, о котором она мечтала целые ночи?

Это были мрачные периоды, когда Айвар не мог изба-

виться от странных размышлений о жизни и о своем месте в ней. Он не мог забыть о разговоре с Артуром Лидумом в его маленькой комнатке. Все время в сознании Айвара звучали, подобно вызову и осуждению, слова Артура, с каждым днем все больше оправдывались его предсказания: «...вместо одного надсмотрщика и распорядителя ваши батраки будут иметь двух». В дни этих тяжких раздумий Айвар был мрачен и неразговорчив; подыскав себе самую трудную работу, он впрягался в нее, как вол, надеясь физической усталостью заглушить сомнения. Но он был слишком умен, чтобы таким способом обмануть себя.

«Почему мы не можем быть друзьями? — иногда спрашивал себя Айвар. — Ну и что ж, что мы живем в разных условиях? Мы не успели еще ничего сделать, жизнь только начинается, почему же нам стоять на противоположных берегах реки судьбы? Неужели дружба, настоящая человечность не в состоянии перебросить мост через этот поток вражды?»

Раньше в моменты таких сомнений Айвар искал облегчения в обществе Лангстыня, но старый садовник уже лежал в земле, и у юноши не было больше друзей, перед кем он мог раскрыть свое сердце. Будь даже жив Лангстынь, навряд ли он сумел бы теперь помочь Айвару: ведь к концу жизни старики живут больше воспоминаниями о прошлом.

Иногда Айвар садился на мотоцикл и на весь день пропадал из дому. Он предпринимал дальние поездки по округе через несколько волостей, случалось, заезжал и в уездный город, но еще раз навестить Артура не хватало духу. Мотоцикл несся по большаку с бешеной скоростью, оставляя за собой тучу пыли и неистовый лай потревоженных собак, но нигде мотоциклисту не хотелось остановиться, посидеть на краю дороги и послушать голоса окружающей жизни, которыми был полон мир.

В одно августовское воскресенье Айвар возвращался из уездного городка. Он выбрал незнакомую дорогу через Айзупскую волость. Было теплое погожее послеобеденное время. На убранных нивах стояли большие скирды хлеба, иной нетерпеливый крестьянин и в воскресенье размахивал косой. В некоторых местах уже пасли скот на запущенных лугах, где первая трава была скошена, а отаву не растили. Айвара зло брало, когда он видел, как скотина

вытаптывала луг. Какая же трава вырастет там следующим летом?.. Кочка на кочке, как бородавки на лице. Сердце образованного сельского хозяина не могло мириться с этим.

Впереди показалась усадьба. Справа от дороги, на пригорке — хозяйский дом со службами, слева — маленькая, старая батрацкая избушка. Айвар остановил мотоцикл и некоторое время смотрел на чужую усадьбу. Странно: казалось, что каждая мелочь была здесь ему знакома. Где-то в недрах его сознания запечатлелась эта картина. Подъезжая к дому, Айвар уже наперед предвидел, что развернется перед ним после десяти, пятнадцати и сотни шагов. У маленькой батрацкой избушки он слез с мотоцикла, и его охватило непонятное волнение: этот сарайчик для дров в углу двора он когда-то видел. «За тем холмиком должен находиться пруд...» — подумал Айвар. Он поднялся на холмик и остолбенел от неожиданности: внизу блестел пруд, в точности такой, каким он его вообразил. Он продолжал бродить по чужой усадьбе, и все ему было знакомо, он все здесь припоминал. Айвару казалось, что он видит сон.

Что-то начинало его все больше очаровывать: маленькая батрацкая лачужка стала невыразимо милой, так и казалось, что из нее вот-вот выйдет женщина в белом платочке или широкоплечий мужчина с пышной шевелюрой, в старых стоптанных пасталах.

Наконец он понял: «В этом месте он когда-то, давным-давно, жил!»

— Вы кого-нибудь ищете? — раздался за спиной Айвара голос, тоже показавшийся ему знакомым. Айвар повернулся и увидел плотного старикашку с совершенно седой бородой, закрывавшей только подбородок.

— Нет... — смутившись, ответил юноша. — Остановился просто так. Мне эта усадьба кажется знакомой.

— Это Лавери, — пояснил старикашка. — Айзупские Лавери.

— Вы давно здесь живете? — спросил Айвар.

— Весь свой век прожил здесь, молодой человек.

— А кто жил в этой маленькой избушке раньше?

— Многие жили, разве их всех упомнишь. Часто меняются. Поживут несколько лет и ищут другого места. А вы откуда?

— Из Пурвайской волости, дедушка...

— Это далеко... — глубокомысленно покачал головой старик.

«Лавери... — думал Айвар, садясь на мотоцикл. — Так вот где я когда-то жил...» — Он уехал, взглянув на последний остров счастья своего раннего детства, когда у него еще были родные отец и мать, свой теплый уголок за печкой и маленький друг, с которым он играл, катался по замерзшему пруду. Его детский мир на мгновение улыбнулся ему своими ласковыми глазами.

В Ургах Айвара ждал знакомый Тауриня — офицер связи полка айзсаргов Стэлп.

— Не желаешь ли принять участие в одной интересной операции? — спросил Стэлп, здороваясь с Айваром.

— Что за операция? — спросил Айвар.

— Этой ночью мы будем охотиться за коммунистами, — заговорил шепотом Стэлп. — У них в лесу какая-то сходка, один из наших затесался в их организацию и знает точное место и время. Надо всех их разом накрыть. В мою задачу входит окружить лес с севера. Это будет интересное приключение. Если хочешь, поедем с нами.

Айвар, сославшись на усталость, отказался.

Через несколько дней Стэлп опять завернул в Урги. Оказалось, что, несмотря на помощь провокатора, большинству участников сходки удалось выйти из окружения. Айзсарги и полицейские арестовали только троих.

— Знаете, кто оказался в числе этих троих? — спросил Стэлп. — Некий Артур Лидум — ваш бывший сезонный рабочий! Оказывается, он был самым опасным коммунистом во всей округе. Секретарь комсомола — подумайте только! А когда-то прохаживался здесь, на виду у нас.

— Вот и хорошо, что теперь этот субъект обезврежен, — радовался Тауринь. — Пусть поживет на казенных хлебах.

Когда Стэлп ушел, Тауринь сказал приемному сыну:

— Видишь, Айвар, что это за птица. Я был прав, когда говорил, что с таким человеком не следует знаться. Но ты не хотел мне верить. Ну, да ладно, теперь этот человек не будет больше мутить воду.

Айвар молчал. Разве он мог сказать Тауриню, что ему жаль смелого парня, ставшего добычей охранки. И Айвар еще неделю не показывался в Стабулниеках и не катал по большаку белокурую Майгу — это было все, что мог

себе позволить будущий наследник Тауриней, не вызывая подозрения приемных родителей. Так он и поступил, но достиг лишь того, что Майга сама, найдя какой-то весьма незначительный предлог, появилась в середине недели в Ургах, и Айвару пришлось потом проводить ее домой.

— Что с тобой? — спросила Майга. — Почему ты не появляешься у нас?

— У меня было много работы... — уклончиво ответил Айвар.

Майга поняла, что он лжет, но все же была любезна и выразила желание поехать с ним в следующее воскресенье на легкоатлетические соревнования в соседнюю волость.

4

Инга Регут и Артур Лидум сидели в одной камере, вместе с другими шестнадцатью заключенными. Когда Артура перевели после суда в общую камеру, Инга уже просидел в тюрьме два года и числился старожилом. До провала он некоторое время работал в подпольной комсомольской организации, которой руководил Артур Лидум, поэтому они сейчас встретились как старые знакомые и товарищи.

Инга рассказал Артуру о тюремном режиме, о методах террора и слежки, применяемых тюремной администрацией, и подробно охарактеризовал каждого надзирателя. За несколько дней Артура вооружили всеми знаниями, необходимыми новичку, чтобы он с самого начала знал, как себя вести, не нарушая принятого коллективом порядка жизни и традиций и не давая тюремной администрации повода для новых гнусностей и зверских расправ. Надо сказать, что многое о тюремном режиме Артур уже знал раньше по рассказам Яна Лидума и некоторых товарищей по подпольной работе, поэтому он был хорошо подготовлен для жизни в заключении. Попав в иные жизненные условия, где каждый шаг регламентировался и где человеку ежеминутно давали чувствовать его бесправие и полную зависимость от враждебной власти, Артур ни на мгновение не поддался унынию и малодушию. Как и раньше, на воле, он верил в свою борьбу и в неизбежную победу дела трудового народа; как и раньше, у него не было никаких сомнений — все было ясно с начала до

конца. Над тюремным мраком, подобно яркому солнцу, пламенела великая цель. И кто однажды ее нашел, тот никогда не потеряет, какими бы тучами угроз и туманами лжи ни пытались прикрыть эту цель мракобесы всего света.

Заключение не было и не могло быть перерывом в великой борьбе: она продолжалась и здесь, только в ином виде, чем за тюремными стенами. Насильники старались сломить силы борцов, уничтожить их духовно и физически, но борцы не только сохраняли силы, но и многократно увеличивали их, зная, что рано или поздно они понадобятся для строительства нового, свободного мира. Они учились, накапливая новые знания, в тюремном сумраке ковали то оружие, которое впоследствии придется использовать в решающей битве.

Так же, как Ян Лидум, Артур с утра до вечера просиживал за книгами, и благодаря этому в его жизни даже сейчас не было ни одного бесцельно прожитого дня. Он был счастливее многих своих товарищей по заключению. Он имел законченное общее образование. Теперь Артур ежедневно по нескольку часов занимался с Ингой Регутом и еще двумя юношами, которые решили путем самообразования овладеть курсом средней школы. В то же время товарищи по камере переживали все события, отзвук которых достигал места их заключения.

Через полгода товарищи с воли прислали Артуру в тюрьму книгу, которая сейчас ходила из камеры в камеру. Это было бессмертное произведение Николая Островского «Как закалялась сталь» — чудеснейшее повествование о благородстве человека, о сказочной силе его духа, о неустрашимой борьбе настоящего человека, о его несгибаемом мужестве. Миллионы людей, потрясенные до глубины души, читали эту книгу, которая казалась былиной о сверхчеловеческом подвиге какого-то легендарного великана, а в то же время это было самой настоящей действительностью. Так же как все, с восхищением и тревогой прочли Артур Лидум и Инга Регут благородную повесть о жизни Павки Корчагина, и у них появилось лишь одно желание: быть таким, как Павка! Хоть отчасти походить на него и совершить то, что совершил он.

Переплетенная в пеструю обложку какого-то занимательного переводного французского романа, эта книга обошла всю тюрьму. Ее прочли в одиночках и коллек-

тивно в общих камерах. Как светлый гимн, проникла она в сердца борцов и наполнила их новой силой, новой верой и новой жаждой борьбы. Эта книга была неповторимым событием, и политзаключенные решили написать Николаю Островскому коллективное письмо.

В одной из общих камер написали первоначальный текст письма на папиросной бумаге, бисерным шрифтом; спрятанное в соломинке из матраца, оно пропутешествовало из камеры в камеру. Оно обсуждалось и пополнялось новыми строчками, новыми, глубоко прочувствованными словами. Наконец оно пришло в камеру, где находились Артур Лидум и Инга Регут.

По поручению товарищей Артур приписал к письму несколько фраз, и неделю спустя один из товарищей по камере, отбывший срок заключения, вынес письмо из тюрьмы. Но пока оно мерило дальний и сложный путь от Риги до жилища Николая Островского, несгибаемый борец закончил свой жизненный путь, так и не прочитав братского привета и слов товарищеской благодарности от заключенных латвийских революционеров.

«Ваша книга, дорогой товарищ, заставила нас забыть, что мы находимся в тюрьме, она разрушила стены, наполнила нас чудесной силой и ясностью... — говорилось в письме. — И в то же время нам захотелось скорее вырваться отсюда, чтоб понести эту силу и ясность тем тысячам, которые задыхаются под железной пятой фашизма. Долго с добрым чувством мы будем вспоминать часы, когда мы собирались и читали вашу книгу.

Павка Корчагин — как дорог и мил он нам! Он стал своим, родным, нашим лучшим товарищем, мы страстно желаем походить на него.

Мы не боимся трудностей борьбы за пролетарскую революцию в условиях фашизма. Нас не остановят никакие смертельные угрозы, не устрашат пытки охранки, годы каторги, невыносимые условия работы и жизни в тюрьме. Мы сравнительно легко переносим долгие годы вынужденного отрыва от активной борьбы только потому, что эти годы учат нас еще сильнее ненавидеть врага и вооружают идеологическим оружием нашей классовой борьбы.

Подобно великому человеку прошлого, который, переборов свою глухоту, создал чудесную «Девятую симфонию», Павка Корчагин своим несчастьем создал счастье

другим. Слепой писатель озарил ярким светом путь борьбы и подвига. И Павка не одинок, он не избранник, а представитель молодого поколения человечества, — об этом свидетельствует то, что в Советском Союзе рабочий становится Человеком с большой буквы...»

Так думали и чувствовали Артур Лидум и его товарищи. Так же думал и чувствовал в одной из камер той же тюрьмы Ян Лидум и многие другие, которых пытались сломить те, кому сегодня принадлежала власть в Латвии. Но никому не дано побороть жажду свободы и справедливости. Нет такой силы. Только глупец и одержимый могут питать такие надежды!

5

Во второй половине 1937 года Айвар ушел на действительную военную службу. Он должен был призываться годом раньше, но Тауринь хотел, чтобы приемный сын свои теоретические познания, добытые в Приедолэ, закрепил на практике в Ургах. Такому человеку, как Тауринь, не стоило больших трудов отодвинуть срок призыва, а также создать Айвару самые лучшие условия при прохождении военной службы. Чтобы приемного сына не услали в какой-нибудь отдаленный гарнизон, Тауринь навестил в Риге некоторых начальников военного ведомства, а одно влиятельное лицо из «Крестьянского союза» позвонило уездному воинскому начальнику. Этого было вполне достаточно, чтобы Айвара зачислили в один из пехотных полков, расквартированный в Риге.

В роте, в списки которой Айвар был зачислен, он пробыл всего несколько недель. Потом его откомандировали на учебу в инструкторскую роту. Через полгода он закончил обучение, и его произвели в капралы. Тауринь прислал деньги, и один из лучших рижских портных сшил Айвару парадный мундир. Вскоре его послали на курсы заместителей офицеров [1], он их закончил на «отлично». В свою роту Айвар вернулся почти через год в чине сержанта — заместителя офицера.

В хромовых сапогах, в хорошо сшитом диагоналевом

[1] Военные курсы для солдат с законченным средним образованием, дававшие право в военное время командовать взводом и ротой.

мундире, молодцеватый сержант почти ничем не отличался от младших офицеров полка — лейтенантов и старших лейтенантов, которые охотно приняли его в свое общество. Прослужив один месяц в качестве сержанта взвода, Айвар наконец принял под свое начало третий взвод роты и командовал им до окончания срока его обязательной службы. Ему были присвоены почти все права младшего офицера, только жить надо было в казарме вместе со своими солдатами.

Пехотный полк, в котором служил Айвар, считался одним из самых «крепких», его офицерский и инструкторский состав был укомплектован проверенными людьми — сыновьями состоятельных отцов: кулаков, домовладельцев, торговцев и зажиточных горожан. В событиях 15 мая этот полк сыграл значительную роль, и сейчас его рассматривали как одну из надежных опор фашистского режима. Командный и инструкторский состав представлял хорошо спаянное ультранационалистически настроенное ядро, и делалось все, чтобы это настроение впитала вся солдатская масса. Почти каждую неделю все роты посещались офицерами-пропагандистами из штаба армии; они читали лекции о внутреннем и международном положении, в которых главное внимание было сосредоточено на двух великих державах — Великобритании и Советском Союзе. Великобританию изображали как мощное в экономическом и военном отношении государство, кровно заинтересованное в так называемом Балтийском пространстве. О Советском Союзе рассказывали фантастические нелепости, стараясь внушить слушателям ложное представление о жизни советского народа, о Красной Армии, которая якобы беспомощна в обстановке современной войны. Солдатам пытались привить убеждение, что Латвия — одно из самых счастливых государств в мире, с наисправедливейшим государственным устройством и самым высоким жизненным уровнем, что латвийская армия представляет огромную силу и ей никого не следует бояться. И все больше вздувались гребни кулацких сынков, все выше и выше задирались их заносчивые носы, — пестрый петух националистической спеси и шовинизма кричал свое «кукареку» от пограничной реки Зилупе до Лиепаи.

Айвар посещал иногда гарнизонный офицерский клуб, где имел честь сидеть за одним столом с лейтенантами,

старшими лейтенантами и капитанами, которые относились к нему, как к своему.

— Если мы будем держаться вместе, нас никто не осилит, — рассуждали они. — У коммунистических агитаторов нет никаких перспектив заполучить на свою сторону массы рабочих и батраков. Латыш — врожденный индивидуалист, и никакими коммунами его не прельстишь. Он любит патриархальные нравы: хозяин и работодатель для латышского рабочего все равно что отец, глава большой семьи, которого надо любить и уважать. Мы должны стараться, чтобы эти здоровые нравы еще крепче укоренились в сознании наших воинов.

Офицеры пили водку, закусывали миногами и рассказывали друг другу о своих победах над женщинами — вели себя почти так, как когда-то «молодые волки» в Приедольской школе. Айвар скоро уяснил, что все эти лейтенанты и капитаны в сущности являются теми же волками, только у них уже выросли крепкие клыки хищников. В своем тесном кругу они рассказывали анекдоты про Ульманиса и Валяй-Берзина, зубоскалили о промахах некоторых «вождей» на публичных собраниях, но это были лишь проявления озорного самосознания членов одного и того же класса и немного бесшабашный показ своей независимости. Их несколько раздражала конкуренция айзсаргов и их решающее влияние в стране, проявлявшееся в последнее время все заметнее, но ошибся бы тот, кто в этих настроениях стал искать элементы оппозиции, — это было лишь всегдашним стремлением офицерской касты занимать первое место среди равных. И надо сказать, что Ульманис учитывал эти настроения: Новый год он всегда встречал в рижском офицерском клубе, и первый его тост был за «нашу славную армию, на которую мы можем надеяться как в светлые дни мира, так и в ненастные дни военной бури».

Командир батальона подполковник Экис был хорошим знакомым Рейниса Тауриня, поэтому Айвара иногда приглашали на ужин в его семью. Ему приходилось занимать разговорами госпожу подполковницу и в промежутках слушать рассказы офицеров о том, как они в бане намыливали спину командиру полка и как вместе пили водку после того, как удачно порыбачили вблизи летних лагерей.

Раза два в неделю Айвар посещал театр, оперу или

кино, а остальное свободное время занимался спортом и читал книги. Айвар изучал все, что имело отношение к болоту и культивации заболоченных земель, не зная, придется ли когда-нибудь применять на деле эти знания: может быть, позже, когда он станет самостоятельно хозяйничать в Ургах, он разрешит этот давно наболевший вопрос об осушении Змеиного болота.

Айвар не был мягкотелым неженкой и тяготы военной службы переносил намного легче, чем многие из его сослуживцев, но ему с первого же дня претило подчеркнутое барство и чванство офицерства, которое они на каждом шагу давали чувствовать своим подчиненным. В их глазах рядовой солдат являлся представителем низшей расы, и от него требовалось только одно: слепое подчинение. Строевые учения напоминали дрессировку зверей и проходили в атмосфере грубости и унижения человеческого достоинства.

Особенно этим отличались сверхсрочники — инструкторы, которых рядовые именовали стародавней кличкой, установившейся с царских времен — «шкурами». Поэтому Айвара особенно неприятно поразило предложение батальонного командира остаться после обязательной службы на сверхсрочную.

— Ваш отец с успехом еще несколько лет сможет управляться по хозяйству сам. Армия нуждается в новых кадрах. Вы легко можете получить звание лейтенанта и уже через несколько лет стать старшим лейтенантом. Армия вас хорошо обеспечит. Служба интересная, и в вашей жизни раскроются совершенно новые перспективы. Как вы на это смотрите?

— Решение этого вопроса от меня не зависит, — ответил Айвар. — Об этом надо говорить с моим отцом. Сомневаюсь, чтоб он согласился на это.

Он знал — Тауринь не согласится на сверхсрочную службу приемного сына, но если он даже согласится, Айвар на это не пойдет. Что угодно, только не это! Все его существо восставало против этой возможности.

Экис написал письмо Тауриню, и тот ответил таким решительным «нет», что батальонный командир уже не пытался уговаривать Айвара. Если бы у хозяина в Ургах было несколько сыновей, то одного из них он, несомненно, хотел бы видеть в офицерском звании, но у него только Айвар, а без него в Ургах больше нельзя обойтись.

Майга Стабулниек тоже с нетерпением ждала возвращения Тауриня: ее приданое давно было готово, даже выбран материал для подвенечного платья.

Осенью 1939 года Айвар демобилизовался и уехал домой.

По мнению Рейниса и Эрны Тауринь, он был полностью подготовлен для той жизни, которую они уже давно предназначили ему.

6

Сразу после возвращения Айвара с военной службы Эрна Тауринь начала говорить, что мундир ему больше к лицу, чем штатский костюм, а Рейнис Тауринь торопил вступить в организацию айзсаргов.

— Пока ты не станешь айзсаргом, не будешь настоящим, полноценным человеком, — сказал Тауринь.

— Только избавился от одной оравы начальников, всяких там больших и малых командиров, и опять становись слепым исполнителем приказов каких-то господ в мундирах! — сердито ответил Айвар. — Хоть бы годик дали отдохнуть от всех этих прелестей...

— Ну что ж, можно подождать до весны, — согласился Тауринь. — Только не забывай, что однажды тебе все равно придется это сделать. Что это за хозяин, если он не айзсарг? В глазах общества у него не будет никакого веса, и уважением он не будет пользоваться. А вот я... у меня все, что человеку нужно и что он может пожелать за свои заслуги.

Когда поздней осенью Рейнис Тауринь в обществе офицерского состава полка айзсаргов праздновал свой пятидесятилетний юбилей, ему преподнесли орден «Трех звезд» и прекрасное охотничье ружье. Командир полка Риекст произнес патриотическую поздравительную речь, в которой превозносил великие заслуги Тауриня на пользу «Латвии 15-го мая» и от имени всех присутствующих поблагодарил крупного землевладельца. В тот вечер было произнесено много тостов, много выпито и много съедено яств. Под утро пьяные айзсарги пели «Гордую песню», «Ястреба Даугавы» и стреляли в воздух из револьверов.

Наблюдать все это Айвару было грустно и противно. Он с содроганием подумал о том, что через некоторое время ему придется стать членом этого общества, часто

встречаться с этими хвастливыми эгоистами и духовно пустыми людьми, и юноша почувствовал себя обреченным, его охватило отчаяние.

Утром он вместе с Рейнисом Тауринем на мотоцикле возвращался домой из уездного города: больная Эрна не смогла принять участие в юбилее мужа.

— Вот каковы настоящие люди и какова настоящая жизнь, — сказал Тауринь приемному сыну. — Сейчас ты этого, пожалуй, еще даже не сумеешь оценить как полагается, но поживи годиков десять — тогда поймешь.

Айвар задумался. Он думал о той роковой случайности, которая связала его с Ургами, с Эрной и Рейнисом Тауринями и еще со многими людьми; они претили ему, как претила сегодня орава пьяниц в клубе уездного полка айзсаргов, или были безразличны, как Майга Стабулниек, но с ними ему придется прожить свой век. И неужели ничто на свете не сможет порвать эту роковую связь?

В ту зиму Айвару несколько раз приходилось участвовать в охоте. Там он познакомился со многими известными людьми: старшими лесничими, купцами, врачами и агрономами. Каждая такая охота завершалась обедом и основательной выпивкой, после чего начинались бесконечные охотничьи рассказы и болтовня о мировой политике. В этих разговорах выражалась огромная ненависть к Советскому Союзу и нескрываемое презрение к простым людям. Айвар скоро понял, что основу этой ненависти составлял животный страх перед народом и боязнь возможной перемены государственного строя. Любая прогрессивная мысль, каждое слово о демократии, о социальной справедливости и революции приводили этих людей в ярость: с перекошенными лицами и пеной у рта они ругались самыми грубыми словами, грозились расправиться с бунтовщиками, кричали о тюрьмах и виселицах, и тогда во всей неприглядности выявлялось их хищное лицо.

Айвар не мог понять ненависть этих людей к своим простым согражданам так же, как не понимал их страх, ибо сам не испытывал его. Он находился как бы между двумя непримиримыми враждебными мирами и сегодня еще смотрел на них бесстрастным взглядом стороннего наблюдателя.

Время от времени Тауринь получал циркуляры и ин-

формационные бюллетени, с помощью которых штаб айзсаргов стремился поддержать воинственный дух среди своего командного состава. Особенно много таких бюллетеней получал он в начале 1940 года, в связи с так называемой финской кампанией и расквартированием советских гарнизонов в западных районах Латвии. Это походило на грубое мычание разъяренного быка. В каждом бюллетене скрывались недвусмысленные намеки на предстоящую войну с Советским Союзом и указания на то, что Англия и Франция стали на сторону Финляндии; говорилось и о решающей роли в предстоящем конфликте трех прибалтийских государств. Подбадриваемый и науськиваемый империалистическими державами Запада, пигмей истории размахивал жестяной сабелькой и угрожал великану: «Я тебя растопчу, разорву в клочья, а свои пограничные столбы перенесу к берегам Волги. Бойся меня, ибо я силен!»

Это было странное и тревожное время. Трудовому народу, как и прежде, было ясно, что только с Востока, со стороны Советского Союза, он может ждать своего освобождения; кто бы ни пришел с Запада, ничего хорошего ждать не приходилось: и немец, и англичанин, и француз могли стать только угнетателями латышского народа. Труднее было определить свою позицию правящей клике — сельской и городской буржуазии Латвии. Ей было ясно, что назревают большие события и теперь не удастся остаться в стороне. Присутствие в Латвии советских гарнизонов злило буржуазию, тем более, что рабочий класс и прогрессивная интеллигенция, зная о близости советских воинов, стали вести себя смелее и беспокойнее. Когда, подстрекаемая Англией и Францией, маннергеймовская Финляндия спровоцировала вооруженный конфликт с Советским Союзом, латвийская буржуазия по существу была готова пойти по стопам финских реакционеров, только очень уж неблагоприятно для самих зачинщиков конфликта развивались события там, на севере. Может быть, надежнее будет ставка на Гитлера? Он тут же, рядом, от Восточной Пруссии до Риги — рукой подать... И действует куда энергичней, чем эти самые англичане.

— Что-то зреет... что-то обязательно будет... — с тревогой перешептывались властители этой маленькой угнетенной страны. — Куда же податься в конце концов?

Больше всего они боялись своего народа,— ведь знает собака, чье мясо съела.

Зимой самые надежные айзсарги и уволенные в запас армейские инструкторы получили приглашение вступить в добровольческие группы и отправиться в Финляндию на помощь Маннергейму. Получил такое приглашение и Айвар Тауринь, но у него не было ни малейшего желания проливать кровь за идеалы незнакомых ему лапуасцев. И поэтому из их уезда уехало только несколько айзсаргов, в числе их — сын мясника Лудис Трей.

Майга Стабулниек признала решение Айвара весьма разумным: молодому парню, который в ближайшем будущем поведет к алтарю свою избранницу, не было никакого расчета уезжать на чужбину и подвергать себя смертельной опасности. Пусть финны сами расхлебывают горячую кашу, которую заварили, а мы лучше потанцуем на вечеринках и поговорим о нашей будущей жизни...

У Майги имелись причины спешить со свадьбой. Это было ясно для всех, кому приходилось ее видеть: от праздной жизни и на хороших кулацких хлебах девица безо времени начала толстеть. Преждевременно накопившийся жир грозил уничтожить даже ту малую долю привлекательности, которая до сих пор все-таки в ней сохранилась. Пришлось взять в тиски пышную грудь и могучие бедра, чтобы сохранить если не стройность фигуры, то хотя бы женский облик. Старая Стабулниеце успокаивала дочь, что ничего опасного еще нет: она сама до свадьбы была весьма полной, но первый ребенок сделал ее опять умеренно стройной. Майга могла бы иначе совладать с преждевременной пышностью, но что поделаешь, если у нее такой чудесный аппетит и такое отвращение к физическому труду? На что будет похоже, если хозяйская дочь с дипломом семинарии домоводства будет разбрасывать на поле навоз, косить траву или гнуть спину, связывая снопы?

Айвар попрежнему навещал усадьбу Стабулниеки, в хорошую погоду катал Майгу на мотоцикле, но о свадьбе не заикался. Взгляды Майги с каждым днем становились все отчаяннее, а вздохи все горячее; сидя за его спиной на мотоцикле, она все ближе прижималась к нему, но он даже ни разу не попытался ее поцеловать. Самой

проявить инициативу? Уже сейчас завистливые языки болтают, что она вешается Айвару на шею.

Айвар не чувствовал к этой девице ничего такого, что походило бы на любовь. Посещение Стабулниеков было только выполнением долга, его долготерпеливой жертвой приемным родителям. Он встречался с этой молодой женщиной потому, что это входило в планы двух зажиточных семей. Может, он пойдет с Майгой и к алтарю, если этого потребуют общие интересы семей Тауриней и Стабулниеков. Но он никогда не полюбит ее, как не любит и сейчас. В глубине души он желал, чтобы сердце Майги в один прекрасный день повернулось к другому парню, — он бы воспринял это как подарок судьбы.

Жизнь пока что текла спокойно и однообразно. Айвара не волновали никакие сильные чувства, сон его не тревожили отчаянные и страстные мечты. Работа, бессодержательный отдых, Майга... и в перспективе какая-то сделка, в которой ему отведена определенная роль.

7

В одно из майских воскресений в Пурвайском приходе происходила конфирмация. Вокруг церковной ограды переминались с ноги на ногу застоявшиеся лошади; старые клячи от скуки грызли коновязь. Пока в церкви шло богослужение, у входа толпилась куча любопытных, друзей и родных конфирмующихся, которым не хватило места в маленькой церковке или попросту не хотелось слушать шепелявые завывания старого Рейнхарта.

Айвар тоже приехал посмотреть на хорошо известный церемониал и поздравить конфирмующихся соседских парней и девушек. Поставив мотоцикл к ограде, он слился с толпой. На колокольне церкви с медными трубами в руках разместился оркестр полка айзсаргов; он ждал выхода конфирмованных. Многие ожидающие держали в руках цветы, маленькие коробочки и сверточки с подарками, белые конверты, в которых были карточки с напечатанными на них поздравлениями. У Айвара тоже было приготовлено несколько поздравительных карточек, альбомов для стихов и издание гетевского «Фауста» в роскошном переплете — книга эта предназначалась дочери заведующего основной школой, которую сегодня

тоже причисляли к взрослым. Его пригласили на обед несколько семейств, но так как во все места все равно не поспеешь, он решил никуда не ходить — тогда никто не обидится и не скажет, что одними он пренебрегает, других предпочитает.

Когда оркестр заиграл хорал, ожидающие бросились к церковным дверям и образовали живую изгородь по краям дорожки и ступеней. Торжественной и медленной поступью, парами выходили из церкви конфирмованные с новыми псалмовниками в руках — девушки в белых платьях, парни в черных костюмах. Началась веселая суета, рукопожатия, поцелуи, поздравления. Матери конфирмованных всхлипывали, а молодые парни, из которых многие впервые надели крахмальные воротнички и галстуки, держались серьезно и прямо, точно аршин проглотили.

Айвар быстро закончил свои поздравления, отдал кому следует подарки, поздравительные карточки и только не мог избавиться от одной из них, предназначавшейся Анне Пацеплис. Он видел Анну мельком всего раза два, поэтому сейчас, одетую в белый праздничный наряд, не мог ее узнать. Тщетно пытаясь определить, которая из шестнадцати девушек могла быть Анной, он в конце концов обратился за помощью к знакомым. Один парень показал ее. Она вышла из церкви в последней паре вместе с какой-то дочерью батрака и сразу смешалась с толпой. Айвар протиснулся сквозь сутолоку и очутился перед Анной.

В простом белом наряде, стройная и гибкая, с пышными темными волосами, она взглянула на Айвара, будто не понимая, зачем он подходит к ней. Большие серые глаза под темными бровями глядели сдержанно и робко, временами зажигаясь внезапным сиянием, сразу же снова потухали, и тогда правильные черты лица девушки казались мрачными, потемневшими.

— Анна Пацеплис? — спросил Айвар, и неизвестно почему сердце его сжалось, а взор не мог оторваться от лица Анны.

— Да... — тихо ответила Анна.

— Разрешите поздравить вас в день конфирмации и пожелать много счастья в вашей будущей жизни... — пробормотал Айвар шаблонную фразу, ясно понимая, что говорит совсем не то, что нужно сказать этой молодой

девушке, с которой он сегодня разговаривает впервые. Он как бы опьянел от очарования. Взяв в свою ладонь натруженную руку Анны, он пожал ее так легко, будто она была из хрупкого хрусталя. Отдав поздравительную карточку, Айвар смущенно улыбнулся девушке и, не спуская с нее глаз, отошел в сторону. Все в Анне бесконечно понравилось ему: серьезное, красивое лицо, каждое ее движение, голос, простая прическа... Когда взгляд девушки невзначай, отыскивая кого-то в толпе, на секунду задержался на Айваре, его сердце забилось сильнее.

«Милая...» — подумал парень впервые в своей жизни, чувствуя себя и счастливым и несчастным.

Конфирмованные собрались у церковной стены, чтобы сфотографироваться. Айвар издали наблюдал за группой молодежи. Ему казалось, что та, в простом наряде, отодвинутая назад состоятельными хозяйскими дочками, сияет среди всех солнышком. Глаза Айвара слепило при взгляде на нее.

Юноша видел, как Анна села в старую рессорную повозку между своим отцом, плечистым крестьянином с пышными седеющими усами, и младшим братом Жаном. Больше никто из домашних Анны в церковь не приехал. Когда телега скрылась за поворотом, Айвар сел на мотоцикл и окольным путем поспешил опередить их. Крюк, который ему пришлось сделать по проселочной дороге, составлял шесть километров, но мотоцикл проскочил его в четверть часа. Айвар присел на краю дороги рядом со своей машиной и стал ожидать, когда на большаке появится старая рессорная повозка. Наконец она показалась, Айвар вдруг неизвестно отчего застыдился, хотел вместе с мотоциклом спрятаться в кусты. Но желание еще раз взглянуть на Анну удержало его на месте. Когда они проезжали мимо, он осмелился бросить на девушку лишь мимолетный взгляд и сразу же отвернулся, но и этого мгновения было достаточно, чтоб образ Анны с новой силой запечатлелся в его памяти и перевернул его душу до самого основания.

— Хорошая, чудесная Анна, — шептал он, глядя ей вслед. — Почему я не знал тебя раньше? Слепцом ходил по свету, не видел, что рядом со мной находишься ты...

Он долго еще сидел на краю дороги и мечтал. В сущности это было только началом мечты, ее первой картиной — светлой, солнечной и увлекательной. Но в этой

игре бликов и теней Айвар уже предчувствовал завтрашнюю драму. Он стал на недозволенный путь. Где-то темнели грозные фигуры Тауриня и Стабулниека. Горячее дыхание Майги обжигало его затылок и задуманная двумя семьями сделка превратилась сегодня в проклятие, с которым все его существо не могло и не желало примириться! Нет! Засолите вашу усадьбу со всем скотом и машинами, — они не стоят одной улыбки на милом лице Анны!

С глаз Айвара словно спала завеса, и перед ним раскрылись новые, неизвестные горизонты. За один день изменились все вещи на земле и его отношение к ним. Человеку захотелось жить!

Получасом позже, приближаясь к усадьбе Стабулниеков, Айвар выжимал из своей машины все, что она могла дать. Ветром промчался мимо Стабулниеков и продолжал нестись с той скоростью еще несколько километров, пока дорога не свернула в лес. Весело и тревожно было на сердце: не поймали, даже не заметили! И никогда больше не поймаете!

Весь вечер Айвар бродил по краю Змеиного болота, но ему не удалось увидеть Анну даже издали. Следующий день с утра до вечера он провел в поле, граничившем с землей Сурумов, и часто поглядывал в ту сторону, где должна была находиться Анна. Раз она появилась вдали и, даже не посмотрев в сторону Айвара, опять скрылась. В один из вечеров, сразу после Троицы, он снова сел на мотоцикл и поехал кататься. На этот раз был выбран новый маршрут, ведущий мимо усадьбы Сурумы. Какая-то седая женщина с большой бородавкой на щеке посмотрела из-за угла на проезжающего Айвара, высморкалась с помощью пальцев и повернулась к нему спиной. Больше никого он не заметил, проезжая мимо дома Пацеплисов. Айвар возвращался домой уже поздно вечером. Одно из окон старой избы Сурумов было освещено. У стола, склонившись над книгой, сидела Анна. Долго глядел на нее Айвар, шептал ласковые слова, призывы, надеясь, что она посмотрит в его сторону, но книга для нее значила больше, чем одинокий парень, стоявший на дороге.

От наблюдательных глаз Тауриня не укрылось странное беспокойство Айвара. Заметив, что приемный сын больше не навещает Стабулниеков, а скитается со своим

мотоциклом по лесам и вдоль Змеиного болота, он посоветовался с женой.

— Мне кажется, что мальчишка влюбился, только неизвестно, в какую юбку... — сказал хозяин.

— У него же есть невеста, Майга, — напомнила Эрна.

— Но он к ней больше не ходит, — сказал Тауринь.

— Куда же ему больше ходить? — улыбнулась Эрна.

— Слишком часто начал бродить около Сурумов. У них недавно конфирмовали дочь. Довольно миловидная.

— С Майгой ей не равняться.

— Это тебе так кажется, а у Айвара могут быть другие взгляды. Хотела бы ты породниться с этой болотной голытьбой?

— Этого только не хватало! — Эрна возмущенно посмотрела на мужа. — На порог таких голодранцев не пущу. А ты думаешь, что увлечение серьезно?

— А кто его знает,— пожал плечами Тауринь.— Одно ясно: если мы его в этом году не поженим с дочкой Стабулниеков, позже нечего и думать об этом. Майга тоже не может взять себя в руки: жрет больше, чем нужно, и раньше времени портит свою внешность.

— Тогда надо положить конец этому ухаживанию, — предложила Эрна. — На Янов день справим свадьбу. Это можно устроить, только надо сейчас же договориться с пастором, иначе он не успеет сделать оглашение в церкви.

— На Янов день не выйдет, но к осени определенно, — рассудил Тауринь. — Сейчас надо отпраздновать обручение. Если Айвар обручится с Майгой, ему ничего не останется, как жениться на ней.

— Ну, тогда сделаем так, — согласилась Эрна. — Ты сам будешь говорить с ним?

— Лучше поговори ты, — сказал Тауринь. — У женщин в таких случаях более гибкий язык.

— Ладно, я поговорю с ним.

Эрна взялась за дело в тот же вечер. Тауринь поспешил поужинать и удалился в свою охотничью комнату. Оставшись вдвоем с Айваром, Эрна лукаво улыбнулась и начала:

— Как ты думаешь, Айвар, не пора ли кончать с твоей холостяцкой жизнью? Майга может еще умереть от тоски.

— Эта не умрет, — ответил Айвар, внезапно покраснев. — Но я не собираюсь на ней жениться. О таких вещах разговора у нас не было.

— На ком же ты думаешь жениться? — приемная мать зло сощурила глаза.

— Пока ни на ком. Поживу еще годика два в холостяках.

— И ты думаешь, что Майга согласится тебя так долго ждать?

— Но я ее не заставляю ждать! — Айвар начал нервничать. — Пусть хоть завтра выходит замуж. Мне от нее ничего не нужно.

— А нам с отцом нужно. Нам нужна невестка. Если ты думаешь, что мы позволим тебе привести в дом любую смазливую рожицу, ты жестоко ошибаешься. Мы с отцом знаем лучше, что тебе надо.

— Возможно... — ответил Айвар, вставая из-за стола. — Но мужем Майги Стабулниек я никогда не буду.

Он вышел из комнаты, даже не пожелав матери покойной ночи.

Таурини решили оставить его на некоторое время в покое, — может, первая горячка пройдет, и он, обдумав все более хладнокровно, в конце концов поймет, что родители правы. Только плохо, что Стабулниеки могут всякое подумать: уже третью неделю Айвар к ним глаз не показывает.

Наконец, в начале июня, Айвару удалось встретить Анну на дороге. В своей будничной одежде она показалась ему еще прекраснее, чем в белом наряде при конфирмации. Опасаясь, что девушка может уйти раньше, чем он заговорит, Айвар сразу после приветствия спросил ее:

— Не хотите ли прокатиться вечером на мотоцикле?

Анна удивленно взглянула на него.

— Прокатиться? В такое время... господин Тауринь? Кто же в Сурумах будет доить коров?

— Тогда, может быть, в другой раз... в воскресенье? — не отступал Айвар.

— И в воскресенье не выйдет, — ответила Анна. — Скоро начнется сенокос, тогда все дни будут одинаковы.

Анна ушла, оставив Айвара одного на дороге. Смущенный и подавленный, стоял он некоторое время и думал свои горькие думы.

«Она не желает быть моим другом. Я не нравлюсь ей. Но как мне жить без ее дружбы?»

Ему стало холодно в этом мире, где не было тепла, любви, дружбы — только яростная борьба и жестокость. Хотелось склонить голову к человеку, который так же одинок на свете, как он, но сегодня и это было ему заказано.

— Я буду любить тебя всегда... — шептал Айвар. — Ты можешь не отвечать мне, уклоняться, избегать, — я всю жизнь останусь твоим.

Ему не было никакого дела до того, что в это время происходило на свете. Пребывая в узком мирке своих личных чувств и мечтаний, он не интересовался великой исторической грозой, надвигающейся на «Латвию 15-го мая» и на его собственную жизнь. Ему казалось, что это к нему не относится. Но когда раздались первые громовые раскаты, встрепенулся и он, поняв, что остаться в роли стороннего наблюдателя ему все же не удастся, — жизнь требовала, чтобы каждый человек определил себя: кто ты такой?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

И вдруг все изменилось...

Стоило только показаться на улицах Риги нескольким советским танкам, как всколыхнулся весь трудовой народ Латвии — восстал, сбросил ярмо рабства и могучим ударом разбил стены своей неволи. Он вышел на улицы столицы и после долголетнего молчания вдруг заговорил голосом хозяина, настоящего хозяина своей страны.

Как карточный домик, был сломан строй насилия и обмана одним-единственным ударом возмущенного народа. Не стало ульманисовского правительства. В Латвии начались новые времена.

Весть о падении режима Ульманиса облетела, подобно вещему золотому дятлу, всю Латвию. Приближение великой перемены можно было заметить уже за несколько дней до крушения старой власти — по тревоге больших и малых ее представителей и по столбам дыма, которые в теплые июньские ночи поднимались над трубами зданий государственных учреждений: уходящий, свергнутый народом режим спешил уничтожить следы своей черной работы, несчетные доказательства о насилиях и преступлениях против народа.

Но сгорела только бумага, потому что не существовало огня, способного уничтожить в памяти народа пережитую им несправедливость.

...Ильза Лидум выгладила светлый костюм Артура, приобретенный незадолго до ареста, уложила в чемодан чистое белье, носки, полуботинки и поспешила в Ригу, убежденная, что пробил час освобождения брата и сына.

И она не ошиблась. 21 июня раскрылись ворота тюрьмы, и борцы, приветствуемые ликованием народа, вышли на свободу. Но Ильзе, еле успевшей на радостях свидания обласкать брата и сына, пришлось снова расстаться с ними на несколько часов: уговорившись встретиться вечером на квартире одного товарища, они ушли — один на заседание Центрального Комитета партии, другой — в ЦК комсомола. Их руки и разум истомились по работе, а жизнь на них глядела как поросший сорняками давно непаханный перелог и звала: «Иди, новый сеятель, сей златое семя!»

Поздно вечером вернулся Артур. Жильцы квартиры ушли в другую комнату, чтобы Ильза могла провести наедине с сыном первый вечер его свободы. Ильза еще днем принесла сюда чемодан с одеждой Артура.

— Примерь, годится ли костюм, — торопила она его. Но он только мельком взглянул на вещи, все признал хорошим и поспешил поделиться с матерью новостями.

— ЦК комсомола предложил мне одно из двух: или остаться в Риге и работать в центральном аппарате, или поехать в родной уезд первым секретарем уездного комитета комсомола. Угадай мой выбор.

— Наверно, останешься в Риге... — сказала Ильза.

— Вот и не угадала! — засмеялся Артур. — Завтра мы поедем домой в свой городок и начнем творить такие дела, что Риексту тошно станет. Тебе больше не придется дрожать за меня, когда по вечерам я подолгу не буду возвращаться домой. Комсомольские собрания мы будем проводить не в лесу, а в центре города, а полицейским скажем: «Вам вход воспрещен!» И красный флаг станет свободно развеваться над дверями уездного комитета, независимо от того, нравится это охранке или нет.

— Наверно, редко мне придется видеть тебя, — сказала Ильза. — Надо будет обзавестись прялкой и прясть на кулаков, чтобы как-нибудь коротать вечера.

— Ты это серьезно? — Артур с удивлением посмотрел на мать. — Ты думаешь на них работать?

— Да нет же, нет... — засмеялась Ильза. — С меня

хватит. Неужели не найдется подходящей работы и для моих рук? Пусть теперь кулаки сами научатся зарабатывать себе хлеб насущный.

Ильза с тревогой глядела на бледное лицо Артура: не подорвала ли навсегда тюрьма его здоровье, не болит ли грудь? Спрашивать об этом сына она не решалась, а он, конечно, не признается, — разве теперь время болеть и отдыхать?

Мать и сын, поджидая Яна, вспоминали свою жизнь в разлуке, мечтали о будущем.

Ян Лидум пришел очень поздно, но нашел обоих бодрствующими.

— Что за мода? — в шутку рассердился он. — Куда девать таких полуночников? Марш спать!

Но его никто не послушал, да и ему в эту ночь не хотелось спать. Присев к столу напротив Ильзы и Артура, Ян Лидум долго смотрел на них, и его теплая светлая улыбка будто ласкала обоих.

Ильза вздохнула:

— Если подумать... чего ты только, братец, не перевидал на своем веку... С малолетства ничего другого не знал, кроме тяжелой работы, жизни впроголодь да тюремных стен. Теперь, может, и для тебя начнется лучшая пора, настоящая человеческая жизнь.

— Моя и твоя жизнь, Ильзит, — это мелочь, — ответил Ян. — А вот весь трудовой народ Латвии — разве он когда-нибудь жил по-человечески? Он столетиями пребывал в рабстве, задыхаясь под игом чужеземцев и своих господ... Наконец-то прошла эта мучительная ночь, наконец-то начнется настоящая жизнь не только для нас, но и для миллионов. Какое счастье, сестра, что мы оба сможем еще поработать на благо народа! Я сегодня чувствую себя, как застоявшийся в загоне конь: не могу дождаться, когда можно будет навалиться всей грудью на работу.

— После долгих тюремных лет тебе надо было бы немного отдохнуть, набраться сил... — заикнулась было Ильза.

— Работа для меня лучший отдых, — ответил Ян.

Потом он рассказал, что Центральный Комитет партии утвердил его первым секретарем укома партии в одном из уездов Видземе.

— Уже завтра отправляюсь туда и начинаю работать.

— Почему ты не просился в родной уезд? — спросила Ильза. — Тогда бы мы были все вместе.

— Партийное руководство знает лучше, где каждый из нас нужен, — ответил Ян. — Мне дали настоящую кулацкую и айзсарговскую цитадель. Между прочим, наш старый знакомый — начальник уездной полиции Риекст — недавно тоже переведен туда. Наверно думает, что в чужом месте удастся скрыть старые грехи. Померяемся силами.

— Значит, мы опять долго не увидимся... — вздохнула Ильза. — Так и пройдет вся жизнь.

— По пути в Ригу мне каждый раз придется проезжать через ваш уважаемый старинный городок, — успокоил ее Ян, — будем видеться довольно часто. А как же, Ильзит, ты? Не настало ли время и тебе включиться в общественную работу?

— Разве я сумею? — Ильза испуганно посмотрела на брата.

Ян погрозил пальцем:

— Нехорошо лгать, сестренка. Проработать в подполье шесть лет и ничего не уметь? Это ты расскажи кому-нибудь другому.

— В подполье — это одно дело, а работать на виду у всех — совсем другое, — ответила Ильза. — Я не умею разговаривать с людьми. В бумагах тоже ничего не смыслю.

— Сумеешь и осмыслишь. Для чего партия тебя шесть лет учила? Это была твоя школа, Ильзит, тебе придется включиться в ответственную работу. Завтра же попрошу Карклиня — он твой старый знакомый и назначен секретарем укома партии вашего уезда, — пусть переговорит с тобой.

— И это называется брат... — Ильза притворилась обиженной. — Ждала его из тюрьмы, а он в первый же вечер причиняет сестре неприятности.

— И буду причинять... — смеялся Ян. — Пока не добьюсь своего и пока ты не признаешь, что это правильно... А об Айваре... ничего неизвестно? — спросил он вдруг, и у Ильзы сжалось сердце, когда она услышала, как дрогнул голос брата. Эта рана, наверно, не заживет у Яна никогда.

— Не знаю... — ответила она, виновато опустив глаза. — Никто ничего не знает. Но теперь ведь у тебя по-

всюду хорошие друзья. Может, общими усилиями удастся найти.

— Если только он жив, я найду его... — шепотом произнес Ян. — Теперь найду. Никакими законами об усыновлении его от меня больше не скроют.

Ильза положила руку на его большую ладонь, и так они сидели долго, думая одну и ту же думу.

2

В кабинете начальника уезда и командира полка айзсаргов Риекста происходило весьма важное совещание. На него были приглашены очень немногие: уездный старшина Руткис, городской голова Гариндрикис, начальник местного отделения охранки Пека и пробст [1] Зирак. Риекста только недавно перевели сюда из соседнего уезда, поэтому его отношения с участниками совещания были пока официальные. В серой форме, часто поглаживая холеную бороду, уездный столп власти сидел за письменным столом и вел совещание.

«Что с нами будет?» — можно было прочесть на всех лицах, и наконец, не вытерпев, городской голова Гариндрикис произнес этот вопрос вслух, за что был награжден уничтожающим взглядом Риекста.

— Что будет? — прорычал Риекст. — Будет драка не на жизнь, а на смерть. Все зависит от того, насколько мы сумеем сплотиться. Если опустим руки, нас в один день растопчут, а если станем держаться мужественно, им придется с нами считаться и на каждом шагу оглядываться: не забежали ли слишком далеко вперед? Вспомните, что сказал наш вождь несколько дней тому назад: «Я остаюсь на своем посту — оставайтесь и вы на своих!» Вы понимаете, что означает эта директива президента? Мы остаемся на своих местах, будем попрежнему выполнять его волю при любых обстоятельствах. Ошибаются те, кто думает, что мы побеждены.

— Но что мы можем теперь делать? — вздохнул старшина уезда Руткис. — Где у нас сила?

— Наша сила — в нашей вере, — раздался голос пробста Зирака. — С божьей помощью и при большом

[1] Пробст — старший протестантский пастор.

желании мы будем скалой, которую не разбить никакому шторму. Мои священники в приходах своими проповедями будут укреплять уставшие души и не дадут угаснуть пламени надежд. Пусть каждый терпеливо несет свой крест и не заботится о завтрашнем дне — господу известно, что уготовано каждому.

— Гм, да... — проворчал Риекст. В комнате было жарко и душно, но расстегнуть форменный френч он все же не хотел. — Вера и молитвы — вещь хорошая, но в настоящих условиях хорошее огнестрельное оружие ценится больше, уважаемый отец пробст. Церковь должна стать цитаделью не только в духовном, но и в прямом смысле этого слова.

— Что вы этим хотите сказать? — спросил пробст.

Риекст встал, дошел до двери и приоткрыл ее. Убедившись, что передняя хорошо охраняется, он, снова тщательно закрыв дверь, вернулся к своему месту и заговорил приглушенным голосом, по очереди пристально вглядываясь в лицо каждого:

— Нам надо быть готовыми к тому, что противники поспешат разоружить наших людей. В распоряжении полка айзсаргов имеется много оружия. Его, несомненно, прикажут сдать. Но не все винтовки, пулеметы и боеприпасы внесены в списки полкового вооружения. Не станем же мы и эти излишки сдавать им. Часть, конечно, придется спрятать в лесах, а другую часть надо будет отцу пробсту разместить в подвалах своих церквей.

— Это, конечно, можно, — согласился пробст. — Мы все христовы воины.

— Распоряжение я дам сегодня же ночью, — продолжал Риекст. — Прошу позаботиться о том, чтобы пастыри приходов были готовы выполнять свои обязанности.

— Будет сделано, господин Риекст... — сказал пробст.

— Господин Пека, уничтожены ли списки агентов и документы, могущие скомпрометировать наших людей? — обратился начальник уезда к начальнику местного пункта охранки.

— Прошлой ночью сожгли последние бумаги, — ответил Пека. — У меня они ничего не найдут, но я не ручаюсь за Ригу. Главная картотека находится в управлении. Надо надеяться, что господин Фридрихсон тоже не дремал.

— Будем надеяться... — проворчал Риекст.

Они совещались довольно долго и, наверно, просидели бы до ночи, если бы в девять часов вечера не случилось нечто, не предусмотренное повесткой дня. Внезапно, без доклада и стука, в кабинет Риекста вошли трое мужчин. Старший из них, почти седой, был огромного роста; второй низкорослый, лет пятидесяти, и третий — еще молодой мужчина, с загорелым лицом и военной выправкой.

— Добрый вечер, господа... — приветствовал старший. — О чем вы здесь совещаетесь?

Его спокойный иронический тон привел в бешенство Риекста.

— Кто вы... что вам нужно? — крикнул он и вскочил со стула. — Кто вам разрешил войти?

— Кто разрешил? — незнакомец посмотрел в глаза начальника уезда таким сверлящим взглядом, что у Риекста затряслась борода. — Народ разрешил. Ни у кого другого мы разрешения не спрашивали. Чтобы вам было ясно, с кем имеете дело, давайте познакомимся. Это — Индрикис Регут, новый начальник уездной полиции, — он показал на молодого мужчину с военной выправкой. — Приказ о его назначении подписан только сегодня утром, так что вы могли и не знать об этом. А это наш новый уездный старшина Лиепа... Документы у него в полном порядке, в этом можете не сомневаться. А я... меня зовут Ян Лидум. В тысяча девятьсот тридцать четвертом году вы меня, господин Риекст, в последний раз арестовали, так что мы с вами старые знакомые. Решением Центрального Комитета коммунистической партии большевиков Латвии я утвержден первым секретарем партийной организации этого уезда. Все ли вам понятно, господа?

— Ясно... — пробормотал Риекст. — Когда прикажете сдавать дела?

— Об этом договоритесь с Регутом, — сказал Лидум. — Я думаю, что он вас долго не задержит формальностями. Насколько мне известно, в Риге новые министры приняли свои ведомства от предшественников в течение получаса. А теперь нам придется разрешить несколько мелких вопросов. Вы позволите присесть, господин Риекст?

— Прошу, прошу... — командир полка айзсаргов силился говорить вежливо, но глаза его злобно сверкали,

а руки дрожали в бессильной ярости. — Когда вы меня арестуете?

— По этому вопросу вам тоже придется говорить с Регутом, — ответил Лидум. Он сел и, немного подумав, продолжал: — Как вы уже слышали, в уезде теперь будет уездный комитет коммунистической партии. Будет еще и другая организация — комитет комсомола. У этих организаций много работы, а поэтому нужны подходящие помещения. Что вы можете рекомендовать мне?

— Сколько комнат вам нужно? — поинтересовался городской голова Гариндрикис, плотный мужчина с голым черепом. — Тремя обойдетесь?

— Как будто маловато, — ответил Ян Лидум, почти любезно взглянув на говорившего. — Лучше всего подошел бы какой-нибудь двухэтажный дом. По дороге сюда я видел подходящий — около базарной площади.

— Но ведь он занят! — воскликнул Гариндрикис. — Там помещается уездная управа.

— Попросим освободить, — сказал Лидум.

— А куда деваться уездной управе? — спросил сквозь зубы Риекст. — Выбросить ее на улицу?

— Почему на улицу? — удивился Лидум. — Некоторые учреждения окажутся лишними. Уездную управу переведем в освободившиеся помещения.

— Но разве этот двухэтажный дом для вас не велик? — вставил пробст Зирак. — Насколько мне известно, его обстановка тоже... мягкая мебель и полированные шкафы...

— На лесных сходках достаточно насиделись на подушках из мха, — ответил с усмешкой Лидум. — Господину Риексту это должно быть известно.

Командир полка айзсаргов покраснел до кончиков ушей, но промолчал.

— Значит, договорились? — сказал Лидум и встал. — Надеюсь, что господин Риекст уже сегодня вечером отдаст соответствующее распоряжение. Иначе...

— Что иначе? — не выдержал наконец Риекст, вскочив на ноги и ненадолго принимая прежний грозный вид. — Вы не имеете права...

— Товарищ Регут вам объяснит, как обстоит дело с этими правами... — сказал Лидум. Затем он обратился к Регуту и Лиепе. — Когда примете дела, придите ко мне

в гостиницу. Нам надо договориться о первом заседании укома.

Ян Лидум ушел. Пробст Зирак тоже хотел удалиться, но Индрикис Регут попросил его остаться на месте:

— У меня могут возникнуть вопросы к вам, и будет неудобно нарушать ваш ночной покой.

...На следующее утро Ян Лидум совещался с Регутом, Лиепой и несколькими местными коммунистами — бывшими подпольщиками. Речь шла о кадрах.

— Не думайте, товарищи, что на все руководящие посты нам пришлют людей из Риги, — говорил Лидум. — Центральный Комитет партии дал столько, сколько мог. Остальных надо найти на месте. Назовите мне всех честных людей в городе и в уезде — рабочих, батраков, интеллигентов, мужчин и женщин, старых и молодых. Не может быть, чтоб мы не нашли несколько сот таких людей, которым можно доверить ответственную работу. Если в ком-либо и ошибемся, народ поможет исправить ошибку. Чем скорее мы заменим старых волостных старшин своими людьми, тем скорее начнется новая жизнь. Уже завтра должно быть хотя бы по одному надежному человеку в каждом предприятии, магазине, учреждении, тогда ничего не утаят, не разбазарят и не похитят у народа. К полицейским надо приставить людей вспомогательной службы. В каждой волости провести народные собрания и разъяснить жителям мероприятия нового правительства и нашей партии по переустройству жизни. Надо работать дни и ночи: если не будем работать мы, вместо нас поработают враги. Поэтому нельзя терять времени.

И люди нашлись. Из гущи народа, из его недр шли новые кадры. Во главе волостной жизни вместо кулака стал батрак и безземельный крестьянин. Рабочий наделялся правами государственного комиссара на фабрике, заводе, в магазине. Культурной жизнью начал руководить прогрессивный интеллигент, которому прежний режим не давал работы. Выдвинутые из населения кадры вспомогательной службы заботились о порядке, становясь постепенно ядром организующейся народной милиции. И все это продвигала, создавала, видоизменяла и направляла сильная и смелая рука партии.

С каким наслаждением и вдохновением работал сейчас Ян Лидум! Энергия, накопившаяся за долгие годы вынужденного бездействия, требовала применения. Как

теперь пригодились знания, накопленные за тюремными стенами! Другие могли уставать, у других могло не хватать времени, а первый секретарь уездного комитета партии не имел права ни уставать, ни в чем-либо опаздывать. И пока все не было поставлено на место, он должен был забыть о себе, о своих личных нуждах.

Поглощенный огромной работой, Ян Лидум сумел выкроить время только для одного личного дела: с первого дня свободы он искал своего сына. Помещал объявления в газетах, связывался со своими товарищами из других уездов и городов, обращался к заведующим архивами и в судебные учреждения, но напасть на следы Айвара ему так и не удалось. Оставалось предположить, что сын или умер, или так упрятан, что найти его немыслимо. Понемногу Ян Лидум свыкся с этой мыслью, но старая рана продолжала кровоточить.

8

Предположение Ильзы оправдалось: она считала неделю хорошей, если ей удавалось раз или два видеть сына. Организовав уездный комитет комсомола, Артур большую часть времени проводил в волостях, на предприятиях, в школах. По заданию укома партии он участвовал во многих народных собраниях, разъяснял политику партии и правительства. Население помогало ему, и он выдвигал на работу новых людей. Быстро рос актив. Понятно, что Артур ни на мгновение не упускал из виду своей основной задачи — организацию молодежи. Почти во всех волостях уезда ему удалось создать комсомольские группы. Юноши и девушки, вместе с которыми он работал в подполье, образовали ядро уездной организации комсомола, вокруг него объединилась прогрессивная молодежь.

Артур, как член уездного комитета партии, участвовал в подготовке и проведении в жизнь всех важнейших вопросов в уезде. Уездный комитет комсомола находился в одном доме с укомом партии — новая смена борцов и строителей жизни чувствовала, в буквальном смысле этого слова, рядом плечо старшего поколения, и эта близость, эта согласованность действий придавала смелость и уверенность молодому поколению.

Однажды, когда Артур вернулся из поездки по волостям, в укоме комсомола пришли несколько посетителей; у всех, по их заявлениям, имелись важные вопросы, и якобы разрешить их мог только первый секретарь.

В маленькую, просто обставленную рабочую комнату Артура, которую называли кабинетом первого секретаря, вошел посетитель — пожилой, совершенно седой человек. Это был заведующий основной школой Лейниек.

— Приветствую вас, господин Лидум... — произнес он, угодливо кланяясь и улыбаясь так, будто встретился с дорогим другом. — Не забыли еще своего старого учителя? Вы были у меня самым лучшим учеником, я всегда с гордостью вспоминал о вас. Что может быть приятнее для учителя, как видеть своего воспитанника, ставшего известным деятелем и честным человеком! Вы, господин Лидум, уже давно являетесь гордостью своей родной школы. Поздравляю, поздравляю...

Глядя на его притворную улыбку, Артур думал: «Ах ты, старый плут... какая нужда пригнала тебя ко мне? Не ради дружбы и приятных воспоминаний пришел ты сюда».

— Прошу садиться... — сказал он. — Чем могу быть полезен?

— Не правда ли, приятно сделать добро другому человеку? — шепелявил Лейниек. Его рот был полон искусственных зубов. — Эту добродетель я всегда старался привить своим ученикам. — Не дождавшись, чтобы Артур подкрепил это заявление, он несколько умерил свой пыл и приступил к делу: — Если бы все были такие, как вы, — уравновешенные, справедливые и дальновидные, — новая власть имела бы гораздо больше надежных друзей, чем, к сожалению, можно наблюдать сейчас. Я понимаю, молодежи свойственны горячность, желание быстрее достичь своей цели... но такая горячность все же не должна превращаться в предрассудок и бездушное сведение счетов с нами, старыми людьми. У нас ноги не такие гибкие, не успеваем за молодыми. Если иногда зацепимся, споткнемся, отстанем — разве за это надо нас сразу уничтожать?

— В чем дело? — спросил Артур.

— Третьего дня меня отстранили от должности заведующего основной школой, — продолжал Лейниек. — Понимаете ли вы, что это для меня означает? Тридцать пять

лет проработать на ниве народного просвещения, вырастить молодое поколение... в позапрошлом году весь город отмечал мой двадцатипятилетний юбилей в должности директора основной школы. И вдруг я больше не гожусь. Как старую кость, выбрасывают на свалку... собакам. Где же тут справедливость?

— Каковы официальные мотивы вашего отстранения? — поинтересовался Артур. — Не может быть, чтобы без всяких причин. Если произошло недоразумение, я постараюсь это выяснить и помогу вам.

— Понятно, недоразумение! — воскликнул Лейниек.— Досадное и чрезвычайно неприятное недоразумение. Они обвиняют меня в политической демонстрации против нового государственного строя, обзывают реакционером, а всему виной моя старая забывчивая голова. В мои годы это вполне естественно. Ну поймите, господин Лидум, я забыл в актовом зале снять портрет Ульманиса и красно-бело-красные флажки [1]. В моем кабинете они тоже нашли висевший на стене портрет Ульманиса. Разве это такое большое преступление? Я...

— Простите... — прервал его Артур. — Мне известно, что эти портреты и флажки были сняты еще в конце июня. Это сделали сами ученики. А вы тогда не разрешили их уничтожить.

— Разве можно так просто уничтожить? — удивился Лейниек. — Ведь это государственное имущество, внесенное в инвентаризационные списки. При ревизии мне придется отвечать за малейшую недостачу.

— Поэтому вы снова повесили на стены эти атрибуты реакции? — спросил Артур.

— Но сейчас их там уже нет.

— Школьники сняли?

— Да... пионеры и комсомольцы. Не только сняли, но облили чернилами, а после сожгли. Когда государственный контроль начнет проверять, мне придется отвечать.

— И больше ничего не случилось?

— Так точно, это все.

— Кто наказал комсомольцев и пионеров за уничтожение фашистских портретов? — спросил Артур, не спуская глаз с Лейниека. — Кто требовал, чтобы их исключили из школы, несмотря на то, что именно они являются

[1] Флаг буржуазной Латвии.

самыми прилежными и успевающими учениками вашей школы?

— Но проступок нельзя оставлять без внимания! — заволновался Лейниек. — Что станет с дисциплиной, если я буду смотреть сквозь пальцы на такое самоуправство? В землю загнал бы меня инспектор народного образования за такие вещи.

Артур поднялся и слегка поклонился Лейниеку в знак того, что разговор окончен:

— Вы многого не понимаете, гражданин Лейниек. А если понимаете и все же поступаете так, то вы — большой наглец, и вам уже нельзя доверять воспитание молодого поколения. Если не ошибаюсь, у вас недалеко от города имеется собственное хозяйство с большим садом и пасекой. Ухаживайте за ним, а молодых советских людей разрешите воспитывать другим, которые не так забывчивы.

— И это говорит мой бывший ученик, которого я воспитал сознательным человеком? — удивился Лейниек.

— Не вы воспитали меня таким.

Лейниек покраснел от злобы и сказал:

— Я все же буду добиваться своей правды. Дойду до Москвы. Не может быть, чтобы советская власть разрешила молодым соплякам сводить счеты с заслуженным педагогом...

Сказав это, «заслуженный педагог» ушел.

Его место в кабинете Артура заняли другие посетители — мясник Трей и его сын Лудис. Оба плотные, круглые, с красными лицами, они сильно походили друг на друга.

— Здорово, старина! — фамильярно воскликнул Лудис и долго тряс руку Артура. — Не забыл еще старых друзей? Ведь мы одиннадцать лет проучились вместе... в одно время кончили среднюю школу.

— Детство и юность, так сказать, исхожены по одним тропам, — поддакнул мясник. — Значит есть, что вспомнить.

— Вспомнить, действительно, есть о чем, — согласился Артур. Он предложил посетителям стулья и, когда те уселись, как бы невзначай спросил: — Как тебе понравилось в Финляндии? Я слышал, ты воевал.

— По дурости, послушался командира полка Риекста, — поторопился пояснить старый Трей. — Он ведь не

хотел ехать, всячески отговаривался, но этот проклятый не давая покоя.

— Сражаться нам не пришлось, — добавил Лудис. — Пока добрались туда через Швецию, надо было возвращаться. В этом-то и есть самое плохое: ведь я решил перейти на сторону Красной Армии, как только попаду на фронт.

— Действительно? — не скрывая удивления, спросил Артур. — Ты хотел перейти фронт?

— Честное слово, Артур! — заверил Лудис. — А теперь за мою поездку в Финляндию мне грозят большие неприятности. Никто не хочет верить, что у меня были такие благие намерения. Но ты... ты ведь меня знаешь с малолетства. Хорошо знаешь, каков я на самом деле.

— Ты прав, я действительно знаю тебя, — согласился Артур. — Что ты от меня хочешь, Лудис?

— Не можешь ли ты написать мне поручительство? — спросил Лудис. — Замолви за меня словечко... Иначе может завариться каша. Ну, будь добр, помоги старому другу. Ведь не может быть препятствием то, что мы мальчишками иногда дрались.

— Понятно, это не может быть препятствием, — усмехнулся Артур. — Личные счеты надо забыть.

— Не правда ли? — Лудис повеселел. — Я сразу сказал, что Артур Лидум порядочный малый. Не такой, как некоторые горлопаны.

— О чем же они горлопанят? — поинтересовался Артур.

— Хотя бы об этом флаге, — пояснил Лудис. — Ты, может быть, помнишь. В парке на Первое мая был поднят красный флаг. К несчастью, мне в то утро пришлось проходить мимо. Начальник уезда Риекст заставил меня взобраться на дерево и снять флаг. Сейчас кое-кто хочет этот случай изобразить чуть ли не какой-то контрреволюцией. А как же я мог не полезть, когда с оружием в руках меня заставили это сделать.

— Я этот случай помню очень хорошо, — сказал Артур, — потому что в ту ночь сам водрузил этот флаг.

— Гляди, какой молодец! — порадовался старый Трей. — Какое мужество, какая ловкость! Учись у своего друга, Лудис!

— Сколько ты в тот раз получил — кажется три лата? — спросил Артур.

— Я и не хотел брать их! — Луднс развел рукамн. — Насильно всучили.

— Странно, что тебя все насильно заставляли делать... — усмехнулся Артур.

— У него такой мягкнй характер, — пояснил мясник.

— Это все, что вы хотели мне сказать? — спросил Артур.

— Все... — пробормотал Лудис. — Ведь ты дашь мне поручительство? Я тебя очень прошу. Помоги в этот раз. В дальнейшем ты обо мне будешь слышать только хорошее. Теперь я знаю, как жить.

— Тебе придется поискать другого поручителя, — голос Артура зазвучал резко. — Я не желаю лгать только потому, что тебя ждут неприятностн. Заварил кашу — расхлебывай сам.

— Но вы же видите, что происходнт недоразумение!— воскликнул старый Трей. — Мальчишка сам не знал, что делал. Кроме того... — его голос понизился до шепота, а взгляд стал заискивающим и ласковым, — мы умеем быть благодарными. Если нам кто-нибудь оказывает помощь, мы этого вовек не забываем. Могу доказать хоть сегодня. Моя мясная доставит вам самый лучший товар, сколько вам только потребуется, — о плате можете не беспокоиться. А если когда-нибудь времена изменятся, в моем доме вы всегда найдете надежное убежище. Только помогите в этот раз...

Артур подошел к двери и распахнул ее настежь.

— Вон! Торгуйте своими колбасами н костями, но оставьте в покое честных людей! Ну, быстрей, быстрей!

Вот какими делами приходнлось ему иногда заниматься. Загнанный в тупик, старый мир искал щели, слабые места, чтобы вырваться из окруження новой жизни н избежать гибели. Поэтому теперь еще плотнее сомкнулись ряды строителей новой жизни, еще бдительнее следили они за каждым маневром противника.

4

Вскоре после установления советской власти Артур прибыл в Пурвайскую волость. По заданию укома партии и уездного исполнительного комитета ему надо было созвать народное собрание и разъяснить населению реше-

ние Верховного Совета республики о земельной реформе и национализации крупной собственности. Заодно следовало подобрать членов волостной землеустроительной комиссии и организовать подготовительные работы по проведению реформы. Так как комсомольской группы в волости еще не существовало, Артур решил не уезжать, пока и этот вопрос не будет разрешен. В воскресенье утром надо было провести общее народное собрание, а после обеда созвать молодежь волости.

Не успели разойтись участники общего собрания, как в Народном доме появилась молодежь. Пришло около ста человек.

Артур рассказал им об огромных переменах, происшедших в Латвии, о замечательной роли молодежи в новой государственной жизни и социалистическом строительстве в старших советских республиках. Остановился и на задачах молодежи в Пурвайской волости. Земельная реформа, культурные мероприятия, механизация сельского хозяйства, борьба со старыми предрассудками, антирелигиозная пропаганда — вот какое обширное и многостороннее поле деятельности открывалось сегодня перед молодежью. Новое содержание и новый смысл жизни!

Пока Артур говорил, одна из девушек не спускала с него глаз. То была Анна Пацеплис. В Сурумах никто не знал, что она пошла на собрание. Анна старалась быть по возможности незаметной и заняла место в одном из задних рядов. Она не выступала в прениях, не задавала вопросов, только жадно вслушивалась в каждое слово Артура. Как и прежде, он сегодня казался ей самым благородным, умным человеком на свете. В ее сознании все еще звучали сказанные несколько лет тому назад дружеские, ободряющие слова. Они помогли девушке не склониться перед силой обстоятельств, не дали задохнуться. Сегодня, разговаривая с этими юношами и девушками, Артур снова указывал Анне путь, еще более увлекательный, чем тогда. Ей очень хотелось идти по этому пути, только она не знала, как это сделать.

Собрание кончилось. Молодежь начала расходиться. Анна расхрабрилась и подошла к Артуру.

— Товарищ Лидум, могу я вас побеспокоить? — обратилась она к Артуру.

— Прошу... — отозвался Артур, взглянув на девушку.

Он не узнал ее: Анна за эти годы сильно выросла и изменилась.

— Вы меня, наверно, не узнаете? — спросила Анна.— Тогда вы работали батраком в Ургах. С тех пор прошло много времени...

— Анна... из Сурумов! — воскликнул Артур и, изумленный, пристально взглянул в лицо девушке. — Все помню, до последней мелочи, только тебя совсем нельзя узнать. Как ты выросла! Знаешь что, подожди меня несколько минут, я поговорю с ребятами о некоторых организационных вопросах, потом буду свободен до самого вечера.

— Ладно, я вас... я тебя подожду на улице.

Спустя полчаса они медленно шагали по дороге в сторону Сурумов. Артур рассказал Анне про свои тюремные годы и теперешнюю работу, а ей в свою очередь пришлось рассказать все о себе. Но в ее повествовании не было ничего яркого или примечательного: однообразная жизнь деревенской девушки, работа, учеба украдкой от домашних и вечное духовное одиночество.

— Скажи, что мне делать? — спросила Анна. — Я не хочу жить по-старому. Чувствую, что мое место в комсомоле. Но если я вступлю в организацию и буду участвовать в работе, дома меня будут грызть с утра до вечера.

Артур задумался.

— Дорогая Анна, — наконец заговорил он, — я, конечно, не могу тебя уговаривать и усложнять твою жизнь, которая и без того нелегка. Но если ты хочешь, наконец, стать свободным человеком, тебе все равно однажды придется выдержать эту борьбу с семьей. Не лучше ли восстать сейчас? Может быть, будет горько, но потом ты сможешь ходить с поднятой головой и никогда больше не будешь одна со своими бедами и невзгодами. На каждом шагу тебя поддержат товарищи.

— Ты думаешь, что мне следует так поступить?

— Да, Анна. Ведь ты выбираешь себе честный, правильный путь. На твоей стороне весь советский народ. Кого тебе бояться?

— Ладно, Артур, я так и сделаю... — обещала Анна.— Только прости, если вначале не сумею быть такой, какой должна быть настоящая комсомолка. Но я постараюсь делать все, что будет в моих силах, и со временем стану такой.

— Правильно, Анна, и не таиться. Пусть все знают, кто ты.

— Пусть знают!

Они засмеялись радостно и беспечно.

Таких — веселых и улыбающихся — увидал их на дороге Айвар. Он поспешно отступил в кусты, чтобы его не заметили, и грустным взглядом проводил этих счастливых людей. Он готов был отдать все за то, чтобы Анна согласилась пройтись с ним, так же просто и свободно разговаривая, как сейчас с Артуром. «Для Артура, по всей вероятности, это ничего не значит, а для меня...»

Дома Айвар не находил себе места. С полчаса он подбрасывал большие двухпудовые гири, пока не заныли мускулы. Устал. Немного передохнул, затем сел на мотоцикл и помчался по дороге.

Но он не поехал к Стабулниекам, где, изнывая от тоски по своему возлюбленному, его ждала белокурая Майга, — там ему нечего было делать. Айвар гнал свой мотоцикл по неровной лесной дороге, по извилистым тропам лесорубов и охотников и все время думал об Анне.

«Каким я должен быть, чтобы она смогла стать моим другом? Что должен я совершить, чтобы взор Анны остановился на мне с уважением и... может быть... с любовью?»

Он не находил ответа на эти вопросы. А спросить совета было не у кого. Если бы был жив еще старый Лангстынь, он, наверно бы, помог ему и указал правильный путь, но мертвые молчат.

5

В конце августа Анну Пацеплис приняли в комсомол. Сначала организация не давала ей никаких поручений, только зачислила в политкружок и пригласила принять участие в украшении Дома культуры — Артур, по всей вероятности, посоветовал на первых порах не слишком загружать Анну заданиями, пока семья Пацеплисов не привыкнет к ее самостоятельности.

У Анны все же не хватило смелости признаться родителям в том, что она вступила в комсомол. Ежедневно выслушивая язвительные замечания мачехи о советских

людях, она понимала, что это признание вызовет бурю в Сурумах. Бруно, служивший лесничим, жил сейчас в Мелдерах и только изредка на часок заходил в усадьбу отца. Каждый раз он наполнял избу ядовитыми сплетнями и слухами. Антон Пацеплис, которому старший сын казался воплощением мудрости, подпевал ему. Анна отмалчивалась. С утра до позднего вечера она тянула тяжелую рабочую лямку, терпеливо перенося и слепое равнодушие отца, и злое, ненавистное шипенье мачехи. После конфирмации Лавиза больше не била Анну, но ее острый, желчный язык жалил гораздо больнее чем розги. Миловидность и красота Анны (о чем Лавизе в последнее время приходилось слышать все чаще) были для нее бельмом на глазу. Прожив свой век серой, незаметной, она не могла примириться с мыслью, что это существо, которое здесь заставляли работать до седьмого пота и на которое смотрели, как на рабочую скотину, могло привлечь внимание других людей. Чтобы Анна не начала зазнаваться, мачеха старалась вытравить из нее зачатки пробуждающегося самосознания, пока они не пустили глубокие корни. Свою падчерицу Лавиза иначе не называла как Анькой.

Анна пропускала мимо ушей замечания Лавизы, зная, что мачеха ее ненавистница. Отец ни разу не попытался заступиться за нее, а младший брат Жан был слишком юн, чтобы прийти на помощь сестре, — с ним в Сурумах не считались. Можно было думать, Жану безразлично, что происходило с сестрой, но однажды вечером произошел такой случай.

Явился Бруно, хмурый и свирепый.

— Где Анна? — сразу спросил он.

— Что тебе нужно от этой растяпы? — поинтересовалась мачеха.

— Позовите ее сюда, тогда услышите, что эта дура натворила! — закричал Бруно. — Пусть отец тоже идет. Ему надо знать, какие вещи творятся без его ведома в Сурумах.

Лавиза поняла: произошло что-то чрезвычайное, раз уж Бруно так встревожен. Анна с Жаном в ту пору копнили сено позднего укоса. Лавиза зашла за угол клети и позвала Анну.

Вся семья Пацеплисов собралась в комнате хозяина. Все смотрели на Бруно, а тот с помрачневшим лицом

ходил из угла в угол и злыми глазами косился на Анну. Вдруг он остановился, нагнулся вперед и, как плевок, бросил в лицо сестре:

— Красная! Ком-со-мол-ка!

— Что за комсомолка, Бруно? — спросил Антон Пацеплис. — Что случилось?

— Что случилось? — закричал Бруно. — В том-то и беда, что вы ничего не видите! У вас за спиной можно творить всякие безобразия. Анна вступила в комсомол! Понимаете ли вы, что это значит? Сегодня она вступает в комсомол, завтра вступит в партию, а послезавтра начнет помышлять о колхозе. А вы будете хлопать глазами и удивляться: глядите, какая у нас умница дочь...

Казалось, Лавиза вот-вот задохнется от злобы. Ее бледносерое лицо посинело. Глаза были готовы выскочить из орбит. Брызгая слюной, она закричала:

— Анька! Урод проклятый, правду говорит Бруно? Говори, подлюга!

— Да говори же... — поддакнул и Антон Пацеплис. — Ты и вправду это сделала? Начала дружить с коммунистами?

Анна посмотрела на отца и тихо ответила:

— Да, отец, это верно. Я вступила в комсомол.

— О господи, о господи! — визжала Лавиза. — Такой стыд, такой позор! Теперь эта красная слава прилипнет ко всей нашей фамилии! Антон, ты ей отец или нет? Как без твоего ведома дети могут творить такие вещи?

— Кто тебе позволил это сделать? — строго прозвучал голос хозяина Сурумов. — У кого ты спросила разрешения?

— Ни у кого, — ответила Анна. — Знала, что не разрешите, поэтому не спрашивала. В уставе комсомола не сказано, что при вступлении нужно разрешение родителей. Ведь вступила я, а не вы, и вам нечего волноваться.

— Дрянь... — выдохнул Бруно. — Уже набралась всякого бесстыдства!

— Антон, неужели ты так это оставишь? — закричала Лавиза. — Не проявишь свою отцовскую власть? Если ты скажешь «нет», Аньке придется выйти из комсомола. Может, тебе нравится, что дочка стала красной?

Антон Пацеплис побагровел и сердито посмотрел на Анну.

— Ты слышала? Сразу же, немедленно пойди и заяви, что ты выписываешься. Иначе не являйся домой. Я приказываю тебе это сделать! Ты поняла?

— Из комсомола я не уйду, — ответила Анна и смело посмотрела в глаза отцу, на Лавизу она ни разу не взглянула. — Если подымете слишком большой шум... я уйду из Сурумов.

— Ну, это уж чересчур! — вскрикнула Лавиза. — Она грозит!

— Это только цветочки, — съязвил Бруно. — Погодите, когда Анна с годик поучится коммунистической мудрости, тогда вы увидите черта.

— Так я этого не оставлю! — сказал Пацеплис. Сняв ремень, он угрожающе приблизился к Анне. — Я еще с тобой управлюсь. Послушаем, какую песню ты теперь затянешь.

Анна побледнела — не от испуга, а от стыда. Отступив за стол, она выкрикнула:

— Не тронь меня, отец! Прошу тебя... приди в себя! Ты не смеешь меня бить. Я не потерплю этого... я убегу... к соседям.

Но Бруно все предусмотрел: он стоял у двери, зло ухмыляясь.

— Не убежишь, останешься здесь и получишь по заслугам.

Лавиза обежала вокруг стола и обеими руками вцепилась в волосы Анны.

— Бесстыдница! Возражать отцу! Я тебе покажу!

Она изо всей силы дергала Анну за волосы, пытаясь принудить падчерицу стать на колени, но у нее не хватало силы.

Вот тогда-то и произошло то, чего никто не ожидал. Молча выслушав грубую брань, Жан уже не мог остаться безучастным зрителем, когда мачеха начала расправу с его сестрой. Будто какая-то невидимая рука толкнула его, грудь наполнилась неудержимой яростью; он одним прыжком очутился рядом с мачехой, схватил ее за плечи, оторвал от Анны с такой силой, что Лавиза отлетела к стене и разбила голову о деревянный крюк для одежды.

— Руки прочь! — закричал Жан. — Ты не смеешь трогать мою сестру... ты... чужая баба! Если еще раз тро-

нешь, я тебя убью, как змею! Да, да, своими руками! — Потом повернулся к Бруно. Его взгляд был так страшен, что молодой лесничий побледнел и на всякий случай схватился за ручку двери: — Чего ухмыляешься, шут? Хочешь получить по голове табуреткой! Лесничишка, молодчик с петушиным хвостом. Ты грязная свинья, слышишь? Свинь-я!

В приступе гнева Жан схватил табуретку, размахнулся и бросил в грудь Бруно.

— Сумасшедший, что ты делаешь!.. — закричал Бруно и выскочил в дверь, но острый угол табуретки попал ему в плечо, и молодой лесничий завопил от боли. Рассерженный и испуганный, он побежал по двору, потирая ушибленное плечо.

Смущенный Антон Пацеплис с удивлением смотрел на своих детей. Жан стоял рядом с Анной и вызывающе смотрел на отца.

— Послушай, отец, если ты этой бабе и дальше будешь потакать, то живи с ней один в Сурумах, — сказал он. — Мы с Анной уйдем. Ты всегда относился к нам не как отец, а как чужой человек. Мы больше не согласны так жить. Поступай, как знаешь, только запомни: Анну и меня ты бить не смеешь.

— Антон, ты ему долго позволишь лаять? — застонала Лавиза.

— Не вой... — смущенно буркнул Пацеплис. — Держи язык за зубами...

— Как? Что? — Лавиза широко раскрытыми глазами смотрела на мужа. — Ты их...

— Говорю тебе, — не вой! — голос Пацеплиса стал грозным. — Кто здесь хозяин и глава семьи — ты или я? Если я говорю — кончать эту перепалку, то все должны слушать... и ты, Лавиза, тоже.

После этой ссоры в семье Пацеплисов установилась длительная, как после бури, тишина, полная угроз и настороженности. Все вернулись к своим прежним делам, будто ничего не случилось, только исподтишка поглядывали друг на друга, наблюдая и выжидая. О том, что Анне надо уйти из комсомола, никто больше не заикался. Она все активнее участвовала в общественной работе и посвящала ей все свободное время. Бруно не появлялся в Сурумах до самой весны.

* * *

В начале сентября в Ургах появились представители землеустроительной комиссии, осмотрели землю и начали выделять десятигектарные участки для батраков и безземельных. Тауринь от злости слег и совсем не выходил, пока продолжались землеустроительные работы.

Смущенно наблюдал Айвар за этими событиями. После того как шестьдесят гектаров земли распределили новохозяевам, у Тауриня осталось приличное хозяйство — тридцать гектаров хорошо обработанной земли с лугами и новыми постройками. О разорении не могло быть и речи, поэтому Айвара удивляла лютая злоба приемного отца и удрученное состояние, уложившее его в постель. Если нельзя держать батраков и работниц и придется своими силами хозяйничать на этих тридцати гектарах, то все равно их будет слишком много — почти половина земли останется в перелоге.

В батрацкой избе усадьбы Урги теперь жило несколько семей новоселов; среди них были и прежние батраки Тауриня, но никому и в голову не приходило пахать хозяйские поля, ибо у каждого теперь была своя земля, которую следовало обработать.

Всю осень Айвар прожил почти в полном отрыве от остальной молодежи. В Стабулниеках ему делать было нечего, он не спешил искать новых друзей среди хозяйских сыновей и дочек, с которыми у него и раньше не было близких отношений. Из старых друзей Айвара здесь никто не жил: Инга Регут, который сейчас работал в соседнем уезде начальником отдела Наркомата внутренних дел, изредка навещал своего отца-новохозяина, но до сих пор Айвару никак не удавалось повидаться с ним; о Юрисе Эмкалне он знал только то, что тот недавно сдал экстерном выпускные экзамены за среднюю сельскохозяйственную школу и сейчас работает инструктором в одном из укомов партии. Пойти к ним или чем-нибудь напомнить о себе и попытаться возобновить старую дружбу мешало предубеждение Айвара: Инга и Юрис могли воспринять это как попытку использовать их. Все они — Инга, Юрис, Артур, Анна — жили новой, богатой содержанием жизнью, которая неслась, как рокочущая и пенящаяся в половодье река, и было в той жизни много благородного, захватывающего и насыщенного молодым

задором и дерзанием. Эти люди преобразовывали, создавали, не сомневаясь крушили старое, совместно с народом воздвигали прекрасное, могучее здание новой жизни. Они чувствовали себя членами великой братской семьи, и это сознание руководило их действиями. Все за одного, и один за всех! На первом месте — общие интересы.

И что-то неотвратимо влекло Айвара к ним. Ему хотелось быть там, где находилась Анна, делать то же, что делала она, делить с нею радости и горе. Когда с осенними полевыми работами было покончено и свободного времени стало больше, Айвар стал чаще посещать волостной народный дом, чтобы посмотреть кино или прослушать лекцию. Для него и то было счастьем, что он мог побыть несколько часов вблизи Анны, видеть ее милое лицо и изредка услышать ее голос. Каждый раз Айвар уносил домой какие-то новые впечатления, и они, понемногу накапливаясь в его сознании, постепенно становились убеждениями. Эти люди — товарищи и друзья Анны — не отталкивали его, не заставляли чувствовать себя чужаком в их среде, но Айвар понимал, что остаться с ними навсегда и стать их товарищем — дело не простое, надо прежде всего порвать старые связи, уйти из усадьбы Урги и от Тауриней, начать жизнь снова. Для такого шага он еще не созрел. Нужно было случиться чему-то огромному, что превратило бы старые ценности в труху, просветлило бы человека и заставило его решить: по какому пути ему идти?

Такой решительный момент, когда человек уже не может оставаться на распутье, для Айвара еще не наступил, но он был не за горами, это юноша чувствовал с каждым днем все яснее. Об этом заботилась и новая жизнь, разворачивавшаяся перед его глазами; об этом заботилась и правда этой новой жизни, голос которой ему приходилось слышать ежедневно; ближе к этой новой жизни подвигала его и Анна: день, когда Айвару хоть издали не удавалось увидеть Анну, он считал потерянным.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

В июле 1940 года прошли выборы в Народный сейм Латвии, и вскоре после этого состоялась первая сессия, где избранники народа единогласно приняли решение об установлении в Латвии советской власти и вступлении в Союз Советских Социалистических Республик. Ян Лидум тоже был избран депутатом Народного сейма и участвовал в историческом заседании, происходившем в помещении драматического театра. Зал, балкон, галерея и фойе были переполнены до отказа. Рядом с учеными и работниками искусства сидели простые рабочие и крестьяне. Вытягивая шеи и поблескивая моноклями и пенсне, сидели в ложах послы и атташе западных империалистических государств во главе со старейшиной дипломатического корпуса — папским нунцием. Долгие годы эти господа вдохновляли, подпирали и направляли сокрушенный сейчас реакционный режим. Еще недавно они чувствовали себя в этой стране бо́льшими хозяевами, нежели официальные представители власти, а о народе и говорить не приходится, у него еще с 1919 года была отнята всякая возможность хоть в какой-то степени влиять на судьбы своей страны. Сегодня дипломаты с мрачным любопытством на кислых лицах наблюдали за происходившим, сознавая, что это последний заключительный акт одной из кошмарных исторических драм, в которой им

долгое время принадлежали главные роли, и начало чего-то нового — великого и героического, где главным героем становится сам народ Латвии и где для них не будет даже самой ничтожной роли статистов.

«Сколько хотите смотрите, гиены и гадюки...— подумал Ян Лидум, бросив взгляд на правую сторону балкона. — Долго вы здесь грабили и науськивали, теперь хозяин страны возьмет метлу и выметет вас на свалку».

Так и произошло.

В притихшем зале торжественно, как клятва, звучали слова великого решения. Его зачитал один из депутатов. Единодушная воля всего народа была выполнена: от имени и по поручению его Народный сейм Латвии постановил обратиться к правительству СССР с просьбой принять Латвию в состав Союза Советских Социалистических Республик.

— Кто за это предложение, прошу поднять руки! — раздался взволнованный голос председателя Сейма — простого рабочего, который прошел сквозь долгие годы суровой борьбы в подполье, тюрьму и адские муки Калнциемских каменоломен. В зале поднялся лес рук, и несколькими мгновениями позже бурные аплодисменты приветствовали великое, неповторимое историческое событие. Жизнь народа Латвии вступала в новую солнечную полосу своей судьбы. Все встали. Люди улыбались, обнимались, целовались. У многих на глазах были слезы. Ян Лидум почувствовал, что и его щеки увлажнились горячими солоноватыми каплями, но он не стыдился этих слез. Его грудь распирали радостные чувства. Величие необъятной победы в первые мгновения даже нельзя было охватить разумом. Стоя посреди зала и вслушиваясь в бушующую вокруг него бурю оваций, Ян Лидум чувствовал гордость и большое счастье.

Это был величайший день и в жизни народа Латвии и в жизни Лидума. Он ощущал это всем своим существом. «Петер Лидум, услышь в своей далекой могиле: мы победили, вместе с нами — ты! Мечта поколений претворилась в явь. Пот и кровь, муки и смерть героев, сиротские слезы и вздохи стариков — все, все искупил этот священный час!»

Внезапно, само собою — Ян Лидум не мог поступить иначе — из его груди вырвался возглас:

— Да здравствует товарищ Сталин! — и на какое-то

мгновение этот возглас перекрыл гул аплодисментов, чтобы через несколько секунд перейти в бурю оваций.

И стало вдруг так, будто все находившиеся в этом помещении почувствовали присутствие великого вождя человечества. Им казалось, что он стоит здесь же, среди них, во всем своем простом величии и мудрым взором смотрит с отеческой лаской и любовью. Снова и снова раздавалось его имя в зале, вызывая новые порывы ликований, в которых бушевала благодарность и любовь освобожденного народа.

Когда Ян Лидум немного погодя еще раз взглянул на правую сторону балкона, дипломатические ложи были пусты. Папский нунций ушел вместе с послами, секретарями и атташе западных государств, чтобы больше никогда не возвращаться обратно, никто даже и не заметил их ухода, схожего с бегством разбитого войска с поля боя.

— Очень хорошо, что они убрались, — сказал Лидум своему соседу, министру народного правительства, с которым он просидел несколько лет в одной камере Рижской Центральной тюрьмы. — Здесь им больше нечего делать. Пусть упаковывают чемоданы да убираются восвояси.

Весть о решении Народного сейма на крыльях ветра облетела всю Ригу и Латвию. Улицы столицы заполнялись народом. С Задвинья, со всех пригородов к центру города потекли реки шествий. Началась грандиозная демонстрация, какую со дня своего основания еще не видела седая Рига. В лучах июльского солнца пламенели красные знамена; плакаты, лозунги в медленно-торжественном ритме покачивались над людским морем; трудовой люд в мозолистых руках нес неисчислимое количество портретов товарища Сталина и его верных соратников.

После заседания Народного сейма Ян Лидум присоединился к демонстрантам и еще раз отпраздновал великий всенародный праздник.

Советская Латвия!

Сотни тысяч людей повторяли эти слова с радостным трепетом и изумлением. Окончилась черная кошмарная ночь, и перед глазами миллионов предстала озаренная солнцем необъятная родина — с лесами, полями и нивами, реками, холмами, селами и городами, где дымили заводские трубы, кипела работа, и теперь все это, создан-

ное и накопленное поколениями, вновь принадлежит народу, на веки вечные!

Советская Латвия!

Как хмельной, шел Ян Лидум по улицам Риги и грезил наяву. То, что получил сегодня народ, было не подарком, а победой, обретенной в тяжелых боях. Сердце Яна наполнила гордость, когда он подумал, что и он помог выковать эту свободу. Поэтому она была ему особенно дорога, и сейчас, средь праздничного шума, Ян Лидум уже думал о своей работе, которая ждала его. Много больших и малых забот было у него: надо закрепить добытую победу, удержать при любых условиях и умножить во много крат добытое наследство, — только тогда будет достигнуто то, о чем мечтали и за что боролись многие поколения людей.

2

Приехав из Риги домой, Ян Лидум собрал уездный актив и ознакомил товарищей с указаниями ЦК партии — необходимо было незамедлительно создать на местах новые органы советской власти и в самом ближайшем будущем провести земельную реформу. Так же как месяц тому назад, когда Лидум впервые появился в этом уезде, труднее всего было с кадрами. Конечно, несколько недель были слишком маленьким сроком для того, чтобы установить степень пригодности каждого человека к ответственной работе, но все же и это короткое время было достаточным для того, чтобы не совершить грубой ошибки при выдвижении молодых активистов членами землеустроительных комиссий. Нужны были честные и преданные делу народа люди. Не всякий из тех, кто на собраниях умел обратить на себя внимание звонким голосом и энергичным выступлением, оказывался на работе столь же энергичным и способным: кое-кто из них, попав на должность волостного старшины, пытался ходить по проторенным тропкам своих предшественников и в первую голову заботился о собственном благополучии или начинал сводить счеты со своими личными недругами; случалось и так, что в период первой спешки к руководству волостной жизнью пробирался замаскировавшийся враг или подкулачник и всеми силами старался тормозить

дело и извратить каждое начинание, а тем са́мым подорвать авторитет народной власти.

— Надо прислушиваться к голосу народных масс, — поучал Лидум своих ближайших товарищей. — Народные массы — вернейший советчик, бдительный страж нашего общего дела.

Сам он не пропускал ни одного случая поговорить с рабочими и крестьянами, чтобы знать их настроения и желания. Это помогало ему всегда быть в курсе всего, что занимало помыслы народа, и он мог во-время вмешаться, выправить уже совершенные и предотвратить готовящиеся ошибки. Сплетников и подхалимов он не переносил; если кому-нибудь из них удавалось добраться до него, он выслушивал их, а потом говорил прямо в глаза, как он расценивает такие «услуги», и был при этом так резок, что скоро отвадил от себя подобных людей.

Хотя Ян Лидум и проработал в уезде только несколько недель, но уже знал почти все слабые места, успел снять с работы некоторых болтунов и прогнать замаскировавшихся врагов, а вместо них выдвинуть на ответственную работу немало светлых голов.

— Надо добиться такого положения, чтобы у нас в каждой волости, на каждом предприятии, в каждом учреждении было хотя бы по одному человеку, в которых мы могли быть полностью уверенными, зная, что эти люди нас не обманывают и ничего не скрывают, как бы горька ни была правда. Замалчивание даже самой мелочи, хотя бы и ничтожной ошибки есть обман. Такому человеку мы не можем поверить в большом деле. Честным и бесхитростным должен быть каждый из нас перед партией и народом.

Сам он старался быть таким во всем, поэтому неудивительно, что авторитет его в уезде возрастал с каждым днем, не говоря об активе, для которого каждое слово и указание Яна Лидума было неписаным законом.

Как только был опубликован закон о земельной реформе, во всех волостях учредили землеустроительные комиссии. Сейчас Лидум большую часть своего времени проводил в поездках по уезду: проверял работу комиссий, исправлял допущенные ошибки, если они имелись, и подгонял нерадивых.

Классовый враг, кулак, извивался гадюкой, стараясь ужалить и одновременно ускользнуть целым и невреди-

мым. На какие только хитрости он не пускался: жены фиктивно разводились с мужьями, сыновья и дочери выделялись из общего хозяйства и требовали для себя десятигектарный участок безземельного; старого батрака хозяин чуть ли не силком заставлял взять на свое имя изрядный участок усадебной земли, еще и скот и сельскохозяйственный инвентарь давал в придачу. Все это, конечно, делалось для обмана легковерных, так как урожай с батрацкого участка ссыпался в хозяйские закрома, а удой молока от «батрацких» коров сливался, как и раньше, в большой кулацкий бидон.

— Так не пойдет, почтенный... — иронически высмеивал Ян Лидум какого-то крупного кулака, уличенного в такой проделке. — Деньги или мешок с хлебом, может быть, и удастся утаить, — да и это плохо, — но если думаете такой же номер выкинуть с землей, то это уж никак не пройдет. Можете совершенно спокойно разобрать перегородки, возведенные в вашем доме; за ними не скроете обманный раздел вашей семьи.

Как-то утром, когда Лидум после нескольких дней отсутствия вернулся в город, к нему в партийный комитет явился нежданный, давно невиданный гость — старый Лавер из Айзупской волости. Прошло почти двадцать лет, как Ян в последний раз видел этого низкорослого круглого человечка, поэтому вначале он его даже не узнал, но когда старикашка стал сыпать словами, как горохом, в памяти Лидума всплыла батрацкая хибарка, дальние леса и поля, где он несколько лет тянул тяжелую лямку батрака.

— Я к вам с важным делом и очень большой просьбой, — зачастил Лавер. — Никто, кроме вас, не сможет мне помочь, товарищ Лидум. — Не дождавшись ответа, он продолжал плаксиво, но сердито: — Меня разоряют! Лавери — вы, наверно, помните, что это за усадьба — хотят разбить на семь частей и на моих полях и нивах голытьба еще до осени собирается построить свои лачуги! Скоро дойдет до того, что я не смогу выбраться из своего дома, придется спрашивать разрешения у чужих людей, чтобы разрешили старому Лаверу с его белой кобылой проехать мимо их порогов. Так намерили, так поделили, прямо курам на смех. Разве не могли им отмерить где-нибудь в одном месте — вдоль опушки леса, там, где пастбища? Почему надо обязательно отнять у меня кусок

моих обработанных полей? Молодые люди, пусть годочек-другой потрудятся над кочками и пнями, как я когда-то трудился.

— Что вам нужно? — спросил наконец Ян Лидум.

— Ну то, о чем я говорил, — удивился Лавер. — Пусть дают им землю у леса, а мои тридцать гектаров оставят в одном куске возле дома. Тогда мы один другого и беспокоить не будем.

— Почему вы обращаетесь ко мне? — удивился Ян. — Айзупская волость находится не в нашем уезде. Вам надо обратиться к товарищу Карклиню...

— Я уже обращался, но разве с этим человеком сговоришься? Раздел должен быть справедливым, так мне он сказал. Вот тебе и справедливость! Вы, товарищ Лидум, сами являетесь старым жильцом нашей усадьбы... все знаете. Будьте так милосердны, позвоните этому Карклиню в наш уезд, заступитесь за меня. Я не прошу даром... я никогда не оставался в долгу перед теми, кто мне делал добро. Деньгами или натурой — как вам удобнее — мне все равно.

— Так же, как вам было все равно, когда меня в вашем присутствии и с вашей помощью арестовали! — встав со стула, глухо сказал Лидум. — Так же, как вам было все равно, когда вы выгнали из дому в осеннюю непогоду мою жену и ребенка, которых мне после этого никогда не суждено было видеть! Вы — матерый волк, хищник, торговец — вон! Справедливость не покупают! Мы приветствуем ее существование и не променяем ее ни на какие деньги и прочие блага мира. Всем своим лаверским богатством вы не можете купить даже крупицы ее.

Отделавшись от наглого старика, Лидум глубоко задумался. Вскрылась и опять закровоточила старая рана.

«Айвар! — мысленно звал он. — Где ты? Почему не придешь ко мне, если я не могу отыскать тебя? Неужели ты больше не помнишь меня... и я не существую в твоем сознании?»

Далеко за полночь проработал Лидум в своем кабинете и там же заснул на диване, ибо до сих пор он еще не позаботился о квартире. Хотя и давно собирался исправить он эту свою оплошность, но каждый день случалось что-нибудь поважнее, чем поиски квартиры, и снова этот вопрос откладывался.

3

Историческое решение Верховного Совета СССР о принятии Литвы, Латвии и Эстонии в состав Союза Советских Социалистических Республик состоялось 5 августа. Когда Верховный Совет СССР обсуждал этот вопрос, Ян Лидум вместе с работниками укома и уисполкома собрались в зале заседания и, затаив дыхание, слушали радиопередачу из Кремлевского дворца. И когда сессия приняла решение и маленькая Латвия в один день стала составной частью могущественнейшей великой державы, Яну Лидуму казалось, что и он с этого момента стал сильнее. Думы о родине теперь устремлялись через горные гряды, бесконечные степи, тайгу и моря — от полуночного солнца Заполярья и Берингова пролива, где встречаются два континента, до солнечных долин Грузии и сказочных высот Памира на юге.

Родина! Какой простор, какая беспредельность связывались сейчас с этим понятием! Какая свобода для самых смелых мечтаний, осуществить которые по силам человеку этой страны.

— У нас теперь одна дорога вместе со всеми советскими народами! — говорил Лидум на митинге после окончания радиопередачи из Москвы. — Все сообща пойдем к одному будущему. Кончились времена, когда чужестранец мог топать ногой по нашей и наших предков земле и приказывать нам, как своим слугам! Кончилось время зависимости и унижения: кто сегодня захочет поговорить с нами, должен учесть, что имеет дело не с двумя, а с двумя стами миллионов людей, а еще до разговора ему придется снять шляпу и вынуть руки из карманов. Но, дорогие друзья, то, что мы от всего сердца радуемся великому счастью, обретенному нашим народом, этого еще недостаточно, — нам надо оправдать это счастье и доказать своими делами всему советскому народу, что мы достойны его.

Получасом позже из соседнего уезда позвонил Карклинь: у того тоже сердце переполнилось чувствами, и надо было поделиться со старым товарищем. Вечером к Яну Лидуму приехал гость, доставивший и огромную радость и большие заботы. То была Ильза.

— Чудесно, что ты приехала! — приветствовал он сестру. — Ты как будто знала, что именно сегодня я нуж-

даюсь в человеке, перед которым можно излить душу. Ты ведь знаешь, Ильза, что за день сегодня?

— Знаю, Ян... — ответила Ильза. — Теперь свершилось все, за что тридцать четыре года назад отдал свою жизнь наш отец — Петер Лидум.

— Да, пятое августа... — прошептал Ян, потрясенный этим воспоминанием. — Об этом... я не подумал, а ты... вспомнила. Прости. Теперь я понимаю, что значит этот день для нас обоих.

— Надо было бы съездить к отцу, отвезти цветы на могилу, — продолжала Ильза. — Ограду тоже надо сделать, чтобы чужие ноги не топтали могилку. Я там была на прошлой неделе. Рядом растет старая красивая сосна, можно было бы прикрепить скворечницу, весной защебетали бы птицы... Отец так любил птиц...

— Больше всего в жизни он любил людей, — добавил Ян. — Ему не жаль было отдать свою жизнь за их счастье. Съездим, сестрица, обязательно съездим. Завтра мне как раз надо быть в той стороне: в бывшем центре имения, где отец перед смертью работал батраком, теперь хотят организовать первое советское хозяйство нашего уезда — от меня требуют заключения по этому вопросу.

В тот вечер они долго просидели в кабинете Яна, вспоминая свое детство и юность, рассказывая друг другу свои планы. Ильза была теперь заведующей уездным отделом социального обеспечения, в этой новой работе она нашла то содержание, которое больше всего отвечало ее характеру. Испытавшая на своих плечах тяжелое бремя жизни, она сейчас всю теплоту своего сердца отдавала горемыкам — инвалидам труда, оставшимся без кормильцев старикам и сиротам. Она уже успела поднять вопрос о создании детского дома в одном имении.

— Там большой, правда несколько запущенный, парк, озеро возле самого дома, вблизи сосновый бор... — рассказывала Ильза. — Можно устроить настоящий маленький рай. Если мне удастся это осуществить, я согласна уехать из города и работать в детском доме.

— А с Карклинем ты уже говорила об этом? — поинтересовался Ян.

— Он меня всячески поддерживает, — ответила Ильза. — Из него вышел очень дельный первый секретарь. Простой рабочий, такой же, как мы с тобой, долгие годы

проработавший на лесопилке носчиком дров, а любой сложный вопрос решает отлично. Только вот в детский дом ни за что не хочет отпускать меня.

— И правильно делает, — улыбнулся Ян. — Если тебе по плечу заботы о несчастных всего уезда, то с какой стати сужать их до масштабов одного учреждения.

— Говоришь — по плечу... Если бы Карклинь и Артур не помогали, не знаю, как бы справилась.

— Но ведь это их обязанность. Сейчас они помогают тебе, а когда ты освоишь свой участок работы, то, в свою очередь, будешь помогать им. Так мы все, Ильзит, делаем. Потому что мы — коммунисты.

На дворе уже давно стемнело, когда Ян, наконец, вспомнил, что еще не ужинал и ничем не угостил сестру. Вот тогда-то и начались заботы и огорчения.

— Какое твое хозяйство? — поинтересовалась Ильза, когда брат заговорил об ужине. — Где ты живешь?

— Так вот и живу... — пробормотал Ян, окинув взором кабинет.

— Как? — не поняла Ильза.

— Ну так, как видишь...

Ильза удивленно взглянула на брата.

— Ведь ты не хочешь сказать, что у тебя... что ты...

Он даже немного покраснел от смущения.

— Так оно и есть, сестричка... — неловко улыбнулся он. — Не умею жить. Самому стыдно, Ильзит, но так оно выходит.

Неизвестно, как бы он выпутался из создавшегося положения, если б в этот момент не позвонил к нему начальник уездного отдела Наркомата внутренних дел Регут.

— Товарищ Лидум, мне только что сказали, что у тебя гость. Подумал ли ты о ночлеге? На постоялый двор ведь не поведешь — там полно, как сельдей в бочке.

— Может... здесь же, товарищ Регут... — сказал Ян. — Мы ведь люди простые.

— Знаешь что, товарищ Лидум, — возразил Индрикис. — Моя сестра приготовила ужин и велит передать, что будет до глубины души обижена, если вы оба через четверть часа не будете сидеть у нас за столом. Ждем, товарищ секретарь...

Все кончилось тем, что Ян и Ильза в тот вечер поужинали вместе с Индрикисом и его сестрой Айной, которая

временно вела маленькое хозяйство брата. Там же, у Регутов, Ильзе приготовили постель на диване. А Ян, как обычно, ночевал у себя в кабинете.

Когда он ушел, Ильза обратилась к Индрикису с просьбой:

— Возьмите, товарищ Регут, это дело в свои руки. Так ведь он совсем измотается. Если у него самого нет времени и охоты подумать об этом, подумайте вы.

— Уже думали, товарищ Лидум, — ответил Индрикис. — И нашли для него квартиру рядом с укомом. Через несколько дней там закончат ремонт, но мы не знаем, как на это посмотрит товарищ Лидум. Две солнечные комнаты с кухней во втором этаже...

— Утром покажите мне. Я сама отведу его туда и устрою все остальное.

На следующее утро, сразу после завтрака, пока Ян Лидум просматривал почту и распределял задания своим помощникам, Ильза вместе с Индрикисом Регутом осмотрела квартиру, которая сразу же понравилась ей. Для начала самую необходимую мебель надо было приобрести в магазинах, позже можно будет кое-что заказать и в местных мастерских. Индрикис, не имевший в этих делах никакого опыта, обещал сообща с сестрой довести дело до конца.

Когда Яну стало известно об этом, он без всяких возражений принял это предложение.

— Позор... — признался он. — Как малое дитя, заставил я заботиться о себе других. Будто сам был без рук и головы. Впредь будет наука: теперь буду знать, что и о таких делах надо думать. О какой культуре быта может говорить человек, который сам некультурен в личной жизни?

Справившись с самыми неотложными делами, Ян Лидум вызвал машину и вместе с Ильзой уехал в те места, где когда-то прошли их детство и юность.

4

Старый центр имения с каменными хозяйственными постройками и большими массивами полей и лугов был точно создан для организации совхоза. Во времена Ульманиса здесь хозяйничал какой-то отставной генерал, ка-

валер двух орденов Лачплесиса; прошлой зимой, когда балтийские немцы уезжали в свой «фатерланд», сей муж, вдруг найдя в своих жилах несколько капель немецкой крови, признал за лучшее репатриироваться. Для настоящего животноводческого совхоза — а эта отрасль казалась в местных условиях самой подходящей — земли было маловато, но можно было предвидеть, что с окончанием земельной реформы в окрестности еще найдется несколько сот гектаров свободной земли, поэтому Ян Лидум, ознакомившись со всем на месте, поддержал предложение об организации совхоза.

Посетив с Ильзой могилу отца и договорившись с кладбищенским сторожем о возведении невысокой кирпичной ограды вокруг могилы Петера Лидума, они решили на обратном пути завернуть в соседний уезд и зайти в волостное правление, где когда-то делопроизводителем работал Друкис: если б этого человека удалось встретить, то у него несомненно язык оказался бы более разговорчивым, чем тогда, когда бывший арестант Лидум предъявлял свои права.

— Может, он сейчас вспомнит, куда они спрятали Айвара, — рассуждал Ян. — Только б попался мне в руки Друкис, на сей раз он бы не отвертелся. Ах, Ильзит, если б моя мечта исполнилась, в нашей семье прибавился бы еще один любимый человек.

Чтобы попасть в нужную волость, им надо было проехать лишних пятьдесят километров, но Ян был бы согласен проехать все пятьдесят тысяч, лишь бы найти утерянного сына.

Но так не случилось...

Ранним утром 22 июня делопроизводитель Друкис, оставив волостное управление на произвол судьбы, исчез, взяв с собой, а может быть предварительно уничтожив, многие документы и служебные бумаги. Собака, видимо, знала, чье мясо съела, поэтому постаралась исчезнуть; не только из-за Айвара и Лидума пришлось Друкису спрятаться в подполье: на служебном пути агента охранки и гитлеровского шпиона это была лишь одна сравнительно небольшая сделка. Но все это Ян узнал позже, когда Индрикис Регут рассказал ему, за какие преступления органы государственной безопасности разыскивают Друкиса.

— Не теряй надежды, — успокаивала его Ильза. —

Может, Айвар еще найдется и без помощи Друкиса. Чего в жизни не случается.

— Надежд терять не буду, Ильзит... — ответил Ян. — Но ужасно тяжело жить в таком неведении, невыразимо тяжело... Когда я думаю, что мой мальчик, может быть, живет где-нибудь здесь же рядом, рукой подать, а я, как слепец, десятки раз прохожу мимо него и не узнаю, такая мысль невыносима. Намного легче знать, что близкий человек умер, нежели быть в таком неведении.

Ян сначала отвез Ильзу домой, поговорил немного с Артуром и Карклинем, затем уехал к себе. Уже начинался рассвет, когда Лидум достиг города; он уже не ложился спать, а просидел, размышляя о своей жизни и работе, до начала рабочего дня. Утром первый секретарь укома вел заседание, будто в его жизни все было в порядке и никакие заботы не омрачали ее.

...Большинство крестьян, получивших в ту осень земельные наделы, успели вспахать и засеять озимые, а кто землю получил позже, тому землеустроительная комиссия старалась выделить хотя бы по гектару от поля, засеянного кулаком, — иначе при первых же шагах новохозяину, бывшему батраку, пришлось бы снова впрягаться в старое ярмо и наниматься к кулаку. Зимой новохозяева спешили с заготовкой строительного материала, чтобы до будущей осени построить хоть временное жилье и начать самостоятельную жизнь на «своем клочке земли, в своем уголке».

Об этом «своем клочке и своем уголке», которые все еще оставались мечтой огромной массы бывших батраков и безземельных крестьян, Яну Лидуму не раз приходилось слышать всякие скептические вопросы от активистов и членов партии.

— Стоит ли и создавать сотню тысяч карликовых хозяйств, которые все равно никогда не будут товарными: это будут чисто потребительские хозяйства, работающие только на самих себя, — заметил как-то Индрикис Регут. — Разве это не шаг назад к малому и распыленному? Не для того ведь устанавливали советскую власть, чтоб Латвию превратить в «мелкоусадебный рай»,— наша цель совсем иная — колхозы! Разве мы свою жизнь на селе хотим направить по другому руслу и обойтись без колхозов? Что ж это будет за советская республика, если здесь все будет иначе, чем в братских республиках? На

каждом шагу особенности да исключения из общего правила.

— Революции не делаются распоряжениями или декретами сверху, — ответил Ян Лидум. — Когда в Латвии свергли фашистский режим и установили советскую власть, — это была революция, совершенная в несколько дней, но сколько лет понадобилось, пока народные массы, рабочий класс созрели для этого переворота, пока население нашей страны в своем подавляющем большинстве не захотело больше жить по-старому и безотлагательно пожелало перестроить все до самого основания?

— Так зачем же останавливаться на полпути и не перестроить сельскую жизнь до основания? Разве потом легче будет это сделать? — продолжал сомневаться Индрикис Регут.

— Это должны сделать сами крестьяне, и когда придет время, они это сделают,— ответил Ян Лидум. — Надо добиться, чтоб они поняли необходимость коллективизации и сами захотели объединиться. Как я уже сказал, приказами и декретами этого не сделать. Голова латышского крестьянина еще набита всякими предрассудками, он все время слышал всякие небылицы про колхозную жизнь, по правде говоря, у него даже нет ни малейшего представления о том, что собой представляет колхоз в действительности. Как же вы можете от него требовать, чтобы он уже сегодня хотел того, о чем не имеет никакого понятия? А захотеть он должен сам, мы за него желать не можем, — вот как обстоит с этим делом. Помочь, разъяснить непонятное и показать правду — это мы можем и должны начать делать, но приказать, чтобы крестьянин совершил революцию на селе, не понимая ее смысла и не желая совершать ее, абсолютно невозможно.

— И поэтому надо делать эксперимент со «своим уголком, своим клочком земли»?

— Если бы мне пришлось стать таким новохозяином с десятью гектарами земли, я, понятно, на это не пошел бы, — ответил Ян Лидум. — Я бы подождал, пока созреют условия для организации колхоза. Но попытайся на минуту стать тем алчущим земли безземельным и представь себе, как бы он чувствовал себя, если не получил бы земли из рук советской власти. Он так сильно тосковал по этому «своему уголку, по своему клочку земли», мечтал о нем всю свою горемычную жизнь, над-

рываясь на чужой земле... — и вдруг остался бы с пустыми руками! Да мы этим оставили бы его во власти кулака, он был бы недоволен советской властью, а кулак смеялся бы себе в бороду и был доволен нами: «Молодцы большевики, меня не тронули, даже батраков мне предоставили». Теперь кулак нас не восхваляет, сейчас он обозлен, ругается, и это хорошо, так как нам его похвал не надо. А труженики полей сейчас благодарят советскую власть и вместе с нами борются с кулаками. Исполняется закон классовой борьбы, — претворяется в жизнь то, чему нас учил Ленин и продолжает сегодня учить товарищ Сталин. Ну, а об этом «своем уголке, своем клочке земли» не стоит много печалиться. Это мечта поколений латышского батрака и безземельного; он хочет почувствовать, подержать в своих руках свою землю, обласкать ее, как родное дитя, — надо дать ему это сделать, иначе он всегда будет возвращаться к этой, до конца не осуществленной мечте. Вот подождите, когда эти мечты исполнятся, он достигнутым не удовлетворится, у него появится новая, еще большая мечта — мечта о колхозе. Долго этого ждать не придется — попомните мои слова — или я совсем не знаю трудового латышского крестьянина.

— Ты все же, наверно, прав, — согласился наконец Индрикис.

Предвидение Яна Лидума исполнилось: уже весной 1941 года часть новохозяев начала поговаривать о совместной обработке земли, то тут, то там стали раздаваться голоса об организации колхозов, и если это не осуществилось, то только потому, что стояла горячая пора весеннего сева. А вскоре после этого в мире начались события, которые прервали на время строительство новой жизни в Советской Латвии и разрушили многое из того нового, что рабочий и крестьянин Латвии успели создать в своей стране.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Не для всех людей Латвии время проходило одинаково. Для советских людей — рабочих, трудовых крестьян, активных строителей новой жизни — первый год свободы пронесся, как на крыльях; так много надо было успеть создать, творить и строить, что в неделе не хватало дней, а целый год походил на единый глубокий вдох свежего живительного воздуха. Справедливость шагала твердой смелой поступью по своему прямому пути, истребляя одно за другим гнезда вековой несправедливости.

О нуждах молодой советской республики повседневно заботились Центральный Комитет партии и советское правительство. Все братские советские народы, во главе с великим русским народом, бескорыстно помогали латышскому народу на каждом шагу, и не было ничего удивительного в том, что вся жизнь Советской Латвии так быстро продвигалась вперед — навстречу могучему расцвету.

Но очень медленно тянулось время для вчерашних властителей жизни! Выставленные со своих фабрик, из больших магазинов и многоэтажных домов, они издали смотрели на победное шествие новой жизни, и злоба сжимала их сердца. Они, принюхиваясь, внимательно следили за международными событиями. Вторжение гитле-

ровских орд в Польшу и Францию наполняло их надеждами — должно же что-нибудь и здесь произойти, — они ждали возможности вернуть потерянное. С запада они получали советы и поощрения, агенты Гитлера доставляли инструкции загнанным в подземелье темным силам. Тауринь встречался со Стабулниеком, бывшие айзсарги в укромных местах собирались на совещания, и пока народ работал, закладывая фундамент новой жизни, горсточка его врагов точила ножи и составляла черные списки.

Однажды в первой половине июня в Ургах появился необычный гость — Бруно Пацеплис. Тауринь почти час беседовал с молодым лесничим с глазу на глаз, а потом велел жене потихоньку уложить белье и продукты в большой вещевой мешок. Ночью, когда новохозяева в людской избе уже спали, Рейнис Тауринь облачился в мундир айзсаргов, надел прочные охотничьи сапоги, достал из тайника винтовку, револьвер и, спрятав их под дождевик, позвал к себе жену.

— Я ухожу, — сообщил он. — Мне надо скрыться на некоторое время, иначе может получиться, что я не сумею выбраться из собственной усадьбы. В НКВД проведали о моих связях с подпольем. Если меня будут искать, скажи, что уехал по хозяйственным делам в Ригу и неизвестно, когда вернусь. Веди себя так, будто ничего не случилось. Тебя они навряд ли тронут.

— Ты долго будешь отсутствовать? — спросила Эрна.

— Сколько понадобится, — ответил Тауринь. — Когда увидишь, что я вернулся, знай: пришел наш день и можно поднять на шесте красно-бело-красный флаг.

Он поцеловал в щеку Эрну, вылез через окно в сад и направился в сторону Аурского бора.

Теперь по утрам Айвар один чистил хлев, выгоняя в загон коров, помогал матери подоить их. В Ургах в этом году не было ни батраков, ни батрачек. Внешне жизнь шла по-старому: люди работали на полях, на лугах поспевала первая трава, но порой в эту мирную жизнь врывалось что-то тревожное. Кулаки снова подымали головы, более нетерпеливые айзсарги начинали грозить новохозяевам скорой расплатой, а старый Рейнхарт с церковной кафедры лепетал что-то о божьих жерновах, которые мелют медленно, но зато хорошо.

Все эти тайные перешептывания, угрожающее шипение

и жажда расплаты казались Айвару только бредом разгоряченного мозга. Его пленяло погожее лето, солнечные июньские дни и пение птиц. Не взволновало его и то, что в середине июня выслали некоторых старших и более активных айзсаргских командиров. Там, внизу, на краю Змеиного болота, жила девушка, которая для Айвара значила больше, чем все на свете. Сознание, что она существует, делало содержательной всю его жизнь. В бессонные ночи он предавался думам об Анне. Если случится то, на что надеялись Тауринь и ему подобные, Анне будет угрожать опасность: злые, изголодавшиеся по мести люди попытаются ее уничтожить или по крайней мере унизить. И тогда Айвар станет ее другом и защитником: днем и ночью он будет охранять Анну, во-время предупредит ее, спрячет, а если понадобится, защитит в открытом бою, не щадя своей жизни.

Больше всего боялся Айвар, чтобы какой-нибудь негодяй исподтишка, как злой пес, не напал на Анну — это могло произойти с таким же успехом как позже, так и сейчас, ибо у смелой девушки, вступившей против воли родителей в комсомол, ненавистников в округе хватало. Это опасение все больше укореняло неприязнь Айвара к Тауриню и его единомышленникам. Они угрожали его собственному, еще не состоявшемуся счастью, его прекрасной и чистой мечте, ибо все, что было обращено против Анны, обращалось и против него.

* * *

Война началась внезапно.

В ночь на 22 июня на большаке, пролегавшем через Пурвайскую волость, в четырех местах были перерезаны провода телефонных линий; некоторые уезды на несколько часов потеряли связь с Ригой. Под вечер того же дня застрелили направляющегося на дежурство милиционера. Следующей ночью вооруженная банда обстреляла в лесу грузовик с красноармейцами и ранила двух бойцов.

Под утро в окно комнаты Айвара тихо постучали. Айвар поднялся и открыл окно. У окна стоял Бруно Пацеплис.

— Одевайтесь и пойдемте со мной, — сказал он шепотом.

— Куда? — спросил Айвар.

— В лес, к нашим... — тихо ответил Бруно. — Вам придется командовать одной группой и наблюдать за дорогой, идущей через Аурский бор к северу. Ни один красный не должен уйти по этой дороге, вы будете отвечать за это. Поторопитесь, скоро начнет светать.

— Я никуда не могу уйти, — сказал Айвар. — Кто же присмотрит за домом? Пока отец не вернется, я должен оставаться в Ургах.

— Вы с ума сошли! — рассердился Бруно. — Ведь то, что я вам передал, — приказание вашего отца.

— Я ничего не знаю,— Айвар пожал плечами. — Я не могу поверить каждому случайному человеку, который прибежит ко мне ночью.

— Значит, не пойдете?

— Ни в коем случае.

— Смотрите, как бы вам не пришлось об этом пожалеть, — пригрозил Бруно.

— Разрешите мне самому судить об этом, — отпарировал Айвар и захлопнул окно.

Потоптавшись на месте, Бруно в сердцах сплюнул и исчез в предутреннем полумраке. Когда он скрылся, Айвар оделся, раскрыл окно и выскочил в сад. По межам полей он направился к болоту. Недалеко от Сурумов Айвар присел в кустарнике на пригорке и стал дожидаться утра, не спуская глаз со старой избы, тихого двора и покосившегося хлева. Примерно через час там, внизу, скрипнула дверь. Немного погодя на дворе показалась стройная фигурка с подойником в руках. У Айвара сильно забилось сердце.

— Анна... — шептал он. — Ты жива и здорова... Привет тебе, мое солнышко...

Он видел, как девушка дошла до коровника, как отмахнулась от весело прыгавшей вокруг нее собаки, как, наконец, исчезла в старом хлеву, откуда уже неслось тихое мычанье коров. Тогда он поднялся и, радостно вздохнув, медленно зашагал в Урги.

2

Как не могло остаться без отпора предательское нападение врага на советскую землю, точно так же не могли остаться безнаказанными вылазки тыловых бандитов.

По заданию уездного комитета партии Артур Лидум создал несколько вооруженных групп истребителей и сам возглавил одну из них. В его распоряжении было два грузовика и несколько мотоциклов. Вскоре по всему уезду разнеслась слава про истребителей группы Лидума. Они всегда во-время появлялись там, где больше всего были нужны. Стоило только врагу в каком-нибудь темном уголке поднять голову, как через час-другой бесстрашная группа бойцов появлялась там, сваливалась как снег на голову и уничтожала осиные гнезда предателей и диверсантов. Сам народ помогал истребителям находить и опережать врага, наводил их на след бандитов и сообщал о каждом подозрительном случае в округе.

В течение недели Артур со своим отрядом провел несколько удачных операций. Огневое крещение они приняли в открытом бою с десантной группой, которую удалось окружить в Айзупском лесу. После нескольких часов боя вся группа была полностью уничтожена. Оружие, отнятое у гитлеровцев, Артур распределил между своими бойцами, а часть отдал айзупским активистам, чтобы они могли бороться с врагами, если те высунут голову.

Двумя днями позже Артур обнаружил бандитскую базу в Аурском бору и разгромил ее, а над захваченными бандитами учинил быстрый и грозный суд.

В небольшом перелеске, который вклинился меж двух большаков, ранним утром, еще до первых петухов, истребители Артура Лидума застигли врасплох какого-то шпиона. Сидя в хорошо замаскированном убежище, он наблюдал за движением войск по обеим дорогам и доносил об этом гитлеровцам при помощи портативного передатчика. Когда истребители предложили ему сдаться, шпион метнул — одну за другой — две ручные гранаты и пытался прорвать окружение, но успел пробежать всего несколько шагов, так как пуля, посланная Артуром Лидумом, утихомирила врага навсегда. Просматривая вещи диверсанта, обнаружили старый латвийский паспорт на имя Арнольда Друкиса, и один из истребителей признал в убитом шпионе бывшего делопроизводителя его родной волости, который в июне 1940 года пропал без вести.

Узнав об этом, Артур с особым интересом посмотрел на уничтоженного врага: так вот он каков, тот, кого Ян Лидум искал с первых дней установления советской вла-

сти в Латвии... верный слуга и наемник темных, враждебных народу сил. Сжав тонкие губы, он лежал теперь перед Артуром, унеся с собой в могилу трагическую тайну, разгадку которой Ян Лидум надеялся найти именно у него.

— Жаль, что так скоро пристрелили этого пса... — сказал Артур. — Живым он мог бы мне пригодиться.

— В чем? — спросил парень, опознавший Друкиса. — Это была такая гадина!.. Теперь он получил по заслугам.

— Он знал кое-что, что мне надо было узнать, — пояснил Артур. — Сейчас ничем уже не поможешь.

Взяв вещи Друкиса и передатчик, отряд Артура вернулся к машинам, спрятанным в лесу, и уехал. Они не проехали и десяти километров, как их обогнал мотоциклист и просигналил остановиться. Это был один из истребителей группы Артура, направленный утром в город с донесением.

— Товарищ Лидум, вам без промедления надо явиться в уком партии, — сообщил связной. — Приехал товарищ из Риги. Он хочет говорить лично с вами. Вот письмо.

Артур вскрыл конверт. На листе бумаги было всего несколько слов: «Немедленно со всеми людьми вернитесь в город получить новое важное задание. Поспешите!»

— Ну ладно, спешить так спешить... — сказал Артур. Он приказал повернуть машины, и они на предельной скорости поехали в город.

Было начало июля.

3

Когда немецкие военные самолеты появились над Змеиным болотом и начали бомбить большак, жители Пурвайской волости поняли, что на этот раз дыхание войны их заденет, хотя округ и находился в стороне от главных дорог, по которым двигались войска в первую мировую войну.

Анна Пацеплис тайком от отца и мачехи уложила все необходимое в дорожный мешок и спрятала его под стогом сена, чтобы в случае необходимости без задержки отправиться в путь. Когда — об этом известят товарищи, работающие в волостном исполкоме.

В Сурумах начался сенокос. По утрам, подоив коров.

Анна уходила на луга и вместе с Жаном косила жесткую болотную осоку; иногда, вернувшись с молочного завода, к ним присоединялся отец. На юге грохотала канонада, в воздухе гудели моторы самолетов, скрипели повозки на пыльных дорогах, а на лугу в Сурумах звенели косы, и Антон Пацеплис по временам покрикивал на детей, когда те на минуту останавливались, не закончив вал, чтобы прислушаться к голосам войны:

— Нечего смотреть! Пусть их воюют сколько хотят. Нам надо думать о жизни.

Нельзя было сказать, чтобы он на своем веку много думал о жизни своих детей, и эта внезапная серьезность звучала в устах Пацеплиса почти смешно.

Фронт с каждым днем приближался, а вместе с этим менялось и отношение отца и мачехи к Анне. Выжидательное, угрожающее молчание сменили грубые издевательства.

Анна заметила, что мачеха все время старается не упускать ее из виду. Случалось, что кто-нибудь из комсомольцев приходил в Сурумы к Анне, тогда Лавиза вертелась около них и не позволяла им побеседовать наедине.

«За что они меня так ненавидят? — думала Анна. — Что я им сделала, почему они так жаждут мести? То, что не послушала их и вступила в комсомол? И что плохого сделала советская власть моему отцу? Пусть бы кричали Тауринь, Стабулниек, Кикрейзис — у тех отняли излишки земли. Но почему неистовствует отец?»

Она не находила этому объяснений.

Только раз, поздно вечером, в Сурумах появился Бруно, он что-то прошептал отцу, побубнил кой о чем с мачехой, а уходя, бросил на Анну взгляд, полный ненависти.

— Скоро ты запоешь такой мотивчик, что крыша с избы приподнимется... — сказал он. — Тогда я послушаю, как это будет звучать.

Однажды канонада раздалась так близко, что казалось, бой происходит тут же, за большим болотом. Вечером все Змеиное болото озарилось багряным отсветом. Как только стемнело, кто-то постучал в дверь избы Сурумов. На дворе залаяла собака. Анна спешно оделась, обулась, повязала на голову пестрый платочек и накинула на плечи легкое летнее пальто. В приоткрывшейся

двери родительской комнаты показались две головы — отца и мачехи.

— Никуда не ходи! — крикнул Антон Пацеплис. — Останься на месте, тебе говорят!

— Сама знаю, что мне делать! — бросила в ответ Анна и поспешила к двери.

За дверями стоял молодой парень, один из местных комсомольцев.

— Немцы переправились через Даугаву, — прошептал он. — Чтобы не попасть в лапы фашистам, надо сейчас уходить. Ты готова?

— Да, готова... — ответила Анна и вышла во двор.

Вслед за ней выскочили во двор Пацеплис с Лавизой и загородили дорогу к воротам.

— Не позволяй этой красной уйти! — шипела мачеха. — Тебе придется отвечать за нее! Пусть останется и получит по заслугам!

— Анна, ты никуда не пойдешь! — крикнул и отец. — Ты несовершеннолетняя, ты должна делать то, что велят родители.

Мачеха пыталась схватить падчерицу за рукав пальто, но в этот момент между ней и Анной блеснул металлический предмет, заставивший Лавизу отступить назад.

— Не хватайся, Сурумиене... — сказал комсомолец.— Это револьвер. Он иногда стреляет, когда нужно.

— Прямо как разбойник... — испугавшись, проворчала Лавиза, но осталась на месте. — В ночное время врывается в чужой дом с оружием в руках.

Анна ушла не оглядываясь.

Огромными зарницами полыхали за болотом вспышки артиллерийских выстрелов. Воздух содрогался от взрывов. Вспугнутые со сна птицы, тревожно перекликаясь, летали над краем болота. Кроваво-красное небо пламенело над землей. Весь мир был наполнен тревогой, только деревья в лесу стояли неподвижно, с замершими ветвями; здесь не чувствовалось легкого ветерка, шелестевшего в кустарнике на равнине.

— Мы успеем? — спросила Анна.

— Надо поспеть, — отозвался парень. — Товарищи не уйдут, пока все не соберутся в лесу. Пойдем скорей, Анна...

— Давай поторопимся.

Через час тронулись в путь более ста человек: мужчины, женщины, молодежь, дети. Некоторые ехали на своих повозках — у них были с собой кое-какие пожитки, — другие на велосипедах, но большинство шагало пешком — в легкой летней одежде, с маленькими узелками или мешками за спиной. Были и такие, что шли с совершенно пустыми руками, без вещей. Многие из них не успели даже забежать домой, сообщить своим родным об уходе и взять хоть что-нибудь на дорогу, другие не могли попасть к своим семьям, потому что в южную часть волости уже ворвались гитлеровские мотоциклисты, — надо было успеть перебраться через реку, пока неприятель не дошел до моста. Это им удалось, но только сейчас всем стало ясно, что они отошли в самый последний момент: спустя несколько минут саперы взорвали мост.

Какой-то комсомолец затянул старинную песню:

Ну прощай же, Видземитэ,
Не бывать в родном краю...

Но никто к нему не присоединился. Пропев первую строфу, он умолк и, как бы устыдившись своего легкомыслия, нахмурился и с опущенной головой зашагал в хвосте колонны. Дорога пылила под ногами, но в темноте этого не было видно, люди только чувствовали, что их лица понемногу покрываются толстым слоем пыли и на зубах начинает что-то хрустеть.

Здесь, среди товарищей, Анна чувствовала себя бодро и спокойно — впервые в жизни действительно свободной и самостоятельной.

4

Узнав об уходе активистов, Рейнис Тауринь и Бруно Пацеплис кусали от злобы пальцы: невзирая на разведку и секреты, расставленные бандитами по возможным путям отхода, решающий момент они прозевали. Утолить свою злобу можно было только кровавыми расправами над родственниками ушедших коммунистов, комсомольцев и советских работников, а также над теми новохозяевами из батраков и безземельных крестьян, которые остались на местах.

Бруно злился на Айвара Тауриня: из-за его каприза

осталась без наблюдения дорога к реке, и именно по ней прошлой ночью ушли активисты.

— Это граничит с предательством, господин Тауринь! — заявил крайне расстроенный лесничий. — За такие вещи ставят к стенке и расстреливают, но вы для него, конечно, найдете всякие оправдания.

— Успокойтесь, Бруно, — сказал Тауринь. — Можете быть уверены, что Айвар свою пассивность искупит в ближайшие дни. Наша борьба не кончена, и он еще заставит говорить о себе, это я гарантирую своим честным словом айзсарга.

— Посмотрим... — проворчал Бруно.

Убедившись, что немецкие войска уже с обеих сторон обошли Змеиное болото и Пурвайская волость, таким образом, полностью отрезана от свободной советской территории, «герои» Аурского бора вышли из лесу и во всем своем блеске «победителей» снова показались перед жителями волости. Чуть не лопаясь от важности, заносчиво задирая головы, бандиты явились в волостное правление, и один из них остался там временным вершителем судеб волости.

Тауринь вернулся к себе в усадьбу и первым делом проверил, не остался ли в батрацкой избе кто-нибудь из тех, кто весной, став на хозяйскую землю, гордо заявил: «Теперь это моя земля, и я буду хозяйничать на ней, как мне понравится...» Они почти все ушли, не смогла по болезни эвакуироваться только пожилая чета батраков. Тауринь вызвал их во двор, размахивая плеткой и грязно ругаясь.

— Никаких болезней, ленивые скоты! Достаточно належались во времена большевиков! Марш за косами, живо на луга! Я с вас шкуру спущу, если до вечера не будут обкошены все окрайки большого луга, так чтобы можно было пустить в дело сенокосилку. Теперь вам некуда бежать жаловаться, забудьте про те дни, они никогда не возвратятся. А о том, как вы готовы были выцарапать хозяину глаза, поговорим потом.

Выгнав на луг больных батраков, Тауринь вернулся в дом и предоставил Эрне возможность полюбоваться и подивиться на себя — на большого «героя» Аурского бора.

— Где Айвар? — спросил он, когда Эрна немного успокоилась.

— Он с самого утра на лугу, — ответила Эрна. — Теперь уж, наверно, много накосил.

— Это хорошо, — сказал Тауринь. — Настоящий хозяин каждую работу начинает во-время. Я схожу туда, посмотрю, как идут дела. Айвар теперь сможет вернуться домой — на его место станут двое косцов.

Тауринь хотел было сразу отправиться на луг, но внезапно вспомнил то, о чем неделю назад в Аурском бору сообщил ему Друкис. Он сказал, что родной отец его приемного сына — Ян Лидум — еще жив и работает первым секретарем уездного комитета партии в Н-ском уезде.

— Вам надо этого человека остерегаться, господин Тауринь, — сказал Друкис. — Он ищет пропавшего сына и не теряет надежды найти его. Можете себе представить, какие у него будут к вам претензии.

«Вот оно что... — подумал Тауринь, узнав про это. — Я похитил сына у какого-то красного... Но сейчас это мой сын... Ты опоздал, Лидум: что мое, то навечно останется моим. Ты упустил время... сегодня уж слишком поздно ждать, что он вернется к тебе, даже если б знал, что ты существуешь».

Всегда самоуверенный, Рейнис Тауринь верил в свое влияние на приемного сына. «Я его вырастил, и он мой до мозга костей. Если бы сегодня Ян Лидум вздумал встать между нами и попытался отнять у меня Айвара, он ничего бы не достиг — в особенности сейчас, когда его мир рушится, а мой возносится к прежним высотам. Т е п е р ь и от Айвара не стоит этого скрывать. Для него наступило время определить свое поведение и утвердиться в нашем обществе. Ему надо взяться за оружие, и он это сделает... и это будет окончательным ответом Лидуму».

Самонадеянность Тауриня была так велика, что он решил тут же обо всем поставить в известность Айвара и сегодня же отпраздновать свою победу. Он вошел в комнату, немного порывшись в ящиках письменного стола, достал несколько пожелтевших от времени документов и, сунув их в карман, направился на луга к Айвару.

...Сегодня все утро Айвар был точно на распутье, не знал, что предпринять. И только недавно он узнал от проходившего мимо Жана Пацеплиса, что Анна прошлой

ночью ушла из Сурумов. Теперь ему все здесь стало безразличным, и он чувствовал себя бесконечно одиноким. Он больше не понимал, зачем ему оставаться здесь.

В отдалении, справа и слева, раздавался гул орудийных выстрелов, в воздухе рокотали моторы самолетов: там шел бой, умирали люди... и там, по неведомому смертному пространству, подверженная всем опасностям, брела одинокая Анна... Айвару было невыразимо жаль ее. Ему казалось: находись он возле Анны — ей ничего не грозило бы, он защитил бы ее от всех опасностей и угроз.

Пылят дороги, ржут кони, грохочут военные повозки... и среди этого хаоса шагает одинокая, хрупкая девушка... Устало идет она по незнакомой дороге, изгнанная Анна... Милая, почему ты ушла одна? Почему не позвала с собой меня? Если бы сказала одно-единственное слово — средь ночи, бросив все, я ушел бы с тобой хоть на край света...

Вдруг за его спиной раздались шаги, и голос, который он хорошо знал, но не научился любить, произнес:

— Бог в помощь, Айвар! Оставь же и другим, — ты что, хочешь один весь луг завалить сеном?

Айвар воткнул в землю косовище и повернулся к Тауриню.

— Больше нельзя ждать ни одного дня, — ответил он. — Иначе трава перезреет.

— Ничего, теперь у тебя будут толокчане, — усмехнулся Тауринь. — Пусть батраки поработают на лугу. Тебя ждет другая работа. Нам еще много придется потрудиться, пока очистим нашу землю от духа коммунистов. Кто ушел — ушел, с теми расправится немецкая армия, а кто остался на месте, тех нам самим придется вымести железной метлой и доставить в надежное место. Взгляни на мачту над усадьбой — что развевается на ней?

Айвар взглянул туда, но сразу же отвернулся и с немым вопросом посмотрел на Тауриня.

— Красно-бело-красный флаг! — гордо воскликнул Тауринь. — Вот чего мы уже достигли, Айвар.

— Ты думаешь, что Красная Армия больше не вернется? — спросил юноша.

— Откуда ей прийти? — усмехнулся Тауринь. — Мы — опять хозяева земли и будем жить в свое удовольствие. Только сначала надо очистить страну от тех, кто

нам может помешать спокойно жить. — Он заговорил тише: — Я беседовал с н а ш и м и. Все того мнения, что тебе надо возглавить одну из карательных групп и сразу же взяться за дело. Действуй, как мужчина, Айвар, — твердо. Кто заслужил смерть, пусть получит ее без лишних церемоний. Не думай, что они пощадили бы, если б добрались до тебя.

Айвар ничего не ответил Тауриню, только беспокойно посмотрел на усадьбу Сурумы, где уже не было Анны. Наконец, словно проснувшись, взглянул на приемного отца и спросил:

— Почему именно мне надо это делать?

— Потому что пришло наконец время окончательно определить себя, доказать делами свою принадлежность и верность нашему сословию. До сих пор ты стоял в стороне, ничем не проявил себя. Сейчас так действовать нельзя. Каждому человеку надо доказать делами, что он достоин занимаемого им положения в жизни. Тем более это необходимо тебе.

— Чем же я отличаюсь от других людей? — с нескрываемым удивлением спросил Айвар.

— Своим происхождением, — продолжал Тауринь. — Для многих в нашей округе не секрет, что ты родился в семье простого батрака.

— Это я знаю... — тихо ответил Айвар. — Раньше меня не звали Тауринем, а... Лидумом.

— Вот именно поэтому тебе надо доказать, что сегодня ты действительно Тауринь, а не Лидум. Ты ни одного часа не имеешь права сидеть сложа руки, иначе наши начнут думать, что ты колеблешься... оглядываешься на то красное гнездо, из которого я тебя во-время вызволил, чтобы сделать из тебя настоящего человека.

— Красное гнездо? — Айвар удивленно сдвинул брови. — Что ты этим хочешь сказать?

Тауринь вынул из кармана метрику Айвара и удостоверение за подписью Друкиса о передаче его на воспитание в семью Тауриня.

— На, прочти, что здесь написано.

Когда Айвар прочел оба документа, Тауринь продолжил:

— Ян Лидум является сейчас виднейшим коммунистом во всей округе... первым секретарем партийного комитета в Н-ском уезде. Он наш враг до мозга костей...

также и твой враг, Айвар. Он бы нас уничтожил, если встретил, только теперь это ему не удастся. Если он еще сегодня не уничтожен, то уже завтра своей собачьей участи определенно не избежит, — об этом позаботятся люди Гитлера. Теперь-то ты понимаешь, что не можешь оставаться бездеятельным?

— Да, понимаю... — прошептал хриплым голосом Айвар. Он был глубоко потрясен и смущен, но в то же время чувствовал, что в его жизни наступает момент большого прояснения, который положит конец всем сомнениям и выведет его на правильный путь. — Теперь мне многое становится понятным. Надо начать бороться, взяться за оружие и доказать, кто я.

— Правильно, мальчик... — Тауринь обрадовался. — Именно этого я ожидал от тебя. Тебе надо включиться в борьбу, чтобы каждому человеку стало понятно, кто ты таков. Тогда никому не придет на ум напоминать о твоем прошлом. На краю Змеиного болота, где сложены березовые чурбаки, спрятан ящик с оружием. Там одна винтовка давно ждет тебя. Сегодня ты можешь ее взять.

Айвар надел пиджак, спрятал в карман оба документа, потом медленным шагом направился в сторону леса.

— Куда ты, Айвар? — спросил Тауринь.

— В лес, за своей винтовкой, — ответил Айвар. Ему хотелось бросить в лицо этому человеку совсем другие, резкие и безжалостные слова, которые в одно мгновение разбили бы уверенность в силе его воображаемой правды. Но он понимал: перед ним стоит враг, безжалостный и кровожадный волк, который незамедлительно его растерзает, если узнает, что происходит в душе приемного сына. Поэтому Айвар сдержался и больше не произнес ни слова, предоставляя Тауриню понимать по-своему происходящее.

— Правильно, Айвар! — опять воскликнул Тауринь.— Винтовку тебе надо пустить в дело уже сегодня. — Он посмотрел вслед приемному сыну — тот размеренно, не спеша, как человек, знающий свое место в жизни, уходил через луг к темному бору на краю болота. У Рейниса Тауриня не было сомнений в помыслах Айвара: он уже сегодня хотел начать беспощадную борьбу со своими врагами — с Яном Лидумом и его товарищами.

— Действуй смело, парень... — шептал Тауринь. —

Это будет настоящим ответом им всем. Мои труды не пропали даром. Ян Лидум, ты проиграл в этой борьбе, да, да... У меня есть сын, товарищ по борьбе и друг, а у тебя его нет и никогда не будет. Сама жизнь насмехается над тобой.

5

Горько ошибался Рейнис Тауринь в своих предположениях. Его самоуверенные заключения и цинизм, с каким он давал приемному сыну злобные советы, породили у Айвара отвращение к приемному отцу.

В лесу, усевшись на подгнивший пень, по расщелинам которого бегали муравьи, Айвар стал думать о своей жизни в Ургах. Он пытался вспомнить все, что с ним происходило за все прошедшие годы. Его первые шаги в этой богатой усадьбе уже покрыла мгла времени, но некоторые неясные отрывки все же удавалось вырвать из сумерек забвения. Чем ближе к настоящему, тем явственнее становились воспоминания. Красной нитью через все события проходила одна устойчивая, целеустремленная линия в действиях приемных родителей: с первых дней они делали все, чтоб создать из Айвара кулака, преисполненного ненавистью к простым людям. Они стремились убить все человеческое, чистое и честное в его существе, искоренить появившиеся в раннем детстве представления о жизни и людях, о добре и зле. «Тауринь, Тауринь, как исковеркал ты мое детство и юность... — думал Айвар. — Еще немного, и ты навсегда искалечил бы всю мою жизнь. Теперь она вся и так замарана черным постыдным пятном, и неизвестно, удастся ли мне его когда-нибудь смыть. Сын кулака... Разве такому Анна могла подарить свою дружбу и доверие?»

Подперев голову кулаками, Айвар застонал от стыда и гнева. Он понимал, что его место у Яна Лидума, у Анны... у Инги Регута и Юриса Эмкална — у людей, близких его сердцу, которые заслужили любовь и уважение.

«Но как мне стать вашим? — спрашивал Айвар. — Захотите ли вы принять в свою среду такого, как я? Мне долго и тяжело придется работать, чтобы искупить ошибки своей прежней жизни и смыть все пятна. Сперва надо стать настоящим человеком, которого отцу не стыдно бу-

дет назвать сыном. И только тогда, когда это произойдет, я буду иметь право найти Яна Лидума, стать перед ним и сказать: «Дорогой отец, это я — твой сын... разреши мне остаться с тобой».

Он проверил содержимое карманов. Паспорт был при нем, а в бумажнике Айвар нашел свой воинский билет и немного денег. «Замечательно! — обрадовался он. — Могу сразу пуститься в путь».

В обычной рабочей одежде, с пустыми руками и смятенным сердцем ушел в неизвестный путь Айвар Тауринь, чтобы снова стать Айваром Лидумом. И в тот миг, как Айвар решил начать новую жизнь, ему показалось, что Анна приблизилась к нему, не было больше темной стены, отделявшей их друг от друга. Это сознание наполнило сердце юноши радостью, счастьем и глубокой верой в то, что теперь жизнь его не обманет.

* * *

Напрасно ждал Тауринь возвращения своего приемного сына. Когда тот не вернулся ни на второй, ни на третий день, он подумал, что Айвар по юношеской горячности не удержался и на свой страх и риск один начал неравную борьбу с большевиками.

Позже стало известно, что отступающие истребители в другом конце Пурвайской волости убили какого-то молодого парня, обстреливавшего их из кустов. Труп убитого целый день лежал на краю дороги, а потом исчез, — наверно, жители ближайших усадеб зарыли его в лесу.

«Это Айвар, — решил Тауринь. — Безумный мальчишка, зачем он один сумасбродничал... Почему не собрал людей и не начал вместе с ними большое дело!»

Несколько дней хозяин усадьбы Урги, человек с твердым, как кремень, сердцем, ходил молчаливым и мрачным. Жена успокаивала его: говорила, что не надо терять надежды на возвращение Айвара, так как никто точно не знает, был ли убитый парень их приемным сыном. Тауринь не спорил с ней, но и не пытался поверить: если Айвар не погиб, то находится где-то в другом месте, по ту сторону фронта, и это казалось Тауриню еще ужаснее, чем его физическая смерть. Если это так, то во сто раз лучше Айвару быть убитым в открытом бою с большевиками, чем хоть один день действовать с ними за-

одно, участвовать в их делах, — разум Тауриня не мог мириться с таким положением, поэтому не верил в эту возможность.

В комнатке Айвара Таурини повесили его фотографию в черной траурной окантовке. Затем после длительного перерыва хозяин усадьбы Урги вдруг вспомнил, что у аптекаря имеется хорошенькая жена, с которой можно хорошо провести время в отсутствие мужа. Он запряг лошадь и уехал в аптеку, ибо пали в бою и погибли другие люди, а он еще был жив и желал взять от жизни все, что только возможно.

* * *

По тихим перелескам, по лесу и болотным стежкам, мимо одиноких сторожек лесников и вырубок новохозяев, где земля пахла гарью и среди небольших полянок торчали обгорелые пни, Айвар шагал на север, все время только на север. Пройдя километров десять-двенадцать, он присаживался на землю, сосал корешки каких-то трав, съедал росшую поблизости ягоду, затем поднимался и шел дальше. Когда стемнело, он решил выйти на большак и всю ночь шагал по дороге, не встретив ни одного человека: крестьяне были слишком напуганы, чтобы в ночное время выходить из дому, а фашистские войсковые части с наступлением темноты прекращали продвижение вперед.

Хорошо зная эти места, Айвар к утру достиг территории, где еще существовала советская власть и не ступала нога ни одного вражеского солдата. Теперь он мог и днем шагать по большаку. Вместе с ним на север уходило много других людей.

На третий день пути Айвар примкнул к какой-то группе молодежи. В каждом населенном пункте расспрашивал он о людях Пурвайской волости и о девушке по имени Анна, но никто ничего не знал о них. Много разных дорог вело через Латвию к северу и к северо-востоку — кто мог указать, которую из них избрала Анна и ее товарищи?

Айвар и его попутчики молчаливо, с плотно сжатыми губами, шли по земле, над которой сияло июльское солнце. В одном месте на краю дороги стояло что-то вроде монумента — каменный столб с надписью. Здесь кончалась земля Латвии, и начиналась Эстония, и здесь, на

границе, душу Айвара вдруг охватило странное смятение. Его попутчикам, советской молодежи, все было ясно без всяких рассуждений — в их сознании советская родина не кончалась у пограничного столба Латвии. Айвару же казалось, что он стоит у порога чужой земли и что там, по ту сторону границы, он будет лишним и чужим для всех.

Попутчики Айвара, сделавшие в этом месте короткий привал, не знали, какую душевную борьбу пришлось юноше преодолеть, пока чувства не подчинились разуму. Горсть латвийской земли он все же взял с собой.

6

На происходившем зимой IX съезде Коммунистической партии (большевиков) Латвии Яна Лидума избрали в члены Центрального Комитета. Незадолго до начала войны он участвовал в работе пленума ЦК. Здесь Лидум с радостью рассказал, как слаженно действовала уездная партийная организация при осуществлении всех начинаний. Н-ский уезд, как говорится, был на хорошем счету, в ближайшее время никаких особенных кампаний не предстояло, поэтому Ян Лидум решил впервые за всю свою жизнь взять отпуск и провести июль на юге — у побережья Черного моря. В Центральном Комитете он получил две путевки в Сочи — одну себе, другую Ильзе, ибо они заранее договорились, что свой первый отпуск проведут вместе.

По дороге к себе в уезд Ян завернул к Ильзе, и они договорились о дне отъезда — сразу же после Иванова дня, который Ян хотел отпраздновать среди старых товарищей-подпольщиков.

— Надо испробовать, как я еще умею петь купальские песни... — шутил он. — К тому же около двадцати лет не видел ни Яновых огней, ни дубовых венков — так можно все позабыть.

Но из всего этого у Яна и Ильзы ничего не вышло: утро 22 июня перечеркнуло все их планы...

Переход от одного состояния к другому был так резок, что некоторые, более слабые, растерялись и на время утеряли способность четко и ясно мыслить. И тогда такой человек, как Ян Лидум, своим хладнокровием и спокой-

ными, рассудительными действиями оказывал благотворное влияние на окружавших его людей, подавлял панику еще при ее зарождении и успокаивал разгоряченные головы.

— Паники и растерянности не должно быть! — говорил он своим сотрудникам и секретарям первичных парторганизаций, собравшимся у него в первый день войны. — Надо быть готовым ко всему, считаться с величайшими трудностями. Нужно позаботиться, чтобы каждому была ясна его задача и чтобы каждый ее выполнял как следует.

В своем уезде Лидум, как и в прочих местах, организовал сильные группы истребителей, они боролись со шпионами и диверсантами, пока прочий актив готовил к эвакуации учреждения и предприятия. Ни на миг не выпуская из рук бразды руководства, Ян сумел до вступления врага на территорию уезда отправить в восточные области страны самое важное: ценности государственного банка, основное оборудование и материалы предприятий, тракторы МТС, документы учреждений и все средства механического транспорта. Когда больше нельзя было оставаться, уездный актив организованно ушел из города. Как вооруженный отряд, он отходил на северо-восток, сам обеспечивая свою сохранность, вступая в необходимых случаях в жаркие короткие бои с врагами. Так они почти без потерь достигли ближайшей русской области, сели в поезд и добрались до Поволжья.

Когда стало известным, что создается Латышская стрелковая дивизия, Ян Лидум, живший в то время в центре одного района, собрал всех мужчин и юношей латышей, кто был способен держать в руках оружие. Организованно, как единый коллектив, они направились к месту формирования дивизии. Среди них было много таких, которые, подобно Яну Лидуму, еще в первой мировой войне воевали в рядах латышских стрелковых полков.

— Воевать так воевать, — сказал им Лидум. — Провоюем и эту войну и покажем, что наш порох еще сух. Пусть не думает Гитлер, что ему больше повезет, чем Вильгельму Последнему.

Про Ильзу и Артура Ян ничего не знал: уходя из своего уезда, он не смог связаться с ними. Но он был спокоен за них: они-то будут знать, что им делать. Если

по каким-либо причинам кто-нибудь из них не успеет эвакуироваться, то он все равно найдет свое место в великой борьбе, ибо он будет знать, как лучше всего в это грозное время служить народу. Они, наверное, слышали третьего июля речь товарища Сталина, а если нет — узнают от других, какие задачи поставил вождь перед советским народом в Великую Отечественную войну.

«Нет, за них мне не придется краснеть», — думал Ян Лидум, отводя свою группу добровольцев в лагерь дивизии. — Мне самому надо сделать все, чтобы потом не было стыдно смотреть в глаза людям».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Когда Артур Лидум прибыл со своими истребителями в город, он сразу же направился в уком партии. Там он долго беседовал с представителем ЦК КП(б) Латвии и первым секретарем уездного комитета партии Карклинем. Представитель Центрального Комитета — пожилой человек, в его осанке угадывался бывший военный — сначала расспросил Артура, как он подготовил к эвакуации комсомольцев своего уезда и как показали себя в боях с диверсантами отдельные истребители, затем сел рядом с Артуром и продолжал беседу приглушенным голосом:

— Не исключена возможность, что территория нашей республики на время попадет в руки врага. Тогда партийному и советскому активу придется эвакуироваться. Это означает, что большая часть большевиков Латвии — и как раз самые опытные, закаленные в подпольной работе — уже не будут находиться здесь, когда враг со своими подручными начнет в нашей стране хозяйничать. Красная Армия сделает свое дело и разгромит захватчиков, выметет их с советской земли. Но необходимо, чтобы борьба с гитлеровцами развернулась и с этой стороны фронта — в тылу неприятеля. Само собою это не произойдет. Нам надо взять такое дело в свои руки. Товарищ Лидум, согласны ли вы по поручению партии остаться на месте и организовать партизанское движение в этой

области? Работа трудная и опасная. Если у вас имеется хоть малейшее сомнение, мы заставлять вас не будем. По правде говоря, за эту задачу должен взяться он... — представитель ЦК кивнул в сторону первого секретаря,— но состояние его здоровья так плохо, что оставлять его работать в подполье нельзя. Здесь нужны сильные и здоровые люди, способные превозмочь огромные физические трудности — мокнуть в болоте, мерзнуть в зимнюю стужу под открытым небом, переносить голод и жажду. Как вы смотрите на это предложение?

— Для меня не может быть в данное время большей чести, чем получить от партии такое задание, — ответил Артур. — Доверие партии оправдаю делами.

— Значит, договорились?

— Договорились.

Представитель ЦК крепко пожал руку Артуру. Затем они обсудили практические вопросы: о пригодных для этого дела людях, о материальной базе и связи. Представитель ЦК дал Артуру много ценных советов по тактике партизанской борьбы и разным приемам подпольной работы — в гражданскую войну в Сибири он руководил большим партизанским соединением.

Артур должен был сейчас же скрыться из виду и устроиться в выгодном месте, не дожидаясь прихода немецких войск. Из своих истребителей он выбрал только самых крепких, проверенных и надежных. С каждым из них Артур побеседовал с глазу на глаз. В результате образовалось ядро будущей партизанской части — человек пятнадцать. Для главной базы Артур выбрал большие Айзупские леса. Аурский бор, непроходимое Змеиное болото могли служить опорными пунктами и резервными базами.

Времени оставалось так мало, что нельзя было терять ни часу. Сдав дела укома комсомола второму секретарю, Артур ночью вместе со своими боевыми товарищами исчез из города. В Айзупские леса на грузовике доставили оружие, взрывчатку и продовольствие. С матерью Артуру не удалось встретиться. Ильза уехала по заданию уисполкома в одну из ближайших волостей проверить, как протекает эвакуация детского дома.

Несколько дней партизаны просидели в темной чаще леса, наблюдая за событиями и отлучаясь лишь в небольшие разведки. Почти в каждой волости у них было по

наблюдателю и связисту, от которых Артур получал информацию о передвижении немецких войск, о местопребывании вооруженных фашистских групп, комендатур и учреждений, а также о деятельности местных предателей. С первых дней немецкой оккупации стали широко известны своей преступной активностью некоторые старые знакомые Артура. Рейниса Тауриня назначили старостой Пурвайской волости, и он сейчас же составил длинный список советских активистов и «подозрительных» лиц.

Кровожадность Тауриня не была неожиданностью для Артура — от этого «культурного» кулака всего можно было ожидать. Артур не удивился, когда узнал, что Анна Пацеплис ушла из дому вместе с пурвайскими активистами, хотя ему больше хотелось, чтобы она была здесь: Анна пригодилась бы как связная между отдельными партизанскими группами.

Бруно Пацеплис стал во главе одной из карательных команд и действовал в своей округе, как настоящий палач. С благосклонного разрешения оккупационных властей он расстрелял много людей и устраивал облавы на своих соотечественников, которых Тауринь занес в черные списки. Не проходило дня, чтобы наследник Мелдеров самолично не убил человека. В уездном городе у него был достойный конкурент в лице Лудиса Трея. Сын мясника, почти все советское время скрывавшийся у знакомых отца и своих друзей, сейчас носился с видом триумфатора на полицейском мотоцикле по улицам города и в северной части уезда, которую ему доверили очистить от «вредных и нелойяльных элементов». После удачной операции оба «героя» обыкновенно встречались и отмечали свои последние «подвиги» основательной оргией. Всему уезду стала известна циничная фраза Лудиса Трея, что у него болит голова в те дни, когда не удастся убить ни одного красного.

— Ладно, Лудис, я позабочусь, чтобы у тебя никогда больше не болела голова.. — сказал Артур, узнав про действия своего бывшего школьного товарища. — Скоро тебе придется держать ответ. И тебе, Бруно Пацеплис, и тебе, Рейнис Тауринь.

Артур собрал своих партизан на совещание. После обобщения донесений разведчиков и его собственных наблюдений картина положения в уезде стала вполне определенной. Террор оккупантов отчасти уже достиг

своей цели: жители были напуганы, угроза смерти парализовала дремлющие силы народа. Поэтому прежде всего было необходимо снова пробудить эти силы и показать всем тем, кто сжимает кулаки в кармане, что все же сопротивление возможно и можно заставить дрожать насильников, а для этого надо теперь же, не теряя ни одного дня, свершить подвиг, который отозвался бы эхом по всей области.

Партизаны разработали подробный план операции, разделились на несколько групп и в следующую же ночь отправились к намеченным объектам. Группой, которая должна была провести операцию в уездном центре, руководил сам Артур Лидум. Вместе с ним пошло несколько молодых парней.

2

Комендант, гауптман Шперлинг, после обильного ужина, в основу которого были положены присланные мясником Треем продукты и крепкие напитки, направил своего вестового к руководителю карательной команды Людвигу Трею и начальнику уездной полиции Скуевицу пригласить их поиграть в карты.

— Господа, я доволен вашей работой и считаю, что этот вечер мы заслуженно можем отдохнуть, — сказал Шперлинг, когда приглашенные явились. — В нашем городе через несколько дней можно будет повесить почетные вывески «Юденфрей»[1]. Этим в значительной мере мы обязаны вам... — он признательно улыбнулся Людвигу Трею. — Будьте уверены, что обергруппенфюрер в своем донесении рейхминистру Гиммлеру не замолчит это обстоятельство и что фюрер отметит ваши заслуги орденом и званием офицера эсэсовских войск.

Польщенный Трей не нашел ничего лучшего, как выбросить кверху мясистую руку с короткими толстыми пальцами и громко выкрикнуть:

— Хайль Гитлер!

— Хайль Гитлер! — отозвался Шперлинг. — А вы, господин Скуевиц, принимая во внимание ваш долголетний опыт и богатую заслугами деятельность в уезде, можете надеяться на повышение по службе. Мне известно,

[1] Свободен от евреев (нем.).

что в последнее время вами сильно интересуются в Риге. Сам генерал полиции на каком-то совещании упоминал о вас как об образцовом полицейском работнике в оккупированной стране. Возможно, что вас переведут в Ригу, может даже в Белорутению, где очень нужны энергичные деятели... Что вы скажете на это?

— Чувствую себя польщенным таким вниманием и понимаю, кого я должен благодарить за великодушное выдвижение... — пробормотал Скуевиц, долговязый худощавый мужчина с большим орлиным носом. — Против Риги я ничего бы не имел... я там некоторое время работал в бытность префекта Лютера, но что касается Белоруссии... пардон, Белорутении, то большим препятствием может оказаться незнание местных условий.

— Местные условия? Ха-ха-ха! Там нечего знать! В каждом месте, куда мы приходим, мы создаем эти местные условия, а туземцев заставляем привыкать к ним, все равно — нравится им это или не нравится. Еще не хватало, чтобы мы начали изучать их нравы и приспосабливаться к ним. Такими приемами не строят новый порядок в Европе. Ха-ха-ха! Как вы на это смотрите, господин Трей?

— Очень просто, господин гауптман, — ответил Лудис. — Повесить и пристрелить негодного человека в любом месте можно одинаково. Когда уезд будет очищен от последнего большевика, прошу меня послать в Белорутению или на Украину, и я докажу на практике, что одинаково хорошо можно работать при любых местных условиях.

— Вы слышали, господин Скуевиц? — подмигнул комендант начальнику уездной полиции. Затем вдруг добавил: — Я слышал, вы якобы большой любитель прекрасного пола. Какие женщины вам нравятся больше — блондинки или брюнетки?

— Мне нравятся как те, так и другие, только они должны быть молоды и красивы, — ответил Скуевиц.

— Значит, и это обстоятельство не может служить препятствием в вашей успешной деятельности в Белорутении. — Шперлинг засмеялся. — Там у вас будет большой выбор. Но если вам попадется ярко выраженная блондинка, умеренно полная и средних лет, дайте мне знать — мне ужасно такие нравятся. Как это прекрасно, когда человеку что-нибудь может нравиться и когда он

может иметь то, что ему нравится! Стоит жить в эпоху Адольфа Гитлера.

— Хайль Гитлер! — опять воскликнул Трей.

— Хайль Гитлер! — ответил Шперлинг. — Господа, мы сыграем только две-три партии на невысокие ставки, после этого я вас угощу чудесным коньяком, и около полуночи будем иметь честь приветствовать в своем обществе трех самых красивых и озорных дам нашего города. Господин Скуевиц, как вам это нравится?

— Вот это я понимаю, настоящее гостеприимство! — воскликнул Скуевиц. — Надеюсь, что моя жена об этом не узнает?

— И вы еще беспокоитесь о таких мелочах? — удивился Шперлинг. — Наши любовницы — это наше личное дело, и никто, даже жена, не имеет права совать в такие дела свой нос. Я свою Амалию отучил от ревности и прочих подобных эмоций уже на второй год после свадьбы. Люди должны понять, что высший смысл нашей жизни состоит в наслаждении ею. Мы живем, чтобы наслаждаться, и каждого, кто попытается помешать мне выполнять главную задачу моей жизни, я рассматриваю как личного врага. Древние римляне, о! Те умели жить... Плохо ли жилось Нерону или, скажем, Калигуле? Ну, ничего, под водительством Адольфа Гитлера мы создадим новый Рим и возобновим некоторые старые полезные традиции. У нас будут свои рабы, свои рабыни. Ха-ха-ха!

— Рабы — вещь хорошая! — заметил Лудис. — Вы можете с ними делать, что только пожелаете.

С час они играли в карты. Ставки были действительно невысоки, и Лудис со Скуевицем нарочно проигрывали одну партию за другой, доставляя большое удовольствие Шперлингу, высоко ценившему свое искусство игры. Затем на столе появился коньяк, и, когда было порядочно выпито, Шперлинг велел Лудису рассказать о том, как он в один день расстрелял в каком-то местечке более ста человек: как жертвы сами рыли себе могилу, раздевались догола и ложились на дно ямы. Некоторые были только ранены, их зарыли живыми.

— Когда у вас в следующий раз будет в виду что-нибудь подобное, дайте мне знать, — сказал Шперлинг. — Я поеду посмотреть. Мне такие вещи нравятся.

— Если угодно, я могу нечто подобное сорганизовать уже завтра, — сказал Лудис. — В городе осталось еще

восемь семейств, которые нам все равно надо уничтожить. Место уже выбрано — в лесу, километра два от города. Скажите только слово, и я это устрою.

— Хорошо, сделайте, только не слишком рано, — согласился Шперлинг. — Мне по утрам сладко спится.

— Мы можем это сработать под вечер, около шестисеми. Тогда и жара спадет.

— Вам, господин Скуевиц, тоже надо прийти посмотреть, — сказал Шперлинг. — Может, вам еще приглянется какая-нибудь красавица.

— Можно... я с удовольствием... — проворчал Скуевиц и многозначительно покосился на пустые бутылки. Ему понравился этот крепкий напиток, и он с удовольствием выпил бы еще одну-другую рюмку.

— Вернер! — позвал Шперлинг вестового. Тот, очевидно, вышел во двор и не отозвался на зов гауптмана.— Проклятье! Куда опять запропастился этот лентяй... Надо самому идти в кладовку за коньяком.

Он поднялся и нетвердой походкой вышел из комнаты. Немного спустя оставшиеся в комнате услышали, как Шперлинг, словно споткнувшись, упал, и Скуевиц недовольно проворчал: — Еще разобьет бутылку, и нам придется остаться ни с чем...

— Слишком наливаться не стоит, — заметил Лудис.— Ты слышал, Скуевиц, около полуночи придут женщины. Что мы, пьяные, будем с ними делать?

— Поди ты, еще неизвестно, какие они.. — бормотал Скуевиц. — Может, на них и смотреть не захочешь.

— У Шперлинга недурной вкус. Уж он-то знает, кого пригласить.

— Тогда увидим, каков его вкус. «Умеренно полная, средних лет». Ха-ха-ха!

Шперлинг не возвращался. Скуевиц поднялся и направился посмотреть, что могло так долго задержать хозяина дома. И снова оставшийся в комнате Лудис услышал шум как будто падающего тела, и опять все замолкло.

«Как скоро насосались, на ногах не стоят, — подумал он. — Ни черта не могут выдержать, а хорохорятся, как петухи».

От скуки он начал перелистывать какой-то берлинский иллюстрированный журнал. Там была почти сплошная порнография. Углубившись в разглядывание пикант-

ных снимков, Лудис не слышал, как за его спиной тихо открылась дверь и в комнату вошли трое молодых рослых мужчин.

— Добрый вечер, Луди... — внезапно услышал он над ухом негромкое приветствие. Обернувшись назад, сын мясника побледнел и вскочил со стула: перед ним в шинели гауптмана немецкой армии стоял Артур Лидум, держа наготове револьвер. — Только пикни, твоя песенка будет спета. Веди себя тише воды, иначе с тобой произойдет то же, что со Шперлингом и Скуевицем. Ну, ребята, нечего мешкать, наденьте Лудису намордник.

Товарищи Артура всунули в рот Лудису кляп и скрутили за спиной руки; Артур толкнул его в плечо и сказал:

— Двигайся, старина. Прогуляемся по свежему воздуху, здесь ужасно накурено. Только не пугайся, если увидишь на кухне что-нибудь.

В углу кухни лежали трупы гауптмана Шперлинга и грозного шефа уездной полиции Скуевица.

— Так иногда случается с подлецами, — сказал Артур Лудису, у которого от страха чуть не вылезли глаза из орбит, а ноги почти перестали слушаться.

По темным улочкам окраины они вывели Лудиса из городка. На опушке леса их ждал партизан на немецком армейском мотоцикле. Лудиса усадили в прицеп и привязали к сиденью, но партизаны не спешили с отъездом. Остановившись у края дороги, они с возвышенности смотрели в сторону темнеющего в долине городка, как бы чего-то ожидая.

Вдруг в ночной темноте один за другим раздались два мощных взрыва. Высоко в воздух взвились два огненных снопа, и начался пожар. Послышались выстрелы, затарахтели автоматы. Вскоре на дороге показались два мотоцикла. Достигнув места, где стоял Артур Лидум со своими товарищами, оба мотоцикла остановились.

— Все в порядке? — спросил Артур.

— В порядке, товарищ командир! — отозвался один из прибывших. — Комендатура взлетела на воздух вместе со взводом солдат и горит, как факел. Дом уездного полицейского отделения сначала не загорался, пришлось облить бензином. Этой ночью дежурил помощник самого Скуевица с тремя полицейскими. Их с полчаса тому назад утихомирили.

— Значит, сейчас они могут доложить своему шефу об успешном окончании дежурства, — сказал Артур. — Полчаса назад Скуевиц тоже отправился к праотцам, из вежливости пропустив вперед коменданта Шперлинга. Нацистам, как известно, предпочтение. Мне гауптман оставил на память свою служебную шинель и документы; возможно, пригодятся так же, как эти мотоциклы карательной команды, которые нам любезно подарил сегодня ночью сам фюрер команды.

— Товарищ командир, одно задание нам все же не удалось выполнить. Лудиса Трея мы не нашли ни в комендатуре, ни на квартире. Этот субъект...

— Этот субъект сидит уже в мотоцикле и поедет с нами в лес, — сказал Артур, кивнув в сторону Лудиса. Сын мясника застонал и заметался на своем сиденье, прицеп заскрипел. — По местам, товарищи! Нечего прохлаждаться. Надо быть на месте еще затемно.

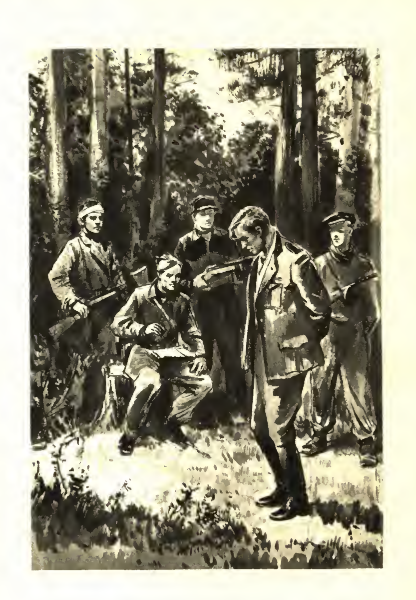
Все уселись на мотоциклы и с потушенными фарами умчались по большаку. Первую машину, с Лудисом в прицепе и молодым партизаном на запасном сиденье, вел Артур.

8

В ту ночь партизаны Артура Лидума провели еще две операции. Одна группа, состоявшая из комсомольцев, спустила под откос военный эшелон, а по пути на сборный пункт эта же группа в Аурском бору заминировала дорогу, — там утром взлетела на воздух машина с шестнадцатью эсэсовцами.

Другая группа под руководством бывшего комсорга Пурвайской волости устроила засаду неподалеку от усадьбы Мелдеров и захватила Бруно Пацеплиса, когда тот поздно вечером возвращался домой на мотоцикле. Когда Артур со своими товарищами и Лудисом прибыли к месту сбора, пурвайский комсорг встретил их на лесной тропе и доложил о выполненном задании.

— Великолепно... — сказал Артур. — Начало неплохое. Генерал-директор Дрехслер в Риге будет сегодня ругать генерала Данкера, а шеф гестапо не сможет составить очередного донесения своему начальству. Если не дивизию, то по крайней мере полк фашисты не дошлют

фронту, ибо он будет нужен для усиления внутренней безопасности нашей округи.

Рассветало. Недавно прошел дождь, мох и трава в лесу были совершенно мокрые.

Артур велел отвязать Лудиса Трея от сиденья и вынуть кляп изо рта.

— Ну, вылезай, — сказал Артур.

Лудис выбрался из прицепа. Голова его коснулась еловой ветки, и за воротник попало несколько дождевых капель. Он отряхнулся и тупо посмотрел на Артура.

— Я знаю, куда вы меня привезли,— сказал Лудис. — Это Аурский бор.

— Совершенно верно, — подтвердил Артур. — Это Аурский бор. Прекрасное место для партизанской базы, не так ли?

— Скверное место... — прорычал Лудис. То обстоятельство, что партизаны не завязывали ему глаза и позволяли все осматривать, наводило Лудиса на мрачные мысли: только такому человеку не было смысла завязывать глаза, который больше не сможет никогда рассказать кому-либо о виденном.

«На этот раз мне крышка... — подумал сын мясника и вспотел от страха. — Но, может, они еще не знают о моей деятельности при немцах? За старые дела нельзя приговорить к высшей мере наказания. Может... Артур хочет использовать меня?»

Он ухватился за эту мысль, как утопающий за соломинку, и решил держаться очень угодливо. Спокойные, почти любезные действия Артура обнадеживали Лудиса. Шагая среди группы партизан вглубь леса, он заговорил:

— Артур, нельзя ли развязать руки? Веревки начинают въедаться в тело...

— Нельзя, Луди, — ответил Артур.

— Ладно, Артур, я ведь ничего... — пробормотал Лудис, и ему опять стало не по себе. Хотя ему никто ничего плохого не делал, в действиях партизан чувствовались мрачная строгость и сдержанность, в ином взгляде можно было заметить и угрозу. «Ни черта не узнаешь, что у них на уме...» — подумал он, украдкой присматриваясь к окрестности.

За километр от дороги среди чащи леса была небольшая полянка с несколькими пнями и повалившейся старой елью. Там их ожидали партизаны. У всех было

какое-нибудь оружие: винтовка, автомат, револьвер. Поговорив со своими товарищами, Артур сказал:

— Здесь мы проведем судебное заседание. Председательствовать буду я. Прошу членов суда занять места.

Он сел на ствол поваленной ели. От партизан отделились два человека и сели рядом с Артуром — один слева, другой справа от него. Лудиса Трея вывели на середину полянки и поставили лицом к членам суда. Двое партизан с автоматами в руках стали по обе стороны.

Наступила напряженная тишина. Глаза всех были обращены на Лудиса, и хотя никто ничего еще не сказал, он понял, что этим людям известно гораздо больше, чем это желательно в его положении.

— Обвиняемый Лудис Трей... — спокойным голосом прервал молчание Артур Лидум. — Вы обвиняетесь в измене советской родине и в совершении террористических актов против мирных советских граждан. Суду известны многие факты, характеризующие вас как активного пособника немецких оккупантов и врага советского народа. Как вы можете объяснить суду ваши действия? Говорите, Лудис Трей.

Лудис повертел головой, вытянул шею, будто воротник сразу стал узок, и, посмотрев на Артура, начал говорить.

— Я не знаю... кто-нибудь оклеветал меня. В политику никогда не вмешивался и в таких вещах вообще ничего не понимаю.

— Когда вы лезли на дерево снимать красный флаг, разве это не было действием политического характера? — прервал его Артур. — И когда в конце тысяча девятьсот тридцать девятого года уехали к Маннергейму воевать против Советского Союза, разве это не была политика?

— Но тогда я еще не был советским гражданином...

— Нам это известно, и не за то мы судим вас сегодня.

— Но это и все, — сказал Лудис. — Больше никаких ошибок в своей жизни не знаю. О террористических актах вам налгали. Разве кто-нибудь из вас видел меня совершающим что-либо подобное?

— Значит, вы отрицаете?

— Категорически и всецело.

— Будут ли у членов суда вопросы к обвиняемому? — спросил Артур.

— Вопросов нет, — ответили члены суда.

— Уведите обвиняемого туда, за те деревья, и приведите второго обвиняемого, — сказал Артур.

Партизаны увели Лудиса. Минутой позже его место на поляне занял Бруно Пацеплис. Злобно и хищно, как волк, смотрел он на своих противников.

— Обвиняемый Бруно Пацеплис, — начал Артур, — вы обвиняетесь в тяжких преступлениях против советской власти и народа: в измене родине, в активном сотрудничестве с немецкими оккупантами и в массовых убийствах советских граждан. Какие пояснения вы можете дать суду?

— На основании каких прав вы допрашиваете меня? — отпарировал Бруно. — В этой стране действуют законы великой Германии, и я отвечаю только перед ними.

— Здесь не «великая Германия», а советская земля, и советские законы не перестанут действовать ни на один день. Говорите.

Бруно пожал плечами и вызывающе усмехнулся:

— Все ваши обвинения я отвергаю как необоснованные. Нет надобности отвечать на выдумки больной фантазии некоторых людей. Где свидетели, которые могли бы подтвердить это?

— Разве имя Людвига Трея вам не знакомо? Между прочим, скоро вы его увидите. С ним мы уже беседовали. Что вы знаете о нем?

— Трей — человек ограниченный и большой руки подлец. Пьянствовать, убивать — вот и все, что он умеет. Если вы Трея считаете свидетелем, то могу наперед заявить, что он готов оболгать своего родного отца, если это ему принесет какую-нибудь пользу. Лучше спросили бы его, сколько советских активистов он убил своими руками.

— Сколько советских людей убил, по вашему подсчету, Трей? — спросил Артур.

— Не меньше двухсот, — ответил без запинки Бруно.

— Свинья! — раздался внезапно из-за ближайших елок крик Лудиса. — Так ты помогаешь своему товарищу? Расскажи-ка лучше, Брунит, как ты выламывал золотые зубы из челюстей живых евреев, сколько детей убил прикладом автомата, сколько изнасиловал женщин? Чего стыдишься — выкладывай!

Бруно побледнел и сгорбился.

Артур кивнул партизанам, и Лудиса Трея снова вывели на полянку. Оба командира карательных команд,

шипя по-гадючьи, смотрели ненавидящими глазами друг на друга, — если бы партизаны не удерживали их, они сцепились бы.

Минут десять Артур не мог задать ни одного вопроса. Стараясь перекричать друг друга и привести возможно больше обличительных фактов, оба негодяя рассказали один про другого такие вещи, что партизаны, слушая их, не могли спокойно усидеть на своих местах. Так ненавидеть, презирать и стремиться уничтожить друг друга могли только два смертельных врага, но всего лишь два дня тому назад Бруно Пацеплис и Лудис Трей еще пьянствовали вместе и хвастались друг перед другом своими последними подлостями.

В пылу взаимных обвинений у них вырывались ценные показания, назывались имена еще не выявленных пособников немцев. Артур спешно заносил их в блокнот. Кроме Рейниса Тауриня, о черных списках которого партизаны уже знали, тяжелое обвинение было брошено также и владельцу кирпичного завода, руки которого уже были обагрены кровью невинных людей.

Наконец негодяи умолкли, уставшие и запыхавшиеся, и только злыми взглядами пожирали друг друга.

— Будут ли у членов суда вопросы? — спросил Артур и окинул взглядом партизан, плотным кольцом стоявших на полянке.

— Все ясно! — отозвались люди. — Нечего тянуть. Выносите скорее приговор. Земле тяжело носить таких выродков.

Через несколько минут Артур прочел приговор: «Именем советского народа суд приговорил обоих обвиняемых к высшей мере наказания — смертной казни через повешение. Исполнение приговора немедленное».

Тут произошло нечто нелепое: Лудис понял, что настал его последний час, упал к ногам Артура, моля пощадить его жизнь и обещая заплатить любую цену, какую потребуют.

— Если хотите, я заведу в западню и отдам в ваши руки всю свою карательную команду, — делайте с ней, что хотите! Доставлю оружия сколько хотите! Уничтожу по одному всех гестаповских чиновников уезда. Если желаете, поеду в Ригу и застрелю генерала полиции и самого шефа гестапо или генерала Данкера. А чтобы у вас не было сомнения, разрешите мне сейчас своими

руками удавить эту змею, проклятого фашиста Бруно Пацеплиса. На ваших глазах я сделаю это, разрешите только, прошу вас...

— Товарищ командир, разрешите мне расправиться с Бруно Пацеплисом! — послышался голос одного партизана. — Он убил мою сестру.

— А Лудиса Трея разрешите уничтожить мне! — попросил другой. — Он убил всю мою семью.

— Ладно. Пусть так и будет, — согласился Артур.

Когда партизаны повели осужденных в чащу, Бруно в последний раз выпрямился и обратился к Артуру:

— Я офицер. Нельзя ли вместо петли... пулю?

— Нельзя... — ответил Артур. — Не офицер вы, а обыкновенный палач и убийца. Пуля пригодится для какого-нибудь другого негодяя...

— Дружочек, милый, неужели ты не помилуешь меня? — выл в слезах Лудис, но Артур не слушал его.

И свершилось то, чего требовала высшая справедливость.

* * *

Весть о взрыве в комендатуре и пожаре в доме уездного полицейского отделения скоро распространилась по всей округе. Внезапная гибель гауптмана Шперлинга и Скуевица не вызвала ни одной слезинки, только жена начальника уездной полиции некоторое время носила траурную вуаль, пока ей не удалось обратить на себя внимание офицера немецкой жандармерии и стать его любовницей. Убитым солдатам комендатуры и полицейским устроили пышные похороны, на которые приехал генерал полиции и гебитскомиссар округа, но в газетах об этом ничего не написали. Народ узнал о диверсии помимо газет, и все честные люди восприняли это известие с чувством большого удовлетворения. С другого края округи спешила навстречу первой вести другая радостная весть — о спущенном под откос воинском эшелоне и о взрыве автомашины с эсэсовцами. Позже на дверях некоторых волостных правлений и уездных учреждений появились сообщения партизан о суде над Бруно Пацеплисом и Людвигом Треем. Создавалось впечатление, что это — дело нескольких крупных партизанских отрядов, действующих в разных местах. Все это причиняло много забот оккупационным властям. Следовало усилить комен-

датуры, держать в боевой готовности несколько вооруженных дежурных групп с грузовиками и полицейскими собаками, а чтобы успокоить своих встревоженных и перепуганных пособников, приходилось посылать на места происшествий карательные экспедиции.

Дрогнули насильники и предатели. У кого совесть была не совсем чиста, те боялись по вечерам шагнуть за порог своего дома. Рождалось новое сознание у стонущего под игом народа; он понял, что враг не так уж недосягаем и неприкосновенен, как казалось вначале, — ему можно сопротивляться, народные мстители заступаются за честных людей!

4

Однажды, в середине августа 1941 года, когда Артур со своими партизанами возвращался с успешно проведенной операции, в чаще леса на тропинке они встретили смертельно уставшую девушку. Вид ее говорил, что она долгие недели провела в тяжелых скитаниях. От ботинок почти ничего не осталось, чулок совсем не было; серый костюм изорван. Коричневое от загара лицо девушки обрамляла волна пышных светлых волос. Большие серые глаза грустно, но в то же время пристально смотрели на чужих людей, окруживших ее со всех сторон.

— Кто вы такая? — спросил Артур. — Куда идете?

Девушка отрицательно покачала головой, в знак того, что не понимает. Тогда Артур повторил вопрос по-русски. Поняв, что встретилась с советскими партизанами, девушка откровенно рассказала Артуру все.

Ее имя — Валентина Сафронова. Девятнадцати лет, москвичка... Отец — инженер-металлург Сафронов — в начале 1941 года был переведен из Москвы на работу в Лиепаю.

— Этой весной я кончала десятилетку, — рассказывала Валентина, — поэтому осталась в Москве до окончания школы. Сдав последние экзамены и подав заявление на исторический факультет Московского университета, я двадцать первого июня выехала из Москвы в Ригу, где меня должен был встретить отец. Весть о начавшейся войне застала меня в дороге, вернуться в Москву я не захотела, так как считала нужным повидаться с отцом и договориться с ним о своей дальнейшей жизни. Моим

горячим желанием было — оно не изменилось и сейчас — поступить добровольцем в Красную Армию. На курсах Осоавиахима я приобрела специальность радистки — мне казалось, что буду пригодна на фронте. В Риге немецкие самолеты пытались бомбить железнодорожную станцию и мосты на Даугаве... Я своими глазами видела, как на окраине города загорелся и врезался в землю фашистский бомбовоз. Отец не мог приехать в Ригу и встретить меня. Я направилась в Лиепаю, но оказалось — поезд дальше станции Салдус не пошел: моторизованные части врага уже отрезали Лиепаю. Железнодорожники и военные передавали, что у самого города начались тяжелые бои. Тогда я пошла дальше пешком и добралась до какого-то села или местечка, которое называлось Скрунда.

Артур покачал головой:

— Сумасшествие: лезть в самую пасть зверя!

Смутившись, Валентина опустила глаза, потом продолжала:

— Мне стало ясно, что я отрезана от своих и нахожусь на оккупированной врагом территории. Какой-то лиепайчанин, которому в последний момент удалось покинуть город, рассказал мне, что отец вместе с рабочими завода участвовал в защите Лиепаи, командуя ротой добровольцев. Искать его теперь в Лиепае не было никакого смысла: если он не пал в боях с фашистами, то, наверно, пробившись через кольцо окружения, сейчас пробирается с остатками своей роты где-нибудь по лесам и болотам на восток. Я повернула в сторону Риги, но когда добралась до Добеле, в столице Советской Латвии уже хозяйничали гитлеровцы. Решила любой ценой выйти из вражеского окружения и пробраться к своим. Вы знаете, как это трудно такому человеку, как я. Одна, без друзей и знакомых, в незнакомом краю, не зная латышской речи, без денег, я несколько недель блуждала по лесам и болотам, питаясь тем, что удавалось собрать на полях и в лесу или что изредка давали мне добрые люди. Это все... товарищи.

Она замолчала.

Артур видел, что Валентина Сафронова находится в таком состоянии, что о ее дальнейшем движении на восток не может быть и речи. Посмотрев документы девушки и посоветовавшись с товарищами, Артур решил принять ее в партизанский отряд. Валентину увели на

партизанскую базу. Там она отдохнула и залечила натертые ноги. После этого ей уже не хотелось уходить от этих героических людей, ибо свою заветную цель — бороться с врагами — можно было выполнить и здесь. В латвийских лесах, во вражеском тылу тоже был фронт, и советский человек мог полноценно служить своей родине и народу.

В средней школе Валентина училась немецкому языку, теперь не раз пришлось ей применить на практике свои знания, но истинную ценность нового боевого товарища партизаны узнали несколько позднее, когда Артуру Лидуму удалось установить связь со штабом партизанского движения и получить в свое распоряжение несколько раций. Валентина оказалась великолепной радисткой.

Партизанский отряд Артура Лидума постепенно становился внушительной силой, с которой гитлеровцам приходилось считаться все годы войны. Попутно с увеличением численности и усилением вооружения все расширялся и круг деятельности партизан, партизанское соединение Артура оперировало в трех уездах, и у него была налажена связь с Ригой и Латгалией.

Валентина провела все военные годы с латышскими партизанами, делила со своими товарищами все опасности и трудности и с честью выполняла все порученные ей задания. За это время она настолько освоила латышский язык, что даже разговаривала без акцента.

Там, среди болот и лесов, возникла и окрепла дружба Артура Лидума и Валентины Сафроновой. Пройдя плечо к плечу тяжелый путь, нередко смотря смерти в глаза, празднуя вместе свои победы и переживая утраты, они стали необходимы друг другу на всю жизнь, однако впервые заговорили об этом гораздо позднее, когда период кровопролитных боев подходил к концу и советский народ ясно почувствовал рассвет великой победы. Да, тогда они заговорили об этом, а вот сейчас у них была одна только дума, одно желание: сделать все для победы, что было под силу советскому человеку, а если понадобится — пожертвовать для этого и жизнью.

5

Несколько недель стонал и охал Антон Пацеплис, когда узнал о позорной смерти своего баловня Бруно. Но еще больше стонали и охали старые Мелдеры, потеряв-

шие своего долгожданного наследника. Только Жан Пацеплис не грустил о гибели чванливого брата, и так как теперь он в Сурумах остался единственным из молодого поколения, то отец и мачеха стали считаться с ним гораздо больше, чем раньше. А он становился все независимее и самостоятельнее и уже больше не отчитывался перед родителями в каждом своем шаге.

Старый Пацеплис, на словах признавая правоту оккупантов, на деле избегал в чем-нибудь помогать им. Хозяин Сурумов не спешил сдавать им ни одной капли молока, ни одного яйца, пока волостной староста и крейсландвирт не пригрозили ему судом и конфискацией. И уже когда совсем не стало выхода, Пацеплис отвез на заготовительный пункт самые плохие продукты, да и то не сполна. Волостной староста Тауринь предупреждал его несколько раз, что он может угодить в Саласпилсский концентрационный лагерь, откуда только немногим удалось выйти живыми. Если за него еще не брались, то, наверно, только благодаря Бруно: повешенный партизанами руководитель карательной команды оставался в сознании известных кругов трагическим героем, поэтому они относились довольно снисходительно к не совсем лояльному поведению его отца.

А пока отец спорил с Тауринем и крейсландвиртом, Жан на сеновале под крышей хлева слушал московские радиопередачи и услышанное передавал другим: гитлеровцы застряли под Москвой и Ленинградом!

«Вот увидите, — думал Жан, — Анна еще когда-нибудь вернется домой, и Лавиза не будет знать, что ей сказать. Плохо только, что отец в последнее время начал путаться с Кикрейзисами и Стабулниеками — от этой дружбы ничего хорошего не жди.

Иногда Жан пропадал по ночам из дому, временами его навещали знакомые пурвайские парни, но никто в Сурумах не знал, о чем они беседовали. Позже, когда весь мир взволновали отголоски великих событий под Сталинградом и в Риге начали формировать латышский легион, все эти парни, а вместе с ними и Жан Пацеплис, удрали из дому, когда их собирались мобилизовать. Партизанский отряд Артура Лидума получил новое ценное пополнение.

Марцису Кикрейзису отец за взятки достал белый билет и устроил его здесь же в волости в охране дорог и

мостов. Рослый увалень с одутловатым румяным лицом и вечно полуоткрытым ртом (он был глуховат на оба уха) выглядел идиотом и особого утешения родителям не доставлял, но душок хозяйского сынка в нем держался крепко. Дурачить себя он не позволял, и когда начинал драться с теми, кто пытался его дразнить, то не знал удержу.

Антон Пацеплис и старый Кикрейзис не забыли шутливого уговора о женитьбе Марциса и Анны, заключенного в день крестин Анны. В самый канун войны они вспомнили уговор, и он уже не показался смешным ни Кикрейзису, ни Пацеплису. Когда Марцис узнал про это, он стал торопить отца поскорее устроить свадьбу, так как Анна ему очень нравилась, хотя она и вступила в комсомол: уж как-нибудь после свадьбы он сумеет обломать жену и сделать из нее настоящую хозяйку — главное, что она красива и работяща.

Война зачеркнула эти «возвышенные» планы двух семейств. Анна пропала без вести, а Марцис ждал, что произойдет в мире, и на всякий случай поддерживал хорошие отношения с Антоном Пацеплисом. Время от времени он заворачивал в Сурумы и, зная слабость Пацеплиса к крепким напиткам, всегда захватывал с собой бутылочку. Опоражнивая рюмки, они как бы в шутку величали друг друга тестем и зятем.

Так они жили, не определив своего настоящего места в великой борьбе двух миров, выжидательно, настороженно принюхиваясь, чем пахнет в воздухе. Большевиков они не ждали, но у них не было ни малейшего желания приносить что-либо в жертву и Гитлеру, — менее всего свое собственное добро и жизнь, и то и другое могло им еще пригодиться.

Положение Рейниса Тауриня было всегда вполне определенным. Он знал, по которую сторону баррикад его место, и энергично доказывал это с первых дней войны. Он знал также, что в округе его многие ненавидят и с удовольствием свернули бы ему шею, если могли бы до него добраться. Открыто встав на путь измены и обагрив руки кровью своих соплеменников, он понимал, что все мосты сожжены и возврата быть не может, поэтому его душу не терзали никакие сомнения. Только дальше, вместе с гитлеровцами, чем бы все это ни кончилось! До сталинградской катастрофы Тауринь верил, что победа Германии

в этой войне неотвратима и что ему никогда не придется отвечать перед народом за свои черные списки, за упрятанных в могилы и тюрьмы советских людей и за все награбленное для немцев у крестьян Пурвайской волости. Когда повесили Бруно Пацеплиса и Лудиса Трея, он стал очень осторожным: с наступлением темноты не выходил из дому, много ночей не являлся домой, а ночевал или в волостном правлении, или у знакомых. Несколько раз партизаны его почти настигали, но всегда ему как-то удавалось уйти от расплаты. После сталинградских событий Тауринь понял, что его игра проиграна и рано или поздно народ предъявит полный счет за все его дела. Речь могла идти только о том, насколько удастся оттянуть неизбежный час расплаты. Тауринь стал еще осторожнее, конспирировал каждый свой шаг, а в начале 1943 года, когда после долгой болезни умерла от рака желудка Эрна Тауринь, решил, что такому человеку, как он, жить в Ургах не подобает: в городе, за спиной полиции и немецких воинских частей, можно чувствовать себя куда спокойнее.

В Ургах на Тауриня работали несколько советских военнопленных. Пригласив к себе в усадьбу какого-то дальнего родственника, он оставил на его попечение все хозяйство, научил его, как лучше всего использовать военнопленных, и однажды утром уехал, предварительно освободившись от обязанностей волостного старосты. Соседям было сказано, что ему необходимо длительное лечение под наблюдением опытных врачей, но кто из пурвайчан не знал, какой болезнью заболел Рейнис Тауринь? Болезнь эта называлась страхом.

В ту пору этой болезнью заболели многие люди, совесть которых была нечиста. Самые предприимчивые и осторожные из них начинали бросать свои взоры за море, в сторону Швеции, ибо шел слух, что тамошний воздух весьма полезен и способен излечить подобные болезни.

Пурвайским волостным старостой вместо Тауриня назначили Стабулниека, но тот оказался таким бесхребетным трусом, что уже через полгода гебитскомиссару пришлось заменить его более решительным человеком.

Он вообразил, что нашел его в лице старого Мелдера.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

В конце августа 1941 года в лагерь Латышской стрелковой дивизии прибыли новые добровольцы. Весть о создании дивизии еще не достигла всех отдаленных уголков, где приютились люди, эвакуированные из Советской Латвии, поэтому приток добровольцев в новое войсковое соединение поначалу казался таким ничтожным, что командиры сомневались: удастся ли в срок собрать необходимое количество бойцов? Но эти сомнения оказались напрасными: в то время, когда на территории обширного лагеря из прибывших латышских добровольцев можно было едва ли составить одну пехотную роту, по всем железным дорогам из ближних и дальних мест уже потекли людские ручейки, которые, слившись, могли превратиться в мощный поток, — нужно было только время, чтобы они достигли цели своего пути.

Добровольцы, прибывшие в то утро к штабу дивизии, который занимал один из домов на краю асфальтированного шоссе, застали там несколько сот своих земляков. Это было первичное ядро будущих полков и батальонов. Но когда такой батальон в сомкнутом строю отправлялся на ученье, он казался взводом, а не батальоном.

Среди юношей и усачей находилась одна девушка. Вначале она чувствовала некоторую неловкость, может быть даже думала, что ее присутствие здесь слишком

необычно; ее смущали, по временам даже злили любопытные взгляды чужих. Каждый проходящий внимательно оглядывал девушку, единственную среди мужчин, но ни на одном лице она не заметила ни удивления, ни усмешки. Позднее, когда в дивизии появились другие женщины, девушка стала чувствовать себя спокойнее и больше уже не краснела от каждого любопытного взгляда.

Это была Анна Пацеплис.

Когда прибывших выстроили для приемочной проверки вдоль шоссе и один из штабных работников, моложавый капитан, после краткого опроса начал распределять добровольцев по роду оружия и подразделениям, он ничуть не удивился, увидев молодую женщину.

— Вы где-нибудь раньше служили? — спросил капитан.

— Не служила... товарищ... — смутилась Анна. — Но я очень хочу...

— Есть ли у вас какая-нибудь специальность?

— Нет... но я скоро научусь. Разрешите мне остаться, очень вас прошу. Я трудностей не боюсь.

— Не сомневаюсь, — капитан улыбнулся, потом обратился к какому-то молодому командиру со знаками различия военного врача. — В медсанбате вам, кажется, еще нужны санитарки, не так ли?

— Точно так, но мы принимаем людей, опытных в этой работе, — ответил военврач.

— До войны я училась на курсах Осоавиахима, — поспешила пояснить Анна. — Только не успела сдать экзамена, война помешала, поэтому у меня нет никаких удостоверений, но я почти всю программу обучения прошла.

Капитан вопросительно взглянул на военного врача. Тот пожал плечами и не особенно приветливо проворчал:

— Ну ладно... Предложений много, и нам нетрудно укомплектовать санитарный состав даже одними опытными операционными сестрами, но в отдельном случае можно сделать исключение.

Этим судьба Анны была решена, и девушка просияла от радости.

— Товарищ капитан, у меня просьба... — вдруг расхрабрилась она. — Можно?

— Говорите... — отозвался капитан.

— Не находится ли у вас в дивизии Ян Петрович Лидум? — спросила Анна. — До войны он был первым секретарем укома в Н-ском уезде.

— Да, у нас... — ответил капитан и пристальнее взглянул на Анну. — Не родственница ли?

— Нет. У меня к нему письмо от его сестры. Мы вместе эвакуировались из Латвии... ехали в одном вагоне, и она ничего про него не знает.

— Товарищ Лидум сейчас военком батальона Н-ского полка. Вы его можете встретить хоть через полчаса.

— Очень хорошо! — воскликнула Анна. — Может, вы что-нибудь знаете и о его племяннике, Артуре Лидуме?

— Нет. Ничего не знаю. Думаю, что товарищ Лидум сможет сообщить вам что-нибудь более определенное.

Немного погодя Анну отвели в медсанбат, и когда все формальности были закончены, один из «старых» стрелков показал ей дорогу к батальону, где находился Ян Лидум.

В жизни Анны после ухода из дому все устроилось хорошо и правильно. Как только мрачные, покосившиеся постройки Сурумов остались за спиной, она почувствовала себя человеком, который выбрался из темной, чадной риги на свежий воздух. Девушка прошла пешком через всю Латвию и в Валке села в эшелон, который увез ее в город Иваново. Ни тогда, ни позже, когда Анна вступила в Латышскую стрелковую дивизию, никто не пытался обидеть или унизить ее, все ее уважали, хорошо к ней относились и держались, как с равной. Девушка, попав в среду настоящего товарищества, расцвела, как перенесенный на солнце увядший в темноте и холоде цветок.

От Валки до Иванова Анна ехала в одном вагоне с Ильзой Лидум. Они познакомились и в Иванове несколько недель прожили вместе. Там они поступили работницами на текстильную фабрику, работали в одном цехе.

Анна за эти дни сблизилась с Ильзой. Вечером дома они подолгу рассказывали друг другу о своей жизни. Узнав про тяжелое детство и юность Анны, Ильза всей душой привязалась к девушке, дочери Антона Пацеплиса, но ни единым словом не обмолвилась о том, какую

роль сыграл в ее собственной жизни Пацеплис. Ильза легко себе представила, какие адские условия царили в Сурумах и от какого эгоизма и жестокости там задыхалось все живое. Анна казалась ей собственной дочерью, которой пришлось до конца изведать горькую сиротскую долю: вырасти без материнской ласки, без отцовского внимания, без детства.

Когда они узнали о формировании Латышской дивизии, Ильза не пыталась отговаривать Анну, а помогла ей все приготовить в дорогу и проводила, как родную дочь. Каждую неделю они писали друг другу. Теперь у Анны в тылу тоже был близкий человек, который думал о ней по ночам и у которого она во всякое время чувствовала себя дома.

...Военкома батальона, старшего политрука Яна Лидума Анна встретила во дворе домика летнего типа, которых здесь, в сосновом бору, было очень много.

— Вы ко мне? — спросил Лидум Анну.

— Точно так, товарищ... Лидум... — ответила Анна. Она еще слишком мало разбиралась в воинских знаках различия. — Я только что приехала из города Иванова. У меня к вам письмо от вашей сестры Ильзы.

— Ильза выбралась? — воскликнул Лидум с такой глубокой радостью, что у Анны потеплело на сердце: этот человек, наверное, очень любит свою сестру. — Чудесно, девушка! Вы привезли мне праздничный подарок.

Получив письмо, он сразу же надорвал конверт и начал читать. Несколько раз, отрывая глаза от письма, он ласково глядел на Анну.

Ильза писала о своей эвакуации из Латвии, рассказала о теперешней жизни на новом месте и коротко, сдержанно спрашивала, известно ли Яну что-нибудь об Артуре: перед уходом из дому ей не удалось проститься с сыном, и сейчас она ничего не знает ни об Артуре, ни о Яне.

«Но я думаю, — писала Ильза, — если не оба, то по крайней мере один из вас должен находиться там, где сейчас собираются вместе сыны нашего народа. Если ты получишь это письмо, к тебе большая просьба: позаботься об этой хорошей девушке, которая передаст тебе эти строчки. Помоги ей, сколько сможешь, не давай в обиду — она действительно заслуживает внимания...»

Дочитав до конца, Ян Лидум задумался, потом обратился к Анне:

— Жаль, что не смогу порадовать Ильзу весточкой об Артуре.

— Я его тоже знала, товарищ Лидум, — пояснила Анна. — Он поручился за меня в комсомол.

— Вот как? Значит, вы земляки?

— Да, из Пурвайской волости...

— Я когда-то бывал в тех местах... в молодости. Ильза тоже. Но Артур... я думаю, беспокоиться еще рано. Россия слишком велика, сразу-то и не найдешь друг друга. Возможно, что он отошел в Эстонию или в Ленинград, я слышал, что там дерутся отдельные латышские части.

Лидум расспросил Анну о ее намерениях. Узнав, что она уже зачислена в медсанбат, Ян понимающе кивнул головой и сказал:

— Станем боевыми товарищами? Ладно, девушка, пусть будет так. Я теперь буду интересоваться вами и заходить в медсанбат, а вы тоже не стесняйтесь: если когда-нибудь понадоблюсь, не забывайте о старом Лидуме.

— Я вам очень благодарна, товарищ Лидум... — прошептала Анна. — Надеюсь, мне не придется вас тревожить личными невзгодами, с ними я сама справлюсь.

— У вас в дивизии есть знакомые или кто-нибудь из близких? — спросил Лидум.

— Кажется, нет.

— Тогда считайте меня своим близким человеком и впредь относитесь ко мне, как к родственнику. Договорились?

— Если разрешите...

Лидум засмеялся и крепко пожал руку Анне.

— На войне нелегко, — продолжал он. — Не забывайте нашего девиза: большевики умирают, но не сдаются. Что бы ни случилось — выше голову! А теперь как с обедом? Вы, конечно, еще не обедали?

— Не надо, товарищ Лидум, я сыта, у меня был хлеб, а скоро в медсанбате выдадут обед... — хотела отговориться Анна.

Но Лидум только улыбнулся и повел ее в домик.

— Я ведь знаю, как бывает в таких случаях. На радостях, что вас зачислили в дивизию, вы еще два дня

будете забывать про еду. А без еды какой из вас вонн? Нет, нет, я не согласен с этим.

И он не успокоился до тех пор, пока Анна не пообедала вместе с ним и еще двумя политработниками батальона. Только после этого он разрешил ей вернуться в медсанбат, пообещав позднее зайти посмотреть, как она устроилась.

«Какой же он чудесный человек!.. — думала Анна, возвращаясь в свою часть. — Думает и заботится обо всем, точно отец, хотя я для него совсем чужая».

Она еще не знала, что точно так думали о Яне Лидуме все люди, кому приходилось встретиться с ним. Именно таким он н был.

2

После ухода из Латвии жизнь Айвара мало отлнчалась от жизни всех эвакуированных латышей. Вместе со своими попутчиками-комсомольцами он на территории Эстонии вступил в один из латышских полков рабочей гвардии и там же принял свое первое боевое крещенне. Когда после отступления остатки полка с боем прорвали окружение и соединились юго-западнее Ленинграда с частями Красной Армии, державшими здесь фронт, Айвар командовал стрелковым взводом. Несколько недель он оставался в этом районе и участвовал в боях за Ленинград, потом вместе со значительной группой латышских воинов уехал к месту формирования Латышской стрелковой дивизии.

В обширном лагере, где на каждом шагу звучала латышская речь, Айвар наконец нашел Анну Пацеплнс и Яна Лидума, но твердо решил не давать о себе знать, пока не докажет на поле боя своего мужества и не завоюет таким образом права напомнить Анне о своем присутствии и отцу о своем существовании. На Ленинградском фронте ему присвоили звание младшего лейтенанта, поэтому в Латышской дивизии Айвара назначилн командиром пехотного взвода того же полка, в котором служил Ян Лидум.

Впервые Айвар увидел своего отца на полигоне, взвод тогда проходил одно из последних упражнений в стрельбе. Сердце Айвара дрогнуло, когда к нему, вместе с батальонным командном, приблизился этот могучнй человек.

Густые седые волосы выбивались из-под фуражки Лидума, являя резкий контраст с его худощавым, загорелым лицом. У него были такие ясные и ласковые глаза, что Айвару захотелось улыбнуться и до конца довериться этому человеку. В разговоре со стрелками Лидум держался очень просто и задушевно, казалось, что отец разговаривает со своими сыновьями. Он задал Айвару несколько вопросов по поводу учений взвода, а уходя, одобряюще похлопал его по плечу.

— Прекрасных ребят воспитали, товарищ младший лейтенант... Если они на фронте будут стрелять так же хорошо, как сегодня, фрицам не наготовиться березовых крестов.

Айвар в смущении не нашел слов для ответа. Долго смотрел он вслед уходящему Лидуму и глубоко, взволнованно дышал.

«Вот какой он... мой отец...» — думал Айвар. А стрелки, от которых не укрылось смущение командира взвода, тщетно пытались угадать, почему младший лейтенант Тауринь так разволновался в присутствии военкома батальона.

Теперь Айвар часто видел отца, все больше знакомился с его характером, привычками, поступками. И с каждым днем ему становилось яснее, что рядом с этим умным и самоотверженным человеком Рейнис Тауринь со своей себялюбивой душонкой был настоящим пигмеем. Если этого требовало дело, Лидум был строг и непреклонен, но он никогда не давал волю злобе, никогда не был несправедлив. Весь батальон уважал и любил его, как родного отца, и сердце Айвара при встречах с ним наполнялось радостью и гордостью. Были моменты, когда ему хотелось подойти к этому седому великану и рассказать правду, положив конец давнишней тайне, но у Айвара все еще хватало силы молчать.

«Еще слишком рано, еще ничего такого не сделано, что показало бы в ином свете приемного сына кулака. Надо терпеть и довольствоваться сознанием, что моя новая жизнь проходит у него на глазах и что мы оба живем так близко друг от друга».

Когда Айвар узнал, что Анна тоже находится в дивизии, он совсем успокоился. Все было так, как должно быть: Анна жива и здорова, их дороги пойдут рядом, и в жизни у них одна цель, один смысл. Придет наконец

такое время, когда он сможет встретиться с ней, как равный с равной, и Анна очень удивится. Сегодня, наверно, она меня, приемного сына Рейниса Тауриня, может представить только пособником врага, и если, случится, когда-нибудь и вспомнит про меня, то только с ненавистью и презрением.

Первым из старых знакомых, с кем встретился Айвар в лагере дивизии, был Юрис Эмкалн. Он сейчас служил политруком батареи артиллерийского полка. Юрис не удивился, увидев здесь своего бывшего школьного товарища, он рассказал Айвару о своей жизни после исключения из школы и не раз теперь в свободное время заходил к нему поболтать. Осторожно, без прямых и навязчивых вопросов, которые могли бы отпугнуть товарища и заставить его замкнуться, Эмкалн проверил политический кругозор Айвара и, убедившись, что он весьма узок и засорен всякими нелепостями, очень деликатно занялся политическим образованием товарища. Он понимал, что это дело не одного дня, поэтому не стремился к немедленным результатам, а, вооружившись большевистским терпением, шаг за шагом приближал Айвара к правильному пониманию великой правды, во имя которой сегодня боролся с врагом весь советский народ. Как когда-то в Приедолэ, Эмкалн заставил Айвара полюбить чтение, так и сейчас дал ему прочесть кое-что из произведений классиков марксизма-ленинизма, а затем в товарищеской беседе всегда старался выяснить, как тот понял прочитанное. Много времени для чтения у Айвара не оставалось, большая часть дня уходила на занятия на плацу и на полигоне, а по вечерам молодому комвзвода приходилось изучать устав Красной Армии. Но все же Айвар успевал прочитывать за неделю хотя бы одну политическую брошюру. И Эмкалн считал, что в теперешних условиях этого достаточно и он своей цели достиг — заинтересовал аполитичного парня идеологическими вопросами. Когда же этот интерес перерастет в неутолимую жажду и неодолимое стремление развитого человека к знанию, Айвар сам постигнет остальное.

Айвар знал, что Инга Регут тоже находится в дивизии, в одном из стрелковых полков, но до сих пор с ним еще не встретился.

Повседневно живя и вращаясь среди советских людей и вместе с ними выполняя трудные и ответственные обя-

занности бойца, Айвар понемногу проникся их настроениями и научился смотреть на события их глазами, однако некоторые вещи, совершенно ясные для остальных, он еще не был в состоянии понять. Самый смысл великой борьбы Айвар тоже понимал на свой лад. Если бы его спросили, за что и почему он борется против гитлеровских захватчиков, то получили бы примерно такой ответ: «Я борюсь против них потому, что они — немцы, вековечные враги моего народа, с которыми у каждого латыша старые счеты. И еще я борюсь потому, что против них борются люди, которые для меня дороже всех на свете, — мой отец и девушка, которую я люблю».

Подняться над своими личными соображениями и увидеть, что его позиция в великом столкновении двух миров правильна не в силу этих мелких соображений, а потому, что она совпадает с требованиями исторической справедливости, и потому, что в этой войне его родина спасает от гибели цивилизацию, которую стремится уничтожить немецкий фашизм, — Айвар еще не мог. Иногда у него прорывались наружу националистические предрассудки, самомнение, но когда политрук роты дружески указывал ему на это, Айвар обижался и уходил в себя. И все-таки он был уж не таким, как в начале войны. Хоть и медленно, хоть и с трудом, но в нем уже всходили ростки нового сознания.

3

Двенадцатого сентября полкам и отдельным частям Латышской стрелковой дивизии вручили боевые знамена, и все бойцы и командиры были приведены к военной присяге.

Стрелки надеялись, что теперь их пошлют на фронт, и с нетерпением ждали этого события. Вместе со всем советским народом они напряженно следили за событиями на огромном фронте, изучали каждое слово очередного сообщения Советского Информбюро и карту военных действий. Полчища Гитлера приближались к Москве, над столицей советской родины нависли грозные темные тучи.

«Почему товарищ Сталин не пошлет нас на фронт? — думали стрелки. — Долго ли нам еще бездействовать?»

Шли недели и месяцы, а приказа об отправке на фронт все еще не было. Стрелки и командиры продолжали

учиться, накапливая знания и опыт для предстоящих боев и нетерпеливо ожидая отправки.

Только 7 ноября, когда с мавзолея Ленина на Красной площади раздался спокойный голос товарища Сталина, все нетерпеливые поняли, что никто из них не забыт и что не даром потеряли они свое время здесь, в этом тихом лагере.

Из летних палаток полки и батальоны перебрались в теплые землянки. Снежило, мороз накрыл ледяной крышкой озера, реки и болота... И вот в один из дней, когда тысячи советских орудий стали разрушать вражескую оборону и Советская армия поднялась для гигантского контрнаступления, — тогда, наконец, пробил долгожданный час и Латышскую дивизию Верховный Главнокомандующий вызвал на фронт.

На праздник, на день ликования походила погрузка полков в эшелоны. Все улыбались, поздравляли друг друга. Каждый понимал: происходит нечто великое и торжественное.

Сидя в теплушке рядом с накаленной добела печуркой, Ян Лидум наблюдал за людьми, и сердце его наполнялось глубокой радостью и гордостью: он знал, что все охвачены одним чувством, одним желанием — до последнего вздоха служить родине.

...Выгрузившись из эшелонов вблизи Москвы, латышские стрелковые полки направились к линии фронта. Переходы совершали ночью, по обледенелым и запорошенным снегом дорогам, по которым еще недавно стучали подкованные гвоздями каблуки фашистов. Несколько дней тому назад враг был изгнан из этих мест, на каждом шагу еще виднелись следы его недавнего пребывания.

— Вот что осталось там, где гитлеровские псы ступили своей ногой... — раздался почти рядом с Айваром Тауриньем дрожащий от негодования голос. Айвар подумал, что это ротный командир Круминь, который только что шагал рядом с ним, и хотел ему ответить, но, взглянув на говорившего, узнал батальонного военкома Лидума и смущенно пробормотал:

— Точно так, товарищ военный комиссар... Как только земля их терпит?

— Они от расплаты не уйдут, — заговорил лейтенант Круминь, шагавший по другую сторону Лидума.

Мрачно смотрели стрелки на разрушения. Черные, закоптелые печные трубы маячили по обеим сторонам дороги; то здесь, то там вспыхивали тлеющие угли, подобно глазам какого-то сказочного существа, и каждый порыв ветра подымал кверху фейерверки искр, перемешанных с пеплом; снег вокруг был серо-черным, в нос ударяло запахом гари. Еще несколько дней тому назад здесь был большой колхозный поселок, а сейчас даже одинокий путник не нашел бы себе приюта от стужи декабрьской ночи. Отступая под сокрушительными ударами Красной Армии, враг на покидаемой им территории старался создать зону пустыни — будто развалины и обгорелые трубы в состоянии задержать советских воинов в их непреклонном движении на запад!

Не только от развалин и пожарищ мрачнели лица воинов. В каждом освобожденном селении они встречались с новыми ужасами: тела замученных советских людей, обугленные останки сгоревших женщин и детей, сотни и тысячи разрушенных жилищ... И когда поседевшая женщина, признав в прибывших своих, с плачем припадала головой к груди какого-нибудь парня из Видземе или Латгалии и, захлебываясь рыданиями, рассказывала о пережитых ужасах, латышскому стрелку казалось, что это его родная матушка, которую он, успокаивая, гладит по голове, и что он сейчас стоит средь развалин родного села. И ему хотелось скорее попасть на фронт — бить, крушить и уничтожать изверга, пробравшегося сюда с запада. Где-то — у Даугавы, Гауи или Венты — задыхаются под пятой врага его престарелый отец, сестренка или светлокудрые мальчуганы, лишенные ласки отца. Зов растерзанной родины и днем и ночью звучал в сердце стрелков. Им все время казалось, что полк продвигается вперед слишком медленно, что они слишком долго задерживаются на привалах. Священная ненависть и жажда расплаты гнала их по заснеженным просторам Подмосковья — навстречу орудийной канонаде, пылающему от разрывов снарядов и ракет ночному горизонту.

— Изверги... — сквозь стиснутые зубы сказал Айвар. — За все заставим расплатиться, товарищ военный комиссар... за все.

Сухой снег резко скрипел под полозьями саней и валенками стрелков. Фыркали заиндевелые лошади. Вытя-

нувшись в походную колонну, полк спешил еще до зари достичь исходных позиций, где ему надлежало принять участие в великой битве.

— Из каких вы мест? — спросил Лидум Айвара.

— Я из Видземе, товарищ военный комиссар... — ответил Айвар и отступил на середину дороги, чтоб Лидум не брел по сугробам обочины. — Из Пурвайской волости.

— А я из Бауски, — сказал лейтенант Круминь. Он был одних лет с Айваром, веселый и ладный парень. — На берегу реки Мемеле у отца был домик с четырьмя гектарами земли. Прошлой осенью прирезали еще шесть гектаров. Как-то моему старику живется теперь?.. Не прикончили ли его кулаки... Уходя, даже не удалось проститься. До войны я работал в милиции, в начале войны вместе со своей частью отошел на территорию Эстонии.

— А ваша семья эвакуировалась? — снова обратился к Айвару Лидум.

— Да, товарищ военный комиссар, все мои близкие, каких знаю, ушли... — ответил Айвар, думая о Яне Лидуме... и об Анне: он больше не считал Тауриней своими близкими. — Все ушли вместе с Красной Армией.

— Это хорошо, тогда у вас одной заботой меньше, чем у многих других ваших товарищей... — заметил комиссар.

Лейтенант Круминь вздохнул и крепко сжал губы.

«Где я этого парня видел раньше?» — думал Лидум при лунном свете присматриваясь к Айвару. Ему все время казалось, что они где-то встречались. Впервые такое чувство охватило его еще в лагере дивизии, когда он увидел этого стройного младшего лейтенанта на полигоне. И потом, встречая Айвара при разных обстоятельствах, он каждый раз испытывал это странное чувство. Этот могучий рост, твердая походка, высоко поднятая голова, черты лица, несколько мрачноватый и немного мечтательный взгляд — все казалось давно виденным, знакомым. Но Ян Лидум напрасно ломал голову, стараясь вспомнить, где и при каких обстоятельствах он встречал этого человека раньше. Может, когда-нибудь случайно, на каком-нибудь собрании, или просто на улице, этот парень на несколько мгновений привлек его внимание.

Как могла ему прийти в голову мысль, что в Айваре Таурине он видит повторенный образ собственной молодости? Если бы Лидум взглянул на свои немногие юно-

шеские фотографии, сбереженные Ильзой, это странное чувство стало бы ему понятным.

— Младший лейтенант Тауринь... — все же не удержался Лидум. — Скажите, виделись ли мы когда-нибудь до войны? Мне все время кажется, что я вас где-то уже встречал.

— Кажется... нет, товарищ военный комиссар... — ответил Айвар, покраснев до ушей. — Такого случая я не помню.

— Тогда я вас путаю, наверно, с кем-нибудь другим, — сказал Лидум. — Сколько вам лет?

— Двадцать шесть.

— Двадцать шесть... — задумчиво повторил Лидум. — У меня был сын. Ему теперь тоже было бы двадцать шесть лет... Было бы...

Айвар не осмеливался обратиться к нему с вопросом, ибо чувствовал, что дольше скрываться и лгать этому чудесному человеку — своему отцу — он не сможет.

Минутой позже они расстались. Ян Лидум ушел вперед, проверить остальные роты батальона: не слишком ли они растянулись, не оторвались ли друг от друга. Часа через два они должны были прийти на исходные позиции. В такое время военкому батальона надо было находиться среди своих людей и чувствовать, как бьется сердце каждого стрелка и командира, — он должен уметь успокоить нетерпеливых и вдохнуть новую силу и бодрость в уставших, а вот сам он не смеет быть ни слишком горячим, ни слишком медлительным.

4

Дни и ночи не прекращался гул великой битвы. С каждым днем линия фронта удалялась от Москвы на запад. На одном из секторов этого фронта, плечом к плечу с русскими, украинцами, грузинами, казахами, сражалась Латышская стрелковая дивизия. После первого огневого крещения прошло уже две недели, и теперь собравшиеся у костров бойцы разных дивизий заводили разговоры о самых ярких моментах битвы, об отличившихся бойцах, и рядом с первыми гвардейскими соединениями, кавалеристами Доватора, пехотинцами генерала Панфилова упоминали и латышских стрелков.

Две недели... Но какие это были недели!

Если бы Анне, Айвару, Юрису Эмкалну или Яну Лидуму нужно было описать все, что они видели, проделали и пережили за это время, каждый из них мог бы более или менее ясно и последовательно нарисовать только несколько эпизодов из той огромной эпопеи, которая создавалась, озаренная мрачной красотой мужества, победой трудностей и геройством.

Первая братская могила, которую с помощью взрывчатки приготовили саперы в окаменевшей земле рядом с большаком... Убитых и раненых стрелки видели и раньше, но увидеть искалеченного или навсегда умолкнувшего боевого товарища, с которым еще недавно шагал рядом в строю и бросался в атаку, — это совсем другое, никогда не забываемое чувство... Первый своими руками уничтоженный враг... Первая советская деревня, которую ты с товарищами освободил из кровавых тисков фашизма... Эти события в сознании каждого воина запечатлелись на всю жизнь. Человеческая душа содрогалась до самых глубин, и в сознании возникало новое, человек обретал новые качества. Он больше не вздрагивал, когда мимо ушей со свистом проносилась пуля врага; услышав в воздухе особый звук, он сразу определял мину и мог указать, откуда она летит, в каком месте упадет, и во-время принимал такое положение, при котором возможность ранения осколком была наименьшей. На самом поле боя, при непосредственном соприкосновении с врагом, воин уже не подчинялся внезапным порывам и пылкости — ни ярость, ни страх не затемняли его сознания и не побуждали совершать необдуманные шаги; как каждый, выполняющий тяжелую, сложную и ответственную работу, он взвешивал все, учитывая обстоятельства, и делал то, что при данной обстановке было единственно правильным.

— Не тот герой, — напоминал Ян Лидум своим стрелкам, — кто, ухарски вскочив, становится живой мишенью для вражеских пуль, а тот, у которого хватает выдержки и силы воли при самом трудном и сложном положении сохранить ясность ума и действовать целеустремленно до последней возможности, даже тогда, когда, казалось бы, нет больше никакой возможности что-то сделать.

Всеми этими качествами теперь обладал и Айвар. Когда полк получил приказ перейти в наступление, роту, в которой служил Айвар, оставили в резерве, и как бы горько это ни было, нетерпеливо алчущему боя пришлось

с этим смириться. Днем позже Айвар участвовал в освобождении какой-то деревни и с лихвой наверстал упущенное: это был бой, в котором воин мог до конца показать не только свою храбрость и презрение к смерти, но и боевое умение. Пока две другие роты вели лобовую атаку, лейтенант Круминь завел свою роту в тыл врага. Стрелки, используя русло небольшой речки как прикрытие, по-пластунски продвинулись на полкилометра и достигли дороги, связывающей неприятеля с тылом. Почувствовав угрозу окружения, укрепившийся в деревне фашистский батальон дрогнул и в панике побежал. На улицах деревни и на дороге остались в снегу сотни гитлеровских трупов. Освободителям деревни досталось много трофеев: несколько орудий, тяжелые минометы, автомашины и склад боеприпасов.

Айвару и многим его боевым товарищам казалось, что они не сделали ничего особенного и что их успеху не хватает *настоящей* героической яркости, поэтому велико было их изумление, когда несколькими днями позже в армейской и фронтовой газетах этот боевой эпизод был отображен во всех подробностях как пример до конца продуманного и согласованного тактического маневра.

Вскоре Айвару со своим взводом пришлось провести разведку одного населенного пункта, который гитлеровцы любой ценой хотели оставить за собой. Целый день и две ночи находился взвод в тылу врага, долгие часы лежали бойцы в снегу на январской стуже, а с наступлением темноты проходили большие расстояния на лыжах. Разведав все и захватив на обратном пути находившегося в секрете немецкого ефрейтора, они вернулись к себе, валясь от усталости с ног. И снова они считали, что сделано самое обыкновенное дело, которое мог бы выполнить любой из их товарищей. Айвару все время казалось, что то, к чему он готовился вот уже полгода, — большой, яркий героический подвиг — все еще не осуществлен и он еще не может подойти к Яну Лидуму, как сын к отцу.

Однажды вечером, в темноте, во время короткой передышки между боями Айвар видел Анну — она приехала на санитарной машине за тяжело раненными. В одном из боев пал командир роты лейтенант Круминь, и Айвару временно пришлось заменять его. По нескольку суток он не смыкал глаз: полк находился в непрестанном движении, одна за другой следовали стычки с неприятелем.

Вот когда пригодились Айвару его физическая сила и выносливость, закаленные в постоянной тренировке. После трех бессонных ночей, ворвавшись в укрепленное селение, у него еще хватило сил взяться за винтовку и прикладом бить гитлеровцев в рукопашном бою.

Там он впервые встретился с Индрикисом Регутом.

— Молодец, Айвар! — сказал Индрикис и крепко пожал руку своему другу детства. — Я рад, что ты с нами и находишься на верном пути.

Но в тот раз много разговаривать не пришлось: Айвар со своими бойцами должен был преследовать отходящего врага, а Индрикис спешил на КП командира полка. Он еще раз крепко пожал руку Айвару, обещал навестить его при первой возможности, чтобы основательно поболтать о старом и новом, и поспешил на КП.

Вскоре после этого Айвар в предутренних сумерках еще раз увидел Анну. До смерти уставшая, она еле держалась на ногах, но помогала размещать раненых в машине, наконец села рядом с шофером и уехала, — может быть, в медсанбат, может быть, в Москву, куда прямо с поля боя отвозили тяжело раненных.

«Тяжело тебе, девушка, приходится... — думал Айвар, глядя вслед удаляющейся машине. — Но ты молодец, настоящая молодчина, Аннушка... я горжусь тобою. Может быть, тебе когда-нибудь придется и меня отвозить в тыл, может, и нет... Кто знает?..»

...После нескольких недель непрерывных боев Латышскую дивизию вывели с передовой линии на кратковременный отдых. Какой приятной казалась теперь воинам горячая баня, как сладок был сон на мягкой соломе под теплым кровом! Стрелки попарились, помылись и в один день помолодели на несколько лет. Но на каждом лице переживания последних недель оставили след.

На солнцепеке войны быстрее чем где бы то ни было вырастали и созревали люди — Ян Лидум убеждался в этом на каждом шагу. Вспоминая, как ему несколько месяцев назад в лагере дивизии приходилось бороться со всякими предрассудками, обывательскими настроениями, проявлениями шовинизма и национальной ограниченности, — он сейчас мог спокойно, с гордостью смотреть на своих стрелков: на поле боя, как мякина на ветру, развеялись все старые предубеждения. Те же парни, которых он тогда терпеливо поучал и воспитывал, стали

теперь лучшими помощниками батальонного военкома. Если показывался сорняк, сами стрелки спешили его выполоть, сохраняя чистым свое сознание, заботясь о том, чтобы весь коллектив был здоров и крепок.

5

После отдыха и пополнения Латышскую дивизию перебросили на Северо-западный фронт. Там она приняла участие в наступательных боях в районе Старой Руссы.

Болота, однообразная, покрытая снегом, равнина с кустарником по берегам речушек и рек, редкие березовые рощицы открылись глазам стрелков. Стремясь хоть сколько-нибудь облегчить положение своей армии, зажатой в Демьянский «мешок», немецкое командование сосредоточило на этом участке фронта большие военно-воздушные силы и частыми налетами и бомбардировками пыталось деморализовать наступающие советские войска, сорвать подвоз продовольствия и боеприпасов. С утра до вечера рокотали в воздухе моторы «Юнкерсов», «Мессершмиттов», «Хейнкелей», раздавались взрывы бомб и ритмические выстрелы зениток. Фашистские самолеты держались на большой высоте, поэтому бомбежка давала ничтожные результаты; стоило появиться звену истребителей с красными звездами на крыльях, как целый авиационный полк противника, подобно стае испуганных ворон, бросался врассыпную. Случалось, удирая от наших истребителей, фашистские бомбовозы сбрасывали груз бомб куда попало — нередко прямо на головы своим.

Не помогали «Юнкерсы» и «Мессершмитты», не помогало отчаянное сопротивление дивизий «СС»: советские войска освобождали одно селение за другим и продолжали продвигаться на запад. Как огненный шквал, проносились ночью смертельные залпы реактивных минометов — славных «катюш». Батальоны советских лыжников, в белых защитных халатах, как снег на голову, сваливались на гитлеровцев, и «завоеватели мира» в ужасе поднимали вверх руки и кричали свое обычное: «Гитлер капут! Их бин плен!»

То была тяжелая, кровавая борьба, которая к концу зимы все больше принимала характер позиционной войны. Множество болот и рек ограничивали применение танков и другой тяжелой боевой техники, поэтому бои

шли главным образом за небольшие высотки, дороги, узлы сообщений, и решающее слово в этой борьбе попрежнему принадлежало пехоте.

В середине марта 1942 года Айвар участвовал в ночном бою за небольшую деревню. Деревню наши войска заняли и удержали, но Айвара в ту ночь впервые ранило в плечо. Ранение было слишком тяжелое, чтобы лечить его во фронтовых условиях, и Айвара вместе с другими ранеными эвакуировали в тыл. Молоденькая санитарка провожала их до Крестцов и всю дорогу, как умела, заботилась о раненых, но это была не Анна. Наверно, поэтому Айвар ни разу не попросил ее оказать ему одну из тех мелких услуг, какие обычны в таких случаях.

В Крестцах его поместили в санитарный поезд и увезли в Ярославль.

Несколькими днями позже в штабе дивизии был получен приказ командования фронта: целая группа стрелков, командиров и политработников награждалась орденами и медалями за геройство, проявленное в зимних боях. Среди награжденных орденом Красного Знамени в приказе значилось и имя младшего лейтенанта Айвара Тауриня.

...В тот вечер, когда Айвара поместили в санитарный поезд, Анну Пацеплис на очередном партийном собрании принимали в кандидаты партии. Девушке в тот день казалось, что она наконец достигла совершеннолетия и стала равной среди товарищей. Впервые в своей жизни Анна в тот день услышала из уст других людей столько дружеских и ободряющих слов. Она не знала, куда девать глаза, когда парторг рассказывал о ее старании в учебе и смелости на поле боя. Он говорил, как она помогает товарищам, с каким самопожертвованием выполняет свои обязанности и как неуклонно работает над повышением своего политического уровня.

Анне думалось, что об этом совсем не следует говорить: ведь это только долг — какой человек мог сейчас не отдавать родине всего себя?

Со времени знакомства с Яном Лидумом Анна только несколько раз навестила его — не потому, что в ее жизни случались какие-нибудь осложнения и была нужна его помощь, а потому что вблизи комиссара всегда становилось светлее на душе и, уходя, человек вдруг чувствовал, будто стал богаче, и еще потому, что Ильза, с кото-

рой Анна старательно переписывалась, просила ее узнать, как живется брату: есть ли у него чистое белье, зачинена ли одежда, не живет ли он как попало. Изредка Лидум и сам находил Анну, так как в своих письмах Ильза всегда напоминала, чтобы он не упускал из виду девушку и в это тяжелое время был бы ей вместо отца. Их отношения уже давно стали простыми и естественными, они сейчас называли друг друга на ты, поэтому другие санитарки и начальство Анны полагали, что батальонный военком Лидум является ее близким родственником.

Попав в боевую обстановку, Анна смотрела на все восторженными глазами романтика, но первая же кровь и первые искалеченные товарищи придали ее взору настоящую остроту, серьезность и в то же время научили ее спокойно воспринимать действительность. В ту боевую ночь, когда она впервые увидела раненых, притащенных на плащ-палатке с переднего края, Анна плакала над их страданиями и старалась всем им быть сестрой и матерью. По дороге в Москву один из тяжело раненных скончался в санитарной машине, и девушка всю обратную дорогу всхлипывала, будто потеряла родного брата. Эта чувствительность сохранилась и позже; страдания других людей всегда находили отклик в душе Анны, но со временем они перестали расслаблять ее. Наоборот, это вызывало новую энергию, почти мужскую суровость и волю к действию. С помрачневшим лицом, с плотно сжатыми губами, Анна выносила из боя раненых и ухаживала за ними; со стороны казалось, что эта красивая девушка или на всех сердита, или совершенно бессердечна, но каждому, кто длительное время наблюдал за ней, становилось ясным, что эта суровость чисто внешняя.

Первым, заметившим это, был Ян Лидум. Когда в дивизии стало шириться снайперское движение и Лидум узнал, что Анна хочет стать снайпером, он переговорил с товарищами, от которых зависел ее перевод, и Анна стала учиться на снайпера. Но сам комиссар ни словом не обмолвился ей о своей роли в этом деле.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

До конца мая 1942 года Айвар пролежал в военном госпитале в Ярославле. Рана зажила быстро, только левая рука утратила былую подвижность — требовался массаж. Лечение Айвар закончил в доме отдыха Латышской стрелковой дивизии под Москвой. Дачный поселок, где находился дом отдыха, соединялся со столицей электрической железной дорогой. Несколько раз в неделю Айвар с фронтовыми товарищами ездил в Москву и долгие часы посвящал осмотру столицы.

Фронтовики обошли вокруг Кремля и, остановившись на Красной площади, долго смотрели на мавзолей Ленина. Здесь покоился бессмертный создатель великой партии и советского государства. Здесь же, в седом Кремле, неутомимо думал и заботился о настоящем и будущем своего народа и всех трудящихся мира великий Сталин. С надеждой и упованием обращались к этому месту взоры всех честных людей мира, и Айвар чувствовал себя как-то совсем необычно при мысли, что он находился так близко от великого вождя. Глубоко взволнованный, юноша смотрел на древние строения Кремля, где в своем простом рабочем кабинете работал Сталин.

В московских театрах Айвара очаровало великое искусство русского народа. На улицах и площадях его

поражали здания, созданные за короткий срок советским человеком. Как сказочный подземный замок, блистало метро. Мосты, один красивее другого, соединяли берега Москвы-реки; парки, стадионы, гордые корпуса новых строек славили труд свободного человека. И теперь Айвар со стыдом и негодованием вспоминал ложь и клевету о жизни советского народа, которыми в свое время пичкали его и других легковерных людей командиры Н-ского полка и буржуазная пресса Латвии. Как это он мог верить даже крупице этой лжи!

«Если бы вместе со мною здесь была Анна... — думал он. — Все тогда стало бы еще прекраснее и величественнее. Ее мысли, переживания обогатили бы меня. Будет ли когда-нибудь так?»

Об Анне он вспоминал и думал часто. Вечерами, перед тем как ложиться спать, он мысленно вел с нею длинные разговоры, рассказывал ей обо всем, что видел и делал днем, и, таким образом, чувствовал постоянно рядом с собой любимую девушку. Конечно, это был самообман, но он помогал Айвару.

В конце июня Айвар прибыл в Латышский запасный полк. Прожив несколько недель в лагере, с которым хорошо познакомился за время формирования дивизии, Айвар отбыл с одной из маршевых рот на фронт. Из писем товарищей он знал, что за боевые заслуги во время зимних боев награжден орденом Красного Знамени. Недавно Айвару присвоили звание лейтенанта.

* * *

Ян Лидум был одним из первых знакомых людей, кого Айвар встретил в новом расположении Латышской дивизии. Теперь Лидум был уже военным комиссаром полка и повышен в звании.

— Что, опять дома, лейтенант Тауринь? — спросил Лидум и, улыбаясь, пожал руку Айвару. Они встретились на берегу маленькой речки, там же находились землянки штаба полка. — Наверно, не могли дождаться, когда попадете обратно?

— Так точно, товарищ полковой комиссар... — ответил Айвар. — Чуть не умер с тоски. Зато теперь так хорошо, будто домой приехал, только все стало еще милей и ближе.

— И это верно, надо любить свою военную семью. Мы все здесь вместе на жизнь и смерть. Рука в порядке?

— Как будто и не было ничего, товарищ комиссар. Советские врачи знают свое дело.

— В какую часть зачислены?

— Обратно в свою старую роту, только на этот раз ротным командиром.

— Вот как? Да, правильно, вашего предшественника посылают учиться в «Выстрел».

Отпустив Айвара, Лидум посмотрел ему вслед и подумал:

«Как угодно, но я этого парня где-то встречал раньше. Такое знакомое лицо...»

Свою роту Айвар нашел во втором эшелоне дивизии, в хорошо замаскированных шалашах из еловых ветвей. Переговорив с командирами взводов и отделений, он обошел шалаши и познакомился со стрелками, среди них было много новых. В одном месте стрелки беседовали о последних успехах дивизионных снайперов. Айвар подсел к ним, угостил ребят папиросами.

— Снайперское движение у нас быстро расширяется, — рассказывал ротный старшина Платонов. — И самое замечательное, товарищ лейтенант, — сказал он, обращаясь к Айвару, — что и девушки не отстают. Многие из них перешли из медсанбата в стрелковые роты и сменили санитарные сумки на снайперскую винтовку. Не знаю, товарищ лейтенант, помните ли вы такую — Анну Пацеплис из санбата... Храбрая была девчина — за московские бои ее наградили Красной Звездой.

— Что с ней случилось? — спросил Айвар, и сердце его было готово от волнения выпрыгнуть из груди. — Я ее... хорошо знаю...

— Случиться ничего не случилось, — ответил старшина. — Сейчас она прикомандирована к нашему батальону и в течение месяца уничтожила одиннадцать фрицев. Здорово, не правда ли, товарищ лейтенант?..

— Действительно, здорово... — согласился Айвар. К щекам его снова прилила кровь. — Побольше бы таких девушек!

Бойцы заварили чай и пригласили Айвара разделить с ними скромный фронтовой ужин. Он достал из веще-

вого мешка печенье, бутылку портвейна и поставил на стол свой пай.

Да, он действительно снова вернулся домой. Товарищи встретили его, как родного, близкого. Нигде он сегодня не чувствовал бы себя так хорошо, как среди них.

* * *

Новый участок фронта был очень однообразен и тяжел для позиционной войны: открытая, хорошо доступная обозрению равнина с разбросанным мелким кустарником и редкими небольшими холмиками в полосе фронта. Каждая такая высотка в местных условиях имела большое значение и представляла как бы маленькую крепость, вокруг которой завязывались ожесточенные бои. Артиллеристы с трудом находили ориентиры, разведчикам чаще обычного приходилось поглядывать на компас. Вначале, направляясь с передовой в ближайшие тылы, стрелки часто теряли направление, и командирам пришлось специально тренировать своих связных, пока они не научились находить в однообразном ландшафте различные ориентиры, на которые раньше не обращали внимания.

Как-то ночью, когда Айвар уже успел ознакомиться с окружающей обстановкой и людьми, полк подполковника Виноградова сменил отходящий на отдых полк и занял передовые позиции. Рота Айвара стояла теперь на самом правом фланге полка и соприкасалась с левым флангом другого полка. Впереди, метрах в трехстах, находилась небольшая сильно укрепленная высотка, занятая немцами. Подходы к высотке были защищены проволочными заграждениями и спиралями Бруно.

Как кроты, зарылись стрелки в землю, наблюдая и изучая расположение противника, и про себя думали: «Как было бы хорошо, если бы высотка принадлежала нам...» То же самое думали командиры, командование полка и дивизии.

Когда рота разместилась на своих позициях, политрук роты Пакалн — мужчина лет пятидесяти, работавший до войны парторгом одного рижского завода, — разыскал в окопах Айвара и начал с ним разговор, о котором думал еще с момента возвращения Айвара на фронт.

— Товарищ Тауринь, теперь ты уже бывалый воин,

награжденный орденом... пролил кровь за родину. Не пришла ли пора подумать о вступлении в партию?

Айвар смутился и долго медлил с ответом. Предложение Пакална застигло его врасплох. Партия... стать членом партии... Ведь это было высшее доверие, оказываемое человеку, но в его жизни не должно быть темных пятен, ничего такого, что приходилось бы скрывать от других людей.

— Но вы еще так мало меня знаете, — ответил Айвар. — Что это — десять месяцев...

— Зато какие месяцы, Тауринь! За эти десять месяцев была возможность сотни раз убедиться, что каждый из нас представляет. Готовность отдать жизнь за советскую родину — какое доказательство преданности может быть убедительнее этого!

Айвар, немного подумав, сказал:

— Сегодня я еще ничего не отвечу. Мне хочется... мне обязательно надо поговорить по этому вопросу с одним очень близким человеком.

— Поговори.

Человек, с которым Айвар хотел посоветоваться, был Ян Лидум. Ему надо было рассказать все, ничего не скрывая. Пока отец не узнает всей правды и не выскажет своего мнения, до тех пор Айвар не хотел рассказывать ни одному человеку о своем запутанном прошлом.

В условиях боевой обстановки Айвар не мог ни на минуту оставить позиции своей роты, поэтому встретить военкома полка было трудно. Правда, Лидум ежедневно появлялся в батальонах и ротах, иногда посещал Айвара и на передовой линии, но разве при таких обстоятельствах, когда ни на секунду нельзя спускать глаз с коварного врага, можно было думать о серьезном разговоре с отцом? Для такой беседы нужно было подходящее место. И Айвар ждал, когда роту отведут на короткий отдых во второй эшелон.

Это были жаркие дни и ночи сплошных тревог. Враг ежедневно обстреливал позиции полка минами и артиллерийскими снарядами, бомбил с воздуха и несколько раз переходил в наступление, пытаясь вклиниться в нашу линию обороны, и почти всегда главная тяжесть удара падала на небольшой сектор, обороняемый ротой Айвара. За неделю им пришлось перенести три массированных

налета авиации и несколько ураганных шквалов артиллерийского огня. Но враг ничего не добился.

Однажды ночью роту Айвара Тауриня сменила рота первого батальона, а второй батальон на несколько дней перевели в дивизионный резерв — на отдых.

2

В один из ясных августовских дней на узкой тропке посреди ольшаника произошло то, о чем так сильно мечтал Айвар. Возвращаясь из батальонного штаба в расположение своей роты, он встретил Анну. Увидев внезапно в нескольких шагах от себя загорелого, плечистого лейтенанта в стальном шлеме, Анна не узнала его и сошла с тропинки, уступая дорогу. Но лейтенант не торопился проходить, он остановился и, взволнованно улыбаясь, смотрел на Анну.

— Добрый день, Анна... — приветствовал он. — Разве не узнаете больше старых соседей?

Анна, как бы не веря своим глазам, долго вглядывалась в смуглое лицо парня, а потом пробормотала:

— Айвар Тауринь... ты... вы тоже находитесь здесь?

— Как видите... — сказал Айвар. — Разве это так невероятно?

Робко и неловко пожали они друг другу руки и в первую минуту не знали, о чем говорить, куда глядеть.

— Это было трудно предвидеть... — сказала наконец Анна, отвечая на вопрос Айвара. — Я думала, что вы остались у немцев. Ведь ваши родители... не эвакуировались?

— Таурини? Нет, им даже в голову не могла прийти такая мысль. В сущности говоря, они и не знают, что я ушел вместе с Красной Армией. Думают неизвестно что. Ну и пусть... какое мне дело!..

— Как же это? Вас так мало заботит, что думают ваши родители?

— А вы о своих много думаете?

Анна посмотрела на Айвара и невольно улыбнулась:

— Мои родители — дело особое. У нас уже давно... не было согласия. Но скажите, почему именно вы не остались в Ургах. Вас-то гитлеровцы не тронули бы.

— А вы, Анна, остались бы там, если определенно знали, что гитлеровцы вас не тронут?

— Ни в коем случае!

— Почему?

— Потому что не могу представить себе жизнь под их ярмом... потому что мне надо быть вместе с моими товарищами и бороться с захватчиками!

— Почему же мне не быть вместе с вами?

Они присели на пни и продолжали беседу. Айвар рассказал Анне, как он ушел из дому, как встретился с советской молодежью, как вместе с нею дошел до Эстонии. Ленинград... дивизионный лагерь... первые бои под Москвой, затем ранение под Старой Руссой... госпиталь, дом отдыха, запасный полк... и снова фронт. Просто и скромно рассказывал Айвар о последних боевых эпизодах, как о чем-то совсем обыкновенном, и больше о своих боевых товарищах-стрелках, чем о себе. Создавалось впечатление, что во время массированного налета немецких бомбардировщиков и позже — при отражении атак фашистской пехоты — на его долю выпала лишь роль статиста, а все сделали другие. Анна поняла: Айвар затушевывает свои заслуги. Не было ни малейшего сомнения, что он является настоящим воином, способным командиром, храбрым и хладнокровным в самой трудной обстановке — одним из тех, кого старшие командиры ставят в пример молодым воинам. Его скромность и сдержанность понравились Анне, и с этого момента он предстал перед ней совсем в ином свете.

Анна рассказала Айвару о своей жизни с того времени, как оба они оставили родные края. И когда все было рассказано, у обоих возник один и тот же вопрос: как-то живется сейчас там, у Змеиного болота? И они заговорили о том, что, по их мнению, могут делать сейчас их домашние и что случилось с общими знакомыми.

— Мой сводный брат Бруно теперь самый ярый помощник немцев, — сказала Анна. — Добром он не кончит.

— Мой приемный отец во всяком случае не отстанет от него и роет себе яму, — заявил Айвар.

— Мне все же не совсем ясно, — сказала Анна, — почему вы ушли из дому. Вы, по-моему, хорошо уживались со своими приемными родителями. А о своих настоящих родителях вы что-нибудь знаете?

— Долгие годы я ничего не слышал о них. Узнал только в день своего ухода из дому.

— И потому именно ушли, что узнали?

— Отчасти потому... и еще по одной причине, но о ней я скажу вам только после войны.

— А вы знаете, где они сейчас находятся? Встречались когда-нибудь?

— Скоро встречусь.

— Тогда я начинаю кое-что понимать, — сказала Анна и протянула Айвару руку, но он просил не уходить.

— У меня к вам просьба, Анна... Недавно у меня был серьезный разговор с политруком нашей роты Пакалном. Он думает, что пришло время вступить в партию. Вы одна из немногих в дивизии, кто в какой-то мере знает мое прошлое. Если бы это произошло... дали бы вы мне рекомендацию? Одну рекомендацию обещал мне Пакалн.

Анна изумленно посмотрела на Айвара.

— Меня только недавно приняли в кандидаты партии, — сказала она. — Я еще не могу дать поручительство.

— Я этого не знал...

— До свидания, Айвар...

— До свидания, Анна...

Как очарованный, смотрел ей вслед Айвар и чувствовал себя самым счастливым человеком в мире. Более получаса говорила с ним Анна дружески и просто, а уходя, назвала по имени: Айвар... Так никогда не называют чужого, так никогда не говорят человеку, которого не желают знать.

— Спасибо, милое солнышко... — шептал он, глубоко взволнованный. — Как я сейчас буду воевать, ох, как буду воевать! Тебе не придется стыдиться знакомства со мной.

А у Анны на душе было невесело. Не давала покоя мысль: товарищи Айвара по роте, очевидно, ничего не знают о его прошлом. Он им ничего не рассказал или сообщил не все и не самое главное, что надо было знать рекомендующим и партийному собранию. Как бы посмотрел Пакалн на то, что в Ургах было девяносто гектаров земли и много батраков и батрачек? Определенно не дал бы тогда рекомендации. Но почему Айвар молчит об этом? От партии нельзя ничего скрывать. Если он это

делает, не осознав значения своего проступка, то совершает преступление перед партией и она никогда не сможет оказать ему доверия.

Чем больше думала об этом Анна, тем неспокойнее становилось у нее на душе. «Может быть, Айвар сам расскажет обо всем на партийном собрании... А если он не расскажет? Такой поступок недопустим. Я единственный человек в дивизии, знающий прошлое Айвара. Мне молчать нельзя, ведь через некоторое время, когда станет известным все, Айвара придется исключить из партии как обманным путем пробравшегося в ее ряды».

В тот день должен был состояться слет снайперов полка подполковника Виноградова. Анна отправилась на слет часом раньше, чтобы успеть поговорить с военкомом полка Яном Лидумом об Айваре Тауринե. Она знала, что этот седой, закаленный революционер сумеет разобрать запутанный случай и правильно разрешить его.

Лидум принял ее в своей маленькой землянке.

— Что у девушки на сердце? — спросил он ее и, как обычно, поощрительно улыбнулся. — Садись, Аннушка...

Анна села и начала рассказывать. Лидум ни разу не прервал ее, спокойно выслушал необычайное сообщение, но глубокие складки на лбу свидетельствовали, что он недоволен. Когда Анна умолкла, военком задумался, барабаня по столу пальцами.

— Может быть, Тауринь только приспосабливается? — спросил Лидум. — Весьма вероятно, что он заслан в дивизию со специальными заданиями, о которых мы и понятия не имеем. Враг очень коварен и не отказывается ни от какой возможности навредить нам.

— Я думаю, что дело обстоит не так плохо, товарищ комиссар, — ответила Анна. — Считаю лейтенанта Тауриня честным человеком, но в партию принимать его рано. Поэтому я сочла необходимым рассказать тебе все, что знала о нем.

— За это большое спасибо... — сказал Лидум.— Пока никому не говори о нашей беседе. Хочу уточнить некоторые обстоятельства, тогда увидим, как быть с этим человеком.

Когда Анна ушла, помрачневший Лидум долго сидел, подперев голову кулаками. Он был недоволен собой.

«Неужели я так постарел, что не умею больше разбираться в людях? — думал седой великан. — Мне он ка-

зался таким честным... сделанным из настоящего материала. Выходит, что я встретился с трусом. На передовой он не боится смотреть в глаза смерти... это он умеет делать как следует... а сказать о себе правду у него не хватает духу. Что теперь делать с ним?»

В дверь землянки постучали. Вошел вестовой.

— Товарищ комиссар, там пришел лейтенант. Во что бы то ни стало хочет, чтобы вы его приняли. Что сказать ему?

— Какой лейтенант? Что ему нужно?

— Командир роты, лейтенант Тауринь... — пояснил вестовой. — Он не сказал, по какому делу. Я его спрашивал, а он говорит, что об этом может сказать только вам.

Лидум сердито наморщил лоб. «Так, так... — подумал он. — Хочет оправдываться... Совесть мучает. Ну ладно, давай посмотрим, что ты за птица».

— Пусть войдет, — сказал Лидум. — Пока не закончу разговора с ним, никого не впускайте ко мне.

— Ясно, товарищ комиссар, — отозвался вестовой и вышел.

8

Лидум пристально взглянул на Айвара, затем, подавив неприязнь, сказал по возможности спокойно и вежливо:

— Присаживайтесь, товарищ лейтенант. Я вижу, что стоять на ногах в этом погребке для вас мученье. Таким Голиафам, как мы, рост иногда создает некоторые неудобства.

Айвар сел на скамейку по другую сторону столика и сжал в руках выцветшую пилотку. Он казался очень взволнованным. Снова и снова его пальцы сжимали пилотку, а потом разглаживали, чтобы снова скомкать.

— Мне надо с вами поговорить, товарищ военный комиссар, по очень серьезному делу... — начал Айвар.

— Я слушаю... — сказал Лидум.

— Политрук нашей роты, товарищ Пакалн, заговорил со мной о том, что мне пора вступать в партию, — продолжал Айвар. — В моей жизни есть много такого, что бросает на меня тень, и я не хочу делать этот серьезный шаг, не рассказав предварительно все о моем про-

шлом. Я хотел рассказать это вам и от вас я хочу получить совет. Согласны ли вы меня выслушать?

— Пожалуйста, рассказывайте...

Айвар, глядя в землю, несколько секунд молчал, затем распрямил плечи, посмотрел на Лидума спокойным, грустным взором и начал:

— Это будет рассказ про искалеченную жизнь, товарищ Лидум. Была однажды семья — муж, жена и маленький мальчик. Они жили в нужде, как многие батрацкие семьи. Муж выполнял тяжелую батрацкую работу и мечтал о другой, лучшей жизни, которую простые люди могли завоевать только борьбой, — поэтому он стал революционером. Единственному сынишке революционера было семь лет, когда полиция арестовала его отца и заточила на долгие годы в тюрьму. Вскоре погибла от несчастного случая на работе мать, и мальчик остался на свете совершенно одиноким и беззащитным. Так как он стал в тягость обществу, его с торгов отдали каким-то людям, которые за его содержание требовали от волостного правления наименьшую доплату. Прожив там несколько месяцев, он попал в другую семью. Его взял на воспитание богатый кулак — Тауринь из усадьбы Урги Пурвайской волости. У Тауриня своих детей не было, а для крупной усадьбы нужен был наследник, поэтому кулак усыновил мальчика, дал ему свое имя и воспитал, как своего сына. Мальчику объяснили, что его родители умерли, чтобы он забыл о них, а своим отцом и матерью считал бы Тауриня и его жену. Так мальчик и сделал. Из приемного сына старались сделать настоящего хозяйского сына, привить ему все качества кулака.

Окончив среднюю сельскохозяйственную школу, он вскоре ушел на действительную военную службу, а после демобилизации работал в хозяйстве приемного отца и помогал увеличивать его доходы. В первый год советской власти он имел возможность только издали наблюдать, как живут и работают советские люди. В те дни он встретил девушку, одну из тех, с которыми Тауринь не позволял ему дружить, и которая теперь всем своим существом находилась на другом берегу, среди строителей новой жизни. Он полюбил ее, любит и по сей день, хотя она этого не знает и на его чувства не ответила даже простой дружбой. Когда началась война и девушка эвакуировалась вместе с активом своей волости, ему показа-

лось, что весь мир стал пустыней. Приемный отец накануне войны ушел в банду, а когда ворвались фашистские войска, вернулся домой и стал побуждать своего приемного сына стать во главе банды убийц, убивать невинных людей. Но сын уже находился во власти сомнений, и предложение приемного отца претило до глубины души. Он чувствовал, что место его на той стороне, где находилась его любимая девушка, и что в этой великой борьбе двух миров он не может остаться с Тауринем и подобными ему хищниками, но мысль об уходе, об эвакуации вместе с советскими людьми родилась у него несколько позже, когда он узнал нечто чрезвычайно важное...

Вслушиваясь в рассказ Айвара, Ян Лидум сидел, не проронив ни слова, только по временам грудь его бурно вздымалась и из нее вырывался тихий, приглушенный вздох, руки сжимались в кулаки, и в те мгновения он незаметно поглядывал на Айвара — пристально, испытующе и взволнованно, словно ожидая желанного подтверждения какому-то неясному предположению, которое с каждой секундой все неотвратимее охватывало его.

— Что вы... узнали? — не выдержал Лидум. Его голос вдруг охрип и задрожал.

— В тот день я узнал, что мой отец не умер... что он жив, — продолжал Айвар. — Я узнал его имя, где он живет и работает, и мне стало ясно, что этот человек заслуживает большой любви и надо постараться стать достойным его. Я оставил Урги, чтобы больше никогда туда не возвращаться приемным сыном Тауриня и чтобы найти своего родного отца.

— И вы... его нашли? — спросил Лидум и больше не спускал глаз с Айвара. Туманное предположение начинало превращаться в уверенность; всей душой желая, чтобы *так оно было*, он все же боялся ошибиться, поэтому сдерживал себя и всеми силами старался совладать со своими чувствами.

— Да, нашел... — вздохнул Айгар.

— И кто же он? — как стон, как мольба, вырвалось из груди Лидума.

Тогда Айвар посмотрел на него долго, нежно, его губы дрогнули, и глаза внезапно наполнились слезами:

— Отец... — прошептал он. — Неужели ты меня... еще не узнаешь?

И обмяк могучий стан парня, голова склонилась на грудь и плечи дрогнули от неудержимых рыданий.

Теперь, наконец, Ян Лидум понял, почему ему казалось, что когда-то он видел этого человека, и на кого походил он — его собственная молодость глядела на него этими грустными глазами, которые сейчас стыдились своих слез.

— Айвар!.. — воскликнул он, бесконечно счастливый. — Это ты?.. Ты... мой сын...

Он обнял Айвара, и долго сидел рядом, не произнося ни одного слова, а его большие, сильные руки все время, не переставая, гладили плечи Айвара, голову, пышные волосы, и, как Ян этому ни противился, в глазах накапливалась соленая влага и крупными каплями скатывалась по щекам.

— Айвар, дорогой мальчик... наконец-то мы вместе... — шептал Лидум. — Все будет хорошо, все устроится... Оба заживем новой жизнью. А Тауринь... ты забудь его... не думай больше о нем.

Несколько успокоившись, отец начал расспрашивать сына, как он ладит с товарищами, как проводит свой досуг, много ли читает, каковы его планы на будущее. Потом они говорили о текущих политических событиях, о причинах, вызвавших Великую Отечественную войну. И у Айвара вырвалась страстная фраза:

— Немецкий народ — преступный народ, и пока не удастся его уничтожить, до тех пор человечество жить мирно не сможет.

«Бедный мальчик... — подумал Лидум. — Много еще каши в твоей молодой голове. И как же ей не быть, когда почти два десятка лет тебя пичкали такой мудростью. Ну ничего, хоть и попотеть, конечно, придется, но я все-таки сделаю из тебя настоящего советского человека».

Айвару он сказал:

— О вступлении в партию пока не может быть и речи. Живи и работай честным беспартийным большевиком. Только не унывай; у тебя все впереди.

— Конечно, ты лучше знаешь, что правильно и что неправильно, — сказал Айвар. — Головы вешать не буду.

— А теперь, мой мальчик, оправь как следует гимнастерку и подтяни ремень: мы пойдем к командиру полка. Пусть Виноградов первым увидит, какой сын у старого Лидума.

4

Подполковник Виноградов, стройный мужчина лет тридцати пяти с маленькими черными усами и карими острыми глазами, только что вернулся от командира дивизии и изучал карту, когда к нему явился Ян Лидум с Айваром.

— Не помешаем? — спросил Лидум, сгибаясь в три погибели в дверях землянки.

— Как раз наоборот, Иван Петрович, — отозвался Виноградов. — В самый раз. Нашему полку предстоит важное задание. Заходи... — Только сейчас он заметил, что вместе с Лидумом пришел лейтенант Тауринь. — Здравствуйте, товарищ Тауринь. Вы явились кстати, только что хотел посылать за вами. У меня для вас задание. Понимаете — прямо для вас. Но, во-первых, присядьте, друзья. Нам придется поговорить. Что с тобой, товарищ Лидум? У тебя такой счастливый вид.

— Ты угадал, Кирилл Степанович... — ответил Лидум, широко улыбнувшись. — У меня сегодня очень счастливый день.

— Великолепно, Иван Петрович, — улыбнулся Виноградов. — В таком случае поздравляю. О твоем счастье побеседуем немного погодя, а сейчас первым делом отпустим лейтенанта Тауриня, так как ему до вечера предстоит еще многое сделать.

Когда все уселись, Виноградов продолжил:

— Наш полк сегодня вечером должен вернуться на передний край и с утра начать действовать. Задача: теснить врага к болоту, вот сюда, — он показал на карте голубоватое пятно с мелкими черточками. — Пусть он там помокнет в грязи и воде, а мы посидим на суше. Ясно, что в самом болоте фриц не захочет сидеть. Когда загоним его в воду, он волей-неволей переберется на другой берег, и болото фактически тоже очутится в наших руках.

— Но тогда нам сначала надо занять высоту, — заметил Лидум. — Пока высота, Кирилл Степанович, находится в руках гитлеровцев, нечего думать о дальнейшем продвижении. Иначе операция потребует больших жертв.

Виноградов утвердительно кивнул головой, затем посмотрел на Айвара:

— Как вы думаете, товарищ лейтенант?

— Так же, как... товарищ Лидум, товарищ подполковник, — ответил Айвар. — Сначала врага надо прогнать с высоты.

— Совершенно верно, — сказал Виноградов.— И прогнать сегодня ночью, и сделать это придется вам, товарищ Тауринь. Вы хорошо знаете место, две недели удерживали сектор под носом этой высоты... а главное — как держали! Мы уверены, что сумеете отбить и удержать высоту. Как твое мнение? — обратился он к Лидуму.

Только на несколько мгновений лицо комиссара чуть побледнело и глаза обратились к Айвару. Тот ободряюще улыбнулся отцу. Тогда Лидум сказал:

— Почему нет... Думаю, удержит.

— Товарищ Тауринь, — продолжал Виноградов, — мы понимаем, что задача не легкая. Здесь будут нужны железные ребята. Ударную группу составим из добровольцев. Охотников хватит.

— Хватит, товарищ подполковник! — воскликнул Айвар. Сияющие глаза его свидетельствовали, что он уже находится во власти новых мыслей. — Я думаю, в нашей роте никто не отсеется. Сейчас, по крайней мере, не могу себе представить ни одного, кого нельзя было бы взять с собой для этого удара.

— Тем лучше, товарищ лейтенант. Теперь идите в роту и обеспечьте операцию боезапасом и сухим пайком. Часа через два получите окончательные указания, а с наступлением темноты ударной группе надо быть на исходных позициях. Все ясно? Вопросов нет?

Айвар встал.

— Все ясно, товарищ подполковник. Вопросов нет. Разрешите выполнять?

— Можете идти... — Виноградов встал и подал Айвару руку. — Желаю удачи, товарищ лейтенант.

— Благодарю, товарищ подполковник.

Айвар повернулся и хотел было выйти из землянки, но, что-то вспомнив, задержался и взглянул на отца. Лицо Яна Лидума было серьезным и строгим. Он несколько замешкался, затем поднялся, подошел к сыну и обнял его. Поцеловал в обе щеки и сказал:

— Держись, мой мальчик... и помни, что старый Лидум в трудную минуту поддержит тебя. Ну, счастливого пути.

Когда Айвар вышел, Лидум вернулся и сел за стол

напротив Виноградова. Строгое выражение сошло с его лица, он теперь улыбался, и подполковнику показалось, что он заметил на глазах комиссара слезы.

— Что с тобой, Иван Петрович? — спросил он. — Что-нибудь случилось?

— Ничего... — ответил Лидум. — Ты только что дал почетное задание моему... сыну.

— Сыну? — воскликнул изумленный Виноградов. — Лейтенант Тауринь твой сын? Почему ты сразу не сказал об этом? Я ведь...

Лидум пристально посмотрел на подполковника.

— Что бы ты сделал? Не дал бы ему задания? Оставил бы в резерве?

Виноградов немного помолчал, затем сказал:

— Нет, друг, и тогда боевое задание получил бы он, ибо он — самый подходящий человек для этого дела.

— Мне приятно это слышать, Кирилл Степанович. Я надеюсь, что он оправдает доверие. Понимаешь ли ты теперь, о каком счастье я говорил? Как раз сегодня я нашел своего сына!

— Понимаю. Но как это случилось?

— Длинный разговор, — Лидум вздохнул. — Я тебе все расскажу потом, а сейчас подумаем, как лучше подготовить полк к выполнению боевого задания. Времени остается не много.

— Ты прав, времени не много... — сказал Виноградов. — Присаживайся ближе, товарищ комиссар.

В тот же вечер Яну Лидуму пришлось побывать в штабе и в политотделе дивизии. Не скрывая своей огромной радости, он рассказал товарищам о своем счастье. Через несколько часов об этом уже знали многие, и не было среди них ни одного, кто бы всем сердцем воина не разделял радость Лидума. Узнала об этом и Анна Пацеплис...

* * *

В два часа ночи, когда полк подполковника Виноградова занял исходные позиции, усиленная рота под командованием лейтенанта Тауриня начала выполнять свое боевое задание. Другая рота должна была провести ложное наступление в лоб высоте и слева от нее. Строчили пулеметы, рвались гранаты, неприятель засыпал этот сектор минами и артиллерийскими снарядами, непрерывно

взвивались ракеты. Ударная рота в это время подбиралась к высоте; метрах в пятидесяти справа от нее бойцы вырезали проходы в проволочных заграждениях и, продвинувшись еще метров на тридцать, с тыла ворвались в окопы противника. Несколько минут длилась ожесточенная рукопашная схватка. В дело были пущены ручные гранаты, штыки, приклады. Большинство гитлеровцев осталось на месте, на брустверах и в окопах, но часть отошла к ближайшим кустам и оттуда яростно обстреливала свои утерянные позиции.

Бойцы штурмовой роты отнесли в сторону убитых немцев и наспех подготовили окопы для обороны. Схема вражеской обороны не годилась, все огневые точки надо было срочно перенести на другую сторону окопов — фронтом к неприятелю.

Опомнившись от неожиданного удара, противник пытался вернуть свои прежние позиции. Одна атака следовала за другой. В промежутках вражеская артиллерия осыпала высоту снарядами и минами, но стрелки не сдавали завоеванный рубеж и отбили все контратаки гитлеровцев.

Ян Лидум в это время находился в том батальоне полка, которому, согласно оперативному плану, следовало сразу после занятия высоты перейти во фронтальную атаку слева. Внешне спокойный и невозмутимый, он вслушивался в шум боя и наблюдал из окопа за маленьким адом, бушевавшим там, на высоте. Только его пальцы по временам без всякой надобности, ощупывали пуговицы гимнастерки, губы беззвучно шептали:

— Держись, Айвар... выдержи, мой мальчик... Я здесь и сейчас приду к тебе на помощь...

Вот взвились две красные ракеты — условный сигнал начала атаки. Полк поднялся и пошел в наступление. С потерей высоты в системе обороны противника образовалась брешь, через нее влился поток советских воинов; смяв первую линию, он в неудержимом порыве бросился на вторую линию обороны врага. Еще последнее сопротивление в окопах второй линии, еще последняя отчаянная попытка задержать, прижать к земле нападающих, — но не выдержала и вторая линия обороны неприятеля, дрогнули ряды фашистов, и, выгнанные на равнину, батальоны гитлеровцев неудержимо откатывались назад, в сторону большого болота. Им не давали опомниться,

найти более сухие тропы и обходные дороги: наступающие стрелки, как шквал грозной бури, загнали неприятеля в грязь и воду. Когда рассвело, повсюду вдоль края болота валялись брошенные и увязшие в трясине пулеметы, ящики с боеприпасами, минометы. Болото молчало, только на другой его стороне перемазанные в грязи остатки гитлеровских батальонов зарывались в землю. Молчала и высота, которую в ту ночь заняла ударная рота лейтенанта Тауриня.

В шесть утра полкового комиссара Яна Лидума вызвали к телефону.

— Немедленно явитесь на КП командира дивизии, — передал политработник из штаба дивизии. — Только поторопитесь. Вы здесь очень нужны.

Лидум сообщил Виноградову о вызове и немедленно отправился на КП комдива. Там его встретил знакомый полковник.

— Поздравляю с победой! — сказал полковник. — Прекрасный успех, товарищ Лидум! Ваш сын великолепно выполнил боевое задание, еще раз поздравляю. Славно сработано... лучше и желать нельзя... А теперь... — полковник запнулся и, не глядя на Лидума, быстро проговорил: — А теперь садитесь в мою машину и поезжайте скорее в медсанбат.

— С Айваром... что-нибудь случилось с моим сыном? — спросил Лидум, побледнев от волнения.

— Лейтенант Тауринь ранен, — ответил полковник. — Его будут оперировать... Здесь, в медсанбате. Врач надеется, что все кончится благополучно.

Он сочувственно пожал Лидуму руку.

* * *

Через полчаса Ян Лидум стоял в палатке и смотрел на бледное лицо сына с желтоватым оттенком загара. Айвар находился в полуобморочном состоянии. Увидев отца, он попытался улыбнуться, но улыбка так и не вышла, вместо нее лицо стянула гримаса нестерпимой боли.

— Что фашисты... прогнаны до болота? — спросил он шепотом.

— Да, сын, они за болотом... — тихо ответил Лидум.

Он достал платок и вытер пот со лба Айвара.

— Навряд ли я смогу вернуться в строй, когда их по-

гонят дальше, — снова, почти шепотом, проговорил Айвар. — Как... хотелось бы!.. Еще так мало... сделано...

Он думал о дальнейшей борьбе. А у Лидума при воспоминании о разговоре с хирургом сжалось сердце. «Бедный мальчик... — думал он. — Ты считаешь дни, когда сможешь вернуться в строй... но никто не может сказать, долго ли ты протянешь вообще...»

Когда Айвар в беспамятстве лежал на операционном столе, Ян Лидум стоял у входа в палатку и мысленно разговаривал с сыном: «Ты не умирай, мальчик... Тебе надо жить, вместе со мной строить новую жизнь. Подтянись, выдержи, не оставляй меня одного. Так мало пришлось нам жить вместе. Теперь бы можно было... Возьми себя в руки, Айвар, перебори все и живи...»

Спустя час к нему вышел хирург.

— Кажется, все будет хорошо... — сказал он Лидуму. — У вашего сына идеально здоровый организм.

— Значит, будет жить?

— Ручаться никогда нельзя, но если пройдет без осложнений, я думаю, он даже сможет вернуться в строй.

— Благодарю вас от всего сердца, дорогой товарищ... — сказал Лидум.

Лидуму разрешили посмотреть на спящего Айвара. Легко погладив голову сына, он вышел из палатки и на маленькой фронтовой машине отправился на КП командира дивизии. Теперь Лидум чувствовал себя гораздо спокойнее.

Недалеко от штаба дивизии, на дороге, в гимнастерке со знаками различия младшего сержанта, стояла девушка. Узнав Лидума, она взмахом руки просила его остановиться.

— Затормози, друг... — сказал Лидум шоферу.

Когда машина остановилась, девушка подошла к Лидуму, по-военному приветствовала его и поспешила спросить:

— Ты был в медсанбате? Как ему... как чувствует себя Айвар?

Лидум наконец узнал Анну.

— Будет жить, Аннушка... — сказал он и погладил руку девушки. — Таких богатырей даже артиллерийский снаряд не берет. С ручательством — будет жить.

Он вспомнил, как говорил Айвар о девушке, которую любил и ради которой ушел от приемного отца, хотя она

не отвечала на его чувства даже простой дружбой. В сердце Яна Лидума возникла догадка, что Анна Пацеплис и есть та самая девушка, которую любит его сын. Странная теплота вдруг наполнила его сердце, он посмотрел на Анну с ласковой нежностью: что было дорого Айвару, не могло быть безразличным и ему, Яну Лидуму.

— У меня просьба... — заговорила Анна и опустила глаза, полные слез. — Когда ты в следующий раз навестишь Айвара, передай ему привет от меня.

— Передам, милая... — прошептал в сильном волнении Лидум, — обязательно передам. Я думаю, это доставит ему радость и поможет скорее встать на ноги.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

Окончив работу на фабрике, Ильза Лидум в тот вечер не сразу пошла в общежитие, где она вместе с тремя другими работницами занимала комнату на втором этаже. Товарищ Ильзы по работе — Полина Барабанова — несколько дней тому назад наколола руку ржавым гвоздем; рана загноилась, рука вспухла до локтя, и пришлось обратиться к хирургу. Муж Барабановой находился на фронте, а дома было двое ребят — одному два, другому четыре года. Зная, как трудно больной матери за ними ухаживать, Ильза утром и вечером заходила к ним, помогала по хозяйству.

Год тому назад Полина Барабанова обучила Ильзу и Анну Пацеплис обслуживать ткацкие станки, и между ними установилась настоящая рабочая дружба. После отъезда Анны в Латышскую дивизию отношения Ильзы и Полины окрепли еще больше. Они читали друг другу письма от своих близких, находившихся на фронте, с глубоким волнением следили за военными событиями и сообща грустили о каждом советском городе, который по падал на время в руки врага. Узнав, что у Ильзы в начале войны пропал без вести сын, Полина утешала свою подругу.

— Он ведь не знает, где ты находишься, поэтому и не пишет тебе. Сейчас сотни и тысячи таких семейств разбрелись по разным областям и не могут найти друг друга. Вот погоди: закончим войну, прогоним врага, и все люди, как птицы весной, воротятся к своим гнездам. Тогда мы опять найдем друг друга. А если кто и погибнет, то и тогда еще хватит времени погрустить и поплакать о них, не печалься преждевременно. Сегодня не время думать про беды — сегодня надо думать о борьбе, о победе.

Последние три месяца Полина не получила ни одной весточки от мужа, но ее уверенность, что ничего худого не случилось, была так непоколебима, что Ильза невольно заразилась этой силой надежды. Действительно, происходило ведь то, что должно происходить и что при теперешних обстоятельствах неизбежно и естественно; даже самое тяжелое и мрачное, что приходилось переживать человеку, — потерять своего любимого — соответствовало правде этой грозной эпохи и каждому надо быть готовым и к этому.

Надо быть готовым... Эта мысль не выходила из головы Ильзы, когда она шла к квартире Барабановой. На улице было много народу, а где люди, там голоса, смех, улыбки, серьезные и задумчивые лица, мечтательные взоры — сама жизнь во всей своей многогранности, со всеми тонами и полутонами. В кустах щебетали птицы, где-то радиорепродуктор передавал красивую песню, теплый летний ветерок ласкал лица людей, а на асфальте улицы четко звучали согласованные шаги пехотной роты. Люди жили своей жизнью, поток бытия не остановился ни на мгновение, только во всем окружающем было что-то приподнятое, драматическое — слитное звучание общих чувств всего народа. Те, кто в этот вечер в тенистом парке мечтали о своей первой чистой любви, и те, кто стояли у своего рабочего места на заводе — ни на мгновение не забывали, что где-то на юге и западе, в степях и болотах дышал огнем огромный фронт и советские люди — их родные братья, отцы, сыны и дочери — геройски отстаивали настоящее и будущее своего народа. Великий долг объединял всех, во имя этого долга каждый был готов и на подвиг и на жертву.

«И я готова...» — думала Ильза.

* * *

Полина Барабаиова открыла дверь. Забинтованиая рука висела на перевязи. Лицо молодой жеищиины было спокойио, взор ясиый, но все же Ильзе показалось, что сегодня Полиия иеобычная.

— Тетя Ильза, тетя Ильза! — с веселым криком бросился иавстречу Шурик, старший сыиок Полины. В этот момент Ильза заметила, как дрогиули уголки рта Полииы. Угостив Шурика и маленького Вову кусочками сахара, Ильза начала хозяйиичать. Готовя ужии и убирая квартиру, она рассказала о иовостях иа фабрике, передала приветы от подруг. Полиия долго молчала, как бы иаблюдая за своими малышами, которые, весело щебеча, путались в ногах Ильзы.

— Что случилось, Полина? — спросила Ильза. — Почему ты молчишь? Не хуже руке?

— Рука... — из груди Полииы вырвался тяжелый вздох. — Рука пройдет. Больше я не могу сидеть так и нянчить руку. Уже сегодня мне следовало бы стать к станкам и работать за двоих... иет, Ильза, за четырех. Как ужасно, что имеино теперь я иичего ие могу делать — теперь, когда мие и место Сергея иадо заиять.

Ильза поставила к стеике щетку и подсела к Полине.

— С Сергеем что-иибудь случилось?

Полина кивнула головой в сторону этажерки. На верхней полке лежал серый конверт.

— Возьми, дорогая, прочти...

Ильза взяла письмо. Это было сообщение комаидира воииской части, что старший сержант Сергей Барабанов пал смертью храбрых.

Ильза положила письмо обратно на этажерку, вериулась к Полиие и села рядом с ней. Оии помолчали. Легко обияв Полииу за плечи, Ильза тихо заговорила:

— Зиачит, нет больше Сергея... Большое горе у тебя, милая моя. Но ие у тебя одной болит сегодия сердце. Если бы ие было в комнате этих малышей, я бы плакала, как малеиькая. Для всех твоих друзей, для всего народа это большое горе, дорогая подружка. Сердце наше болит за каждого честного советского человека, который отдал жизнь на поле боя. Я знаю, здесь словами не поможешь, но все-таки хочу сказать: осозиай, что ты со своим горем не одинока. У тебя большая семья — весь советский

народ. Он позаботится, чтобы твои Шурик и Вова не утратили счастливого, солнечного детства. Вместо утерянной отцовской любви и заботы они приобретут всенародную любовь и заботу. А ты, милая, не мучай себя, не сопротивляйся своему горю. Иди в комнату и поплачь — станет легче. Я поболтаю и поиграю с детьми.

— Не надо, Ильза... — прошептала Полина. — Я умею плакать без слез. За твое доброе сердце спасибо, дорогая... Как жаль, что именно сейчас, когда у меня такой долг перед родиной, я совершенно ничего не могу делать.

Ильза осталась у Барабановой до поздней ночи. Уложив детей спать, обе женщины еще долго сидели на кухне и тихо беседовали. Полина рассказывала про всю свою жизнь. Этот вечер и ночь принадлежали воспоминаниям о Сергее Барабанове, их короткой счастливой жизни, солнечный отсвет которой никогда не угаснет: там, за стеной, ведь находились два милых существа — живое продолжение и высшее воплощение этого счастья.

— Теперь я буду жить для них... только для них... — шептала Полина. — Это моя обязанность перед Сергеем. Я должна их любить больше прежнего. Что бы со мной стало, если бы их не было у меня?

Далеко за полночь возвратилась Ильза домой. Она тихонько разделась и легла в кровать, стараясь не потревожить своих товарищей по комнате, но это ей все же не удалось: соседка по комнате, елгавчанка Эрдман, долгие годы проработавшая на льнопрядильной фабрике Гофа, проснулась и поспешила передать, что вечером Ильзу искал какой-то человек — представитель ЦК коммунистической партии Латвии.

— Он обещал зайти утром, — сказала Эрдман. — У него есть какое-то сообщение, лично для тебя.

Ильза не могла уснуть до утра. Какое сообщение мог передать ей представитель ЦК партии? Она вспомнила серый конверт с извещением о смерти Сергея Барабанова.

— Может, и меня... об Артуре или Яне? Надо быть готовой к этому...

Утром она не могла дожидаться представителя ЦК: до работы надо было завернуть к Полине и приготовить завтрак для Шурика и Вовы, поэтому пришлось уйти из дому на час раньше соседей по комнате. Представитель ЦК встретился с Ильзой в фабричной столовой во время

обеденного перерыва. И вот случилось, что в один день Ильза получила два важных известия. Это был ее старый подпольный товарищ, а позже секретарь укома партии — Карклинь; он рассказал Ильзе, что Артур командует партизанским отрядом в тылу врага и что недавно советское правительство наградило его орденом Красного Знамени.

Вторую весть Ильзе принесло письмо Яна: он наконец-то нашел сына!

«На второй день после нашей встречи Айвара тяжело ранило... — писал Ян. — Насколько мне известно, его эвакуировали в Иваново. Попытайся, Ильзит, отыскать его в одном из госпиталей вашего города и дай мне знать, как он себя чувствует. Только не справляйся об Айваре Лидуме: все документы у него пока еще на имя Айвара Тауриня».

Да, это был большой день в жизни Ильзы.

Подруги по работе помогли ей, и уже через несколько дней общими усилиями они нашли Айвара.

Теперь у Ильзы не оставалось ни одной свободной минуты. Пока не выздоровела Полина Барабанова, Ильза делила свое свободное время между ее детьми и своим племянником. Согревая людей своей заботливой лаской, Ильза сама согревалась в их среде. И в этом находила содержание и счастье своей жизни.

«Тетя Ильза...» — так ее звали малыши Полины, так называл ее Айвар, и таково было ее имя среди товарищей по работе. Но чудеснее всего было то, что она ни одного дня не чувствовала себя на чужбине: ее жизнь была так же полнокровна и самостоятельна, как и раньше, — настоящая большая жизнь.

2

В те дни, когда гитлеровские полчища любой ценой старались пробиться к Волге и Каспийскому морю, у всех советских людей на губах было одно слово:

Сталинград...

С любовью и надеждами произносили они это слово. Затаив дыхание, весь мир прислушивался к гулу титанической битвы, понимая, что на широких степных просторах Придонья и Поволжья решается судьба будущих поколений. Как былинный богатырь, стоял советский

воин на берегу Волги и вершил свой сказочный подвиг, равного которому не знала история человечества. В нем воплотилась вся сила страны, все могущество духа, вся пламенная любовь к родине, вся мудрость великого народа. Разбойник с большой дороги, у которого была лишь непомерная алчность и рожденная сумасбродной фантазией мечта о мировом господстве, осмелился думать, что этого богатыря — советского человека — ему удастся победить грубой силой, согнуть и подчинить с помощью металла и огня.

Сталинград...

Это слово упоминали советские люди, задыхавшиеся под игом немецких оккупантов. Оно звучало по всему миру, как мощный колокол, откликаясь в сердце каждого. Оно звучало и в ильменских болотах, где на страже родины стояли полки латышских стрелков.

— Почему нас не посылают на юг, на помощь защитникам Сталинграда? — спрашивали бойцы командиров и политработников. — Там бы мы сейчас пригодились родине больше, чем здесь.

И так же, как год назад, когда воины сгорали от нетерпения попасть на фронт, им отвечали:

— Товарищ Сталин знает лучше, где мы нужны.

В это время на каждом собрании Яну Лидуму приходилось слышать от стрелков один неизменный вопрос:

— Почему союзники не открывают второго фронта? Чего ждут? Где обещание Черчилля?

Смешки, которыми обычно сопровождались эти вопросы, доказывали, что стрелки сами ни в грош не ценят обещания Черчилля, что им и так ясно, почему англичане и американцы тянут с открытием второго фронта.

— Открытие второго фронта на западе зависит от нас самих, — отвечал в таких случаях Лидум. — Чем крепче будем бить гитлеровцев и скорее выбросим их из Советской страны, тем живее станут наши союзники. Когда наши войска приблизятся к Берлину, Черчилль засуетится.

— Может, он думает, что их беготня по Северной Африке и есть второй фронт? — потешались стрелки. — Ведь у них там тоже противник, Роммель с целым корпусом, — не так-то просто покончить с такой силой.

— Хуже всего, что этот корпус не привязан: он движется, ездит с танками по пустыне, и волей-неволей

Джону Булю приходится пошевеливать ногами — то в одну, то в другую сторону.

...Осенью 1942 года Латышской стрелковой дивизии было присвоено звание гвардейской. В то время дивизия находилась в резерве фронта и стояла в Вышнем-Волочке.

В этот день, когда стало известно, сколь высоко оценило советское правительство боевые дела латышских стрелков, во всех полках царил подъем.

Ян Лидум обходил роты своего полка, поздравляя молодых гвардейцев и беседуя с ними о большом долге, какой теперь стоял перед каждым из них.

— Доверие народа оправдаем делами! — заверяли стрелки. — Будем воевать по-гвардейски! Ни болота, ни леса, ни горы, ни реки не задержат нас! Пусть скорее пошлют на фронт!

На фронт!

Пробыв несколько недель в тылу, они уже тосковали по боевым делам.

В ненастный октябрьский день, когда град сек землю и леденящий ветер проносился над осенними полями, дивизия приняла гвардейское знамя. Прямо с парада роты направились к железнодорожной станции и погрузились в эшелоны, отъезжающие на фронт. На груди у многих стрелков красовался значок гвардейца, а те, кто еще его не получил, завидовали товарищам.

И снова по земле раздался топот солдатских сапог, леса и реки встречали прибывших. Дойдя до своего места во втором эшелоне фронта, они ни за что не хотели рыть землянки, ибо это говорило о длительной стоянке, воины хотели скорейшего продвижения на фронт, и только строгий приказ командования дивизии заставил их приняться за постройку.

— Долго ли мы будем бездельничать здесь, по кусточкам? — ворчали стрелки. — Эти несколько дней и в шалашах из хвои можно пожить. Не стоит землянки строить.

Но ночные заморозки уже покрывали ледяной коркой воду, и у некоторых «дачников» по утрам не попадал зуб на зуб.

Там, у реки Полы, младшего сержанта Анну Пацеплис принимали из кандидатов в члены партии. Ее снайперская винтовка уже отправила к праотцам сорок двух фашистов, но Анна хотела в ближайшие месяцы довести

это число до сотни, поэтому она, так же как и другие молодые гвардейцы, не особенно радовалась долгой стоянке во втором эшелоне.

Айвара недавно выписали из госпиталя, и сейчас он находился в резервном полку. В своем последнем письме Яну Лидуму сын рассказал, что его на несколько месяцев хотят послать на курсы средних командиров и спрашивал, как на это посмотрит отец.

«Обязательно поезжай на курсы и учись так, чтобы из тебя вышел настоящий гвардейский офицер, — ответил ему Лидум. — Некоторое время мы обойдемся на фронте и без тебя, можешь в этом быть уверен».

На этих же ильменских болотах они услышали радостную весть о разгроме под Сталинградом армии фельдмаршала Паулюса и великой победе Красной Армии. Несколькими неделями позже полк участвовал в ликвидации Демьянского «мешка». После этого все ждали больших событий на Северо-западном фронте, а Индрикис Регут, встретив Яна Лидума у штаба полка, совершенно открыто заявил:

— Теперь нашим ножкам достанется! Не иначе как в один прием промаршируем до Балтийского моря, мой нос уже ощущает запахи латвийских лесов. Ужасно надоело сидеть в этих болотах и кустарниках.

— У нас впереди еще много таких болот и кустарников, пока доберемся до моря, так что запасись терпением, — ответил Лидум.

— Но посмотри, какие марши они проделывают там, на юге! Не успеваю флажки переставлять на карте. Если бы нам только одну неделю так пошагать на запад, мы оказались бы дома в два счета.

Лидуму нравились стремительность и нетерпеливость Индрикиса, вообще этот парень был ему по душе, только уж очень часто приходилось его сдерживать. Узнав, что Индрикис дружил в детстве с Айваром и вместе учился в основной школе, Лидум пытался узнать все, что еще удержала память Инги о тех временах. Приятель детских лет рассказывал ему про детские забавы, про старого Лангстыня, про богатство и черствость Тауриня и про то, как мальчиками они мечтали когда-то о далеких путешествиях. Яну Лидуму была дорога каждая мелочь, которая помогала ему узнать детство Айвара.

...Весной 1943 года Латышскую дивизию снова пере-

вели во второй эшелон. Сразу же начались напряженные тактические занятия, продолжавшиеся все лето. Стрелки обучались вести наступательные бои, преодолевать болота, речные преграды, пользоваться взаимодействием различных родов оружия. Шлифовка, которую приобрели в этих учениях батальоны и роты дивизии, была дороже золота; усилия и пот, потраченные на тренировку, окупились сторицей в дальнейших боях.

3

Только поздней осенью 1943 года с какой-то маршевой ротой вернулся в дивизию Айвар. После окончания курсов он несколько месяцев пробыл в резервном полку, где командовал ротой. Командование резервного полка хотело оставить Айвара в своих кадрах, ему пришлось выдержать борьбу, пока он не переубедил свое непосредственное начальство и не доказал, что его место на фронте.

Дивизия в то время была передислоцирована на новый участок фронта в районе Великих Лук. Айвар нашел своих старых товарищей на равнине, где до самого горизонта нельзя заметить ни перелеска, ни рощицы, только редкий куст можно было найти на дне оврага, да местами торчали трубы сожженных деревень: отступая, гитлеровцы стремились создать пустыню. С большими трудностями стрелки построили здесь землянки, зачастую они напоминали обычные траншеи с крышей. Лесоматериал приходилось подвозить издалека. Даже дрова для железных печурок, у которых в свободное время грелись и сушили портянки гвардейцы, было тяжело добыть.

Айвара назначили заместителем командира батальона, но не в его старом полку.

— Так будет лучше... — пояснил Ян Лидум сыну. — Обоим служить в одном полку неудобно — на службе семейственность не годится. А теперь расскажи, как выглядит наш старый лагерь. Все ли там по-старому?

— Ты бы не узнал старого лагеря дивизии, — улыбаясь, ответил Айвар. — Ребята резервного полка создали там нечто вроде курорта. Прекрасные землянки — светлые, сухие, — клуб, цветочные клумбы, свое подсоб-

ное хозяйство с коровами и свиньями... Одним словом, живут хорошо.

— Как тебе нравится твоя тетка? — спросил Лидум. — Успели хоть сколько-нибудь познакомиться?

— Если бы я знал раньше, что у меня такая чудная тетя, давно ушел бы изУрг и стал бы ее вторым сыном. Мы расстались лучшими друзьями. Ты знаешь, что она делает с деньгами, которые ты посылаешь с фронта?

— Думаю, что в чулок не прячет.

— Какой там чулок! Ни одной копейки она не тратит на себя. Все деньги по аттестату расходуются на детей эвакуированных или на танковые колонны и эскадрильи самолетов.

— Тогда придется посылать больше, — засмеялся Лидум.

— Я тоже хочу участвовать в этом деле половиной своего жалованья. Куда мне девать деньги? Тетя Ильза найдет им лучшее применение.

— На какую сумму ты подписался на заем?

— На четырехмесячный оклад — столько у меня как раз было на сберкнижке.

— Правильно сделал, Айвар. Самый верный способ сбережения. Ни одна копейка не пропадет. А книги читаешь? В госпитале у тебя времени было с избытком.

— Прочел «Диалектику природы» Энгельса, вторично, на сей раз с карандашом в руках, труд товарища Сталина «Вопросы ленинизма». Что за книга, отец! Какая простота и ясность в каждой строчке, и в то же время такая глубина мысли...

— Конспект сохранил?

— Конечно.

— После покажешь. Хочу видеть, как ты понял прочитанное. Может, некоторое время я еще смогу быть твоим консультантом — как ты думаешь? Ведь и я на своем веку кое-чему учился.

С этого времени Лидум начал заниматься политическим воспитанием Айвара. Фронтовые условия не позволяли им встречаться часто, но каждую малейшую возможность они старались использовать. Айвар сразу убедился в большой разнице между отцом и всеми, кто в свое время помогал ему в политическом росте: теоретически они были, может быть, так же сильны, как отец, но им не хватало жизненного опыта Яна Лидума и его

умения применять теорию на практике. Он умел несколькими яркими, взятыми из окружающей жизни, примерами сделать наглядной и до конца ясной любую теоретическую формулу. Выяснив, что Айвар в каком-нибудь вопросе «плавает» или какой-нибудь тезис только зазубрил, не уяснив полностью его смысла, Лидум останавливался на этом непонятном месте и до тех пор занимался с сыном, пока тот полностью не вникал в суть вопроса.

— Зазубрить что-нибудь — проще всего, — говорил он. — На это даже попугай способен. Нам нужны не попугаи, а люди, которые умеют думать.

В отце Айвар приобрел лучшего воспитателя, какого только можно было пожелать, — строгого, требовательного и любящего.

...Когда Айвар возвращался на фронт, Анна вместе с двумя девушками-снайперами уехала в Москву, чтобы несколько недель отдохнуть в Удельной, в доме отдыха Латышской дивизии. Когда отпуск подходил к концу, Анне удалось на несколько дней заехать в Иваново к Ильзе. Анна привезла с фронта много снимков из фронтовой жизни. Из них сделали фотоальбом, который остался у Ильзы. Когда Анна уезжала на фронт, ее походный мешок доверху набили письмами и подарками проживавших в Иванове латышей для их друзей и близких.

Ильза работала на фабрике последние месяцы: скоро она уезжала в Киров на курсы партийных и советских работников, вызов уже пришел.

— Вот видишь, Аннушка, что получается, — говорила Ильза, помогая девушке собираться в дорогу. — На старости лет придется еще в школу ходить. Я думала, что хватит молодых, те будут учиться и заменят нас, но, оказывается, нас, старых, тоже не хотят оставить в покое. Даже и не знаю, что из меня выйдет.

— Выйдет то, что должно выйти: еще один хороший работник для нашей партии, — Анна улыбнулась. — Когда вернемся в Латвию, работы будет очень много. Поэтому и мы на фронте не только воюем, но и учимся.

В дивизии Анна узнала, что Айвар уже здесь, но встретить его удалось только после жестоких боев под Нарвой, где латышские стрелки вписали в историю своей дивизии новую славную страницу. Высоко в те дни вознеслась боевая слава латышских стрелков. Великолепный лыжный рейд батальона подполковника Райнберга

по тылам противника; взятие деревни Монаково; бессмертный подвиг сержанта Латышской дивизии Серова, сказочный бой Роланда Расиня с целым взводом фашистов, в котором победителем остался отдавший жизнь родине герой — советский гвардеец!.. Это все подтверждало, что дивизия с честью носит свое гвардейское звание.

В тех боях Анна выполнила свое обещание — она убила сотого гитлеровца... В этих же боях чуть не погиб вечно неспокойный Ян Лидум. Он не мог усидеть на наблюдательном пункте командира полка и, бросившись в атаку вместе со стрелками, попал под ураганный огонь фашистской артиллерии. Разодранная осколками ушанка и полушубок могли свидетельствовать, как близко к нему была смерть... В тех боях закончилась короткая светлая жизнь гвардии капитана Юриса Эмкална; его друг, гвардии старший лейтенант Айвар Тауринь, стоя с обнаженной головой у небольшого обелиска, где был похоронен Юрис, поклялся жестоко отомстить врагу.

До Латвии было недалеко. Может, там, на краю Латгалии, уже слышали канонаду советской артиллерии. Муки и вздохи подъяремных народов ветер проносил над полями и лесами, навстречу советским армиям — русским, армянам и казахам, сынам степей и тайги, вместе с которыми сейчас прорубали дорогу на запад латышские гвардейцы.

«Потерпите еще немного... — казалось выстукивали сердца освободителей. — Мы подходим, скоро придем — взойдет и для вас, дорогие братья, солнце нового утра свободы!»

4

Удивительно красивым и погожим было то лето. Снежно-белые острова облаков отражались в голубых озерах Латгалии. Шумели нивы, приветствуя пришельцев, но им некогда было остановиться и послушать скорбный сказ родной земли. Загоревшие, запыленные на латгальских дорогах, спешили они дальше на запад — к Риге, к синему морю, ни на миг не давая передышки врагу. По краям дорог лежали трупы гитлеровцев. Разбитые танки маячили рядом с застрявшими в трясинах орудиями артиллерийских батарей. Во всех канавах валя-

лись сожженные автомашины и брошенные обозные повозки. Тяжелым укором насильникам дымились на пригорках остатки сгоревших построек, а от горького дыма у бойцов слезились глаза. Развалины взорванных мостов лежали в воде, мешая потокам свободно стремиться к Даугаве, а ночью на западном крае небосвода ширилось пурпурное зарево пожаров, вздымаясь к самому поднебесью и принося весть о новых преступлениях врага, которого сейчас по всем дорогам гнали из Советской страны.

— Еще ему, проклятущему, не довольно... — скрежетали зубами латышские стрелки. — Он еще не захлебнулся от крови и разрушения...

— Захлебнется, изверг, не кручиньтесь! — отвечали им русские товарищи. — Дадим ему напиться его собственной кровушки до самого Берлина, а если понадобится, то и дальше.

Все увиденное было ничто в сравнении с тем, что рассказали советским воинам люди освобожденных областей. Напуганные и угнетенные, вначале они боялись выходить из лесных чащ, куда спрятались, чтобы враг не угнал их на запад. С этими людьми приходилось разговаривать, как с перепуганными детьми, которые не доверяли ни одному чужому и долго не хотели верить, что пришедшие — их друзья. А потом завязывались разговоры и дружба, и простые, неловкие слова рисовали картину пережитых унижений и ужасов. Во всей Латвии не было такого дома, где враг не убил бы человека. Не было такого очага, который не был бы ограблен. Земля, обильно политая кровью, слезами и пóтом порабощенного народа, вопила о возмездии. «Справедливость должна восторжествовать!»

— На Берлин! К логову зверя!

Полковник Виноградов спрашивал своего заместителя по политработе подполковника Лидума:

— Где твой дом, Иван Петрович? Скоро ли дойдем мы до него? Ты не забудь показать его мне.

И Лидум отвечал:

— Нечего мне показывать тебе, Кирилл Степанович... Моего дома нет нигде. Зато вся страна моя, и я всюду у себя дома. Все разрушенное и сокрушенное, все спасенное и целое — все мое. Я и беден и богат, как мой народ.

С подходом Красной Армии, изо всех лесов и болот выходили навстречу отряды партизан; кто был способен носить оружие, вступали в строй и продолжали борьбу с врагом в регулярных частях; старшее поколение и подростки расходились по домам, чтобы под руководством советской власти восстанавливать разрушенное и строить новую жизнь. И хотя огненный вал фронта уже перекатился через рубежи родины и советские войска шагали по земле врага, война не закончилась. Много горячих боев еще придется провести, много крови пролить, пока враг не будет поставлен на колени, но уже и сейчас каждому человеку было ясно, что в этой страшной войне победил советский народ. И когда 13 октября 1944 года в столице родины прозвучал салют победы в честь тех, кто освободил столицу Советской Латвии — седую Ригу, — все люди Латвии с чувством глубокой любви благодарили советских воинов, не щадивших жизни, чтобы спасти их от гибели, принести им свободу и счастье.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Ян Лидум демобилизовался летом 1945 года. Получив документы и сердечно попрощавшись со своими боевыми товарищами, он снял с мундира подполковничьи погоны и пошел в ЦК КП(б) Латвии договариваться о своей дальнейшей работе.

Яна принял один из секретарей Центрального Комитета, с которым ему не раз приходилось встречаться во время войны, поэтому сразу же начался непринужденный, простой разговор, как обычно бывает среди старых знакомых.

— Как видишь, товарищ секретарь, я стал безработным, — сказал Лидум. — Такое состояние мне не по вкусу, хочу просить помощи и совета, как скорее с ним покончить.

— Придется помочь старому другу, — улыбнулся секретарь. — А каковы твои соображения?

— У меня только одно соображение: работать. И чем скорее, тем лучше. Пойду, куда пошлет партия. Чувствую себя достаточно сильным, чтоб взяться и за трудную работу.

— А как же с отдыхом? Если мне память не изменяет, то до войны ты тоже в отпуске не был, а потом все эти трудные годы... Как, товарищ Лидум, посмотришь,

если мы тебе дадим путевку на юг или в Кемери? Отдохни немножко, полечи свои кости, а потом со свежими силами навались на работу.

— Это пусть останется на будущее, когда все войдет в норму, — сказал Лидум. — На что будет похоже, если все мои старые товарищи будут работать, восстанавливать разрушенное хозяйство, крепить советскую власть, а я буду греть спину на южном солнышке или плескаться в водах Кемери? Нет, товарищ секретарь, это не подходит.

— Ну ладно, придется пойти тебе навстречу, — снова улыбнулся секретарь. — До войны ты работал в Н-ском уезде первым секретарем. Там сейчас уже работает один из бывших командиров партизан. Работает хорошо, нет смысла его тревожить.

— Пусть работает, зачем его тревожить.

Секретарь помолчал, что-то обдумывая, потом, пристально посмотрев на Лидума, сказал:

— А что, если б ты пошел работать по кадрам в один из наших промышленных наркоматов, заместителем наркома? Например, к Земдегу? Земдег имеет опыт в хозяйственных вопросах, один из сильнейших работников, но народный комиссариат большой, трудный, и как раз с кадрами там не все благополучно, а Земдег этому вопросу не уделяет должного внимания. Ему надо придать сильного, богатого опытом партийного работника, такого, как ты, товарищ Лидум. Что ты на это скажешь?

— Ты думаешь, я с этим справлюсь? Раньше я никогда не работал на таком поприще.

— Много чем мы раньше не занимались, а сейчас занимаемся, потому что другого выхода нет. Работа не из легких, это надо сказать без обиняков...

— Легкости не ищу...

— И правильно делаешь. Значит, возражений нет?

— Если партия находит, что я там буду полезен, какие могут быть возражения?

— Ладно. Сегодня же согласую этот вопрос с остальными товарищами, и если не будет возражений, — а я думаю, их не будет, — ты сможешь начать работать в ближайшие дни.

Разговор происходил в понедельник. А в среду Ян Лидум получил решение о его назначении заместителем народного комиссара и представился Земдегу. Нарком —

почти одного возраста с Лидумом — встретил его с распростертыми объятиями.

— Наконец-то! Теперь я смогу вплотную заняться восстановлением предприятий и расширением производства, до сего времени приходилось прямо-таки разрываться, думать обо всех мелочах сразу. И чего тут удивляться, если некоторые дела остались в тени, а план первого полугодия не выполнен.

Лидум внимательно выслушал рассказ Земдега об огромных трудностях, с которыми на каждом шагу приходится сталкиваться при восстановлении заводов. Электричества не хватает, станки старые, изношенные, огромные трудности с сырьем, а почти все кадры новые, без достаточного опыта. Если не хочешь провалиться с программой, приходится изворачиваться, как угрю, и даже прибегать к такому средству, как блат. Ох, не легко, вот скоро сами увидите.

— Какие будут указания на ближайшее время? — спросил Ян Лидум. — Какими делами, кроме вопросов кадров, придется заняться на первых порах? Может, есть какое-нибудь конкретное задание, что надо выполнить безотлагательно?

— Ознакомьтесь, осмотритесь... — ответил Земдег. — Пока я вам ничего определенного сказать не могу, но вы скоро сами увидите, где приложить руку. Инициативы — вот чего я жду от своих заместителей. Если у вас возникнет хорошая идея, приходите ко мне — я стараюсь поддерживать всякое ценное предложение. Одним словом, действуйте. Надеюсь, мы сумеем сработаться.

Убедившись, что от Земдега более точных указаний не получишь, Лидум начал самостоятельно знакомиться с людьми и предприятиями. Он побеседовал с секретарем партийной организации, посетил несколько предприятий, переговорил с директорами, инженерами и старыми рабочими. Не так уж много времени понадобилось, чтоб закаленному большевику оценить обстоятельства и события и в основных чертах понять слабые места и сильные стороны народного комиссариата.

В центре внимания народного комиссариата было выполнение плана, а все остальное имело второстепенное значение. Поэтому в вопросах кадров царил полнейший хаос: даже на руководящих работников не было заведено личных дел. Управляющие трестами не знали, с какими

людьми они работают и каковы резервы их кадров. Партийная работа тоже почти не чувствовалась в жизни наркомата, и Лидум напрасно искал то организующее ядро, которое на каждом предприятии, в каждой системе составляет актив. Земдег работал не покладая рук, но все свое внимание сосредоточил лишь на хозяйственной стороне дела. Он не подумал создать актив. Поэтому в работе наркомата было много лихорадки, штурмовщины, суеты и нервозности.

— Партия послала меня сюда, чтоб внести в жизнь наркомата высокий деловой накал, — говорил себе Лидум. — Если не добьюсь этого, — обману надежды партии. К работе!

Он знал, что в один день всего не добьешься, понимал, что предстоит долгая борьба на месяцы и годы, которая потребует большого труда и терпения, но разве вся его прожитая жизнь не подготовила его как раз для такой работы? Загоревшись сам, он умел зажигать и людей; так было раньше — в подполье, в Н-ском уезде, на фронте, — так будет и сейчас. Тут не могло быть ни малейших сомнений.

...Однажды в воскресенье Лидума навестил Айвар. Он еще не демобилизовался, но в ближайшее время собирался сменить мундир на штатскую одежду.

— Что мне делать после демобилизации? — спросил Айвар.

— А каковы твои намерения? — в свою очередь задал вопрос Лидум.

— Я хотел бы продолжить свое образование, но жить на твой счет не хочу, значит надо подумать о работе.

— Поступай на работу, — я думаю, что в сельскохозяйственной отрасли ты найдешь подходящее занятие, — и заодно устраивайся на заочное отделение сельскохозяйственной академии. В твои годы это вполне возможно.

— Один из моих товарищей по службе демобилизовался вместе с тобой, сейчас работает в управлении мелиорации. Он зовет меня к себе. Я интересуюсь этим делом.

— Вот и хорошо. Много не раздумывай, берись за дело. Когда-то ты мне рассказывал о Змеином болоте, какие беды оно причиняет крестьянам, и что виноваты в этом несколько поколений Тауриней. Ты можешь себе поставить большую и прекрасную цель, Айвар...

— Осилить Змеиное болото! — у Айвара заискрились глаза. — Может, сейчас это будет нам по плечу.

— Конечно. Сделай это сообща с другими советскими людьми, искорени зло, которое Tауринь оставил в наследство пурвайским крестьянам. Подумай, как это будет чудесно, когда на месте теперешнего Змеиного болота будут колыхаться нивы, вздыматься новые постройки, цвести сады. Человек видоизменит природу по своему желанию! Над этим стоит поработать, не так ли?

— Конечно, стоит. Я об этом подумаю, отец... Мне сдается, у меня хватит сил и терпения, если ты мне немножко поможешь — так, как в последние два года на фронте.

Лидум улыбнулся, вспомнив, как ему поначалу трудно приходилось с воспитанием Айвара. Нелегко было отучить сына от спешки и механического зазубривания готовых формулировок и приучить его добираться до самой сущности вопроса. У Айвара в то время было много разных иллюзий о возможности примирения различных классов. По его мнению, даже кулаков, невзирая на их явную принадлежность к эксплуататорскому классу, можно разделить на положительных и отрицательных, причем первые якобы легко могли перерасти, включиться в социалистические условия и никакой борьбы с ними вести не надо. Вторая, глубоко вкоренившаяся иллюзия касалась национального, якобы индивидуалистического характера латышского крестьянства, который как бы исключал возможность скорой коллективизации в Латвии. Пока эти иллюзии не были рассеяны, Яну Лидуму пришлось запастись терпением и ни на минуту не забывать, что сознание его сына в самый ответственный период жизни — в период становления этого сознания — формировала чуждая среда. Эти заблуждения Айвара нельзя было развеять суровыми замечаниями и менторскими нотациями, — их надо было переплавить в жарком огне фактов, в свете наглядных примеров, уничтожить мудростью непреложной жизненной правды. До окончания войны Ян Лидум в этом направлении достиг многого, но еще многого оставалось желать, поэтому и сейчас, после демобилизации, он продолжал заниматься политическим воспитанием сына. На последнем этапе войны Айвар был уже капитаном и командовал батальоном, но

отец попрежнему не признавал его настолько зрелым политически, чтобы он мог вступить в партию.

— Я помогу тебе, сколько сумею и смогу, — сказал Лидум. — Но сейчас пришло время тебе самому стать твердо на ноги и уяснить свою цель в жизни.

— Это мне уже известно, — ответил Айвар. — Твои цели давно стали моими. От них я никогда не откажусь.

Почти такой же разговор вела с Яном Лидумом и Анна Пацеплис. когда пришел срок ее демобилизации. Боевые подруги — снайперы и санитарки — пытались убедить ее, что нет никакой надобности возвращаться в родную волость.

— Останься. Аннушка, в Риге... — советовали они. — Мы поможем тебе найти квартиру и подходящую работу. Здесь ты сможешь учиться, а что ты в своей трущобе станешь делать? Там и без тебя обойдутся.

Когда Анна рассказала Лидуму об этих советах, он покачал головой и посоветовал совсем другое.

— Здесь, в Риге, обойдутся и без тебя, а вот в той трущобе ты нужна, как воздух. Там нельзя оставлять все по-старому. Кто же будет перестраивать жизнь в твоей родной волости. если все пурвайские коммунисты и комсомольцы захотят остаться в городе? Тебе надо заняться этим — за войну партия подготовила тебя к такой работе, и ты вполне с нею справишься. Будет стыдно, если в Пурвайскую волость придется посылать людей из Риги. Ты как думаешь?

— Ты прав... — сказала Анна. — Мне самой очень хочется вернуться домой и работать в родных местах.

— Вот и прекрасно.

Пробыв несколько дней в Риге, Анна уехала в Пурвайскую волость.

За советом к Яну Лидуму обратился и Артур. Он работал вторым секретарем укома партии в том же уезде, где работал перед войной. Ильзу недавно назначили заместителем председателя уездного исполкома, и она жила вместе с сыном. О них Ян давно не беспокоился: они стоят на правильном пути и с него не свернут. Как-то навестив их во время служебной командировки, он убедился, что здесь его совет не нужен, а когда племянник заговорил о своих планах, Ян прервал его.

— Расти для коммунизма! — сказал он. — Учись, учись и еще раз учись, Артур, коммунизму будут нужны

мудрые и ученые люди. Постарайся вобрать в себя все, что нам дает наука. Я на твоем месте попытался бы стать ученым, чтобы с большей, нежели сейчас, силой участвовать в строительстве коммунизма. Но мои годы...

Странно звучали слова Яна о его годах: трудно было представить, что этот человек, который всегда горит и вихрится в юношеском беспокойстве, который сам способен зажигать и вдохновлять людей, воплощение беспрестанного труда и творческого порыва, когда-нибудь может состариться, стать немощным.

* * *

В одной из редакций рижских газет работала чудесная девушка — боевой товарищ Артура по партизанским дням — Валентина Сафронова. О ней много думал Артур Лидум. В последние годы войны партизанское соединение получило небольшую типографию и выпускало свою газету, ее распространяли в оккупированной гитлеровцами Видземе; работая в этом подпольном издании, Валентина приобщилась к журналистике, и эта работа пришлась ей по душе, она полюбила ее на всю жизнь. Этой осенью девушка поступила в двухгодичную школу партийно-советских работников.

Каждую неделю Артур и Валентина писали друг другу, а раз в месяц встречались, и им было совершенно ясно их настоящее и будущее: когда Валентина окончит партшколу, они поженятся. Свои мечты они пока что держали в тайне, но люди ведь не слепые: по конвертам писем, надписанным четким почерком, Ильзе нетрудно было догадаться, что тем же почерком сделана надпись на фотографии, которая стоит на столе Артура, и что в сердце сына, рядом с матерью, заняла место еще одна женщина, с которой придется делить любовь Артура. Ильза приняла это спокойно, как естественное и неотвратимое событие в жизни сына, и не досаждала ему своим любопытством, пока Артур сам не начал говорить об этом.

Отношения Артура и Валентины выяснились в тот день, когда партизанский полк встретился с частями Красной Армии и им пришлось расстаться.

— Теперь ты уедешь в Москву, и я больше никогда

не увижу тебя... — сказал Артур. — А без тебя любое место на свете будет казаться мне пустым и холодным.

— Ты хочешь, чтоб я вернулась к тебе? — спросила Валентина.

— Да, очень... — прошептал Артур. — Ведь я... люблю тебя.

Валентина положила руку на голову Артура и долго гладила его волосы, щеки, потом поцеловала в губы и крепко прижалась щекой к его щеке.

— Чудак ты... как же я могу уйти от тебя? Ведь ты же мой, и никому я тебя не отдам.

В Москве Валентина узнала, что отец пал в великой битве под Сталинградом. Из Лиепаи ему удалось уйти в последнюю ночь перед занятием города гитлеровцами. Получив свидетельство об окончании десятилетки и забрав свои вещи, сохранившиеся в московской квартире отца, Валентина уехала в Ригу и поступила на работу в редакцию одной рижской газеты.

Артур работал вторым секретарем уездного комитета партии, когда Валентина в середине лета приехала к нему в гости. Знакомя ее с матерью, Артур сказал:

— Это Валя. Я был бы очень рад, если бы ты, мама, полюбила ее, как меня, потому... что я сам ее очень люблю.

Ильзе понравилась эта ясноглазая стройная девушка, и между ними установились простые, дружеские отношения.

— Осмотрись хорошенько, — говорил Артур Валентине, знакомя ее во время прогулки с уездным городом. — Сможешь ли ты здесь жить зимой и летом неизвестно сколько времени?

Валентина посмотрела на него пристально и сердечно.

— Нет такого места в Советской стране, где мне не нравилось бы жить вместе с тобой. Ты это знаешь, поэтому нечего говорить об этом. К тому же этот городок сам по себе прекрасен, у него очень живописные окрестности. Но чтобы жизнь здесь была красива и приятны люди, об этом надо позаботиться нам. Будем строить жизнь и воспитывать людей по советскому образцу — для того ведь и посылает нас партия сюда на работу.

— Посылает... — вздохнул Артур. — Я приехал никем не посланный, но пока пришлют сюда тебя, мне придется ждать больше двух лет.

— Зато после этого тебе — хочешь ты или не хочешь — придется жить со мной долгие годы... всю жизнь... — улыбнулась Валентина и шутливо вздохнула. — Бедняжка...

— Ну, был бы каждый человек таким бедняжкой, каким я тогда буду... — ответил Артур, и они оба рассмеялись.

Звенели ликующие песни птиц, и цветы нарядились в такие богатые уборы, что разбегались глаза. Валентине и Артуру казалось, что вся эта красота существует именно для того, чтобы красочнее и полнозвучнее было их огромное чистое счастье.

2

С поезда Анна сошла около полудня. До Сурумов было километров двенадцать. Прошлой ночью здесь прошел сильный дождь; неремонтированная за время войны дорога утопала в грязи, и девушке очень пригодились ее высокие сапоги. В темнозеленой юбке, в гимнастерке с орденами и несколькими медалями, со значком гвардейца на груди, в пилотке, с полупустым вещевым мешком за спиной, не спеша шагала она по грязной дороге и внимательно осматривала знакомые места, которые не видела четыре года. Эта местность лежала в стороне от главных дорог войны и сравнительно мало была разрушена. По дороге Анна увидела взорванный мост, сгоревший молочный завод и несколько старых развалин хуторов, которые успели зарасти крапивой и репейником. Остальное стояло на своих местах, но за эти годы обветшало, посерело. На пологих склонах холмов виднелись старые крестьянские усадьбы — постройки с замшелыми крышами, покосившиеся и низкие, как бы вросшие в землю. У новых, возведенных перед войной построек краска выгорела и местами облупилась, они выглядели обшарпанными и грязными.

Крестьяне косили. Пастушата, в старых пилотках немецких солдат, присматривали за сильно поредевшими стадами и провожали любопытными взглядами одетую по-военному девушку, шагавшую по большаку в сторону Змеиного болота. Иногда она останавливалась, чтобы посмотреть на усадьбу, фруктовый сад, рощу или перелесок,

и, вероятно, в памяти ее воскресали какие-то старые картины: лицо становилось мечтательно-задумчивым, временами она улыбалась и что-то говорила сама себе.

Проходя мимо усадьбы Стабулниеков, Анна ускорила шаг, но предосторожность была напрасна: в окнах никто не показался, и ни одна собака не выбежала облаять прохожего. Усадьба пустовала.

«Так... — подумала Анна. — Побоялись остаться, когда подходила Красная Армия, удрали с фашистами...»

Она вспомнила тот давний случай, как мальчишки Стабулниека дразнили ее на дороге и стегали крапивой, а Бруно стоял тут же и ухмылялся.

Анна не заметила, что с ближайшего луга за ней наблюдает какой-то румяный, круглолицый человек с влажным полуоткрытым ртом. Когда она подошла ближе, Марцис Кикрейзис воткнул вилы в землю и вышел навстречу.

— Послушай-ка... — неловко заговорил он, глупо улыбаясь. — Ты не Анна из Сурумов?

— Да, а что? — Анна посмотрела на парня. — Марцис Кикрейзис, не так ли?

— Выходит, что так. Ты теперь опять будешь жить дома?

— Что вы сказали? — Анна пристально посмотрела Марцису в глаза.

— Я сказал, будешь ли ты теперь жить дома? — повторил парень.

— С каких это пор, Марцис Кикрейзис, вы со мной на «ты»? — спросила Анна. — Если не ошибаюсь, мы вообще разговариваем впервые. Вы что — со всеми так разговариваете?

— Я не знал, что... вам не нравится. Разве мне так трудно сказать это «вы»! Хоть десять раз подряд. Знаете, Анна, вы стали еще красивее, чем до войны. — Как все глуховатые люди, он говорил очень громко, почти кричал.

— Мне очень не нравится, что вы так разговариваете со мной, — сказала Анна. — Будьте здоровы.

— Будьте здоровы... — пробормотал Марцис. Он посмотрел вслед Анне — жадно и самоуверенно. Не было ни малейшего сомнения в том, что Анна в ближайшее время будет принадлежать ему. Тогда она не посмеет сказать, что ей в Марцисе что-то не нравится, и обижать-

ся ей тоже будет запрещено. «Неизвестно, за что у нее ордена и медали? — с опаской подумал Марцис. — Наверно, очень храбра... навряд ли побоится меня?»

А Анна, продолжая свой путь, уже забыла про этого ограниченного парня, значившего для нее не больше, чем случайный встречный.

Наконец показались родные места. На холме высились горделивые постройки усадьбы Урги... кусты, загон для лошадей, старая аллея... а ниже, у самой дороги, торчала серая, приплюснутая, покосившаяся от времени изба Сурумов. Лаяла собака. Где-то за кустами сирени хрюкали поросята. У коровника, несмотря на многочисленные подпорки, в конце концов обвалилась одна из стен, и строение напоминало разбитое бурей и выброшенное на берег судно. Посреди двора копошились куры.

За время жизни в Сурумах Анна ничего хорошего не видела, но все же ее сердце забилось чаще, когда она подходила к отчему дому.

3

Заметив, что какая-то военная свернула с дороги к их двору, Лавиза крикнула собаке:

— Чуй! Чуй, Бобик!

Собака с лаем бросилась в сторону дороги, но тут же умолкла и, радостно прыгая вокруг Анны, проводила ее до избы.

— Перестань, Бобик, — шутливо журила старого пса Анна, но тот не знал, как проявить свою радость, вставал на задние лапы, пытался лизнуть в лицо, а когда это не удалось, завизжал так просяще, что девушке пришлось его погладить.

В кухонной двери показалось бледносерое, расплывшееся лицо мачехи. Под навесом старой клети сидел на ступеньке Антон Пацеплис и чинил хомут. Анна подошла к нему и тихо поздоровалась:

— Добрый вечер, отец...

У хозяина Сурумов выпало шило из рук, а лежавший на коленях хомут сполз на землю. Он долго смотрел на Анну, оглядел ее с ног до головы и не знал, как держать себя: радоваться или сердиться? Он не забыл, как четыре года тому назад Анна ушла из дому, не посчитавшись

с его запретом. Но тогда обстоятельства были одни, сейчас — другие. Антону с Лавизой казалось, что они больше не увидят Анны, и они редко вспоминали о ней, только в последнее время, в связи с посещениями Марциса Кикрейзиса и его планами женитьбы, имя Анны снова стало упоминаться в Сурумах. Но никто не пытался представить себе, как это будет, если Анна в самом деле заявится сюда.

— Здравствуй... — пробормотал смущенно отец. — Значит, все же вернулась?

Он встал, вышел из-под навеса и протянул Анне руку.

— Такой бравый солдат, что только держись... Разве ты тоже воевала?

— А как же иначе... — улыбнулась Анна, но тут же лицо ее стало серьезным: здесь никто не собирался ответить на ее улыбку. Мачеха вышла во двор и издали приглядывалась к девушке. Узнав ее, она медленно подошла к клети.

— Что за человек? — заговорила Лавиза. — Не Анька ли? Ну и удивление, Анька все же объявилась!

— Мне кажется, вы ошибаетесь... — сказала Анна, смело и вызывающе взглянув в глаза мачехи. — Аньку вам придется поискать в другом месте, а я прошу вспомнить мое настоящее имя.

— Ой, какая гордая стала! — удивлялась Лавиза. — Я, старая и простая баба, теперь и называть ее не сумею.

Подойдя совсем близко, она с назойливым любопытством стала осматривать Анну, все время неизвестно чему усмехаясь, но руку для приветствия не протянула. Анна повернулась к ней спиной и подчеркнуто не замечала ее больше.

— Жан дома? — спросила она у отца.

— Где ж ему быть, — ответил Пацеплис. — Но он на лугу... убирает сено.

— Как поживает Бруно?

Пацеплис переглянулся с Лавизой и ответил, опустив глаза:

— С Бруно приключилась беда... еще в сорок первом году. Он спутался с немцами. Об этом узнали партизаны и... повесили.

Тщетно пытался Пацеплис заметить на лице дочери удивление, сострадание или радость. Анна даже бровью не повела, только проронила:

— Ах так? — и снова спросила: — А Тауриньи еще в Ургах?

— В Ургах сейчас машинно-тракторная станция, — ответил Пацеплис. — Жена умерла еще при немцах, а сам, когда фронт стал приближаться к границам Латвии, уехал в город. Наверно, удрал с немцами. Здесь бы ему не поздоровилось. Сына тоже потерял в самом начале войны.

— Айвара? — спросила Анна.

— Кроме приемного сына, у Тауриня другого не было. Как в воду канул. Позже прошел слух, что его застрелили где-то на одном из большаков.

— В последний раз я видела Айвара недели две тому назад, — сказала Анна. — Он сейчас капитан Красной Армии и командует батальоном в Латышской стрелковой дивизии.

— Приемный сын Тауриней заодно с красными? — Лавиза от удивления всплеснула руками. — Тогда Тауринь напрасно удрал. Кто б его сейчас посмел тронуть? Сын — офицер Красной Армии!

— Нет у него сына, — отрезала Анна. — Айвар больше не называется Тауринем, а носит фамилию своего настоящего отца... Лидума.

— Ну и чудеса!.. — пожал плечами Антон Пацеплис. — Разве родной его отец жив?

— Он заместитель народного комиссара, а на войне был подполковником, — ответила Анна. — Что, отец, моя комнатка свободна?

— Как тогда оставила, так и стоит... — вместо Антона ответила Лавиза.

— Могу я положить там свои вещи? — снова обратилась Анна к отцу. Тот посмотрел на жену, развел руками и проворчал:

— По мне — клади. Комнатенка все равно пустая.

— Там не мыто и не метено с начала войны, — добавила Лавиза. — Если желаешь там жить, берись сначала за воду и метлу. С меня хватало уборки в своих комнатах. Теперь ведь не так, как раньше: если наймешь человека подоить коров, прополоть в огороде, — сразу запишут в кулаки и заставят платить повышенные налоги.

И мачеха, как будто ждавшая подходящего случая высказаться, не в силах была сдержаться и еще долго

ругала советские порядки. Ей не нравилось ничего: ни заготовка сельскохозяйственных продуктов, ни лесозаготовительные работы, ни новый председатель волисполкома.

— Неужели не могли найти лучшего человека на пост председателя? — возмущалась Лавиза. — Выбрали Регута — последнего бедняка: ни земли у него, ни скота, ни машин. Весь век только и знал, что батрачил.

Анна слушала, все запоминала и пока молчала. Ее молчание придавало смелости мачехе, и та расходилась все больше и больше, изредка обращаясь к Пацеплису:

— Разве не так, Антон?

— Так, так... — спешил подтвердить муж. — Нет никакого порядка. Слишком уж большая власть дана этой голытьбе.

Наконец Анне надоело слушать эти причитания. Она принесла воды, разыскала тряпку, метлу и вымыла свою комнату.

Пришел Жан с покоса, и Анна наконец увидела в Сурумах первого человека, от всего сердца обрадовавшегося ее возвращению.

Брат сразу пристал к ней с вопросами:

— Расскажи все по порядку, как ты жила эти годы? За что у тебя ордена и медали? Ты участвовала в великой битве под Москвой? Сколько фашистов уничтожила своими руками?

— Все за один вечер рассказать не сумею, — ответила, улыбаясь, Анна. — Но тебе тоже придется рассказать, как ты прожил это время под немцами. Как тебе кажется, Жан, отец... не запятнал себя во время оккупации?

— Он для этого слишком ленив и эгоистичен,— усмехнулся Жан. — Жил, как барсук, в своей норе.

— А ты? — Анна пристально посмотрела в глаза брату.

— Я? — Жан задумался. — Не бойся, сестренка, за меня тебе краснеть не придется. Если у меня и нет больших заслуг перед советским народом, то ничего плохого я тоже не сделал. А за то, что сделал, правительство наградило меня вот чем... — Он зашел в свою комнатку и минуту спустя вернулся с медалью «Партизану Великой Отечественной войны». — Почти два года я проработал

связным в партизанском полку Артура Лидума. Последние полгода перед изгнанием гитлеровцев прожил в лесу и участвовал в самых различных операциях.

— Вот это хорошо, Жан... — сказала Анна. — Я рада, что ты такой. Иначе здесь, в Сурумах, было бы, как в кулацкой усадьбе.

— Отец подпевает крупным хозяевам, — добавил Жан, — а Лавиза ведь дура и сама не знает, чего бы ей хотелось. Теперь она попытается тебя загнать под свой башмак... как раньше. Только ты не допускай этого. Пошли ее ко всем чертям, если будет приставать.

— Мне думается, что мачеху удастся переубедить без лишней резкости, — ответила Анна.

Поздно вечером, после ужина, когда Антон Пацеплис ушел спать, Лавиза без приглашения шмыгнула в комнатку Анны. Так же, как раньше, у клети, она чему-то ухмылялась, а ее взгляды, как ужи, ползали по фигуре и лицу Анны, нащупывая подтверждение своим догадкам, которые весь день не давали покоя Лавизе.

Наконец она не удержалась и насмешливо выпалила:

— Скажи, а у тебя жениха нет? Неужели всю войну так-таки никого не подцепила?

Анна покраснела и отпрянула от Лавизы.

— Как вам не стыдно так думать... — с укором ответила она.

— Ну, уж не может быть, чтоб ты ни с кем не погуляла... — бросила, уходя, Лавиза. — Ну, посмотрим, посмотрим, как пойдет дальше. Только нос-то не особенно задирай. Если думаешь взять меня на испуг своими медалями — ошибаешься. Я не боюсь таких походных невест.

Анне стало ясно, что переубедить мачеху без лишней резкости не удастся.

«Ну ладно, если хочешь, поборемся... — подумала Анна. — Только здесь больше нет угнетенной и запуганной девчонки, которая жила раньше».

4

Рано утром Лавиза постучала в дверь комнатки Анны.

— Вставай, мамзель, пора коров доить...

Анна поднялась и по фронтовой привычке быстро оделась.

«Началось... — подумала она, причесываясь перед карманным зеркальцем. — Лавиза берет вожжи в руки и старается направить мою жизнь по старой колее. Интересно, если дать ей волю, как далеко она пойдет. Как ты думаешь, Анна... — улыбнулась она своему отражению в зеркале, — не попробовать ли? Пусть человек проявит себя до конца; как только станет невмоготу, прекращу игру и покажу себя».

При отъезде из Риги в Пурвайскую волость Анна намеревалась недельку-другую отдохнуть, присмотреться к жизни родной округи, а затем договориться в укоме партии о работе. Девушка хотела узнать, кто остался в волости из коммунистов и советского актива довоенного времени и что сталось с комсомольской организацией. Последний год Анна вела работу ротного комсорга, поэтому можно было ожидать, что после демобилизации ее захотят использовать на комсомольской работе.

Анна вошла в кухню. Мачеха, стоя на коленях перед плитой, пыталась раздуть пламя в отсыревших ольховых сучьях.

— Вот так оно и получается, когда не подсушат, — сердилась она. — Фу... фу... фу... проклятая труха! Шипит да трещит, а гореть не горит. Иди, подуй ты...

Анна встала на ее место, разворошила и поправила слишком плотно набитый в топку хворост, зажгла кусочек бересты и подложила под сучья. Вскоре языки пламени уже лизали сырой хворост, и он разгорелся сильно и жарко.

— Не забыла еще, шатаясь по этим фронтам... — удивлялась Лавиза. — Теперь будешь каждое утро растапливать плиту, только сама подумай с вечера о хворосте. А теперь иди подои коров. Работа пустяковая: две ведь только и остались.

Когда Анна вернулась из хлева и процедила молоко, Лавиза велела ей загнать коров в загон. После этого вся семья села завтракать. Антон уже встал и выкурил первую утреннюю трубку, а Жан успел с часок поработать на лугу.

— Надо бы хлев очистить от навоза, — проговорил Пацеплис. — С весны не чищено. Скоро жижа будет заливаться за голенища.

— В чем же дело? — сказала Лавиза. — Пусть Анна

после завтрака берется за вилы и до обеда вычистит хлев. После обеда надо будет намочить белье.

— Нет ли у вас еще более грязной работы? — спросила Анна. — Чего-нибудь такого, что копилось всю войну? Заодно бы все переделала.

— В доме труба давно не чищена, — сказал Пацеплис. — И в бане печь потрескалась — дымит. Надо бы замазать щели глиной.

Лавиза посмотрела на Анну.

— Вот видишь, сколько для тебя работы... Довольно поскиталась белоручкой по свету. Теперь снова сама зарабатывай себе хлебушко.

— Да, вижу... — ответила Анна. — Но трубу все же придется чистить кому-нибудь другому, я не трубочист. Не знакомо мне также и ремесло печника. Я думаю, что печные трещины замажет сам отец.

— У меня на такие мелочи не остается времени, — проворчал Пацеплис.

— А какие же горы ты будешь ворочать? — спросила Анна. — Пойдешь сено косить?

— Когда же? — усмехнулся Жан. — Пока отвезет бидон молока на молочный завод, пройдет полдня, а тогда уж коса траву не берет.

— Попридержи язык... — Пацеплис, насупившись, посмотрел на сына. — Что ты, молокосос, понимаешь в делах взрослых!

— Я думаю, что хлев от навоза очистить тоже придется или отцу, или тебе, Лавиза... — продолжал Жан, никак не реагируя на замечания Пацеплиса. — Кто накопил, пусть тот и очищает. Анна не для того воевала и не для того явилась в Сурумы, чтобы работать на лентяев. Она сама знает, что ей делать.

— Вишь, какой адвокат! — зашипела Лавиза. — Говорит, как по нотам. А как ты, Анна, сама думаешь? Будешь в Сурумах жить дармоедом или станешь зарабатывать свой кусок хлеба?

— Дармоедом никогда не была и не буду, — ответила Анна. — Я не хотела спешить с этим разговором. Думала по крайней мере один день пожить под твоей командой, Лавиза, чтоб узнать твой теперешний норов, но Жан расстроил мое намерение. Да и не стоит к чему-то приглядываться, что-то изучать, — все совершенно ясно. Ты, отец, и ты, мачеха, забыли одно: в жизни ничего не

стоит на месте. Вам обоим кажется, что я сегодня такая же, какой была четыре года тому назад, но это грубая ошибка. Я уже не прежняя Анна и никогда ею не буду. Если хотите, чтобы дети не ушли из дому, в Сурумах должны воцариться другие порядки и другие отношения. Мне, например, и в голову не придет дать кому-то волю сидеть на моей шее, вижу, и Жан этого тоже не потерпит. По-старому больше не будет, поймите раз и навсегда. Я ни одного дня не желаю находиться здесь на положении бессловесной рабочей скотины. Твое грубое, вызывающее поведение, Лавиза, оскорбительно, и я прошу впредь никогда больше не разговаривать со мной в таком тоне. А ты, отец, мог бы хоть на старости лет постыдиться и перестать лодырничать. С тех пор, как я тебя помню, ты никогда себя не утруждал. Но когда-нибудь в доме должен установиться порядок, не так ли? Когда-нибудь и хозяину надо начать работать. Мне не трудно убрать навоз из хлева, вычистить трубу и замазать печные щели в бане, но я не хочу отнимать у тебя, уважаемый отец, подходящей для тебя работы.

— Антон! — закричала Лавиза. — И ты это допустишь?

— Ты, девчонка, не давай воли языку! — Пацеплис погрозил пальцем. — Не доводи до греха, а то встану да возьмусь за тебя, тогда увидишь, кому принадлежит власть, кто распоряжается в этой семье.

— Потише, отец... — сказала Анна. — Если начнешь грозить, может случиться, что и я не буду молчать.

— Что ты, котенок, можешь мне сделать? — ухмыльнулся Пацеплис.

— Может, ты ответишь на вопрос: почему вы оба с Лавизой в начале войны любой ценой стремились удержать меня дома? Сколько пообещал вам за это Бруно, Тауринь и другие подлецы?

Пацеплис смущенно уставился в пол. Побледневшая Лавиза кусала губы.

— Да что вспоминать про такие старые дела... — пробормотала она. — Антон, чего ты сидишь — пора ехать на молочный завод.

— Да, пора ехать... — сказал Пацеплис и вышел.

— Ты молодец, Анна, — подмигнул сестре Жан. — Так им и надо.

Он ушел на луг. Анна убрала со стола, перемыла по-

суду, принесла на кухню дрова и воду, затем сказала Лавизе:

— Я ухожу на луг помочь Жану.

Лавиза подождала, пока Анна скрылась за углом избы, и, оставшись на дворе одна, погрозила кулаками в сторону падчерицы, приглушенным голосом обругав ее самыми скверными словами. Ругаться так, чтобы слышали другие люди, она уже не осмеливалась.

Весь день Анна проработала с братом на сенокосе. В обед и вечером подоила коров, после ужина привела в порядок кухню и двор, убрала в сторону лишнее, а то, что нужно каждый день, расставила под рукой, — так, как здесь было когда-то. Управившись со всем, девушка пошла прогуляться вдоль Змеиного болота.

С этого дня Анна действовала в Сурумах вполне самостоятельно: делала то, что считала нужным, работала много и усердно, но ни у кого не спрашивала разрешения, если хотела отдохнуть и на часок-другой уйти из дома. И никто больше не решался ей что-нибудь запретить или навязать.

Поздно вечером Анна, глядя из окна своей комнатки на темнеющее, дымящееся после захода солнца болото, вспомнила свою давнишнюю мечту: «Теперь, старое болото, скоро кончится твоя власть. Мы, советские люди, принудим тебя отступить, и ты сдашь нам свои позиции, как сдали их отец и Лавиза...»

Но Анна пока не представляла себе, как добьется этого.

5

— Антон, скажу тебе откровенно: как отец ты никуда не годишься, — заговорила Лавиза однажды вечером, лежа рядом с Пацеплисом в старой кровати. — Совершенно никуда не годишься. Ты перед детьми прямо как теленок. Что хотят, то и делают, что им нравится, то и говорят в глаза родному отцу, а он только пыхтит да ворчит себе под нос.

— А что же я могу сделать? — оправдывался Антон. — Драться со взрослыми людьми? Прогнать из дому обоих? Кто ж тогда будет обрабатывать землю в Сурумах, кто будет пахать, косить? Может, ты, Лавиза?

— Зачем драться и гнать из дому? — удивилась Ла-

виза. — Надо сделать так, чтобы воля отца и матери выполнялась даже в самой что ни на есть мелочи.

— Чего ты наконец хочешь? — спросил Пацеплис. — Тебя сам черт не поймет.

— Чего я хочу?— Лавиза пожала плечами.— Того же, чего и ты. Анна окончательно испортилась у этих солдат на фронте: так востра на язык стала, что и не думай ее переговорить. Если ей дать волю, она испортит и Жана — придет час, когда у тебя не будет больше ни сына, ни дочери. Уж и сейчас этот мальчишка норовит сказать что-нибудь неприятное тебе или мне. Если ты теперь же не обуздаешь Анну, — не ты, не я, а она станет хозяином в Сурумах.

— О какой узде ты болтаешь, Лавиза?

— О брачной узде. Анну надо выдать замуж, найти ей мужа. Жених тут же, под носом. Хотя бы тот же Марцис Кикрейзис, — дай только знать, он и ночью прискачет.

— Марцис парень неплохой, — согласился Пацеплис. — Видом, правда, неказист, но зато какая усадьба, какие поля, прекрасные постройки! Дай бог каждой девушке получить такого мужа.

— Лучшего, чем Марцис, такая походная невеста и желать не смеет, — добавила Лавиза. — Радоваться должна, что он возьмет такую.

— Ты, Лавиза, насчет этой походной невесты немного полегче, — сказал Пацеплис. — Еще нарвешься на неприятности.

— Я ведь только тебе говорю!

— А я не хочу, чтоб про мою дочь болтали такое. Ты прекрасно знаешь, как строга Анна... какая она серьезная. Не надо чернить человека ни за что ни про что. Ведь можно же обойтись без этого.

— Понимаю, ты боишься, что Марцис может узнать про это и отказаться от Анны. Такую невесту для всех он тоже не захочет.

— Лавиза, сказано тебе: перестань! Говори о деле, нечего чепуху молоть. Если Марцис хочет жениться и Анна согласна за него выйти, я готов хоть завтра сыграть свадьбу. Пусть только Марцис сам придет в Сурумы и ведет себя, как полагается жениху... Пусть сделает предложение Анне, уговорит. Не мне ведь говорить за него.

— Ясно, -- согласилась Лавиза. — Пусть Марцис приходит и сам потрудится для себя. А пока он будет любезничать с Анной, я попасу коров, иначе ты будешь беспокоиться, что я расскажу Марцису о фронтовых похождениях твоей дочери.

— О каких похождениях? — спросил Пацеплис. — Что ты знаешь? Что ты видела или слышала?

— Видеть и слышать не приходилось ничего, но могу себе представить...

— Ах, вот как? Ты будешь ее бесчестить только из-за своих грязных догадок? По-про-буй!

Огромная рука Антона Пацеплиса с широко растопыренными пальцами упала на лицо Лавизы. Пальцы впились в ее мягкие щеки и до тех пор вдавливали голову в подушку, пока жена не стала задыхаться.

— Пусти, Антон... — застонала Лавиза. — Задыхаюсь.

— Не будешь болтать? — спросил Пацеплис.

— Не буду говорить ничего такого, что тебе не нравится.

— Ну, смотри у меня, змея подколодная!..

На следующий день, возвращаясь с молочного завода, Антон Пацеплис остановился возле усадьбы Кикрейзисов и поговорил с Марцисом.

В тот же вечер молодой Кикрейзис, вырядившись как на гулянье, пришел в Сурумы. На нем был черный суконный костюм, шею украшал стоячий воротничок с отогнутыми уголками и пестрый галстук, на голове темнозеленая шляпа. Весь вечер он увивался подле Анны, пытался блеснуть избитыми остротами и усиленно приглашал ее пойти погулять.

— В такой прекрасный вечер нельзя сидеть дома, — говорил он.

— Благодарю за приглашение, — ответила Анна. — Но я сегодня очень устала... Покойной ночи... — она оставила парня одного посреди двора.

Марцису ничего не оставалось, как отправиться домой. На следующий вечер он пришел снова, до того напомадив свои светлые волосы, что от него за версту несло бриолином. Но Анна уделила ему всего лишь несколько минут.

Ни разу Анна не проводила наследника усадьбы Кикрейзисов даже несколько шагов, хотя он частенько заговаривал об этом.

— Ну как там у вас, все как полагается? — спросил как-то вечером Пацеплис у Марциса. — Обо всем переговорили?

— Куда там!.. — махнул рукой Марцис. — Я каждый вечер собираюсь сказать ей... Только соберусь поговорить, она уже ушла в свою комнатку.

— Тогда пойди и ты с ней, — посоветовал Пацеплис.

— Разве так можно? — усомнился Марцис.

— Попытайся, там будет видно.

На следующий вечер, когда Анна собралась идти спать, Марцис поплелся за ней, собираясь войти в ее комнатку, но у самых дверей он остался с носом.

— Вам предстоит далекий путь... — сказала Анна. — Торопитесь, а то не доберетесь до дому.

— Нельзя ли... остаться у вас? — спросил Марцис.

— Нет, нельзя... — ответила Анна. — И так спрашивать тоже нельзя. На этот раз прощаю, но если еще раз зададите такой вопрос, могут выйти неприятности.

— Анна, почему вы так? — Марцис сделал грустное лицо. — Я ведь с вами по-серьезному, по-настоящему... хочу на вас жениться.

— Очень печально! — воскликнула Анна.

— Отчего печально? — не понял Марцис.

— А потому, что вы-то хотите жениться на мне, но я совсем не собираюсь за вас замуж. Ведь в таком случае не может выйти ничего путного.

— Вы это серьезно? — спросил Марцис.

— Да, Марцис. Вам придется жениться на другой.

Марцис остался с разинутым ртом перед закрытой дверью.

«Вот тебе и красотка-невеста... — думал он. — Красива, но не для меня. Интересно, кто мой соперник? Хотелось бы посмотреть, с чем его едят. Может, совсем не так страшен и я смогу с ним справиться».

Марцис посоветовался с Пацеплисом. Хозяина Сурумов огорчил отказ Анны: такой состоятельный жених, такая хорошая усадьба — что ей еще нужно?

— Ты все же надежду не теряй, — подбадривал он Марциса. — Я переговорю с Анной. Надо выяснить, в чем тут загвоздка. С моей стороны тебе обеспечена полнейшая поддержка, на это, как на скалу, надейся!

Но Пацеплису не пришлось поговорить с Анной: утром она объявила, что отдохнула достаточно.

— Уйду из Сурумов и начну самостоятельную жизнь, иначе не отобьешься от всяких там Марцисов. Вам тоже будет спокойнее.

— Самостоятельную жизнь... — проворчал Пацеплис. — Как же ты ее начнешь?

— Поступлю на работу, отец... — ответила Анна. — Трудом заработаю себе все необходимое для жизни.

— Надоело месить жижу в хлеву, — вставила Лавиза, — вот и все. Пока не подцепишь мужа, может, и поработаешь, а как придет кормилец в дом, не будет тебя на работе — попомни мои слова. Самостоятельная жизнь... Хе...

Но Антону не давало покоя другое.

— А как же все-таки будет с Марцисом? — спросил он. — Марцис хороший человек. Не стоит его водить за нос. Если да, то да, если нет, так нет... должна быть полная ясность.

— Все и так ясно, отец, — сказала Анна. — Пусть Марцис успокоится. Я ему ясно сказала «нет». Ничего другого он не дождется.

— Неразумно поступаешь! — воскликнул Пацеплис.

— Слишком уж нос задрала! — добавила Лавиза.

— Анна — молодец! — спокойно сказал Жан. — Мне нравится, что она Марциса оставила с носом. Я не знал бы, куда деваться от стыда, если бы моя сестра стала жить с таким обормотом.

— Вот так дети, вот так радость! — издевалась Лавиза. — Ну-ка порадуйся, Антон. Хорошее воспитание! Ни в чем тебя больше не слушают.

Антон молчал и думал: «Хоть бы поменьше болтала Лавиза о его детях — от ее слов все равно никакого проку».

6

Когда Анна сошла с поезда на станции уездного городка, лил дождь. Люди, подняв воротники и выбирая места посуше, спешили; только обладатели зонтов шагали спокойно и уверенно, не обеспокоенные прохладными брызгами дождя, которые бросал в лицо ветер.

Анна не боялась непогоды: ее серая шинель видела на своем веку и дождь и снег, да и армейские сапоги прошли грязь фронтовых дорог. Узнав на станции, как найти

уездный исполком, она направилась в город. Анна решила начать свои дела с исполкома, там заместителем председателя работала Ильза Лидум. Из ее писем Анна знала, что она в эвакуации окончила курсы советских и партийных работников, была зачислена в оперативную группу и вместе с нею, следуя шаг за шагом за советскими войсками, достигла своего уезда.

Ильза приняла Анну в своей рабочей комнатке, из окна которой была видна главная улица городка. В темносиней юбке, в белой кофточке собственной вязки, красивая и крепкая, она и сейчас выглядела моложаво, хотя недавно отпраздновала свое пятидесятилетие.

— Аннушка, милая! — воскликнула Ильза, поднимаясь Анне навстречу. — Как хорошо, что ты живой и невредимой вернулась домой. Была уже у своих?

Расцеловав Анну, Ильза подвела ее к окну и внимательно оглядела девушку, которую не видела несколько лет.

«Какие все ж прекрасные выросли дети у этого негодяя Пацеплиса...» — подумала она. А вслух сказала:

— Садись, Аннушка, и расскажи мне все от начала до конца, что ты за это время пережила, как тебя встретили дома и каковы твои дальнейшие планы?

Анна начала рассказывать, но вскоре стало ясно, что с Ильзой здесь поговорить не удастся: звонил телефон, время от времени заходили работники уисполкома и посетители, которых нужно было выслушивать. Наконец Ильза сказала:

— Ничего, Аннушка, скоро будет обеденный перерыв. Пообедаем в столовой и пойдем ко мне на квартиру. Ты ведь сегодня не собираешься уезжать, переночуешь у меня?

— Я приехала, чтоб в укоме договориться о моей дальнейшей работе, — ответила Анна. — Мой отъезд зависит от того, как скоро уком решит это дело.

— Тогда тебе придется говорить с Артуром. Он — второй секретарь укома и ведает кадрами. Он утром уехал по волостям проверять, как идет уборка, а к вечеру должен вернуться.

В обеденный перерыв они спокойно обо всем переговорили. Ильза хотела знать, как встретили Анну в Сурумах отец и мачеха.

— Ты поступаешь правильно, что уходишь от них, —

выслушав Анну, сказала Ильза. — Ты уж давно переросла на голову свою семью. И если останешься там, они потянут тебя назад. А сейчас ты опять станешь свободной, самостоятельной и будешь расти.

— Скажите, дорогая Ильза, работать на общественной работе очень трудно?

— Работать как-нибудь никогда не трудно, но если хочешь работать хорошо, труда надо положить много. Вначале, когда брат втягивал меня в общественную работу, мне думалось — пришел мой смертный час, начнутся неудачи, неполадки, и все будут надо мной смеяться. Первые недели я очень тревожилась. Мне казалось, что все видят мое неумение, недостаток опыта, что в глазах посетителей я выгляжу смешной, потому что не умею разрешить каждый поставленный ими вопрос так, как они этого хотят. Со временем я поняла, что совершенно невозможно удовлетворить желания всех, так как многие требуют того, на что не имеют никакого права.

— Вы думаете, можно привыкнуть к этой работе?

— В этом ты, Аннушка, скоро сама убедишься.

— Думаю, что мне разрешат работать в каком-нибудь хозяйственном предприятии. Я хотела бы стать трактористкой и работать в машинно-тракторной станции. Рядом с Сурумами в Ургах организована МТС.

— В твои годы, Аннушка, можно ставить себе самые большие цели. Выбери себе такую, для достижения которой потребуется не один год, — тогда у тебя будет за что бороться.

Под вечер, когда Ильза вернулась в исполком, Анна пошла в кино и посмотрела фильм о Заполярье. Поздно вечером, вернувшись домой вместе с Ильзой, она наконец встретила Артура. Он уже знал о приезде Анны и радушно ее приветствовал.

— Жаль, что не удалось встретить тебя в начале войны, — сказал Артур. — Тогда бы ты всю войну провоевала в нашем партизанском отряде.

— У стрелков тоже было неплохо, — ответила Анна.

— Всюду хорошо, где человек может работать на благо своей родины. Но в партизанском отряде ты бы очень пригодилась.

— Возможно. Но я бы хотела и сегодня пригодиться где-нибудь, поэтому пришла переговорить с тобой... товарищ секретарь.

— Работа найдется. К чему тебя больше влечет? В уезд? На партийную, советскую или комсомольскую работу?

— Я не хотела бы уезжать из своей волости, — ответила Анна. — Если иначе нельзя, то, понятно, пойду, куда пошлют, но было бы лучше всего работать в родных местах.

— Великолепно, Анна! — воскликнул Артур. — Признаться, я имел в виду выдвинуть тебя на работу второго секретаря укома комсомола, но если ты не претендуешь на город, то пусть комсомольцы еще недельку подождут, пока найдем для них второго секретаря, а ты, мой друг, отправишься обратно в Пурвайскую волость и сразу же возьмешься за обязанности парторга. Организуй и вырасти актив, создай крепкую партийную организацию, направь на верный путь молодежь — и тогда с этой силой ты горы сдвинешь. Как тебе это нравится?

— Я еще не была на ответственной партийной работе, — сказала Анна. — Справлюсь ли?

— Мы поможем тебе стать на ноги.

— А какие у меня будут обязанности?

— Разъяснять жителям политику партии и советской власти, создать партийную организацию и руководить ею. Сплотить массы, организовать политучебу и еще многое, о чем поговорим после. Только, боже упаси, не делай так, как поступают некоторые неудачливые парторги: не пытайся подменять советские и хозяйственные органы и работать вместо них. Контролируй их, помогай им, но предоставь работать самим и отвечать за порученный участок. Не забудь, твою работу никто делать не будет, а уком и ЦК прежде всего поинтересуются, как поставлена партийная работа и политическое воспитание масс в волости. А как прекрасно, Анна, находиться в самой гуще событий и слышать, как бьется сердце жизни, своей деятельностью влиять на то, чтобы оно билось правильно и было бы здоровым. Ты увидишь, как отомрет старое, как зародится и прорастет новое. Ты позаботишься о темпах, чтобы ничто не запаздывало и не начиналось раньше времени. Словно заботливый садовник, будешь возделывать и выращивать свой прекрасный сад, и когда он станет давать богатый советский урожай, ты скажешь, что в жизни нет ничего прекраснее этого. Понятно, не все потечет тихо и гладко. Будет много трудностей, будет на-

пряженная борьба, старое станет сопротивляться до последней возможности, но разве большевики когда-нибудь боялись трудностей?

Анна с восхищением слушала Артура. Чем дольше говорил он, тем больше очаровывала ее предстоящая работа.

...Анна прожила в городе еще два дня, пока уком согласовал с Центральным Комитетом ее назначение на работу. Получив все необходимые материалы и документы, она направилась обратно в Пурвайскую волость.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Вернувшись из уездного городка, Анна не пошла в Сурумы, а сразу явилась в исполком Пурвайской волости и разыскала председателя Регута — пожилого, но еще крепкого мужчину с атлетической шеей и коротко стриженными жесткими волосами. За свою жизнь он наработался батраком у Тауриня, Стабулниека, Кикрейзиса и прочих кулаков, поэтому хорошо знал, на каких хлебах держали они своих работников и как жестоко эксплуатировали их. Во время войны Регут эвакуировался, три года проработал в одном из колхозов Алтайского края и там же вступил в партию. В волости он пользовался большим авторитетом.

Регут хотел, чтобы в волости появился парторг, но сейчас ему не понравилось, что на эту должность прислана женщина, да еще такая молодая. Когда на народное собрание придут бородачи и седые матери, они будут смотреть на молодую девушку с предубеждением и отнесутся к ее словам недоверчиво — не так, как если бы парторгом был мужчина в годах или, по крайней мере, пожилая рассудительная женщина, которую все давно знают.

Всего в волости было три члена партии, два кандидата и шестнадцать комсомольцев. Никакой актив до сих пор в работе не участвовал, интеллигенция волости —

учителя, агроном МТС, участковый врач, — не привлеченные к работе, стояли в стороне от новых начинаний. Правда, при волисполкоме было создано несколько постоянно-действующих комиссий, но работала всего одна — сельскохозяйственная. И уже совсем в стороне от всей общественной жизни находились женщины Пурвайской волости. Анна видела, что работы здесь непочатый край.

Она начала с того, что поговорила со всеми членами и кандидатами партии, созвала партийное собрание и составила план работы на ближайшие три месяца.

Регут был прав: вначале пурвайчане приняли молодого парторга очень сдержанно. Люди дивились, как это женщину направили на такую ответственную работу, копались в ее прошлом, собирали разные сплетни, но ничего особенного не нашли: до войны Анну в волости почти никто не знал. Отец ее, хозяин Сурумов, всегда пользовался дурной славой, его в расчет не брали и над ним посмеивались, как над ленивым, ограниченным человеком, кулацким подпевалой, хотя самого его нельзя было причислить даже к середнякам. Некоторые думали, что у Анны будет недостаточно тверда рука, когда ей придется столкнуться со своими родственниками.

Анна не обращала внимания на эти толки. Чтобы не терять времени на лишнюю ходьбу, она перебралась из Сурумов в комнатку покинутого кулацкого дома рядом с волисполкомом. В исполкоме у Анны была небольшая рабочая комната, где она принимала посетителей и проводила совещания, но большую часть времени молодой парторг находился вне стен волисполкома — в машинно-тракторной станции, в Народном доме, в школе, на молочном заводе, в усадьбах крестьян. Анна разыскала старшего агронома МТС Римшу и долго разговаривала с ним о его работе. Крестьяне недоверчиво принимали различные агротехнические нововведения: ранний сев яровых в короткие сроки, разведение новых технических культур. Многие рассматривали каучуконос кок-сагыз как обыкновенный сорняк, которому не место на полях Латвии.

— Пожалуйста, подготовьте несколько популярных лекций по этим вопросам, — попросила Анна Римшу. — Я позабочусь, чтобы во время ваших лекций Народный дом был полон слушателей.

Подобные разговоры она вела и с директором неполной средней школы Жагаром и с участковым врачом Зултером. Она добилась того, что культурно-просветительная комиссия начала свою работу и в волости организовали кружок санитарного просвещения. Актив помог обеспечить на всю зиму школу и врачебный пункт дровами и сделать необходимый ремонт. В Народном доме теперь два раза в месяц читались лекции и доклады на научно-популярные и политические темы. Начали работать коллективы художественной самодеятельности: хор и драматический кружок. Все больше и больше людей участвовало в общественной работе, — они помогали строить новую советскую жизнь. Число активистов в Пурвайской волости скоро возросло почти до сотни, это были самые способные, энергичные люди волости.

Регут понял, что его опасения относительно Анны напрасны. Ободренная первыми своими успехами, девушка решила, что подошло время поговорить с крестьянами и о более важном.

На одном из собраний, где обсуждали вопрос о выполнении хлебозаготовок и осеннего сева, Анна в конце собрания взяла слово и предложила учредить в волости мелиоративное товарищество.

— Мы, советские люди, дальше не можем терпеть, чтобы Змеиное болото душило нас и затопляло наши поля и луга! — сказала она. — На кулаков и всяких эксплуататоров мы уже надели намордники. Пришло время надеть его и на проклятое болото.

Энтузиазм, с каким было встречено это предложение, превзошел все ожидания: почти половина пурвайских крестьян изъявила желание стать членами мелиоративного товарищества.

Анна поговорила об этом с Артуром Лидумом, Ильзой и председателем уисполкома Пилагом. Везде ее предложение встретили одобрительно. Исполнительный комитет уезда принял специальное постановление и направил вопрос в Ригу.

Через некоторое время Анна получила извещение, что в ближайшее время прибудут специалисты, чтобы выяснить на месте размеры работ.

Первый шаг был сделан. Неразрешенный на протяжении нескольких поколений вопрос наконец-то стал в центре всеобщего внимания, и Анна верила, что на этот

раз дело закончится не только красивыми словами и пожеланиями: времена были другие, и другие люди взялись за дело, люди, которые ничего не бросали на полпути, люди, которых ничем нельзя испугать, — советские люди, которым все было по плечу.

2

Когда в Пурвайской волости организовалось мелиоративное товарищество, Антон Пацеплис долго прикидывал, что ему делать: то ли вступить в товарищество и включиться в большие работы по осушению, то ли прикинуться, что его хата с краю, и не обращать ни на что внимания. Наконец он решил посоветоваться с Лавизой. Та решила сразу:

— Никаких товариществ нам не нужно. Ты ведь, Антон, еще не рехнулся, чтобы платить товариществу членские взносы за участие в пустом деле? Пусть платят, кому нравится, а мы без всякого товарищества осушим свою землю.

— Одним будет трудно, Лавиза... — попробовал возразить Антон. — Это дело не пустяковое.

— Ничего нам делать не надо, — пояснила Лавиза. — Пусть роют канавы и осушают болото те, у кого прыти много, а мы поглядим со стороны. Когда болото осушат, ведь и в Сурумах земля просохнет. Так же не может быть, чтобы вокруг было сухо, а наша земля посредине осталась мокрой, это же не пруд.

— Ну и мудрая ты у меня, как Соломон! — воскликнул Пацеплис и с восхищением посмотрел на Лавизу. — Кому нравится, пусть роет и осушает, а в первую голову это пойдет на пользу нам.

В волисполкоме он заявил, что не желает вступать в мелиоративное товарищество и пусть его этими вопросами больше не беспокоят: как-нибудь поля и луга Сурумов обойдутся без канав и каналов.

Соседи напрасно старались уговорить его.

— Не стыдите вы меня, — резко оборвал их Пацеплис. — На своей земле я могу делать все, что мне нравится.

— Ты хочешь, чтоб вместо тебя всю работу сделали

другие, — упрекали соседи. — Чужими руками собираешься жар загребать. Нечестно, Сурум!

— Тогда не делайте ничего! — выкрикнул обозленный Пацеплис. — Разве я вас прошу, разве я вам велю что-нибудь делать? Сами взбесились, а сейчас сердитесь, что я не бешусь вместе с вами. Мне и в голову не придет это делать.

Соседи так и ушли ни с чем.

Когда началась заготовка зерновых, Лавиза дала Антону новый совет:

— Ты будешь последним дураком, если сдашь государству хоть один килограмм теперь, когда твоя родная дочь сидит в волисполкоме и ворочает всеми делами. У Анны не хватит нахальства взяться за отца из-за нескольких мешков зерна. Пусть сдают другие, у кого нет родных в исполкоме.

— Я тоже думаю, Анна оставит нас в покое, — рассуждал Пацеплис. — Иначе не стоило бы и дочь растить.

Получив извещение о количестве и сроках сдачи зерна, Антон спокойно засунул повестку в календарь. Его ничуть не обеспокоило и напоминание уполномоченного десятидворки Клуги об истечении первого срока. Пацеплис не спешил с обмолотом нового урожая, а остаток прошлогоднего зерна ссыпал в мешки и спрятал в яму. Когда Клуга вторично напомнил ему о задолженности, Антон рассердился:

— Чего ты все топчешься вокруг меня? Не видишь разве, что мне неоткуда взять зерно? Когда обмолочу, тогда и сдам.

— Почему же ты не молотишь? — спросил Клуга.

— А кто будет копать картофель да подымать зябь? Со всеми работами сразу не поспеть.

Через несколько дней Пацеплиса вызвали в волисполком.

Председатель Регут, у которого он спросил, зачем его вызвали, сказал:

— Зайдите к парторгу. Товарищ Пацеплис хочет поговорить с вами по какому-то важному делу.

«Парторг... товарищ Пацеплис... — хозяин Сурумов пожал плечами. — Говорит так, будто не знает, что Анна моя дочь. Но если ей что-нибудь нужно, могла бы сама явиться к отцу на дом и поговорить со мной».

Угрюмый, с вызывающим видом, зашел он в рабочую

комнату Анны. Там сидели директор МТС Драва и один из учителей местной школы. Они попрощались с Анной и вышли.

— Как живете в Сурумах? — спросила Анна. — Уже весь хлеб убрали и обмолотили?

— Что ж мне, разорваться? — проворчал Пацеплис.— У меня молотилки и зерносушилки нет. Урожай в этом году тоже такой, что глядеть на него не хочется. Хорошо, если семена соберешь.

Анна усмехнулась.

— Об этом расскажи кому-нибудь другому, а не мне. Лучше скажи, почему ты не сдаешь зерно? Многие пурвайчане уже сдали государству все, что полагается, другие на днях выполнят годовой план, и только мой уважаемый отец в единственном числе живет так, будто это его не касается.

— Послушай, Анна, разве государство станет беднее, если не получит мои триста-четыреста килограммов? Уж ты могла бы освободить своего отца от сдачи зерна. Ну, а если уж обложила, то хоть норму бы дала пониженную, как бедняку или новохозяину. Не хватает еще, чтобы обложили меня по кулацкой норме. Разве так поступают хорошие дети?

— Перед государством мы все равны, — ответила Анна. — К твоему сведению, когда составлялся план зернопоставок, некоторые товарищи хотели зачислить тебя в самую низшую группу. К счастью, я узнала об этом и исправила оплошность.

— Вот так счастье! — Пацеплис плюнул. — Добро ты мне сделала своим вмешательством! Чужие люди готовы пожалеть, а родная дочь гонит отца в петлю. Спасибо, доченька, большое спасибо от твоего седого отца...

— Понапрасну ты сердишься, отец... — спокойно заметила Анна. — Я не могу допустить и никогда не допущу, чтобы мои родные не выполняли честно свои обязательства перед государством. Или ты хочешь, чтобы люди указывали на тебя пальцем: вон саботажник! Я этого не желаю и, пока у меня будет хоть малейшая возможность влиять на ход событий, я не допущу, чтобы ты отставал.

— Ну, а если я не поступлю так, как ты желаешь?— Пацеплис выпрямился. — Что вы со мной, старым человеком, сделаете? Посадите в тюрьму? Ушлете в Сибирь?

— Я надеюсь, ты до этого не допустишь. Опомнись, отец, не подражай кулакам. Не срами себя и своих детей. Послушайся нашего совета и поверь, что мы от всего сердца желаем тебе добра.

— Что вы, молокососы, понимаете в том, что мне к добру... — огрызнулся Пацеплис и, не попрощавшись, вышел из комнаты.

* * *

— Это только пустые угрозы, — сказала Лавиза, когда Антон рассказал ей о своем разговоре с Анной. — Хотят запугать, но тебя не тронут.

И, решив, что нельзя допускать, чтобы их так просто поймали на удочку, они продолжали саботировать. Ни на второй, ни на третий день Пацеплис не повез зерно на заготовительный пункт.

Тогда случилось невероятное: в Сурумы явились уполномоченный десятидворки Клуга, агенты от заготовительных и финансовых органов и составили акт. Лавиза, как тень, плелась за Пацеплисом и исподтишка язвила:

— Радуйся, Антон, кого ты вынянчил... Вот так счастливый отец!

— Перестань болтать! — зарычал на нее Пацеплис.— У меня и так черти на душе скребут, а ты точно тупым ножом им помогаешь.

Жан в это время был в поле. Вернувшись в обед, он увидел уходивших со двора людей.

— Что за люди? — поинтересовался он. — Зачем приходили?

— Разорить нас до последней нитки, вот для чего приходили, — ответила мачеха. — И это по милости твоей любимой сестры.

— За что? — Жан сурово посмотрел на отца.

— За то, что не сдали зерно... — ответил отец, уставившись в землю. — Какое им дело, есть или нет у человека зерно. Доставай хоть из пекла и вези на заготовительный пункт, иначе пустят тебя по миру, как последнего нищего.

Лицо Жана помрачнело.

— Знаешь что, отец, с этим надо кончать. Нам и сдать-то надо сущие пустяки. Не будем прикидываться беднее, чем мы есть на самом деле. Если ты сегодня же

не отвезешь на заготовительный пункт всю годовую норму, я утром пойду в волисполком и расскажу Регуту и Анне, где ты хранишь свою рожь и овес.

Взбешенный Пацеплис не находил слов, чтобы ответить сыну, щеки его дергались, глаза готовы были выскочить из орбит, кулаки угрожающе сжимались...

Лавиза прищуренными глазами смотрела на пасынка и, почесывая голову, шептала:

— Весь в сестру. Два сапога — пара.

Как ни горько было Пацеплису и Лавизе, а пришлось вытащить из ямы спрятанные мешки с зерном, нагрузить ими воз и везти на заготовительный пункт. Жан помог грузить, проверил качество зерна и хватит ли его, чтобы рассчитаться за всю годовую норму, — только тогда он согласился поехать на заготовительный пункт; у отца внезапно заболел живот, поэтому он не мог пуститься в этот неприятный путь и показываться людям в таком состоянии.

Вся волость узнала об этом. Многие смеялись над тем, как просчитался Антон Пацеплис. Иной кулак и мракобес осуждал Анну, но у жителей волости ее авторитет после этого случая возрос.

8

Когда Пурвайская волость получила план заготовки и вывоза лесоматериалов, Анне впервые пришлось поспорить с Регутом. Тот хотел распределить план по хозяйствам в зависимости от величины земельной площади; Анна указывала, что прежде всего надо принять во внимание число работоспособных людей и количество лошадей в каждом хозяйстве.

— Какое мне дело, достаточно у кулака рабочей силы или нет? — спорил Регут. — Пусть работает хоть всю зиму, пока не вырубит и не вывезет свою норму. У кого больше земли, тому надо больше поработать в лесу.

— Тогда наложи на Стабулниека самую большую норму, а сам сейчас же позаботься о рабочих, — сказала Анна.

— О покинутых хозяйствах речь не идет, мы говорим только о тех, где хозяин на месте.

— Ну, тогда обложи Путринькалнов большой нормой и уже наперед учитывай, что план не будет выполнен. В административном порядке ты от этих двух стариков ничего не добьешься.

— Тогда, выходит, что нам не подступиться ни к одному кулаку.

— Подступимся, товарищ Регут, только надо делать это реально, не обманывая себя. Нам надо учесть республиканский опыт. В Риге недавно проходило совещание по этим вопросам, и ЦК принял решение. Об этом же говорилось на собрании актива нашего уезда. И решение ЦК и резолюция собрания особое внимание обращают на серьезный и продуманный подход к распределению заданий. Надо учесть мощность каждого хозяйства и только тогда давать задание.

— Если мы по такому принципу станем учитывать каждое хозяйство, то до самого Нового года не распределим плана, а когда же валить деревья и вывозить их из лесу? — сердито проворчал Регут.

— Лучше недельку посидеть и подумать, нежели за один день на глазок определить нормы, а затем до самой весны только тем и заниматься, что исправлять ошибки.

Распределение плана потребовало несколько дней. Анне не раз пришлось спорить с Регутом и остальными членами волисполкома: у каждого были свои родственники и близкие, им хотелось дать задание полегче. Для примера Анна начала с Сурумов и определила отцу правильную норму, чтобы никто не мог упрекнуть ее в пристрастии к родственникам.

Когда Пацеплис получил извещение о том, что ему придется вырубить пятьдесят кубометров и вывезти к станции тридцать кубометров древесины, он страшно рассердился и на следующее утро заявился в волисполком к Анне:

— Что за сумасбродство нашло на тебя? — без всяких предисловий накинулся Пацеплис на дочь. — Белены объелась, что ли? Как зверь, обращаешься со своими. Пятьдесят кубометров! Понимаешь ли ты, что это значит! Пока Жан это вырубит...

— Почему Жан? — перебила его Анна. — А разве ты не можешь ему помочь? Лавиза одна управится со скотиной. Вырубки здесь отличные. Если будете работать как следует, за две недели вырубите всю свою норму,

а в течение следующих двух недель один из вас вывезет все к станции. Как видишь, отец, ничего страшного здесь нет.

Пацеплис только засопел:

— Ты действуешь, как чужая. Раньше среди родственников таких вещей не случалось.

— А теперь случается и будет случаться впредь. Я никогда не допущу, чтобы моим близким делали поблажки. И будет хорошо, если вы с Жаном уже завтра возьметесь за дело и покажете пример всей волости — первыми начнете и закончите сезонное задание. Потом можете поработать сверх плана. Ну что особенного, если вырубите и вывезете дополнительно кубометров тридцать?

— Ты... ты это всерьез? — Пацеплис задыхался от злости и неожиданности. — Я... сверх плана?

— Почему же нет? Большинство людей нашей волости сделает это. Разве ты хуже других?

— Если ты так смотришь на вещи, мне с тобой нечего и говорить! — Пацеплис плюнул и носком сапога растер плевок. — Я пришел, уверенный, что мне снизят норму по меньшей мере на треть, а эта полоумная думает еще добавить.

— Значит, не согласен? — спросила Анна.

— Дураков поищи в другом месте! — вспылил отец.

— А если Жан согласится?

— Жан? При чем тут Жан? Меня не интересует, что он думает.

— А меня очень, и я обязательно поговорю с ним.

— Попробуй только!

— Твоего разрешения тут не требуется. Тебе бы следовало, отец, помнить, что мы с Жаном уже взрослые и имеем право не спрашивать твоего одобрения.

— Но я могу запретить Жану в рабочее время идти в волисполком.

— Разве он у тебя наемный работник? — удивилась Анна. — Сколько ты ему платишь в месяц? Может, следует внести Сурумы в списки кулацких хозяйств и обложить повышенными налогами? Оказывается, у вас есть еще наемная рабочая сила. Как ты думаешь, отец?

— Что тут думать... — Пацеплис поднялся. — Когда-то я думал, что у меня есть дочь. Теперь вижу, что у меня нет больше детей.

— Ты ошибаешься, отец. У тебя есть дети, и они

желают тебе только добра, делают все, чтобы ты стал честным советским человеком, а ты все меришь на свой старый аршин, и поэтому мы еще пока не можем понять друг друга. Но ничего, когда-нибудь найдем общий язык.

— Никогда! Какой я есть, таким останусь!

— Я тебя не оставлю таким, отец. Хочешь или не хочешь, а все равно ты станешь другим человеком. Имей это в виду!

Ничего не добившись, сердитый и смущенный, ушел домой Пацеплис.

В тот же день к Анне явился еще один посетитель — Марцис Кикрейзис. Он начал с того, что Кикрейзисам этой осенью все задания даются такие, что дух захватывает.

— Почему по лесозаготовкам у нас такая норма, как ни у кого другого? — спрашивал он. — У нас земли не больше, чем у многих других. Почему такая несправедливость?

— Все правильно и справедливо, — ответила Анна. — В Кикрейзисах трое работоспособных и три лошади. Это первое. Вы всегда держали наемных рабочих, эксплуатировали батраков и наживались вовсю. Поэтому вы отнесены к кулакам. Это второе. Из-за этого у вас норма такая. Советую не терять времени, а то не успеете по санному пути вывезти свои бревна на станцию. У вас еще какой-нибудь вопрос ко мне, товарищ Кикрейзис?

— В телеге у меня кадочка масла и кусок ветчины,— сказал Марцис. — Скажите, куда их положить. Может, внести сюда или отвезти на квартиру?

— Зачем? Я думаю, будет лучше, если вы отвезете все это обратно домой. На лесозаготовках самим пригодится.

— Домой везти нельзя, — пояснил Марцис. — Отец наказал оставить вам. Ну, скажите сами, разве уж так тяжело уменьшить норму на каких-нибудь пятьдесят кубометров? Для вас это только росчерк пера, а мы... мы бы знали, как отблагодарить за любезность. Вы не пожалеете... Разрешите внести кадочку?

— Двери там, — показала Анна. — Убирайтесь. Свое масло и окорок засолите. А если еще раз придете ко мне с такими предложениями, я предам вас суду за предложение взятки.

— Ах, вот ты какая... Анна Пацеплис? — пробормотал Марцис, посмотрев на Анну зло и угрожающе. — Припомним это.

Он ушел.

Через несколько дней Анна получила анонимное письмо с угрозами и грязными ругательствами. Ей предлагали изменить курс или убраться из Пурвайской волости. «Если не послушаешься, мы тебя уничтожим!» — писал автор анонимного письма.

Несколькими неделями позже, вечером, когда Анна возвращалась домой, в нее выстрелили из придорожных кустов. Пуля просвистела над самым ухом.

В Пурвайской волости до этого времени не случалось никаких террористических актов, не было и признаков бандитизма. Теперь стало ясно, что кулаки решили начать борьбу с оружием в руках. Актив волости усилил бдительность, мобилизовал свои силы, чтобы во-время дать сокрушительный отпор врагам народа, если те осмелятся мешать новой жизни.

Однажды вечером Анну навестил Жан и рассказал:

— Марцис Кикрейзис вчера хвалился в лесу, что отомстит тебе. Обещал сделать что-то такое, о чем ты будешь помнить всю жизнь. Ты остерегайся этого непутевого.

— Хорошо, Жан... — ответила Анна. — Какие они все же простаки: угрозами хотят запугать. Не запугают!

— Меня тоже... — сказал Жан. — Но и слепым быть не следует.

Его недавно приняли в комсомол. Анна много занималась политическим воспитанием брата, надеясь, что года через два он вырастет настолько, что можно будет принять его в партию. Невзирая на вечное ворчанье и упреки отца с мачехой, Жан активно участвовал в общественной жизни волости и временами оказывал существенную помощь Анне.

4

В ту зиму Пурвайская МТС получила несколько новых тракторов и много прицепного инвентаря, поэтому машинный сарай в Ургах стал тесноват и надо было подумать о постройке дополнительных помещений. План работы МТС тоже сильно возрос; теперь станция обслу-

живала десять волостей. В начале 1946 года, впервые после того, как правительственная комиссия закончила проверку отремонтированных тракторов и прочего инвентаря, был создан Совет машинно-тракторной станции. Директору МТС Драве пришлось услышать много резких замечаний насчет осенних работ и хода ремонта тракторов. Члены совета не скрывали своих опасений по поводу того, будет ли МТС своевременно готова к весенним работам; больше всего беспокоил завоз горючего и правильное хранение его, так как Драва не подготовил хранилища и не обеспечил достаточным количеством бочек.

— Чего вы волнуетесь, впереди еще два месяца, — старался он успокоить членов совета. — Время разум дает. Наркомат обещает в начале второго квартала полностью обеспечить нашу МТС тарой для горючего. Наркомату-то верить можно, как вы думаете?

Финогенов, заместитель директора МТС по политической части, недавно назначенный сюда, о прошлой работе станции мог судить только по рассказам трактористов и крестьян. Впечатление было не из приятных. Если бы Драва был более самолюбив и чуток, ему пришлось бы на заседании совета основательно потеть и краснеть. Его олимпийское спокойствие и несокрушимая самоуверенность причиняли беспокойство Финогенову.

«Драва флегматик... — подумал он. — Нелегко будет с ним работать... Ну, посмотрим. Каждого человека, если только он честен, можно чем-нибудь зажечь. Неужели Драва сделан из огнеупорного материала?»

Оба они все военные годы провели на фронте: Драва командовал батальоном в Латышской стрелковой дивизии, Финогенов закончил войну заместителем командира танковой бригады. Драве можно было дать лет сорок. Среднего роста, плечистый блондин с круглым красноватым лицом, он походил на многих крестьян, поля которых обрабатывали тракторы Пурвайской МТС. Финогенов был лет на пять моложе его, выше ростом и жилистее, с темными, слегка вьющимися волосами. Ни тот, ни другой не отпускали ни бороды, ни усов.

Под вечер, когда участники заседания Совета МТС разъехались по своим волостям, Финогенов вошел в кабинет директора и без всяких обиняков сказал Драве:

— Оба мы бывшие фронтовики, оба теперь отвечаем за одно дело, поэтому поговорим начистоту, без дипло-

матии и недомолвок. Мне не понравилось твое выступление на сегодняшнем заседании совета. Совсем не понравилось.

— Говори конкретнее, что тебе не понравилось? — Драва спокойно посмотрел на Финогенова.

— Уж слишком ты спокоен и самоуверен, — ответил Финогенов. — Ты очень легко ко всему относишься. Тебе кажется достаточным, если в нужный момент не забудешь о том, что следует делать, как будто все это само сбудется. Жизнь не так проста, товарищ Драва. На каждом шагу ощущаются последствия войны. Мы не все можем достать в нужном количестве и во-время. Коммунист не должен полагаться на «авось». Он каждую вещь создает и обеспечивает своей работой, волей, ясным разумом, не дожидаясь чудес и удачи. Чем труднее задача, тем неспокойнее должен быть характер коммуниста. В зависимости от силы сопротивления возрастает и сила активного воздействия коммунистов. Иногда достаточно спокойного наблюдения, а иногда надо взорваться динамитом. Если мы хотим своевременно обеспечить МТС запасами горючего для весенних работ, правильно разработать маршруты тракторных бригад и не потерять ни одного дня полевых работ, — у нас много причин для беспокойства. Не одну ночь придется не поспать, несколько недель надо поездить по волостям и крестьянским усадьбам, все повидать своими глазами, чтобы с началом весенних работ не было ничего неизвестного, ничего непредвиденного для любой бригады, для любого тракториста. Представим себе, что завтра доверенная нам воинская часть переходит в наступление. До утра все следует привести в боевую готовность, каждый человек и каждая вещь должны быть на своем месте. Разве мы можем в таком случае спать эту ночь?

— Ладно, Финогенов, давай не спать... — усмехнулся Драва. — Я не боюсь бессонных ночей, но очень опасаюсь всяческой паники и истерического стиля работы. Мне кажется, нет ничего более противного и жалкого, чем истерик, который кричит, хватает воздух руками и своим болезненным поведением нервирует других людей. Такая активность никуда не годится, и от таких вещей я категорически отказываюсь.

— Ты думаешь, я истерик? — спросил, улыбнувшись, Финогенов.

— Не знаю, это я увижу со временем, но уж сейчас говорю, что люди такого характера мне не нравятся, — ответил Драва.

— Великолепно, товарищ Драва, мне тоже горлопаны и попрыгунчики не по сердцу, — сказал Финогенов. — В конце концов мы можем договориться без особого труда. Если не возражаешь — возьмемся за дело сейчас.

— Согласен.

До поздней ночи они просидели с бумагой и карандашом в руках. Все взвесили, еще раз обдумали, часто заглядывая в календарь. Когда положение стало вполне ясным, Финогенов успокоился и начал более оптимистично смотреть на будущее, а Драва сделался неспокойнее и нетерпеливее, чем раньше. Никакой беды еще не случилось и еще все можно было сделать во-время, только нужно было включить в работу весь коллектив МТС и работать по твердому плану и графику, не упуская ни одного дня.

Они распределили между собой обязанности, условились о том, какие задания дать агроному и главному механику, а на следующий день созвали производственное совещание работников МТС и окончательно договорились обо всем с коллективом. Каждый теперь знал действительное положение и свои обязанности, понимал задачу — общее дело по подготовке МТС к весенним работам должно быть завершено полноценно и в срок. В Пурвайской машинно-тракторной станции не было такого человека, который не желал бы ей успеха.

Через несколько недель, когда Драва и Финогенов уже объездили весь район и вопрос о хранении горючего не являлся более причиной бессонных ночей директора и его заместителя, в Урги прибыл Айвар Лидум. В длинной армейской шинели, с вещевым мешком за плечами, с объемистым портфелем в руках, Айвар остановился посреди двора и окинул долгим, испытующим взглядом все окружающее. Затем неопределенно улыбнулся и направился к белому хозяйскому коттеджу, где теперь помещалась контора МТС и жили ее руководящие работники.

В нижнем этаже, в бывшей охотничьей комнате Рейниса Тауриня, его встретили Драва и Финогенов. Драва узнал прибывшего и, радостно улыбаясь, поднялся ему навстречу и долго тряс его руку.

— Здравствуй, товарищ Тауринь! Хорошо, что не за-

бываешь старых боевых друзей. Наверно, в наши края, на работу? Может, к нам, будем товарищами по работе?

Айвар усмехнулся.

— Ты немного отстал от жизни, товарищ Драва, — сказал он. — Я больше не Тауринь, и прошу не называть меня чужим именем, которое не хочу слышать. Все мои документы теперь переписаны на мое настоящее имя. Ты ведь знаешь, что подполковник Лидум — мой отец?

— Как же, еще в дивизии узнал, но к тебе привыкли как к Тауриню. Так сразу не отвыкнешь. Каким ветром занесло тебя?

Познакомившись с Финогеновым, Айвар снял вещевой мешок, сверху положил портфель, сел и, достав из кармана кителя какую-то бумагу, протянул Драве. Заместитель министра сельского хозяйства (народные комиссариаты недавно были переименованы в министерства) предлагал Драве выделить в доме МТС жилое помещение Айвару и еще двум работникам министерства, которые до осени командируются в Пурвайскую волость по особому заданию. Руководителем бригады был назначен Айвар Лидум.

— А какое задание? — поинтересовался Драва.

— Расскажу потом, — ответил Айвар. — Прежде всего разреши мне устроиться. Куда ты меня поместишь — в первый или второй этаж?

— Вам ведь одной комнаты будет недостаточно? — рассуждал Драва. — Внизу свободна только одна маленькая комнатка, окнами в сад, во втором этаже пока свободны две небольшие комнатки. Посмотри и выбери.

— Себе я возьму нижнюю, — сказал Айвар. Это была та самая комнатка, в которой он долгие годы прожил как приемный сын Тауриня. Про это обстоятельство он Драве и Финогенову пока ничего не сказал. Комнатка была в довольно хорошем состоянии. Простая железная кровать, маленький письменный стол, два стула, вешалка для платья и пустая этажерка в углу составляли ее убранство.

Айвар положил в угол вещевой мешок, разместил в ящике стола часть бумаг из портфеля и вышел из комнаты. Он зашел в кабинет директора, но там застал только Драву, Финогенов уехал на один из машинно-конно-прокатных пунктов проверить жалобу рабочих на незаконные действия заведующего пунктом.

— Теперь мы можем поговорить, сколько душе угодно, — сказал Драва. — До вечера меня никто не потревожит. Давай рассказывай, Тауринь... то есть Лидум, какие горы собираешься свернуть?

— Все расскажу, но отложим разговор до вечера, — ответил Айвар. — Чтобы не терять времени, я хочу еще пойти в волисполком, повидаться с председателем и парторгом. Мне нужна их помощь. Когда вернусь, буду в твоем распоряжении до утра.

— Ты спешишь, как на пожар или на свидание, — усмехнулся Драва. Вдруг, вспомнив о чем-то, он хлопнул себя по лбу ладонью и посмотрел на Айвара с лукавой улыбкой. — Ну, конечно, свидание! Только сейчас дошло до меня. Ведь ты сам пурвайчанин, не так ли?

— Я здесь вырос... — ответил Айвар.

— Ну да. А парторг тоже из местных жителей. Всю войну прослужила в нашем полку. Незачем и спрашивать, знаешь ли ты Анну Пацеплис. Она сейчас здесь парторгом.

Айвар покраснел и смутился.

— Знаю, — ответил он Драве. — И это хорошо. Она нам будет сильным помощником при выполнении задания, ради которого министерство прислало меня сюда. До свидания, товарищ Драва...

— До свидания, Тау... Лидум...

Драва смотрел в окно вслед Айвару, торопливо шагавшему через двор, пока тот не скрылся за постройками. «Отчего ты покраснел, когда я упомянул про Анну Пацеплис? — мысленно спрашивал Драва. — Если человек краснеет, значит у него имеется на душе что-то такое, что хотелось бы скрыть от посторонних глаз. Молодые люди, хорошие знакомые и боевые товарищи... ничего удивительного, если между ними началось кое-что такое...»

Драва вышел и направился к кузнице, где с утра до вечера кузнец МТС грохотал по наковальне, чиня лемеха плугов и подковывая лошадей.

5

Айвар сидел в небольшой светлой комнате на поскрипывающем стуле и смотрел через письменный стол на милое лицо Анны. На девушке была темносиняя юбка и пестрый шерстяной джемпер, плотно охватывающий фи-

гуру. Маленькие высокие сапожки указывали на ее неспокойную жизнь — в вечном движении по дорогам волости и крестьянским усадьбам.

Так долго, как сегодня, они еще никогда не беседовали. Анна рассказывала Айвару о своей работе в родной волости, о первых ростках новой жизни, которые уже взошли и обещали хороший урожай, говорила о свирепом сопротивлении, которое оказывают каждому начинанию советской власти кулаки и подкулачники. Только об анонимных письмах и выстреле зимней ночью она не обмолвилась ни словом.

Потом Айвару пришлось рассказать все, что он знал про общих знакомых по Латышской гвардейской дивизии: где каждый из них находится, что делает, как живет, кто демобилизовался и кто остался в армейских кадрах.

— Ну, а что ты сам делал это время? — спросила Анна.

— Работал... и учился, — ответил Айвар. — Сразу же после демобилизации поступил на работу в Управление мелиорации... С прошлой осени учусь на заочном отделении сельскохозяйственной академии.

— Ты и в дальнейшем хочешь остаться в аппарате министерства, стать кабинетным работником?

— Это меня прельщает меньше всего. Я бы с удовольствием перевелся куда-нибудь в уезд, заведующим сельскохозяйственным отделом уисполкома или агрономом в МТС. Через некоторое время, возможно, так и сделаю.

— В какой-нибудь уезд, все равно куда... — задумчиво произнесла Анна. — Разве тебе не хочется работать в родных местах?

— Именно потому, что хочется, я и нахожусь сегодня здесь. Я останусь тут до поздней осени, — ответил Айвар. — Хотя в другом месте жизнь у меня была бы гораздо спокойнее. Не тащилось бы за мной прошлое приемного сына Тауриня... Никто бы не удивлялся, не упрекал...

— И ты еще думаешь о таких упреках? — Анна встала, подошла к Айвару и кончиками пальцев коснулась ленточек орденов и медалей, которые в два ряда — по четыре в каждом — были приколоты на его груди, затем погладила золотые и красные ленточки ранений на

правой стороне груди и сказала: — Разве они ничего не значат? Если какой-нибудь человек начнет болтать о твоем прошлом, пусть посмотрит на них и подумает, за что их тебе дали. Но мне кажется, что ты сам слишком много думаешь о своем прошлом. Зря. Гляди вперед, Айвар, — ведь мы, советские люди, живем для будущего.

— Я пытаюсь это делать, Анна, но не всегда может человек себе приказать.

— Тебе что-нибудь известно о жизни Тауриня во время немецкой оккупации и его бегстве?

— Все знаю. Только поэтому я ни разу не приезжал сюда. Теперь... теперь наконец я сбросил это грязное, мерзкое имя и вернул себе то, что мне принадлежало с рождения. Сегодня я опять Лидум, Айвар Лидум... и мне не стыдно смотреть в глаза любому честному человеку.

— Что делает твой отец... подполковник Лидум?

— С утра до поздней ночи в министерстве. В Риге у нас общая квартира, и когда Артур приезжает в командировку, он всегда останавливается у нас.

— Передавай ему привет.

— Кому — отцу или Артуру?

— Конечно, отцу, Яну Лидуму... — Анна улыбнулась. — С Артуром мне часто приходится разговаривать по телефону. Ты сказал, что останешься здесь до осени?

— Да, буду работать по заданию министерства вместе с небольшой бригадой культуртехников.

— Ваше задание — большой секрет?

— Об этом секрете я как раз и пришел посоветоваться. Мне нужна будет твоя помощь.

— Я слушаю, Айвар.

— Речь идет о подготовке проекта осушения Змеиного болота... — начал Айвар, серьезно глядя на Анну. — Министерство поручило нам произвести изыскательские работы на самом болоте и на прилегающей окрестности. До осени надо подготовить все необходимые материалы для технического проекта, чтобы будущей весной приняться за дело и наконец начать решительную борьбу с самим болотом.

— Чудесно, Айвар... — глаза Анны засияли. Глубоко взволнованная, счастливая и восхищенная, она снова приблизилась к Айвару, схватила его руку и долго дер-

жала в своей. — Ты замечательный человек, если берешься за такое дело. Ведь это — мечта моей жизни. И теперь я знаю, она исполнится. Спасибо. Желаю тебе всяческих успехов. Буду тебе помогать изо всех сил.

— Мне уже сегодня нужна твоя помощь, — сказал Айвар.

— Слушаю, я в твоем распоряжении... — отозвалась Анна и снова уселась за письменный стол.

— Мне хотелось бы по возможности скорее получить следующие материалы: какие крестьянские хозяйства хотят участвовать в этом большом начинании, какими материальными средствами, рабочей силой и транспортом располагает местное мелиоративное товарищество.

— Хорошо, Айвар. Все эти сведения ты скоро получишь. Это все?

— Пока все. Позднее я буду беспокоить тебя чаще, но самая большая помощь потребуется следующей весной, когда начнем рыть канавы и каналы.

— Жаль, что уже сегодня тебе не требуется этой большой помощи. Но, может быть, это и лучше: я надеюсь, что к следующей весне в Пурвайской волости будет по крайней мере хоть один колхоз.

— Тогда берегись, Змеиное болото! — засмеялся Айвар. — То, о чем единоличники не могли договориться на протяжении многих поколений, новые колхозники сделают в один год. Мельница на Раудупе нам уже не помеха.

Айвар был счастлив. Большой интерес, с каким прислушивалась к его словам Анна, блеск ее глаз, зардевшиеся в радостном волнении щеки девушки наполнили счастьем все его существо.

— Я буду тебя ждать на следующей неделе,— сказала Анна. — Нужные материалы начну собирать уже сейчас.

...Вскоре после ухода Айвара к Анне пришел Жан и сообщил о своем решении поступить на работу в МТС. Директор Драва сказал, что к следующей весне тракторный парк удвоится и нужно будет много новых трактористов.

— Зимой поступлю на курсы и научусь работать на разных сельскохозяйственных машинах, — сказал Жан.— Ведь я не собираюсь весь век ходить за однолемешным плугом.

— Правильно сделаешь, — сказала Анна.— Тебе нужно учиться. В самом недалеком будущем жизнь поставит

перед нами совершенно новые требования, — как нам тогда быть, если мы не будем вооружены нужными знаниями? Не поспеем за жизнью.

— Я стану учиться, Анна, в Сурумах силы свои зря растрачивать не буду. С меня хватит.

Анна посмотрела на брата ободряющим, полным гордости взглядом, каким люди одаривают только тех, кого любят.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Рейнис Тауринь с лета 1944 года жил в Курземе, в какой-то усадьбе Кулдигского уезда. Усадьба находилась в малонаселенном месте, у большого леса. Хозяин — бывший браковщик леса Пликшкис — знал Тауриня с прежних времен. Когда Тауринь поздним июльским вечером явился в это уединенное место, Пликшкис этим нисколько не был озадачен. Не удивило его и то, что в паспорте хозяина усадьбы Урги теперь новое имя — Альберт Кампар — и что лицо его поросло пышной седеющей бородой, которая выгодно изменяла его внешность. Если принять во внимание непрестанное продвижение Красной Армии к восточным берегам Балтийского моря и некоторые примечательные факты в биографии Рейниса Тауриня, то следует признать, что он поступил умно и предусмотрительно, не оставшись в Пурвайской волости. Он не был единственным в своем роде — вся Курземе в то время кишмя кишела всякими приезжими, деятельность которых в годы немецкой оккупации не была безупречной. Пликшкис заявил волостному правлению, что Альберт Кампар — близкий родственник его жены и очень несчастный человек: вся семья его погибла во время бомбардировки, а усадьба сгорела со всем скотом и прочим добром. Когда немецкая армия капитулировала,

часть беженцев пустилась в обратный путь к своим родным волостям. Кампар остался на месте.

— Что мне, старому человеку, искать в разрушенном углу... — вздыхал Тауринь. — Только сердце будет обливаться кровью, как посмотришь на развалины. Если б еще были живы какие-нибудь родственники... Лучше уж засохнуть, как старому дереву, здесь, в Курземе.

Он помогал Пликшкису по хозяйству, работал немного во время сева. пас скот и, как близкий «родич», не требовал для себя больше, чем пищу и кров. Из усадьбы Тауринь никуда не отлучался, а если к Пликшкису заворачивали незнакомые люди, он закрывался в своей комнатке и не появлялся, пока чужие не уходили. Такое положение было не из приятных, да и в будущем оно не сулило ничего хорошего, поэтому Тауринь часто ходил мрачным. Уезжая из своей усадьбы, а позже — из Риги, он лелеял совсем иные замыслы, но из них ничего не вышло. Виноват в этом отчасти и он. В последнюю военную зиму не одна моторка и рыбацкий карбас переправлялись через Балтийское море, шли к Готланду и Швеции, и Тауриню неоднократно предоставлялись возможности удрать, но он нарочно пропускал их, надеясь, что гитлеровские дивизии удержатся в Курземе до лета (в теплое время путешествие по морю было бы легче и безопаснее). Но когда потеплело, об отъезде и думать было нечего.

* * *

В воскресное утро Тауринь проснулся несколько позже обычного. Первым делом он раскрыл маленькое старомодное оконце своей комнатки и долго глядел на запущенный яблоневый сад и опушку леса, темнеющую тут же, за озимым полем Пликшкиса.

«Сиди у моря и жди погоды, — думал он. — А чем плохо жилось бы мне теперь в Швеции? Никому на ум не пришло бы спросить, как я вел себя при немцах. Страдалец... политический эмигрант... моя ненависть к большевикам дала бы мне друзей в имущих кругах. Я был бы полезен англичанам и американцам. Мной интересовались и обо мне заботились бы, а когда из эмигрантов начали бы составлять новое правительство Латвии, уж кто-нибудь вспомнил бы и про Тауриня, и я стал бы если уж не министром, то во всяком случае вице-

министром или директором департамента. В черном лакированном автомобиле появился бы в Ургах и блеснул перед соседями... как комета, как радуга. Великий Тауринь! Господин, государственный муж, превосходительство...»

«Превосходительство» мечтал у окна, прислушиваясь к голосам птиц и задумчиво поглаживая бороду, которая, как комок пакли, щекотала шею. Надоело ходить таким неряхой, не мешало бы побриться — борода старит, и всегда кажется, что лицо нечисто.

— Тьфу... — Тауринь плюнул за окно и стал одеваться.

Семья хозяина уже позавтракала, поэтому Тауриню пришлось есть одному. Пликшкис смотрел со стороны, как гость ест, потом, подождав, пока жена уберет со стола, присел к Тауриню и тихонько сказал:

— Около полудня вам надо будет сходить в лес. Вас хотят видеть. Есть что-то важное для вас.

— Так, так... — тихо ответил Тауринь. — Придется пойти. Как у них там, все по-старому? Никто ничего не пронюхал?

— Кто их там пронюхает... — пожал плечами Пликшкис. — В нашей стороне они ничего не делают. Вся музыка происходит по другим волостям.

— Правильно действуют, — сказал Тауринь. — Цыган тоже никогда не ворует в той усадьбе, где живет. Почему же нашим быть глупее?

— Значит, около полудня... — еще раз напомнил Пликшкис, поднялся и вышел из комнаты. Тауринь немного задержался у стола, поковырял в зубах спичкой, потом вернулся в свою комнатку и часа два провалялся в постели.

«Наверно, что-нибудь особо важное, по пустякам в лес не пригласили бы, — думал он. — Хорошее или плохое? Может быть, задание? Но чем я в теперешнем положении могу помочь: нет у меня больше ни той власти, ни той силы, что в былое время. Как птица с подрезанными крыльями: летать хочется, да не могу. Может быть, кто-нибудь пронюхал про меня, грозит опасность, и друзья хотят предупредить? Тогда придется переселиться в лес. Наверно, и для меня найдется винтовка или автомат — стрелять Рейнис Тауринь еще не

разучился... А если будет винтовка, то найдется и в кого стрелять».

С самого окончания войны Тауринь держал постоянную связь с лесом. В банде, которая скрывалась в местных лесах, был кое-кто из старых знакомых Тауриня — бывших однополчан-айзсаргов. Банда действовала активно: совершала террористические акты, стреляла, поджигала, грабила, а Тауринь до сих пор ничем особым помочь им не мог, только когда облава прочесывала лес, он хорошо спрятал двух людей, которым грозила тюрьма. «Нельзя, чтобы столь видный человек — командир айзсаргов и деятель «Крестьянского союза» в такие времена пассивно отлеживался на печи, позволяя мелкой сошке бороться с оружием в руках. Когда подойдет день и будут делить добычу, свои же могут задать не один неприятный вопрос и бросить тень на Тауриня».

«Надо начать действовать, так продолжать нельзя», — решил он.

Надумавшись и вдосталь навалявшись в постели, Тауринь незаметно выскользнул из дому, на всякий случай взяв с собой уздечку: если встретится в лесу нежелательный человек, можно будет сказать, что разыскивает лошадь Пликшкиса, вырвавшуюся из загона и неизвестно где заблудившуюся.

Тауриня встретила темная и сырая чаща, наполненная птичьими голосами и запахом гнили. В середине чащи, с полверсты от опушки леса, на старом пне сидел человек, сам похожий на большой серый пень. Заметив Тауриня, он поднялся и пошел ему навстречу.

— Здравствуйте, господин Тауринь...

— Здравствуйте, господин Стэлп...

Тауринь пожал руку бывшему офицеру связи айзсарговского полка и выжидательно замолчал, давая Стэлпу возможность начать разговор.

— Что нового на свете? — заговорил Стэлп. На нем был сильно изношенный мундир немецкого офицера, без знаков различия. Из-под него выглядывал ствол спрятанного автомата.

— Ничего особенного, — отвечал Тауринь. — А я думал, что вы сможете сообщить мне что-нибудь интересное. Живу, как барсук в норе, ковыряю землю Пликшкиса... только и радости, что по вечерам послушаю по радио «Би-би-си» и «Голос Америки».

— М-да... теперь события поворачиваются в нашу сторону... — пробормотал Стэлп. — Недолго придется ждать, скоро грянет. Трумэн затягивать дело не будет, и Черчилль тоже не из медлительных.

— Дай бог, дай бог... — отозвался Тауринь. — Из ваших уст да в божье ухо.

— В ухо Трумэна, хотели вы сказать? — Стэлп усмехнулся.

— Можно и так, — согласился Тауринь. — Ведь он сейчас наша самая большая надежда, вроде бога. Без него мы все равно что парусник без парусов и ветра среди океана.

— Скоро задует настоящий ветер, и наш корабль быстро достигнет обетованных берегов, — сказал Стэлп, принимая таинственный и глубокомысленный вид.

— Так, так... значит, кое-что известно? — не удержался Тауринь.

— Два дня тому назад я встретился с резидентом...

— Ага, с тем баптистским проповедником, господин Стэлп?

— Точно, но об этом не следует говорить. Мы обсудили все вопросы, и ситуация сейчас вполне ясна. Новая война неизбежна потому, что она необходима, и потому, что у нас есть атомная бомба.

— У нас? — удивился Тауринь.

— У Америки, у Трумэна, Эйзенхауэра, а это все равно что у нас, ведь мы кость от их кости и плоть от их плоти. Получил новые инструкции. Нам надо активизироваться, развернуть деятельность вширь и вглубь. Вербовать кого только можно, проникать в органы власти большевиков, в хозяйственные организации, в партию и армию. Саботаж, вредительство, террористические акты и беспрестанная разведывательная работа — вот наша теперешняя задача. Поэтому мне было необходимо встретиться с вами.

Тауринь молчал и терпеливо ждал продолжения.

— Надо использовать каждую возможность, каждую щель, через которую можно пробраться в лагерь нашего противника, — продолжал Стэлп. — Обстановка благоприятная. Каждый разумный человек захочет сегодня сработаться с нами и обеспечить себе хорошую перспективу к тому времени, когда новая война закончится победой американцев. Вы понимаете?

— Гм, да... Правда, они не бог весть какие вояки, но зато у них доллары... золото.

— Если будет золото, будут и солдаты. Результат яснее ясного. Господин Тауринь, сам резидент назвал мне ваше имя. Вы нашему делу можете оказать большую услугу.

— Я с удовольствием... все, что в моих силах... готов сделать. Но вы сами понимаете, — моя деятельность при Ульманисе... и при немцах... мне куда-нибудь втиснуться будет нелегко. Сразу разоблачат и предадут суду.

— Вам никуда не надо будет втискиваться, — сказал Стэлп и пристально посмотрел в глаза Тауриню. — Кто-то другой уже втиснулся, и вам надо помочь сделать так, чтобы он работал на нас и выполнял наши указания. Ясно?

— Пока мне ничего не ясно, — смущенно ответил Тауринь.

Тогда Стэлп произнес, не спуская взора с лица Тауриня:

— Господин Тауринь, ваш сын Айвар нашелся...

— Айвар жив! — воскликнул Тауринь. — Жив? Господин Стэлп, вы это точно знаете? — В огромном волнении он ухватился за локоть Стэлпа и до тех пор тряс его, пока бандит в конце концов не оттолкнул руки Тауриня.

— Да, жив, я это знаю точно. Он воевал в Красной Армии и закончил войну капитаном, командиром батальона. Имеет несколько орденов.

— Айвар! — вскрикнул Тауринь, как будто его поразили в самое сердце.

— Конечно, он... — усмехнулся Стэлп. — И это весьма выгодно для нас. Ваш сын пользуется доверием коммунистов. Он сейчас демобилизовался и работает в Министерстве сельского хозяйства, составляет проект осушения Змеиного болота. Его настоящий отец, Лидум, является заместителем министра, а двоюродный брат — секретарь партийного комитета нашего уезда.

— Уговорили мальчишку, переманили на свою сторону... — стонал Тауринь. — Труд всей моей жизни пошел прахом. Спустят воды в Даугаву, и моей мельнице нечем будет молоть. Это сумасшествие!

— Ничего не пошло прахом, господин Тауринь... — улыбнулся Стэлп. — Вам только надо переманить его

обратно к нам, и тогда у нас в лагере противника будет один из наиболее выгодно устроенных агентов. У него безусловно сохранилось кое-что из того, что вы ему когда-то привили. Играйте на этих струнах. Мы со своей стороны поможем. Если он не круглый идиот, то поймет, кого ему держаться. Что не смогут сделать слова, то сделают американские доллары, а в худшем случае в нашем распоряжении будет целая вереница таких фактов, которые припрут его к стене и заставят работать на нас даже и тогда, когда он этого не захочет.

— Шантаж? — прошептал Тауринь.

— Если надо будет, то и это, — ответил Стэлп. — Но я думаю, нам не придется пускать в ход такие острые средства. Я довольно хорошо знаю вашего сына и уверен: он поведет себя разумно.

— А что мне сейчас делать?

— Сегодня же напишите письмо Айвару. Наш человек доставит ему это письмо. Тот же человек поведет с ним все переговоры и... завербует.

— Но что мне ему написать? — Тауринь смущенно потирал лоб. — Могу ли я обещать ему что-нибудь? Вы меня уполномочиваете?

— Если желаете, я вам помогу написать письмо, — сказал Стэлп. — Нельзя пересаливать, но надо и написать так, чтобы все было ясно. Пошли, господин Тауринь, глубже в лес.

Усевшись на ствол поваленного бурей дерева, они сообща сочинили письмо. Первое смущение Тауриня быстро прошло. Часом позже, вернувшись в усадьбу Пликшкиса, Тауринь казался совсем спокойным, бодрым, полным энергии.

2

Айвар Лидум все светлое время дня проводил со своими людьми на Змеином болоте и на прилегающих к нему крестьянских землях. Карту местности с рельефом болота изготовили раньше, на основании материалов, найденных в уездном архиве и в министерстве, но они оказались слишком неполными и по ним нельзя было составить проект мелиоративных работ. Недостаточно знать уровень заболоченной местности и некоторые главные, уже существующие и возможные стоки,

надо было иметь полное представление о водном режиме района, свойствах почвы и окончательном объеме территории, подлежащей мелиорации, поэтому предстояла большая и сложная исследовательская работа.

По материалам, которыми располагала бригада, Айвар спланировал маршруты разведывательных работ. Для наглядности Айвар сделал даже довольно большой макет, который стоял на отдельном столе в его комнате.

Змеиное болото напоминало огромную неглубокую ложбину, вокруг которой тянулся узкий и невысокий берег, местами он был на одном уровне с болотом, в других — немного выше, и только на южной стороне болото упиралось в полосу песчаных холмов. Они, как созданный природой вал, подымались на несколько метров выше заболоченной местности. Километрах в двух к западу находилось озеро Илистое, лишние воды из озера стекали в небольшую речку. Со стороны Пурвайской волости самой близкой водной артерией была речка Инчупе, ее ближайшие извилины проходили километрах в шести от юго-восточного края Змеиного болота. Инчупе впадала в один из притоков Даугавы. Если главный магистральный канал соединить с озером Илистым или речкой Инчупе, задача все равно не была бы решена, пришлось бы углублять и расчищать русло обеих речек на протяжении многих километров. Да и тогда значительный северный участок Змеиного болота остался бы в стороне, а именно с него-то, по рассказам стариков, и началась вся беда заболачивания. Этот конец болота можно было осушить, только пожертвовав плотиной старой Раудупской мельницы, — тогда понизится уровень воды в речке выше мельницы. Раньше этого нельзя было сделать из-за упрямства и скаредности Рейниса Тауриня. Сейчас мельница принадлежала сельскохозяйственной кооперации, но окрестные крестьяне возили молоть свое зерно на паровую мельницу, и только ближайшие хозяйства еще пользовались услугами старой водяной мельницы. Когда уровень воды в реке понизится, достаточно будет двухкилометровой отводной канавы от края болота до русла реки, и окрестности болота вновь обретут свой прежний вид. Именно здесь и нигде больше следовало искать загадку возникновения Змеиного болота.

«Здесь находится ключ от главных ворот, — думал

Айвар. — Старый Тауринь и его сын Рейнис долго хранили его у себя, но теперь он в наших руках».

Целыми днями бродил Айвар в высоких резиновых сапогах по трясине, исследовал рельеф местности и почвенные слои болота. Местами он находил остатки строений, они свидетельствовали, что там, где сейчас качалась трясина, когда-то жили люди и шумели нивы. Айвар, усталый, облепленный болотной грязью, но счастливый, приходил вечером домой. Макет, стоявший на столе в его комнате, постепенно оживал. Огромное болото уже не представляло месиво воды, грязи и кустарников, а являлось чем-то обозримым, органическим, будто живым существом — злым и безжалостным; теперь человек знал, как оно возникло, знал и как с ним покончить.

Работа предстояла большая: надо было вырыть восемнадцатикилометровую главную магистраль, около пятидесяти километров коллекторов, а общая протяженность обычных стоковых канав — мелкой сети — должна дойти до сотни километров. Этим человек отвоевывал у болота около восьмисот гектаров земли и столько же заболоченных, обреченных на гибель полей и лугов. Выгоды сторицей окупят затраченный труд.

Айвар познакомил Анну с результатами работы бригады, и все это — осязаемое, конкретное, что они сегодня знали и могли предвидеть, — уже казалось Анне большой победой.

...Однажды, когда Айвар, отделившись от своих товарищей, оказался на узкой тропинке посреди болота, он встретился с незнакомым человеком. Это был мужчина среднего роста, лет тридцати, худощавый, одетый, как большинство окрестных крестьян, в серую полусуконную домотканную одежду; на ногах незнакомца были яловые сапоги, а на голове — фуражка немецкого армейского образца. Айвар заметил его только тогда, когда человек находился шагах в десяти от него.

— Добрый день... — приветствовал его прохожий.

— Здравствуйте... — ответил Айвар и посторонился, чтобы незнакомец мог пройти мимо. Но тот совсем не собирался проходить. Он остановился и пристально, испытующе посмотрел на Айвара.

— Вы — Айвар Тауринь, не так ли? — наконец заговорил он.

— Нет. Я — Айвар Лидум, — ответил юноша.

— Это одно и то же, — усмехнулся незнакомец. — Я вас разыскиваю. Мне надо поговорить с вами с глазу на глаз.

— Со мной? — удивился Айвар.

— Да, с вами... по очень важному делу.

— Кто вы? — спросил Айвар.

— Скажу потом... когда переговорим.

— Но, простите, мне совершенно неинтересно разговаривать с незнакомым человеком... о котором я ничего не знаю. Как вас зовут? — строго спросил Айвар.

— Мое имя и фамилия вам ничего не скажут, — пояснил тот. — Вы никогда ничего про меня не слышали. Гораздо больше скажет вам это письмо, которое шлет ваш отец... Рейнис Тауринь. Прочтите его, потом продолжим беседу.

Незнакомец протянул Айвару простой голубовато-серый конверт, какие продавались во всех почтовых конторах. Айвар сразу узнал острый, несколько прерывистый почерк Рейниса Тауриня с необычно жирными заглавными буквами и опускающимися окончаниями слов. Письмо было написано простым карандашом.

— Вон как, вы знакомы с Рейнисом Тауринем? — пробормотал Айвар, взглянув сбоку на незнакомца.

— Знаком... — ответил тот. — Прочтите письмо. А я пока выкурю папиросу.

8

Айвар прочел следующее:

«Где-то в Латвии, май 1946 года.

Сердечно приветствую Тебя, Айвар, мой сын!

Большую радость и глубокое удовлетворение принес мне этот день: теперь я снова знаю, что Ты жив и ходишь по родным полям и лесам. Ты счастливее меня, так как можешь свободно жить в любимых местах и работать на избранном поприще, в то время как я волей судьбы принужден кочевать по чужбине и только с тоской могу вспоминать наш любимый уголок, которому посвятил лучшие годы своей жизни. Вероятно, до Тебя

уже дошли всевозможные сплетни о моей деятельности во время немецкой оккупации. Люди завистливы, недоброжелательны и с удовольствием болтают дурное о своих ближних. Но не верь им, ибо они не желают добра ни Тебе, ни мне. Я всегда старался делать добро и при немцах поступал только так, как мог поступить настоящий латыш. На моем месте и при тех условиях Ты поступал бы так же. Когда человек больше не хозяин своей жизни и жизни своих соседей, он приспосабливается. Я приспосабливался — вот вся моя вина, которую теперь не хотят простить те, кто властвует в Латвии. Ты всю войну находился в других условиях и тоже приспосабливался. Я отнюдь не собираюсь упрекать Тебя за это. Наоборот, Ты заслуживаешь всяческой похвалы и признательности: с волками жить — по-волчьи выть. Ты добился в этом отличных успехов. Хорошо, что Ты заслужил их доверие, высокие награды и воинское звание капитана. Сохрани это доверие как можно дольше, пока оно будет нам нужно. В Твоем теперешнем положении Ты можешь оказать бо́льшую пользу нашему делу, чем я, находясь в лесу, вместе с такими же пасынками судьбы. Человек, который передаст Тебе мое письмо, заслуживает всяческого доверия. Он расскажет, что надо делать, чего мы от Тебя ждем и какие задачи Тебе надо выполнить в ближайшее время. С ним Ты можешь быть вполне откровенен, а его указания принимай как директивы, так как он является представителем высшего руководства нашего движения. Через него можешь послать мне ответ на это письмо.

Дорогой Айвар! Желаю Тебе большой выдержки и крепких нервов, ибо именно это больше всего необходимо в теперешней сложной борьбе. Действуй смело, твои услуги не забудутся. Мы победим, и Ты станешь одним из тех, кому будут принадлежать власть и почет в нашем будущем государстве. Обнимаю Тебя и осеняю отцовским благословением. С нетерпением жду Твоего ответа. Не забудь рассказать, как теперь в Ургах и в Пурвайской волости. Скоро мы опять встретимся. Остаюсь с наилучшими пожеланиями, Твой любящий отец

Рейнис Тауринь.

P. S. По понятным Тебе причинам я временно не могу ничего большего рассказать о своей жизни и своем место-

пребывании, но не это сегодня самое важное. Важно — единство наших мыслей и стремлений. И еще, Айвар: работая над проектом осушения болота, не забудь про нашу мельницу. Со временем она будет принадлежать Тебе, поэтому позаботься, чтоб ей всегда хватало воды.

Р. Т.»

Чувствуя, что незнакомец все время наблюдает за ним, Айвар читал письмо, стараясь ничем не выдать своих переживаний. Его бывший приемный отец до сих пор мерил всех людей на свой аршин. Каждая строчка этого письма свидетельствовала, что у него нет ни малейшего представления о тех переменах, которые за пять лет произошли в сознании Айвара. Приспособленчество, военную хитрость, циничный расчет — вот все, что он увидел в действиях своего приемного сына. Не будучи в состоянии понять другой правды и других идеалов, кроме своей эгоистической самоуверенности хищника, он был убежден, что действиями всех прочих людей руководят те же побуждения. При всей своей хитрости и неудержимой звериной ярости он был большим простаком. Над его самомнением можно было посмеяться, но цинизм его предложений и дикое бесстыдство вызвали в сердце Айвара такое негодование, что он выругался бы и затоптал письмо в грязь болота, если бы за ним не наблюдали. И Айвар взял себя в руки. Словно погрузившись в думы, он невидящим взором уставился вдаль, и из его груди вырвался тихий вздох.

«Надо посмотреть, как далеко они способны пойти в своей наглости и что им нужно»... — думал Айвар и, повернувшись к незнакомцу, спросил:

— Вы знаете, что написано в письме?

— Знаю... — ответил незнакомец.

— Готов вас выслушать, — сказал Айвар.

— То есть как? — незнакомец немного смутился.

— В письме ничего конкретного не сказано, — сказал Айвар, — только так, в общих чертах. Отец пишет, что вам можно доверять и что от вас я получу более подробные указания.

— Итак, вы согласны? — незнакомец подошел ближе к Айвару и пристально посмотрел ему в глаза.

— В зависимости от того, что вы от меня потребуете

и будет ли это мне под силу, — ответил Айвар, спокойно выдержав взгляд незнакомца.

— Никто не потребует от вас невозможного, — заговорил тот. Затянувшись последний раз, он бросил папиросу и торопливо продолжал: — Я знаю о вас все. Как интеллигент и развитой человек, вы, по-моему, правильно уясните себе историческую ситуацию. Мы находимся накануне решительной борьбы двух миров. Эта борьба неизбежна и необходима, и об исходе ее двух мнений быть не может, так как на нашей стороне экономический и военный перевес и атомная бомба. Закон борьбы безжалостен: кто не с нами, тот против нас. Среднего пути, нейтралитета нет и быть не может. Оставаясь с большевиками, вы обрекаете себя на неизбежную гибель. Становясь в наши ряды, вы обеспечиваете себе перспективу на будущее, к тому же не обычное будущее среднего человека, а блестящее, заманчивое и многообещающее.

— Вы могли бы обойтись без этой агитации, — усмехнулся Айвар. — Скажите, что мне делать?

— Тем лучше... — усмехнулся в свою очередь незнакомец. — Тогда мы быстро столкуемся. Итак, я могу начать говорить о деле?

— Это будет самое целесообразное, — отозвался Айвар.

— Ладно. Первая часть ваших обязанностей уже выражена в письме: вам надо как можно дольше сохранить свое теперешнее положение. Оставайтесь на вашей службе и внешне выполняйте свою работу хорошо и прилежно. Если вас захотят выдвинуть на более ответственную работу, не возражайте. Делайте карьеру, подымайтесь кверху насколько можете, только обо всем информируйте нас и в каждом случае действуйте по нашим указаниям. Как я вам уже сказал, внешне работайте прилежно, а по существу... по существу вы должны быть тормозом, песком, разъедающим детали механизма. Сейчас вы заняты проектом осушения болота. Не спешите закончить его, затягивайте подольше, пусть это возможно дороже обойдется государству, и пусть население не так скоро получит от этого какую-нибудь пользу. Когда больше нельзя будет тянуть, заканчивайте проект, но так, чтобы в нем был какой-нибудь существенный изъян: с одной стороны, чтоб болотная вода уходила отсюда,

с другой — чтоб возвращалась окружным путем обратно в болото. Вода будет необходима вашей же мельнице. На этой сложной местности такой заколдованный круг создать вполне можно. Попутно вы будете информировать нас обо всем, что вам удастся услышать, наблюдать и собрать через своих сотрудников: о всяких хозяйственных, политических и военных мероприятиях и проектах, о настроениях отдельных работников и их личной жизни, о подходящих для вербовки людях, об их слабостях и так далее. Одним словом, вас ожидает весьма широкое, многостороннее и интересное поле деятельности.

— Это очень тяжелая работа... — заметил Айвар. — Тяжелая и опасная.

— Мы правильно и достойно ее оценили.

— А кто это мы? Кто стоит за нашей спиной — реальная сила или иллюзия?

— Соединенные Штаты Америки и Великобританская империя не иллюзия, а величайшая реальность... — многозначительно улыбнулся незнакомец.

— А там — в Белом доме и на Даунинг-стрит[1] — знают о нашей работе, о нас самих? — спросил Айвар.

— В моем лице вы разговариваете с их представителем.

— В таком случае мне все ясно.

— Что вам ясно?

— Что я буду иметь дело с чем-то совершенно реальным и серьезным.

— Правильно. Когда вы сможете передать свой ответ на письмо Тауриня?

— В ближайшие дни.

— Может, уже завтра?

— Завтра? — Айвар задумался. — Не выйдет. Завтра мне надо быть в Риге, в министерстве, с очередным отчетом о работе бригады. Мне еще сегодня придется уехать.

— Ладно. Передадите, когда вернетесь из Риги.

— Где и когда я вас встречу?

— Этого я сказать не могу. Я сам найду вас в нужное время и в подходящем месте. Если произойдут осложнения, вы получите записочку с подписью — Пикол.

— А если мне нужно будет сообщить вам о чем-ни-

[1] Улица в Лондоне, где находится министерство иностранных дел.

будь срочном и важном, как мне, Пикол, известить вас об этом?

— Об этом поговорим в следующий раз. До свидания, господин Тауринь.

— До свидания... Пикол...

Незнакомец, по временам оглядываясь, ушел по болотной тропинке в сторону леса. Айвар пожалел, что не имел при себе оружия, — тогда не надо было бы играть комедию и смотреть вслед врагу.

«Нельзя позволять таким выродкам свободно ходить по земле, — думал Айвар. — В следующий раз, Пикол, ты от меня не уйдешь».

Он направился в Урги, чтобы приготовиться к поездке в Ригу. На этой неделе ни с каким отчетом ему не надо было ехать, но Айвар сам хотел попасть в столицу и посоветоваться с отцом. Положение было слишком сложное, и совет Яна Лидума мог весьма пригодиться.

4

Министерство промышленности, в котором Ян Лидум работал заместителем министра по кадрам, значительно перевыполнило план первого квартала 1946 года, поэтому у многих работников министерства было хорошее настроение. Но в начале мая положение изменилось. Когда стали известны цифры оперативного отчета за май, члены коллегии министерства оставили свои кабинеты и разъехались по предприятиям, чтобы общими усилиями вытянуть отстающих и обеспечить выполнение производственной программы. За два первых месяца план второго квартала был выполнен только на шестьдесят процентов. В июне надо было дать сорок процентов. На первый взгляд это казалось выполнимым, но министр и несколько ближайших сотрудников, знавшие истинное положение с сырьем и материалами, понимали, чего будут стоить эти сорок процентов. До сих пор работали со скрытыми резервами — сверхнормативами и остатками сырья. Некоторые люди странным образом полагались на неисчерпаемость этих запасов и, вместо того чтобы заботиться о своевременном снабжении фабрик нужными материалами и полуфабрикатами, они спорили с Министерством финансов об уменьшении сумм

отчислений от прибылей подведомственных трестов. Когда министр Земдег время от времени интересовался положением снабжения, начальник конторы Кулайнис, широко улыбаясь, отвечал:

— Все в порядке, товарищ министр. Первое полугодие обеспечено полностью.

Заодно он не забывал похвастаться своими дружескими отношениями и широкими связями с центральными органами снабжения и некоторыми союзными министерствами в Москве: один телефонный звонок — и все необходимое потечет и по железной дороге и по морским путям прямо в склады его конторы. Когда кто-нибудь из членов коллегии заикался, что Кулайнис пустомеля и своей излишней самоуверенностью может завести в тупик, руководитель конторы снабжения распространял среди работников аппарата слушок, что его хотят съесть, так как заместитель министра прочит на его место своего шурина.

Да, сейчас было жарко. Звонили телефоны, члены коллегии по неделям сидели на фабриках, а Кулайнис носил на подпись Земдегу одну телеграмму за другой.

Как бы невзначай, он не забывал напомнить, что руководители контор снабжения некоторых министерств получают персональные ставки, а у иных имеются легковые машины.

В последнее время министр относился к Кулайнису очень официально и сухо, а Ян Лидум добился, чтобы в повестку дня следующего заседания коллегии был включен вопрос о работе конторы снабжения за первое полугодие.

В день заседания коллегии Яна Лидума с утра посетили два директора фабрик и делегация молодых рабочих. Все они желали говорить с Земдегом, но тот был вызван в ЦК партии и не мог их принять.

— Товарищ Лидум, разве это дело, когда Кулайнис одну фабрику заваливает материалами на целый квартал и помогает победить в социалистическом соревновании, а нам каждый килограмм приходится вымаливать, как нищим? — жаловался один директор. — А почему он так делает? Потому, что те с ним пьянствуют и по субботам присылают по свертку с образцами продукции.

— Разве допустимо, что министр расценивает жалобы как личную обиду и вместо помощи отзывает

с фабрики способного главного инженера для работы в аппарате министерства, а взамен присылает зеленого юношу, который не знает технологии и, в лучшем случае, может пригодиться для составления докладных записок? — печалился другой. — Вместо государственного подхода в нашем министерстве царит семейственность и приятельские отношения.

— Почему не скажете об этом министру? Если вопрос поставить принципиально, он не оставит его без внимания, — сказал Лидум.

— Правильно, без внимания не оставили бы, но нам обоим пришлось бы уйти со своих фабрик, ибо без помощи и поддержки министерства работать невозможно. Товарищ Лидум, сделайте что-нибудь — не для нас, а на пользу общего дела. Поговорите с министром, обуздайте Кулайниса.

— Я поговорю с товарищем Земдегом, — обещал Лидум. — После обеда приходите в министерство и будьте готовы к тому, что вас пригласят высказаться на коллегии.

Директора переглянулись и задумались.

— Боитесь испортить отношения, не так ли? — усмехнулся Лидум. — Как же это получается? Ведь вы коммунисты, а коммунисты не боятся говорить правду в глаза.

— Не отношения боимся испортить, а ни к чему эта лишняя резкость.

— Тупыми зубами твердого мяса не разжевать. Не забудьте, что все бюрократы толстокожи, — вертелом надо их колоть, пока почувствуют.

— Ну ладно, если уж иначе нельзя, будем колоть.

Делегация молодых рабочих жаловалась, что им в фабричном общежитии приходится жить в тесноте и в очень плохих условиях.

— По вечерам горит лишь одна тусклая лампочка — нельзя ни газету прочесть, ни письма написать. Кипятку нет, умываться приходится под открытым небом. И дело совсем не в том, что у фабрики нет средств для ремонта общежития. Деньги имеются, рабочая сила тоже найдется, но контора снабжения не дает материалов. Директор уже несколько раз обращался к Кулайнису. Тот, конечно, обещает, но сейчас же забывает про свои обещания.

— Где же ему взять материалы для нужд общежития, когда краска и доски нужны для ремонта дач! — воскликнул один из делегатов.

— Позавчера повезли на взморье полный грузовик строительных материалов, наши ребята своими глазами видели... — заметил второй.

— Если ничего нельзя сделать, разрешите перейти работать на другую фабрику.

— И все обстоит именно так, как вы мне рассказали? — спросил Лидум.

— Точно так, товарищ Лидум. Если не верите, приезжайте и посмотрите своими глазами.

— Ладно, друзья, поедем вместе.

Лидум вызвал машину и вместе с рабочими поехал в общежитие. Во многих общежитиях, столовых, клубах, детских яслях он уже побывал и помог руководству предприятий навести порядок, но это общежитие как-то ускользнуло от его внимания.

Вернулся он часа через два, сердитый и мрачный. Позвонил министру и просил принять его на несколько минут.

— Но сейчас ведь начнется заседание коллегии, товарищ Лидум... — ответил министр. — Мне надо приготовиться, просмотреть еще кое-какой материал.

— Вопрос слишком важный и имеет отношение к сегодняшней повестке дня, — пояснил Лидум.

— Нельзя ли позже... после заседания?

— Нельзя, товарищ министр.

— Ну, тогда приходите... — Лидум услышал, как вздохнул министр.

«Вздыхай, не вздыхай, а Кулайнису волчий паспорт придется выдать...» — подумал он.

Зарывшись в бумаги, Земдег сидел за письменным столом и при появлении Лидума поднял бледное лицо. Его взгляд говорил, что ему все надоело, что он устал от бессонных ночей; пальцы нервно теребили бумаги. Рядом с министром стоял Кулайнис, — наверно, давая пояснения по некоторым материалам.

— Тогда я пойду, товарищ министр, — сказал Кулайнис.

— Было бы лучше, если бы вы немного задержались здесь, — сказал Лидум. — У меня к вам большой счет.

— Опять? — улыбнулся Кулайнис.

— Попрежнему, — отрезал Лидум. — И я боюсь, что на этот раз вам будет не рассчитаться.

— Только без лишних резкостей, товарищ Лидум... — заметил министр. — Ближе к делу. Давайте факты, выводы сделаем потом.

Он нахмурился, не скрывая досады. Кулайнис отошел в сторону и с деланным спокойствием наблюдал за Лидумом, но его маленькая бородка клинышком все же дрожала, когда заместитель министра посмотрел ему в лицо.

Чтобы не задерживать долго Земдега, Лидум коротко обрисовал, что видел в общежитии молодых рабочих.

— Почему же директор не предпринимает никаких мер? — заговорил Земдег. — Если сам ничего не может сделать, почему не просит помощи?

— Он просит, но ему не дают, — ответил Лидум. — Как нищий, ходит он за Кулайнисом, а тот и пальцем не пошевелит.

— Я не понимаю, какая связь между общежитием и мной? — Кулайнис пожал плечами. — Кто запрещает им ремонтировать?

— А чем они должны ремонтировать — святым духом? Скажите, Кулайнис, куда девалась грузовая машина со строительными материалами, которую позавчера надо было отправить для ремонта общежития?

— Были более срочные нужды...

— Ах, вот как, наступает купальный сезон! — крикнул Лидум, не в силах больше сдержаться. — Надо освежить дачу! Пусть рабочие потерпят еще с полгода, потому что некоторым руководящим работникам министерства нужен комфорт уже сегодня.

— Что за машина? — спросил Земдег и строго посмотрел на Кулайниса. — На какую дачу отвезли этот материал?

— На вашу, товарищ министр... — сердито буркнул Кулайнис. — Спешим закончить гараж. В самой даче тоже надо поставить заново две перегородки, иначе негде устроить столовую.

— Но я ведь не просил вас этого делать! — голос министра звучал сурово. — Кто вам дал право вмешиваться в мои дела?

— Ваша супруга как-то позвонила... просила побеспокоиться... — пробормотал Кулайнис.

Всем троим вдруг стало неловко. Земдег поднялся

и взволнованно заходил по кабинету. Кулайнис достал платок и долго сморкался. Лидум смотрел в окно.

— Идите, Кулайнис! — услышал Лидум суровый возглас. — Никакого гаража, никаких перегородок. Чтобы сегодня же были завезены в общежитие все необходимые строительные материалы! После заседания коллегии лично проверю. И боже вас упаси, если что-нибудь не будет сделано!..

Когда Кулайнис ушел, Лидум спросил:

— И все же вы хотите сохранить его в аппарате министерства?

— Прогнать работника нетрудно, гораздо тяжелее найти хорошую замену, — сказал министр.

— Товарищ Земдег, я с вами не согласен, — заговорил как можно спокойнее Лидум. — Моя партийная совесть не позволяет мне дольше молчать. Нет в нашем доме порядка, и мы оба повинны в этом! Вы — потому, что слишком верите пройдохам и подхалимам, я — потому, что слишком долго позволял вам прислушиваться к ним. Вы потому, что сами не желали, а мне не позволяли до конца прочистить аппарат министерства, я потому, что примирился с этим и остановился на полпути. Если место занимает вредный и негодный человек, пусть лучше оно останется незанятым, тогда меньше зла будет. Знаете ли вы, почему некоторые фабрики не могут выполнить плана? Потому что такие люди, как Кулайнис, их сознательно подводят.

Он рассказал о своей беседе с двумя директорами, о том, что говорят рабочие и члены партии. Раз начав, он вытаскивал на свет факт за фактом, а их было немало, и чем дольше говорил Лидум, тем внимательнее слушал его министр. Когда Лидум, наконец, замолчал, излив всю накопившуюся на сердце горечь, обоим сразу стало легче. Немного помолчав, Земдег протянул Лидуму руку:

— Спасибо, товарищ Лидум. Вот это было слово большевика, это была настоящая помощь. А теперь пойдем в зал заседания.

* * *

Кулайниса освободили от работы, некоторые уважаемые работники получили вместо обычной похвалы холодный душ и предупреждение, а некоторым из тех, кто

обычно ие получал слова, дали высказать все, что у них было на сердце. Эта новость, как струя свежего ветра, пронеслась по министерству, по всем коридорам и кабинетам, достигла трестов, контор, цехов ближиих и дальних фабрик, и всюду воздух сделался чище, легче стало дышать, — само дыхание великой партии коснулось всех.

Нам неизвестно, что в этот вечер Земдег сказал своей жене, но приятным этот разговор не был. После заседания он прежде всего поехал в общежитие молодых рабочих и убедился, что строительные материалы уже начали подвозить. Осмотр общежития сделал его мрачным и злым.

Когда Ян Лидум после заседания коллегии зашел к себе в кабинет, там его ждал Айвар.

5

У Яна Лидума с Айваром была небольшая квартира на улице Матиса, вблизи Видземского рынка. Об устройстве квартиры ни Лидуму, ни Айвару позаботиться не удалось. Если бы Ильза, изредка навещавшая брата, ие позаботилась, в этой холостяцкой берлоге, как Лидум называл свою квартиру, еще и сегодня не было бы занавесок на окнах, половиков, приличных ламп — словом, тех мелочей, которые создают уют. Самой большой роскошью здесь были книги. Они заполняли все полки, углы в комнатах отца и сына. Сочинения В. И. Леиина и И. В. Сталина, Большая советская эициклопедия, произведения классиков мировой и советской литературы в роскошных переплетах и в простых обложках стояли рядом с научной литературой, географическими атласами, объемистыми моиографиями и комплектами журиалов. Все здесь свидетельствовало о большом духовном богатстве и разиосторонних интересах хозяев.

Придя домой, Ян Лидум по старой привычке зажег газовую плитку и поставил воду для чая. Сняв пиджак, Айвар принялся помогать ему: нарезал хлеб, иакрыл стол. Когда чай был готов и отвареиы сосиски, Ян Лидум поставил бокалы и бутылку портвейна, месяца два хранившуюся для особого случая. Сегодня этот случай наступил.

Пока продолжались приготовления, Айвар ничего не говорил о цели своего приезда. Отец устроил ему настоящий экзамен. Надо было рассказать, каковы успехи по заочному обучению в сельскохозяйственной академии, что сделано на Змеином болоте. Как только что-нибудь в ответах Айвара ему не нравилось, он говорил сыну, и это случалось довольно часто.

— Как поживает Анна? — спросил Лидум, когда они уже сидели за столом. И хотя вопрос был задан совершенно просто, Айвар смутился и опустил глаза.

— Анна не может обижаться, что ей не хватает работы, — ответил он. — Мне кажется, она довольна своей жизнью.

— Девушке не мешало бы немного поучиться, — задумчиво сказал Лидум. — С теперешним запасом знаний она скоро исчерпает себя. А советским людям надо беспрестанно расти, двигаться вперед, иначе не угнаться за жизнью. Все создается и развивается так быстро, что вчерашней мудрости сегодня недостаточно.

— Насколько мне известно, Анна прилежно занимается... все свое свободное время. Правда, его у нее не слишком много.

— Неплохо было бы послать ее учиться в двухгодичную партийную школу. Поговори с Артуром. Пусть учтет, когда будет отбирать новых слушателей. Анна заслужила, чтоб ей немного помогли.

— Ладно, отец, на обратном пути заеду в уком. Но сомневаюсь, захочет ли Анна уехать из волости, пока не будет закончена осушка Змеиного болота, — ведь это ее самая заветная мечта. И Анна крепко помогает мне.

— Болото теперь осушат и без нее.

Лидум наполнил бокалы и чокнулся с Айваром.

— За ваши успехи!

— За скорый конец болота...

— Когда вы думаете как следует взять быка за рога? — поинтересовался Лидум.

— Будущей весной, — ответил Айвар. — Этой осенью закончим разведывательные работы, зимой разработаем технический проект, а весной пустим экскаваторы, канавокопатели, грейдеры и бульдозеры. Министерство хочет создать при МТС специальный мелиоративный отряд и хорошо вооружить его механизмами. За зиму подготовим и нужные кадры.

— А что ты сам собираешься делать, когда технический проект будет готов и утвержден во всех инстанциях? Вернешься в аппарат министерства?

— Хотелось бы остаться в волости до завершения всех работ. Начальник управления почти обещал. Может, пошлют производителем работ... Если б ты замолвил словечко в министерстве...

Лидум посмотрел на сына и погрозил пальцем:

— Бороться надо, Айвар, без каких-либо протекций. Вспомни, как мы уговаривались при демобилизации.

— Уговор остается в силе. Мне дядюшка не нужен, но для пользы дела ведь можно помочь. На работе по осушке болота я буду получать меньше, чем сейчас, так что корысть здесь полностью исключена.

— А если Анна этой осенью поступит в партшколу? — Ян Лидум не удержался, чтобы не подразнить сына.

— Тогда тем более нужно мое присутствие на болоте, — горячо отозвался Айвар. — Одному из нас там быть необходимо. Нельзя оставить начинание без энтузиастов.

— Ладно, но я еще посмотрю, как у вас там с этим энтузиазмом.

Они выпили еще по бокалу и перешли в комнату Яна Лидума.

— Знаешь, отец, меня начинают тревожить тени прошлого, — сказал Айвар и, протянув отцу письмо Тауриня, стал рассказывать о своем разговоре с Пиколом. — Всего можно было ожидать, но не такой наглости, — заключил юноша. — За кого он меня принимает? Наверно, думает, что если человек по не зависящим от него обстоятельствам находился в их стае, то ему всю жизнь надо тосковать по этой стае.

— Противника никогда нельзя недооценивать, — сказал Лидум, задумчиво посасывая свою старую походную трубку. — Но в этом случае их действия не говорят о большом уме.

— Домогаться подобного могут только безнадежные идиоты! — с горячностью воскликнул Айвар. Его губы дрожали от волнения, взор помрачнел.

— Идиоты обычно безвредны и неспособны к каким-то продуманным действиям из-за своего слабо-

умия... — продолжал Лидум. — А эти подлецы весьма ядовиты и опасны. Они знают, чего хотят.

— Это, отец, торгаши. Они думают, что за золото можно купить все, что только пожелают... даже человеческую совесть.

— Это естественно, сын, что они так думают. Ведь золото — их религия, в особенности то, которое они получают из храма на Уолл-стрите. Совесть... неужели ты думаешь, что в их словаре еще существует такое понятие?

— Но что мне теперь делать? Что ответить Тауриню? Как поступить с Пиколом?

Лидум спокойно и серьезно посмотрел в глаза Айвару.

— А как ты сам думаешь действовать?

— Что тут много думать? Если бы дело было только в Пиколе, я при следующей встрече просто скрутил бы его и сдал органам государственной безопасности. Для меня это было бы делом одной минуты... он даже и охнуть не успел бы. Но этого мало. Пикол только один из этой волчьей стаи. Там есть еще Тауринь. Обезвредив Пикола, я еще не свел бы счетов со всей их черной бандой, а у меня к ним большой счет.

Айвар говорил это нервно, шагая по комнате.

— Конкретнее, Айвар... — вставил Лидум. — Что именно ты хочешь сделать?

— Их хитрости противопоставить свою хитрость. Так действовать я имею право со всех точек зрения. Как бы ни было мне противно, я готов начать с ними самую опасную игру, сделать вид, что иду на их удочку и завлечь в капкан Пикола, Тауриня и всех прочих. Я не сделаю ничего такого, что хоть в малейшей степени могло бы причинить вред советскому народу. Буду действовать осторожно и смело, играть крупно, и они поверят мне. А когда все повернется так, как надо, одним ударом прекращу игру, и капкан захлопнется.

— И это все? — спросил Лидум, когда Айвар замолчал.

— Пока все... — ответил сын.

— Так, так... — заговорил Лидум. — Крупная игра, личные счеты, капкан... Ты прав, со всех точек зрения ты имеешь право так действовать. И все же ничего у тебя не выйдет из этой игры.

— Почему не выйдет?

— Ответь мне на один вопрос. Как бы ты поступил, если Пикол или кто другой дал тебе задание убить какого-нибудь советского или партийного работника — Анну Пацеплис, Артура или агента по заготовкам, который заставляет кулака выполнять свои обязательства перед государством?

— Такие вещи... даже спрашивать не надо... От меня они не получат самой безобидной служебной бумаги.

— А если потребуют? Отговориться не удастся, невинными услугами не отделаешься. Прежде чем тебе доверять, они обязательно проверят тебя на деле, заставят сделать что-нибудь такое, чем ты неизбежно скомпрометируешь себя в глазах советского народа и сожжешь за собой все мосты. Только после этого они станут доверять тебе, только после этого ты сможешь завлечь их в капкан, но тогда будет поздно, ты тогда уже не будешь охотником, а станешь членом звериной стаи. Дорога назад будет отрезана, и Рейнис Tayринь сможет ликовать: ты снова будешь принадлежать ему.

Айвара потрясла эта мысль, он опустился на стул, зажав голову руками.

— А если бы мне все же разрешили попробовать? Может быть, они совсем не так умны и дальновидны?

— Не надейся, Айвар.

— Но попытаться все же можно. За меня не бойся, я свою дорогу знаю, с нее меня не сманит ничто.

— В этом я не сомневаюсь, мой мальчик...

— Если дело примет такой оборот, как ты предполагаешь, я прекращу игру и удовлетворюсь той добычей, какая будет возможна.

— Не знаю. В таких делах я не опытен, но как бы там ни было, тебе надо поговорить об этом случае со знающим человеком.

Они договорились, что на обратном пути в Пурвайскую волость Айвар остановится в уездном центре и поговорит с начальником отдела Министерства государственной безопасности — Индрикисом Регутом.

— Ладно, я обязательно это сделаю, — сказал Айвар. — А как быть с ответным письмом Тауриню? Пикол скоро его попросит.

— И по этому вопросу тоже переговори с Регутом, — сказал Лидум.

Рано утром Айвар попрощался с отцом и уехал обратно в деревню.

6

Артур только в два часа ночи пришел с работы, поэтому Ильза не спешила его будить. Она тихонько возилась в кухне, приготовила завтрак, поставила все на стол. В комнату через открытое окно вместе с запахом цветов и уличным шумом вливался свежий утренний воздух. Крестьяне везли на приемный пункт в больших бидонах молоко, другие, покачиваясь на телегах, медленно ехали к базару. На телегах лежали ранние овощи, в клетках хрюкали поросята, а иногда с воза вдруг раздавалось кукареканье петуха. Со стороны лесопилки долетела монотонная песня электрической пилы. На строительной площадке по другую сторону улицы слышались громкие голоса каменщиков и плотников — там возводили здание школы взамен взорванной фашистами средней школы городка; развалины были убраны еще во время зимних субботников и воскресников.

Ильза любила по утрам наблюдать жизнь городка. Спокойная, целеустремленная деятельность людей создавала светлое, жизнерадостное настроение. Как спокойный, ясный поток, текли дни. И в этой большой содержательной жизни у Ильзы Лидум было свое место и своя ясно видимая цель. Все близкие ей люди шли вместе с нею к этой цели, они жили общей мечтой, они делали одно общее дело. У всех у них, как у каждого советского человека, был какой-то молодой задор, ибо молод был мир, в котором они жили и строили. Артур, Ян, Айвар, Анна, Валентина... о них думала Ильза в этот ранний час, и сердце ее было спокойно, как у матери, которая знает, что ее детям не грозят нужда, унижение и тяжелые испытания судьбы.

«Если бы отец с матерью дожили до этого... — подумала она. — Если бы хоть денек им побыть с нами, разделить нашу радость победы... Другие отцы и матери дождались, и светел сейчас закат их жизни. Но некоторые из них даже и сейчас не могут постичь и оценить достиг-

нутое, а есть даже такие, которые оглядываются на холодные сумерки вчерашнего».

На улице затарахтел мотоцикл и внезапно умолк. Ильза взглянула в окно. Айвар сошел с машины, улыбаясь посмотрел вверх и приветственно помахал рукой.

— Доброе утро, тетя Ильза! Артур дома?

— Доброе утро, сынок, заходи, заходи. Мы еще не завтракали.

Айвар закатил мотоцикл во двор и поставил его в угол около дровяных сарайчиков, затем кожаной перчаткой сбил с одежды пыль, выколотил о стену кожаный шлем и поднялся по узким деревянным ступеням во второй этаж.

Ильза поставила на стол третий прибор. Поцеловав племянника в щеку, она засыпала его вопросами:

— Ты прямо из Пурвайской волости? Как сейчас выглядят Урги? Сенокос еще не начали? А твое самочувствие, Айвар? Раны не болят? Как поживает Аннушка? Я ее не видела с конца зимы.

Когда юноша рассказал, что он проездом из Риги, Ильза захотела узнать, не похудел ли брат от чрезмерной работы и неправильного питания.

— Ведь нет ни одного человека, кто бы позаботился о нем, во-время приготовил бы обед, ужин. Трубку тоже, наверно, сосет без передышки? Хоть бы кто-нибудь надоумил его бросить курение — достаточно он попортил свои легкие в тюрьме, так нет, надо еще коптить их табачным дымом. В других делах у него характера и воли хватает, а в этом все равно что дитя малое.

Айвару нравилось слушать Ильзу, когда она ворчала. Это случалось весьма редко и получалось мило, добродушно, и в каждом упреке звучала глубокая забота и доброжелательность.

— Ничего не поделаешь, тетя Ильза, если мужчины так слабы, — ответил он, улыбаясь. — Каждому из нас нужен свой друг-хранитель, не смыкающий глаз ни днем, ни ночью.

— Конечно, нужен, — тихо засмеялась Ильза. — Но почему же не приведете к себе в дом этого хорошего друга? Вам с Артуром самое подходящее время жениться, — неизвестно, чего вы еще ждете.

— Дяде Яну надо жениться первому! — раздался голос Артура из соседней комнаты. — Пусть покажет при-

мер, тогда и мы с Айваром не заставим себя долго ждать.

— Оставьте вы Яна в покое, — добродушно заметила Ильза. — Нашли, с кого брать пример.

— А вы сами, тетя Ильза? — заикнулся Айвар. — Я еще не теряю надежды танцевать на вашей свадьбе.

За стеной раздался веселый смех.

— Болтают невесть что... — рассердилась Ильза. — Уж если начнут, никак не могут остановиться. Будто не о чем больше разговаривать. Сваты объявились...

— Но ведь ты, мамочка, сама начала, — как же нам не присоединиться, — сказал Артур, выходя из своей комнаты.

Он только что умылся и вытирал шею полотенцем. Поздоровавшись с Айваром, он поцеловал мать и, подняв ее, два раза повернулся кругом, будто танцуя вальс.

Минутой позже они сидели за завтраком. У обоих парней был такой хороший аппетит, что Ильзе не приходилось их угощать.

Айвар рассказал о работе своей бригады на Змеином болоте.

— Как на это дело смотрят крестьяне? — спросил Артур. — Перестали ворчать и сомневаться?

— Пурвайчане так воодушевились, что не могут дождаться дня, когда можно будет выйти на работу с лопатами и топорами, — ответил Айвар.

— На прошлой неделе я была в Айзупской волости, — заговорила Ильза. — Проводила собрание о подготовке к сенокосу и к уборочным работам. После собрания айзупчане забросали меня вопросами: когда мы думаем начать осушение их большого болота? Чем они хуже пурвайчан? До сего времени никто не шевелился, а как узнали, что на Змеином болоте делается, им стало невтерпеж.

— Изыскательские работы на Айзупском болоте начнут следующей весной, — сказал Айвар. — Возможно, что разведку придется делать людям моей бригады, к тому времени будут закончены все проекты осушения Змеиного болота.

Позавтракав, Ильза попрощалась с Айваром, наказала передать привет Анне и ушла на работу. Артур с Айваром убрали со стола, помыли посуду и пошли в комнату Артура. Их отношения были простыми и дру-

жескими, только задушевность Артура выражалась свободнее и естественнее, тогда как Айвар всегда оставался несколько замкнутым. Артур это чувствовал, но объяснял сдержанность Айвара влиянием воспитания.

Взгляд Айвара остановился на письменном столе Артура: там, между книгами и письменными принадлежностями, в круглой рамке стояла фотография девушки. Айвар ее никогда не видел.

Артур заметил, что Айвар долго и пристально смотрит на портрет.

— Это Валя... Валентина Сафронова... — пояснил Артур. — Она учится в партийной школе в Риге. Будущим летом кончает. Потом... мы, наверно, поженимся. Во время каникул я постараюсь вас познакомить. Она замечательный человек и лучший мой друг.

Айвару тоже казалось, что Валентина Сафронова чудесный человек, великолепная девушка, если она стала лучшим другом Артура.

— Симпатичная девушка... Поздравляю, Артур. Надеюсь, вы будете счастливы.

«Лучший друг... — думал Айвар. — Почему я не могу так просто и естественно, как Артур, говорить о моих чувствах к своему любимейшему другу? Хватит ли у меня смелости кому-нибудь рассказывать вот так запросто про Анну?»

Проводив Артура до укома, Айвар направился в уездный отдел Министерства государственной безопасности. Начальник отдела майор Индрикис Регут в ту ночь очень много работал и только несколько часов назад ушел домой. Айвару пришлось ждать его прихода.

...Инга Регут пришел и сразу принял Лидума. Айвар все изложил самым подробным образом, а когда начал говорить Индрикис, то оказалось, что у него на это дело такие же взгляды, как у Яна Лидума, будто они обо всем уже основательно посоветовались и пришли к общему выводу.

— Они обязательно потребуют от тебя что-нибудь такое, что советский человек никогда не сделает, а именно: заставят подтвердить свое единомыслие делами, — сказал Индрикис. — Поэтому от большой игры надо будет отказаться и удовлетвориться тем, что ты можешь сделать, не запятнав себя. Пикола мы обязательно схватим, но не следует думать, что это будет

легко. Как видишь, он не указал время и место встречи, значит, появится тогда, когда ты меньше всего будешь его ждать, и там, где ему меньше всего будет угрожать опасность. Но это ничего, достаточно и того, что такой Пикол вообще когда-нибудь появится около тебя. Возможно, даже при первой встрече мы его не тронем, дадим уйти, а ты напиши ответ Тауриню и передай его Пиколу.

— А что мне ему написать? — спросил Айвар.

— Лучше всего что-нибудь совсем частное, интимное, о своей личной жизни, о работе, так, как оно есть на самом деле, чтобы совпало с теми сведениями, которые у них о тебе имеются. Между строк можешь дать понять, что готов сотрудничать с ними.

Попрощавшись с Индрикисом, Айвар поспешил домой.

7

Два дня Финогенов, заместитель директора МТС, колесил по окрестным волостям, где работали бригады трактористов. Вернулся он в Урги до обеда. Весенние полевые работы были закончены еще две недели назад. Только некоторые тракторы подымали еще старые залежи, покрытые толстым, плотным слоем дерна. Трактористы и ремонтеры МТС ремонтировали сельскохозяйственные машины и готовили инвентарь для уборочных работ, поэтому теперь в Ургах было много народу.

На обширном дворе вокруг сенокосилок, жаток и молотилок суетились человек десять, а в механической мастерской с утра до вечера раздавалось громыхание металла, гудели моторы, и новый сварочный аппарат рассыпал струи бенгальских огней.

— Где директор? — спросил Финогенов у механика Далдера, ремонтировавшего локомобиль.

— Товарищ Драва в конторе, — отозвался механик, не отрываясь от работы. — Гости понаехали — ш е ф ы из Риги...

Подчеркнутое «шефы» и глубокомысленная усмешка на закоптелом лице Далдера свидетельствовали, что он не особенно высокого мнения об этих гостях. Финогенов знал, что шефство над Пурвайской МТС взял какой-то небольшой завод, у которого в соседней волости имелось

подсобное хозяйство, но за время его работы в МТС никто из шефов в Ургах не побывал еще. Финогенов, понаблюдав за работой механика, хотел было уйти, но в это время во двор въехал Айвар Лидум. Заметив Финогенова, он издали приветствовал его и, поставив мотоцикл под навесом, пошел навстречу.

— Так рано с болота? — спросил Финогенов, здороваясь с Айваром.— Сейчас самая подходящая пора для работы — не холодно и не жарко.

— На болоте я еще сегодня не был, — ответил Айвар. — Вчера пришлось срочно поехать в Ригу.

— И сегодня утром уже обратно? — удивился Финогенов. — Значит, даже и в театре не успел побывать?

— Куда там... — улыбнулся Айвар. — Зимой побываем.

— Завтра парторг волости созывает собрание актива. Коммунисты и комсомольцы МТС тоже примут участие. Говорят, что сообщат нам о каких-то изменениях в проекте осушки болота.

— Да, небольшие изменения будут. Сейчас кое-кто думает, что мы на болоте только время проводим. Теперь увидят, что мы там нашли.

Финогенов положил руку на плечо Айвара, и они медленно пошли в сторону сада. С противоположного конца сада доносились звонкие детские голоса — там играли ребятишки работников МТС под наблюдением жены главного механика.

— Драве кажется, — говорил Айвар, — что мы даром едим государственный хлеб. По его мнению, здесь нечего проектировать, а надо сразу рыть канавы и спускать воду в море. Если бы это было так просто, не нужны были бы ни инженеры, ни техники, а обошлись бы одними землекопами.

— Драва — хороший практик, но иногда несколько сух и мелочен. Он слишком большой патриот своего дела, своего предприятия. Для него главное — это перевыполнение плана МТС и победа в социалистическом соревновании.

— Только один раз попросил я на несколько дней в помощь нашей бригаде отрядить двух человек, и то он ни за что. Ну ладно, больше ничего не попрошу у него. Думаю, что и не надо будет. Помнишь, как было тогда с этими образцами почвы... Лаборатория стоит без дела,

старший агроном согласен сделать анализы, а директор говорит: нет, — дескать, не предусмотрено в плане МТС лабораторное обслуживание нашей бригады. Словно мы находимся в двух разных государствах. Черт его разберет, что с ним стало, на фронте был совсем другим человеком.

— Это все потому, что комиссия в акте ревизии указала на слишком вольное обращение с молоком и поросятами, принадлежащими хозяйству МТС. Теперь каждый литр учитывается и государству сдается все, что следует. Обжегся на молоке, сейчас дует на воду. Ничего, Лидум, все опять наладится, найдет правильное применение своему усердию и Драва. А ты напрасно отказываешься от помощи МТС — не тебе она нужна, а общему делу, государству, советскому народу. Лучше посмотри, как растет наш новый машинный сарай. Недельки через две закончим. Осенью ни один болтик не останется под открытым небом, а скоро мы получим несколько новых «СТЗ-НАТИ» и две молотилки. Для механической мастерской обещают выделить в третьем квартале новый токарный станок, тогда мы сможем изготовлять самые сложные детали и своими силами производить капитальный ремонт. Здорово, не правда ли?

— Скоро у вас здесь будет настоящий ремонтный завод, — засмеялся Айвар.

— Должен быть. Придет время, и мы здесь, на месте, будем пользоваться всеми благами цивилизации. А главное — у нас появятся новые люди, с другим, более широким кругозором. Они уже растут не по дням, а по часам, и скоро им понадобятся в домах другие потолки, старые станут слишком низки. И это время не за горами. Уже слышны шаги, скоро сама новая жизнь постучит в наши двери. Вот почему мы не можем сегодня слишком обижаться на то, что Драва не дает рабочих и не разрешает лаборатории делать анализы: у нас просто нет времени обижаться и дуться, — надо спешно мостить большаки для завтрашнего дня, по проселку он прийти не сможет. О Драве не беспокойся, он тоже станет другим; если хочешь знать, его не приходится ни тащить, ни толкать — только нужен подход, надо уметь с ним говорить, вот и все. Человек любит, чтобы с ним считались, а разве это плохо? Это его право, ведь он за что-то отвечает.

— Я ничего не говорю, — сказал Айвар. — Только иногда берет зло, когда человек не хочет понять очевидных вещей.

— Вот-те на: произошла заминка, не получилось так, как хотелось и как, может быть, было необходимо, и сразу же заело. Как же мы построим коммунизм, если будем так легко огорчаться из-за малейшей неудачи? А ведь там будет нужна совсем другая выдержка и терпение, чем при осушке Змеиного болота.

— Ты прав, товарищ Финогенов... — согласился наконец Айвар. — Мне надо научиться стать выше мелочей... быть более терпеливым.

— Я полагаю, что ты уже умеешь быть таким, — улыбнулся Финогенов. — Только иногда тебе надо оглянуться на себя, проконтролировать свои действия.

Они зашли в клуб. Там сейчас не было ни одного человека. Остановились у последнего номера стенной газеты «Острый лемех». Одна карикатура высмеивала молодого тракториста, который после хороших показателей на осенней работе почил на лаврах и проспал весну; все его товарищи давным-давно в поле — у кого выработано 30 процентов от сезонного плана, у кого сорок, а у одного все 52, а тот все не может проснуться: ведь у него 118 процентов, но... правда, за прошлый год. Несколько критических заметок посвящались администрации МТС; в литературном отделе помещены несколько довольно гладких стихов — в МТС был свой поэт, — а передовицу о новых задачах коллектива МТС написал Финогенов.

— Наш «Острый лемех», конечно, еще совсем не так остер и пашет недостаточно глубоко, но с каждым номером режет лучше, — сказал Финогенов. — Сначала нельзя было найти рабкоров, а сейчас такой выбор, что используем только половину присылаемого материала. С людьми надо работать. Если человек проявит какие-нибудь способности, на них надо обратить внимание, подбодрить и сказать в глаза, какие у него ошибки. Иногда человек и сам не знает, на что он способен. Надо укрепить в нем веру в себя, заинтересовать, помочь ему развить свои способности.

— Как ты находишь время для таких вещей? — удивлялся Айвар.

— Надо находить, ведь для этого партия прислала

меня сюда. Пока в округе нет другого культурного центра, этим центром должна стать машинно-тракторная станция — и не только для своего коллектива, а и для всего окружающего населения.

— Не отнимаешь ли ты работу у волостного парторга?

— Только помогаю. Работы всем хватит.

В МТС работало несколько политкружков. В библиотеке имелись все основные работы классиков марксизма-ленинизма, поэтому историю партии можно было изучать по первоисточникам.

В конце беседы Финогенов спросил вдруг Айвара:

— Что ты скажешь, если мы попросим тебя прочесть несколько лекций о новейших достижениях советской агрономической науки? На профессиональных лекторов нам пока надеяться нечего. Какая-нибудь общественная нагрузка ведь нужна тебе.

— Можно, — согласился Айвар. — Только я не знаю, как получится, никогда не выступал в роли воспитателя.

— На фронте батальоном командовал? — напомнил Финогенов. — Своих стрелков воспитывал? Он не знает, как у него получится... — засмеялся заместитель директора. — Не беспокойся, товарищ Лидум, профессорской сноровки с тебя никто не требует.

И они договорились, что Айвар подготовит несколько лекций по вопросам, которые были ему близки и хорошо известны.

8

На собрании присутствовало человек тридцать: коммунисты и комсомольцы Пурвайской волости и МТС, несколько работников волисполкома, старший агроном Римша, директор неполной средней школы Жагар и председатель правления мелиоративного товарищества Мурниек. Собрание происходило в канцелярии волисполкома под председательством Регута, которого сейчас — чтобы не смешать с его сыном Индрикисом — прозвали «старым» Регутом. Протокол писал Жагар. На повестке дня стоял один вопрос: подготовка к работам по осушке Змеиного болота.

Повесив на стену план местности, Айвар ознакомил участников собрания с общими соображениями, которые

положила в основу своей работы бригада по исследованию болота.

— Инициатива принадлежит крестьянам Пурвайской волости, и это вполне естественно, ибо как раз их земля больше всего страдает от избытка воды. Поэтому вначале задание было составлено, исходя из интересов пурвайчан и только в объеме нашей волости. Теперь, когда бригаде вполне ясны основные направления для отвода излишних вод к бассейну Даугавы, первоначальное задание больше не соответствует нашим требованиям и государственным интересам.

— Вот тебе и раз, уже не соответствует! — воскликнул Мурниек. — Опять начнем мудрить и топтаться на месте, а болото будет стоять, как раньше, и затоплять нас. Нам не философия нужна, уважаемый товарищ, а работа.

— Потерпи, Мурниек, дай Лидуму высказаться, — прервал его Регут.

— Да, оно уже не соответствует государственным интересам... — продолжал Айвар. — Змеиное болото соприкасается с землями Пурвайской и Айзпурской волостей. Процесс заболачивания происходит на территории обеих волостей, — с этой стороны интенсивнее, чем у айзпурчан. Мы не можем осушить заболоченный массив, осуществляя все работы только на территории одной Пурвайской волости, часть лишних вод надо отвести в озеро Илистое и оттуда по реке к бассейну Даугавы. Следовательно, мелиоративные работы придется вести на территории обеих волостей, и в этом начинании должны участвовать люди как нашей, так и Айзпурской волости. Я думаю, что будет нетрудно убедить айзпурчан, они ведь так же заинтересованы в осушении Змеиного болота, как и мы.

— Это другое дело! — снова воскликнул Мурниек. — Мне казалось, что ваша изыскательская работа не годится, и все надо начинать сначала.

— Вся проделанная работа годится, ничего не делалось зря, — сказал Айвар. — Если б мы ее не проделали, в наших руках не было бы ключа к решению основного задания. Вот где он... — и Айвар указал на плане извилистую линию. — Это русло Раудупе. Много десятков лет назад все ее воды текли по этому руслу к притоку Даугавы. Тогда и Змеиного болота не было. Существо-

вало только небольшое болотце. Когда на Раудупе построили мельницу и высокую плотину, воды реки начали накапливаться и постепенно стали проклятьем для всей окрестности. Наша задача состоит в том, чтобы восстановить этот естественный сток, — и с болотом будет покончено. По сравнению с первоначальным вариантом длина главного отводного канала сократится наполовину, а стоимость мелиоративных работ значительно уменьшается. Все это будет закончено к осени будущего года. Вот пока и все, что можно доложить о работе исследовательской бригады.

Участники собрания встали и некоторое время рассматривали план осушения местности.

— Гм... — пробормотал Драва. — Нельзя сказать, чтобы ничего не было сделано. Лежебоками их не назовешь.

— А мы им почти ничем не помогли, — добавил Финогенов.

Драва покраснел и отошел в сторону. Позже он подошел к Айвару и тихо заговорил:

— Ты не дуйся, Лидум, что я в тот раз... ну, знаешь, так... Мне некогда было вникать в твои дела, вот и все. Теперь мне все ясно, и если будет нужна помощь, не стесняйся, проси. Все, что в моих силах, сделаю.

— Большое спасибо... — сказал Айвар и пожал руку Драве.

После этого выступила Анна. Она говорила о посылке представителей к айзпурчанам и вызове их на социалистическое соревнование. Решили послать Мурниека, Айвара и Финогенова, а условия социалистического соревнования поручили разработать группе товарищей во главе с Анной.

Затем слово взял старший агроном Римша.

— Товарищи, — сказал он, — я думаю, перспективы осушения Змеиного болота сейчас настолько ясны, что можно начать думать о ближайшем будущем — о нашей работе, когда болото будет осу́шено.

— Снимать шкуру с неубитого медведя! — засмеялся уполномоченный десятидворки, член партии Клуга. — Не слишком ли это рано, товарищ Римша?

— Нет, не рано... — продолжал Римша. — Мы знаем, что через несколько лет в нашем распоряжении будет большой, пригодный для сельского хозяйства земельный

массив — почти восемь квадратных километров. Я не думаю, что его разрежут на мелкие кусочки и отдадут полсотне новохозяев. Это было бы неправильно. Здесь надо будет создать мощное социалистическое хозяйство. Почва этого массива обладает такими качествами, каких нет у окружающих земель, и мы не смеем об этом забывать. Она идеальна для каучуконоса кок-сагыза. Здесь мы можем добиться таких же урожаев, как на Украине. Но чтобы у нас было чем сеять, чтобы мы сумели вырастить эту еще не известную в Латвии культуру, надо начать думать уже сегодня о семенах, о кадрах и об освоении агротехнических навыков. Не будет преждевременным, если мы уже сегодня организуем специальный агротехнический кружок и если комсомольцы волости, которым, по-моему, нужно взять шефство над внедрением кок-сагыза, создадут несколько небольших опытных участков.

Предложение Римши было принято не ахти как хорошо. Часть крестьян и сельскохозяйственных специалистов все еще считали кок-сагыз нежелательной культурой, почти сорняком. Старый Регут и Мурниек стали на сторону скептиков, но остались в меньшинстве. Анна горячо поддержала инициативу Римши и добилась того, что часть коммунистов и все комсомольцы голосовали за предложение старшего агронома МТС. Римше поручили организовать агротехнический кружок, а волостному комсоргу — обсудить на комсомольском собрании вопрос о создании опытных участков. После этого слово предоставили местному агенту Министерства заготовок Бокмелдеру — он заявил Регуту, что хочет выступить по важному вопросу.

Бокмелдер лишь недавно появился в Пурвайской волости, поэтому многие пурвайчане видели его сегодня впервые. Высокий, плотный, в серой домотканной одежде, с гладко выбритой головой, он уже одним своим видом привлек внимание собрания.

— Что у вас за вопрос, товарищ Бокмелдер? — спросил Регут.

Бокмелдер встал, окинул взглядом присутствующих и торжественно откашлялся.

— Вопрос весьма щекотливый, — заговорил он сочным голосом. — Пусть простят меня товарищи, если я ломлюсь в открытую дверь. Возможно, я информирован

меньше других, поэтому меня смущает одно обстоятельство, на которое, как я вижу, все вы еще не обращаете внимания. Сегодня мы заслушали сообщение товарища Лидума о проекте осушки болота. Это очень большое и важное начинание, весьма нужное государству и каждому из нас. Туда придется вложить немало средств и труда. Многое будет зависеть также от того, насколько сознательно, честно и по-государственному бригада исследователей и ее руководитель товарищ Лидум отнесутся к своим обязанностям при разработке проектов. Это такая работа, исполнители которой должны пользоваться нашим полным доверием, и именно поэтому меня смущает одно обстоятельство, ставшее мне известным лишь недавно. Правда ли, товарищи, что руководитель бригады Лидум является сыном богатого кулака Tауриня?

Айвар покраснел и смущенно переглянулся с Анной, затем поднялся и хрипло сказал:

— Да, я был приемным сыном Тауриня...

— А если это так, то меня интересует другой вопрос: тогда чем этот человек заслужил такое доверие?

Взор Анны на мгновение ободряюще остановился на Айваре. Затем она поднялась и, заметно взволнованная, начала говорить:

— Вопрос и удивление товарища Бокмелдера совершенно естественны, и нет ничего странного в том, что он поднял этот вопрос на нашем собрании. Разрешите мне кое-что пояснить товарищу: он новый человек в нашей волости, и ему надо знать всю правду про Лидума.

Кратко, в самых основных чертах, она рассказала собранию уже известную читателям историю жизни Айвара. Когда она дошла до описания боев Латышской дивизии в районе Старой Руссы и второго ранения Айвара при штурме немецких позиций на высотке, Бокмелдер замахал рукой и крикнул с места:

— Хватит, хватит! Теперь мне все ясно! Все в порядке!

Он подошел к Айвару и протянул ему руку:

— Извини, товарищ Лидум, что я так спросил. Если бы я знал, никогда не коснулся бы этого старого дела.

— Ваши вопросы меня не оскорбили, товарищ Бокмелдер... — тихо ответил Айвар. — Вы имели право спро-

сить... каждый человек имеет право интересоваться моим прошлым.

Большинство участников собрания все же чувствовали себя неловко и старались скорее уйти. Айвар вышел с собрания вместе с Анной — она просила немного проводить ее.

Когда они вышли на дорогу, было уже темно.

— Получилось нехорошо, — заговорила Анна. — Если бы я знала, что за вопрос у Бокмелдера, я попросила бы его немного задержаться после собрания, и мы бы обо всем переговорили. Некоторым мне и раньше приходилось пояснять кое-что из твоей жизни. Но ты не слишком принимай к сердцу эти вещи. Люди правильно понимают все и правильно оценивают тебя. Такие вопросы тебе придется слышать еще не раз, поэтому будь мужественным и головы не вешай.

— Я головы не вешаю, Анна... — ответил Айвар. — И все же неприятно... даже больно, когда люди снова и снова скребут вокруг этих старых ран.

— За свою новую жизнь тебе стыдиться нечего, со временем забудется и старое.

Немного помолчав, Анна спросила:

— Как ты живешь, Айвар? Часто ли тебе приходится обедать? Кто тебе стирает белье?

Нежной лаской коснулись эти вопросы сердца Айвара. Забота Анны взволновала его до глубины души: ей было небезразлично, как он живет, как себя чувствует.

— Спасибо, Аннушка... — ответил он. — В нашей бригаде на всех троих одно общее хозяйство. По очереди варим суп и печем оладьи, а белье стирает жена одного тракториста.

Он расстался с Анной у ворот дома, в котором она жила. Короткий разговор, каждое сказанное ею в тот вечер слово запечатлелось в памяти Айвара, и он, счастливый, медленно шагал домой. Ночь была теплая и ароматная. Хотелось дольше побыть на воздухе в одиночестве... и все время думать об Анне, о будущем — без Анны его будущее было немыслимо.

Отойдя с полкилометра от квартиры Анны, он вдруг вспомнил, что забыл рассказать ей о своей поездке в Ригу и передать привет от отца и Ильзы. «Вернуться? Она может подумать, что я нарочно забыл, чтобы зайти

к ней. Лучше я приду завтра вечером... после работы... или когда вернусь из Айзпурской волости, — решил он. — В конце концов так даже лучше: будет предлог в ближайшие дни еще раз встретиться с Анной и немного поговорить о личных делах. Если обстоятельства позволят и хватит духа... может, намекну ей как-нибудь о своих чувствах... и может быть, она...»

Нет, представить себе, что может быть дальше, он не мог.

9

На полпути от волисполкома до МТС, где дорога сворачивала в лес, росший на краю болота, в зарослях молодого сосняка стоял какой-то человек. Луна светила ему в спину, на дороге было светло, почти как днем, но он находился в тени. Безмолвный и неподвижный, он сливался с окружающими предметами; его темный силуэт не выделялся на фоне молодых сосенок.

По дороге, громко разговаривая, шли коммунисты и комсомольцы МТС, возвращающиеся с собрания. Они прошли всего в нескольких шагах мимо одиноко стоявшего человека, но ни один не повернул головы в его сторону. Немного погодя на дороге показались двое велосипедистов. Один был Клуга, другой — директор школы Жагар. Маленькие светлые пятна от фонарей, бежавшие впереди велосипедов, сливались на дороге со спокойным светом луны.

— У Лидума сегодня был довольно горячий денек, — говорил Клуга.

— Но он от этого только выиграл, — отозвался Жагар. — Теперь его авторитет возрастет.

— Так-то оно так, но я все же не хотел бы быть на его месте, — продолжал Клуга. — Когда Бокмелдер задавал эти вопросы о прошлом Лидума, мне было как-то не по себе.

Жагар что-то ответил ему, но стоящий в зарослях уже не понял его слов, хотя прислушивался очень внимательно. После этого на дороге довольно долго не появлялась ни одна живая душа. В болоте квакали лягушки, откуда-то издалека донесся неприятный крик филина. Тихо пищали комары. Затем наконец донесся звук шагов. Когда в лунном свете на повороте дороги

показалась рослая фигура Айвара Лидума, незнакомец сразу узнал его. Убедившись, что у Айвара нет спутника, он оставил свое укрытие и внезапно, как привидение, вынырнул на дорогу рядом с парнем.

— Добрый вечер, Тауринь, — окликнул он Айвара.

Айвар вздрогнул и резко повернул голову в сторону говорившего. Узнав Пикола, он остановился и поздоровался.

— Добрый вечер, Пикол... — сказал Айвар. — Вы меня испугали. Мне и на ум не могло прийти, что здесь меня может кто-нибудь ждать...

— К этому вам надо привыкать, — тихо засмеялся Пикол. — Я всегда буду встречать вас тогда, когда вы менее всего ждете этого. Иначе нельзя, — живя в окружении, приходится быть настороже.

— Ко мне ведь это не относится, — заметил Айвар.

— Ко всем, и к вам, пока не изменятся обстоятельства, — сказал Пикол.

Луна освещала лицо Айвара, и Пикол наблюдал за ним.

— Пойдем потихоньку, я вас немного провожу... до опушки леса, — продолжал Пикол. — Нам надо поговорить.

Он, пропустив Айвара вперед, пошел сзади на расстоянии шага от него.

— Значит, вы были в Риге... — заговорил после небольшой паузы Пикол. — Ну как, не слишком придирались к вашему отчету? Обошлось без нареканий?

— Никакого настоящего отчета делать не пришлось, — ответил Айвар. — Начальник принял письменный доклад, перелистал его, задал несколько вопросов и этим ограничился. С таким же успехом я мог бы послать этот отчет по почте, но нельзя — считается секретным материалом.

— В следующий раз захватите одну копию для меня.

— Когда?

— Я сказал — в следующий раз. Держите всегда при себе. Когда встретимся, передадите мне. Ведь пиджак у вас с карманами?

— Понимаю, Пикол...

— Итак, сегодня вечером у вас были маленькие неприятности. Начали интересоваться вашим прошлым.

Кто бы мог ожидать этого от Бокмелдера — сам такой тюлень, а какое любопытство, какая бдительность!

— Откуда вы это знаете? — Айвар с изумлением посмотрел на Пикола. Тот таинственно усмехнулся.

— Как видите, знаю, Тауринь. У меня повсюду уши и глаза. Все знаю, что мне нужно. Прошу это учесть.

— Вот это здорово, — Айвар силился улыбнуться. — Ничего не скроешь от вас.

«Кто бы это мог быть? — пытался отгадать Айвар. — На собрании были только активисты волости, давно известные и проверенные люди. Повидимому, у Пикола имеется среди них свой агент. Но, может, он узнал как-нибудь иначе? Говорят, что и стены имеют глаза и уши... Может, Пикол сам подглядывал из-за угла, ведь ставни не были закрыты?»

— Так должно быть, — сказал Пикол. — Только тогда можно успешно бороться.

Когда Айвар еще раз посмотрел на своего спутника, он заметил, как при лунном свете что-то блеснуло в его правой руке. Это был ствол небольшого револьвера. Айвар отвел взгляд и сделал вид, что ничего не заметил, но предосторожность Пикола заставила его быть готовым к схватке.

«Продувная бестия... — думал Айвар. — Не доверяет, в любой момент готов перегрызть горло. Взять его голой рукой будет трудно».

— Я написал ответ... отцу... — заговорил он.

— Вот хорошо, давайте сюда, — сказал Пикол. — Через несколько дней ему доставят.

Айвар достал из кармана незапечатанный конверт и протянул Пиколу. Засунув правую руку с пистолетом в боковой карман, Пикол взял конверт левой и, повернув к лунному свету, внимательно осмотрел.

— Хорошо, что не написали имя адресата на конверте, — сказал он. — Пришлось бы менять конверт. Умно сделали, что не заклеили, мы все равно распечатали бы. Письма, содержание которых нам неизвестно, наша почта адресатам не передает.

И он снова тихо засмеялся.

— Видать, вы находчивый парень. Недаром, Тауринь, вами так интересуется руководство.

— Вы думаете, что из меня выйдет что-нибудь дельное? — весело, в тон Пиколу, заговорил Айвар.

— Почему не выйти, если у вас доброе желание и определенные способности... — отозвался Пикол. — Мы со своей стороны поможем освоить все необходимое.

Спрятав письмо в карман, Пикол замер и на минуту весь превратился в слух — его что-то встревожило. Айвару тоже показалось, что за их спиной в лесу раздался звук шагов. Но сейчас все было тихо, только лягушки на болоте продолжали свой концерт, да изредка в темноте слышались одинокие голоса ночных птиц.

Пикол повернулся к Айвару. Его лицо стало серьезным, взгляд назойливо впивался в глаза Лидума.

— Ну, вы обо всем подумали, Тауринь? Нам нужна ясность. Согласны вы включиться в работу и получить первое задание?

— Я готов, Пикол... — ответил Айвар, спокойно выдержав его взгляд. — Все же надеюсь, что невозможного вы не потребуете.

— Нет, пока не будет ничего трудного, — ответил Пикол. — Поймите, мы хотим возможно дольше сохранить вас для работы в легальных условиях. На вас не должна пасть ни малейшая тень подозрения, тем более, что местные коммунисты не вполне вам доверяют, вспомните только события этого вечера, выступление Бокмелдера.

«Ни черта ты все же не знаешь, — подумал про себя Айвар. — Здешние коммунисты мне доверяют, даже Бокмелдер. Ясно, что тебе неизвестно, как закончилось сегодняшнее собрание. Значит, свою информацию ты получил не от участника собрания, а схватил как-то иначе».

Будто камень свалился с сердца Айвара, и мысли его успокоились: все-таки среди пурвайских активистов не было негодяя!

— Во-первых, вы должны передать мне копии ваших отчетов, — продолжал Пикол. — Будете регулярно информировать обо всех ваших наблюдениях и обо всем слышанном. Регистрируйте каждый отрицательный факт, о котором вам станет известно. Попытайтесь выяснить, кто из местных жителей слушает радиопередачи «Би-би-си» и «Голос Америки» и как они реагируют на это, — кое-кто из них может пригодиться для нашего дела. Составьте список тех семейств, члены которых или близкие родственники подвергались со стороны советской власти репрессиям: национализации, обложению кулацким на-

логом, суду и тому подобному. Это наш резерв, и мы не можем оставить его неиспользованным. Выясните, по каким числам и в каком размере привозят в МТС заработную плату: нам эти деньги очень пригодятся, мы не можем ожидать, чтобы все средства доставлялись из-за границы. Разведайте, как охраняется машинный парк МТС и ее механическая мастерская, местный молочный завод, магазин потребительской кооперации, склад зерна, — одним словом, все общественное и государственное имущество. Нам надо знать, как организована противопожарная охрана, расписание дежурств взвода истребителей и как они вооружены. Пока все. Действуйте осторожно, незаметно и слишком не торопитесь. Никто не должен заметить, что вы — любопытный человек. А теперь расстанемся. Некоторое время вы мне не понадобитесь, но все же будьте готовы, что я вас опять где-нибудь встречу, и держите при себе все собранные материалы — пока вы это можете делать без риска. Позже придется действовать иначе, но когда и как — об этом расскажу в другой раз. До свидания, Тауринь.

— До свидания, Пикол.

Пикол немедленно скрылся в лесу. Айвар отправился домой, обдумывая, как известить Отделение государственной безопасности о своей встрече с врагом и полученных от него заданиях.

Несколько позже, когда впереди показались темные строения Сурумов, Айвара нагнал Жан Пацеплис. После собрания он провожал к Народному дому библиотекаря Гайду Римшу, которая выполняла также обязанности комсорга, и немного задержался. Мысли Жана вертелись вокруг Гайды: в последнее время он довольно много думал об этой двадцатилетней девушке, она нравилась ему больше всех девушек округи.

Жан скоро свернул в сторону усадьбы Сурумы, тихо и вежливо распрощавшись с Айваром. Айвар не прочь был побеседовать с братом Анны, но побоялся показаться назойливым, поэтому не стал задерживать Жана и не спеша продолжал путь к Ургам. В загоне тихо заржала лошадь. Пролетела летучая мышь, почти коснувшись лица Айвара. Ночной ветерок принес с болота запах гнили.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

В середине июля исполнился год, как Анна Пацеплис начала работать парторгом Пурвайской волости. Время пролетело совершенно незаметно, как один непрерывный рабочий день; со сменой времен года менялись задачи, и никогда не было так, чтобы не приходилось делать что-то важное и неотложное; вечно ненасытная жизнь диктовала свои требования, нуждалась в вечно новом содержании, которое давал человек своей беспрестанной работой и бурным устремлением навстречу завтрашнему дню. Пурвайская волость со своими несколькими тысячами жителей походила на маленький самостоятельный мирок, в жизни которого повторялось в миниатюре почти все то, что в больших масштабах происходило в огромном советском государстве: отмирало и гибло старое, рождалось новое, и вместе с народом рос и изменялся каждый отдельный человек.

Год был не очень большим отрезком времени, но когда Анна оглядывалась на пройденный путь, ее поражал объем и разнообразие проделанного и начатого. Теперь из общей массы населения выделилась небольшая горсточка врагов, которые еще жили воспоминаниями о своих вчерашних несправедливых привилегиях, мечтали о возвращении своего былого благополучия и всячески старались мешать победному шествию новой жизни. Но большинство народа в самом начале воспри-

няло советскую власть как свою родную власть, и никакие нашептывания, никакие слухи и запугивания не могли смутить это большинство. Свободное от сомнений, оно смело и вдохновенно прокладывало дорогу к будущему сквозь обломки старого. Много еще было этого лома, похожего на ржавый металл, оставшийся на полях великих сражений. В один день все это нельзя было убрать и переплавить, но с каждым днем мир все больше очищался от него.

Ничто не рождалось само собою, все создавалось упорным трудом. Кому-то надо было разбудить дремлющие в недрах народа силы. Эту роль взяла на себя великая партия. И в утро новой жизни мощным колоколом звенел ее призывный голос, поднимались миллионы и, воспрянув от векового сна, начинали жить.

Волей партии на Анну был возложен почетный долг быть глашатаем борьбы и строителем новой жизни в своей родной волости. Вначале робко, неумело делала она свои первые шаги, но уже и тогда ни одного дня она не чувствовала себя одинокой. Сейчас рядом с Анной стоял сильный, хорошо спаянный актив. С улыбкой вспоминала она сегодня свои первые попытки привлечь к общественной работе лучших людей волости: как она издали, потихоньку подходила к этим людям; как сдержанно некоторые из них принимали ее приглашение, отделываясь неопределенными обещаниями; как настойчиво она пыталась разгадать стремления такого человека, учесть его желания, интересы; как наконец ей удавалось заинтересовать его новыми задачами, и тогда он становился убежденным строителем новой жизни.

Несколько позже, когда посеянное зерно стало прорастать, Анна перешла на другие методы работы. Она созвала несколько собраний. На первом собрании встретилась с волостной интеллигенцией: учителями, агрономами, врачами, служащими учреждений и с руководящим составом МТС. Анна внимательно прислушивалась к тому, что говорили собравшиеся, отметила себе бытовые и производственные нужды и предложения. Она рассказала собранию о роли интеллигенции и о ее задачах в строительстве новой советской жизни и скоро нашла общий язык с большинством волостной интеллигенции. После этого собрания больше половины интеллигенции включилось в общественную жизнь, начало ра-

ботать в постоянно действующих комиссиях, участвовать в различных культурных начинаниях. Это было первым достижением Анны.

Неделей позже Анна созвала молодежь. На этом собрании пришлось говорить другим языком, — у молодежи свои интересы. Здесь недостаточно было объявить танцульки пустяковой затеей, а танец «суингу» вульгарным, безобразным, который неприлично танцевать советскому юношеству. Нет, этим парням и девушкам надо было рассказать о новом содержании жизни и показать это новое так, чтобы оно не представлялось сухим и серым. Период немецкой оккупации оставил свои следы в сознании молодого поколения пурвайчан, и этого нельзя было изжить простым приказом сверху. Анна и не надеялась, что сразу после собрания вся молодежь переродится, вступит в комсомол и станет активным участником общественной жизни. Но когда в волости вскоре после собрания организовался драматический кружок, хор, хореографический коллектив и физкультурная группа, Анна была довольна. Хореографическим кружком ведала библиотекарь Народного дома, дочь старшего агронома МТС — Гайда Римша, позднее ее избрали комсоргом волости. Руководить хором взялся директор неполной средней школы Жагар — старый, опытный хормейстер, а драматическим кружком — участковый врач Зултер. Агроном Римша помог организовать кружок мичуринцев и маленькую лабораторию, где молодежь волости и некоторые крестьяне повышали свои агрономические знания. За год пурвайская комсомольская организация утроилась.

На третьем собрании Анна встретилась с женщинами. Собралась самая разношерстная и в то же время самая благодарная аудитория. Пурвайские женщины, отупевшие от тяжелого труда, вековых предрассудков и религиозного обмана, так же как и в любом провинциальном углу Латвии, влачили серую, наполненную мелочами жизнь. Их интересы не выходили за пределы семьи. Запуганные, робкие, угнетенные традициями, они с недоверием слушали смелые призывы Анны; возможно, многие в душе и соглашались с ней, но не осмеливались отозваться. Что скажет муж, соседи, пастор? Ни одна не хотела первой сделать решительный шаг. Анне пришлось разыскивать среди этой массы женщин более смелых,

предприимчивых, энергичных. Ей много помогала жена директора школы Жагара, очень уважаемая среди жителей волости женщина. Когда она сразу после Анны взяла слово и начала говорить о том, какую огромную роль играет женщина во всех отраслях жизни советского государства и каким образом домохозяйки-пурвайчанки могут принять участие в различных начинаниях своей волости, аудитория зашевелилась: посыпались вопросы и развернулся оживленный разговор. В результате, около двадцати пурвайских женщин начали работать в постоянно действующих комиссиях, две стали уполномоченными десятидворок, и в дальнейшем более половины участников народных собраний всегда были женщины.

Нельзя сказать, что и мужчины остались сторонними наблюдателями. Некоторые иронизировали, некоторые сердито ворчали на такое «баловство» своих жен, но большинство довольно скоро смирилось. Только новохозяин Липстынь проявил характер и категорически запретил жене участвовать в общественной жизни.

— Сиди дома и нянчи детей, если нет другой работы, а на всякие там комиссии бегать нечего! — сказал он ей. — Тоже мне, нашлась оратор! Уж мы, мужчины, как-нибудь обойдемся в государственной работе без вашей помощи. До сих пор обходились и впредь не пропадем.

Анна, узнав об этом, однажды вечером пришла к Липстыню.

— В каком государстве вы живете, товарищ Липстынь? — спросила она.

— Как в каком? — удивился Липстынь, еще довольно молодой мужчина. — Где, как не в Советском Союзе?

— Ходят слухи, что вы хотите ввести в нашей волости новую конституцию, — продолжала Анна. — Советская конституция вам не подходит.

— Что за конституция? Где вы таких глупостей набрались? Конституция есть конституция, и я по ней живу, так же, как вы и все прочие.

— А в своей семье стараетесь поддерживать такой порядок, как у турок или англичан. Жена да убоится мужа, не так ли?

— В мои семейные дела прошу свой нос не совать! — сердито крикнул Липстынь. — И не смешивайте

семейные дела с государственными. Никто вам таких прав не давал.

— А кто вам разрешил не признавать равноправия в вашей семье? В советском государстве мужчины и женщины пользуются равными правами. Что позволено мужчине, позволено и женщине. Ваша жена является полноправным товарищем, а не рабыней. Почему вы запрещаете ей участвовать в общественной жизни?

— Еще раз повторяю вам: не вмешивайтесь в мои семейные дела. Это мое личное дело. Я беспартийный, поэтому особенно-то не командуйте мною.

— Ну, а если ваша жена через некоторое время вступила бы в партию? Может, вы и это ей запретите, высокий господин и повелитель?

— Это мы еще посмотрим... — проворчал Липстынь. — Вашего совета не спрошу. Достаточно пожили и сами знаем, что нам на пользу.

— Тогда не забудьте: вашего согласия в этом деле тоже никто не спросит.

И Анна стыдила, убеждала Липстыня до тех пор, пока его не бросило в жар. Покрасневший и взъерошенный, он слушал парторга. Временами, когда жена тоже добавляла что-нибудь колючее, его передергивало, и наконец у него вырвалось откровенное признание:

— На что будет похоже, если жена начнет работать в разных там комиссиях, а муж нигде? Все будут знать жену, величать ее, а муж будет каким-то придатком. Прозовут мужем Липстыниене. Разве это порядок?

— Ах, вот в чем дело! — засмеялась Анна. — Кто ж вам мешает работать в комиссиях? Милости просим, хоть завтра начинайте. Общественные деятели всегда нужны. Ведь это приветствовать надо, что вы не хотите отставать от жены.

Дело ликвидировалось быстро и успешно: волостной актив приобрел еще одного нового члена, и он оказался отнюдь не малоценным.

2

Проработав весь день на ремонте прицепного инвентаря, Жан Пацеплис под вечер пришел домой, умылся и переоделся в свой лучший костюм. Сегодня он должен был идти в Народный дом на репетицию хореографиче-

ского кружка и заодно хотел обменять в библиотеке книги. И там и тут ему придется встретиться с Гайдой Римша. Вообще выходило так, что Жану всюду приходилось встречаться с этой девушкой. Кружок, библиотека, комсомол, всякие собрания, даже МТС, где отец Гайды был старшим агрономом и где она жила, — повсюду их дороги встречались так неожиданно и просто, что даже самые завзятые любители сплетен не могли усмотреть в этом ничего подозрительного и зубоскалам не о чем было брехать.

С весны Жан работал в МТС прицепщиком у самого лучшего тракториста Васильева. Тот учил его обращаться с трактором и прицепным инвентарем. Жан обзавелся учебниками и уже давно усвоил технический минимум. Как большого праздника, ждал он того дня, когда сможет впервые сесть за руль трактора «СТЗ-НАТИ» и самостоятельно прогнать первые глубокие борозды в каком-нибудь старом клеверном поле или на затвердевшей залежи. Но на этом Жан не хотел успокаиваться: если будущей зимой не случится ничего непредвиденного, он обязательно поедет на курсы и закрепит свои знания. Молотилка, комбайн, сложные мелиоративные агрегаты и механизмы, которые вступят в работу следующей весной, пленяли парня, ему все надо было освоить, чтобы стать настоящим работником МТС.

— Куда это опять наш инженер собирается? — иронически спросил старый Пацеплис, наблюдая за сборами сына. — Какая юбка поджидает тебя?

— Многие и разные, — ответил Жан, причесываясь перед потускневшим от времени зеркалом на комоде. — Никак не меньше десятка.

— Так, так, так... — покачал головой Пацеплис. — Только и носится, только и бегает. А на лугу трава переспевает. Ни ангелы, ни гномы толоку нам не устроят.

— Зачем ждать ангелов и гномов? — возразил Жан. — Давно по утрам скосили бы, если б ты помогал.

Жан каждое утро, до ухода в МТС, косил, предоставляя отцу и мачехе сушку и уборку. Раза два в неделю он работал и по вечерам, но отцу этого казалось мало — ведь не стоило и сына растить, если сейчас самому гнуть спину на тяжелых полевых работах. Невзирая на свои пятьдесят шесть лет, хозяин Сурумов был еще полон сил,

по виду ему нельзя было дать и пятидесяти, — наверно, потому, что он всю жизнь не надрывался над чрезмерной работой. Отвезти бидон молока на молочный завод, для виду немного покопошиться в усадьбе, то да се починить, потормошить остальных членов семьи и ежедневно несколько часов поболтать за стаканом пива с пурвайскими хозяевами о мировой политике — разве этого недостаточно для такого почтенного человека? Только прошлой зимой (из-за этой самой Анны) пришлось несколько месяцев поработать в лесу и на вывозке бревен. Но пусть Анна не думает, что так будет продолжаться вечно. Пацеплис уже говорил с фельдшером и получил хороший совет. Надо получить от участкового врача Зултера свидетельство о болезни, тогда никто не сможет заставить его работать. Правда, Зултер слыл человеком довольно самостоятельным и свидетельствами о болезни не особенно разбрасывался, но если свезти ему кадочку масла или кусок окорока, то он станет сговорчивее и найдет у Пацеплиса болезнь, — не может быть, чтобы опытный врач не мог найти во внутренностях любого человека какую-нибудь хворь.

Когда Жан присел, чтобы наспех поужинать, Пацеплис с Лавизой уселись напротив и начали подсмеиваться над новым трактористом.

— Ты, наверно, метишь в директора МТС... — говорил Пацеплис.

— Почему бы нет? — ответил Жан. — Если хорошо буду работать да учиться, может быть, и стану когда-нибудь директором.

— Мирской слуга на всю жизнь, — заговорила Лавиза. — Самому ничего не принадлежит. Как придет старость, с посохом нищего пойдешь по миру.

— Неужели какой-нибудь колхоз не примет? — пошутил Жан. — Люди, умеющие работать на машинах, всегда будут нужны.

— Брешет, как полоумный! — воскликнула Лавиза. — До тех пор будешь куковать об этих колхозах, пока не накукуешь.

— Слыхать, что и у нас скоро возьмутся за это, — продолжал Жан как ни в чем не бывало. — Только, чур, не прозевайте со вступлением.

Пацеплис, выпучив глаза, посмотрел на Жана.

— Ты не мели так много. Кто ум потерял, пусть

идет в колхоз. А я свой век проживу и без него. Да чего тут много говорить: с колхозами у них в Латвии ничего не выйдет. Здесь не Россия. Здесь деревень нет. Латыш привык хозяйничать в одиночку.

— Кто это тебе сказал? — спросил Жан. — Может... в библии вычитал?

— Библию ты оставь в покое, греховодник! — заверещала Лавиза. — Сам живет, что язычник, даже не конфирмован... святого причастия не принимал.

— С библией ты полегче, — прорычал Пацеплис. — Я верю в своего бога, а ты можешь беситься, как хочешь, — все равно со мной ничего не сделаешь.

Набожность Пацеплиса возникла недавно. Весь свой век он в набожных не числился, свои обязанности прихожанина исполнял чисто формально: раз в год платил приходский налог, у пастора венчался, крестил детей, с пастором похоронил своих покойных жен, но в церковь ходил не чаще одного раза в десять лет. Наплыв религиозных чувств начался с прошлой зимы, и здесь цель была одна: досадить Анне и Жану, а заодно и всем волостным коммунистам и комсомольцам. Зная, что Анне и Жану это не нравится, Пацеплис разыскал в оставшемся от матери барахле старую библию в деревянном переплете и церковный псалмовник. Теперь обе книги постоянно лежали в комнате хозяина на столе, псалмовник открывали тогда, когда на чету Пацеплисов находил песенный порыв, библия все время была раскрыта на том месте, где начинался апокалипсис — книга откровения Иоанна Богослова. Если в Сурумы заворачивала Анна или кто-нибудь из работников волисполкома, Антон Пацеплис тотчас садился к столу, ради пущей важности надевал на нос очки и погружался в глубокое изучение библии. Когда посетитель уходил, вслед ему звучала мелодия какого-нибудь известного церковного псалма.

То же случилось и сейчас. Разозленный шутками Жана, Пацеплис достал псалмовник и, подсев к окну, затянул медленно и торжественно:

Господь бог наша крепость,
Где в бедах можем укрыться,
Высокий заступник, кто не обманет,
К кому мы можем прибегнуть...

Жан нервно заерзал и наклонился над столом, делая вид, что пение его не задевает. Тогда к сочному бари-

тону Пацеплиса присоединился завывающий альт Лавизы.

— Хватит дурачиться! — не выдержал наконец Жан. — Меня все равно не обратите!

Но супружеская пара, казалось, только сейчас по-настоящему воспылала ханжеским огнем: голос Пацеплиса загудел органом, торжественно и угрожающе, Лавиза визжала, вытаращив глаза на Жана, и каждое слово было нацелено прямо в него, как стрелы самого святого духа:

Пусть духов злых и много,
И нас сожрать хотят,
Мы все же божья семья —
Не справиться им с нами.

— Велика нужда кому-то возиться тут с вами! — рассмеялся Жан и встал из-за стола. — Цирк устроили. Жаль только, что никто не хочет слушать вашего концерта.

Надев пиджак, он поспешил уйти из дому, но еще во дворе до него доносились голоса отца и Лавизы.

Спустя час Жан уже находился в ином мире. Обменяв в библиотеке книги, он вместе с Гайдой направился в Народный дом, где происходили занятия хореографического кружка. Один из комсомольцев играл на рояле плясовые мелодии, шесть парней и девушек под руководством Гайды разучивали «колесико», «мельницу» и «ачкуп». Предполагалось еще разучить несколько русских, украинских и молдавских плясок. Коллектив Пурвайской волости хотел этой осенью принять участие в смотре художественной самодеятельности: лучшие коллективы могли рассчитывать на участие в объединенном концерте самодеятельности уезда, а самые отличные должны были выступить перед рижанами, поэтому рвение наблюдалось большое.

Первой парой во всех танцах выступали Гайда и Жан. Как же было не стараться Жану! Он был само внимание; сильный, стремительный, на полголовы выше Гайды, которая тоже была не из малорослых, — он почти не чувствовал веса девушки, когда поднимал ее при исполнении какой-нибудь фигуры. Во время танца им часто приходилось переглядываться и улыбаться друг другу. Хотя это была только игра, обязательный элемент

их роли, Жану каждый взгляд Гайды казался полным скрытого, ему одному понятного, смысла.

Серьезно исполнял Жан все, что предусматривалось танцем, не позволяя себе ни малейшей вольности, когда же пляска кончалась, он становился тем же робким, молчаливым парнем, каким его обычно знали в обществе Гайды.

— Айзупчане уже пошили себе национальные костюмы, — сообщила Гайда во время перерыва. — В нашем коллективе только у половины есть костюмы. Если хотим участвовать в смотре, то без одинаковых костюмов не обойтись.

Это был довольно сложный вопрос. Материал как-нибудь нашли бы, но его надо купить на свои деньги, а участники кружка большими деньгами не располагали.

— Несколько костюмов можно будет приобрести на средства Народного дома, — сказала Гайда, — у них есть небольшой остаток от последних спектаклей. Но нам придется серьезно подумать, как принодеть остальных. Собирать пожертвования неудобно, а занять не у кого.

— Свой костюм я сделаю сам, — сказал Жан. — Помогите только найти портного, который знает толк в национальных костюмах. А чтобы сшить остальным костюмы, я предлагаю, когда разучим всю программу, устроить концерт в Народном доме. Билеты платные. После концерта — танцы. Думаю, в публике недостатка не будет.

— Можно попробовать, — согласилась Гайда. — Хоть лопни, а кружку пурвайчан надо попасть на уездный отборочный концерт. За две недели мы должны полностью подготовиться. Итак, за работу, товарищи!

И снова зазвучал рояль и пол загудел под ногами танцоров. Раскрасневшиеся, со сверкающими глазами, молодые, неугомонные, они репетировали еще целый час. Окончилась репетиция, некоторые устали больше, чем от работы на лугу или в поле, но когда расходились домой, снова звонко и беззаботно звучали в вечерних сумерках их молодые голоса.

Гайда в тот вечер шла домой к родителям в МТС, поэтому у Жана был попутчик. Разговор, как обычно, пришлось поддерживать Гайде, так как Жан редко осмеливался задавать вопросы.

— Отец говорил, что ты скоро получишь трактор? —

спросила девушка, когда они вошли в лес. — В какой бригаде будешь работать?

— Наверно, у Васильева, —ответил Жан. — Его собираются назначить бригадиром вместо Себра, а того посылают учиться на курсы директоров МТС.

— А ты учиться не думаешь?

— Конечно, думаю. Но на курсы директоров мне еще рано. Надо несколько лет поработать на тракторе и у молотилки.

— Правильно. Но думать все же об этом надо. Ты еще всему научиться можешь.

— Я буду учиться, Гайда... — от волнения у Жана осекся голос. Как могло случиться, что Гайда знала его сокровеннейшие мысли? Будто думала о его жизни и будущем... «Неужели она вспоминает когда-нибудь обо мне? Кто я такой? Простой крестьянский парень. А она — дочь интеллигента, закончила среднюю школу. Отец агроном. Мне очень много надо учиться и расти, чтобы догнать ее и говорить с ней, как с равной. Сбудется ли это? Иначе наши дороги скоро разойдутся и никогда не пойдут рядом».

Жан Пацеплис осмелился мечтать об этой девушке; он ничего не скажет ей долго-долго, может, несколько лет, — будет молчать, бороться и расти, но однажды заговорит и тогда... тогда или двое станут счастливыми, или на свете будет одним несчастным больше.

3

Спустя несколько дней после собрания в волисполкоме Айвар с Мурниеком и Финогеновым уехали в Айзпурскую волость и встретились там с местным парторгом и председателем волисполкома. Предложение об участии крестьян этой волости в работах по осушке Змеиного болота и о социалистическом соревновании между обеими волостями встретило горячий отклик. Айвар познакомил руководителей волости со своим проектом и пообещал в следующее воскресенье приехать снова, чтобы участвовать в собрании и помочь парторгу и председателю волисполкома разъяснить населению задачи.

В МТС они вернулись поздно вечером. Айвара ждал

начальник уездного отдела Министерства государственной безопасности майор Регут. Переодетый в штатское, в сером дождевике и кепи, он походил на обычного служащего советского учреждения.

Айвар повел Индрикиса в свою комнату, и там они тихо разговаривали почти целый час. Индрикис уже знал, что Айвар позапрошлой ночью встретился с Пиколом. Выслушав сообщение Айвара о разговоре с бандитом, он сказал:

— Теперь больше одного раза тебе встречаться с ним не придется. Пикола можно было бы арестовать в ту же ночь, когда вы с ним расстались у болота, но мы не сделали этого потому, что надо было напасть на след его банды. Банда новая, недавно организованная и не успела пока ничего натворить. Нам надо условиться о дальнейших действиях.

Индрикис Регут дал Айвару несколько дельных советов, и они договорились, что при следующей встрече с Пиколом Айвар (если позволят обстоятельства) задержит бандита.

— В случае необходимости мы поможем тебе, — сказал Индрикис. — Некоторые из моих людей останутся здесь, а я вернусь в город. Появлюсь снова, когда надо будет провести операцию.

На четвертый день он снова прибыл в Урги и сообщил Айвару, что тот должен быть готов в любое время к встрече с Пиколом.

— Пикол снова ищет тебя. Поможем ему встретиться, только сделаем это при дневном свете. С наступлением темноты не выходи из дому.

Следуя советам Индрикиса Регута, Айвар стал теперь ходить только по одной заранее избранной дороге и всегда набивал свои карманы бумагами. Чтобы Пиколу было легче подойти, Айвар лишь два раза в день встречался со своими товарищами, а все остальное время работал на болоте особняком. Можно было предвидеть, что Пикол сперва хорошо изучит маршрут Айвара и постарается встретить его в наиболее выгодном месте и в удобное время. На совершенно открытом месте он навряд ли подойдет к нему, а Айвар избегал слишком густого кустарника. В распоряжении Пикола оставались две небольшие площадки среди редкого кустарника, мимо которых дважды в день проходил Ай-

вар. На одной из них как-то под вечер, возвращаясь домой, Айвар встретился с бандитом.

Так же, как тогда ночью в лесу, Пикол внезапно вынырнул на тропинку и преградил Айвару дорогу.

— Добрый вечер, Тауринь... — приветствовал он Айвара, протянув руку, но тут же сунул ее в карман.

«Сжимай, сжимай свой револьвер, — думал Айвар. — Все равно тебе придется выпустить его из руки».

Все было рассчитано до последней мелочи. Айвар с Индрикисом даже несколько раз прорепетировали все, что придется сейчас делать.

— Я не надеялся, что нам так скоро посчастливится встретиться, — сказал Айвар.

— Обстоятельства заставили поторопиться, — ответил Пикол тоном начальника. — По решению руководства мне скоро придется отбыть в ответственную командировку. Не знаю, как долго буду отсутствовать, но ясно, что несколько месяцев я не смогу с вами встречаться.

— Жаль... — сказал Айвар. — У меня как раз сейчас назревает случай достать весьма интересные и ценные материалы. Теперь они уплывут мимо носа.

— Почему уплывут? — Пикол пожал плечами. — Ничего не должно остаться неиспользованным. Именно поэтому я поспешил с вами встретиться.

— Сегодня при мне только копии отчетов и еще некоторые материалы, которые удалось собрать за это время, — пояснил Айвар. — Но это не самое ценное, через несколько дней я буду точно знать, когда повезут заработную плату персоналу МТС и по какой дороге. Была бы изрядная добыча.

— Очень хорошо, Тауринь. Это мимо нас не пройдет. Вы все это сообщите другому человеку. Начиная с этого дня вы переходите в подчинение к моему заместителю. Завтра после работы не ходите домой, а направьтесь по дороге в сторону волисполкома. На полпути, примерно там, где мы встретились в прошлый раз, вы встретите человека. Условный знак — альпаковый портсигар с головой оленя на крышке. Он будет держать его в руке и спросит: «Нет ли у вас спичек, товарищ? Нечем закурить, а курить очень хочется». Вы ответите: «И только-то беды? Прошу, берите хоть всю коробку». После этого можете начать разговор и действовать в зависимости от обстоятельств. Ясно?

— Все ясно, Пикол.
— Повторите, что я вам сказал.
Айвар повторил пароль.
— Хорошо, только не забудьте ни одного слова, — наказал Пикол.

Айвар лихорадочно обдумывал, как ему сейчас действовать. «Возможно, Пикол врет, говоря о скором отъезде? Может, он почуял что-то неладное и у него проснулось недоверие ко мне, вот и сочинил историю о своем заместителе и портсигаре с головой оленя на крышке? Но если это не выдумка, то разве в таком случае разумно задерживать Пикола уже сегодня? Его возьмут, а заместитель останется на свободе — он ведь узнает, что Пикол попался, и не пойдет на свидание. Что посоветовал бы в этом случае Индрикис?»

И вдруг Айвар вспомнил, что Пикола сегодня вечером все равно задержат люди Индрикиса, если этого не сделает он, — они же ничего не знают о новом, непредвиденном обстоятельстве, а сообщить им нет никакой возможности.

«Нечего мудрить...» — и он решил действовать. Его план был построен на простом психологическом расчете: надо добиться, чтобы Пикол, эта сверхосторожная бестия, на несколько секунд выпустил из рук пистолет. Возможно, что и не Айвар был причиной этой предосторожности, она вошла в плоть и кровь бандита: живя в лесу, он привык всегда находиться в боевой готовности. Даже здороваясь, Пикол сейчас же переложил пистолет в другой карман и положил на него левую руку. Если Айвар даст ему возможность уйти подобру-поздорову с оружием в руках, он успеет выстрелить, когда его попытаются задержать люди Индрикиса Регута (может случиться, что он убьет или ранит кого-нибудь). Чтобы не подвергать риску товарищей и захватить бандита живым, Айвару нужно было справиться с ним самому.

— Пикол... — заговорил он. — А материалы, что у меня с собой, возьмете вы или передать их вашему заместителю?

— Ах, материалы! — отозвался Пикол. — Давайте сюда. Что в руке, то мое.

Айвар извлек из карманов несколько конвертов и свертков, набитых до отказа мнимыми материалами,

сложил их в одну пачку и подал Пиколу. Бумаг было столько, что взять их одной рукой и рассовать по карманам нельзя было. У Пикола загорелись глаза при виде этого «богатства».

— Вы дьявольский парень, — засмеялся он. — Видать, что старались не за страх, а за совесть.

Вынув из карманов обе руки, Пикол протянул их к Айвару и трясущимися пальцами, как скупец, принимающий деньги, схватил эту макулатурную «ценность». Прижав к груди левой рукой конверты и свертки, он торопливо отстегнул пуговицы френча и пытался запихнуть один из свертков во внутренний карман.

Именно этого момента ждал Айвар. Когда правая рука Пикола на несколько секунд застряла во внутреннем кармане френча, Айвар бросился на него. Мощным ударом в подбородок он оглушил и сбил бандита с ног. В следующее мгновение он уперся коленом в грудь Пикола, еще раз ударил в подбородок, вытащил из его кармана револьвер и отбросил в сторону. Тут были пущены в ход тряпичный кляп и веревка. Бандит еще не успел прийти в себя от нанесенных ударов, как был уже обезоружен.

Потом Айвар поднял револьвер Пикола и сунул себе в карман.

— Ну, завоеватель мира, подавился? — тихо сказал он. — Хотел меня купить, сделать своим слугой... Не выгорело.

...Полчаса спустя люди Регута схватили там же, на болоте, еще двух бандитов, следовавших за Пиколом и напрасно ожидавших в кустах возвращения своего шефа. В ту же ночь бойцы окружили в Аурском бору базу бандитов — две ловко замаскированные землянки. Трех бандитов пристрелили во время боя, четырех взяли живыми. У одного из них нашли в кармане альпаковый портсигар с головой оленя на крышке.

Теперь Айвару не было смысла идти на свидание с заместителем Пикола.

Индрикис поблагодарил его за ценную помощь в деле ликвидации банды, погрузил задержанных бандитов на грузовик и в ту же ночь отвез в Ригу. На машинно-тракторной станции и в Пурвайской волости никто и понятия не имел о роли, какую сыграл Айвар в успешно проведенной операции.

4

Была середина октября...

То здесь, то там на осенних полях гудели молотилки. Запоздавшие пахари гнали борозды в холодной намокшей земле. В воздухе слышались крики журавлей. У мельниц стояли длинные ряды подвод с привезенным для помола зерном, а на дорогах по утрам раздавались звонкие, ликующие голоса школьников.

Бригада Айвара Лидума давно закончила работу на болоте и перенесла свою деятельность на ближайшие окрестности и соседние крестьянские земли. В портфеле Айвара накапливался материал для большого проекта, который надо было закончить зимой в проектной мастерской. Сознание, что через несколько недель можно вернуться в Ригу, наполняло сердце Айвара разнообразными чувствами: ему и хотелось пожить в городе и пугала разлука с любимой — ведь Анна останется здесь, и, может быть, они не увидятся до самой весны.

В их отношениях пока ничего не изменилось. Несколько раз в неделю они ненадолго встречались, но их всегда окружали люди. Если в Народном доме шла постановка или концерт, Айвар не пропускал их в надежде, что сумеет побыть возле Анны. Длинные дождливые вечера он проводил в своей комнате в Ургах, готовясь к очередным экзаменам заочника сельскохозяйственной академии. Дни проходили в напряженной работе, но Айвару все время казалось, что в его жизни чего-то не хватает, что он находится накануне каких-то больших событий, которые совершенно переделают его жизнь. Тридцать лет прожил он на свете, но ему казалось, что он только готовится жить, что все происходившее до сих пор — лишь прелюдия к чему-то большому и прекрасному.

А как Анна? Было ли ей хорошо? Где-то в самых сокровенных глубинах души и Анна чувствовала пустоту. Эту пустоту не могли заполнить ни работа, ни учеба, ни общение с другими людьми. Молчаливое и задумчивое выражение стало характерным для ее лица. Она редко улыбалась.

Как-то вечером, вернувшись с работы, Айвар в конторе МТС получил письмо. По штампу было видно, что

письмо из уездного города, адрес написан печатными буквами. Войдя в комнату, он вскрыл конверт.

«Айвар Тауринь!

Мы хотели Тебя спасти, указали верный путь, но Ты отклонил нашу помощь. Большое преступление лежит на Твоей совести: Ты обманул нас и перешел в лагерь наших врагов. Мы это знаем, и Тебе не удастся избежать ответственности. Если хочешь спасти свою жизнь, делай то, что мы Тебе приказываем: не ради Тебя даем Тебе эту возможность, а ради Твоего благородного отца — Рейниса Тауриня. Работай для нашего дела, выполняй то, что Тебе велел человек, с которым Ты встречался и от которого получил письмо отца. Все сведения, что Тебе велели приготовить, доставь в недельный срок и передай человеку, который придет к Тебе с оставленным Пиколом паролем. Не пытайся тянуть и избегать встречи! Твоя судьба в Твоих руках. Если выполнишь, что от Тебя требуют, будешь прощен. В противном случае Тебе грозит беспощадная месть. Мы знаем про Тебя несколько компрометирующих фактов — они Тебя совершенно уничтожат, не забудь об этом.

Хозяева болота»

«Опять... — думал Айвар.— Не можете успокоиться, домогаетесь, надеетесь сбить с толку. Когда же наступит конец этой омерзительной игре?»

Его мысли прервал Финогенов.

— Тебя к телефону... — сообщил он, постучав в дверь. — Кажется, парторг волости.

Айвар засунул письмо в карман и пошел в кабинет директора МТС. Драва уже несколько дней находился в министерстве в Риге.

— Слушаю... — сказал Айвар, взяв трубку.

На другом конце провода раздался голос Анны:

— Добрый вечер, Айвар. Ты сейчас сильно занят?

— Как обычно, Анна, — отозвался Айвар. — Ничего особо срочного и неотложного нет. Что ты хотела?

— Мне надо поговорить с тобой об одном... странном деле. Если можешь, приходи вечером в исполком. Я буду здесь еще долго.

— Приеду... хоть сейчас.

— Ладно, Айвар, буду ждать.

Предупредив Финогенова, что уезжает в волисполком, Айвар побрился, переоделся, сел на мотоцикл и помчался к Анне.

Работники волисполкома уже разошлись, свет горел только в рабочей комнате Анны; Айвар это заметил сразу, хотя ставни были закрыты. Затащив мотоцикл во двор, Айвар вошел в дом и, постучав в дверь маленькой комнатки, где все до последней мелочи было ему знакомо, вошел.

Анна поднялась навстречу и крепко пожала его руку.

— Я испортила тебе вечер, — заговорила она. — Прости, друг, но мне очень хотелось спросить твоего совета. Садись...

Айвар сел. Анна вынула из ящика письменного стола конверт и положила перед Айваром.

— Прочти, Айвар, потом поговорим.

Айвар прочел письмо:

«Послушай, проклятая!

Хватит! Чаша нашего терпения переполнена! Сук, на который Ты вешала одну мерзость за другой, должен обломиться!

Мы предупреждали Тебя давно, но Ты не послушалась голоса народа. Не думай, что Ты недосягаема, грозная рука правосудия найдет Тебя в любом месте, и Тебе придется за все ответить. Поступай так, как велит Тебе народ: немедленно убирайся отсюда! Даем Тебе пять дней сроку. После этого чтоб духу Твоего здесь не было. Если не выполнишь нашего приказа, пеняй на себя — Ты будешь наказана. Красный петух пройдет по крышам, а Тебя ждет пуля или петля.

Хозяева болота»

— Что ты на это скажешь? — спросила Анна, когда Айвар прочел анонимное письмо.

— Только то, что майору Регуту еще не удалось обезвредить всех здешних негодяев, — ответил Айвар. Он вынул из кармана свое письмо и подал Анне. — Прочти. Почерк тот же, подпись тоже одинакова. Одна и та же собака лает на нас.

Анна прочла письмо, потом, заметно смутившись, посмотрела на Айвара.

— Что за Пикол, Айвар? Ты... встречался с ними?

— Они разыскали меня и хотели завербовать. Несколько раз мне пришлось с ними встретиться. Но не беспокойся: все делалось с ведома Регута. Удалось ликвидировать целую банду — помнишь, летом, когда он приезжал со своими людьми?

Анна погрузилась в раздумье. Ее лицо было озабочено.

— Ты, Айвар, играешь в опасную игру... — наконец заговорила она так тихо, будто боялась, что кто-нибудь посторонний услышит ее слова. — Этого они не простят тебе.

— Что они простят или не простят! — воскликнул Айвар с горячностью. — Важно то, что я им не прощу. Меня оскорбляет одно то, что они вообще осмелились рассчитывать на меня. Это личное оскорбление, и как я на него отвечу — тоже будет моим личным делом. Ответ же может быть только один — борьба!

— Правильно, Айвар, бороться надо, только ты ошибаешься, думая, что это только твое личное дело. Не обижайся, но я должна сказать: ты часто руководствуешься личными мотивами и подчеркиваешь их. А в нашей жизни нередко случается так, что ради общественных интересов приходится забывать личные. Член общества, ты во всех случаях не имеешь права поступать так, как тебе самому заблагорассудится.

Айвар обиженно сжал губы.

— Выходит, мне надо уйти с линии огня и ждать, пока обществу вздумается разрешить мне вступить в борьбу с врагом, — сказал он.

— Речь идет не о бездеятельности, а о разумной предосторожности, — возразила Анна. — Не забудь, что ты принадлежишь не одному себе.

— А как ты думаешь реагировать на это письмо? — спросил Айвар.

— О чем тут думать, Айвар? Ты сам сказал, что есть только один ответ — борьба. И я встану на этот путь. Мы добьемся, чтобы до весны в Пурвайской волости организовался колхоз, чтобы вся волость за несколько лет была сплошь коллективизирована, как одна из первых в Латвии. Это будет ответом на вылазку врага. Но оставлять угрозы наших врагов совсем без внимания нельзя. Я не боюсь выстрела из-за угла. Боюсь другого, Айвар...

Анна, что-то обдумывая, помолчала, потом продолжала:

— Если что-нибудь случится с общественным имуществом, это будет не только материальным убытком, но и политическим ударом по нашему делу. Представь, Айвар, если ночью начнется пожар и сгорит молочный завод или МТС... Надо усилить бдительность, стать более нетерпимым к любому разгильдяйству и небрежности... Следует обеспечить такой порядок, чтобы враг не смел подойти к государственному и общественному имуществу на расстояние пушечного выстрела. Ты воин и командир, у тебя опыт в таких делах. Завтра я поговорю с командиром взвода истребителей, с начальником добровольного пожарного общества, с уполномоченным милиции, с Регутом, со всеми, кто за что-либо отвечает. Необходимо правильно поставить задачу, мне нужен твой совет, поэтому я и просила тебя прийти. Общими требованиями я ничего не добьюсь, мне нужно конкретно знать, что потребовать от каждого и что поручить ему. Помоги мне, Айвар, я знаю, ты это можешь...

Тревога Анны была своевременна. Так как до сих пор никаких пожаров и вредительств не случалось, то к охране общественного имущества люди, которым это было поручено, стали относиться спустя рукава, считая эти обязанности лишними, надуманными и обременительными. В системе охраны многое было не продумано до конца и оставались щели, через которые враг мог свободно проникнуть. Но самым большим злом была самоуверенность и успокоенность многих людей.

Долго в тот вечер совещались Айвар и Анна. Айвар посоветовал много полезного, а в самом конце сказал:

— Не знаю, хорошо ли ты поступаешь, что живешь одна в доме. Почему тебе не поселиться в исполкоме? Разве здесь не найдется лишней комнаты? Потом совсем не обязательно всем знать, где ты ночуешь. Надо немного конспирировать свое местопребывание. Борьба остается борьбой.

— Не преувеличивай, Айвар... — впервые за этот вечер усмехнулась Анна. — Это простая угроза. Они сейчас мною заниматься не будут.

— Не говори так. Не надо впадать в панику, но и не надо слишком легко относиться к угрозам врага. Подумай о том, что я сказал.

— Ладно, подумаю... — обещала Анна.

Айвар отвез ее на мотоцикле домой, подождал под окном, пока она вошла в дом и зажгла свет. Уезжая, он думал о том, что окно Анны без ставен — любой мерзавец может ночью подобраться, бросить в комнату гранату и безнаказанно уйти.

«Если она не переедет в исполком, я уговорю ее сделать ставни. Лучше даже не спрашивать ее согласия, а договориться со столяром, пусть сделает».

...На следующий день Анна совещалась с командиром взвода истребителей, с начальником добровольного пожарного общества, с Регутом и другими руководящими работниками.

Ночью неизвестные злоумышленники пытались поджечь машинный сарай МТС, но пожар был во-время замечен и ликвидирован.

Прошло полторы недели. И вот как-то утром Айвар узнал, что накануне вечером, когда Анна возвращалась из исполкома, у самого дома в нее стреляли из револьвера и ранили ее. Легкое или тяжелое ранение, сказать никто не мог. Известно было только одно, что Анну в ту же ночь увезли в городскую больницу.

Айвар бросил все и на мотоцикле помчался в город.

— Почему ты не послушалась меня, дружок? — шептал он, и сердце его сжималось от тяжелых предчувствий. — Ведь я предупреждал тебя, просил быть осторожнее.

Негодяя, осмелившегося поднять руку на Анну, он был готов уничтожить на месте. Но где находится этот негодяй, где искать его?

5

Ранение не было тяжелым: пуля прошла через левое плечо, разорвав мышечную ткань, но кость не задела. Когда врач, промыв рану, сделал перевязку, Анна заикнулась о возвращении домой.

— С таким пустяком не стоит лежать в больнице.

— Такой пустяк может стоить всей руки, — ответил врач. — Недельки две придется провести у нас, ни одного лишнего дня мы вас в больнице не продержим.

Анну поместили в маленькую светлую комнатку с окном в сад. В комнате были две кровати. Больная,

лежавшая на второй кровати, утром выписалась, и Анна осталась одна.

Для человека, привыкшего к напряженной работе, самым трудным кажется вынужденное бездействие. Уже через несколько часов Анна начала скучать и не знала, чем заняться. Ее беспокоили думы о множестве начатых и незаконченных дел — кто их сейчас будет двигать вперед? «Через несколько дней должно состояться партийное собрание... в политкружке сегодня первый осенний семинар... Еще не вся свекла доставлена на приемный пункт... Только бы Регут не затянул с началом лесозаготовок — сейчас самое лучшее время для рубки...»

Еще и еще... Сама большая, многогранная жизнь смотрела Анне в глаза и нашептывала свои бесчисленные требования: «Как ты можешь лежать так спокойно? Время не ждет, твое место пустует...»

Она глядела в окно на оголенные липы и каштаны, — только редкие пожелтевшие листья еще дрожали на ветру, как бы передавая грустный привет ушедшего лета. Небо потемнело, мрачные тучи неслись над городком. В окно стучали дождевые капли.

Давно не думала Анна о своей жизни, теперь было время подумать. И вдруг ей от этих мыслей стало грустно и тяжело. Двадцать четыре года прожито на свете, большинство из них — тяжелые и горемычные... Что она видела, пережила, перечувствовала? Нельзя сказать, что ничего, но могло быть совсем иначе, жизнь у других людей была богаче, содержательнее... Как радуга, переливалась она всеми цветами. А я?.. У тебя много хороших друзей, ясные цели, за которые стоит бороться, не щадя себя, но нет того теплого, солнечного уголка, который принадлежал бы только тебе, где уставший находит отдых, загрустивший — радость, продрогший — тепло, укромный уголок личного счастья. Где этот уголок, почему ты его еще не нашла? Единственный близкий человек — твой брат — все реже показывается на твоем пути; в его жизни замигал какой-то огонек, и он, как очарованный, тянется к нему, не зная, что найдет — настоящее, светлое пламя или обманчивый блуждающий огонек.

Ныло плечо, а когда Анна шевельнула рукой, до самого локтя почувствовала острые, болезненные уколы.

Внезапный шквал дождя затуманил все, стекла задрожали, грозное завывание непогоды наполнило мир тоскливым шумом. Осень... осень...

«Хватит... — сказала себе девушка. — Не поддавайся грусти. Все правильно и хорошо, придет время — снова засияет солнце, на деревьях распустятся листья. Твоя жизнь еще у истоков, ты не можешь даже представить, что придется пережить. Две недели в больнице — пустяк, а что если бы пуля нашла дорогу к твоему сердцу?»

В дверь постучали.

— Прошу... — отозвалась Анна.

В комнату тихо проскользнул Артур Лидум в белом, коротком не по росту халате. Лицо его было озабоченно. Легко и бережно пожал он руку Анны, осторожно присел на стул и долго смотрел на девушку, будто отыскивая ответ на какой-то трудный вопрос, который не давал ему покоя.

— Вот до чего мы дожили... — начал он. — В больнице, рука на перевязи, бледные щеки... Сильно болит, Аннушка?

— Пустяки, Артур... — улыбнулась Анна. — У врачей скверная привычка всегда преувеличивать. Придется пролежать недели две. Но это совершенно зря.

— Тсс... — Артур приложил палец к губам. — Предоставим врачам право решать, что надо больному.

— С таким же успехом я могла бы это время лежать дома. Раза два в неделю приезжала бы на перевязку... и работа не страдала бы.

— Работа не пострадает. Ничего не остановится, пока ты будешь в больнице. Именно потому, что ты слишком много думаешь о своей работе, врачи поступили правильно, оставив тебя здесь. Тебе нужен покой, понимаешь, покой, а его пока еще не продают ни в одной аптеке. Я уже говорил с главным врачом больницы. Все знаю и во всем согласен с ним.

— Что мне делать... я поседею от тоски.

— Я пришлю тебе книги. Будем с матерью навещать тебя каждый день. А ты не нервничай — немного отдохнуть тебе совсем не плохо.

— Отдохнуть... — Анна улыбнулась. — Каждый понимает отдых по-своему...

— Если тебе не трудно, расскажи, как это произошло.

— Рассказывать почти нечего. Было темио, я ничего не видела. Шла домой. У самой двери раздались выстрелы. Вот и все. Даже сознания не потеряла. Когда почувствовала, что ранеиа, все уже затихло и стрелявший скрылся.

— Ты ие заметила, как он выглядел?

— Было слишком темно. Конечио, кто-ибудь из леса...

— Гм, да... Мы его все равно найдем. Иидрикис Регут выехал туда еще иочью.

— Как поживает Ильза?

— Оиа поехала по волостям — все еще возимся с сахарной свеклой, ио скоро сможем рапортовать о выполнении плана.

— Пурвайчаие ие отстают?

— Тсс... — Артур опять приложил пальцы к губам. — Забудь на время о таких вещах. Но чтобы успокоить твое сердце, скажу, что пока Пурвайская волость идет второй по уезду. Лежи спокойио и ие думай о свекле. Какие книги ты хочешь прочесть? Когда я в последиий раз был в Риге, купил «Мертвые души» Гоголя, с иллюстрациями. Дома у меия весь Горький и несколько томов Чехова. Ты ведь по-русски читаешь?

Он просидел у Аины целый час, рассказывал ей смешные истории из местиой жизни и всячески старался подбодрить, прогнать ее мелаихолию и убедить, что главное сейчас ие иервиичать, а спокойно лечиться.

Когда Артур встал, собираясь уходить, в дверь постучали. В комиату вошел Айвар, тоже немиого комичный в слишком коротком халате. Ои смутился, увидев двоюродиого брата, ио тут же успокоился и с тревогой посмотрел иа Аниу.

— Я приехал... но, может, ты устала?

— Хорошо, что ты приехал, Айвар... — сказала Анна. — Садись. Расскажи, что у нас нового.

Артур пожал руку Анне и сказал брату:

— Когда будешь уходить, заверни ко мне. Я буду в укоме.

— Ладно, зайду, — пообещал Айвар.

Артур ушел.

Присев на край стула и положив руки иа колеии, Айвар смотрел на Аину и не знал, что ей сказать. Сердце его переполняли нежиые чувства, но слов не находи-

лось. Хотелось легко погладить лоб Анны, подержать в своих руках ее руку, чтобы вся ее боль перешла в его тело.

— Надо было тебя тогда послушаться... — заговорила Анна. — Может, не произошло бы этого.

— Если тебе трудно, не говори, Аннушка... — перебил ее Айвар. — Я посижу так.

— Не преувеличивай, Айвар... — улыбнулась Анна, вспомнив, что эти же слова она произнесла несколько недель назад. И это показалось забавным. — Не так уж плохо со мной, отделалась небольшой царапиной.

— Но что могло случиться! — Из груди Айвара вырвался почти стон.

Анна удивленно посмотрела на него. Глубокая скорбь на его лице взволновала девушку до глубины души.

— Что могло случиться... — повторил Айвар. — Не было б больше тебя и тогда... — он осекся и смутился.

— И что тогда, Айвар? — спросила Анна.

— Это было бы огромным несчастьем, — шептал Айвар. — Не было бы тебя...

— Ты жалел бы меня? — Анна попыталась засмеяться, превратить разговор в шутку. — Ничего хорошего я тебе не сделала.

Айвар грустно улыбнулся и молчал.

«Какой он сердечный... — думала Анна. — Какое доброе у него сердце... Все Лидумы прекрасные люди».

Так разговор и не наладился. Они почти все время молчали. А через двадцать минут в комнату вошла дежурная сестра и сказала:

— Время истекло. Больной нужен покой.

Сестра ушла. Айвар поднялся и протянул Анне руку.

— Если не будешь возражать, через несколько дней приеду опять.

Неслышными шагами вышел он из комнаты и, закрывая тихо дверь, еще раз робко взглянул на девушку. А когда в коридоре затихли шаги Айвара, Анна подумала:

«Он был сегодня какой-то странный... не такой, как всегда. Может, и с ним что-нибудь случилось?»

Дождевые тучи уже прошли. Над городком снова сияло осеннее солнце. В комнатке стало светлее. Посветлели и мысли Анны.

6

В канун годовщины Великой Октябрьской социалистической революции из Риги приехала Валентина. Вечером вместе с Ильзой и Артуром она пошла в уездный Дом культуры на торжественное собрание и праздничный концерт, в котором выступали и местные коллективы художественной самодеятельности и столичные артисты. В перерывах Валентина встретилась со старыми знакомыми из партизанского соединения Артура Лидума, которые после войны остались в уезде и сейчас работали в партийном и советском аппарате. В разговорах о недавних, проведенных вместе боевых годах время летело быстро; все тогдашние трудности и опасности казались им теперь несказанно прекрасными и привлекательными, малейшая подробность какого-нибудь геройского поступка сейчас была озарена чудесным сиянием, — всем им казалось, что это было самым прекрасным временем в их жизни.

Сидя среди друзей, Валентина шепнула Артуру:

— Я здесь чувствую себя как дома... Словно это мои родные места. Не странно ли, Артур?

Артур улыбнулся и пожал руку Валентины.

— А Москва? — спросил он.

— Москва — родной дом для всех советских людей... — ответила Валентина. — Все равно, где бы ни качали его в зыбке, каждый попавший в Москву чувствует себя там как дома. Другого такого города нет во всем мире, и я его люблю так, как только может человек любить самое близкое и дорогое. И ты ее полюбишь на всю жизнь в тот день, когда впервые попадешь туда, — это для меня яснее ясного. Но после Москвы я нигде не чувствую себя так хорошо, как здесь. И знаешь, почему?

— Ужасно хочется знать.

— Потому, что ты здесь... Если б ты знал, как хорошо, что в начале войны я приехала в Латвию... и как ужасно было бы, если я тогда не приехала бы сюда.

— Почему, милая? Тогда тебе навряд ли пришлось бы шататься по лесам, переживать все эти ужасы и трудности.

— Но тогда я бы не встретила тебя и мы никогда, никогда не знали бы друг друга. Если б я верила

в судьбу, то могла бы сказать, что это было суждено... мне надо было найти тебя, а тебе меня...

Прижавшись друг к другу, соединив в робкой ласке руки, как очарованные, сидели они среди этого множества людей и чувствовали себя так, будто находились здесь одни.

Потом Артур познакомил Валентину со своими друзьями и товарищами по работе. Там были председатель уездного исполнительного комитета Пилаг — тот самый учитель, под руководством которого Артур начал свою революционную деятельность; стройный майор госбезопасности Индрикис Регут со своей молодой женой Мартой — бывшей санитаркой дивизии; здесь же находились старые подпольщики и молодое поколение, выросшее за время Великой Отечественной войны, — и все они жали руку Валентине, как своему близкому товарищу и приветствовали ее простыми дружескими словами. Девушке казалось, что в этот вечер она попала в большую семью, членом которой она стала со времени своего знакомства с Артуром. Никто не спрашивал, почему она здесь и что для нее значит Артур, — каждый понимал это без слов и считал вполне естественным и правильным ее присутствие.

Они пошли домой пешком, а после ужина еще долго беседовали о своей жизни и работе.

Когда Артур рассказал Валентине о нападении бандитов на Анну, лицо девушки потемнело. Она уже раньше слышала про Анну Пацеплис, но ни разу еще не встречалась с ней.

— Разрешают ли посещать Анну? — спросила Валентина. — Мне очень бы хотелось познакомиться с ней.

— Пойдем завтра в больницу, — предложил Артур. — Она будет рада твоему посещению.

Ильза в тот день уже навестила Анну и поэтому решила остаться дома.

— Врачи будут возражать, если сразу придет так много людей... — заметила она. — Не исключено, что и Айвар приедет.

— Наверно, приедет, — сказал Артур.

— Кто это? — поинтересовалась Валентина и посмотрела на Ильзу и Артура.

— Мой племянник... двоюродный брат Артура... — пояснила Ильза. Она замолчала, но ее серьезный, задум-

чивый вид заставил Валентину подумать, что Ильзе хочется многое рассказать про своего племянника.

— Он молодец-парень, — добавил Артур. — Вместе с Анной был на фронте и дрался в рядах Латышской дивизии.

— Фронтовые друзья... — сказала Валентина и лукаво улыбнулась. — Как мы...

— Почти... — тихо ответил Артур.

...После обеда Артур с Валентиной ушли в уездную больницу.

Анна сидела в глубоком кресле у окна. Раненая рука попрежнему висела на перевязи. На коленях лежала раскрытая книга.

— Поздравляю с праздником! — заговорил Артур и крепко пожал здоровую руку. — Сиди, сиди, не вставай, ты ведь больная. Разреши тебя познакомить с Валентиной Сафроновой — моим боевым товарищем и дорогим другом.

Анна все же поднялась и сделала несколько шагов навстречу Валентине. Поздоровавшись, девушки несколько мгновений не знали, что сказать, и с некоторым смущением оглядывали друг друга, стараясь составить первое впечатление о новой знакомой, которое так часто бывает решающим.

«Прекрасная девушка... — подумала Валентина. — Какие ясные глаза и милое лицо...»

«Она должна быть хорошей и чудесной... — решила Анна. — Вероятно, мы станем хорошими друзьями...»

Валентина принесла букет поздних осенних цветов. Пока Анна ставила их в воду, все стояли молча. Поставив вазу с цветами на столик возле кровати, Анна пригласила гостей садиться, а сама вернулась на прежнее место у окна.

Вначале разговор не клеился. Артур рассказал Анне, как идут очередные работы в Пурвайской волости, и, наверное, стал бы знакомить с положением в уезде, если бы во-время не вмешалась Валентина и не взяла нить разговора в свои руки.

— Судя по тому, что я о вас слышала от Артура и Ильзы, вас, наверно, сильно угнетает больничная обстановка? — спросила она.

— Я была бы счастлива, если бы меня выписали уже сегодня, — ответила Анна. — Чувствую себя виновной

перед всем светом: все чем-нибудь заняты, только я лодырничаю. Мне такое поведение кажется безнравственным.

— Вы не умеете болеть, вот в чем несчастье, — улыбнулась Валентина. — Но и этому надо научиться, это большое искусство.

— Весьма ценное искусство.... — усмехнулся Артур. — Я как-то знал одного такого виртуоза, который только четыре месяца в году работал, а остальные восемь бюллетенил, хотя был здоров, как мы с тобой.

— Я не говорю о симулянтах, Артур, — возразила Валентина. — Хотя, по существу, и они больны — болезнью лени, которую может вылечить только очень опытный врач.

— Для таких больных лучшим лекарством является критика и голод, — заметил Артур.

— А если не поможет ни то, ни другое? — слабо улыбнулась Анна. Этот разговор немного забавлял ее.

— Тогда такого человека не спасти — он погибнет, — ответил Артур. — Общество станет беднее на одного себялюбца, и каменотес высечет на гранитной или мраморной надгробной доске бессмертные слова: «Здесь покоится шкурник — он жил только для себя и любил единственно себя. Мир праху его».

— Почему «мир праху его»? — возразила Валентина. — Мир можно пожелать такому, кто прожил неспокойную, напряженную жизнь. Тогда уж лучше сказать так: «Лучше, что его больше нет». Каково ваше мнение, Анна?

— Я думаю, что таким людям вообще не стоит ставить надгробные плиты, — сказала Анна. — Для чего вспоминать паразитов, плутов, негодяев, которые живут за счет своих ближних?

— Правильно, — вставила Валентина: — Повернемся и мы к ним спиной и будем говорить о других. Когда вы в последний раз были в Риге?

— В начале июля.

— Так давно? Вам, наверно, не нравится город?

— Я так мало жила в городе, что мне даже трудно судить об этом. Нравиться или не нравиться может только то, что мы хорошо знаем.

— А там... в волости, где вы живете, вам нравится?

— Там мне еще многое не нравится, но я надеюсь,

что со временем мы это изживем и приятное, хорошее, ценное восторжествует над неприятным, плохим и нестоящим. Приезжайте когда-нибудь к нам, и сами увидите, сколько нового и прекрасного у нас есть уже сегодня.

— Мне обязательно надо повидать это, пока оно еще не устарело. Имейте в виду, что вы разговариваете с представителем печати, а этот сорт людей ужасно любознателен, всегда боится, как бы не опоздать, не пропустить что-нибудь. Вашим приглашением я воспользуюсь при первой возможности. Но, может, вы жалеете, что связались со мной?

Анна улыбнулась: эта смелая, энергичная девушка ей нравилась.

— Это покажет будущее. Пока нет причин жалеть.

— А если я напишу газетную статью о вас и расскажу о вашей работе в волости, о готовящемся наступлении на Змеиное болото?

— Только с одним условием: не хвалить меня в статье. Пишите о трудностях, которые приходится нам преодолевать, расскажите об ошибках и недостатках, критикуйте, где это нужно, только не прибавляйте чего-нибудь ради красоты: люди очень хорошо все знают и понимают, и если найдут, что там что-нибудь присочинено, то не примут всерьез и остальное. Наша жизнь достаточно красива и интересна даже без прикрас. Покажите ее такой, какова она на самом деле, и укажите, что в ней надо исправить, — и мы будем вам благодарны.

— Я учту это Спасибо за хороший совет.

Они проболтали втроем целый час. Валентина рассказала Анне об учебе в партийной школе и посоветовала в следующую осень поступить в школу.

— Не откладывайте это в долгий ящик. В наши годы учеба дается легче всего.

— Это зависит не только от меня... — сказала Анна, многозначительно посмотрев на Артура. Ее взгляд не остался незамеченным Валентиной. Теперь и она посмотрела на Артура — пристально и вопросительно.

— Артур, ты слышал? — почти укором прозвучал голос Валентины. — Анна хочет учиться в партийной школе. Разве по этому вопросу тебе нечего сказать?

— Думаю, что Анна имеет право на это, — ответил Артур. — Убежден, что не найдется ни одного чело-

века — ни здесь в уезде, ни в Риге, — кто попытался бы это право оспорить.

— Ты это не забудешь до следующей осени? Слово и дело? — продолжала Валентина.

— Если хочешь, могу удостоверить письменно, — сказал Артур так торжественно, что Валентина и Анна не могли удержаться от смеха.

— Когда будете в Риге, обязательно навестите меня... — прощаясь, наказывала Валентина. — И если не возражаете, перестанем «выкать», перейдем на ты. Можно?

— Конечно, можно... — ответила Анна, растроганная простотой и сердечностью Валентины.

Когда Артур с Валентиной вышли из комнатки Анны, какой-то человек поднялся со стула в углу ожидальни и кивком головы приветствовал их.

— Ты, Айвар! — воскликнул Артур. — Давно здесь?

— Как тебе сказать... — ответил Айвар, смущенно улыбаясь.

— Почему вы не заходили? — спросила Валентина после того, как Артур познакомил ее с двоюродным братом.

— Боялся потревожить... — сказал Айвар и неизвестно почему опустил глаза.

— Тогда не прохлаждайся в коридоре, — поторапливал его Артур. — Заходи сейчас же. Поболтаем потом — ты ведь зайдешь к нам?

— Конечно...

Выйдя на улицу, Артур посмотрел на Валентину и, улыбаясь, промолвил:

— Ты слышала, Валюк, — он боялся нас потревожить. Что ты на это скажешь?

— Что тут смешного, Артур?

— Ведь мы бы их потревожили, а не они нас. Ты понимаешь?

— Ты думаешь, что они...

— Я так думаю. Но мне кажется, они сами сегодня еще не понимают, что с ними происходит, в этом-то и скрыто смешное.

— В этом тоже нет ничего смешного, Артур. Я думаю, это прекрасно... Любить, чувствовать, но не знать всего... помнишь, Артур, как долго мы сами молчали?

— Почти три года, Валюк...

— И разве было плохо... или смешно?

— Нет, было хорошо и правильно.

— Вот видишь. Поэтому разрешим и другим поступать так же.

— Один — ноль в твою пользу! — Артур нагнулся к самому уху Валентины и прошептал: — Я вижу, что когда-то у меня будет самая умная и наилучшая жена в мире. Понимаешь ли ты, как мне везет?

— Если ты и впредь будешь так насмехаться, то... нет, лучше не скажу.

— Почему? Ну, скажи. Мне ужасно хочется знать.

— Все-таки не скажу. Я хотела тебя немного попугать, но во-время вспомнила, что это никуда не годится: ведь другу никогда не грозят, а кто грозит, тот не может быть другом...

— Два — ноль в твою пользу!

7

Вместо предполагаемых двух недель Анне пришлось пробыть в больнице целый месяц. Наконец настал день, когда ее выписали — с условием, что последний этап лечения она проведет в домашних условиях под наблюдением участкового врача Зултера.

Ильза пришла за Анной в больницу и увела ее к себе домой. Артур в тот день был на заседании бюро укома партии — домой его можно было ждать только к полуночи.

— Артур просил тебя не уезжать, пока не повидаешься с ним, — сообщила Ильза. — Он хочет переговорить с тобой по какому-то важному вопросу. Переночуй у нас. С утра шофер Артура доставит тебя в волость.

— Зачем беспокоиться, я могу уехать поездом, — сказала Анна.

— Чтобы потом два часа месить грязь до исполкома! Нет, Аннушка, это ты сделаешь позже, когда будешь совсем здорова. Разреши уж нам еще немного поберечь тебя — сама ты себя беречь не умеешь.

Позже Ильза предложила:

— Если ты устала, приляг на диван, полистай журналы. На несколько часов я оставлю тебя одну.

— Пойдешь в исполком?

— Нет, Аннушка... — лицо Ильзы озарилось глубокой, добродушной улыбкой. — Сегодня мне надо навестить своих детей...

Анна непонимающе посмотрела на Ильзу.

— У меня их много, — продолжала Ильза, — больше, чем у любой матери. Такие милые мальчонки и девчурки... Сироты павших воинов и партизан... Если б ты так не устала после болезни, я б их тебе показала. Минут двадцать езды на машине.

— Обязательно покажи, милая Ильза! — воскликнула Анна и сразу встала. — Я поеду с тобой.

— Не будет ли тяжело тебе? — засомневалась Ильза. — Дорога плохая, машину будет трясти...

— Ты ведь знаешь, что я несколько лет ездила по фронтовым дорогам. Хуже не будет, чем там было.

— Ну, как знаешь...

И они отправились к уездному исполкому, где их ждал шофер с маленьким «газиком».

Детский дом был устроен в одной из брошенных кулацких усадеб, километрах в двенадцати от города. Настоящее полупоместье, напоминающее усадьбу Урги: большой яблоневый сад, красивый двухэтажный дом с шиферной крышей, за обширными полями озерко и похожий на парк еловый лес. Часть земли была отдана сельскохозяйственной кооперации, другую часть детский дом использовал как подсобное хозяйство.

Когда «газик», в последний раз фыркнув, остановился у крыльца жилого дома, в окнах нижнего этажа показалось много детских лиц. Узнав Ильзу, дети заулыбались, забарабанили пальчиками по стеклу и замахали ручонками. На крыльцо вышел директор Креслынь — мужчина лет пятидесяти с пышными, подернутыми сединой усами, с протезом вместо левой ноги.

— Инвалид войны... — шепнула Ильза. — Старый, опытный учитель. Двух сыновей потерял на войне...

— Мы уже думали, сегодня не приедете... — сказал Креслынь, помогая Анне и Ильзе выбраться из машины. — Малыши мои совсем было опечалились. Хорошо, что приехали, товарищ Лидум, — сегодня Андрису Эмкалну исполняется пять лет.

— Я этого не забыла, товарищ Креслынь... — ответила Ильза. — Первый юбилей — как его можно пропустить?

Сняв пальто в кабинете директора, Анна с Ильзой пошли за Креслынем. У старших детей были классные занятия, поэтому пошли к малышам.

В большой солнечной комнате, где было много разнообразных игрушек, их ожидало четырнадцать мальчиков и девочек от трех до шести лет. Они играли под руководством воспитательницы: строили из разноцветных кружков башенки, а из деревянных брусочков и дощечек — разные постройки.

Дети побросали игрушки и подбежали к гостям.

— Ильза! Тетя Ильза! — радостно щебетали они, облепив ее, ухватились за юбку и не отпускали.

Для каждого у Ильзы нашлось теплое слово, она гладила детские головки, а самых маленьких усадила на колени. И те сразу занялись пуговицами Ильзиной кофты. Подарки Ильзы — пакетик с конфетами, маленькие цветные картинки, тетрадки для рисования и коробочка с красными, зелеными и синими карандашами — сейчас же были розданы, никто не остался в обиде. Сегодняшний юбиляр — сын павшего в боях у Нарвы Юриса Эмкална маленький Андрис — получил особый подарок: красивую книжку с картинками и губную гармошку.

Когда дети достаточно нарадовались, произошло то, что растрогало Анну до слез: каждый ребенок разыскал в своих игрушках что-нибудь такое, что ему казалось самым красивым и дорогим, и началось ответное отдаривание Ильзы и Анны. Гостям несли цветную картинку, собственный рисунок, бумажку от конфеты, ракушку или гладкую гальку, найденную на берегу озера.

— Бери, тетенька, я тебе отдаю... — говорили они с раскрасневшимися от волнения щечками, с искрящимися глазенками. Это были подарки от чистых сердец, дары любви, доказательства чувств дружбы.

— Спасибо, милый мальчик... — шептала Анна. — Спасибо, девочка...

Она, так же как Ильза, по очереди брала на колени детей, ласкала их.

— Ты будешь моей мамочкой... — щебетали они, прижимаясь к ней. — Я тебя буду любить...

Не было сомнения, что в детском доме им живется хорошо, об этом говорили их здоровый вид, чистые личики, одежда, доверчивое отношение к своим воспи-

тателям и Креслыню, — все же тоска по отцу и матери, которую сама природа вложила в душу каждого живого существа, снова и снова, как неугасимый язычок пламени, разгоралась при каждой встрече с добрым взрослым человеком. Своего отца и свою мать хочет иметь каждый ребенок.

Видя, с какой задушевностью Ильза разговаривает с детьми, рассказывает сказки и простыми, понятными словами говорит с ними о разных вещах и событиях, одаряя каждого богатством своих чувств, — Анна поняла, что Ильза заменяет всем этим детям мать.

««Какое любвеобильное сердце... — думала Анна. — Не только Артур... Айвар, Валентина и я сама — все мы для нее словно родные дети, о каждом из нас она заботится с материнской любовью, живет нашими радостями и горестями и свое счастье находит в нашем счастье. Но ее душевное богатство столь огромно, что одних нас ей не хватает: света, любви, пламенного материнского чувства у Ильзы так много, что она в состоянии согреть и этих малюток и рассеять тень сиротства в их жизни... Милая, добрая Ильза... прекрасно быть такой, как ты...»

Они провели в детском доме несколько часов, повидались и со старшими детьми, которые уже учились, осмотрели комнаты, где жили дети, ознакомились с хозяйством, побеседовали с воспитателями и присутствовали на ужине. Все виденное преисполнило Анну глубоким убеждением, что эти дети вырастут счастливыми, станут настоящими, ценными людьми — борцами и строителями коммунизма, какими были их родители. Кто сказал, что они сироты? Они не сироты и никогда ими не будут! Об этом позаботится партия и советская власть, о них каждодневно заботится любящий отец всех обездоленных — товарищ Сталин. И чтобы было так — здесь же, рядом с ними, их добрая мать — тетя Ильза...

— Бедная Аннушка, я тебя совсем замучила, — сказала Ильза, когда они сели в машину и отправились обратно. — Получу еще выговор от Артура.

— Очень хорошо, что ты взяла меня с собой... — ответила Анна. — Эта поездка у меня на всю жизнь останется в памяти. Теперь я узнала еще про один долг в жизни, о котором мне всегда придется думать.

...Поздно вечером, придя из укома партии, Артур поведал Анне, о чем он хотел с ней побеседовать.

— Как-то летом ты мне говорила, что кое-кто из крестьян вашей волости начинает поговаривать об организации колхоза. Как обстоит с этим делом сейчас? Не заглохли разговоры?

— Нет, Артур, разговоры все усиливаются, — ответила Анна — До сих пор я не форсировала этого дела и давала людям вынашивать свою думу. Но, мне кажется, слишком тянуть с этим не надо.

— Тянуть не надо. Недавно мы обсуждали этот вопрос в укоме. После этого первый секретарь был в Риге и советовался в Центральном Комитете партии. Полагают, что можно начинать.

— Центральный Комитет одобряет? — Анна чуть не вскрикнула от радости.

— Да, одобряет. Только советует не торопиться. Это будут первые шаги в этой области. От того, сколь правильно и успешно мы будем их делать, зависит все дальнейшее. Первую борозду нам гнать не придется, это уже сделали елгавские крестьяне, организовав первый колхоз в Латвии. Нам теперь надо создать первый колхоз в нашем уезде. Если ты готова к этой работе, то Пурвайской волости выпадет честь показать путь в будущее.

— Я готова, Артур...

— Ладно, Анна. Все мы тебе поможем. Первый колхоз в уезде — это дело не только пурвайчан, а и вопрос чести всей уездной партийной организации, поэтому ни один коммунист не вправе стоять в стороне и смотреть, как ты будешь с этим справляться.

Еще несколько часов они обсуждали, как успешнее справиться с этим огромным заданием.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Вернувшись в волость, Анна убедилась, что за время ее отсутствия действительно ничто не стояло на месте: Пурвайская волость рассчиталась с государством по всем видам заготовок, свекла была свезена на приемный пункт, работы по лесозаготовкам подходили к концу. Финогенов вместо Анны руководил политкружком и помогал в работе волостной комсомольской организации.

Когда стало известно, что Анна снова вышла на работу, к ней явилась делегация пионеров. Они с увлечением рассказывали, как помогали взрослым убирать урожай, как собирали на полях колосья и как агроном Римша занимался с ними в кружке юных мичуринцев. Больше всего они радовались тому, что удалось получить семена ветвистой пшеницы и кок-сагыза: следующей весной можно будет устроить опытные площадки, а через несколько лет уже будут первые поля кок-сагыза и ветвистой пшеницы. Исследовательская бригада закончила свои работы на Змеином болоте и на прилегающих к нему землях. В одно из воскресений члены мелиоративного товарищества собрались в Народном доме, и Айвар познакомил их с проделанной работой. Собранные материалы надо было сдать проектной организации и до весны разработать подробный технический проект и все расчеты. Когда все это будет готово, членов мелио-

ративного товарищества познакомят с проектом и затем его рассмотрит экспертная комиссия. Следовательно, Айвару придется до весны еще раз приехать сюда.

Когда Айвар пришел прощаться с Анной, он напомнил ей об одном обещании.

— Помнишь, ты сказала, что до следующей весны в Пурвайской волости будет колхоз. Газеты пишут, что в Елгавском уезде уже создан один.

— Да, «Накотнэ»[1]... — задумчиво сказала Анна. — Это значит — лед тронулся, и у нас уже есть пример, которому можно следовать. Теперь я твердо уверена, что скоро будет и у нас колхоз. В ближайшее время я займусь этим, из укома получено задание.

— Тогда я не сомневаюсь, что до весны действительно здесь будет колхоз.

Айвар уехал, обещав в конце зимы навестить пурвайчан. Вместе с ним уехал Жан Пацеплис на курсы механизаторов сельского хозяйства.

В Пурвайской волости еще с прошлого лета назревали важные события. Регут, проработавший во время войны несколько лет в одном из колхозов Алтайского края, при каждом удобном случае рассказывал соседям об этом и сумел рассеять ложные представления о жизни в колхозе. У всех еще были свежи в памяти усердно распространявшиеся в буржуазной Латвии враки, анекдоты и ругань по адресу колхозов. Кулаки и подкулачники всячески заботились о том, чтобы эта клевета не забывалась.

Крестьяне часто спрашивали Анну об условиях жизни в колхозах, о личной и общественной собственности, об организации и распределении доходов. Анна сама стремилась вызвать крестьян на разговоры, касающиеся этих трудных и сложных вопросов. Она знала, эти вопросы не дают покоя крестьянам, и по возможности обстоятельно разъясняла их. Когда ее познаний не хватало, она обращалась за советом в уком партии и в Министерство сельского хозяйства. Анна тщательно изучала каждую строчку, посвященную колхозам, которая появлялась в центральных республиканских газетах, а позже организовала поездку делегации пурвайских крестьян в Елгавский уезд, где успешно развивалась первая в Совет-

[1] «Будущее».

ской Латвии сельскохозяйственная артель «Накотнэ». Члены делегации стали самыми лучшими агитаторами коллективизации. Словно какое-то откровение слушали крестьяне и крестьянки Пурвайской волости рассказы членов делегации, их интересовали мельчайшие подробности новой жизни. Под натиском правды развеялась дымовая завеса лжи, а вместе с нею и сомнения крестьян. Ясно видимый, осязаемый, живой и наглядный стоял сегодня колхоз перед глазами всего народа, и все чаще умы людей занимала настойчивая мысль: а что, если и нам попробовать?

Артур прислал Анне несколько книг о колхозах, примерный устав сельскохозяйственной артели. Ознакомившись с ними подробно, парторг начала знакомить с уставом волостных активистов и некоторых крестьян. Устав пошел по рукам, каждый параграф до мельчайших подробностей обдумывался, подвергался тщательному разбору на семейных советах, потом собирались соседи и снова все взвешивали, а когда что-нибудь было неясно, шли к Анне или Регуту и просили разъяснения. Кулаки иронизировали и продолжали запугивать старыми страхами, кое-где по утрам находили грязные листки с угрозами и «добрыми советами» землякам. «Бога ради, не вступайте в колхоз, скоро начнется война, и англичане не простят тем, кто вступил в коммуны!» — вещала эта стряпня черного подполья. Некоторым крестьянам присылали по почте угрожающие письма, пугали расплатой, если адресат не послушается и вступит в колхоз: сожгут усадьбу, а самого прикончат.

Вот в такой атмосфере назревало большое событие, которое перевернуло в конце зимы всю жизнь Пурвайской волости. До этого Анна поговорила почти со всеми бедняками и середняками волости и знала их мнение. Сорок шесть семейств пожелали объединиться в сельскохозяйственную артель, но только у тридцати двух земли находились сравнительно близко друг от друга в той части волости, которая соприкасалась со Змеиным болотом, остальные были разбросаны по всей территории волости подобно маленьким островкам в море. Все эти крестьяне уже были членами сельскохозяйственной кооперации и за послевоенные годы успели накопить небольшой опыт совместной работы: кроме своей земли, члены кооператива за прошлый год коллективно обра-

ботали земли бесхозных хозяйств — земли, оставленные кулаками; товариществу принадлежал старый трактор, несколько косилок и две молотилки.

— По слогам уже разбираем, теперь пора начать читать, — шутил председатель правления сельскохозяйственной кооперации Клуга. — Вот только достать бы хорошую, умную книгу.

...В воскресное утро по всем дорогам к пурвайскому Народному дому тянулись люди, пешком и на повозках. Прибыли председатель уисполкома Пилаг и второй секретарь укома партии Артур Лидум; вместе с ними приехала Валентина Сафронова, которую Анна известила письмом о предстоящем важном событии.

Председатель уездного исполкома Пилаг в начале войны эвакуировался на Урал, а позже вступил добровольцем в Латышскую стрелковую дивизию и стал полковым агитатором.

— Если подумать, товарищи, мы сегодня соучастники большого исторического события, — сказал Артур, когда в одной из комнат Народного дома собралось все руководство Пурвайской волости. — Первая сельскохозяйственная артель в уезде! Это начало целой революции, и мы имеем счастье быть крестными отцами этого события А тебе, Валя, суждено увековечить это событие вдохновенной статьей.

— Кто знает, как у меня получится... — улыбнулась Валентина — Слишком ответственное задание.

Все были в приподнятом настроении. Каждое слово, каждое движение свидетельствовали о глубоком внутреннем волнении. Сознание ответственности за предстоящее, как огромная гора, давило Анну: «Все ли сумеем провести правильно, хватит ли у нас мужества до конца, не начнет ли кто-нибудь из нас сомневаться? Как будет вести себя враг? На собрание придут разные люди, из любопытства проберется кто-нибудь из кулаков. Вдруг случится что-нибудь непредвиденное, и все расстроится — как отвечать перед партией? Хорошо, что приехали и Артур и Пилаг, у них опыта больше, чем у меня».

Наконец Регут сообщил, что собрание можно начинать; зал переполнен так, что не проскочить и мышонку.

— Тогда пойдемте, — сказал Артур.

Гайда Римша с комсомольцами всю предыдущую

ночь украшала зал. Вдоль стен, на окнах и у дверей стояло много цветов, в помещении пахло хвоей, и это создавало праздничное настроение. Через весь зал были протянуты гирлянды красных флажков; над стеной, где помещался стол президиума, сверкали золотыми буквами лозунги, а в центре сцены на высоком постаменте стоял бюст товарища Сталина, обвитый цветами.

Анна, Регут, Пилаг, Артур, Финогенов и руководящие работники волостного исполкома сели за стол президиума, Валентина осталась в зале.

В обширном помещении, положив на колени натруженные руки с узловатыми пальцами, сидели молодые и старые люди с обветренными лицами, полные напряженного ожидания. Спокойствие и уверенность, светлые надежды и затаенную злобу — все можно было прочесть на этих разных лицах. Каждый пришел сюда со своими чувствами, и каждый верил в свою правду. «Почему так нужно?» — спрашивала сегодня не одна пара глаз, стоя у порога новой жизни; их предки из поколения в поколение прожили свой век, шагая по знакомой дороге, протоптанной отцами и дедами, а теперь, когда впереди раскрывался новый и неизвестный горизонт, он пугал их неизведанной новизной. Но большинство не сомневалось, а верило, выносив свою веру за долгие дни и ночи дум и размышлений. Во взглядах кулаков тлела темная злоба и ненависть. Под их ногами колыхалась земля, и трещали устои их мира; они не стояли на распутье, отнюдь нет, — им не суждено было переступить порог новой жизни, а сохранить старую не позволяло это бурное время; сгнить, сгинуть, сойти с житейской арены — такова теперь была их участь.

Анна кратким вступительным словом открыла собрание. Она сообщила, что более сорока хозяйств Пурвайской волости выразили желание объединиться в сельскохозяйственную артель и поэтому созвано собрание. Анна призвала жителей волости обсудить все вопросы со всех сторон и рекомендовала каждому участнику собрания самостоятельно решить вопрос о своем будущем.

После этого она попросила Регута зачитать текст примерного устава сельскохозяйственной артели.

Регут надел очки и, став на маленькую трибуну, медленно и громко прочел текст устава. Пока он читал, в зале царила глубокая тишина. Крестьяне старались не

пропустить ни одного слова. Наморщенные лбы, глубокая серьезность и задумчивость на лицах собравшихся свидетельствовали, что каждый из них напряженно обдумывает услышанное. Когда Регут кончил чтение, Анна просила участников собрания задавать вопросы и высказываться.

— Чего тут много мудрить? Надо организовать колхоз и приступать к работе! — крикнул с места Алкснис, один из тех сорока шести, которые давно уже заявили о готовности объединиться в артель.

— Свинья в стаде не откармливается! — раздался голос с задних рядов. — В старину латыши знали, почему так говорили...

— Поэтому бароны да кулаки и могли так долго издеваться над нами, — послышался ответ Индриксона, крестьянина-бедняка.

— А что, жен и детей тоже объединить придется? — послышался вопрос, и присутствующие кулаки сразу зафыркали. — Как с собаками и кошками? У меня дома каждой твари по паре.

— Ты, сосед, наверно по утрам уши не моешь, поэтому плохо слышишь, — спокойно заметил ему Регут. — Иначе слышал бы, что в уставе сказано.

— Чего мне слышать эту премудрость! — выпалил подстрекаемый кулаками крестьянин. — Я и не подумаю вступать в ваш колхоз.

— Тогда не мешайте говорить тем, кто думает вступать, — сказала Анна. — Иначе собрание может попросить вас оставить помещение.

После этого выкрики прекратились и собравшиеся начали задавать деловые вопросы: о размерах приусадебного участка, личной собственности колхозников, о порядке исчисления трудодней на различных работах и о том, каковы обязанности членов семей колхозников в колхозе. Пришлось снова вернуться к уставу, еще раз прочесть некоторые статьи и на примерах пояснить непонятные места. На вопросы отвечали Анна и Регут, а в некоторых случаях приходили на помощь Пилаг и Артур.

Кулаки тесной кучкой сидели в задних рядах и слушали. Только Кикрейзис несколько раз просил слова и задавал вопросы.

— Если я не желаю вступить в колхоз, что мне за это

может быть? А если вступлю, сколько мне заплатят за лошадей и машины? У многих будет только по полудохлой лошаденке да по старому плугу, а у меня целых четыре сильных рабочих лошади и разные машины. Я думаю, что имею право на оплату, если не за все, то хотя бы за часть.

— Вот что, сосед, — ответил Регут, — прежде всего нужно, чтобы колхоз согласился принять тебя в члены, но вряд ли кто захочет этого. Сельскохозяйственная артель — это такое место, куда кулакам вход воспрещен.

По залу прокатился смех. С постным лицом сидел в одном из первых рядов Антон Пацеплис. Он не задавал никаких вопросов, только слушал и думал. Когда собрание осмеяло Кикрейзиса, лицо Пацеплиса осталось серьезным.

— Твоих лошадей, Кикрейзис, и все твои машины помогли тебе приобрести батраки и малоземельные крестьяне, — продолжал Регут. — Мне самому пришлось два года батрачить на твоих полях и лугах. Если передашь лошадей колхозу, это будет правильно, а об оплате лучше не мечтай.

— А если я не вступлю в колхоз, тогда что? — снова выкрикнул Кикрейзис. — Почему не отвечаешь на вопрос, Регут?

— Уговаривать тебя никто не станет, — сказал Регут. — Колхоз обойдется и без тебя.

Затем слово взял Пилаг. Поздравив инициаторов, он рассказал об опыте коллективизации в других советских республиках, о кулацкой хитрости и разных уловках — как они пытались пробраться в колхозы и захватить руководящие посты, чтобы потом разваливать артели изнутри; рассказал о разных крайностях и перегибах, о борьбе с лодырями, лжеколхозниками, о правильной организации труда. Делая первые шаги и закладывая фундамент новой артели, надо использовать этот опыт и не повторять ошибок пионеров колхозной жизни. Затем Пилаг остановился на преимуществах социалистического хозяйства перед индивидуальным, говорил о политическом значении коллективизации и об огромных перспективах, раскрывающихся перед крестьянством Латвии.

— Вдумайтесь, товарищи, в слова, записанные во втором параграфе примерного устава: «Все межи, разде-

лявшие ранее земельные наделы членов артели, уничтожаются, а все полевые наделы превращаются в единый земельный массив, находящийся в коллективном пользовании артели». Уничтожив межи на своих землях, вы уничтожите и все то, что до сих пор разъединяло людей, уничтожите старое и создадите новое, лучшее. Как на полях вашего молодого колхоза скоро заработают тракторы и комбайны, так и в вашей новой жизни начнут действовать новые, доселе вам неведомые силы: единство цели, согласованность стремлений, светлые силы человеколюбия, дружбы и товарищества. А когда все это придет, перед вами отступят горы, и не будет больше таких крепостей, которые вы не смогли бы взять.

— Спасибо советской власти и партии за нашу новую жизнь! — выкрикнул какой-то новохозяин из середины зала, и его сразу поддержало большинство участников собрания.

— Спасибо товарищу Сталину! Да здравствует партия, да здравствует товарищ Сталин! — Отдельные возгласы слились в мощный ликующий аккорд. К ранее поданным сорока шести заявлениям прибавилось еще двадцать новых. Примерно одну треть заявлений пришлось пока не разбирать, так как земли этих крестьян находились слишком далеко, в стороне от общего массива нового колхоза.

— Поработайте еще некоторое время по-старому и переговорите со своими соседями, — посоветовал им Артур. — Когда соберется достаточно хозяйств с общей земельной площадью, сможете организовать самостоятельный колхоз или, по крайней мере, бригаду.

Каждого вступающего в колхоз обсуждали и оценивали, некоторым нерадивым дали почувствовать, что артель не потерпит в своей среде лодырей и лжеколхозников.

Когда дело пошло по такому руслу, Антон Пацеплис встал и вместе с Кикрейзисом выбрался из зала. Он опасался, как бы Анна перед всем народом не начала спрашивать его, что он думает делать. В Сурумах, когда она пришла агитировать его вступить в колхоз, он мог топнуть на нее ногой и прикрикнуть, чтобы не мешала молиться; здесь так действовать нельзя, поэтому лучше во-время убраться с глаз долой.

В тот день сорок хозяйств объединились в сельско-

хозяйственную артель. Новые колхозники решили назвать свою артель «Сталинский путь». Избрали правление и ревизионную комиссию. Председателем правления, по предложению Анны, единогласно избрали Регута. Во главе волисполкома должен был стать нынешний заместитель Регута — Бригис.

Когда собрание уже заканчивалось, к столу президиума подошла пожилая крестьянка.

— Дорогие товарищи, разрешите один вопрос? — обратилась она к президиуму.

— Спрашивайте смело, матушка Гандра... — с улыбкой ответила Анна.

— Теперь вот я вступила в колхоз, — начала Гандриене. — Скажите, можно будет ходить в церковь и как с крещением детей? Ведь нас растили богомольными, и с малолетства мы привыкли к божьему слову.

— Вступить в колхоз — не одно и то же, что вступить в партию или комсомол, — пояснил Артур. — Положение и убеждения члена партии, комсомольца несовместимы с верой в бога, посещением церкви и тому подобными вещами, ну, а если вы, став колхозницей, не можете обойтись без церкви и бога, никто вас за это не осудит. Молитесь себе, только не забудьте, что на колхозной ниве надо работать. За молитвы вам не зачтут ни одного трудодня.

— Ах, все-таки можно! — обрадовалась Гандриене. — Большое спасибо, большое спасибо. Не думайте, что я уж очень сильно в этого бога верю. Только так, немного, по старой привычке. Ведь трудно за один день отвыкнуть. Хочется иногда послушать, что этот Рейнхарт в своей проповеди скажет. Я коммунистов ужасно как люблю и иногда даже молю за них бога, чтоб им все хорошо удавалось. Я и сама ведь такая же божья коммунистка, только вот церковная служба мне еще нравится.

Продолжая благодарить и довольно улыбаясь, она вернулась на свое место и долго восхищенно что-то рассказывала своим соседям.

Собрание затянулось до вечера. Уже смеркалось, когда Анна проводила до машины Артура, Валентину и Пилага. Усталая, но счастливая, слушала она прощальные приветы отъезжающих крестьян и пожелания дальнейших успехов. Пилаг сел рядом с шофером, а Артур

и Валентина — на заднем сиденье. Когда машина скрылась за углом Народного дома, Анна медленно зашагала домой.

Была проделана большая работа — столь огромная, что многие сегодня еще не могли оценить ее по-настоящему.

2

Первые две недели колхоз существовал только формально. Совместные работы решили начать с весенней пахоты и сева, тогда же собирались свести вместе лошадей. Запасов сена не было, и правление колхоза решило оставить молочный скот до весны у колхозников, а молочно-товарную ферму организовать, когда скот начнет пастись.

В начале второй недели Регута и Анну вызвали в Центральный Комитет партии Латвии. Бюро ЦК заслушало доклад Регута об организации колхоза «Сталинский путь», подробно расспросило нового председателя о хозяйственной базе, о величине земельной площади, о количестве скота, о сельскохозяйственном инвентаре, числе трудоспособных колхозников и хозяйственных планах на ближайшее время. Бюро ЦК одобрило организацию колхоза, а Регута, простое и вдумчивое выступление которого произвело хорошее впечатление, — утвердило председателем артели, сильно покритиковав и исправив его хозяйственные планы. Правлению колхоза поручили незамедлительно организовать конеферму и молочно-товарную ферму.

Вернувшись из Риги, Регут созвал заседание правления и рассказал об указаниях ЦК партии.

— Пока каждый из нас будет ковыряться на своем старом клочке земли, а скот будет раскидан по всем усадьбам, колхозом не будет и пахнуть, — сказал Регут. — Изменится только вывеска, а жизнь потечет по-старому. Все равно когда-нибудь придется освобождаться от старых пут единоличной жизни. Так чем скорее, тем лучше. Если дожидаться весны, очутимся у разбитого корыта, доживем до того, что не будет молочного скота для фермы.

— Но все же колхозу трудно будет прокормить коров, — заметил член правления Мурниек. — В единолич-

ном хозяйстве легче. Там каждый найдет выход, сумеет вытянуть.

— Вот это — неверие в коллектив! — воскликнул Регут. — Я прежде сам так думал, но когда мне в Риге указали на мои ошибки, сразу понял, что так дело не пойдет и что это — взгляд отсталый. Что же получается: одиночка может сделать то, что не под силу коллективу! Если все так, то не было смысла объединяться. Мы объединились, чтобы быть сильнее и чтобы нам было по плечу то, на что не хватало силенок раньше. Как же вдруг колхоз стал таким немощным, а единоличник таким сильным? Внутри каждого из нас все еще сидит этот старый Адам, вот где собака зарыта. Нам его надо изгнать так, чтобы и духу его не было. А о корме для коров не тужите. Будет скот — будет молоко. Сдадим молоко государству, а государство поможет нам сеном и жмыхом — это мне в Риге обещали. Теперь подумаем, где нам устроить фермы и кого поставить заведующим.

— Коneферму можно разместить в Меллдерах, — предложил Клуга, назначенный бригадиром первой полеводческой бригады.

— Но ведь там конно-прокатный пункт! — воскликнул Мурниек. — Государственное предприятие!

— Конно-прокатный пункт ликвидируют, — пояснил Регут. — Министерство сельского хозяйства согласно пойти нам навстречу. Я говорил с заместителем министра. При организации колхоза эти пункты теряют значение.

— Тогда дело другсе, — сдался Мурниек.

— А животноводческую ферму очень хорошо разместить в Стабулниеках, — продолжал Регут. — На первое время помещений хватит. Когда скота прибавится, построим новый коровник. Заведующей фермой рекомендую назначить Ольгу Липстынь. Энергичная и предприимчивая женщина, за свою молодость довольно побродила по кулацким хлевам. Лучшей заведующей не могу себе представить.

— Ольга Липстынь будет неплохой хозяйкой, — пробасил Мурниек. В глубине души он мечтал видеть заведующей свою жену, но это, вероятно, ни на что не похоже, если жена и муж будут на руководящих постах колхоза. Сам Мурниек был назначен завхозом. — Она, пожалуй, подойдет, — добавил он. — Только не знаю,

как Ольга управится с отчетностью и всей этой арифметикой, а так она честный человек.

На его лице появилось немного кислое выражение, что-то вроде разочарования, но остальные члены правления этого, вероятно, не заметили.

— Заведующим конефермой можно назначить молодого Гандриса, — продолжал Регут. — Он большой любитель лошадей, — посмотрите, каких коней вырастил на своих двадцати гектарах!.. Хоть на ипподром посылай состязаться с заводскими.

— Гандрис в кавалерийском полку прослужил полтора года... — добавил Клуга. — У него имеется несколько книг по уходу и выращиванию коней. Лучшего заведующего фермой мы не найдем.

На этом и порешили. Труднее оказалось найти подходящего человека на должность счетовода артели. Для такой работы необходимы были хоть небольшие познания по финансовому законодательству и колхозной экономике, а главное — нужен честный работник, на которого коллектив мог бы всецело положиться. Анна Пацеплис обещала поискать подходящую кандидатуру среди комсомольцев.

— Некоторые из комсомольцев закончили среднюю школу, — сказала она. — Если у них и нет специальных бухгалтерских знаний, — можно подучить.

— Хотя бы за счет артели, — сказал Регут. — Это окупится. И потом я хотел бы попросить, чтоб уезд прислал знающего агронома. Он нам поможет спланировать все работы и севооборот для будущего хозяйственного года. Будет нужен и трехлетний план иначе из коллективного хозяйствования ничего не выйдет.

— Мне кажется, товарищ Регут, здесь нам сумеет помочь Айвар Лидум, — сказала Анна. — Он окончил среднюю сельскохозяйственную школу и учится в сельскохозяйственной академии. Вырос он в этих местах и хорошо знает наши условия. Вместе со старшим агрономом МТС Римшей он разработает все планы, какие только нужно.

— Это идея! — воскликнул Клуга. — Оказывается, мы богатые люди: если немного поискать, все у нас имеется.

— Разве Лидум сможет работать и на осушке болота и в колхозе? — засомневался Мурниек.

— А это одно с другим связано, — ответила Анна Мурниеку. — Если Айвару... то есть Лидуму будет известно направление хозяйственного развития колхоза, ему проще разработать генеральный проект мелиорации.

— Это опять же правильно, — поспешил согласиться Мурниек.

Сразу после заседания Регут начал действовать.

Решение немедленно объединить крупный рогатый скот и организовать конеферму новые колхозники приняли по-разному. Многие лелеяли мечту, что вчерашнему единоличнику дадут возможность исподволь привыкнуть к переменам. Те, у кого было больше скота, некоторое время ходили задумчивые, мрачные.

— Значит, моей Пиектале так и придется привыкать к чужому корму и уходу, — вздыхала матушка Гандриене и так жалостливо гладила старую корову, будто животное собирались вести к мяснику. — Кто ж теперь будет за тобой ухаживать. и заботиться, Пиекталинь... чужие ведь любить не будут.

— А я думаю, что Пиектале может спокойно остаться у нас, — сказал Петер Гандрис матери. — Ферме отдадим молодую Буренушку.

— Отдать лучшую корову! — воскликнула Гандриене и всплеснула руками. — Петер, в уме ли ты? На одном подножном корму дает двадцать литров за день. Что мы станем делать с Пиектале, — скотина старая, доить-то осталось всего годика два. А для фермы она достаточно хороша.

— Ферма тоже наша, — не соглашался Петер. — Ферме надо отдать самую лучшую корову: на первых порах нам вполне хватит молока Пиектале, а весной будет молоко от Буренушкиной телки — та не уступит своей матери.

— Ой, господи, ой... Что ты несешь, Петер! Мало того, что двух молодых коней отдаешь колхозу... еще и самую лучшую молочную скотину уводить из дому. Не к добру это, сын, помни мои слова.

— Не забудь и мои, мать, — улыбнулся Петер. — Это только к добру. Все самое лучшее надо отдать колхозу, тогда он будет процветать и всем от этого будет добро. Я не знал бы, куда деваться от стыда, если бы мы сдали Пиектале ферме. Ведь у соседей тоже глаза есть. Осмеют нас, скрягами назовут. Ты этого хочешь?

Старая Гандриене перестала ссориться с сыном, но не легко было на сердце, когда молодую Буренушку уводили в усадьбу Стабулниеки на колхозную молочно-товарную ферму. Гандриене пошла с сыном и, отозвав в сторону заведующую фермой Ольгу Липстынь, плаксивым голосом начала рассказывать, какая добрая скотинка ее Буренушка:

— Когда доишь, не брыкается, молочка не задерживает ни одну капельку, только любит, чтобы с ней обходились ласково. Ты приглядывай за ней, Ольга, присматривай за доярками, пусть не бьют и не ругают, и чтоб всегда было чистое вымя.

— Будьте покойны, матушка Гандриене... — улыбаясь, успокаивала Ольга старую крестьянку: — С Буренушкой здесь ничего плохого не случится.

— Когда-нибудь и охапочку клевера надо подкинуть, — не унималась Гандриене. — Скотинка его во как любит. А то одной болотной осокой скоро можно заморить... На, Буренушка, на, моя коровушка, съешь хлебца... кто тебя теперь угостит чем-нибудь вкусным... — Она отламывала по кусочку от большого ломтя хлеба, прихваченного с собой, и кормила корову. Уходя, Гандриене уронила несколько слезинок и долго оглядывалась на большой коровник, откуда доносилось мычание приведенных отовсюду коров.

— Видел ли ты, Петер, каких коров привел Мурниек? — заговорила она, когда коровник скрылся из виду. — Две старые передойки, еще старше нашей Пиектале. Не отдал на ферму свою лучшую скотину. Одному господу известно, что он будет делать с тремя молодыми коровами. На позапрошлой неделе я своими глазами видела их в его хлеву. Как же так получается: другим оставляют по корове и телке, а этому целых три дойных. Разве это порядок, — каждый делает то, что ему вздумается?

Петер остановился среди дороги.

— Правду ты говоришь, мать? — спросил он. — Ты точно знаешь, что у Мурниека в усадьбе остались три молодые коровы?

— С какой стати мне врать! — Гандриене даже обиделась. — Своими глазами видела. Если не успел продать, то куда им деваться. И такому человеку доверяют

хранить колхозное имущество, в таких руках будут ключи от амбара...

— Знаешь, мать, ты иди домой, а я вернусь на ферму, — сказал Петер. — Это дело так оставить нельзя.

— А почему именно тебе ввязываться в это дело? — вдруг стала сокрушаться Гандриене. — Разве другие ослепли, разве у них языка нет? Еще раздосадуешь кого, врагов наживешь. Мурниек и так горластый, попробуй перекричать его.

— Я не о себе беспокоюсь! Это не мое личное дело, а дело всего колхоза, поэтому молчать нельзя.

Петер вернулся на ферму и разыскал Регута, который весь день находился в Стабулниеках.

— Товарищ председатель, нет у нас порядка, — начал молодой Гандрис. — Собрание постановило одно, а как доходит до дела, поступаем совсем по-другому. Так мы далеко не уедем.

— Что случилось? — спросил Регут.

Петер рассказал о Мурниеке.

— Ишь, какой мастак... — пробурчал председатель колхоза. Лицо его помрачнело. — Я ходил к телефону, когда Мурниек привел коров. Хорошо, что сказал. Так мы не оставим этого дела. Нельзя позволять заводиться сорнякам: где заметишь — сразу надо выпалывать, иначе все поле зарастет. Ну, а как, Петер, с конефермой? В Мелдерах уж был? Помещение осмотрел?

— Был, товарищ Регут... — ответил Петер. Глаза его заблестели. — Если приспособить коровник и некоторые другие хозяйственные постройки, можно будет разместить около полусотни лошадей. Для жеребят, правда, придется новую конюшню строить. Когда будем собирать лошадей?

— Через несколько дней начнем. Из уезда звонил Пилаг. Сказал, что решение правительства о ликвидации конно-прокатного пункта уже имеется. Так что ты держись на линии: скоро придется начать хозяйничать.

Когда Гандрис ушел, Регут послал за Мурниеком и велел завхозу артели немедленно явиться на молочнотоварную ферму.

— Что за спешка? — осведомился Мурниек, встретив Регута во дворе усадьбы.

— Придется вечером созвать правление, — ответил Регут, мрачно взглянув на Мурниека.

— Опять? — удивился Мурниек. — Только два дня назад заседали. Работать некогда, если так часто будем заседать.

— Ничего не поделаешь, — сказал Регут. — Я совсем не истосковался по заседаниям, но обстоятельства заставляют. Приходится срочно изгонять старый душок из некоторых колхозников. Ты понимаешь, Мурниек?

— А что случилось? — Мурниек с тревогой посмотрел на Регута. — Кто-нибудь напакостил?

— Да, и совершенно безобразно. Смердит уже на расстоянии. Придется искать нового завхоза! — Регут внезапно повысил голос. — Давай сюда ключи! У тебя их нельзя оставить. Для кладовой нужен честный хозяин, который не обманет артель и не будет так много думать о своем благополучии. Понял? Ты потерял доверие коллектива.

Мурниек смутился, но пытался держаться непринужденно.

— Утерял? Когда? Где ж я успел его утерять? Наверно, кто-нибудь наболтал.

— Здесь, на молочно-товарной ферме, ты потерял доверие колхозников. Привел своих старых передоек! Осенью придется пустить на мясо. По какому праву ты оставил себе трех дойных коров? У других по одной, а у тебя целых три.

— Вот чудеса... — пожимал плечами Мурниек. — Откуда у меня могут появиться три, когда дома всего лишь одна корова да прошлогодняя телка.

— Несколько недель тому назад, до собрания, у тебя было пять дойных коров.

— Тогда... да... Но я увидел, что для пяти коров у меня не хватит корма. Две... продал шурину в Айзпурскую волость. В то время колхоза еще не было...

— Но ты знал, что он скоро будет.

— Разве я не имел права продать?

— Не разыгрывай простачка, Мурниек. Одно из двух: или ты приведешь этих коров сюда, или убирайся вон из колхоза. Завхозом оставить тебя нельзя ни в том, ни в другом случае.

— Регут... — заговорил тихо Мурниек. — Так оно вышло... послушался жены, очень уж выла да стонала... Коров приведу, денег еще за них не получал. Завтра за-

светло передам ферме. Нельзя ли все устроить без лишнего шума?

— Нельзя, Мурниек, давай ключи.

Правление освободило Мурниека от обязанностей завхоза артели, а вместо него назначило члена партии Индриксона. Мурниек на следующий день привел двух коров и передал ферме; однако своим поступком он так сильно скомпрометировал себя в глазах колхозников, что скоро его освободили и от должности председателя правления мелиоративного товарищества.

3

Анна, возвращаясь из Риги с заседания Бюро ЦК, зашла в Сурумы. Пацеплис не стал дожидаться, пока она заговорит, и резко выпалил:

— Если ты пришла агитировать меня вступить в колхоз, то уходи, доченька. Ты здесь дурачков не поймаешь.

— Вступать или не вступать — это твоя воля, — ответила Анна. — Силой тебя никто не заставит, но я думаю, что здравый разум сам подскажет тебе правильный путь.

— Я не понимаю, почему ты так назойливо вмешиваешься в мои личные дела? — сердито спросил отец, почесывая свою изрядно поседевшую бороду. — Сам знаю, что мне на пользу, а что во вред. Разреши мне жить по своему разумению.

— Ты не знаешь, что тебе на пользу, — не отступалась Анна. — Если бы ты все спокойно взвесил, ни одного дня не тянул бы со вступлением. Детский каприз. Не можешь преодолеть своего упрямства.

Разговор происходил на дворе, у порога избы. Лавиза была на кладбище, — в тот день хоронили ее дальнюю родственницу, — а Жан еще не вернулся с курсов. Видя, что от Анны так легко не отделаешься, Пацеплис повернулся и вошел в избу. Анна последовала за ним и даже не обиделась, когда он перед ее носом демонстративно захлопнул дверь. Войдя в комнату, она заговорила примирительным тоном:

— Поговорим, отец, серьезно. Почему ты бежишь от правды? Ты хочешь, чтобы тебя переубедила сама жизнь?

Пацеплис достал псалмовник, надел на нос очки, сел за стол и, открыв, видно, уже заранее избранное место, спокойно запел.

Пропев стих, он поверх очков взглянул на Анну. Увидев, что она присела к окну и, очевидно, приготовилась терпеливо прослушать пение псалма до конца, сердито крикнул:

— Почему не даешь мне молиться? Что тебе нужно? В колхоз все равно не пойду, сиди хоть до утра.

— Отец... — тихо и взволнованно заговорила Анна: — Почему ты срамишь себя и своих детей? Неужели ты не понимаешь, что мы с Жаном желаем тебе только добра?

— Я — свободный советский гражданин и поступаю так, как мне нравится! — ответил отец. — Все вы слишком молоды, чтобы учить меня. Я свою жизнь прожил на своей земле и был сам себе хозяин, а вы хотите, чтобы теперь, на старости лет, стал батраком какого-то Клуги и Регута? Теперь они мною будут комзндовать, давать по утрам распоряжения, что делать и как быть. И слышать я об этом не желаю! Лучше грызть сухую корку и запивать холодной водой, чем плясать под чужую дудку. Я не такой породы.

— Ты неправильно понимаешь это, — ответила Анна. — В колхозе нет ни батраков, ни господ, которые сидели бы на шее колхозников. В колхозе у всех одинаковые права...

— Довольно, хватит, оставь меня в покое! — не выдержав, крикнул Пацеплис. — Здесь у тебя ничего не выйдет. С такими делами больше никогда не приходи ко мне.

Анна встала.

— Ладно, отец, сейчас я уйду, но в покое тебя не оставлю.

Вместо ответа, Пацеплис снова начал петь. Когда он закончил строфу, Анны в избе уже не было. Тогда Пацеплис поднялся, подошел к шкафу и достал бутылку водки, которая была хорошо упрятана от Лавизы за старым тряпьем. Вытерев тыльной частью руки губы, он выпил несколько глотков, усмехнулся и заговорил сам с собой:

— После слова божьего хлебнуть не грех. Сам спаситель пил вино и угощал своих учеников, неужели я должен жить совсем всухую?

Он хлебнул еще раз и, спрятав бутылку, вышел во двор. Сев на скамейку перед домом, он долго глядел на свои поля и луга. Большая часть земли осенью не была вспахана — кому же пахать, если Жан ушел на курсы, вздумал учиться на какого-то там механика. Вдали, на колхозных полях, работали люди, они на лошадях вывозили навоз, спешили использовать санный путь, пока не стаял снег.

«Вот так жизнь... — думал Пацеплис. — Суетятся, как муравьи, какая бы погода ни стояла на дворе, а я делаю, что мне нравится. Если выглянет солнышко, выхожу из избы и вожусь, сколько мне хочется, а когда валит снег, сижу в комнате у окна и спокойно гляжу на божий мир. Никто меня не гонит, ни перед кем не надо отвечать. Хозяин!»

Но у «хозяина» давно протерлись брюки и местами проглядывало голое тело — Лавиза не любила возиться с иглой и нитками. Изба Пацеплиса, серая и покосившаяся, торчала у дороги как пережиток старины. Все рушилось. И Антон это видел, но подняться, начать борьбу и сопротивляться беде, подобно черной туче, надвигавшейся на его жизнь, не хватало ни силы, ни воли. Вздыхать, сетовать на плохие времена и неблагодарных детей, бросивших отца на старости лет одного, — вот все, что мог сделать хозяин Сурумов.

За углом дома послышались шаги. Вскоре показалась плотная фигура Марциса Кикрейзиса.

— Чего прохлаждаешься в одиночестве? — еще издали крикнул он. — Сидит, как блаженный, да на небо посматривает.

— А что мне еще делать? — проворчал Пацеплис. — Такова человеческая судьба, Марцис. Приходится смиренно нести свой крест.

Марцис присел рядом с Пацеплисом. Молча уставился вдаль — в сторону колхозных полей. Затем просопел:

— Ну и гонят, ну и бесятся... — все делают по указке мудрецов-агрономов. Раньше времени хотят яровое зерно посеять в холодную землю. А ну как пойдет прахом... а ну как придется переборанивать да засевать поверху хотя бы гречихой — вот нарадуются!

— Дай боже, дай боже, Марцис...

— Давно ли сошлись вместе, а уже, слыхать, нача-

лась потасовка, — рассказывал Марцис. — Мурниека сбросили с должности завхоза — уже успел провороваться. Недолго придется ждать, пока и Регут замарает руки. Вот уж я посмеюсь, когда придет прокурор забирать его в кутузку.

— Куда он денется... — поддакнул Пацеплис. — Как только дорвется до артельного добра, сразу замарается.

— Настоящий цирк, Сурум... Ну и молодчина ты, что не послушался Анны. А ты знаешь, что говорят сейчас умные люди?

— Ну, ну?

— Говорят, что твоя Анна всех согнала в колхоз, а тебе не позволила вступить, так как отлично знает, что там ждет разорение. Пусть чужие разоряются, лишь бы уцелела отцовская усадьба. Вот как теперь говорят.

— Кто говорит?

— Многие говорят... Мой старик... и еще разные люди.

— Ну, запрещать-то она не запрещала, — не согласился Пацеплис. — Даже наоборот, уговаривала, но я сам не хочу.

— Я ведь знаю, Сурум, но что плохого в том, если люди высказывают правду с другого конца! То на то и выходит, что уговаривай, что запрещай. Но чего нам так много болтать — не нам их учить. Пусть поживут с годик, и когда нечего будет жевать, тогда поймут, в какое пекло бросились.

— Тогда-то поймут, но будет поздно... — заметил Пацеплис.

Марцис лукаво подмигнул, вытащил из кармана бутылку водки и круг домашней колбасы.

— На, заложи за галстук, тестюшка...

— Это можно... Мы таких вещей никогда не боялись.

Когда Пацеплис оторвался от горлышка бутылки, уровень водки в ней заметно понизился. Марцис глотнул несколько раз, поставил бутылку рядом с собой на скамейку, и оба молча стали грызть колбасу.

— Мой отец говорит, что с тебя можно брать пример, — после продолжительной паузы возобновил разговор Марцис — Настоящая твердость и выдержка, пусть мир делает, что хочет. И правильно, Сурум. Тебе не стоит связываться с ними. Держись вместе с нами, и ты всегда будешь на верном пути. Настанут другие вре-

мена, мы снова заживем, и ты будешь всеми уважаемый человек в своей округе.

— Разве меня когда-нибудь не уважали? — усмехнулся Пацеплис.

— Ну, конечно, разве я что говорю. Только вот Анна... эта Анна... испакостит она твою жизнь, если позволишь ей так продолжать...

Молодой Кикрейзис спаивал Пацеплиса и науськивал, науськивал... У кулаков Пурвайской волости не было большей потехи, как напоить Сурума, а потом слушать, как он поносит свою дочь — парторга волости. А Пацеплису, как и раньше, ничего не казалось более лестным, как выпить с большими хозяевами, — тогда он чувствовал себя на равной ноге с ними. Хозяин, сам Сурум — это звучало благородно!

Когда бутылка Марциса опустела, Пацеплис вынес из избы свою, они скоро осушили и ее. Марцис уже опьянел окончательно, а Пацеплис только начал разогреваться: такой пустяк не мог свалить его с ног. Бормоча что-то невнятное, шатаясь и спотыкаясь, как спутанный, молодой Кикрейзис заковылял в сторону своей усадьбы, а Пацеплис убрал пустые бутылки и снова уселся на скамью. Он долго сидел так — дородный, плечистый, похожий на монумент. В углу хлева ржала лошадь, мычали коровы и жалобно визжали свиньи, ожидающие, когда хозяйка принесет им корм, но хозяину Сурумов не было дела до скотины. Как маленький король, он сидел на своем простом троне и обдумывал большие и важные дела...

* * *

Днем позже, под самый вечер, приехал Жан. Лицо парня было мрачное, темное, как осенний вечер. Он безо всяких подходов спросил отца:

— Скажи мне прямо и ясно: ты вступаешь или не вступаешь в колхоз? Мне нужно знать твой окончательный ответ.

— Я уже давно сказал, что буду делать, и все так ясно, что яснее быть не может, — ответил Пацеплис.

— Значит, нет? — переспросил Жан.

— Ни в коем случае. Свои решения я не меняю.

— В таком случае мне больше здесь делать нечего.

Дольше я терпеть не буду, чтобы надо мной все смеялись.

— Отчего ж им так смешно?

— Из-за тебя смеются! Дочь коммунистка, сын комсомолец, а вдвоем не могут переубедить отца и вывести его на верную дорогу.

— Пусть смеются... — пожал плечами Пацеплис. — Наплюй ты на них, а меня оставь в покое со своей агитацией.

— Я и наплюю, только не на них... Они смеются правильно, за дело. Плюну на Сурумы, понимаешь? Ни одного дня не останусь больше здесь.

Жан пошел в свою комнату и собрал вещи. Он решил перебраться в МТС в общежитие трактористов, там у него уже был приготовлен угол.

Пацеплис позвал Лавизу, и они оба сели за псалмовник. Вскоре раздался мощный дуэт.

Немного погодя, с узлом и вещевым мешком вышел из своей каморки Жан.

— Будьте здоровы, — сказал он. — Пока не вступите в колхоз, моей ноги здесь не будет. — И ушел.

— Изверг... собака! — крикнула Лавиза. — Побойся бога, греховодник! Так-то ты уважаешь и любишь своих родителей?

— Чего ты так много лаешь? — пробурчал Пацеплис. — Пусть бежит, пусть поскитается по свету. Когда-нибудь заскулит у порога. Помогай петь.

И снова зазвучал псалом.

Но только низкий потолок и коричневые покосившиеся стены слышали их пение. Собака во дворе, прислушавшись к заунывным звукам, начала жалобно подвывать, — наверно, решила, что следует поддержать хозяев.

4

В ту зиму Валентина часто навещала Яна и Айвара Лидумов. Ильза просила ее заглядывать в их квартиру, посмотреть, как они живут, и, если нужно, вмешаться в хозяйственные дела брата.

— Мужчины слишком беспечны в этих вопросах: если им дать волю, то самая лучшая квартира превра-

тится в нечто такое, куда нельзя будет пригласить чужого человека.

Возможно, что такое суждение было преувеличенным, так как Лидум с Айваром заботились о своем жилище: дважды в неделю жена дворника убирала квартиру, проветривала комнаты и выбивала дорожки. Все же этого было недостаточно для того, чтобы в доме постоянно присутствовали чистота и уют, поэтому вмешательство Валентины пришлось как нельзя кстати.

Она не удовлетворялась только тем, чтобы во-время были выстираны оконные занавеси и не чувствовалось бы запаха застоявшегося табачного дыма во всех углах; она интересовалась и кухней: регулярно ли они едят, что едят? Заметив на ком-нибудь из них неотутюженные брюки, Валентина сердилась, говорила, что это ни на что не похоже, тем более, что тут же в нижнем этаже находится мастерская бытового обслуживания. Больше всего она была недовольна тем, как ее «подопечные» проводят свой отдых: собственно, здесь ни о каком отдыхе не могло быть и речи. После напряженной недельной работы Айвар и Ян Лидум и в воскресенье, хотя и находились дома, с утра до вечера просиживали за книгами или деловыми бумагами.

— Так жить нельзя... — заявила решительно Валентина. — Так вы быстро заплесневеете и проржавеете. Каждый работающий нуждается в отдыхе, и это не только наше право, но и обязанность.

В первое воскресенье, после окончания зимней экзаменационной сессии, она с самого утра пришла к Лидумам и объявила, что сегодня всем троим придется провести день по разработанному ею плану.

— Одевайтесь и поедем за город. Обедать будем в лесу. Айвар, покажите, где продукты и приготовьте термосы и корзину. Вы, товарищ Лидум, свою трубку оставьте дома, а если уж совсем без нее не можете, то возьмите в кисет топлива не более чем на три зарядки.

— Слишком мало... — озабоченно промолвил Ян. — Нельзя ли немного добавить? Пожалейте, дорогая Валентина, старика.

— Ну ладно, еще одну трубочную порцию можно прибавить, но больше — ни-ни... — великодушно разрешила Валентина.

В темносинем лыжном костюме, в пестрой вязаной

шапочке, она весело суетилась по квартире, как мальчишка, замышляющий шалость. Ее веселость и жизнерадостность передались и мужчинам, и они старались быстро и аккуратно выполнить каждое ее указание. Пока отец с сыном побрились, а Валентина сварила кофе, наполнила термосы и приготовила еду, прошло около часа. К тому времени подъехала машина Лидума, и они тронулись в путь. Валентина на кузове прикрепила две пары лыж.

Лидум подозрительно покосился на лыжи, потом заглянул внутрь кузова и облегченно вздохнул:

— Господь пронес — только две пары... Я смогу остаться зрителем.

— Почему? — засмеялась Валентина. — Лыжами будем пользоваться поочередно. Неужели вы думаете, что мы с Айваром такие эгоисты и не дадим вам поразмять ноги?

— Гм, да... — задумчиво проворчал Лидум. — Боюсь, что из этого ничего путного не выйдет. К вашему сведению, я ужасно консервативный старик. К некоторым широко признанным вещам меня никак не приучить. Наверно, потому, что в моей молодости они мне были недоступны.

— Например? — спросила Валентина.

— Расскажу по пути, — ответил Лидум. — А куда мы, собственно говоря, направимся?

— Туда, где имеется лес, холмы и много снега. Неплохо, если там будет река или озеро. Назовите что-нибудь подходящее — ведь вы лучше знаете окрестности Риги, чем я.

— Айвар, что ты скажешь? — Лидум посмотрел на сына.

— Поедем в сторону Саулкрасты, — сказал Айвар. — Там за Гауей, не доезжая Лиластэ, есть такие места.

— Ладно, поехали.

Лидум сел рядом с шофером, Валентина с Айваром сзади.

Когда машина набрала скорость, Лидум начал рассказывать:

— Перед войной, когда я работал в Н-ском уезде, некоторые товарищи по работе решили любой ценой сделать из меня охотника. Старались убедить, так же как сейчас вы, Валентина, что мне нужен отдых, свежий

воздух, надо рассеяться и тому подобное. И охота все это якобы обеспечивает вполне. Я, конечно, отговаривался, что нет у меня времени, что стрелять умею только из боевой винтовки, к тому же страдаю ревматизмом, но разве таким докажешь что-нибудь? «Только разок попробуйте, и вас не вытащишь из лесу...» — уговаривали они. Ладно, если уж так, попробуем, и однажды в начале зимы я поехал с ними в лес. Местность была прекрасная: красивый сосново-еловый бор, снег по лодыжку, воздух — как на курорте. Поставили меня на просеку, в некотором отдалении от других, а загонщики криками и шумом выгоняли прямо на нас лесных обитателей: козуль, зайцев и лисиц. Зверей там было, что в охотном ряду на базаре, — можно было настрелять хоть целый воз, но, верите или нет, за весь день я только раз выстрелил, и то для того, чтоб отпугнуть какого-то красивого самца козули, который приближался к моему соседу и неминуемо бы погиб, если бы я не предупредил его. Весь день я ужасно скучал и нетерпеливо ожидал отъезда домой, но мне еще надо было участвовать в общей трапезе охотников, слушать, как они бахвалятся своими успехами и врут друг другу в глаза. Может, я человек ограниченный, может, у меня чего-нибудь не хватает, чем наделены другие, но я никак не могу понять одного: какая в том радость, если люди без нужды уничтожают живое существо? Я понимаю промысловых охотников, этим зарабатывающих себе на жизнь: стреляет он в зайца или птицу, чтоб приготовить себе вкусный обед, — это целесообразно, имеет определенный смысл; но в моем мозгу никак не укладывается то, что люди убивают безвредных лесных животных только для того, чтобы видеть кровь, — свою добычу от такой охоты они чаще всего сами не используют, а отдают друзьям и знакомым. Нет, охотник из меня не вышел, да и навряд ли когда-нибудь выйдет.

— С пользой для себя отдыхать вам все же придется научиться, — сказала Валентина. — Это необходимо.

— Я слишком непоседливый, — продолжал Лидум. — Лежать в гамаке могу десять минут, больше не выдержу, а потом должен встать и начать ходить. Прошлым летом наш министр Земдег потащил меня с собой на озеро — он страстный рыболов и может простоять на одном месте у берега с утра до вечера, поджидая, когда клюнет рыба

и задергается поплавок. Я и на это не оказался способным. Мне все равно, клюет или не клюет. Собирать ягоды и ходить по грибы — вот это я понимаю. Тогда человек может прогуливаться с интересом, всласть подумать, помечтать, а заодно надышаться свежим воздухом. Мне нужно движение, деятельность, напряжение, иначе я конченый человек.

— Жаль, что мы не взяли с собой третьей пары лыж... — заметила Валентина. — Ведь вы по своему характеру настоящий кроссист, товарищ Лидум.

— Какой из меня сейчас кроссист!

— Об этом поговорим вечером. Иногда вечер бывает мудренее утра.

...Там был прекрасный сосновый бор, горы и холмы, отлогие подъемы и крутые спуски для смельчаков, а внизу, справа от шоссе, замерзшее озеро. И такая тишина, что слышалось, как падали в снег оторвавшиеся от ветки сосновые шишки. Посредине озера на своем ящичке сидел одинокий рыболов, дергал блесну и не спускал глаз с маленькой проруби, как кот, стерегущий дырку в полу в ожидании появления мыши.

Валентина и Айвар до полного изнеможения ходили на лыжах. Ян Лидум прохаживался по берегу озера в теплых фетровых сапогах и выкурил свою первую трубку. Он все еще никак не мог смириться с тем, что ничего не делает, вот так просто только прогуливается по опушке леса, дышит свежим воздухом и наблюдает природу. Почему он не мог так, как Земдег, выключаться, целый день ничего не думать о фабриках и производственном плане, бездумно отдаться своему хорошему настроению? Почему у министра по понедельникам, а иногда и в середине недели — красноватые глаза и воспаленные веки? Выпивает, поганец, больше положенного, портит здоровье и теряет работоспособность... После этого — плохое настроение, все виноваты, и никто не может угодить. Книг не читает, в журналах посмотрит только картинки, о содержании газет судит только по заголовкам статей, полагаясь на старый багаж, хотя от него уже давно ничего не осталось.

Ян силился отогнать эти непрошенные думы, но чувство заботы не покидало его, навязчиво лезли в голову всякие неприятные мысли. Тогда он начал собирать сухие сучья, хворост, наносил огромный ворох и развел

огонь. На старом пне он приготовил обеденный стол. Впрочем, немного погодя, Валентина несколько изменила «сервировку» по своему вкусу: покрыла пень чистой бумагой, вилки и стаканы велела взять в руки, а «стол» уставила термосами и бутербродами. Каждый сам накалывал на деревянный вертелочек охотничью колбасу и поджаривал ее над костром. Лидум удивлялся — с таким аппетитом, как сейчас, он уже давно не ел.

— Так можно проесть всю свою зарплату! — смеялся он, уплетая четвертый бутерброд и поджаривая на костре неизвестно которую колбаску. — Валентина, наверно, прибавила к еде какое-нибудь лекарство.

— Не иначе, товарищ Лидум! — Валентина взмахом руки показала на окрестность. — Прибавила все это: солнечный свет, запах хвои, дым костра и лесной ветерок, — такие витамины еще не изготовляют ни в одной лаборатории.

Кончилось тем, что они начали петь. Как серебряный колокольчик, ясно звенел голос Валентины, которому сочно вторили бас Лидума и баритон Айвара. Грустную песню сменила залихватская, и вместе со словами песен лица певцов отражали разнообразнейшие чувства: грусть, нежность, упорство, боль и светлую радость. Певцы не заметили, как потемнело небо и внезапно наступил глубокий сумрак, не слышали они, как налетел ветер и заколыхались верхушки сосен; они пришли в себя только тогда, когда порыв ветра бросил в их лица горький дым костра и одежду осыпало хлопьями золы. Тотчас же посыпался град — будто там сверху кто-то высыпал огромный мешок крупы.

— Спасайся, кто может! — вскрикнула Валентина. Все бросились собирать посуду и скрылись в машине. Только там, схоронившись от непогоды, Ян Лидум что-то вспомнил и сердито проворчал:

— Ну его к лешему! Ведь я еще не выкурил второй трубки! Как можно стать таким забывчивым...

Все рассмеялись. Смеялся и Лидум. Но когда закурил трубку, признался, что никогда раньше такого душистого курева не курил.

— Впредь придется чаще ездить в лес — дело стоящее...

— И реже курить... — заметила Валентина. — Тоже дело стоящее.

Айвар весь день вспоминал Анну: как чудесно было бы, находись она здесь, вместе с ними... Все, что они сегодня делали, было бы тогда еще лучше, прекраснее, полнее...

Приехав домой, Ян Лидум сказал Валентине:

— Я очень признателен, что вытащили старого барсука из норы. Согласен так провести еще не один выходной день. Большое спасибо, девушка!

— Вам спасибо, что согласились... — улыбнулась Валентина. — Следующее воскресенье придумаем что-нибудь другое — соревнования, театр, концерт или кино... может, все вместе.

— Гм... — Лидум задумался. — День все равно пропал. Что вы скажете, если мы еще сегодня все втроем отправимся в оперу? Никому не вредно послушать красивую музыку и помечтать.

Предложение Лидума было принято с большой радостью единогласно.

5

Несколькими днями позже Яна Лидума впервые в жизни вызвали на партийную коллегию не как свидетеля, а как обвиняемого. В дивизии он участвовал в работе партийной комиссии, поэтому с первого же вопроса, заданного ему, он понял, что его подозревают в каких-то проступках против этики и дисциплины члена партии.

Лидум спокойно отвечал на все вопросы и совсем не чувствовал себя обиженным. Скоро из разговора стало ясно, что его и Айвара кто-то подло оклеветал.

— Прости, что тебя отвлекли от работы, — сказал член коллегии, когда они закончили разговор, — но мы иначе поступить не могли. Нам прислали на тебя и твоего сына материал, несколько писем. Ты, как старый партийный работник, отлично знаешь, что мы не можем оставить без внимания ни одного сигнала, хотя бы и анонимного.

— Это мне хорошо известно, — ответил Лидум. Член коллегии был ему хорошо знаком, они просидели несколько лет вместе в одной камере Рижской Центральной тюрьмы. — У меня только одна просьба к партийной коллегии: строго проверить все факты. Я не желаю, чтобы даже малейший пустяк, если он вызывает подо-

зрение, остался непроверенным. Ты сам понимаешь, почему. Почти тридцать лет нахожусь я в партии, и до сего времени на моей совести нет ни одного пятнышка. Хочу верить, что этого не будет и в будущем.

Яна Лидума и Айвара обвиняли в разных проступках: в присвоении государственных средств, во взяточничестве и спекуляции промышленными товарами. Лидум якобы присваивал промтоварные ордера, которые отпускались для сотрудников министерства и лучших производственников предприятий, а полученные по ним товары продавал на рынке через посредников. Айвара обвиняли, что он, демобилизовавшись из армии, присвоил трофейный мотоцикл и с помощью разных махинаций зарегистрировал его в автоинспекции, как свой.

Все выдвинутые обвинения можно было опровергнуть без особых усилий. Позже, когда специальная комиссия произвела проверку, оказалось, что все от начала до конца выдумано, но анонимные доносчики все же частично достигли своей цели: на честных советских людей была брошена тень подозрений, несколько занятых работников, на продолжительное время оторвавшись от работы, занимались проверкой злостной лжи. И хотя оба Лидума — Ян и Айвар — в конце концов были полностью реабилитированы, одно то обстоятельство, что их делом занималась специальная следственная комиссия, дало повод для ядовитого шепота и злобных сплетен обывателей. Анонимный доносчик, выдававший себя за члена партии и честного советского патриота, оплевав избранную им жертву, спрятался за углом и со злым наслаждением наблюдал, как оплеванный очищал себя от грязи.

«Докажи, что ты не верблюд... — издевался он над тобой. — Теперь утирайся и оправдывайся. А пока ты будешь занят этим, твоя работа будет стоять на месте».

Было ясно, что эти анонимные письма писал враг, самый отъявленный. Доносчиком руководила ненависть к советской власти и ко всем честным и способным советским людям.

Когда Айвар впервые столкнулся с этой клеветой, он несколько дней ходил подавленный. Как хорошо, что рядом с ним стоял отец — сильный, закаленный, не теряющий хладнокровия человек.

— Не вешай головы, Айвар, — подбадривал сына Ян

Лидум. — Мы имеем дело с особым приемом борьбы. Нужны спокойные нервы и ясный взгляд — и мы победим, разобьем их. Не падай духом, мальчик...

Когда первая атака была отбита, неизвестный, но отчетливо представляемый враг перешел в новое наступление. За всевозможными подписями — то написанные измененным почерком, то напечатанные на пишущей машинке — в разные учреждения плыли бесконечным потоком анонимные письма. Попутно со старыми, давно опровергнутыми фактами, приводились новые, некоторые из них касались времени, когда Лидум был в тюрьме; чтобы проверить их, приходилось рыться в архивах, доставать свидетельские показания старых подпольщиков. Опять работники соответствующих учреждений должны были расследовать эти «сигналы»; люди, трудовая энергия которых принесла бы в другом месте большую пользу, занимались расследованием гнусной клеветы, а Лидуму и Айвару пришлось вооружиться терпением и снова и снова ходить по вызовам в разные учреждения, чтобы давать пояснения по поводу новых выдвинутых против них обвинений.

— Очень уж крепко взялись за нас, — рассуждал Лидум. — Видать, здорово озлоблены. Так взъелись, что не могут успокоиться.

— Мне кажется, все происходит из-за меня, — как-то сказал Айвар.— Это та же рука, которая тревожила меня прошлым летом, — Пикол и компания. Пикол сидит, а его единомышленники на свободе. Они не могут простить, что не удалось вовлечь меня в их преступную банду. Выходит, ты страдаешь из-за меня.

— Во-первых, мы не страдальцы, а борцы, Айвар, — указал отец. — Борясь за свою честь, мы боремся за честь советского общества, и наша борьба таким образом приобретает совсем другой характер и смысл. Это не наше частное дело, и мы не имеем права уставать и падать духом. А те, кто по вечерам орет из радиостудий «Би-би-си» и «Голоса Америки» или в своей безумной ненависти исписывает полосы желтой прессы всяческой ложью по адресу Советского Союза, — разве они отличаются от тех, кто сейчас беснуется вокруг нас? Отличаются только масштабом. И было бы неправильно, если бы мы просто плюнули на них и не обращали внимания на их злобные крики. Лжи всегда надо противо-

поставлять правду и только правдой побеждать злобную силу лжи, чтобы народам стало ясно, кто, как и почему их обманывает.

Второе нападение неприятеля было отбито так же, как первое. К концу зимы органы государственной безопасности раскрыли и арестовали значительную террористическую группу буржуазных националистов, среди них были и составители анонимных писем. После этого поток клеветы прекратился. Лидум и Айвар снова могли спокойно отдаться своей работе. Айвару надо было подтянуться, чтобы до начала лета сдать все экзамены за второй курс.

Сразу после организации колхоза «Сталинский путь» Айвар по приглашению Анны приступил к разработке трехлетнего плана новой сельскохозяйственной артели. Он не успел еще закончить его, когда технический проект осушения Змеиного болота был готов и с ним можно было познакомить колхозников. Договорившись с Анной и Регутом, Айвар в конце зимы приехал в Пурвайскую волость и пробыл в колхозе несколько дней. Он предложил организовать из колхозников бригаду мелиораторов, во главе с новым председателем мелиоративного товарищества Алкснисом. Бригада должна была заготовить различный материал, который понадобится при рытье канав и каналов: крепежный лес, плетенки из прутьев и хвороста, камни. Используя санный путь, материалы эти начали подвозить к трассам будущих каналов.

6

Однажды, когда Айвар и агроном Римша еще работали над трехлетним планом «Сталинского пути» и землеустроительными работами, Лавиза узнала от какой-то соседки, что одну из главных отводных канав предполагается рыть по земле Сурумов — через их луга и пастбища. Последний год Лавиза часто болела и много возилась с разными знахарями и знахарками, пила приготовленные ими чудодейственные лекарства, давала старухам заговаривать болезнь и дурачить себя всякими суевериями, а к участковому врачу Зултеру за советом не обращалась. Она сильно похудела и пожелтела, но Пацеплис не проявлял особых забот о здоровье жены.

Узнав новость, Лавиза разыскала мужа и, дрожа от негодования, рассказала ему об этом.

— Как же ты, Антон? — дивилась она. — Хозяин ты еще в Сурумах или нет? Без твоего разрешения и согласия мир делает с твоей землей все, что ему взбредет на ум. Сейчас они мудруют над всякими там отводными канавами да каналами, скоро позарятся на твои строения и скотину. Хоть бы поговорили с тобой, спросили бы, как ты на это смотришь, так нет — просто решат, да и начнут здесь хозяйничать, как в своем доме. Сущие разбойники!

— Так, так, без моего ведома... — зарычал Пацеплис. — Ничего у них не выйдет, Лавиза. Только через мой труп пройдут эти канавокопатели на мои луга. На свете существуют закон и власть. Я им покажу, что из этого получается, если забывают поговорить с хозяином. На суд подам! Чего бы это ни стоило, а свою правду добуду! Тоже нашлись вершители!..

— Если хочешь что-то делать, нужно поторопиться, — сказала Лавиза. — Иначе упустим время, а потом скажут: где вы были раньше, почему молчали? Может, поговорить с каким адвокатом? Волостной писарь тоже кое-что понимает в законах.

— Уж я сам решу, что делать! — оборвал ее Пацеплис. — Меня не учи.

Он переоделся в праздничную одежду, повязал на шею цветной платок и пошел запрягать лошадь.

— Куда ты поедешь, Антон? — спросила Лавиза. Энергичные действия мужа и его очевидное возмущение пришлись ей по душе. — К писарю?

— У меня есть лучший советчик, чем все твои писари да адвокаты, — отрезал Пацеплис. — Поеду на пасторскую мызу, к самому Рейнхарту.

— К Рейнхарту... — удивленно и с благоговением прошептала Лавиза. — Вот это ты хорошо придумал, Антон. Ну и голова же у тебя!..

— А ты только сейчас смекнула? — отозвался муж и, стегнув лошадь, выехал со двора. Старая, давно не мазанная рессорная повозка визжала, как собака во время порки. Кляча тихонько трусила по мерзлой дороге, делая вид, что бежит рысью. Повозку сильно трясло, Пацеплис стал еще злее, сорвать злобу можно было только на лошади, той и попадало.

Старый Рейнхарт умер несколько лет тому назад, теперь обязанности пастыря прихода исполнял его сын. Немного старше сорока лет, высокий, плотный, с гладко бритым лицом, жидковатыми волосами и совершенно коричневыми от курения зубами, молодой Рейнхарт мало чем напоминал покойного отца — тот был худощавый, с маленькой клинообразной бородкой. Когда жена сообщила, что прибыл какой-то крестьянин, Рейнхарт для важности заставил посетителя подождать минут десять, за это время он облачился в поношенную визитку, раскурил трубку и только тогда вышел в свою рабочую комнату. Почтительно зажав подмышку шапку, по возможности сгорбив свою рослую фигуру, со смирением предстал Антон Пацеплис перед слугой господним.

— Преподобный отец, надо мной стряслась большая беда... — начал Антон жалобно. — Дети оставили меня одного на старости лет, сейчас мир хочет разорить меня совсем. Право не знаю, чем заслужил такую немилость божью.

Рейнхарт сел за письменный стол, на котором лежали книги и стояли разные религиозные атрибуты, показал Пацеплису рукой на стул и спросил:

— Чем могу быть полезен?

Антон рассказал все: как он не пошел в колхоз, как из-за этого поссорился со своими детьми, как сейчас без его согласия мир хочет разорить его луга и пастбища.

— Разве на других участках места не хватает? Если у них такая нужда, пусть роют через свои участки, а мою землю оставят в покое. Я там хозяин и своим имуществом могу распоряжаться, как мне хочется. Если бы вы дали мне какой-нибудь благой совет, я был бы вам по гроб благодарен.

Пастор погрузился в раздумье, посмотрел, как бы обращаясь за советом, на небольшое настольное распятие и торжественно вздохнул.

— Крест свой надо нести терпеливо. Не теряйте надежд, добрый христианин.

— То есть как это, преподобный отец? — смутился Пацеплис. — Как мне это понимать?

— Смиренно и богобоязненно нам надо проводить свою жизнь. Как отец небесный в своем милосердии предначертал, так свершится все, и человек не должен идти против рожна, — ответил Рейнхарт.

— Вы ведь не хотите сказать этим, что мне надо сдаться, бросить ружье в кусты? — воскликнул Пацеплис, и в голосе его прозвучало негодование.

— Еще предки мудро советовали: не борись с сильным, — продолжал пастор. — Попытайтесь добром. Может, они примут во внимание вашу правду.

— Нечего пытаться! — Пацеплис ударил кулаком по столу с такой силой, что упало распятие. — Им нужна канава, а мне земля, и это моя правда. Если вы только такой совет могли дать мне, не стоило и приезжать.

Рейнхарт пожал плечами и встал.

— К сожалению, так получается. Вмешиваться в мирские споры не мое дело. Господь поручил мне пасти своих овец.

— И неужели это все, что вы можете мне сказать? — Пацеплис сделал удивленное лицо и тоже встал.

— Это все, добрый человек, — сказал Рейнхарт, спокойно посасывая трубку. — Но вы не беспокойтесь: все сбудется так, как предвидел господь.

— Этого я никак не ожидал... — пробормотал Пацеплис. — Прощайте, преподобный отец...

— С богом, да осенит вас господь...

Смущенный Пацеплис вышел от пастора. Уже сидя в повозке, он досадливо сплюнул и, повернув лошадь в сторону волисполкома, оглянулся на дом пастора.

— Тьфу... настоящая обезьяна, — злобно бормотал он. — А еще считается христовым воином... Трусливый заяц! Хитрая лиса! Хорошо, что не взял с собой кошелку яиц и старого петуха — за что ему давать? Не бо́рись с сильными... такой мудростью можно дураков пичкать, но не меня. Поборемся! Я не боюсь! Они еще увидят, каков Сурум!

В воинственном настроении подъехал Пацеплис к волостному исполкому. Привязав лошадь, он направился к Анне.

В кабинете парторга находились только двое — Анна и Айвар, который пришел попрощаться: он сегодня уезжал в Ригу.

— Ага, очень хорошо, что и вы здесь! — сказал Айвару Пацеплис. — У меня с вами серьезный разговор.

— Добрый день, отец... — Анна напомнила, что он не поздоровался.

— Добрый день, — резко ответил Пацеплис и сей-

час же разразился. — По какому праву вы суете свой нос в мою землю? Кто разрешил вам проектировать отводную канаву на моем владении?

— Через ваши луга лежит кратчайший путь от Змеиного болота к Раудупе, — спокойно ответил Айвар. — В другом месте пришлось бы рыть в обход или прорывать холмы, а это удорожает строительство. От этой канавы польза в первую очередь будет вашей земле. Я б на вашем месте радовался.

— Я вам порадуюсь! — Пацеплис повысил голос. — Я расстрою весь ваш большой проект! Ройте, где хотите, только не через мою землю!

— Почему ты противишься, отец? — спросила Анна.— Садись. Поговорим обо всем спокойно.

— У меня нет времени сидеть тут и торговаться с вами, — отрезал Пацеплис. — Земля моя, и я над ней хозяин. И как я говорю, так тому и быть. Никаких канав вы у меня рыть не будете!

— Но тебе же польза от этого... — возразила Анна. — Каждый разумный человек сказал бы спасибо, что ему помогают осушить заболоченные луга и поля. Я не понимаю, почему ты упорствуешь?

— Яйцо учит курицу! — Пацеплис насмешливо посмотрел на Анну. — Побереги свою мудрость, доченька, к старости лет, а я обойдусь без твоих советов.

Анне было стыдно, что отец в присутствии Айвара выказывает свою тупость и безрассудное упрямство, терпение ее тоже истощилось.

— Поступай, как знаешь, — ответила она отцу. — Если не хочешь принять мой совет, потом не жалуйся. Запомни одно, отец: коллектив не может позволить, чтобы его без конца дразнили. Если ты не вступишь в колхоз и будешь противиться рытью отводной канавы через твою землю, мы переселим тебя из Сурумов в другое место. В другом конце волости имеются бесхозные усадьбы. Одну из них отведут тебе, а землю Сурумов присоединят к колхозу. Не удивляйся моим словам, я говорю совершенно серьезно. Мы не позволим тебе мешать жизни всей округи.

Пацеплис понял, что Анна действительно не шутит. Он испугался и побледнел.

— Ты... ты меня выгонишь из моего дома? — растерянно пробормотал Пацеплис. — За то, что вырастил,

сделал человеком? — Он молитвенно сложил руки, поднял их кверху и громко воскликнул: — Отче, прости им, ибо не знают, что творят! Буди со мной ты, всевышний господь бог Саваоф!

Но его ханжеские крики ни на кого не подействовали, и, поняв, что борьба проиграна, Антон Пацеплис насупился, грустно покачал головой и удалился.

— Видал, какой крепкий орех мой отец? — сказала Анна, когда Пацеплис, вышел из комнаты. — Но сейчас, мне кажется, я его раскусила.

— Да... это орешек... — покачал головой Айвар. — Какое ему дело до всего остального, лишь бы настоять на своем.

* * *

Приехав домой, Пацеплис выпряг лошадь, затащил повозку под навес, разыскал старые вожжи и с помрачневшим лицом пошел в избу.

В кухне его встретила Лавиза.

— Ну как, Антон? — вяло спросила она. — Куда несешь вожжи, разве под навесом нет крюка?

Не проронив ни слова, как грозовая туча, приблизился хозяин Сурумов к жене, схватил ее за волосы, повалил на пол и начал безжалостно стегать вожжами.

— Ты... ты, злое исчадие, довела меня до этого!.. Твое науськивание... твой змеиный язык отнял у меня детей!.. Теперь отнимут еще усадьбу! Для чего только живет такая подлюга!

— Зверь! — кричала не своим голосом Лавиза. — Люди, спасите! На помощь! Этот изверг убивает меня...

Но никто не слышал ее отчаянных криков и не пришел на помощь. А Пацеплис не унимался, пока не устала рука. Лавиза орала все время благим матом.

7

Приехав в Ригу, Айвар узнал от отца, что его искала какая-то молодая женщина. Не представляя, кто мог его искать — своей фамилии она не называла, — он не стал утруждать себя догадками, поэтому был весьма удивлен, когда однажды вечером к нему на квартиру явилась... Майга Стабулниек

— Ведь правда, не ожидал! — смеялась Майга, заме-

тив смущение Айвара. — Испугался, будто увидел воскресшего из мертвых. Не веришь? На, ощупай. Такая же живая, как раньше.

И она снова захохотала, а назойливый взор не отрывался от лица Айвара.

— Удивляться есть чему... — ответил Айвар, переборов смущение. — Люди говорили, что ты... за далекими морями.

— Но оказывается, что жива и здорова, хожу по той же латвийской земле. Вот оно как, Айвар.

Айвар помог ей снять пальто и, после того как Майга перед зеркалом привела в порядок волосы, повел в свою комнату. Полнота Майги убавилась, и это изменило ее к лучшему, хотя она все еще была достаточно дородна. Судя по одежде — темносинему в полоску шерстяному костюму и модным туфлям — ей жилось неплохо.

«Что ей надо от меня?» — думал Айвар. Он сожалел, что отец еще не пришел с работы — тогда быстрей можно было бы отделаться от гостьи.

Когда он достал папиросы, Майга попросила себе тоже. Потом Айвар узнал ее жизнь за прошедшие шесть лет. Про своих братьев она ничего не знала; когда немецкая армия капитулировала в Курземе, они находились в латышском легионе. Старики Стабулниеки с Майгой докатились до западных областей Германии и там, в каком-то лагере для перемещенных лиц, умерли прошлой осенью от тифа. Оставшись одна, Майга репатриировалась и уже третий месяц жила в Риге и работала в ресторане заведующей буфетом.

— Я не жалуюсь, жить можно... — говорила Майга. — Но когда узнала, что ты в Риге, мне захотелось встретить тебя и поговорить о некоторых важных для меня вопросах.

— Что за вопросы? — спросил Айвар.

— Во-первых, про усадьбу моего отца. Я слышала, что там теперь организован колхоз. Как ты думаешь, Айвар, смогу ли я надеяться, что мне, как наследнице усадьбы Стабулниеков, вернут хоть часть нашей прежней земли, строений и движимого имущества? Стоит ли по этому поводу хлопотать?

— В усадьбе Стабулниеков сейчас организована молочно-товарная ферма, — сказал Айвар. — Я думаю, что тебе не стоит поднимать этого дела.

— Жаль... — вздохнула Майга. — На многое я не рассчитывала, только что-нибудь из мебели. Когда устрою свою жизнь, всякая мелочь пригодится. У нас была довольно хорошая мебель. Но если ты думаешь, что не стоит возиться, то я не буду ничего предпринимать.

— Если устроишь свою жизнь, обойдешься и без старой рухляди, — пошутил Айвар. — Для новой жизни нужно все новое.

— Понятно, так было бы лучше. Ты, как видно, устроился довольно хорошо.

— Как умели, так с отцом и устроились. Какой у тебя еще вопрос ко мне?

Майга помешкала, стала серьезной и, уставившись в пол, заговорила:

— О нас... о тебе и обо мне, Айвар. Когда-то мы были близки, и все свидетельствовало, что мы... ну, ты сам понимаешь. Теперь, конечно, времена другие, и мы оба стали тоже другими. Может, ты никогда серьезно не думал, может быть, я ошибаюсь. Если бы я знала, что ты... что у тебя серьезные намерения, я могла бы еще подождать сколько надо — ведь я не знаю, какие у тебя условия...

Айвару давно не приходилось попадать в такое неудобное положение, как сейчас. Для него было ясно, что Майга еще надеется Он понимал, что самое правильное и честное — хоть это могло показаться и жестоким — откровенно сказать Майге, что он никогда ее не любил, что они никогда не были близки, и что ей придется искать свое счастье в другом месте.

— Я никогда не любил тебя, — сказал Айвар.

— Может, ты вообще еще не любил женщины? — спросила Майга. В ее глазах вспыхнула робкая надежда.

— Любил и люблю, но другую, — ответил Айвар.

— Понимаю... — блеск в глазах Майги потух. — Прошло столько времени... жизнь требует свое. А она хорошая?.. Лучше меня? Сильно любит тебя?

— Она не знает о моих чувствах...

Майга покачала головой и с грустной иронией сказала:

— Ах ты, бедненький, несчастный влюбленный. Значит, тебе все еще приходится обходиться без женской ласки? А я ее знаю? — спросила Майга.

Айвар молчал.

Тогда Майга поднялась.

— Ладно, Айвар, я понимаю. Тебе нелегко. Я не завидую тебе. Но если когда-нибудь станет слишком тяжело и захочется хоть на мгновение согреться теплыми чувствами другого человека — вспомни меня. Я никогда не упрекну тебя ни в чем и не попрошу того, чего не захочешь и не сможешь дать, но тебе будет со мной хорошо. Помни об этом, Айвар. А чтобы долго не разыскивать меня, оставлю мой адрес.

Она написала на клочке бумаги несколько коротких строк, улыбнулась Айвару попрежнему несколько иронически и ушла. Айвар не пытался задержать ее.

«Она предлагала себя... безо всяких условий... — думал Айвар, оставшись один. — Неужели она дошла до этого?»

Оставленную Майгой бумажку с адресом он порвал на мелкие клочки, не прочитав написанного. Потом сел за стол и, прежде чем раскрыть учебник, долго думал об Анне. И его мысли снова стали светлыми, ясными, и ему опять было хорошо.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Антон Пацеплис постепенно разорялся, в Сурумах все рушилось. Этот развал начался уже давно. Даже Кристина, добровольная и самоотверженная рабыня, не могла приостановить этого развала, ибо что мог сделать один человек, когда остальные члены семьи не помогали ему в неравной борьбе. Затормозить, временно замедлить неминуемое скольжение вниз — вот все, чего удалось добиться Кристине своим нечеловеческим трудом. После ее смерти уже ничто не препятствовало этому разложению, и жизнь в Сурумах, как сорвавшийся с вершины камень, все быстрей и быстрей катилась вниз по житейскому склону. Сейчас наступило последнее действие в суровой игре судьбы, где Антону Пацеплису принадлежала одна из главных ролей.

Хозяйство было запущено до крайнего предела.

Скрежеща зубами, работал Пацеплис в ту зиму на лесозаготовках, выполняя свою норму. Только сейчас он понял, как много потерял, оттолкнув от себя детей. Теперь, когда всю тяжесть хозяйственных работ пришлось нести на своих плечах, у Пацеплиса раскрылись глаза. Ему стало ясно, какую непосильную ношу взваливал он на своих детей, которые не слышали от него ни одного слова благодарности. Лавиза с трудом управлялась и со скотиной и на кухне, все полевые работы приходились на долю хозяина.

Да, теперь он сетовал, наживал мозоли и проклинал весь свет, но себя считал безгрешным, как агнец божий. После разговора с пастором, Пацеплис убрал со стола библию, по вечерам больше не раскрывал псалмовника. Антон чувствовал себя обманутым и одураченным, на этом кончилась кратковременная вспышка его ханжества.

И наконец грянул последний удар, — его Пацеплис перенес с редким спокойствием и мужеством: проболев несколько месяцев, умерла Лавиза. В Сурумах, под крышей амбара, уже лет десять хранился сосновый гроб, приготовленный хозяином для себя: так когда-то делали его дед и отец, и так, по старой традиции, поступил и он. Теперь это посмертное обиталище пришлось уступить Лавизе. Кикрейзиене пришла помочь обмыть и уложить в гроб покойницу, пономарь отзвонил на церковной колокольне, а в воскресенье, после обеда, третью жену Антона Пацеплиса отвезли на кладбище. Надгробную речь произнес Рейнхарт. Провожающих было мало: Кикрейзис с женой да несколько любопытных старух, не пропускавших ни одних похорон.

У могилы Пацеплис долго тер глаза, пока они не покраснели и не начали слезиться. Лавизу похоронили рядом с Кристиной, а между Кристиной и Линой Мелдер было оставлено свободное место для самого Пацеплиса: когда он умрет, похоронят его здесь, меж трех жен, чтобы и после смерти близость его костей могла осчастливить покойниц.

«Как все же странно бывает в жизни... — думал Пацеплис, глядя на три могильных холма — два старых и один еще пахнущий свежей землей. — Вот ты, человек, живешь, надрываешься, суетишься, строишь воздушные замки и добиваешься неизвестно чего, и вот тебя больше нет и ничего тебе не нужно... Другие продолжают надрываться, гоняться неизвестно за чем, а ты лежишь в своем ящике, и постепенно гаснет о тебе людская память. Но еще удивительнее то, что они все три уже похоронены, а ты продолжаешь жить — бодрый и совершенно здоровый, как крепкий дуб, с которым ничего не может поделать любая буря. Наверно, так нужно, иначе так не случилось бы. Ты должен жить, ибо ты нужен в этом грешном мире...»

Ни Жан, ни Анна не пришли проводить мачеху в последний путь. Им, наверно, не нравилось, что хоронили

с пастором, ведь коммунисты такое не признают, — иначе пришли бы, если не из-за Лавизы, то ради отца.

После похорон Пацеплис со старым Кикрейзисом выпили бутылку водки и закусили мерзлым свиным салом, поминая покойницу и рассуждая о своей жизни.

— Так, значит, теперь выходит, что ты опять попал в женихи, — шутил Кикрейзис, когда водка ударила в голову. — Уже в четвертый раз. Ну и везет тебе, Сурум!

— У каждого человека своя судьба, сосед, — ответил Пацеплис, тяжело вздохнув, и сделал печальное лицо. — Иной, так сказать, всю жизнь проживет гладко, а другой живет, как на волнах. От судьбы не уйдешь. Как скорлупку бросает тебя по широким просторам житейского моря.

Изрядную часть пути они проехали вместе и, сидя каждый в своих санях, переговаривались:

— Эх, Сурум, не умеешь ты жить... — говорил Кикрейзис. — Твои дети у власти, а тебе от этой новой власти ничего не перепадает. Я бы на твоем месте, имея такую родню, сейчас управлял бы всей волостью. А теперь я кто... кулак... вредный элемент — веди себя тише воды, ниже травы да поглядывай, как бы с тобой чего не случилось. Я даже ничего сказать не могу: за каждое плохое слово о большевиках отвечать придется. Ты можешь говорить смелей, и молодец, что говоришь полным голосом. Сейчас ты для нас, старохозяев, вроде как заступник. Но жить ты все же не умеешь, это я тебе говорю, как хорошему другу, от всего сердца.

— Кто как умеет, так и живет... — отозвался Пацеплис. — Не у всех одинаковая сноровка.

Дома хозяин Сурумов задал корму коровам, свиньям и разогрел себе еду, — прямо срамота, чего только не приходилось теперь делать самому. Поев, он достал старый семейный альбом и принялся рассматривать фотографии. Мать и отец... друзья молодости... знакомые девушки в день конфирмации — в белых платьях, с псалмовником или евангелием в руках... лихой парень — Антон Пацеплис в юности — статный, молодцеватый, с завитыми усами и серебряной цепочкой часов на белом жилете... веселые компании на летних вечеринках, на свадьбах, крестинах... Дети Пацеплиса — Бруно, Анна, Жан...

И перед глазами Пацеплиса прошла вся его жизнь. Из разорванного конверта выпало несколько забытых фотографий, неизвестно как очутившихся в этом хранилище семейных реликвий. С одной на Пацеплиса смотрела задумчиво серьезными, немного грустными глазами красивая девушка. Ее глаза будто спрашивали.

«Ильза Лидум... — прошептали губы Пацеплиса. — Самая красивая из всех девушек, которых когда-нибудь знал. Сколько времени прошло с тех пор, как я ее видел в последний раз, сколько времени...»

Он вспомнил зимний день, свадебный поезд, лошадей с бубенцами, счастливую, влюбленную Лину Мелдер, крепко прижавшуюся к его плечу... и молодую женщину с маленьким мальчиком в санках на краю лесной дороги. Много воды утекло с тех пор. Не было больше Лины, не было Кристины, нет больше Лавизы, но есть еще Пацеплис, есть Ильза и ее сын. Вот как оно вышло — они находятся на самой вершине жизни, а ты ходишь по долинам теней. Было время, когда они нуждались в твоей милости, но ты их не пожалел, у тебя были другие заботы. Теперь не мешало бы, чтобы тебя кто-нибудь пожалел, но кто это сделает? Кто, Антон Пацеплис? Какой мерой ты мерил — такою мерой тебе возместится...

И Пацеплису стало жалко себя.

Он знал, что Ильза одна вырастила их сына; от чужих людей он узнал, что теперь Ильза работает заместителем председателя уездного исполкома (боже праведный, кто мог ожидать этого от такой тихой, простой девушки!) и что ее сын — видный партийный работник, секретарь укома партии. Да, это он знал давно, но только сегодня пришло ему в голову, что Ильза и Артур — близкие ему люди, и что от них и Антону может перепасть кое-что. А что, если он, жалкий и разоренный, наказанный грозной судьбой, предстанет перед Ильзой и своим сыном? От Анны помощи ждать нечего, она только и знает, что строить родному отцу всякие пакости, а те двое, одинокие и обиженные, — может, у них другие сердца в груди? Силы и власти у них много, — может, милосердия и душевной ласки тоже хватит?

Чем больше думал об этом Пацеплис, тем крепче становилась его уверенность в том, что в его жизни осталось неиспользованным важное обстоятельство, ко-

торое могло полностью изменить его положение. Разжалобить, пробудить в сердце Ильзы давнишние чувства, вызвать любовь сына к отцу, которая долгие годы таилась в глубине сердца юноши, и во второй половине жизни взлететь на такие высоты благополучия, какие ему никогда еще не снились, — разве это не было благородной и сто́ящей задачей?

Он уже вообразил себя в роли любимого отца и уважаемого друга молодости: его ласкают, балуют, усаживают в кресло перед топящейся печью и укутывают старые, уставшие ноги в теплое шерстяное одеяло, чтоб он не мерз... Больше не надо будет заниматься тяжелым и грязным трудом, ибо он в своей жизни достаточно надрывался и истязал себя на работе. «Отдохни, дорогой отец, ты это заслужил честно... Не выпьешь ли стакан грога или коньячку?»

Пацеплис наслаждался картинами возможного благополучия, и ему казалось, что он действительно его достоин.

Всю ночь он не мог уснуть, ворочаясь с боку на бок, и уже в три часа поднялся с кровати.

«Теперь ничто не мешает мне сделать это... — разговаривал он сам с собою, расхаживая из угла в угол. — Пока Лавиза жила, я не мог показаться им на глаза. Сейчас все изменилось. Лавиза умерла в самое подходящее время, как подобает разумному человеку. Я не умею жить? Посмотрим, Кикрейзис, что ты теперь скажешь?.. Кто теперь будет выше: ты или Сурум?»

Он набил в коровнике полные ясли сена, чтобы коровам хватило на целый день (доить их не надо было — за две недели до отела дойка прекращалась), насыпал свиньям полные кормушки мелкой картошки, разбросал зерна курам и собрался ехать в город. Он надел свою лучшую одежду, начистил до блеска сапоги, а к жилету прицепил старую цепочку от часов. Заперев все двери и наказав собаке сторожить усадьбу, Антон Пацеплис еще до рассвета выехал со двора.

Через несколько часов он по дороге завернул в какую-то парикмахерскую и приказал сбрить бороду, постричь волосы. На вопрос парикмахера, каким одеколоном побрызгать, Пацеплис ответил:

— Самым крепким и самым стойким. У меня сегодня торжественный день.

2

Во время последней поездки по волости и поселкам Ильза Лидум простудилась и первый раз за всю свою жизнь находилась дома на правах больной. Ей казалось смешным и несправедливым, что человек с температурой немного выше тридцати семи градусов вынужден лежать в кровати, принимать лекарства и ничего не делать. Но ни врач, ни Артур не хотели слушать ее возражений. Председатель уисполкома Пилаг даже побранил ее, когда в понедельник утром она заявила по телефону, что думает после обеда выйти на работу.

— Пока не разрешит врач, я запрещаю вам появляться в исполкоме! — ответил Пилаг тоном, не допускающим возражений.

— Но проверка готовности волостей к весеннему севу... — попыталась возразить Ильза. — Такое ответственное время..

— Проверим без вас. Пока начнется весенний сев, вы будете уже на работе. Неужели вы ничего не можете нам доверить, товарищ Лидум? Как будто мы никуда не годимся.

Ильза сдалась. Хотя врач предписал лежать в постели, она сама готовила обед, убирала квартиру — ведь легкое головокружение не могло служить поводом для полной бездеятельности.

Шел снег — вероятно, последний за эту зиму.

«Это хорошо... — думала Ильза, глядя в окно. — Крестьяне завезут минеральные удобрения по санному пути. Лошади смогут отдохнуть и накопить силы для весенней пахоты».

Снег сыпал, как из решета, белой шерстяной шалью покрывал землю, улицы, скапливаясь на крышах и голых ветвях деревьев. Скрипели полозья, фыркали заиндевелыми ноздрями лошади, последний холод уходящей зимы румянил людям щеки. Снаружи по подоконнику прохаживался сизый голубь, время от времени поглядывая, не раскроет ли Ильза окно и не насыплет ли ему корму?

Ильза думала про свою поездку. В Айзупской волости, которую ей, как члену исполкома, надо было обслужить, вступила в строй новая школа, и теперь дети могут учиться в просторных, хорошо оборудованных

классах. Какое это было радостное событие! Лица школьников светились счастьем, когда они впервые вошли в светлые классы и сели за новые парты. А что за концерт устроили в красивом айзупском Народном доме! Какой хор, какой хореографический кружок! Не стыдно было бы показать их даже в Риге.

С каким напряженным интересом люди слушали доклад о великих победах советских людей в послевоенной сталинской пятилетке... За примером не далеко ходить: здесь же в уезде было достаточно таких побед, которые могли убедить каждого в творческой силе советского строя. Жизнь с каждым днем становилась светлее, лучше, быстро заживали нанесенные войной раны, груды развалин уступали место вновь воздвигаемым заводам, Дворцам культуры, жилым домам. Вместо взорванных мостов были построены новые, более крепкие и более красивые. Снова гудели телефонные провода, а электрический ток нес свет. Как радостно было работать, отдавая свои силы расцветающей жизни, видеть, как на твоих глазах вырастает новый советский человек, так же мало похожий на прежнего человека, как день на ночь. Его труд одухотворен, всем его стараниям присуща глубокая целеустремленность, каждый миг он сознает себя членом большого коллектива и действует с той уверенностью и смелостью, которые присущи только советскому человеку.

Хорошо жить в такое время и в таком обществе. Ничего, что за морями и далекими горами шипят темные силы, куют оружие, кричат о новой войне. Не испугают, не смутят они советского человека, он не сойдет со своей светлой дороги, ибо он тот, чья работа и сила обеспечат мир человечеству; в самом его существовании все честные люди мира черпают веру в будущее и силы для сегодняшней борьбы.

Размышляя, Ильза не слышала, как постучали в дверь. Она очнулась, когда стук повторился громче и настойчивее. Еще не освободившись от своих мыслей и мечтаний, Ильза вышла в переднюю и открыла дверь.

Вошел рослый человек в заснеженном полушубке, с инеем на седеющих усах. В руках он держал мешок, наполовину чем-то заполненный, на голове у пришельца была заячья шапка со спущенными ушами.

Ильза узнала этого человека, хотя не видела его более двадцати пяти лет.

И разом рассеялись прекрасные мечты Ильзы, померк солнечный мир, в который она мысленно погрузилась. Стало холодно, и будто смрадом пахнуло на женщину при взгляде на этот призрак старой жизни.

Антон Пацеплис поставил мешок в углу передней, снял шапку и, не зная, куда ее деть, мял в своих больших ладонях.

— Здравствуй, Ильза... — приветствовал он ее и, неловко улыбаясь, посмотрел на подругу своей молодости. Потом он протянул руку, но Ильза руки не подала.

— Здравствуй... — сквозь зубы процедила она. — Что тебе здесь нужно, Антон Пацеплис? Не перепутал ли ты адрес?

— Нет, не перепутал... — ответил Пацеплис, становясь смелее: если Ильза не прогнала его сразу, то дело совсем не так безнадежно. — Мне надо было встретиться с тобой. Был в исполкоме, разыскивал по всем комнатам... там сказали, что сегодня ты на работе не будешь, поэтому пришел сюда. Секретарь исполкома дал мне адрес.

— Что тебе нужно, Пацеплис? — снова спросила Ильза. — Тридцать лет тебе ничего не нужно было от меня, а теперь вдруг понадобилось.

— У меня серьезное дело, в одну минуту не расскажешь, — пояснил Пацеплис. Он взглядом ощупал лицо и фигуру Ильзы и в глазах вспыхнуло удивление и удовлетворение: она хорошо сохранилась, женщина как картинка, хотя ей уже за пятьдесят... каждому было бы лестно иметь такую жену.

А Ильза думала: «Стоит ли вообще выслушивать этого чужого человека, может быть, лучше сразу указать на дверь и прогнать, чтоб ему никогда больше не приходило на ум возвращаться сюда? Нет, она все же не просто Ильза Лидум, — она заместитель председателя уисполкома. Может, у Пацеплиса какой-нибудь деловой вопрос? Неужели у него хватит наглости навязываться со своими личными делами?»

— Заходи в комнату... — холодно и сдержанно сказала она.

Пацеплис снял полушубок, повесил на крюк, затем покосился на мешок в углу: развязать сейчас или не-

много подождать? Подумав немного, он оставил мешок в передней и вошел в комнату. Сел без приглашения и долго с грустью смотрел на Ильзу (немного играть он тоже умел). Закутав плечи шалью, Ильза села у окна и стала смотреть на улицу. Пацеплис заговорил первым.

— Вот мы и встретились через столько лет... Кто бы мог подумать, что пройдет так много времени, пока увидим друг друга. («Какая она все же приятная и свежая...») Что я в своей жизни видел? Только горе да невзгоды. И теперь такая пустота, что и жить не хочется. Огромная, страшная пустота... — Он тяжело и громко вздохнул.

— Пацеплис, что тебе нужно? — сурово спросила Ильза. — Что мне до твоей пустоты? Говори о деле.

Пацеплис, снова вздохнув, сделал постное лицо.

— Не будем вспоминать старое. Что было, прошло. Человеку надо жить будущим. А мне жить тяжело. Один я, как надломленное дерево, никому до меня нет дела.

— Не ври! — не выдержала Ильза. — У тебя есть дети — Анна и Жан. Хорошие дети. Ты недостоин их.

— Какой в них прок, когда они бросили отца на произвол судьбы, — продолжал Пацеплис. Его голос становился все плаксивее. — Оставили усадьбу, живут по чужим людям. Я сейчас в Сурумах совсем один. Недавно похоронил... жену. Хорошим человеком назвать ее нельзя было. И тогда я подумал... Ведь у меня есть еще один сын, Ильза...

— У тебя нет сына, Пацеплис! — громко вырвалось у Ильзы. — Эту мысль ты выбрось из головы. У меня есть сын, но он никогда не будет твоим. Ты от него отказался, когда ему был нужен отец. А теперь он обойдется и без тебя.

— Но отцовская любовь ему нужна, как любому человеку, — не смущался Пацеплис. — Зачем ему жить всю жизнь сиротой? Нехорошо, конечно, я поступил, что раньше не исправил своей ошибки. За это следует меня бранить и презирать, я вполне заслужил такое отношение. Но исправить ошибку никогда не поздно. Нашему сыну, Ильза, надо вернуть отца. Я готов искупить свою вину.

— Что ты хочешь этим сказать? — Ильза впервые за время разговора посмотрела на Пацеплиса, и в ее глазах было такое удивление, такая ледяная насмешка и

ненависть, что у Пацеплиса пробежали по телу мурашки.

— Вот что... — ответил он. — Наши жизненные пути раз уже скрестились. Сама судьба указала, что мы подходим друг другу... ты и я. Если выкинуть этот перерыв и посмотреть, что мы сейчас представляем собой, то надо признать, — сегодня мы даже больше подходим друг другу. Ты одинока, я тоже. Два свободных человека. Исправим свою жизнь... Сложим наши косточки вместе. Старая любовь, говорят, не ржавеет.

— Ты... ты... — Ильза от негодования не могла говорить.

— Я делаю тебе предложение, Ильзит, предлагаю свою руку и сердце! — торжественно произнес Пацеплис. — Будь моей женой перед богом и людьми!

— Это все, что ты хотел сказать? — спросила Ильза, с трудом сдерживаясь.

— Это все, моя дорогая, — подтвердил Пацеплис.

— И ты осмелился? — Ильза встала. — У тебя хватило наглости предложить мне подобное? Негодяй, хоть постыдился бы. Ведь ты не человек, а скотина. Исправить жизнь... Мне свою жизнь исправлять не надо, а если бы и нужно было, то не такой грязной заплатой, как ты. Уходи отсюда, Пацеплис! Я не хочу тебя видеть. Ты мне противен!

— Не надо волноваться, Ильзит... — успокаивал ее Пацеплис. Он пытался приблизиться к ней, дотронуться до ее руки, но она оттолкнула его с такой силой, что он отлетел к столу и стукнулся о него боком. — Не волнуйся. Ведь я к тебе только с добром, от всего любящего сердца пришел... как кающийся грешник, на плечах которого тяжелая ноша. Превозмоги свое справедливое негодование и попытайся простить меня. Подожди одну минутку.

Он выскочил в переднюю и вернулся со своим мешком.

— Я кое-что привез тебе. Может, пригодится.

Вытащив из мешка завернутый в тряпку кусок окорока, он оглянулся, куда бы его пристроить. Стол был накрыт чистой скатертью, — туда нельзя. Тогда Пацеплис постелил на стул старую газету и положил гостинец, потом извлек кадушку с маслом и поставил рядом с окороком.

— Погляди, Ильзит, какой жирный. Разве на базаре

такое мясо достанешь? А здесь маслице... Это все можешь оставить себе. Только не сердись, твой старый Антон совсем не такой плохой, каким ты его считаешь. Мы еще заживем неплохо, Ильзит.

У Ильзы на языке было какое-то безжалостно-насмешливое слово, но она не успела его произнести, так как в комнату вошел Артур, он всегда обедал в это время. Заметив чужого мужчину, сын вопросительно посмотрел на мать.

— У тебя гость, мама?

Пацеплис быстро повернулся к Артуру, лицо расплылось в широкую улыбку, и он с удовольствием посмотрел на молодого человека.

— Какой рослый, Ильзит, прямо как молодой дуб! — воскликнул он. — На такого сына не нарадуется сердце матери и отца.

— Гм... — Артур удивленно смотрел то на Пацеплиса, то на мать. Незнакомый мужчина доброжелательно улыбался Ильзе, а ее лицо было темным, мрачным, враждебным.

— Что здесь происходит, мама? — спросил Артур. — Что за мясо и кадушка?

— Вот этот человек... — Ильза пальцем указала на Пацеплиса. — Он за это мясо и кадушку масла хотел купить нас обоих. Посмотри внимательней на этого проходимца — таков твой отец.

— Правильно, молодой человек, таков он и есть, — подтвердил Пацеплис. — Отец остается отцом. У каждого человека есть свой отец, один-единственный на всем свете. Милый сын, дай я прижму тебя к своей груди.

Он широко раскрыл свои объятия и ждал. Смущенно и враждебно смотрел Артур на этого чужого человека, и никакие теплые чувства не пробуждались в его сердце. Как-то в детстве Ильза рассказала ему про отца, он уже точно не помнил, что именно, — наверно, что-нибудь плохое, — и после об этом человеке не упоминалось ни слова. Артур вспомнил, как Лудис Трей и другие мальчишки когда-то прозвали его в школе «Ильзин сын» и как ему было больно, когда чужие люди насмехались над его происхождением, над его любимой матерью. Так вот каков этот негодяй, искалечивший ее жизнь...

— Что ему нужно здесь? — спросил Артур. — Кто разрешил ему прийти сюда?

— Никто не разрешил, — сказала Ильза. — Явился нас осчастливить. Ты якобы не можешь обойтись без его любви... и я тоже... — усмехнулась она мрачно. — Сделал мне предложение, понимаешь, Артур, этот негодяй предложил мне руку и сердце!

— Что ж тут плохого! — вставил Пацеплис. — Почему я не имею права делать предложение матери моего сына? Ведь это доброе дело.

— Артур! — не выдержав, крикнула Ильза. — Будь добр, выбрось этого негодяя за дверь. Я задохнусь! Его присутствие отравляет воздух!

Артур выразительно посмотрел на Пацеплиса и указал рукой на дверь:

— Вы слышали? Берите свою кадушку, кусок мяса и... убирайтесь. — Его голос дрожал от еле сдерживаемого гнева.

— И это сын... — шептал Пацеплис. Улыбка сошла с его лица; грустный и разочарованный, он сейчас действительно выглядел жалким. Глазами, полными слез, смотрел хозяин Сурумов на своего сына. — С любовью и глубоким сердечным чувством я пришел к вам. А вот как вы меня встречаете...

Он вздохнул, сунул в мешок кадушку и окорок и с опущенной головой вышел из комнаты. Артур последовал за ним в переднюю, подождал, пока он надел полушубок, заячью ушанку, и выпустил его.

— Боже мой... боже мой... — шептал Пацеплис. — Что теперь будет со мной? Отчего ни один человек не понимает меня и не хочет любить?

Двери закрылись, щелкнул замок, и в квартире наступила тишина.

Артур вернулся в комнату, сел на диван рядом с матерью и обнял ее за плечи. Когда Ильза немного успокоилась, Артур спросил:

— Кто он, мамусенька? Расскажи... если тебе не слишком трудно говорить. Мне все же надо знать о нем, каков бы он ни был.

3

И Ильза рассказала сыну повесть своей молодости — до того места, когда они, перебираясь к Яну Лидуму в Лавери, встретили в лесу свадебный поезд.

— Ну, а дальше говорить не стану, Артур. Только запомни одно: пока ты живешь на свете, этот человек ни разу не вспомнил о тебе и не попытался помочь. Ты ему ничего не должен. Он для тебя чужой, больше, чем чужой, потому что чужой тебе ничем не обязан, а он не выполнил своего долга. Он отказался от тебя еще до того, как ты появился на свет. Ты можешь смело заявлять, что у тебя нет отца, и никто не упрекнет тебя за это. Ты будешь прав, если отвернешься от него. Его собственные дети — те, которых он признавал своими, — ушли от него, ибо ничего другого, кроме батрацкого ярма и равнодушия, он не дал своим детям.

— И как его зовут, мама? — спросил Артур.

Ильза задумалась.

— Почему ты молчишь, мама? — спросил Артур. — Разве тебе так трудно назвать его имя? Кто бы он ни был, я все равно всегда останусь Артуром Лидумом.

Ильза посмотрела на сына и грустно улыбнулась.

— Не сомневаюсь, Артур.

Она опять немного помолчала и затем сказала:

— Это Антон Пацеплис. Он хозяин усадьбы Сурумы в Пурвайской волости и отец Анны Пацеплис...

— Отец Анны?.. — Артур встал и взволнованно заходил по комнате. — Отец Анны...

— Так оно выходит, Артур. Анне так же, как и тебе, не хватало отцовской любви и забот, с той только разницей, что она рано лишилась и материнской ласки. В этом отношении ты счастливее ее.

— Жаль, что я не знал этого раньше, — сказал Артур.

— Тебе надо поехать к ней и обо всем переговорить.

— Поеду. Сегодня же вечером. Мне все равно ехать в ту сторону по разным делам, заодно заверну к Анне.

После обеда Артур вернулся в уком партии, несколько часов поработал, а потом сел в «газик» и поехал в Пурвайскую волость. Дорога была сильно занесена снегом, местами машина буксовала, поэтому Артур только поздно вечером добрался до цели. Оказалось, Анна уже ушла домой.

«Ничего, сегодня не буду ее беспокоить, — решил Артур. — Утро вечера мудренее».

Он попросил делопроизводителя волисполкома открыть рабочую комнату председателя Бригиса, пригото-

вил на старом просиженном диване постель и долго за полночь читал захваченный с собой роман Фадеева «Молодая гвардия».

Анна пришла на работу ровно в девять. Артур уже встал, успел умыться, побриться и позавтракать. Анна с первого взгляда поняла, что произошло что-то особенное: Артур казался смущенным, он ходил по комнате и никак не мог начать разговор.

— Что случилось, Артур? — спросила она, с беспокойством глядя на раннего гостя. — У тебя неприятности? Может, мы сделали что-нибудь не так, как полагалось?

— Кое-что действительно случилось... — сказал Артур. — Но я не знаю, приятное это или неприятное. Оно может быть и тем и другим.

— Почему ты не сядешь?

— Ничего, мне лучше так, но ты сиди, Аннушка. На меня не смотри.

Наконец он остановился у письменного стола, о чем-то думая, посмотрел в окно, затем повернулся к девушке и неловко улыбнулся.

— Ты знаешь, что я вырос без отца. Ничего о нем не знал и привык думать, что его нет совсем. А вчера я имел честь увидеть его.

— Правда? — воскликнула Анна. — Это чудесно! Ты нашел отца... Воображаю, какая у тебя большая радость.

— Да, большая радость... — в голосе Артура звучала ирония. — У тебя тоже есть отец, ты очень этому рада?

Анна смутилась и опустила глаза.

— Не все отцы, Артур, таковы, как мой... — прошептала она. — Есть среди них люди честные, и таких большинство.

— Но наш принадлежит к мерзкому меньшинству.

— Наши — хотел ты сказать... — поправила Анна.

— Нет, именно наш, — сказал Артур. — У нас отец один, Аннушка. Антон Пацеплис из Сурумов, так его зовут. Вчера на мою долю выпало наконец счастье впервые увидеть его собственными глазами, ибо он прибыл к нам сделать предложение моей матери.

— Не может быть! — взволнованно вырвалось у Анны. — Только позавчера он похоронил жену. Нет ли здесь какого недоразумения, Артур?

— Недоразумения нет. Вчера твой отец был в городе и совершенно официально предложил свою руку и сердце моей матери. Конечно, он был отвергнут, а мне стало известно то, о чем я сейчас тебе рассказал. Выходит, мы родственники, — я имею в виду тебя, Аннушка, а не его, конечно. Он никогда не будет моим родственником.

— Брат и сестра по отцу? — с радостным изумлением Анна посмотрела в глаза Артуру.

— Да, выходит, — улыбнулся тот. — Мы до сих пор были хорошими друзьями, думаю, ими и останемся. Мы дети, вернее падчерица и пасынок, одной судьбы. О чем ты думаешь, Аннушка?

— Ты... ты слишком добр, Артур... — сказала Анна. — Ведь тебя ограбили, тебя и Ильзу. И я тоже, сама того не зная, повинна в этом.

— Неверно, Аннушка. Ты никого не грабила. И если хорошенько поразмыслить, разве мы что-нибудь потеряли? Чего он стоит, этот наш так называемый отец? Любой чужой человек дороже его. Чисто биологическая роль, выпавшая в нашей судьбе на долю Пацеплиса, не делает его лучше и ценней, чем он есть. Меня он просто забыл, но ты-то выросла у него на глазах. Скажи: что он тебе дал? На много ли больше получила ты от него, чем я? Ни на один миг я не завидую тебе. Наоборот, ты можешь позавидовать мне, что я не рос в атмосфере того ужасного эгоизма, жестокости и равнодушия, как ты. Мы случайно нашли друг друга, и сама жизнь сделала нас хорошими товарищами и друзьями. Теперь будет еще лучше: вместо одного брата у тебя будут два, а я приобрел сестру, которой у меня не было.

— Как я сейчас богата... — прошептала Анна.

— Что мы станем делать с отцом? — спросил немного погодя Артур. — Он, конечно, плохой человек, но дать ему совсем погибнуть не хотелось бы. В конце концов, мы советские люди и хотя бы в силу наших обязанностей перед обществом должны думать об отдельных его членах.

— Да, Артур, но только в силу обязанностей перед обществом! — сказала Анна. — Большего пока он не заслуживает.

Зазвонил телефон, Анна сняла трубку.

— Товарищ Пацеплис? — раздался не то испуганный,

не то радостный голос Регута. -- Мне надо сообщить вам одну радостную новость...

— Я слушаю, товарищ Регут... — отозвалась Анна. — Что за новость?

— По телефону говорить неудобно, — ответил Регут. — Вы еще побудете немного у себя?

— До обеда никуда не пойду.

— Ладно, тогда я сейчас приеду. Только не уходите. Эта весть вас очень обрадует.

Анна положила трубку и улыбнулась.

— Регут чем-то хочет поразить меня. По всей вероятности, что-нибудь серьезное, если не хочет говорить по телефону. Подожди, Артур, пока он приедет, — может, и тебе будет интересно эти новости слышать. А пока подумаем, что нам делать с отцом. Может, и впрямь применить самые крутые меры и выставить его из Сурумов?

4

После обеда поднялась настоящая метель.

Почуяв, что хозяин забыл про нее, лошадь перешла с рыси на спокойный шаг и лениво тащила сани по занесенной дороге, временами косясь назад: не грозит ли опасность? Хотя шкура клячи испытала все — и удары кнутом и пинки ногой, — все же мало было приятного, когда завязанные на кнуте узлы начинали жалить старое тело. Хозяин умел бить жестоко, прямо по ногам, где меньше мяса и потому больнее всего.

Но сейчас суровому хозяину не было никакого дела до старой клячи. Погрузившись в глубокое раздумье, он не видел и не слышал, что происходило вокруг него. После того как его прогнали из квартиры Ильзы, он направился домой, все еще ощущая недавнее унижение.

Такой позор, такой позор... родной сын выставил за дверь, как назойливого нищего, — только еще не хватало, чтобы схватили за шиворот и выбросили на улицу. Куда девались прекрасные мечты о красивой совместной жизни в дружбе и любви? Куда делось мягкое кресло и стакан грога? Как на собаку, прикрикнули и показали на дверь. За что? Почему?

Он пытался обидеться, рассердиться, выразить про-

тест, но не хватало силы для гнева. Пацеплиса охватило огромное изумление, простодушное непонимание и полное смятение. «Почему все люди отворачиваются от меня и презирают? — снова и снова спрашивал он себя. — Что я такого плохого сделал? За всю свою жизнь не присвоил ни крошки чужого добра, ничего ни у кого не урвал и жизни никого не лишил. Откуда такая ненависть? Анна... Жан... теперь Ильза и Артур — все отмахиваются, как от прокаженного. Даже чужие люди, и те избегают вступать в разговоры. Только Кикрейзисы... но у тех свой расчет на уме: стараются использовать, натравить на весь мир, как старую собаку, чтоб потом посмеяться над твоей несдержанностью. Почему? Разве ты грешнее своих соседей? Почему их оставляют в покое? Или ты проклят нечистой силой?»

Он чувствовал себя отчужденным от людского общества. Мозг тщетно отыскивал решение этой загадки, но разгадка не находилась, ибо велика была сила самоуверенности и самовлюбленности Пацеплиса.

«Тридцать лет тебе ничего не нужно было от меня, а теперь вдруг понадобилось...» — звучали в ушах безжалостные слова Ильзы. «Может, я неправильно вел разговор? Надо было терпеливо подготовить почву для семян дружбы, немного польстить, сильнее покаяться в старых грехах, нарисовать более мрачную картину своей жизни... Дать Ильзе посердиться, успокоиться и только тогда заговорить о своем предложении...»

Но нет, в глубине души уже зародилось сомнение. Пацеплис не верил, что иными словами и действиями можно было достичь другого результата. Ошибка произошла не сегодня, она крылась во всей предыдущей жизни, ее нельзя было исправить ни словами, ни обещаниями. Следовало начать жизнь сначала, но это так же невозможно, как невозможно вторично родиться. Нет такого мастера, кто бы мог перекинуть мост от прошлого к настоящему через все эти мрачные тридцать лет.

Моментами он возвращался к действительности и начинал понимать окружающее. Тогда он принимался понукать лошадь и гнал ее рысцой. Но скоро вожжи опять ослабевали, кнут переставал щелкать, и умное животное понимало, что можно передохнуть.

Стемнело. Ветер разогнал тучи, в небе замерцали

звезды. Мороз крепчал, и Пацеплиса стал пробирать холод. Антон вылез из саней и зашагал пешком. Как на грех утром он надел сапоги, теперь сильно мерзли ноги. Сущее издевательство: будто лоск сапог кому-нибудь мог ослепить глаза и разум! Наверно, даже не посмотрела на твои блестящие голенища, а ты прихорашивался и душился, как старая обезьяна. Так дешево ничто не покупается в жизни и менее всего — оскорбленная гордость человека.

Почти к полуночи приехал домой Пацеплис. В хлеву неспокойно мычала и визжала проголодавшаяся скотина. Жалобно скулила собака. Неприветливо встретила хозяина пустая, нетопленая изба. Пацеплис разделся и, не поужинав, забрался в холодную постель, но сон не шел. В окно глядела яркая луна, призрачный полумрак царил в комнате. Около часа провалявшись без сна, Пацеплис в глубокой задумчивости сел на край кровати, затем оделся и, как лунатик, заходил по комнате. Вышел в кухню, зачерпнул ковшом воду и долго пил, хотя пить совсем не хотелось. Коровы продолжали мычать. Теперь и собака завыла. Хоть бы скорее утро...

Не в силах больше слышать жалобы животных, Пацеплис набросил на плечи полушубок и, разыскав кусок хлеба, вышел во двор.

— На, жри, и перестань выть! — крикнул он собаке и бросил ей хлеб. Собака тотчас умолкла и, схватив кусок, легла на порог и принялась жадно глодать его.

Пацеплис пошел в хлев, набил в ясли сена, налил воды, а свиньям насыпал картошки. Как призрак, ходил он по двору, освещенному луной. И было как-то необычно, что никто его не окликнет, не позовет в избу. Собака, покончив с хлебом, медленно ходила за хозяином, аппетитно позевывая и виляя хвостом, хотя хозяин не обращал на нее никакого внимания.

«Что теперь будет? — думал Антон. — Как я буду жить? Кто станет готовить мне обед, убирать избу, ходить за скотиной? Как зверь, буду сидеть в своей норе. Никто ко мне не зайдет, и никому я не нужен. Если куда-нибудь шагнешь из усадьбы, она останется без присмотра... растащат все, без рубашки останешься. За что такая ужасная кара?»

Он остановился у клети, посмотрел в сторону дороги.

«Хоть бы какой прохожий появился, все равно кто,

лишь бы человек, — можно было бы поговорить, услышать человеческий голос. Все легче стало бы. Ужасно быть одиноким и сознавать, что твое одиночество неизбежно».

Дорога была тиха и пустынна, только где-то кричал небольшой зверек, — видно, на него напал какой-то сильный зверь.

Пацеплис вздрогнул и вернулся в избу. Он ходил по избе и нигде не находил покоя, — казалось, он что-то искал. В бывшей комнатке Анны он долго смотрел на пустую кровать и прислушивался, как под полом возятся мыши. Воздух в комнате был спертый, чувствовался запах плесени: помещение не проветривалось со дня ухода Анны.

«В таком воздухе не житье, — подумал Пацеплис. — Задохнешься».

Немного позже он уже стоял в узкой комнатушке Жана и снова смотрел на пустую кровать. Здесь так же, как и в каморке дочери, пахло плесенью и под полом возились мыши. Когда Антон вернулся в большую комнату, ему казалось, что и здесь нечем дышать. Грудь сдавило, на сердце легла какая-то тяжесть. Сев на скамейку, хозяин заплакал. Он знал: никто не придет его утешить и никто его не пожалеет. Ужас неизбежного одиночества окутал его, как черные крылья гигантской птицы.

Да, наконец он понял все. Понял, что всю свою жизнь был скрягой и никому ничего не дал: ни крупицы сердечности, ни капли ласки и не сказал ни одного простого дружеского слова. Вот поэтому нет у него сейчас права на любовь и ласку. Замерзай в своей мрачной, холодной берлоге, откуда ты изгнал радость и улыбки.

Стоит ли теперь вообще жить? Сухостойные деревья рубят на дрова и жгут, чтобы человеку было теплее; а на что может пригодиться твоя скупая и черствая душа? Даже погибнув, она не согреет ни одного живого существа.

Антон еще раз поднялся, вышел на кухню и разыскал вожжи, которые лежали в углу с того времени, как он бил Лавизу. Словно завороженный, сжимал он грубую веревку, ища глазами по стенам подходящий крюк. Но не было ничего подходящего, что выдержало бы тяжесть его тела. Надо пойти в клеть, там под навесом вбит в стену железный сердечник — тот выдержит...

Сердечник, возможно, выдержал бы, но не выдержал человек. Весь свой век Антон Пацеплис крепко держался за жизнь, судорожно вцепившись в нее сильными пальцами; нет, он был не из тех людей, которые могут сбросить свою жизнь, как изношенную старую одежду. Пальцы разжались, вожжи упали на глинобитный пол кухни, хозяин вздохнул в последний раз и вошел в комнату. Он сел у окна и, ожидая утра, стал смотреть на сияющий в лунном свете двор. А когда рассвело, все было продумано, — что делать и как *жить*.

Пацеплис запряг лошадь и рано поутру поехал в правление колхоза. Он прибыл туда, когда никого из работников правления еще не было. Ему пришлось прождать почти целый час, пока не явилась счетовод Марта Клуга. Девушка подивилась на раннего посетителя и спросила, что ему нужно.

— Председателя Регута. Он сегодня будет здесь?

— Должен скоро прийти, — сказала Марта и занялась своими бухгалтерскими книгами.

Через полчаса явился Регут. Посещению Пацеплиса он удивился еще больше, чем Марта, но, умея скрывать свои чувства, не дал Антону заметить удивление.

— Что у соседа на сердце? — спросил Регут.

— Мне надо с тобой поговорить по очень важному делу, — сказал Пацеплис. — Но только без свидетелей.

— Говорить — так говорить, — пробасил Регут. — Пойдем в мою комнату.

«Наверно, опять пришел ругаться по поводу отводной канавы...» — подумал председатель колхоза и начал прикидывать, каким образом лучше убедить упрямого крестьянина.

— Я слушаю, Пацеплис... — сказал Регут, когда оба вошли в его комнату.

Пацеплис выпрямился во весь рост, подошел поближе к столу, за который уселся Регут, и пристально посмотрел ему в глаза.

— Товарищ Регут, я пришел просить, чтобы меня приняли в колхоз... — заговорил он тихо и торжественно. — Дальше так жить не могу. Что я должен сделать, чтобы меня приняли членом в вашу артель?

...Такова была радостная новость, о которой Регут хотел рассказать в то утро парторгу. Когда он наконец при-

был в волисполком и обо всем рассказал Анне и Артуру Лидуму, лицо Анны просияло.

— Вот теперь я должна поспешить к отцу, — сказала она. — Если он решился на это, — его нельзя оставлять одного.

5

Земельная площадь колхоза «Сталинский путь», включая усадьбы Мелдеров и Стабулниеков, составляла около восьмисот гектаров. Пахотной земли было почти пятьсот гектаров, остальное — луга, пастбища, лес и поросшее кустарником болото. Из пятисот гектаров пахотной земли примерно одна треть находилась в очень низком месте и начала заболачиваться. В середине общего массива небольшими островками было разбросано десятка два индивидуальных хозяйств, земли кулаков и середняков — это можно было считать резервом артели, поэтому при разработке планов землеустройства, севооборота и перспективного хозяйственного развития колхоза Айвар Лидум, Римша и Регут брали в расчет и эти земли. Уже сейчас можно было предположить, что до осени к колхозу присоединится не меньше половины этих хозяйств.

На новой конеферме колхоза было сорок восемь рабочих лошадей и двенадцать жеребят, а на молочно-товарной ферме — сорок шесть дойных коров и два породистых быка-производителя, полученных от сельскохозяйственного кооперативного товарищества. В колхозе на первых порах организовали одну животноводческую и две полеводческие бригады, за ними закрепили участки земли, снабдили их сельскохозяйственным инвентарем и рабочими лошадьми.

Анна нашла среди комсомольцев волости подходящего человека на должность счетовода — дочь бригадира Клуги Марту. Девушка только в прошлом году закончила среднюю школу и работала в волисполкоме. Бухгалтер МТС обязался помогать ей советом и первую неделю проработал вместе с Мартой в правлении колхоза.

Вскоре после объединения скота начались первые коллективные работы. В клеть засыпали зерно для весеннего сева, новые колхозники завезли на обе фермы сено,

клевер, солому. Небольшая строительная бригада начала ремонт и переоборудование конюшни, коровников, клети и других построек. Для каждого желающего трудиться работа нашлась.

Первую неделю после объединения коров двор усадьбы Стабулниеков по вечерам был полон женщин. Гандриене приходила проведать, как живется ее Буренушке, то же желание гнало сюда многих жен и матерей колхозников. Критически наблюдали они за работой доярок и проверяли, чем наполнены ясли их любимой скотины, правильно ли разбросан подстил, щупали коровам ребра, гладили их и бормотали ласковые слова.

— Ну как ты теперь живешь, моя коровушка? Получаешь ли достаточно корма? Не бодают ли чужие коровы, не лежишь ли в навозе?

Скотинушка потряхивала ушами и отвечала тихим мычанием, некоторые коровы вытягивали кверху морды и разражались громким «му...».

Для особых нареканий причин не было: Ольга Липстынь оказалась хорошей и строгой хозяйкой фермы и с первого дня старалась приучить доярок к настоящему порядку. Скотину кормили и доили всегда во-время, коровник всегда был чист. Но не могло быть, чтобы пожилой крестьянке, любившей свою скотину, как детей, что-нибудь не бросилось в глаза и не нашлось бы причин для горестного вздоха и критического замечания. Ольга Липстынь смирилась с посещением фермы колхозницами, терпеливо выслушивала их замечания и все дельное принимала во внимание. Этот добровольный общественный контроль, по правде говоря, помог быстрее поставить ферму на ноги и установить нужный порядок. Скоро количество посетителей начало уменьшаться, придирок становилось меньше, колхозницы успокоились и перестали печалиться о «горькой судьбинушке» своих коров.

Точно такое же творилось первое время на конеферме. Никто не сомневался, что Петер Гандрис понимает толк в лошадях и что он честный парень, но разве он мог один как следует уследить за всеми сорока восемью лошадьми и двенадцатью жеребятами, во-время заметить, в чем каждый конь нуждается.

— Лошадь, Петер, лучший друг и помощник человека, — напоминали колхозники заведующему конефер-

мой. — С конем надо обходиться, как с человеком. Животное не может сказать, что у него болит, ведь нет у него языка. Или накололо ногу, или седелка натерла хребет, или надорвалось, — все надо видеть и понимать человеку. Одним кнутовищем коню силы не подбавишь, самое главное — не дать надорваться, не обижать животное.

Они хорошо понимали, что Петеру Гандрису все это так же ясно, как им самим, и все же на сердце было спокойнее, когда высказывали свои заботы и еще раз напоминали всем известные истины, — никогда и ничего не испортишь лишним напоминанием и хорошим советом.

Так же, как Ольга Липстынь, Петер Гандрис терпеливо выслушивал замечания колхозников и обещал все принять во внимание.

Отправляясь в поле, колхозники стремились получить своих бывших лошадей, а кому приходилось работать без лошади, тот пытался обязательно поговорить с Петером с глазу на глаз и шепотом его уговаривал:

— Мой Анцис не такой уж сильный, ты не посылай его на тяжелую работу. Пусть пашут рослыми, крепкими лошадьми.

Или так:

— Моя кобылка еще молода и горяча, наряжай ее положительному колхознику, иначе надорвется и пропадет.

Один старичок, которому по возрасту давно было пора сидеть дома на печке и рассказывать внукам сказки, отказался от должности ночного сторожа и до тех пор не давал покоя правлению, пока его не назначили на коneферму конюхом. А там были две лошади его сына. Вечером, когда лошади возвращались в конюшню, старый крестьянин так внимательно осматривал своих бывших лошадей, прощупывая все тайники и разглядывая копыта, будто являлся членом закупочной комиссии. Если колхозник-возница оставил что-либо без внимания, старик стыдил и бранил его, пока тому не становилось жарко, и во второй раз ему уже не хотелось испытать ничего подобного. Вечером, когда лошади в своих стойлах ели, старикашка незаметно засовывал в ясли «своих» лошадей лишнюю охапку клевера, засыпал лишнюю горсть овса, и пойло с мучной подболткой у его лошадей всегда оказывалось гуще, чем у прочих.

Граница между «мой» и «наш» еще не была уничтожена. Хотя и не было никаких оснований для таких действий, вчерашний единоличник продолжал смотреть на свою бывшую собственность глазами частного владельца, в его сознании она оставалась чем-то более близким, дорогим и ценным, чем общественное имущество коллектива.

Регут был прав: древний Адам еще крепко сидел в сознании многих колхозников, и надо было хорошо поработать над перевоспитанием людей, пока они сбросят с себя путы былого и понятие «наш» сольется с понятием «мой». Они понимали, что находятся в плену пережитков, что смешно держаться за отрепья старой жизни, стыдились этого, скрывали свои переживания от других, но полностью избавиться от этой привычки все же не могли. Это походило на болезнь, которой надо переболеть до конца, чтобы потом стать вполне здоровым.

«Выздоровление» быстрее всего протекало в тех семьях, где не было наслоенных поколениями собственнических традиций, — вчерашние батраки, испольщики, новохозяева, постояльцы-валенеики и мастеровые меньше оглядывались назад и с первых шагов коллективизации смело и уверенно смотрели в будущее. Свой уголок, свой клочок земли их не притягивал, как магическая сила, и не мешал их новой поступи. Для них было все равно, какое поле пахать и где сеять, — всюду они работали с одинаковым трудолюбием, радостью и любовью. Середняк, межу которого уничтожил трактор МТС, просил бригадира, чтобы тот разрешил ему хоть эту весну поработать на своей бывшей земле.

— Колхозу ведь все равно, а мне здесь привычнее. Каждая пядь земли исхожена, каждый камень посреди поля знаком. Разве не безразлично вам, где я свой трудодень заработаю?

Регуту и Клуге пришлось немало потрудиться, чтобы достать рабочих для посылки на другой конец колхоза, где не хватало рабочих рук. У одного сразу же расстраивался желудок, у другого заболевала жена, у третьего появлялись неотложные дела в городе. И пока они так артачились и препирались, время шло, лучшие сроки посева минули, и почти восемьдесят гектаров ярового клина остались незасеянными. Положение спасли комсо-

мольцы: они заявили о своем желании работать на дальних участках, им удалось увлечь за собой и часть молодежи. В бригаде Клуги организовалась особая молодежная ударная группа, и яровой клин все же засеяли. Этим молодежь провела глубокую борозду и в сознании своих родителей — иной крестьянин словно немного ослабил руки, цепко державшиеся за свою бывшую единоличную землю. С уничтожением межевых знаков и слиянием мелких земельных участков в крупные поля постепенно отмирали и старые представления в сознании людей.

Когда новохозяину Яну Липстыню осенью 1944 года отвели пятнадцать гектаров земли, он работал на них до седьмого пота, но когда вместе со всей полеводческой бригадой вышел впервые на колхозное поле, он уже не утруждал себя, не горячился, не гонял до пота лошадей. Медленно и спокойно шагал он за плугом, а в конце борозды обязательно останавливался и закуривал трубку. Если случалось, что пахарь соседнего участка находился поблизости, Липстынь подходил к нему, и они долго болтали о жизни, хвалились своими женами, обсуждали волостные сплетни. Они не спешили, будто кто-то им говорил: нечего торопиться, пахать успеется — ведь не своя земля...

Как поденщик, чувствовал себя Липстынь первое время, будто отрабатывал барщину, трудясь на колхозном поле. Не работать было нельзя — ведь он для этого вступил в колхоз, — но не хватало той особой заботы, которая прежде заставляла вставать до свету и постоянно думать о том, как бы во-время вспахать, засеять, скосить и убрать все со своего небольшого клочка земли. Ему казалось — не его дело, что станется с полями артели: об этом должны думать Регут, Клуга, правление колхоза, — ведь для этого их избрали. Свою приусадебную землю он, конечно, успеет обработать и выжмет из нее все сполна.

В конце недели бригадир Клуга обмерил вспаханное и записал в книжку трудодни. Результат заставил Липстыня задуматься: в среднем он выработал не более восьмидесяти процентов дневной нормы. Он, известный во всей волости своим трудолюбием, — и восемьдесят процентов! Ведь это скандал. Когда Ольга Липстынь узнала об этом, у них произошел крупный разговор.

— Скажи, Ян, есть ли у тебя стыд или нет? — говорила она. — Куда ты сейчас глаза денешь? Восемьдесят процентов... это же курам на смех. Завтра в правлении колхоза вывесят таблицу с выработкой каждого. Люди могут пальцами тыкать и насмехаться. Говорят, что и качество твоей пахоты неважное. Ты что — пахать разучился, что ли?

— А ты что хочешь, чтоб я разорвался на этой артельной работе? — огрызнулся Липстынь, избегая взглядов жены. — Ко всему надо привыкнуть... и к артельной работе. Нормы, качество, трудодни... об этом раньше никто и понятия не имел. На глазок пахали и сеяли, — как кто умел, так и ладно было. Теперь приходит какой-то там Клуга и начинает копаться в моей пахоте; это не хорошо, и это никуда не годится. Разве я какой агроном?

— Постыдись, Ян, не пристало так говорить активисту, — сказала Ольга. — Ты должен показывать другим пример, и ты это можешь, надо только захотеть. Не на чужого работаешь, сам на себя, своему колхозу. Поменьше думай о приусадебном участке. Не там источник нашей зажиточности, не там наше будущее, а вон там, за околицей усадьбы, на колхозных полях.

Липстынь понимал — жена права, но ему было неприятно, что она так говорит, поэтому он ничего не обещал. На следующей неделе он все же работал иначе и ежедневно выполнял норму, а на третьей неделе начал давать по сто двадцать и более процентов. Только тогда он набрался храбрости завернуть в правление колхоза и посмотреть на большую доску, где среди прочих было написано и его имя. Двадцать семь трудодней уже было на его счету. Неплохо.

Еще много было таких колхозников, которые не особенно полагались на хозяйственные успехи артели и в первый год ее существования не верили, что из колхозного дохода, когда его разделят на трудодни, что-либо получится, — поди знай, можно ли будет на это прожить. Некоторые трудились на коллективной работе ровно столько, сколько нужно для того, чтобы их не вызывали в правление и не считали саботажниками, а в остальное время понемногу спекулировали, закупали у единоличников масло, мясо, картофель, зерно и возили на базар продавать. Нашлись даже двое таких умников, которые

обзавелись батраками и, выдавая их за своих родственников, посылали на колхозные работы, трудодни записывали на свое имя, а батракам платили деньги. Так продолжалось недели две. Когда Регут узнал об этом, обоих ловкачей вызвали на заседание правления.

— Что же, соседушки, или в колхозе жить надоело? — спросил Регут. — Хотите действовать по-кулацки, заниматься эксплуатацией? Кто разрешил вам держать наемную рабочую силу и присваивать себе трудодни, которые сами не заработали?

— Какая там наемная рабочая сила, — оправдывались те. — Близкие родственники. У них нет пристанища, поэтому временно живут у нас. Их никто не посылает на работу, сами попросились немного поразмяться, а заодно отработать за кров и харчи.

— Смотрите, чтоб вы не вылетели из колхоза! — сказал Регут. — Не знаю, можно ли будет оставить вас в артели. Пользы от вас никакой, работать не хотите, занимаетесь эксплуатацией. Таких людей нам не надо.

Смекнув, что дело принимает серьезный оборот, оба предприимчивых крестьянина обещали сделать все, чтобы искупить свою вину, лишь бы их оставили в колхозе.

— Это может решить только общее собрание, — сказал Регут. — Как коллектив решит, так оно и будет.

И только после того, как оба провинившихся усердно потрудились в полеводческой бригаде вместе со своими семьями, общее собрание оставило их в артели, ограничившись основательной головомойкой и предупреждением. Этот случай положил конец попыткам возрождения кулацких повадок.

Рядом с проявлениями отмирающего прошлого в колхозной жизни было много нового, хорошего, радующего. Большая часть колхозников с увлечением включилась в работу и не жалела сил для общего дела. На каждом шагу проявлялась забота о коллективном имуществе, сознательное отношение к своим обязанностям, непримиримость ко всему уродливому, отсталому и корыстному. Люди были бдительны и стояли на страже интересов колхоза, смело критиковали каждое замеченное безобразие, нерадивость, беспечность и общими усилиями добивались того, что жизнь колхоза «Сталинский путь» сравнительно быстро потекла по правильному руслу.

Анна неустанно следила за всем, что происходило в колхозе, и всячески помогала Регуту, иногда и вмешивалась, если это было нужно, учила и воспитывала других, а чтобы учить, много читала и училась сама.

6

В колхозную собственность перешла часть того, что раньше принадлежало кооперативному сельскохозяйственному товариществу: небольшая пилорама, грузовик и разные сельскохозяйственные машины. Колхоз получил несколько вагонов суперфосфата, а когда в самое горячее время весенних работ иссякли запасы кормов, и на пастбище еще не подросла трава, Пилаг получил в Риге разрешение на продажу колхозу нескольких тонн сена из запасов заготовительного пункта.

— Чтобы первый и последний раз мы кормили свою скотину чужим сеном, — объявил Регут. — Из кожи вылезем, но сено и клевер в этом году заготовим. Обкосим края всех до одной канав, заполним все силосные ямы.

В середине апреля Регут, Анна и бригадир мелиоративной бригады Алкснис поехали в Ригу на заседание экспертной комиссии, где рассматривался технический проект осушки Змеиного болота и прилегающих к нему земель. Проект был утвержден с небольшими изменениями. После этого колхоз заключил договор с мелиоративной строительной конторой, которая взялась провести все осушительные работы, а колхоз обязался выделить необходимое количество рабочих.

На большом дворе Пурвайской МТС появились новые машины: два экскаватора, бульдозер, грейдер и несколько тракторов. Машины и инвентарь, нужные для дальнейших работ, было решено доставить позже, когда мелиоративные работы значительно продвинутся. Вместе с машинами появились и новые люди для их обслуживания.

Сейчас самой большой мечтой Жана Пацеплиса было перейти на экскаватор и участвовать в рытье магистрального канала. Драва сначала ворчал, что МТС сама нуждается в таких работниках, но когда Финогенов напомнил о данном Айвару Лидуму обещании всячески помо-

гать мелиораторам, директор пошел на попятный и разрешил Жану перейти на работу в мелиоративную строительную контору.

Старший машинист экскаватора Дудум — старый, опытный специалист, полжизни проработавший на осушке болот, — взялся ознакомить Жана с особенностями управления и вождения экскаватора и подготовить его для самостоятельной работы.

— Смотри в оба и наматывай на ус, — сказал Дудум. — Я только в самом начале смогу быть рядом с тобой, а как пустят в работу второй экскаватор, мне придется работать на другой стороне болота, на второй магистрали. Позорно будет, если такой славный парень не сумеет выполнить свою норму. Ну, подумай сам, что составляет для такой машины двадцать пять кубометров в час?

— За первую смену я не ручаюсь, но если, начиная со второй, не дам нормы, гоните меня в шею и скажите, что из меня экскаваторщик не выйдет, — самоуверенно ответил Жан. Кое-какое представление об этой работе у него было: прошлой осенью, уезжая на курсы, он по дороге завернул на какое-то болото и долго наблюдал за работой экскаватора, поэтому был уверен, что дело пойдет.

Вернувшись с курсов, Жан опять поселился в Сурумах. С тех пор, как отец работал в колхозе, Анна тоже жила дома и, благодаря ее заботам, здесь воцарился известный порядок: в комнатах стало чисто, пропал запах сырости, отец не ходил оборванным, в грязном белье.

Встав на путь новой жизни, Антон Пацеплис выглядел смущенным, его часто видели задумчивым. Он ходил молчаливый и замкнутый, пока не привык к изменившейся обстановке. По указанию Регута его приставили к возке сена и суперфосфата, позднее отрядили на конную ферму помогать Петеру Гандрису, потому что лошади были единственным, чем с молодых лет интересовался Антон Пацеплис. Изо дня в день работал он в бывшей конюшне Мелдеров и часто думал о превратностях жизни, которые обыкновенный человек никогда не может предвидеть. Разве не лелеял он тихой надежды провести свою старость в Мелдерах под боком Бруно? Наследник Мелдеров давно лежал в неизвестном углу Аурского бора: собаке собачья смерть, — говорили про него

пурвайчане; старые Мелдеры вместе со Стабулниеками скитались неизвестно где — или в Швеции, или в этих самых западных зонах Германии, и грехи их настолько велики, что они не смеют глаз показать на родину, — а Антон Пацеплис на конюшне Мелдеров работает хотя и не с увлечением, но справляется со своими обязанностями. Не особенно нравится Пацеплису его новое положение, но он старается никому не показывать этого. Надломилось давнишнее упрямство, успокоилась душа, и жить стало спокойнее; иногда только какой-то маленький бесенок не дает ему покоя, мутит мысли, нашептывает на ухо: «Подумай только, кем бы ты мог быть: богатым владельцем Мелдеров! Одним из самых крупных землевладельцев волости! А сейчас?»

Он отгонял эти мысли и начинал в таких случаях думать о своих детях, которые снова считались с ним, как с отцом Все они были на правильной дороге, и люди уважали их. Артур пользовался большим влиянием в уезде, без участия Анны в волости не совершалось ни одного дела, а Жан уже давно твердо стоял на ногах и, наверное, пойдет далеко. Когда на людях о них заходила речь, Пацеплису никогда не надо было опускать глаза, наоборот, он всегда мог гордиться ими. И выходило, что правда новой жизни не признавала никаких богатеев Мелдеров, не по пути ей было и с бедняками-лачужниками — богатеев поприжали, чтобы могла подняться беднота и чтобы каждый трудящийся стал зажиточным, — против такой жизненной правды не было причин роптать и Пацеплису.

Но роптали другие — большие люди вчерашнего дня. Узнав, что Пацеплис вступил в колхоз, старый Кикрейзис среди ночи прибежал в Сурумы...

— Антон, в уме ли ты? Куда ты лезешь, чего ты ищешь в этой толпе? Разве тебе плохо жилось?

Он стыдил, пугал Антона всякими злобными предсказаниями, пытаясь уговорить его выйти из колхоза, пока еще не поздно..

— Колхоз вылетит в трубу за один год, и ты разоришься вместе с ним! — уверял Кикрейзис. — Ты хочешь на старости лет пойти с сумой по свету?

— Что сделано, то сделано, — ответил Пацеплис. — Данного мною слова я не имею привычки брать обратно.

— Пустая гордость, — не унимался Кикрейзис. — Вот

так и получается: когда-то у меня был друг и надежный сосед, а сейчас его нет. Кому теперь поведать свои беды, когда на сердце будет тяжело?

— Ты не особенно печалься, — поучал его Пацеплис. — Учись жить. Примирись с тем, что произошло. Старых времен тебе все равно не вернуть.

— Тебе легко сказать — примирись. Залезь в мою шкуру, тогда узнаешь, как сладко, когда из-под ног вышибают почву. Вот на это новая жизнь только и способна. Наваливают такие налоги — дух захватывает. Кулак!

Пацеплис терпеливо выслушал вытье Кикрейзиса, сказал несколько утешительных слов и дожидался, когда друг молодости наконец покинет его, ибо помочь ему все равно нельзя было.

Несколькими днями позже его навестил Марцис Кикрейзис. Тот не выл, а пришел поиздеваться.

— Работай, как хочешь, Сурум, — председателем колхоза тебя все равно не выберут, даже бригадиром не поставят. Так конюхом всю жизнь и проработаешь, а Регут и молодой Гандрис станут командовать тобой с утра до ночи. Будет на что посмотреть, когда всякие там голодранцы начнут распоряжаться хозяином Сурумов, а ты станешь носиться, как ошпаренный, и лезть из кожи вон, чтоб угодить своим новым господам. Вот что я хотел бы видеть!

— Ты, Марцис, ничего не смыслишь в колхозных порядках, оттого и болтаешь всякий вздор, — защищался Пацеплис. — Ну что б я стал делать один с этой землей в Сурумах? Только маялся бы, не зная, как со всем управиться. А теперь я спокоен, — отработал день и свое заработал.

— Кто тебе напел это, не Анна ли? — смеялся Марцис. — Ты только развесь уши, тогда далеко пойдешь. Вот что, Сурум, я пришел сказать тебе: на твоей Анне я теперь ни за какие деньги не женюсь, пусть она мне хоть на шею вешается.

— А разве она вешалась тебе на шею? — съязвил Пацеплис. — Я что-то не замечал.

— Ну и слава богу, а то спутался бы с нею, теперь не знал бы, как развязаться. Скоро у меня будет другая невеста. Приедет из-за границы Стабулниек, вместе с англичанами и американцами, и ему будет нужен зять. Чем

Майга плоха? Соединим земли Стабулниеков и Кикрейзисов — имение готово.

— Значит, все в порядке, тогда жди Стабулниека и англичан, — сказал Пацеплис. — Только, смотри, не состарься, ожидая.

— Эх ты, старая дурья башка, — вздохнул Марцис. — Хотел из тебя сделать человека, но ничего не выходит. Давай выпьем бутылочку по случаю расторжения сватовства и пойдем каждый своей дорогой. Только ты не очень сердись, Сурум, что я бросаю твою красавицу Анну. Такому, как я, одной красоты недостаточно — надо, чтоб у жены было бы что-нибудь и за душой.

К великому удивлению Марциса, Пацеплис отказался от водки и попросил гостя поскорее убираться из его избы. Когда Марцис ушел, Пацеплис достал из шкафа свою бутылку и хватил порядочный глоток.

«Ты можешь подавиться своей водкой, — мысленно сказал он Марцису. — У нас найдется, что выпить».

Жить совсем всухую он все же не мог, — слишком сильна была старая привычка.

* * *

Однажды ночью люди из ближайших домов заметили в усадьбе Кикрейзисов огонь. Петер Гандрис и несколько колхозников, добежав до усадьбы, увидели, что горит большой коровник. Второй очаг огня находился в конце жилого дома, но там огонь только занимался. Сильно пахло керосином. Колхозники стали стучаться в дверь, окна, но им никто не отвечал. Тогда прибежавшие взялись за дело и в полчаса погасили пожар. Жилой дом почти не пострадал, а у коровника на одном конце сгорела крыша.

Усадьба, по всем приметам, была оставлена еще предыдущей ночью, так как на дороге не было видно свежих следов скотины, а в коровнике не оказалось ни одной коровы. Уложив на подводы самое ценное из своего добра, Кикрейзис, как вор, ночью удрал из своей усадьбы, оставив на месте только то, что нельзя было взять с собой. Единственным живым существом в Кикрейзисах был старый серый кот. В жилом доме валялись изрубленные стулья, кровати, шкафы. Зерно в клети было перемешано с битым стеклом, навозной жижей, ржавыми

гвоздями и облито керосином. Убегая из своей усадьбы, взбешенный кулак старался навредить, но ему это не удалось: пожар в усадьбе был захвачен во-время.

Сгоревшую часть крыши восстановили, и в бывшей усадьбе Кикрейзисов организовали второе отделение молочно-товарной фермы колхоза. Землю Кикрейзисов присоединили к колхозному массиву.

Антон Пацеплис вздохнул с облегчением: Кикрейзисы убежали, и теперь никто не придет его высмеивать и подзуживать.

Позже, когда в усадьбе снова поселились люди, одна из доярок нашла в саду приколотую к яблоне старую, написанную когда-то раньше записку:

«Если нет у меня, пусть не будет ни у кого!» — с трудом можно было прочесть расплывшуюся надпись. Хотя записка была без подписи, все понимали, кто ее написал.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

В начале апреля в Пурвайскую волость прибыли Айвар Лидум и работники проектного бюро. Они должны были перенести в натуру технический проект — отметить столбиками и колышками трассы отводных канав.

Работу закончили в несколько недель. Обрабатываемый массив с многочисленными столбиками, колышками и отметками представлялся специалисту гигантским планом, глазу же неопытного человека — какой-то непонятной путаницей. Главная отводная канава от Змеиного болота до речки Раудупе начиналась около усадьбы Сурумы, от поросшего кустарником берега болота, и пролегала по бывшим лугам и пастбищам Пацеплиса. Кустарник рос и на самой трассе и по обеим сторонам ее. Как только проект «перенесли» на местность, к работе приступила мелиоративная бригада «Сталинского пути». Колхозники, вооруженные лопатами и топорами, во главе с бригадиром Алкснисом направились к старой раудупской мельнице и принялись вырубать кустарник по берегам речки выше мельничного озера, расчищая место для экскаватора. После того как бригада в двенадцать человек проработала там несколько дней, стало очевидным, что ей одной не справиться с заданием, так как берега речки почти на всем своем протяжении — от мельничного озера до устья канала — заросли кустарником.

Работами на берегах болота интересовалась вся волость и в первую голову комсомольцы. Когда Гайда Римша узнала от Жана Пацеплиса об этой трудности, она переговорила с Анной и в тот же вечер созвала комсомольское собрание.

— Нам надо помочь осушителям болота, — сказала Гайда. — Одни мы, конечно, ничего существенного сделать не сможем, так как нас мало и у каждого есть своя работа. Я предлагаю устроить в следующее воскресенье большую толоку — воскресник, на который пригласить молодежь всей волости. Все, возможно, не придут, но изрядная часть все же откликнется на наш призыв. Если такая сила выйдет на работу, к вечеру немного останется от кустарника на берегах Раудупе.

— А как же с репетициями кружков, Гайда? — спросил кто-то. — Они назначены на воскресенье.

— Разок можно пропустить или перенести на вечер рабочего дня, — ответила девушка.

Комсомольцы оповестили всю молодежь, ходили от усадьбы к усадьбе и разговаривали с каждым в отдельности. Редко кто отказывался, большая часть с радостью согласилась.

В воскресенье рано утром у машинно-тракторной станции собралась молодежь и школьники. У каждого была с собой лопата или топор. Всего пришло около двухсот человек. Здесь была и Анна Пацеплис и почти все коммунисты, не занятые в этот день другой неотложной работой.

— Целая армия! — воскликнул Айвар, когда Анна показала на собравшихся толокчан. — С такой силой можно штурмовать крепости.

— Тогда становись во главе и начинай командовать! — смеялась Анна.

— Если доверят, буду командовать, — отшутился Айвар. — Я считаю, что людей надо разделить примерно на десять бригад — по двадцать человек, каждой бригаде отвести определенный участок и...

— И начать соревнование — какая бригада раньше очистит свой участок от кустарника! — воскликнула Гайда.

Так и сделали. Толокчан разбили на десять бригад с таким расчетом, чтобы были приблизительно равные силы, и веселая армия с песнями направилась к Раудупе.

Айвар отвел бригадам определенные участки — метров по сто.

Жан Пацеплис, скинув пиджак и не теряя ни минуты, с топором в руках показал пример своей бригаде. Песни на время умолкли. Слышался только стук топоров да удары и треск ломающихся кустов. Парни срубали кусты, а девушки относили стволы и ветви подальше от берега. Более толстые стволы, которые могли пригодиться для крепления отводной канавы, складывали отдельно от ветвей. По временам кто-нибудь из бригады уходил к соседям разведать, как у них спорится работа. Если результаты разведки были благоприятны, в передовых бригадах затягивали песни; если угрожала опасность отстать от товарищей, лица толокчан становились серьезней, чаще и тревожней стучали топоры. Тех, кто хотел на работе пофлиртовать, товарищи брали на зубок, и им волей-неволей приходилось всерьез приниматься за дело.

Жан с удовольствием бы работал в одной бригаде с Гайдой, но это от него не зависело: Гайда наметила его бригадиром шестой бригады, а сама руководила четвертой и сейчас работала на двести метров ближе к мельнице. Анна Пацеплис со второй бригадой была еще ближе к мельнице.

«Как там справляется Гайда? — думал Жан, когда примерно двадцатиметровая полоса его участка была очищена от кустарника. — Ведь она не привыкла к такой работе. Быстро натрет мозоли. Надо посмотреть, нет ли на рукоятке ее лопаты трещины, а то за полчаса будет испорчена самая крепкая кожа».

Проработав еще с полчаса, Жан наконец не вытерпел и пошел по берегу посмотреть работу четвертой бригады. Когда он увидел в кустах Гайду с топором в руках, у него рот раскрылся от удивлеиия. Лицо ее разрумянилось, прядь волос выбилась из-под клетчатого платочка и спадала на глаза. В теплых лыжных брюках и тонкой полосатой кофточке девушка действовала, как заправский лесоруб.

— Что скажешь хорошего? — спросила она, повалив средней толщины ольху. Жану пришлось отскочить, иначе деревцо свалилось бы на него.

— Разве в вашей бригаде парней не хватает, что девушкам приходится работать топором? — ответил вопросом Жан.

— Разрешите спросить, какое до этого дело шестой бригаде? — отрезала Гайда.

— Скажи, где ты так научилась рубить? — переменил тон Жан.

— Дома дрова колола, где же еще, — засмеялась Гайда. — Физкультурник ведь не должен бояться физической работы, не так ли?

— Смотря какой... — пробормотал Жан. То, что он увидел на участке четвертой бригады, обеспокоило его: здесь было вырублено заметно больше, чем на участке шестой бригады. Еще вопрос, кто сегодня победит в соревновании. По правде говоря, ему надо было спешить обратно и поднажать, пока Гайда со своими товарищами не слишком опередила его бригаду. Но как он мог уйти, когда такая сильная и ловкая девушка стояла перед ним, лукаво улыбаясь?..

— А как дела в твоей бригаде? — спросила Гайда, выбирая новую жертву для своего острого топора.

— Вырублено примерно столько же, — соврал Жан.

— Ах, так? — Гайда вытерла лоб рукой и начала рубить. Жан с радостью наблюдал, как точно врезался топор в ствол ольхи почти у самой земли, как после второго удара выскочил белый душистый кусок древесины, а после третьего удара с другой стороны ствол покачнулся и дерево начало валиться. Но слишком долго любоваться ловкостью Гайды было неразумно, и поэтому Жан исчез так же тихо, как появился.

— В лужу мы сядем, если не поднажмем, — сообщил он своим товарищам. — Четвертая бригада почти половину участка вырубила, а у нас хорошо, если треть вырублена.

— У них, наверно, кустарник не так густ, — заикнулся кто-то.

— Кустарник такой же, — возразил Жан. — Только люди по-другому работают. Ребята, нечего смотреть, поплюем в ладони, да покажем, какие мы работники.

Спустя час шестая бригада догнала четвертую. Убедившись в этом, Жан с товарищами решили позавтракать и выкурить по папиросе. Но пока они ели и курили, четвертая бригада снова ушла вперед, и «шестым» почти целый час пришлось нажимать, чтобы снова догнать ее. До пяти часов обе бригады еще раза два перегоняли друг друга, но последний куст на своем участке вырубил

первым Жан. Громкое «ура» возвестило о победе шестой бригады. Забрав топоры и лопаты, они пошли вдоль реки в сторону мельницы, чтобы, пока остальные бригады закончат свои участки, поработать на новом месте. Проходя мимо четвертой бригады, они видели, что ей осталось вырубить кустов двадцать.

«Вот так номер... — подумал Жан. — Еще немного — и Гайда оставила бы нас на втором месте».

— Поздравляю! — крикнула Гайда и, выйдя навстречу, крепко пожала Жану руку. — Победа принадлежит вам.

Парень покраснел и не знал, что ей ответить. Он чувствовал себя так, будто его наградили орденом.

До вечера толокчане очистили от кустарника почти полтора километра берега реки. На долю бригады мелиораторов осталось очень мало. Айвар сказал Анне:

— Дальше ждать нечего, надо разобрать заслон у мельницы и пустить раудупские воды в море. Если у тебя выдастся время, приходи завтра утром на мельницу, посмотришь, что здесь произойдет.

— Обязательно приду, — ответила Анна. — Такой случай пропустить нельзя.

В вечерних сумерках звучали песни расходившихся в разных направлениях толокчан. Жан ушел в одной группе с Гайдой. Он вслушивался в ее голос, восхищался ею и гордился ее достижениями больше, чем своими собственными.

«Хоть бы чаще устраивали такое, — думал он. — Каждое воскресенье толока — вот это была бы жизнь! Только Гайде надо обязательно участвовать, иначе... будет не так хорошо».

Айвар и Анна ушли последними. Анна расспрашивала о жизни в Риге, о Яне Лидуме.

— Все-таки как замечательно, что вы в конце концов нашли друг друга, — заговорила она, когда Айвар закончил свой рассказ. — И встретились на поле боя, где человек раскрывает себя до конца. По правде говоря, я тоже начала тебя узнавать только там. До того ведь мы были совершенно чужие друг другу.

— Я для тебя — возможно... — тихо сказал Айвар, хотя вблизи не было ни одного человека. — А я тебя знал... еще со дня твоей конфирмации.

— Вот как... — Анна посмотрела на него и смути-

лась. — Для меня это новость. Как же ты мог меня знать, если мы только раз обменялись несколькими словами?

— Я много думал о тебе, Анна...

Анна снова взглянула на Айвара, опустила глаза и долго молчала. «Почему Айвар говорит так? Что он хочет этим сказать? Много обо мне думал...» Анна вспомнила их встречи, начало дружбы, робкую задушевность Айвара, с какой он всегда относился к ней. В дивизии и позже, после войны, у него не было ни одной подруги (во всяком случае Анна об этом ничего не знала). Не означает ли это, что он и сейчас продолжает думать о чем-то т а к о м, ему одному известном?

Анне очень хотелось еще раз взглянуть на Айвара, — может, на его лице она прочла бы подтверждение догадки, смутившей ее. Но теперь у нее не было силы сделать это, она уже не могла быть такой свободной и простой в обращении с ним, как раньше. Странная тревога, приятная щемящая боль постепенно охватили сердце Анны.

«Что он хотел этим сказать? — еще и еще раз спрашивала себя Анна, когда осталась одна. — Неужели он... нет, это невероятно, чтобы я для него что-нибудь значила. А он для меня?»

Никогда она об этом не думала, поэтому сейчас, задав себе этот вопрос впервые, не сумела сразу найти ответ. Но отчего она сегодня так неспокойна, будто ей чего-то не хватает? Может, причина только весна? Ведь во всей природе пробуждались новые силы...

2

Старая раудупская мельница уже десять лет находилась в таком состоянии, что надо было или капитально ремонтировать ее или закрыть. Тауринь не хотел делать ни того, ни другого: он разрешал чинить только самое необходимое и продолжал эксплуатацию старой мельницы, где все давно износилось и трещало. Люди говорили, что мельничный постав держится на молитвах и скупости Тауриня. Когда мельница была национализирована, она некоторое время работала, пока паровая мельница не обзавелась новым приводным ремнем, вместо похищенного гитлеровцами, и пока не починили локомобиль. После

этого только редкий крестьянин, не желавший мерить дальний путь на паровую мельницу, заворачивал сюда со своим возом. Уездному промкомбинату эта мельница приносила чистый убыток.

Теперь судьба ее была решена.

В понедельник утром у раудупской мельницы собралось много народу: Айвар, Анна, мелиоративная бригада колхоза в полном составе, все, кто жил на самой мельнице, и любопытные из ближайших усадеб. Они не отрывали взоров от зеркальной поверхности полноводного мельничного озера и поросших водорослями бревен заслона, как бы понимая, что видят это в последний раз. В разных местах заслона через узкие щелки просачивалась вода и тонкими струйками стекала в русло речки. Уровень воды в озере был так высок, что через верхнее бревно беспрерывно перекатывался коричневатый поток. Расплавленным серебром мерцали в лучах весеннего солнца брызги, в водяной пыли резвились маленькие радуги. Укрывшись за плотиной, маячило строение мельницы со стенами из серого валуна и замшелой черепичной крышей.

«Вот оно — преступление рода Тауриней», — думал Айвар, глядя на перемычку и широко разлившиеся воды озера. Как живое олицетворение нелепой и преступной власти частной собственности глядели на него темные мутные воды озера, а тихий утренний ветерок приносил какой-то приторный запах — гнилостное дыхание большого болота. Айвару чудилось, что сюда стекли из многих черных лесных ручейков и темных подземных ключей вся алчность и жестокость старого мира. Проклятье поколений... благополучие одной семьи и разорение сотен других... Теперь этому будет положен конец. Он, Айвар Лидум, которому советские люди доверили почетное задание, уничтожит это зло. Бесконечная радость и гордость наполнили его существо, от волнения дрожал каждый мускул, а глаза так и пылали, будто в глубине души разгорелся неугасимый костер.

Анна, наверно единственная из присутствующих, заметила и поняла душевное состояние Айвара. Она с восхищением наблюдала за ним.

— Это большой день в твоей жизни, Айвар... — тихо сказала она, став рядом с ним. — Я рада, что именно на твою долю выпало то, что сегодня здесь будет сделано.

— Да, большой день... — еле слышно отозвался Айвар. — И хорошо, что ты рядом со мной, ведь это не только мое, но и твое желание.

— Это воля народа, Айвар, мы только ее исполнители, — заметила Анна.

Айвар повернулся к людям, стоявшим на мельничной плотине с топорами, баграми и крючьями.

— Пора приниматься за дело, товарищи!

И люди начали действовать. Разделившись на группки, они встали по обе стороны запруды и взялись за верхнее бревно заслона. Подняли его из гнезда, но не успели втащить на плотину — бревно подхватил поток, хлынувший через запруду.

— Ничего, оно больше здесь не понадобится, — сказал Айвар.

Обтесанное с двух сторон бревно уперлось в берег и под напором воды перегородило русло. Два колхозника спустились и вытащили его.

— Высохнет — пригодится на дрова, — засмеялись они.

А вода озера, внезапно вырвавшись на свободу, рокоча и пенясь, устремилась в речку. Стоявшие на плотине люди смотрели, как уносилась вода и как там, внизу, узкое русло речки моментально вздулось, наполнилось до краев. Каждый камень, каждая застрявшая на дне коряга создавали пороги, вокруг которых вихрился и пенился резвый поток. Вода мельничного озера, постепенно обнажая землю, отступала от берегов.

Наглядевшись, как освобожденная вода, подобно широкой стеклянной стене, сползает в речку, часть колхозников из бригады Алксниса ушла вырубать оставшиеся кусты. На площадке остались Айвар, Анна и колхозники, которым надлежало вынимать и остальные бревна. Они ждали, когда уровень воды в озере спадет и позволит сделать это. Разбирать всю плотину сразу было опасно: огромная масса освобожденной воды могла разрушить основание мельницы, повредить берега и снести мосты в нижнем течении реки. Поэтому воду спускали постепенно.

Через час вынули второе бревно. К этому времени на берегу озера собрались почти все ребятишки из соседних усадеб и с нетерпением ждали, когда обнажится дно озера и можно будет собрать не успевшую уйти рыбу.

В тот день много щук и налимов поймали голыми руками маленькие рыбаки.

До вечера была разобрана вся плотина. Мельничного озера больше не существовало. Раудупе, притихшая и усталая, спокойно текла в своем русле, унося к морю воды верховья.

Анна ушла раньше, когда плотина была разобрана только наполовину. Айвару почему-то казалось, что она сегодня избегает оставаться с ним наедине и чувствует себя неловко в его присутствии. После вчерашней короткой беседы он тоже не мог свободно и просто подойти к Анне. Может быть, он неуместно и несвоевременно высказал свое туманное признание? А может, было лучше, уж если начал говорить, высказать все до конца? Возможно, Анна с полуслова поняла, и ее молчание означает отказ. А может быть, не поняла и все осталось попрежнему... Айвар желал, чтобы было так, — тогда, по крайней мере, остается хоть небольшая надежда. Как тяжела неизвестность, сердцу невмоготу переносить одиночество.

Уровень воды в реке медленно спадал, и Айвар ушел домой.

«Что ты теперь скажешь, Рейнис Тауринь? — мысленно спрашивал он. — Если бы ты видел это, позеленел бы от злости, может быть, даже умер с горя. Ты требовал горы золота за эти мутные воды. Как огромная каменная глыба, сам всю жизнь лежал поперек потока, но мы откатили тебя в сторону, не спросив даже твоего согласия. Справедливость восторжествовала, жадный Тауринь, ты можешь шипеть и бесноваться сколько хочешь».

* * *

Подождав несколько дней, пока по Раудупе пронеслись последние вешние воды и уровень воды стал нормальным — в самых глубоких местах не выше полуметра — работники мелиоративно-строительной конторы принялись за дело. Экскаватор должен был углубить и выровнять русло речки от раудупской мельницы до устья магистральной канавы на три километра. Трудились в две смены и надеялись закончить работу в течение месяца.

Чтобы облегчить работу экскаватора, речку запрудили на сто пятьдесят метров выше участка работ. За такой запрудой русло становилось сухим, и машинист экскава-

тора хорошо видел, куда направлять ковш, — не приходилось черпать и выливать на берег вместе с землей и воду.

Пока углубляли русло реки, Дудум работал на экскаваторе первую смену, а Жан Пацеплис помогал ему и внимательно присматривался к работе старого мастера. Научиться обслуживать машину, опускать и поднимать ковш, поворачивать стрелу не представляло ничего сложного; самое главное, от чего зависела производительность экскаватора, состояло в том, чтобы в нужном месте и в правильном положении опустить ковш и он, вгрызаясь в землю, равномерно скользил бы вперед в сторону экскаватора и целиком наполнялся. Приятно было смотреть, как работает Дудум. Он не делал ни одного лишнего движения, и со стороны казалось, все идет слишком медленно. Поворачивая экскаватор в нужном направлении, подтягивая одни тросы и ослабляя другие, Дудум раскачивал ковш, выбрасывая его вперед, и опускал именно там, где это было нужно. Однократным погружением ковш заполнялся и поднимался в воздух. Экскаватор поворачивался вокруг своей оси, стрела направлялась к берегу, и ковш опоражнивался. Если засечь время, можно было убедиться, что на все это Дудум тратит не более двадцати секунд; только изредка, когда ковш не заполнялся сразу, экскавация затягивалась до тридцати секунд.

Бригада колхозников, закончившая вырубку кустарника, работала теперь по очистке русла от больших коряг и занесенных песком деревьев. С помощью особого крюка экскаватор поднимал их на берег. Вечером, после окончания работ второй смены, перемычку убирали, давая уйти накопившейся воде. Утром в другом месте снова устраивали перемычку, с таким расчетом, чтобы экскаватор мог работать на обезвоженном участке целый день.

Понаблюдав несколько дней за работой Дудума, Жан попросил разрешить ему испробовать руку. Еще раз выслушав советы старшего машиниста, он сел в машину и начал действовать.

— Только не торопись, пока не привыкнешь ко всем движениям! — советовал Дудум. — Одной торопливостью тут ничего не достигнешь.

Первые четыре-пять экскаваций были сплошной потехой: ковш ни за что не опускался на землю там, где хо-

телось Жану. Он валился набок и скользил по дну, не забирая и четверти нужного количества земли, а когда Жан поднял ковш и пытался повернуть его к берегу, экскаватор со всем ковшом описал полный круг, и стрела снова повисла над серединой реки. Пришлось сделать новый поворот, чтобы остановить стрелу над берегом и высыпать содержимое на землю.

— Полторы минуты... — констатировал Дудум, когда Жан закончил первую экскавацию. — Не смущайся. Я думал, будет еще хуже.

Жан даже вспотел от волнения. Еще немного — и он готов был заплакать. Он понимал: главное сейчас — хладнокровие и спокойствие, но откуда взять их, когда нервы так напрягались, будто по ним бежало электричество? А внизу на берегу стоят Дудум с Айваром, дальше по руслу реки — колхозники из бригады Алксниса, и все с улыбкой смотрят на мучения молодого машиниста. Стыд и позор!.. Хорошо, что хоть Гайда не видит этого.

Стиснув зубы, Жан продолжал работать. Он не торопился, сначала спокойно соображал, как нужно поступить, и, только уяснив обстановку, производил следующее движение. Экскаватор уже не делал полного круга, поворачивая стрелку к берегу. Жану казалось, что прошла целая вечность с начала второй экскавации, поэтому он не поверил своим ушам, когда Дудум объявил:

— Одна минута и пять секунд.

С каждой минутой работы все больше сказывался некоторый уже приобретенный навык. Многие движения Жан начал делать автоматически, не обдумывая, как поначалу, и когда в конце первого получаса ему удалось трижды подряд произвести экскавацию за тридцать секунд, Дудум сказал:

— Теперь ты почти освоил ремесло. Если у товарища Лидума не будет возражений, можно разрешить тебе самостоятельно проработать на машине вторую смену.

Нет, у Айвара возражений не было. Жан проработал самостоятельно целых восемь часов — от двух до десяти вечера. Только после этого он почувствовал, что не провалится и не придется ему с позором уйти с этой работы.

Когда русло речки было вычищено и углублено до устья главной отводной канавы, Дудум перешел рабо-

тать на второй экскаватор, отвезенный на другой край болота, к берегу Илистого озера. На этой стороне остался Жан и второй моторист, ставший на место старшего машиниста Дудума.

8

Пока углубляли русло Раудупе, любопытных всегда хватало. Школьники, возвращаясь из школы, обязательно заворачивали к землекопам и наблюдали за работой экскаватора. С окончанием весеннего сева берег каждый вечер был усыпан народом, а позже, в конце мая и в начале июня, когда экскаватор начал рыть отводную канаву от реки к Змеиному болоту, любопытных стало еще больше.

Однажды вечером Жан Пацеплис, работая во второй смене, заметил в толпе отца. Напряженно наблюдал Антон Пацеплис за работой сына, внимательно следил, как колхозная бригада, разделившись на две группы — по три человека, — очищала трассу от кустарника и укрепляла берега вырытого канала. В одних местах было достаточно сровнять лопатой откосы берегов и дно, в других приходилось делать крепление подпорками, хворостом, дерном и даже камнями. С верхнего торфяного слоя, как будто из-под пресса, просачивалась вода, скапливалась на дне канавы, и мутной струйкой текла в сторону речки.

Ковш экскаватора легко вгрызался в мягкую почву, потом его поднимали, и через его края на землю стекала коричневая вода. По обе стороны канала тянулись насыпи вырытой земли, так называемые «кавальеры», — колхозники в шутку прозвали их «женихами». Когда канава была прорыта примерно на полкилометра, в работу пустили бульдозер — мощный гусеничный трактор, впереди которого находился широкий нож. Как огромный дикий кабан, с яростным ревом, лязгая гусеницами, набрасывался он на кавальеры и раздвигал в стороны землю. Мощный нож, подобно громадному рубанку, срезал кучи земли и торфа и не успокаивался до тех пор, пока многочисленные холмы по обе стороны отводной канавы не образовали ровные гладкие берега.

В одном месте магистраль пересекала полоса сыпучего песка-плывуна. Айвар уже прошлым летом, иссле-

дуя окрестности болота, наткнулся на эту полосу плывуна, поэтому загодя сюда был доставлен материал для крепления стен и дна канавы. Одним дерном и хворостом здесь нельзя было обойтись, требовались камни и крепежный лес.

Антон Пацеплис долго наблюдал за процессом работы, и чем дольше он присматривался, тем сильнее охватывала его странная тревога: после двух-трех недель магистраль должна была подойти к бывшим лугам усадьбы Сурумов — каково тогда будет ему смотреть со стороны, как чужие люди копошатся в его земле?

Он дождался окончания второй смены и вместе с Жаном отправился домой.

— Когда ты думаешь добраться до болота? — спросил Антон.

— Раньше середины июля не добраться, — ответил Жан. — Сам видишь, как подвигается работа. Сегодня вырыл всего триста шестьдесят кубических метров, только иногда удается вырыть свыше четырехсот, больше из этой машины не выжмешь. В среднем продвигаемся вперед от шестидесяти до семидесяти метров в день.

— А потом, когда доведете канал до болота, что тогда?

— Тогда придется немного подождать, чтобы болото осело. Пока можно будет рыть канавы, создавать мелкую сеть. Мне, наверно, в том конце придется прорывать отводную канаву от реки Инчупе до болота.

— Гм... — проворчал Пацеплис и больше ничего не сказал.

Следующий день, как обычно, он проработал на конеферме, а вечером, возвращаясь домой, у дома правления колхоза встретил Регута.

— Вот и хорошо, что встретил тебя, — сказал Регут. — Одному колхознику из бригады Алксниса придется лечь в больницу, будут вырезать слепую кишку. Что скажешь, если мы на рытье канавы вместо него поставим тебя? Хата у тебя рядом, по утрам не надо будет так рано вставать.

Пацеплису это предложение не понравилось.

— Разреши мне немного подумать... — проворчал он.

— Чего тут думать, — не отступал Регут. — Твои дети живут этой большой работой: для Анны и Жана это кровное дело, а ты, глава семьи, — неужели ты хочешь

стоять в стороне? Я думаю, что именно тебе, больше чем кому-либо, так делать не к лицу — твое место среди осушителей болота, товарищ Пацеплис...

Пацеплис озабоченно почесывал щеку.

— Если ты того мнения, Регут... я ничуть не испугался канавы. Придется попробовать.

— Хорошо, тогда я так и скажу Алкснису. С утра пойди на отводную канаву.

— Идти, так идти... — проворчал Пацеплис и поспешил домой, чтобы засветло вставить в лопату новую рукоять: старая была сделана много лет тому назад и для такой работы не годилась.

Отесывая рукоять, он думал, что в конце концов Регут прав: все близкие ему люди активно участвовали в осушке болота. Для Артура, Анны и Жана это было действительно кровное дело, только он, Антон Пацеплис, до сего времени стоял в стороне и смотрел, как работают другие. Каково ему придется, когда победят болото и другие будут справлять праздник, а он, как не приложивший руки к этому огромному делу, останется в стороне? Можно бы еще примириться, если бы это являлось только общим делом, общественным начинанием, — в этом случае можно и в стороне постоять, но это было делом семьи Пацеплисов — как оно могло происходить без участия главы семьи?

Рано утром следующего дня Пацеплис вышел из дому. Почти час простоял он в одиночестве у экскаватора и от нечего делать осматривал машину. Механизмы никогда не интересовали его, даже обычная косилка казалась ему чем-то очень сложным и непостижимым для простого человека.

«Сорванец, мальчишка... — думал он про своего сына. — Как только он справляется со всеми этими рукоятками, тросами и ковшами. Откуда у него берется смекалка?»

В половине шестого пришел Алкснис со своей бригадой, без четверти шесть явился экскаваторщик, а ровно в шесть началась работа.

Весь день проработал Пацеплис на большой отводной канаве, ровнял стены, дно и крепил ненадежные места. Он облип грязью, сапоги от долгого пребывания в болотной жиже начали пропускать воду, и ноги промокли, поэтому настроение было не из важных. Когда первая

смена закончила работу и на экскаватор сел Жан, Антон Пацеплис договорился с Алкснисом, что впредь будет работать в одной смене с сыном.

Айвар находился в постоянном движении. Как производителю работ, ему надо было присутствовать всюду, где происходило что-нибудь новое и важное. Дважды в день он навещал оба экскаватора, проверял качество сделанных работ. И сам часто спускался в отводную канаву, брал шаблон и проверял правильность откосов у стен магистрали и уклон дна, чтобы на пути к реке у воды не было препятствий. Долог был сейчас рабочий день Айвара, а в редкие свободные часы, когда не приходилось думать о горючем, механизмах и крепежном материале, он садился за книги и готовился к последнему экзамену за второй курс сельскохозяйственной академии.

Если бы Анна не вспоминала о нем и иногда не навещала его на большой магистрали, они, наверно, не виделись бы целыми неделями. На деревьях распустились листья, весь мир запестрел цветами, в гнездах уже пищали птенцы скворцов, воробьев и соловьев, но прекраснее цветущей весны был труд человека.

4

Около середины июня землекопы отводного канала наткнулись на новую полосу плывуна. Она была шире первой. Мелиоративной бригаде при креплении стен и дна пришлось основательно потрудиться, применяя всевозможный крепежный материал.

Однажды утром землекопы увидели печальную картину: в полосе плывуна, где накануне работал со своими товарищами Пацеплис, все крепления были разрушены. Камни и крепежный лес сброшены в кучу на дне канавы, стены обвалились, выше кучи накопилось по колено воды.

Колхозники немедленно принялись за работу, но прошло почти два часа, пока удалось очистить дно и заново укрепить стены. Это не был обычный обвал, который мог случиться в результате неряшливой работы.

— Это дело негодяя, — мрачно рассуждал Пацеплис. — Кому-нибудь не нравится то, что мы здесь де-

лаем. И как раз в том месте, где крепил я своими руками...

Раздраженный, отчаявшийся, он спешил поправить разрушенное, пока не пришел производитель работ, но в то утро Айвар пришел на магистраль раньше обычного.

— В чем дело? — удивился он, застав Пацеплиса на том же месте, где тот две смены назад кончил крепежные работы.

— Какой-то гад пакостит нам, — отозвался из канавы Пацеплис.

Узнав о происшедшем, Айвар помрачнел.

— Так, так... Значит, теперь придется бороться не только с водой и грязью, но и с негодяями. Ну ладно, бороться так бороться. Справимся и с ними. Без ответа этого вызова мы не оставим.

Вечером, когда вторая смена закончила работу, один колхозник из мелиоративной бригады остался сторожить экскаватор и вырытый за день участок. В два часа ночи его сменил другой. Далеко от экскаватора охраняющие уходить не могли, поэтому большая часть вырытой канавы попрежнему оставалась без охраны.

Утром рабочие обнаружили новое разрушение: в одном из самых ответственных мест рука вредителя снова разобрала крепление и на дне канавы сделала запруду из дерна и крепежного леса. На гладкой стене отводной канавы печатными буквами было нацарапано:

«Напрасно трудитесь! Болото было и будет!»

И опять разрушение было совершено именно там, где работал Пацеплис. Лицо Антона совершенно потемнело. Стиснув зубы, восстанавливал он разрушенное, обдумывая тайный план.

«Не случайно эти подлости происходят именно на моем участке. Знает гад, что делает. Меня ненавидит, против меня все направлено. Кто бы мог так обозлиться на старого Пацеплиса? Кого берет зависть, кого я обидел?»

После обеда, окончив работу, Пацеплис вместе с товарищами по смене ушел домой. Весь вечер он был занят у себя на дворе: рубил хворост, прилаживал к косе новое косовище, оттачивал топор. Жан в ту неделю работал в первой смене, сейчас он ушел в Народный дом обменять книги, заодно немного поболтать с Гайдой. Когда Гайда кончит работу в библиотеке, он проводит

девушку домой. От такой перспективы забывалась усталость и трудности предстоящей работы.

У Анны в тот вечер было совещание с руководителями политкружков, и хотя недавно приобретенный велосипед давал возможность за четверть часа доехать до дому, раньше полуночи ждать ее не было смысла.

Когда начало смеркаться, Антон Пацеплис закрыл двери, спрятал ключ под плоским камнем у колодца и окольным путем, через кустарник, растущий на пастбище, направился в сторону отводной канавы. Он хотел добраться до канала так, чтобы сторож, охранявший экскаватор, не заметил его появления, поэтому пробирался с большими предосторожностями, как браконьер, хоронящийся от зоркого глаза лесника.

5

Была теплая летняя ночь. При лунном свете в лужицах спокойно поблескивала вода. В кустах какая-то птица пела тысячекратно слышанную песню — точно так же, как пели ее древние предки и как, возможно, через тысячу лет будут петь ее потомки, ничего не изменяя и не совершенствуя, будто песня эта была само совершенство и к ней не относятся никакие законы развития.

По узкой тропинке, которую даже при луне трудно было разглядеть на однообразном фоне большого болота, медленно шагал человек. Временами его темная фигура сливалась с силуэтами кустов и болотных карликовых сосенок, иногда, попав на открытое место, выделялась на фоне окрестности и походила на черную тень большой летящей птицы, которая легко скользит по земле.

Через каждые пятьдесят—шестьдесят шагов одинокий путник останавливался, оглядывался по сторонам и напряженно прислушивался, пытаясь в этой симфонии летней теплой ночи, созданной монотонным кваканьем лягушек, стрекотаньем насекомых, шелестом листьев, бульканьем невидимых ручейков да голосами ночных птиц, расслышать что-нибудь такое, что могло указывать на присутствие другого человека. Не заметив ничего подозрительного, он продолжал путь и шаг за шагом при-

ближался к краю Змеиного болота. Там он еще раз остановился и дольше обычного простоял на одном месте. Луна освещала его лицо; сейчас любой житель Пурвайской волости признал бы в нем Марциса, сына сбежавшего кулака Кикрейзиса.

Обутый в охотничьи сапоги, в серых домотканных брюках и черной блузе с застежкой «молния», он выглядел не особенно нарядно. Рыжая борода его была давно не брита. Лицо со злой язвительной гримасой выглядело усталым и кислым, как у невыспавшегося человека: в темной берлоге за болотом, где он в последнее время жил со старым Тауринем и другими членами бандитской шайки Стэлпа, нельзя было похвастаться удобствами.

«Чем плохо тем проклятым, которые могут спокойно спать у себя дома... — думал Марцис. — Никто им не угрожает, шаги на дороге не могут потревожить их сна». Даже старому Кикрейзису живется лучше. Как тогда ночью удрал из усадьбы, не уплатив за два срока сельскохозяйственный налог, так в один прием проехал через всю Видземе и осел в одном из отдаленных городков. Старый знакомый устроил его дворником в каком-то домоуправлении. В брезентовом переднике, с отросшей за последние месяцы бородой, до неузнаваемости изменившей его внешность, бывший хозяин усадьбы каждое утро и после обеда выходит на улицу с метлой и делает свое дело. Когда крестьяне везут на рынок скороспелую картошку и поросят, дворник заговаривает с ними и выспрашивает обо всех новостях в их округе, а сам сетует на дороговизну и бедствия от предполагаемой в скором времени войны.

— Не имеет смысла выращивать скот и корчевать пни. Наступит война, все опять пойдет прахом.

Он не спорит, когда кто-нибудь не соглашается с ним, но яд сомнения и неверия вкрапливает в каждую беседу.

После неудавшегося поджога усадьбы Марцис последовал за своими родителями и несколько недель прожил в незнакомом городке, но скоро ему все это надоело. Как только потеплело, он установил связь с бандой Стэлпа и перебрался в лес. Больше всего нравилось ему действовать в родных местах, поэтому Стэлп зачислил его в группу Тауриня, которую неизвестно почему именовали батальоном, хотя там было не больше восьми

бандитов, из них двое даже не умели держать в руках оружия. Тауринь был командиром, а Марцис всего лишь простым рядовым. Когда в банде стало известно, что на раудупской мельнице разрушен заслон и все накопленные поколениями воды ушли в море, Тауринь ходил темнее грозовой тучи и, казалось, лишился ума.

— Это так оставить нельзя! — повторял он сотни раз. — Мы не можем допустить, чтобы они прорылись до болота. Будь я моложе, взорвал бы все их машины, а на землекопов нагнал такой страх, что они боялись бы и ступить на болото. А теперь что... годы не позволяют, а у кого силенка, у того душа в пятках. Только и знают, что спать да жрать.

Так оно продолжалось до того дня, когда Марцису Кикрейзису захотелось доказать этому ворчуну, что в лесу есть еще один настоящий мужчина. В то время экскаватор уже начал прорывать главную отводную канаву от Раудупе к болоту. Несколько дней издали наблюдал Марцис за землекопами и однажды ночью взялся за выполнение своего плана. После второй диверсии Тауринь советовал сделать небольшую передышку, но Марциса, окрыленного удачей, нельзя было удержать. В эту ночь он хотел разрушить крепления канала на обоих участках, где проходят полосы плывунов, и, если обстоятельства позволят, покончить со сторожем у экскаватора.

«Эх, если бы удалось отправить на тот свет сторожа, вот была бы паника! — думал он, глядя туда, где должен был находиться экскаватор. — Тогда никакими калачами, никакими угрозами не выгнать ночью к отводной канаве ни одного пурвайчанина. Самому Лидуму и Анне с ее коммунистами пришлось бы сидеть у канала, а я... уж мне-то удалось бы отправить кого-нибудь из них к праотцам...»

Марцис в кармане брюк нащупал пистолет и медленно двинулся в сторону канавы. Сначала он хотел разрушить крепление стен в полосе плывунов и только после этого подкрасться к экскаватору и напасть на сторожа.

Был второй час ночи, когда Антон Пацеплис, спрятавшись между двумя кавальерами, заметил в лунном свете какую-то темную фигуру. Она скользнула через кучу вырытой земли и медленно спустилась в канаву.

Их разделяли метров тридцать. До экскаватора, где прохаживался сторож, было примерно с полкилометра.

Пацеплис задрожал всем телом. Взвинченные до крайности нервы остро воспринимали каждый звук. Мускулы напряглись до предела.

«Все-таки явился... — удовлетворенно подумал Пацеплис. — Теперь ты получишь по заслугам, проклятая сволочь».

Прячась за кучи вырытой земли, он медленно подполз к своему противнику.

«Гад... опять разрушает... — думал Пацеплис, и его охватила тревога, нетерпение усиливалось. — Надо поторопиться. Нельзя ему позволить разрушить все. Но теперь он получит... из моих рук ты, птичка, не вырвешься».

Подобравшись поближе, он приподнял голову над кучей песка, чтобы лучше видеть диверсанта. Прямо под ним, метра на два ниже, торопливо действовал какой-то человек: выламывал из стен канавы крепежный лес, камни и складывал на дно.

Луна светила Пацеплису в спину, его голова и плечи отбрасывали неестественно длинную тень на противоположный откос канавы. Когда он немного пошевельнулся, шевельнулась и тень на откосе. В тот момент, когда он вскочил на ноги, чтобы броситься на разрушителя, тот заметил движение тени и резко повернул голову в сторону песчаной кучи.

Пацеплис узнал Марциса Кикрейзиса.

— Ах, это ты? — крикнул он, и его ярость переросла в бешенство.

Антон бросился вперед, прыгнул на Марциса и повалил на землю. Как клещи, сжали пальцы Пацеплиса шею Марциса, ногти впились в тело и застыли. Он тряс своего противника и тыкал лицом в грязь канавы.

— Негодяй... теперь я знаю, почему именно на моем участке...

Марцис хрипел, брыкался и пытался разжать пальцы Пацеплиса. Он уже стал терять сознание, в ушах звенело, перед глазами поплыли белые огненные круги. Почувствовав, что тело Марциса делается вялым, Пацеплис наконец отпустил его шею, снял брючный ремень и крепко скрутил руки своего противника.

Двумя часами позже пойманный бандит сидел в гру-

зовике МТС и в сопровождении двух истребителей мерил путь к уездному городку, так как Индрикис Регут хотел его допросить возможно скорее.

После этого Пацеплис долгое время был героем дня. О его подвиге много говорили, кое-что даже преувеличивали, но самому себе он совсем не казался таким, как превозносили его люди.

— Что ж тут особенного — осилить одного придурковатого парня... — обычно отвечал он своим собеседникам. — Главное в том, что теперь он оставит в покое *мой* канал. А если еще кто вздумает браться за такое, пусть заранее закажет себе гроб, — вторично такой гад живым от меня не уйдет.

Никто после этого не пытался вредить, и угроза Пацеплиса так и осталась угрозой.

6

В канун Иванова дня, 23 июня, к Айвару приехал в гости отец. В начале года происходили выборы в Верховный Совет республики, и Ян Лидум был избран депутатом, а вскоре после того назначен министром вместо Земдега. Он побывал в своем избирательном округе — в том уезде, где до войны работал первым секретарем укома, выступил на нескольких собраниях, побеседовал с избирателями и в заключение, решив провести вечер «Лиго»[1] вместе с сыном, заехал в Пурвайскую волость. На следующий день ему надо было вернуться в избирательный округ и встретиться в двух волостях с избирателями. Записная книжка Лидума была исписана фактами и вопросами, выдвинутыми избирателями-крестьянами. Чего только там не было: и споры по поводу налогов, и жалобы на неправильные действия отдельных советских работников, и просьба обеспечить деталями сельскохозяйственные машины, и предложение построить новую школу. На одном из молочных заводов приемщик, очевидно, надувал крестьян, занижая процент жирности

[1] «*Лиго*» — сохранившееся в народе до настоящих дней празднество в честь плодородия, отмечаемое в день Ивана Купалы (24 июня). В этот день исполняются обрядовые (купальские) песни, сопровождающиеся припевом «Лиго». Празднество «Лиго» начинается вечером в канун Иванова дня и во многом схоже с таким же празднеством у белорусов и украинцев.

сдаваемого молока. В другом месте крестьяне сигнализировали, что директор лесхоза берет взятки и тайком продает древесину спекулянтам. Надо было все проверить, устранить безобразия, помочь простым советским людям добиться правды — работы депутату хватало.

Предприятия министерства в этом году работали лучше прошлого года, хотя производственная программа была больше и трудности с сырьем не были устранены. Яну Лидуму отнюдь не приходило в голову приписывать эти достижения себе, своим организаторским талантам: залог успеха скрывался в спаянной и дружной работе коллектива, в оперативности аппарата министерства, быстро реагирующего на все запросы и предложения предприятий, — к этому новый министр уже успел приучить своих сотрудников.

Как старый партийный работник, Ян Лидум привык интересоваться всем, что попадалось на его пути. Такое предприятие, как машинно-тракторная станция, как будто не имело никакого отношения к его теперешней работе, но, приехав в Урги, он тотчас разыскал Драву и просил показать все хозяйство. От его острого взгляда не укрылся ни малейший пустяк. Первое замечание Драва получил за подъездную дорогу от большака до двора МТС, — перемолотую гусеницами тракторов.

— Скоро вы иначе отсюда не выберетесь, как только на самолете, — сказал Лидум. — Разве допустимо, чтобы дорога к МТС была в таком состоянии?

— Ничего не поделаешь, товарищ Лидум, — пытался оправдаться Драва, — эти гусеницы ужасно разрушают грунт. Вот замостить бы дорогу булыжником...

— Почему же не замостите? Ведь сущие пустяки, не больше трехсот метров будет.

— Если бы министерство отпустило деньги и материал...

— Надо просить, тогда дадут. Министерство само не станет навязываться с деньгами и материалами.

После этого у Дравы отпала охота показывать Лидуму все то, что было здесь интересного, но гость не отступал, и волей-неволей пришлось водить его повсюду. Но Лидум замечал не только плохое. За механическую мастерскую и общежитие Драва услышал не одно похвальное слово. Тогда он снова приободрился.

— А что, Лидум, не отпраздновать ли тебе сегодня

вечером у меня свои именины? — заикнулся Драва, когда осмотр был окончен. — Мог бы оказать честь старому боевому товарищу.

— Благодарствую. Поговорю с Айваром. Неизвестно, какие у него планы.

— Айвар... — Драва развел руками. — Где уж нам, старикам, угнаться за молодыми? Пусть они танцуют, а мы посидим, поговорим о жизни и осушим по кружке пива.

Но из замысла Дравы ничего не получилось. Появился Айвар, сразу завладел отцом и потащил в колхоз: колхозники «Сталинского пути» справляли общий праздник «Лиго». От имени правления Регут пригласил в гости работников мелиоративно-строительной конторы и МТС.

Переодевшись, Айвар вместе с отцом, Дравой и Финогеновым направились к центру колхоза.

Колхозники устроили складчину и приготовили праздник на славу. В клети стояли две бочки пива собственного приготовления. В саду за домом правления были накрыты праздничные столы. На блюдах лежали толстые ломти тминного ивановского сыра. От только что испеченных караш[1] еще поднимался пар, аппетит возбуждали пирожки с копченой грудинкой и холодец. Не одному петуху и поросенку пришлось расстаться с жизнью в честь этого празднества.

В канун «Лиго» работы, как обычно, закончили раньше, чтобы дать возможность мужчинам еще засветло соскрести с лица щетину недельной давности и переодеться в чистые льняные рубашки, а женщинам и девушкам нарядиться в праздничное платье. Ворота, двери, праздничные столы утопали в зелени и цветах. Головы девушек украшали венки из полевых цветов, а целая куча больших дубовых венков лежала на веранде дома правления колхоза: они ждали, когда их возложат на головы главных виновников вечера «Лиго» — Янов. Повязав белые передники, суетились около столов жены и дочери колхозников, расставляя еду и поднося из клети большие кружки с пивом. В конце сада на ровном возвышенном месте уже был приготовлен длинный шест с бочонком смолы наверху, а на земле лежали еще не-

[1] Пшеничные лепешки.

сколько шестов со старыми жестяными ведрами, набитыми берестой и смоченными керосином тряпками, — их зажгут позднее, когда стемнеет.

Большими группами, распевая песни «Лиго», стали прибывать гости. Первый венок возложили на голову Регута, как хозяина и главного Яна-батюшки, которого, кстати сказать, на самом деле звали Яном. После этого стали чествовать обрядовыми песнями всех прочих Янов. Узнав, что среди них находится член правительства Ян Лидум, колхозники спели и ему купальские песни и надели на голову дубовый венок.

В нарядных национальных костюмах, во главе с директором школы Жагаром и Гайдой Римша, появился хор и коллектив танцоров волостного Дома культуры. Зазвучала остроумно подобранная вереница песен «Лиго», а когда кончил хор, запевалой выступила Ольга Липстынь, и к ее голосу присоединились все собравшиеся колхозники. Завязалось соревнование — бой песен. Веселыми, остроумными строфами народ высмеивал отрицательное и смешное в людях, пробирал скупых, лентяев и нерадивых, прославлял добросовестных тружеников и добрые нравы.

Ян-батюшка Регут пригласил всех к столу, и сразу дрогнули запасы ивановского сыра, пирожков и пенистого пива.

Одним из самых примечательных гостей этого вечера был Антон Пацеплис: все еще помнили о его геройстве, проявленном в поединке с Марцисом Кикрейзисом. Поэтому Антону еще и еще раз во всех подробностях пришлось рассказать о своем подвиге. Он это делал с видимым удовольствием, особенно после того, как осушил с полдюжины кружек пива. Ян Лидум с явным интересом слушал Пацеплиса, временами поглядывая на него пристальным, оценивающим взглядом: теперь и он знал, какую роль сыграл этот человек в жизни его сестры... «Сложный тип... — думал Лидум. — Был ведь порядочным мерзавцем, которому и руки-то не хотелось подать, теперь появилось в нем кое-что человеческое».

Анна сидела за столом между Регутом и Айваром. Когда языки развязались и полились шумные оживленные разговоры, она обратилась к Айвару с вопросом:

— Помнишь, Айвар, как мы летом тысяча девятьсот сорок второго года впервые встретились на фронте?

— Очень хорошо помню... — ответил он.

— Ты мне тогда что-то обещал, — сказала Анна.

— И не выполнил обещания? — Айвар посмотрел на Анну с тревогой: он не мог вспомнить, что тогда обещал Анне. — Неужели что-нибудь важное?

— Даже очень... — улыбнулась Анна. — Но срок ведь тоже был дан порядочный.

— Прости, у меня плохая память, ей-ей не помню.

— Ты сказал, что после войны расскажешь мне, почему летом тысяча девятьсот сорок первого года ушел из дому и эвакуировался.

Айвар смутился, сразу не нашелся с ответом, потом сказал:

— Теперь вспоминаю. Ты хочешь... чтоб я это сказал сегодня вечером?

— Война давно закончилась!

— Верно, война закончилась. Обещание надо выполнять. Ладно, Аннушка, скажу. — Айвар нагнулся и сказал так тихо, что Анна скорее по движению губ, чем по звуку, поняла сказанное: — Ради тебя ушел... мне хотелось быть там, где ты...

Теперь пришел черед замолчать Анне. Смущённая и зардевшаяся, она, потупив глаза, сидела рядом с Айваром и думала о чем-то, ничего общего не имеющем с веселой суетой праздника «Лиго».

Опять зазвучали песни. Колхозное трио — скрипка, флейта и гармонь — заиграло танцевальную музыку. И стар и млад оставили столы и начали плясать. Ян Лидум пригласил жену Регута. После этого и Пацеплису стало невмоготу усидеть за столом — и на что будет похоже, если он, один из самых молодцеватых танцоров и кавалеров своего времени, не проявит таланта? Ольге Липстынь выпала честь стать первой дамой, которую удостоил вниманием Антон Пацеплис.

Тщетно поискав глазами среди толпы гостей своего партнера по танцам, Гайда Римша поняла, что один из сегодняшних именинников, Жан Пацеплис (ведь он тоже был Яном), ещё не закончил работу, и если его не поторопить, навряд ли он вообще придет на вечер «Лиго». Она пошепталась с девушками и парнями и, сказав что-то Жагару, скрылась с толпой молодежи за углом сада.

Экскаватор рыл первые метры отводного канала на

бывшем лугу усадьбы Сурумов. В короткие мгновения, когда мотор и валы переставали шуметь, до Жана Пацеплиса доносились песни «Лиго». По правде сказать, и он мог сегодня закончить работу несколько раньше, но парню хотелось дорыть канал до луга Сурумов. Земля здесь мягкая, ковш легко заполнялся, и трудно было прервать работу, когда так все хорошо спорится.

«Иванова ночь длинна, — думал он. — Поработаю, как положено, до десяти часов, а потом буду праздновать до утра. Спать, конечно, не придется, но это ничего — завтра день свободный».

И звенел металл, тяжелый ковш зубами вгрызался в торф, рядом с каналом вырастали кучи земли.

В половине десятого, когда экскаватор надо было подать на несколько метров назад, Жан вблизи себя услышал громкое пение. Со стороны колхозного центра через луг к нему шли друзья — в национальных костюмах, разукрашенные цветами и венками. В середине шагала Гайда, держа в руках большой дубовый венок.

Сердце Жана наполнилось дивной теплотой.

«И про меня вспомнили... — взволнованно подумал он. — Какие славные ребята! Только плохо, что я такой чумазый...»

Певцы подошли совсем близко и начали петь про одинокого землекопа. Гайда знаками приглашала Жана сойти с экскаватора, и когда он, смущенный и неловкий, с потным лицом и испачканными руками, стал перед ними, она надела ему на голову большой венок.

— А сейчас кончай работать и пойдем с нами на праздник! — сказала Гайда.

— Упаси боже! — воскликнул Жан. — Таким я не могу пойти. Разрешите хоть умыться и переодеться.

— Придется разрешить, только собирайся не особенно долго, — ответила Гайда. — Иначе Ивановы огни отгорят без нас.

Жан взял пиджак и вместе со всеми поспешил в Сурумы. Навряд ли в тот вечер кто-нибудь так глубоко чувствовал праздничное настроение, как он.

В это время в колхозном центре приветствовали песнями гостей: на своем «газике» прибыл Артур Лидум и начальник уездного отдела Министерства государственной безопасности Регут. Вместе с ними приехала и Валентина. Поздоровавшись с колхозниками, Артур ото-

звал в сторону Анну, Регута и Айвара. К ним присоединился и Индрикис Регут. Валентина осталась с Яном Лидумом и колхозниками.

— Сегодня надо быть начеку, — тихо заговорил Индрикис Регут. — Утром ко мне явился какой-то бандит, которому надоело жить в лесу. Он сдал автомат, четыре ручные гранаты и рассказал, что этой ночью банда собирается напасть на колхозный центр — хочет отомстить за Марциса Кикрейзиса.

— Думают, что мы здесь перепьемся и всех можно будет взять голыми руками, — проворчал старый Регут. — Но мы вовсе не такие простачки. У всех ферм эту ночь дежурят по двое вооруженных колхозников, а часть наших истребителей находится среди нас. С тех пор, как произошло несчастье с Анной, дремать не приходится, ты это учти, Инга.

— Хорошо, отец, — сказал Индрикис. — Я думаю, что праздника прекращать не следует, пусть люди веселятся, но надо выставить посты. Если среди колхозников и гостей и находится **их** человек (что трудно предположить), он не должен заметить наши приготовления. Через час, когда стемнеет, прибудет группа бойцов — пусть тогда кто-нибудь попытается подойти к нам.

Музыка продолжала играть, люди танцевали, пели, и в праздничной сутолоке никто не заметил, как по одному исчезли несколько молодых людей. Айвар помог Индрикису разместить вокруг колхозного центра секреты, а Анна со старым Регутом вернулась к остальным, и праздник «Лиго» продолжался, будто ничего не случилось.

Старый Регут отмахивался от комаров, которые в большом количестве непрошенные явились на праздник и тоненькими голосками старались обогатить пестрый, жизнерадостный хоровод звуков.

— Попищи, попищи еще... — смеялся Регут, убив на щеке одного комара. — Недолго вам здесь пищать. Вот победим болото, куда вы тогда денетесь, маленькие кровопийцы...

Когда Айвар вернулся, Валентина позвала его к себе и усадила рядом на скамью. За прошлую зиму между ними установилась крепкая дружба, отношения стали простыми и непринужденными. Хотя Айвар ни полусловом об этом не обмолвился, Валентина давно заметила,

что в его сердце хранятся нежные чувства, оберегаемые от постороннего любопытства; для нее также не было секретом, кто является объектом этих чувств: достаточно было перехватить один из тех откровенных взглядов, которые Айвар бросал на Анну, чтобы понять, как сильно он ее любит.

«Почему они так тянут? — думала Валентина, наблюдая за поведением Анны и Айвара. — Ведут себя, как обычные знакомые, в лучшем случае — как друзья. Неужели Анна им не интересуется и не отвечает взаимностью? Может, она и не подозревает, что парень ее любит? А возможно, они уже давно сговорились и только водят за нос своих друзей и знакомых? В таком случае эти обманщики великолепно умеют представляться, особенно Анна...»

Валентине они оба очень нравились, она была убеждена, что Айвар и Анна как бы созданы друг для друга, поэтому от всей души желала им самого лучшего. Несколько раз Валентина в очень деликатной форме пыталась разговаривать на эту тему с ними, но ее окольные высказывания или не достигали цели вследствие их туманности, или те были слишком ловкими артистами и нарочно делали вид, что ничего не понимают, — и до сих пор все старания Валентины оставались безуспешными.

— Почему ты не танцуешь, Айвар? — спросила Валентина, когда парень подсел к ней. — Ведь ты умеешь?

— Когда-то умел, — ответил Айвар. — Не знаю, как сейчас, семь лет не танцевал.

— Почему не попробовать?

— Боюсь отдавить ноги другим танцующим.

— Твой отец, наверно, не танцевал лет тридцать, но посмотри, как изящно он повертывает свою даму то вправо, то влево.

Ян Лидум действительно в это время провальсировал мимо них, с большим искусством ведя свою даму в кругу танцующих.

— Если тебе не жаль своих новых туфель и ты согласна нажить несколько синяков, то прошу! — Айвар поклонился Валентине, приняв комически-торжественную позу.

— Ладно, рискну... — сказала Валентина.

Они смешались с танцующими. Оказалось, что Айвар почти не забыл этого галантного искусства. Ему каза-

лось, что еще никогда он так хорошо не танцевал. Удивляться не приходилось, принимая во внимание, что у него сегодня такая партнерша, как Валентина: это ведь не плотная и тяжеловатая Майга Стабулниек, с которой ему когда-то приходилось танцевать, чтобы угодить своим приемным родителям.

— Ах ты, шутник этакий! — погрозила пальцем Валентина. — Он разучился танцевать! Ты просто обленился, вот и все, но общими усилиями мы эту лень из тебя повыколотим.

Они шутили, задорно смеялись и танцевали один танец за другим. Непосвященным могло казаться, что это флиртующая пара, которая недавно познакомилась и старается сейчас установить более близкие отношения.

У Артура Лидума не было ни малейшего сомнения в истинном характере этого события.

«Валя хочет встряхнуть Айвара, — подумал он. — Это ему не вредно. Он давно мог быть немного веселей и живее».

Трио окончило играть. Разгоряченные танцоры вернулись к столам, чтобы утолить жажду глотком хорошего пива. Айвар угостил Валентину и отца, не забыв и себя; он был признателен девушке, что та помогла ему включиться в общее веселье. Когда музыканты после перерыва снова заиграли, у Айвара хватило духу приблизиться к Анне, чтобы пригласить ее, но он опоздал: Индрикис Регут на несколько мгновений опередил его и оставил Айвара с длинным носом. Тогда Айвар вернулся обратно к своему месту у стола, надеясь, что Валентина его вызволит из неловкого положения и еще раз «рискнет» пройтись с ним в танце, но оказалось, что он опоздал и тут: Артур уже кружился с нею. Валентина взглянула на Айвара через плечо своего партнера и многозначительно покачала головой, как бы говоря:

— Сам виноват. Проспал...

Именно так сказал ему отец, остановившись за его спиной. Айвар покраснел, неловко усмехнулся и что-то проворчал себе под нос.

Со двора доносились дружные песни. Вернулась Гайда Римша со своей молодежью. В мощном хоре молодых голосов теперь звучал и сочный баритон Жана Пацеплиса.

Настало время зажечь огни Ивановой ночи. Парни

подняли шест с горящим смоляным бочонком, и вскоре, как бы в ответ на это пламенное приветствие, то там, то здесь на дальних пригорках зажглись другие Ивановы огни. Вся Латвия в эту ночь мерцала несчетным числом костров, округа перекликались ликующими возгласами песен, людям было хорошо.

7

Когда в колхозном центре загорелись огни Ивана Купалы, Стэлп решил, что пришло время начать нападение.

— У всех сейчас глаза будут обращены только на смоляной бочонок, — сказал он Тауриню, сидевшему рядом с ним на кочке у опушки леса. — Пока мы не подойдем к ним вплотную, наше приближение никто не заметит, а мы их увидим еще издали.

Стэлп только за несколько дней до этого прибыл в «батальон» Тауриня с заданием: активизировать деятельность банды. Узнав про арест Марциса Кикрейзиса, он страшно рассердился на Тауриня.

— Возиться около отводной канавы — разве это настоящая борьба? — набросился он на него. — Поддразнивание, чистое мальчишество и больше ничего! Даже дурак понял бы, что нельзя одну и ту же диверсию повторять три ночи подряд.

— Я пытался отговорить его, но разве этому лопоухому что-нибудь втемяшишь! — оправдывался Таиринь.

— Какой вы командир, если подчиненные вас не слушают? — сердился Стэлп. — Чтобы сохранить в войсковой части дисциплину, непослушных надо расстреливать.

— Сколько же у меня этого войска — пять-шесть человек. Если начнем расстреливать своих, скоро некем будет командовать. Что же касается этой канавы, то дело совсем не мальчишеское. Это было ответом на разрушение моей мельницы. Если они разбирают запруду, как я могу оставить это без ответа, господин Стэлп? Сомневаюсь, чтобы вы на моем месте удержались.

— Отвечать надо та́к, чтоб почувствовали. Подорвали бы экскаватор, покончили бы с каким-нибудь работником — вот это было бы делом. Те несколько метров

крепления, которые удалось молодому Кикрейзису выломать на дне канавы, ничего не стоят.

— Так-то оно так, господин Стэлп, но что ж делать... пролитую воду не соберешь...

Вместе со Стэлпом их было семь вооруженных бандитов. Восьмой с разрешения руководства ушел вчера к своим родным в уездный город и должен был вернуться только после праздников. У Стэлпа не появилось ни малейшего подозрения, что тот уже давно явился к Индрикису Регуту и рассказал о планах банды. Вожак банды надеялся, что предстоящее нападение на колхозный центр поднимет боевое настроение бандитов, — в последнее время, по мнению Стэлпа, они больше походили на мокрых куриц, а не на борцов. Может быть, кое-кто подумывал втихомолку о легализации, и если их руки сейчас не обагрить кровью большевиков, навряд ли удастся их удержать в лесу. Стэлп решил не только сжечь колхозный центр и расстроить праздник «Лиго», но и убить всех ведущих работников колхоза, коммунистов, которых он захватит врасплох на празднике. Приготовленные для праздника продукты и прочее добро им пригодятся. А когда будет пролита кровь советских людей, участники банды сожгут за собой все мосты и никому из них не придет в голову уходить из лесу.

«Батальон» разбили на две группы. Четверо, во главе со Стэлпом, должны были пробраться к месту праздника со стороны сада, а Tауринь с двумя бандитами получил приказание приблизиться к колхозному центру со стороны дороги и отрезать колхозникам путь к отступлению: когда те, услышав первые выстрелы, побегут к двору, их остановят пули людей Тауриня. Поднимется паника. После этого Тауринь крикнет: «Руки вверх, ложись лицом к земле!» — и тогда семеро бандитов смогут делать с ними все, что только вздумают. За малейшую попытку сопротивляться — пуля. Часть можно будет пристрелить на месте, а самых главных взять с собой в лес и постепенно замучить. Стэлп жаждал крови, но и Тауринь не отставал от своего командира. Сегодня ночью они надеялись утолить эту жажду.

В каждой группе один из бандитов хорошо знал окрестность. Тауринь, подождав, пока Стэлп со своей командой исчез в полутьме летней ночи, медленно двинулся к дороге, пролегающей между двумя большими

полями. Достигнув дороги, он внимательно прислушался, но ничего подозрительного не заметил. Впереди, на пригорке, за домом правления колхоза, раздавались песни, — наверно, собрались вокруг купальских огней и до остального, что творилось в эту ночь на свете, им и дела нет.

— Пошли... — шепнул Тауринь и первым выполз из ржи на дорогу.

Медленными бесшумными воровскими шагами приближались бандиты к группе строений. Проскользнув мимо машинного сарая, нырнули в широкий двор. Один бандит ушел к северному углу жилого дома, второй следовал за Тауринем к воротам, которые вели в сад. Это были последние согласованные шаги группы. Потом началось такое, чего Тауринь не мог охватить умом ни тогда, ни позже.

— Стой! — прорезал тишину повелительный окрик. — Руки вверх!

Одновременно послышались выстрелы по ту сторону дома правления колхоза и еще дальше, в поле, по которому Стэлп приближался к саду. За спиной Тауриня раздался стон, и когда бандит оглянулся, то увидел, что двое колхозников разоружают его спутника. Мысль о дальнейшей борьбе в один миг испарилась из головы Тауриня. Он вбежал в сад и, бросившись на землю, пополз.

Автомат мешал; забросив его в густую траву, Тауринь, подобно громадному насекомому, полз на четвереньках вдоль забора, пока не нашел щель, через которую с трудом выбрался из сада. Погони не было. Тауринь пролежал несколько мгновений, встал и бросился в колосившуюся рожь.

«Вот будет взбучка от Стэлпа за брошенный автомат...» — озабоченно подумал он. Но он быстро забыл об этом, стараясь уйти как можно дальше от места стычки.

В колхозном центре вновь наступила тишина. Выстрелы прекратились, на конце шеста ярко горел смоляной боченок, только люди двигались, как потревоженные муравьи, да вокруг сада слышался топот.

Зря опасался Тауринь упреков Стэлпа: нарвавшись на секрет истребителей и не подчинившись их окрику, он был ранен в ногу и взят в плен, даже не успев выстрелить. Кроме Стэлпа, поймали еще двух бандитов,

трех бойцы майора Регута убили во время стычки. За всю перестрелку был ранен в плечо только один истребитель.

Седьмого бандита, оружие которого нашли в саду у забора, поймать не удалось. Разбившись на несколько групп, истребители, бойцы и колхозники почти до рассвета безрезультатно искали его по всем закоулкам. Следы убежавшего были заметны по истоптанной ржи, но затем он вышел на дорогу, и дождь, непременный спутник ночи Ивана Купалы, сделал невозможными дальнейшие поиски.

Среди убитых бандитов колхозники опознали младшего сына Стабулниека; из живых они знали только Стэлпа, остальные, наверно, приблудились издалека. Когда Индрикис Регут спросил Стэлпа, кто был убежавший, тот поспешно ответил, что это какой-то латгалец по фамилии Спрудзан.

Догорали купальские огни. Женщины убрали со столов посуду. Участники праздника, возбужденные случившимся, расходились по домам с песнями.

Артур с Валентиной уехали в город. Индрикис Регут решил еще на несколько часов задержаться, в надежде, что, может, удастся поймать скрывшегося бандита. Айвар ушел с Анной, Жаном и Гайдой Римша, так как им было по пути; немного погодя направились домой Ян Лидум, Драва и Финогенов. Пиво ударило Драве в голову, и он громко рассказывал, как, по его мнению, надо было организовать охрану колхозного центра; по временам останавливаясь, он пытался показать, как следовало расставлять посты.

— Почему они не переговорили со мной, старым фронтовиком? — сердился он. — Теперь у одного из наших ранено плечо, а можно было сделать так, чтобы никто не пострадал.

8

Тауринь, выбравшись на дорогу, торопливо зашагал в сторону Змеиного болота. Вскоре пошел дождь.

«Теперь они не найдут меня даже с собаками, — подумал он. — Пусть льет, чем сильнее, тем лучше».

Он не знал об участи, постигшей остальных бандитов, но понимал, что нападение на колхозный центр провали-

лось. Может, Стэлпу удалось добраться до леса и он сейчас бродит в темноте, а возможно, один из выстрелов, раздавшихся за садом колхозного центра, застал его врасплох и уложил на месте? Трудно сказать, что Тауриню пришлось бы больше по душе...

«Куда деваться? Идти обратно в лесную землянку? Если кто-нибудь из наших схвачен, землянку ночью навестят непрошенные гости, и тогда худшего укрытия нельзя себе представить. Нет, туда возвращаться нельзя. Завтра истребители и бойцы обыщут все окрестные леса и болотные кустарники. В этой стороне спрятаться невозможно, а ближайший пункт связи за тридцать километров — до утра не добраться. Что делать?»

Как потревоженный зверь, сверлил Тауринь взором темноту, останавливался и прислушивался. Казалось, каждый придорожный куст грозил ему, каждый звук нагонял на него ужас. Тауриню чудилось, что вокруг него слышатся шаги: то здесь, то там что-то шевелилось в темноте. Вдруг шагах в двадцати перед собой он увидел трех мужчин, стоявших у обочины дороги и наблюдавших за окрестностью. Тауринь ясно расслышал, как один из них тихо сказал: — Ты, Клуга, останься здесь, а мы пойдем по той меже и посмотрим, не помята ли рожь.

Тауринь бросился в другую сторону и стал ползком пробираться по канаве, чтобы удалиться от дороги. Добравшись до небольшого кустарника, он поднялся на ноги и осмотрелся. Снова послышались шаги по обе стороны от него. Невдалеке двигался темный силуэт.

«Окружают... — сообразил Тауринь. — Напали на след. Неужели конец?»

Он, продолжая прятаться, перебежал небольшой луг, некоторое время полз по бороздам картофельного поля, а когда поднялся на колени и посмотрел вокруг, страх снова прижал его к земле: слева и за спиной двигались человеческие фигуры; только вправо — в сторону усадьбы Урги — путь оставался свободным.

«Конец...» — звучало в ушах, и ему казалось, что кто-то громким голосом говорит это слово. Он полз дальше, шаг за шагом приближаясь к Ургам. Распознав в темноте большой машинный сарай и дом рабочих, Тауринь некоторое время смотрел туда и о чем-то размышлял, если в его положении вообще можно было связно

мыслить. Из рассказов Марциса Кикрейзиса он знал, что Айвар поместился в той же комнате, где жил в детские годы. Окно выходит в сад... Если ставни не закрыты, выдавить стекло — сущий пустяк...

Последняя надежда... последняя отчаянная попытка оторваться от своих преследователей...

«Может, в сердце Айвара еще тлеет искорка благодарности? Получить убежище только на день... до вечера... может быть, даже на несколько часов, пока преследователи прощупают все углы в Ургах... Может, Айвар разрешит... за долгие годы его воспитания — несколько часов прибежища... небольшая услуга в знак признательности...»

Другого выхода у Тауриня не было, остался только этот последний, который сулил ему спасение или западню. Хорошо зная все вокруг, он пробрался в сад усадьбы и на цыпочках приблизился к окну комнаты Айвара. Прижавшись лицом к мокрому стеклу, он силился разглядеть что-нибудь в комнате. На дворе слышались чьи-то шаги. В доме рабочих пели.

Тауринь больше не мешкал. Он выдавил стекло, открыл окно и пролез в комнату. Когда глаза привыкли к темноте, он увидел кровать, стол и несколько стульев.

В углу, рядом с дверью, висел дождевой плащ и рабочая одежда Айвара.

Тауринь задернул окно занавеской и, присев на край кровати, стал ждать. От сапог и намокшей одежды на полу образовалась лужица.

Прошел час, может быть больше, когда наконец хлопнула наружная дверь и в коридоре раздались осторожные шаги, — видимо, кто-то шел на цыпочках, опасаясь разбудить других жильцов дома. У двери, за которой тихо, словно мышь, сидел Тауринь, он остановился, и слышно было, как возится с ключом. Несколькими секундами позже в комнату вошел человек. Щелкнул выключатель, маленькая комната озарилась ярким светом.

Тауринь встал, выдавил улыбку на своем лице и тихо произнес:

— Доброе утро, Айвар... Извини, что без твоего ведома вломился в комнату. На дворе такая ужасная погода. Не хотелось будить чужих людей, поэтому...

И он показал на окно.

Айвар остолбенел от неожиданности.

— Что вы ищете здесь, Тауринь? — спросил он, немного придя в себя. Он сделал вид, что не замечает протянутой для приветствия руки.

— Искал тебя... — ответил Тауринь. — Надеюсь, что не откажешь в ночлеге. Мне сегодня ночью некуда деваться.

Его глаза настойчиво изучали лицо Айвара, отыскивая ответ на вопрос, мучивший его все время, пока он находился в этой комнате. И он нашел его. Мрачный взор чужого человека, которым Айвар посмотрел на него, крепко сомкнутые губы и сжатые в кулаки пальцы говорили яснее всяких слов, что этот не пощадит его. Правая рука Тауриня нырнула в карман пиджака и нащупала рукоятку револьвера.

Айвар понял: Тауринь готов на все и без борьбы в руки не дастся. Только крайнее отчаяние могло загнать его в Урги, в эту комнату. «Если сейчас выскочить в дверь и запереть его, — думал Айвар, — удастся ли мне поднять людей и окружить сад, прежде чем он удерет?»

На дворе уже рассвело. «Скоро должен прийти отец вместе с Дравой и Финогеновым. Как предупредить их, чтобы не входили?» Айвар опасался за жизнь отца.

— Почему вам некуда деваться? — спросил он, остановившись у двери и откидывая назад пряди мокрых волос, упрямо спадавших на глаза. — У всех людей есть пристанище, только у вас его нет.

— Потому что они... — Тауринь кивнул в сторону коридора, — отняли у меня все. У меня нет больше ни дома, ни семьи. Как зверю, приходится скрываться в чаще леса.

— Не надо было становиться зверем, тогда не приходилось бы скрываться! — сурово ответил Айвар.

— И это говоришь ты, кому я сделал так много добра! — плачущим голосом воскликнул Тауринь, но его глаза горели по-волчьи... — Такова твоя благодарность за то, что я тебя вырастил, дал образование, сделал человеком!

— Не человеком старались вы воспитать меня, а зверем, — ответил Айвар. — Если сегодня я действительно человек и мне не стыдно смотреть в глаза народу, я обязан этим не вам, а тем славным, честным людям, кото-

рые во-время вырвали меня из-под вашего влияния и избавили от вашего общества.

— Что я тебе сделал плохого? — удивился Tауринь. Пальцы его правой руки судорожно сжимали рукоятку револьвера.

— Вы искалечили мою юность, старались замарать меня в глазах моего класса и моих товарищей! — воскликнул Айвар. — Я вас ненавижу, Рейнис Tауринь! Запомните это навсегда!

— Я воспитал тебя в духе лучших традиций моего класса, — шипел Tауринь. — Какое мне дело, что большевики не признают моей правды? Точно так же и я не признаю их правды. Я был и всегда останусь в своих глазах правым.

— Правда может быть только одна, и ей я отдал всего себя, до последней капли крови, до последней искорки моего разума, — ответил Айвар. Он был так взволнован, что не слышал шуршания в передней. Не расслышал его и Tауринь: он сосредоточил все свое внимание на Айваре.

— Если хотите, обманывайте себя, — продолжал Айвар. — Убеждайте, что вы с вашей черной душой, с обагренными кровью руками правы и невинны, но не пытайтесь навязать это другим. В моих глазах вы — преступник!

Сверкающими яростью глазами Tауринь смотрел на Айвара. А в уголках его тонких, жестоких губ появилась усмешка.

— Итак... ты не разрешишь мне спрятаться здесь до вечера? — спросил он.

— Нет, но я не позволю вам и уйти, — ответил Айвар. Сделав несколько широких шагов, он встал у окна и заслонил собой темную дыру, через которую в комнату врывался сырой ночной воздух. Теперь они стояли в нескольких шагах друг от друга и смотрели мрачно, с вызовом, с открытой угрозой. У обоих от волнения кровь прилила к вискам, в ушах звенело.

— Не дашь уйти? — зло спросил Tауринь. — Еще неизвестно, кто из нас уйдет, и кому придется остаться на месте. Получи, проклятый!

Лицо Tауриня страшно перекосилось. Он вытащил револьвер, но Айвар на несколько десятых секунды опередил Tауриня. Сильные пальцы юноши тисками

сжали руки Тауриня повыше кистей. Пальцы бандита разжались, револьвер упал на пол. Отбросив его ногой, Айвар повалил Тауриня на пол. Тот пытался брыкаться, кусать, царапать, тыкать пальцами в глаза. В борьбе они опрокинули стул и сдвинули стол. Наконец Айвару снова удалось схватить обе руки Тауриня. Плотно прижав своего противника к полу, он не спускал с него глаз.

Приоткрылась дверь, и в щели появилось лицо Яна Лидума; голубые глаза его серьезно и напряженно глядели в комнату.

— Что здесь творится? — заговорил он, переступив порог. Заметив валявшийся на полу револьвер, он понял, что происшествие слишком серьезно.

— Возьми полотенце, отец!.. — крикнул Айвар. — Надо связать ему руки.

Спрятав револьвер и связав полотенцем руки Тауриня, Ян Лидум спросил:

— Кто этот человек, Айвар?

— Это он — Рейнис Тауринь... — ответил Айвар.

Ян Лидум долго смотрел на скорчившегося бандита, который, сощурившись, исподлобья наблюдал за ним.

— Так вот каков ты... — прошептал Лидум. — Тебе было мало, что ты уже раз ограбил меня, отнял сына. Теперь хотел уничтожить его. Ах ты... презренный гад...

Второй раз в своей жизни встретился он с этим человеком. Много лет прошло с того зимнего вечера у железнодорожной станции, когда батрак Лавера, Ян Лидум, поспорил с крупным усадьбовладельцем Рейнисом Тауринем. Всю жизнь они боролись — не на жизнь, а на смерть; всю жизнь были противниками, между которыми невозможно ни перемирие, ни соглашение. Один из них отдал многие годы своей жизни за счастье народа и за великую, единственную правду, которая победила и в этой стране; второй прожил свою жизнь, как враг своего народа: злой, кровожадный, ненасытный. Долгие годы не видя один другого, они все время мерились силами, обмениваясь сокрушительными ударами, и еще сейчас, когда у обоих давно поседели головы, не иссяк боевой дух Яна Лидума и не улеглась чудовищная злоба Рейниса Тауриня.

Перед духовным взором Яна Лидума проходили картины воспоминаний, полные потрясающего драматизма и мрачной красоты, но самая драматическая из них была

последняя, свидетелем и участником которой снова стал Лидум. У его ног, раздавленной змеей, у которой вырвано жало, наконец-то лежал навсегда побежденный противник. Борьба завершилась полной победой Яна Лидума. За такую победу человеку стоило отдать всего себя, но Ян Лидум знал, что самый лучший период его жизни — впереди.

Еще раз взглянув на Тауриня, он обратился к Айвару:

— Пойди позвони по телефону в правление колхоза. Может, молодой Регут еще не уехал с теми тремя бандитами. Пусть завернет сюда и заодно захватит в город и этого.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Неподалеку от машинно-тракторной станции находился сухой и ровный участок земли размером около двух гектаров. Прежде здесь был загон для лошадей усадьбы Урги. Финогенов обратил внимание на этот участок с первых дней своей работы в МТС. Каждый раз, проходя мимо, он останавливался и подолгу смотрел на него, а иногда даже перелезал через изгородь загона и обходил полянку, проверяя, тверд ли грунт.

Машинно-тракторная станция не нуждалась в этом старом загоне. Весной Драва хотел было вспахать его, разбить на маленькие участки под индивидуальные огороды для рабочих МТС и, наверно, сделал бы это, если бы не вмешались старший агроном Римша и Финогенов. Римша доказал директору, что для огородов прямо-таки создано обработанное поле рядом с домом рабочих, а Финогенов поразил всех неожиданным предложением: старый загон надо, мол, превратить в спортивную площадку.

— Спортивная площадка? — сдержанно проворчал Драва. В последнее время он стал осторожнее в своих выражениях, не высказывал скоропалительных заключений, ибо извиняться за оброненные в горячке слова не составляло никакого удовольствия. — Для чего она нам? Где у нас спортсмены?

— Хотя бы мы, например! — пошутил Финогенов. — Чем не спортсмены? Время от времени будем разминать по вечерам свои кости. Не плохо было бы на старости лет сдать нормы ГТО и получить значок.

— Ну уж меня-то оставь в покое! — засмеялся Драва. — Я лучше запишусь в зрители. Пусть бегают да прыгают молодые. Мое время прошло.

Финогенов посвятил его во все подробности своего плана.

— Площадь ровная, твердая, приспособить ее для спортивных целей легко. Только кое-где надо сровнять маленькие бугорки и кочки, убрать камни, устроить беговую дорожку. С левой стороны, у «трибун», обязательно сделать несколько дорожек для бега на стометровую дистанцию, а по концам поля — площадки для прыжков и метания диска. Поставить футбольные ворота, купить кое-какой спортивный инвентарь, измерительную ленту, секундомер — и спортивная жизнь начата.

— Но спортсмены, спортсмены, Финогенов, где ты их наберешь? На пустую спортплощадку скучно глядеть.

— Будет спортивная площадка — будут и спортсмены. В МТС, в колхозе, в волости молодежи хоть отбавляй, а где молодежь, там и дух соревнования. Общими силами всей волости за несколько воскресников построим стадион. А через месяц уже сумеем устроить первые состязания. Когда наши молодые чемпионы подрастут, пригласим для них достойных противников из других мест. Чтобы дело двигалось успешнее, тебе придется взять на себя обязанности шефа и главного судьи.

— Разреши мне еще немного подумать об этом, — проворчал Драва тоном, свидетельствующим, что предложение Финогенова его заинтересовало.

После этого разговора события стали развертываться чрезвычайно быстро. В течение двух недель, работая по вечерам и устроив два воскресника с большим количеством участников, закончили все земляные работы, проложили беговую дорожку, разбили сектора для прыжков и метания диска, разметили футбольное поле. Столяр МТС сделал футбольные ворота, скамейки для «почетных гостей», а комсомольцы волости изготовили круги для метания диска, толкания ядра и барьеры для прыжков в высоту. МТС, правление колхоза и волостной Народный дом объединили средства и приобрели несколько

ядер, большой и малый диск, копье и измерительную ленту. Гайда съездила в Ригу и договорилась с республиканским комитетом физкультуры и спорта о том, что к ним в день открытия Пурвайского стадиона приедут опытные легкоатлеты для показательных соревнований.

В одно из воскресений произошло торжественное открытие стадиона. В «центральной ложе» у финиша стометровой беговой дорожки на почетном месте сидел «организационный комитет»: председатель — Драва и члены — Регут, Финогенов, Анна и Гайда Римша. Публики пришло больше, чем иногда в Риге на республиканские состязания по легкой атлетике. Деревенские люди не были избалованы подобными зрелищами и пока еще не считали футбол единственным достойным внимания видом спорта, что, к сожалению, наблюдается в некоторых больших городах.

Играл духовой оркестр, участники состязаний прошли парадным маршем вокруг стадиона; после этого Драва выступил с речью, и, под торжественные звуки государственного гимна, был поднят флаг.

Финогенову и Гайде не удалось найти среди местной молодежи более трех участников для состязаний по легкой атлетике: деревенские парни и девушки робели, боясь попасть в смешное положение. Сначала они хотели посмотреть выступления настоящих спортсменов, запомнить их сноровку и только потом, без зрителей, испробовать свои силы Иное дело велокросс, который весьма кстати был включен в программу состязаний: пурвайские парни и девушки, с малолетства исколесившие на велосипедах все проселки, узкие лесные, полевые тропинки, чувствовали себя на велосипедах, как рыба в воде, поэтому без всякого увещевания почти все записались участниками велокросса. Для парней установили примерно двадцатикилометровую дистанцию — вокруг Змеиного болота, для девушек восьмикилометровую — по пересеченной местности от стадиона до волостного исполкома и обратно.

Первой стартовала женская команда — двенадцать девушек на обычных дорожных велосипедах во главе с Гайдой Римша. Минут через пять, когда девушки скрылись за первым пригорком, дали старт мужской команде. После того как парни исчезли в лесу, начались легкоатлетические состязания с участием рижских гостей. С боль-

шим интересом следили юноши и девушки, как стартовали хорошо натренированные столичные спортсмены в беге на сто метров, как прыгали в высоту и длину, как дискоболы, раскачивая диск и повернувшись вокруг своей оси, красиво выбрасывали его кверху. Самое большое внимание парни уделили двум скороходам, один из них был чемпионом Советского Союза.

Пятка — носок, пятка — носок... быстро мелькали перед глазами зрителей ноги скороходов. Только что они были у «трибуны», а вот уже на той стороне поля. Многие зрители думали про себя: «Ничего, это дело и у меня пойдет...»

Жан Пацеплис очень жалел, что не участвует в кроссе. Когда Гайда со своим велосипедом вышла на старт и сразу после взмаха флажка вырвалась вперед, глаза его восторженно загорелись, а сердце защемило от досады: ну почему он сидит среди зрителей, когда у него дома ржавеет купленный прошлой осенью прекрасный велосипед? Он тоже мог бы сейчас, на глазах всей волости, показать свое мастерство.

Он очень обрадовался, когда на опушке леса у Змеиного болота показалась далеко оторвавшаяся от своих соперниц девушка. Зрители гадали, кто бы могла быть эта кандидатка в победительницы, но Жан с первого взгляда узнал Гайду. Метров за тридцать от финиша у нее что-то случилось с цепью, но девушка не растерялась. Спрыгнув с велосипеда, она пустилась бежать и на полминуты раньше следовавшей за ней соперницы коснулась ленточки финиша.

Гайда стартовала от коллектива МТС, и Драва был очень доволен ее победой и так хвастался, будто сам был победителем в женском велокроссе.

— Вот что значит правильно поставленная физкультурная работа! — восклицал он. — Мы с Финогеновым днем и ночью заботились об этом. Само собою ничего не дается. Самый лучший талант, если не создать ему подходящих условий, может заглохнуть.

Он возгордился еще больше, когда узнал, что результат спортивного достижения Гайды имеет республиканское значение.

— Берегитесь, рижане, в будущем году мы отнимем у вас звание чемпиона в женском велокроссе! — ликовал Драва.

Финогенов добродушно улыбался, наблюдая за радостью Дравы: теперь физкультура пойдет в гору, если самого директора так волнуют успехи спортсменов. Используя это настроение Дравы, он упомянул, что не мешало бы машинно-тракторной станции иметь свою футбольную команду.

— Конечно, не мешало бы! — отозвался Драва. — Обязательно надо создать команду. Иногда и я соглашусь быть судьей.

— Но тогда придется обзавестись парочкой футбольных мячей и по крайней мере одним комплектом бутс.

— Ну и что же? У нас ведь еще осталось несколько тысяч рублей от премиальной суммы за победу в социалистическом соревновании. Как хорошо, что не истратили все сразу. Теперь пригодятся.

В мужском кроссе победил с хорошим результатом представитель колхоза «Сталинский путь» — сын завхоза Эвальд Индриксон. Теперь настала пора радоваться Регуту и всей большой колхозной семье. Председатель уездного комитета физкультуры и спорта, присутствовавший на торжественном открытии стадиона, обещал послать молодого Индриксона и Гайду на соревнование в республиканском велокроссе.

«Но я ведь с ручательством могу его обогнать, — думал Жан Пацеплис. — Если бы я принимал участие в кроссе, не Эвальда, меня послали бы в Ригу... вместе с Гайдой...»

У парня испортилось настроение, и состязания не доставили ему никакого удовольствия. Он оживился лишь тогда, когда закончилась официальная часть и на стадионе осталась только молодежь. Предоставленные самим себе, молодые люди стали пробовать свои силы. Одним лучше удавалось толкание ядра, другим — прыжки в высоту, но в беге на сто метров у некоторых парней оказались настолько равные силы, что трудно было определить, кто из них лучший.

С того дня на бывшем загоне каждый вечер царило оживление. Босиком, в одних трусах, тренировалась до самой темноты окрестная молодежь. Часто на большаке можно было видеть парней, упражняющихся в ходьбе, а маршрут кросса проделали почти все, у кого имелся велосипед.

В волости организовались две футбольные команды:

колхоз не хотел отстать от МТС. Нередко по воскресеньям, когда происходили товарищеские встречи между командами пурвайчан и соседних волостей, на футбольном поле можно было видеть Драву с судейским свистком в руке. Но ему было трудновато поспевать за резвой молодежью, поэтому он скоро окончательно утвердился в роли зрителя. Радоваться или рвать на себе волосы по случаю забитых и пропущенных в ворота мячей все же было легче, чем бегать по полю и руководить игрой. Если побеждала команда МТС, Драва весь вечер просиживал со своими футболистами, пророчил им большую будущность, чуть ли не победу в состязаниях на кубок республики, но если им случалось проиграть, он заболевал от огорчения и не хотел разговаривать ни с одним человеком.

Гайда Римша и Эвальд Индриксон участвовали в республиканских состязаниях, и не только в кроссе, но и в шоссейных гонках. В одной из шоссейных гонок Гайда вышла на третье место, а в кроссе очутилась в первой пятерке. Молодой Индриксон в последнем круге кросса, находясь сзади велосипедиста, занявшего второе место, наскочил на сосну и сломал руль. Остальной путь — около двух километров — он пробежал пешком, но попасть в первый десяток ему все же не удалось.

Жан плюнул с досады, узнав об этой неудаче.

— Носится, как шальной! Не видит, куда едет! Со мной никогда бы этого не случилось. Подожди, Эвалдынь, в будущем году увидим, про кого из нас будут говорить...

Вечерами, если Жан не работал во второй смене и Гайда была свободна, они вместе ездили по лесам и полям, выбирая самую труднопроходимую местность и самые тяжелые маршруты. Много разговаривать в таких случаях не удавалось, но Жану было достаточно и того, что он находится вместе с Гайдой.

2

В последнее время Жан использовал свой велосипед не только для тренировочных поездок. К середине июля, как и предполагалось, раудупская отводная канава была дорыта до берега Змеиного болота у самой усадьбы Сурумы, экскаватор переместили на новую трассу, к берегу

Инчупе. Дудум на втором экскаваторе неделей раньше закончил рытье отводной канавы от озера Илистого до болота и сейчас углублял русло Инчупе. Другие машины проводили мелкую сеть по обе стороны магистралей. Огромный лемех канавокопателя, который тащили два мощных трактора, гнал широкую, глубокую борозду, и в заболоченной земле осталась почти готовая открытая канава, по которой вода потекла к магистральному каналу. Бульдозер и грейдер разравнивали вырытую землю, сметали все кочки и неровности, а кусторез уничтожал кустарники и заросли можжевельника. Там, где хлеба и сено были убраны, пускали в работу болотный плуг: он выворачивал и опрокидывал мощные пласты поросшей мохом и пестрящей клюквой нетронутой десятилетиями целины, открывая слои плодородной почвы. Острые ножи тяжелой дисковой бороны разрыхляли ее, и колхозники получили возможность впервые засевать зерно в отвоеванную у природы землю. В обработанных местах заболоченная почва заметно садилась. До того, как отправить экскаватор на Инчупе, Айвар несколько дней пытался продолжать работы на самом болоте, но из этого ничего не вышло: тяжелая машина утопала в трясине — не помогали ни подпоры, ни двойной бревенчатый настил.

— Нечего здесь время терять... — решил Айвар. — Дождемся зимы. Сам дед мороз построит мост для наших экскаваторов.

Вот поэтому Жану Пацеплису и приходилось дважды в день по проселкам, сырым тропинкам выгонов спешить на своем велосипеде на работу, и каждая такая поездка была равна настоящей тренировке.

В конце июля, когда отводная канава была прорыта через землю Сурумов, Антон Пацеплис, посоветовавшись с детьми, поразил округу новым шагом: он полностью отказался от своей усадьбы и оставшегося скота. Передав все это в распоряжение колхоза, он переселился на конеферму в усадьбу Мелдеров, где ему отвели отдельную комнату. К этому его побудили многие обстоятельства. Во-первых, от строений было мало проку: коровник покосился, изба грозила обвалом, а старая клеть, которая еще кое-как держалась, могла быть разобрана и перевезена в колхозный центр. Во-вторых, ни у Анны, ни у Жана не было времени ухаживать за скотом и обрабатывать приусадебный участок. Кроме того, этой

осенью Анна собиралась уехать в Ригу учиться, и в усадьбе тогда некому будет вести домашнее хозяйство.

Вот почему в конце июля в Сурумах наступила глубокая грустная тишина, свойственная покинутым жилищам. Жан опять перебрался в общежитие МТС, а Анна подыскала себе небольшую комнатку в одной из усадеб вблизи волостного исполкома. Жизнь их, со всех точек зрения, стала намного удобнее. Старый коровник разобрали на дрова (ни на что больше он не годился). Избу решили до зимы не трогать — ее разберут осенью, когда колхозники управятся с полевыми работами.

В этом году на полях «Сталинского пути» вырос обильный, по местным условиям, урожай.

На лучших участках, которые меньше страдали от сырости и сорняков, собрали до тринадцати центнеров пшеницы и ржи с гектара. Хорошо уродились картофель и другие овощи, а силосные ямы были полны зеленого корма. У Регута больше не болела голова от забот о корме для скотины.

В середине сентября правление колхоза, предварительно подсчитав и обсудив виды на доход, решило выдать колхозникам первый аванс за трудодни — деньгами и натурой.

Счетовод Марта Клуга сейчас целые ночи просиживала в конторе правления, подсчитывая выдачу каждому колхознику.

Для кладовщика Индриксона наступили горячие денечки. С утра до вечера он взвешивал, считал. Как когда-то глубокой осенью после пожинок или в прежние времена в Юрьев день на всех дорогах Латвии были видны крестьянские повозки с мешками зерна и скромными пожитками, так и теперь в том конце волости, который прилегал к большому болоту, можно было наблюдать оживление: колхозные кони с трудом тащили груженые возы, а рядом с повозкой шагал довольный, улыбающийся человек; если в конце мощеной приусадебной дороги возы встречал любопытный сосед-единоличник, колхозники не торопились проехать мимо, не рассказав о своих достижениях.

— Все это заработано в колхозе. Но это только аванс, в конце года получим еще больше.

Кто не ленился и не находился во власти сомнений, у того нашлось чем заполнить свою клеть. Случалось, что

иная колхозница, усердно работавшая на молочно-товарной ферме, увозила домой больший воз, чем муж, который прилежно обрабатывал приусадебный участок и пытался обеспечить себя разными побочными заработками. Прямо-таки удивительно, сколько могла заработать такая простая женщина! Совершенно естественно, что у мужа появлялось желание сложить вместе и свой и женин заработок — выглядело приличнее и можно было сказать, не краснея: «Это наш аванс...»

Но случалось и так, что жена говорила: «Не смешивай свою бедность с моей зажиточностью! Пусть видят люди, что ты корчил лодыря, — тогда, может, тебя проберет стыд».

Именно так сказала своему мужу сестра Петера Гандриса — Зента Риекстынь. Сам Риекстынь не верил, что только работой в артели можно обеспечить семью продовольствием, поэтому его чаще всего видели на базарах и у лавки потребительского общества, куда он сбывал ягоды, грибы и лекарственные растения, а не на колхозных полях.

Итог получился весьма неловкий, когда рядом с жениным зерном положили заработанное им зерно. Все видевшие это не могли сдержать усмешки. Послышалось многозначительное покрякивание.

— Откуда я мог знать, что так получится... — пробормотал Риекстынь, не зная, куда девать глаза.

— Это потому, что ты вообразил себя умнее советской власти... — заметил Регут. — Верил всяким остолопам, а общему делу не верил. Хорошо, что жена у тебя такая рассудительная, иначе неизвестно, чем бы ты кормил сейчас своих детей.

Когда аванс начали укладывать на телегу, Риекстынь пытался и свой мешочек пристроить к полным мешкам Зенты, но та сурово его отстранила:

— Не порть картины! Пусть все видят, что — твое и что — мое! Если Регут даст лошадь, вези свои крохи, а не даст — неси на спине. Там не так уж много, как-нибудь донесешь.

— Ну чего ты разоряешься, Зента... — пытался утихомирить муж. — Разве тебе этот театр по душе? Ну разок ошибся. Второй раз такой картины не увидят.

— Говоришь, не увидят? — переспросила Зента. — Чем ты это докажешь?

— Скоро сама узнаешь. Подожди до конца года.

— Честное слово?

— Честное слово, не сойти мне с места.

Тогда Зента сжалилась над ним и разрешила погрузить на общий воз и его долю аванса. Но по дороге Зента еще раз пробрала его.

— Ты думаешь, мне не стыдно? Было бы приятнее, если бы твой воз был больше моего. Погляди на Липстыней, те сейчас будут жить так, как никогда не жили. У обоих вместе шестьсот трудодней. Разве у нас не могло быть столько же? Мужик как дуб, не знает куда силу девать, а ходит с кузовочками по лесу, собирает ягоды да грибы. Безо времени в старики записаться хочешь.

— Чш, женушка, чш... — успокаивал ее Риекстынь.

— Тьфу! Прямо хоть плачь со стыда, — ответила Зента.

Что касается Липстыней, то Зента была права: у них еще никогда в жизни не было такой богатой осени и обеспеченной зимы. Половину полученных в аванс продуктов они увезли на базар. После этого Ольга Липстынь сшила своим детям новую одежду, а себе заказала шерстяной костюм. В доме появился радиоприемник и новый мужской велосипед.

Эти факты не могли пройти незамеченными для окружающих. Многие единоличники, которые все лето и осень с недоверием наблюдали за колхозом, стали теперь призадумываться. Не проходило ни одного дня, чтобы в правление не заходил какой-нибудь ходок от единоличников или даже целые делегации. Как в свое время пурвайчане ездили на экскурсию в первый колхоз Советской Латвии, так сейчас к ним приезжали из ближних и дальних мест. Опять какие-то большие события назревали в волости, и Анна Пацеплис, наблюдая за характерными признаками этого, понимала: осенью ей предстоит большая и ответственная работа. Семя коллективизации, посеянное в тщательно обработанную плодородную землю, приносило теперь свои первые плоды. Не надо было больше говорить о преимуществах колхозного строя, не приходилось ссылаться на чужие примеры, вести беседу о невиданных вещах, — лучшим примером был первый колхоз Пурвайской волости, говоривший языком живых фактов. А так как это был одновременно и первый колхоз во всем уезде, то за его деятельностью и достиже-

ниями с большим вниманием следило все уездное руководство.

Артур Лидум недавно был избран первым секретарем укома. Беспокойный и неутомимый, он не мог усидеть в кабинете и большую часть времени проводил в волости и поселках. Он появлялся всюду, где пробивались хрупкие ростки новой жизни, и, как опытный садовник, заботился о том, чтобы равнодушные люди не вытоптали их. С его помощью Анне два раза в месяц удавалось получать квалифицированных лекторов и устраивать в Доме культуры лекции и по сельскому хозяйству, и по вопросам культуры, и по международному положению. Но Артур не мог все внимание сосредоточить только на Пурвайской волости, которая во всех начинаниях шла во главе волостей уезда, поэтому его здесь видели не более раза в месяц, но ни одно его посещение не проходило бесследно, оно помогало многое упорядочить и разрешить, хоть на шаг вперед продвинуть новую жизнь. Весь свой опыт он передавал Анне, и это очень помогало ей в работе, поэтому нечего удивляться, что республиканские газеты все чаще и чаще помещали материал из Пурвайской волости. На все слеты и совещания передовиков сельского хозяйства Пурвайская волость посылала своего делегата. Обычно ездили Анна, Регут или кто-либо из передовых людей колхоза; в последнем совещании участвовала заведующая молочно-товарной фермой Ольга Липстынь.

...После выдачи первого аванса у Риекстыня стал неспокойный характер. Регуту и бригадиру Клуге почти каждый день приходилось иметь с ним дело. На рассвете этот колхозник находил то одного, то другого и требовал:

— Давай работу. Что мне сегодня делать?

И Риекстынь был не единственным, кто за время, оставшееся до конца года, хотел исправить баланс своих трудодней: в дни осеннего сева и зяблевой вспашки можно было наверстать многое.

После уборки урожая в колхоз «Сталинский путь» вступили еще двадцать три единоличных хозяйства. И снова трактор уничтожал межи, а территория колхоза превращалась в единый массив.

Одновременно с этим происходили и еще более значительные события: одно за другим в Пурвайской во-

лости прошли три собрания, и после каждого рождалось по новой сельскохозяйственной артели. Рядом со «Сталинским путем» в строй молодых колхозов встали коллективные хозяйства «Раудупе», «Победа» и «Комсомолец», — почти половина всех крестьянских хозяйств волости объединилась в колхозы. Некоторые кулаки, увидев, что победная волна новой жизни рано или поздно может потопить их, старались пробраться в колхозы, но у трудового крестьянства было достаточно зоркости, чтобы захлопнуть дверь перед их носом.

3

Уже второй день лил дождь. Анна стояла у окна своей комнаты и глядела на мокрую мураву двора, где паслось стадо гусей. Не обращая никакого внимания на больших птиц, два воробья хозяйничали, как у себя дома, и склевывали насыпанный хозяйкой корм из-под носа огромного гусака. Перед коровником, спрятавшись от дождя под широким навесом, сладко позевывала собака.

На диване стоял раскрытый чемодан, наполовину наполненный вещами Анны. Рядом с бельем и туалетными принадлежностями виднелись книги, несколько общих тетрадей и маленькая коробочка с янтарными бусами, которые Анне подарил Жан ко дню рождения. Серое шерстяное одеяло и подушка были завязаны отдельно.

«Что еще взять с собой?» — думала Анна. То одно, то другое казалось ей лишним. Пальто, перешитое из военной шинели, отслужило свой срок, вместо него появилось хорошее зимнее пальто. Темнокоричневый костюм надо было взять, а что делать с лыжным костюмом? На селе при обходе разбросанных крестьянских усадеб приходилось месить осеннюю грязь, зимой шагать по снежным сугробам, и костюм был незаменим, а что с ним делать в Риге? «Пусть остается. Может быть, когда-нибудь понадобится...»

Она давно стремилась поехать в Ригу учиться, но сейчас, когда вызов из партийной школы лежал на столе, было как-то жалко отрываться от родной среды и любимой работы. Анна не сомневалась, что после ее ухода в жизни волости не образуется пустоты и ничто не остановится, но весь день она чувствовала себя неспокойно. С тревогой и нежностью всматривалась Анна в знакомый,

незатейливый пейзаж, и в ее сердце пробуждалась горячая любовь к этой однообразной, простой, овеянной осенней сыростью картине, ко всем людям и вещам, остающимся здесь.

Казалось, будто оголенные поля, мелкие рощицы тихо молят: «Не уходи, останься с нами, ты ведь видишь, что мы нуждаемся друг в друге».

Она вспомнила Айвара, и ей стало еще грустнее: он ведь останется здесь на всю зиму продолжать работы по осушке болота. Уходя отсюда, она уйдет и от Айвара, и все опять останется попрежнему: смутные догадки, предположения, недоговоренность. Со времени праздника «Лиго» они ни разу не встретились наедине и ничего нового не было сказано, кроме тех робких намеков, которые тогда ей сказал Айвар. Временами Анне казалось, что он избегает ее, но в то же время девушка понимала — его поведение ничуть не изменилось: если раньше скромность Айвара не вызывала мыслей о том, что он сторонится ее, то сейчас она довольно часто задумывалась над этим и только потому, что сама изменилась. Поняв, что Айвар и она любят друг друга, Анна стала какой-то иной: вместе с мечтами в ее сердце поселилась нежная робость, — от нее только наглец может освободиться без особых усилий, всем остальным она доставляет большие трудности.

Было ясно, как день, что если бы Айвар пошел дальше в своих недомолвках, Анна не оставила бы его в неведении и кончилось бы их одиночество, как кончается власть тьмы с наступлением рассвета.

Сегодня Анна должна уехать. Через несколько часов она сядет в поезд на пурвайской станции и завтра будет шагать по улицам Риги.

«Знает ли он о моем отъезде?» — думала Анна. Сообщить об этом Айвару почему-то не хватило духу. Вся партийная организация знала, что парторг уезжает учиться и на ее место становится Клуга; комсомольцы приходили утром прощаться. Неужели никто не скажет ни слова Айвару? Было бы больно уйти, не пожав ему руку, не сказав несколько дружеских слов, в которых, быть может, он расслышит еле уловимое, ему одному понятное обещание.

«Напишет ли он мне когда-нибудь письмо? А если напишет, то какое? Что я ему отвечу? Как все сложно,

а могло бы быть просто, если бы сами люди не усложняли все...»

За стеной, в комнате хозяина, часы прокуковали три раза. Через пять часов ей надо быть на станции... Через полчаса в исполкоме ее будут ждать Клуга и Бригис, чтобы в последний раз поговорить о начатых и еще не законченных делах. Социалистическое соревнование с Айзпурской волостью, рапорт руководству уезда и республики о выполнении плана хлебопоставок, открытие сезона в Доме культуры... Ничего, все будет хорошо.

Анна закончила сборы. Вещи, которые она не возьмет в Ригу, могут остаться здесь. Жан их сохранит до ее возвращения.

В половине четвертого она появилась в исполкоме и... застыла на пороге от неожиданности: ее рабочая комната была полна народу. Айвар, Финогенов, Регут, Бригис, Гайда, Жан, еще несколько членов партии и три председателя организованных этой осенью колхозов сидели в комнате парторга и как по уговору улыбнулись Анне. Она знала, что только из-за нее пришли сюда эти очень занятые люди и тем самым, может быть, расстроили свои планы на субботний вечер. От их дружеских улыбок в комнате стало светлее. Волнение сдавило Анне горло. Как она могла думать об одиночестве, когда вокруг так много настоящих, надежных друзей? И Айвар такой же сердечный и простой, как все другие, только неизвестно, почему он в праздничной одежде и белом крахмальном воротничке, будто собрался на какое-то празднество.

Анна поздоровалась со всеми и села у окна.

Девушка заметила, что на столе лежали какие-то свертки и пакеты, а присутствующие переглядывались, будто совещаясь друг с другом.

Но вот поднялся Финогенов, откашлялся и, смущенно улыбнувшись, заговорил:

— Дорогой товарищ и прекрасный человек, славная Анна Антоновна... Мы пришли попрощаться с вами и пожелать вам наилучших успехов на том новом пути, по которому вам придется теперь шагать. Но прощаемся мы с вами ненадолго. Через два года будем ждать вас обратно. Можете быть уверены, что кое-что вы здесь уже не узнаете, — об этом позаботимся мы, ваши товарищи, остающиеся здесь на месте. На прочном фундаменте, за-

ложенном вами в Пурвайской волости, мы совместно со всеми жителями воздвигнем прекрасное и устойчивое здание социалистической жизни. Вы найдете полностью коллективизированную округу, новые нивы будут колыхаться там, где еще сегодня маячит болото. Всегда помните, мы ждем вашего возвращения. Чтобы ежедневно вам об этом напоминать, мы решили положить в ваш дорожный чемодан несколько подарков, без которых вам не обойтись ни одного дня.

Развязав один из свертков, Финогенов поднес Анне двухтомник избранных произведений В. И. Ленина и вышедшие тома сочинений И. В. Сталина.

Глубоко растроганная Анна поблагодарила товарищей.

Потом говорила Гайда — она недавно вместе с Жаном Пацеплисом была принята в кандидаты партии и назначена заведующей Народным домом. Комсомольцы Пурвайской волости преподнесли Анне альбом, отражающий все послевоенные достижения Пурвайской волости. Представители колхозов подарили красивые узорчатые варежки, шерстяной свитер и домотканную шаль.

— Как же мне все это доставить на станцию? — смеялась Анна. — Придется просить подводу.

— Если понадобится, хоть две, — сказал Регут. — Но, по всей вероятности, запрягать не придется. Я слышал, что ты не поедешь поездом.

— А как же я попаду в Ригу? — удивилась Анна.

— Это тебе расскажет товарищ Лидум, — сказал Клуга.

Анна вопросительно посмотрела на Айвара. Тот улыбнулся так же странно и лукаво, как Клуга, и сказал:

— Скажу после. Есть одна новость...

Анне очень хотелось узнать эту новость, очевидно уже известную остальным.

Через час, переговорив обо всем, что в таких случаях принято говорить, народ собрался уходить. Анна попрощалась с Гайдой, а Жана попросила пойти с ней на квартиру и забрать оставшиеся вещи, в том числе и новый велосипед. Жан сейчас же привлек к этому делу и Гайду (ей будет удобнее, чем мужчине, отвести в МТС дамский велосипед). Анне больше ничего не оставалось, как пригласить с собой и Гайду.

Айвар тоже пошел к Анне на квартиру. Особая то-

ропливость, с какой Жан и Гайда собрали вещи и поспешили уйти, показывала, что у обоих есть какое-то определенное представление о взаимоотношениях Анны и Айвара и что они не хотят мешать их прощанию.

Когда Жан и Гайда ушли, Анна посмотрела на Айвара и спросила:

— Что за великая тайна, из-за которой мне не придется ехать поездом?

— Тебе придется ехать по другой дороге... — ответил Айвар. — Давеча, когда тебя еще не было в исполкоме, звонил Артур. Он искал тебя, но, узнав, что я поблизости, просил позвать меня к телефону. Сегодня вечером, Анна, нам обоим надо быть в городе...

— По какому поводу, Айвар?

— Мы приглашены на свадьбу. Мой двоюродный брат приводит к себе в дом жену. Кажется, для тебя не секрет, кто она?

— Нет, Айвар, это ни для кого уже не секрет, — улыбнулась Анна. — Как жаль, что не знала раньше, ведь надо было подумать о подарке.

— Я не в лучшем положении, — сказал Айвар. — Но несчастье поправимо. Свадебный подарок можно приготовить и позже.

— Тогда надо сейчас же отправляться?

— Выходит, так. Мой мотоцикл в боевой готовности. Между прочим... — Айвар смущенно улыбнулся и опустил глаза, — Артур хотел прислать за нами машину, но я его отговорил.

— Почему?

— Чтобы хоть немного побыть с тобой наедине.

Глаза Айвара смеялись, но в остальном он казался почти торжественным, и Анна не могла понять: шутит он или говорит серьезно.

Вскоре она уже сидела в боковой коляске, и Айвар с такой тщательностью укутывал шерстяным пледом ее ноги, будто они отправлялись на Северный полюс.

Они выехали засветло. На полях еще работали крестьяне. В сарае колхоза гудела молотилка, а немного поодаль трактор тащил большой многолемешный плуг, лущивший стерню.

Дождь затих, но воздух был полон сырости.

Когда поля Пурвайской волости остались позади, Анна как бы шутя заговорила:

— Ты сказал, что хотел бы остаться со мной наедине. Разве только для того, чтобы молчать всю дорогу?

— Нет, Аннушка... — вздохнул Айвар. — У меня есть одно предложение, но... я не знаю, как ты на него посмотришь.

— Именно? — Анна пыталась произнести это как можно проще, но голос ее осекся. Он сказал А н н у ш к а так смущенно и робко, будто произнес что-то запретное.

— Мой отец тоже будет сегодня на свадьбе, — продолжал Айвар. — Ты сможешь поехать в Ригу на его машине.

— С удовольствием, это будет чудесно! — отозвалась Анна. — И это все, что ты хотел мне сказать?

— Нет... это не все.

Айвар осторожно объехал какую-то лужу и только тогда взглянул на Анну.

— Я думаю, тебе не стоило бы устраиваться в общежитии школы. У нас с отцом удобная трехкомнатная квартира в центре города. Этой зимой меня почти не будет дома. Если бы ты не возражала, могла бы жить... в моей комнате.

— Почему ты этого хочешь? — спросила Анна, хотя вопрос был совершенно лишним: она очень хорошо знала — почему, но все же хотела, чтоб Айвар сказал это сам... очень, очень хотела.

— Тебе это не нравится?

— Этого я не сказала, но ты ведь можешь сказать причину?

— Ладно, Аннушка, скажу... только позже, когда ты дашь согласие поселиться в моей комнате.

— Разреши мне немного подумать, Айвар.

— Ладно, я подожду до утра.

Остальной путь они проехали молча. Айвар выглядел грустным. Анне стало жаль его, и она хотела уже признаться, что предложение Айвара доставило ей радость и что она принимает его, но та же нежная робость, которая до сих пор заставляла их обоих скрывать свои чувства за броней условной сдержанности, не позволяла произнести те искренние слова, которые мгновенно согнали бы грусть с лица Айвара.

На полпути Айвару пришлось зажечь фару. В город они въехали, когда уже совсем стемнело.

4

В рабочем кабинете Артура Лидума происходило заседание бюро уездного комитета партии. Надо было обсудить некоторые неотложные вопросы: о подготовке школ к новому учебному году, о работе уездного партийного кабинета, об организационно-хозяйственном укреплении новых колхозов и разобрать персональные дела членов партии. Дела эти возникли после недавней ревизии уездного промкомбината и требовали незамедлительного разбора.

Заседание началось в четыре. Артур надеялся закончить его часам к семи, ибо основные вопросы были тщательно подготовлены, — неподготовленные вопросы он вообще не включал в повестку дня.

— Заседание нельзя превращать в совещание, — имел обыкновение повторять Артур совет своего дяди. — На совещаниях по каждому вопросу можно дискуссировать часами, пока не будет достигнута полная ясность, а на заседании все вопросы уже наперед должны быть настолько ясны, чтобы участники могли сразу определить свое отношение к ним. Если этого нет, то, значит, вопрос недостаточно подготовлен.

Принимая решение, он строго придерживался принципа коллегиальности и давал каждому желающему члену бюро высказать свое мнение, но длинных речей не выносил, поэтому докладчики, хорошо знакомые со стилем работы первого секретаря укома, старались докладывать деловито и лаконично, сберегая свое красноречие для другого, более подходящего случая.

Если Артур видел, что докладчик начинает свой доклад от Адама или готовится прочесть академическую лекцию на общественные темы, он короткими направляющими вопросами выводил оратора на нужный путь и добивался того, что докладчик укладывался в несколько минут и подготовленная получасовая речь становилась излишней.

Но как бы он ни держал на вожжах ораторов, с некоторыми ему все же не удавалось справиться. Самыми опасными были двое: заведующий отделом народного образования Рудзит и заведующая партийным кабинетом Эглите. Они оба обладали способностью хорошо начать любое выступление, но поставить в нужном месте

точку не умели. Рудзит любил говорить пространно и академически о самых простых вещах, нанизывая одну цветистую фразу на другую, и наслаждаться модуляциями своего хорошо поставленного голоса, как певчая птица, которую захватывает собственное пение. Он не говорил: «Директор школы Н. работает плохо и его надо заменить более способным работником...», а излагал эту мысль примерно так: «Принимая во внимание индивидуальные качества директора школы Н., которые в конкретных условиях на данном этапе не соответствуют специфическим требованиям, какие выдвигает переживаемое время и историческая ситуация перед ответственными работниками наробраза, нам следует прийти к выводу, что практическая работа директора Н. не находится на должной высоте, и было бы весьма желательно в возможно короткий срок сделать соответствующие организационные выводы, выдвинув на вышеупомянутую должность другого, более подходящего работника». У Эглите было другое опасное свойство: она говорила быстро, без пауз, и прервать ее было так же невозможно, как задержать на полпути камень, катящийся по крутому склону с вершины горы. Начитанная, она любила к месту и не к месту блеснуть длинными цитатами и сложными формулировками.

И как раз в этот вечер основными докладчиками по повестке дня были Рудзит и Эглите, а поэтому начало заседания не сулило Артуру ничего приятного. Рудзит пространно заговорил, с удовольствием прислушиваясь к своему голосу, его самодовольство было так велико, что даже повторные напоминания секретаря укома говорить короче и держаться ближе к делу не сбили его. Упоминая о положительных и отрицательных примерах, он не ограничился одним, характерным для каждого случая, а демонстрировал целую серию их, к тому же весьма основательно, со всеми подробностями. Проговорив полчаса, он еще не собирался переходить к выводам и предложениям, а когда наконец дошел до этого, Артур не удержался и, остановив Рудзита, сам зачитал участникам заседания резолюционную часть проекта решения. Две-три минуты делового обмена мнениями, несколько дополнительных предложений, небольшое изменение проекта — и вопрос был решен. Рудзит вытирал со лба пот и довольно улыбался; члены бюро тоже вытирали пот,

но на их лицах улыбок не было. Когда в конце стола с толстым портфелем в руках поднялась Эглите, из груди членов бюро, как по уговору, вырвался тяжелый вздох и каждый инстинктивно посмотрел на большие стенные часы.

Об окончании заседания к семи часам не могло быть и речи. В половине восьмого «тяжелые» пункты повестки дня были решены, Рудзит и Эглите ушли, и бюро, пробившись сквозь опасные лабиринты подводных скал, получило наконец возможность работать нормальным темпом. Артур уже давно примирился с мыслью, что его гостям придется сегодня сесть за стол без него.

В одном из соседних домов, в маленькой комнатке, сидела Валентина Сафронова и читала верстку очередного номера уездной газеты. В последнюю корректуру вкралось несколько досадных ошибок, а когда все было исправлено, зазвонил телефон — из Риги сообщили, что на первой полосе завтрашнего номера обязательно должен быть помещен важный материал. Надо было высвободить место для этого материала, переверстать всю первую полосу и ждать, когда принесут из типографии новую верстку.

В восемь часов Валентина получила наконец верстку. Еще раз затрещал телефон. Девушка сняла трубку и услышала голос Ильзы.

— Милое дитя, ты, наверно, забыла, какое у нас сегодня событие? Артур меня не удивляет, на него это похоже, но тебе-то уж надо было вспомнить.

— А который теперь час? — спросила Валентина. — Батюшки! Уже восемь! А я думала, что еще нет семи. Нас уже ждут?

— Все съехались: Анна, Айвар, Ян. Не хватает только главных виновников и тех, кого Артур пригласит с собой. Поторопи их. Мои слова сегодня не действуют. Может, тебя послушает.

— Ладно, мама, я попытаюсь вмешаться в это дело...

Валентина прочла первую полосу и, подписав очередной номер газеты, позвонила в уком партии. Секретарь Артура сообщила, что на бюро начали обсуждать последний вопрос.

Через четверть часа Валентина попросила соединить ее с Артуром.

— Сейчас кончаем, Валюк... — кратко ответил он. — Когда освобожусь, позвоню тебе.

Валентина терпеливо ожидала обещанного звонка. Через пятнадцать минут решила, что ждала достаточно, и снова позвонила.

— Сейчас, сейчас!.. — уверял Артур. — Ты можешь надевать пальто и идти сюда, я тебя подожду на улице.

Валентина так и сделала, но не Артур, а она прождала его на улице минут двадцать.

— Неужели девять? — удивлялся Артур. — Прямо не опомнишься, как летит время.

Взяв Валентину под руку, он торопливо зашагал домой. Пилаг и Индрикис Регут, которые были приглашены на свадебный ужин, зашли домой за женами.

— Валюк, скажи мне правду, — шептал Артур, нагнувшись к ее уху, — ты меня еще хоть чуточку любишь, или уже разлюбила?

Валентина ответила тем же шутливым тоном:

— Что можно ждать от нелюбимой женщины, которую супруг забывает в день свадьбы?

Они так беззаботно рассмеялись, что серый кот, вышедший в свой ночной поход, перепугался, взметнулся, как подброшенный пружиной, на высокий забор и, сверкнув зеленоватыми глазами, исчез в чужом дворе.

Двое счастливых шагали в темноте, и в эти мгновения им не было никакого дела до всего остального на свете.

...Только в десять вечера у Лидумов наконец смогли сесть за стол. Гостей было немного — Ян Лидум, Анна и Айвар со стороны родных, Пилаг и Индрикис Регут с женами, как ближайшие товарищи по работе, — поэтому за столом все чувствовали себя просто и весело. Хотя в самом начале и было дано торжественное обещание не говорить о служебных делах, но уже минут через десять обещание забыли, и вопросы, составлявшие содержание их повседневной работы, снова стали основной темой разговора.

Умолчим обо всем, что происходило за столом. Разве недостаточно, если мы будем знать, что весь вечер царило хорошее настроение и настоящая сердечность. Все от всего сердца желали Валентине и Артуру счастливой жизни. А Ян Лидум, наблюдая за откровенным счастьем пары, время от времени тайно бросал взгляды на Айвара

и Анну и думал, что вместо одной сегодня недурно было бы видеть две пары; но эта вторая пара, неизвестно почему, тянет и так неумело скрывает свои чувства, что просто смешно на них смотреть. Можем добавить, что немного позже потанцевали, и Ильза, вырастившая сына, но сама не изведавшая семейного счастья, вышла на кухню и даже всплакнула — не от горя, конечно, а от избытка счастья.

В три часа Пилаги и Регуты, попрощавшись, ушли, а Артур, Валентина, Айвар и Анна проводили их.

На обратном пути Айвар с Анной не спешили возвращаться. Медленно брели они по улицам.

— Обдумала ли ты мое предложение? — спросил Айвар.

— Да... обдумала, — тихо ответила Анна.

— Ну и?..

— Думаю, что это очень хорошее предложение.

— Не правда ли? Ты будешь чувствовать себя как дома, тебя никто не будет тревожить и стеснять.

— А теперь ты скажешь, почему тебе хочется, чтобы я поселилась в вашей квартире?

— Скажу, Аннушка, но только с одним условием.

— Опять условия? — улыбнулась Анна.

— Не условия, а дружеская просьба.

— Слушаю, Айвар.

— Обещай, что твое решение не изменится и в том случае, если мое сообщение будет тебе неприятно слышать, — оно тебя ни к чему не обяжет.

— Ладно, Айвар, я обещаю... — Анна знала, что он скажет, и хотя еще не было произнесено ни слова, ее сердце грозило выскочить из груди, и только темнота помогла скрыть ее счастливое смущение.

— Причина очень проста, но чрезвычайно важна... — голос Айвара дрожал от волнения. — С того времени, как я тебя увидел у церкви в день твоей конфирмации, я полюбил тебя... С каждым днем ты становилась все милее и дороже... и нет у меня сил больше молчать. Прости, Аннушка, что я так внезапно ворвался в твою жизнь. В твоей власти ответить на мое предложение или отвергнуть его, но так или иначе не лишай меня своей дружбы. Без нее я задохнусь.

Они пришли в тихое, уединенное место, к подножию холма старинного замка. Сырой ветер безжалостно рас-

качивал верхушки деревьев, целыми пригоршнями срывал и разбрасывал в темноте пожелтевшие листья. То там, то здесь мерцали освещенные окна, в одном доме громко играл патефон, и пес отзывался на звуки музыки коротким прерывистым лаем.

Тогда Айвар впервые в жизни услышал слово «милый», сказанное с такой глубокой, ласковой и захватывающей интонацией, как ни один человек еще не говорил с ним. Все воплощало в себе это коротенькое слово: и солнечную радость исполнившихся грез, и нежный призыв, и клятву на всю жизнь, и невыразимую красоту самой великой жизни.

После этого они еще долго не возвращались домой. Взявшись за руки, гуляли они по улицам темного города, как бы плутая по лабиринту своего счастья. Для них все было ново, неизведанно. Теперь они хотели знать до последней мелочи все, что когда-то думали и чувствовали при встречах: как прекрасно было в эту ночь оглянуться на пройденный путь их любви, полной сомнений, неизвестности и одиноких мечтаний, и сознавать, что наконец-то этот путь соединил их жизни и что они никогда больше не потеряют друг друга.

Когда они наконец вернулись на квартиру Артура и Ильзы, Валентина сказала:

— Мы уж хотели искать вас, думали, что заблудились.

Айвар посмотрел на Анну, и оба улыбнулись.

— Заблудились? — сказал Айвар. — Нет, друзья, мы нашли самый правильный путь.

Нежный блеск в глазах Анны, которым она отозвалась на слова Айвара, подтвердил, что они действительно нашли правильный путь...

— Так, так... — тихо пробормотал Ян Лидум, но больше ничего не добавил; он был чрезвычайно доволен случившимся и опасался, как бы не сказать что-нибудь необдуманное и неподходящее, что могло нечаянно задеть эти молодые души.

На следующий день после обеда Анна уехала с Яном Лидумом в Ригу. Айвар вернулся к Змеиному болоту. И хоть теперь Анны там не было, он знал: ее думы, ее чистая любовь будут сопутствовать ему на каждом шагу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Резко и властно затрещал будильник.

Айвар проснулся, нащупал его в темноте и заглушил звонок. Обычно он поднимался в половине седьмого, и ему в те дни будильник был не нужен, независимо от того, когда он ложился спать. Более шести часов настоящего, глубокого сна ему не требовалось. Организм привык к постоянному режиму и безропотно переносил большую духовную и физическую нагрузку. Вечером, когда Айвар откладывал в сторону книгу и, выкурив папиросу, ложился в кровать, он немедленно засыпал, а утром пробуждался совсем свежим и сразу мог браться за работу.

Дважды в неделю он поднимался на час раньше, и тогда приходилось прибегать к будильнику. Минут десять он занимался гимнастикой, выполняя вольные движения и растягивая состоящий из сильных пружин бицептор, — с таким расчетом, чтобы ни один мускул не остался без очередной утренней нагрузки.

Было приятно чувствовать себя здоровым и довольным жизнью. В последнее время у Айвара не было никаких противоречий между желаниями и действительностью. Его моральное состояние полнее всего выражало маленькое слово с ч а с т ь е. Да, он был счастлив в самом подлинном значении этого слова — не околдованный,

не опьяненный нахлынувшими чувствами, а сознательно счастливый и ясно понимающий, что с ним происходит. В таком состоянии человеку свойственно искать во всех вещах и явлениях прекрасное, и он находит это на каждом шагу. Сама многокрасочная и необъятная картина жизни становится в его глазах воплощением красоты, наблюдая и осязая которую можно прийти только к одному всеобщему выводу: жить хорошо!

В бесконечном пространстве между небом и землей ночь еще боролась с днем. Наступил тот тихий неопределенный час, когда живое существо как бы еще находится на перепутье и не знает, что делать; у горизонта на востоке можно заметить признаки огромной космической борьбы — в темноту внедряется свет, дошедший из недосягаемых глазу далей, черный занавес постепенно превращается в серую вуаль, за которой все явственнее намечается голубоватый задний план сцены вселенной. Тогда запевает первая птица, прожужжит первая муха и, повинуясь знаку невидимого дирижера, все новые и новые голоса вливаются в великий хор — скоро их будет такое множество, что невозможно будет различить один от другого. Шумит грядущий день!

Айвар сел к столу и начал писать письмо Анне. Они писали друг другу дважды в неделю, и письма рассказывали что-то новое о каждом из них, — то, что им не удалось заметить, распознать и выяснить за долгие годы знакомства. Анна и Айвар бессознательно обнажали друг перед другом то неизвестное содержание своей сущности, без которого нельзя составить полного представления о другом человеке. Многое уже не было тайной для Анны и Айвара, но что-то все же оставалось неясным, и, наверно, никогда не будет так, чтобы глазу человека раскрылся внутренний мир другого человека до последней подробности. Неизвестное не только привлекает, но и пугает; безгранично любя другого человека и изо дня в день в повседневной жизни сталкиваясь с различными проявлениями отрицательного, вульгарного и эгоистического, мы боимся обнаружить такие же качества в любимом человеке и страстно хотим, чтобы он остался гармоничным, без трещин в его моральном облике и тогда, когда познаем его всецело. Того же хотели и Айвар с Анной. До сих пор каждое письмо являлось светлым положительным ответом на их чаяния и робкие предпо-

ложения. Они не ошиблись друг в друге. Это совсем не означает, что оба были само совершенство. И у них, как в каждом человеке, можно было найти отрицательное, но не следует забывать и ту большую готовность сделать скидку, которая характерна для любящих, — почему бы Анне и Айвару быть исключением?

Целый час писал Айвар письмо, целый час разговаривал с Анной. А потом, съев завтрак, который приготовил на скорую руку, отправился на места работ.

Был конец осени, в воздухе уже чувствовалось дыхание зимы. Земля по утрам подмерзала, покрывалась инеем, в канавах под тоненькой корочкой льда тихо журчала вода. Когда солнце поднималось выше, земля оттаивала и ледок исчезал, но местами ранний признак зимы сохранялся до самого вечера. С колхозных полей убрали картофель, сахарную свеклу и все овощи, а на озимых полях пшеница и рожь покрывали землю зеленым бархатом. Все жнивье было взлущено, хлеб обмолочен, и наступила та спокойная пора, когда люди больше заняты во дворах, делая то, до чего раньше не доходили руки. Последние перелетные птицы — дикие гуси, утки и лебеди — улетали в теплые края. В лесах звучало резкое пение пил, стук топоров и дымились большие костры, иной возчик бревен уже мерил путь к лесным складам на станцию или к берегу реки.

Рабочие мелиоративно-строительной конторы спешили докончить устройство мелкой сети в тех местах, куда они не могли подойти со своими машинами до уборки урожая. На многих полях было достаточно открытых канав, но местами, где процесс заболачивания зашел слишком далеко, приходилось поднимать слой торфа и культивировать землю, поэтому работы хватало и болотному плугу и тяжелой дисковой бороне. Между прочим были вспаханы и все луга бывшей усадьбы Сурумы, та же участь постигла и пастбища.

Айвара ждали Регут и Алкснис: в этот день сдавали колхозу проделанную за прошлую десятидневку работу. Более часа обмеряли они канавы и культивированные участки земли, проверили возведенные устройства, дороги, мостики, сверили все с техническим проектом и составили приемо-сдаточный акт.

— Жаль, что в самом начале не остановились на дренаже, вместо открытых канав... — сказал Регут, оки-

нув взором сточную сеть. — С деньгами было туговато. Теперь денег достаточно, но не хочется разрушать сделанное. Подумай сам, товарищ Лидум, какая была бы картина — громадное поле, гектаров пятьдесят, без единой канавы и межи! Совсем другая работа трактору. Со временем можно было бы пустить комбайн.

— От этой мысли отказываться не надо, — ответил Айвар. — Дренаж можно устроить и позже, когда начнем работы на самом болоте, только надо предусмотреть это заранее.

— Придется подумать. Соберемся как-нибудь вечером и подсчитаем, во что это обойдется. Может, осилим.

— Обойдется, конечно, намного дороже, чем открытая сеть, зато наша работа пойдет на пользу целому поколению. Затраченные средства окупятся в несколько лет. Ведь мы живем не только для одного года.

— Правильно, Лидум, я тоже думаю об этом. Если сегодня сделаешь что-нибудь потруднее, завтра этого не надо будет делать. Подумать только, какая жизнь будет у наших детей!

— Но мы ведь не собираемся завидовать им... — засмеялся Айвар.

— Чего там завидовать! У них тоже будут свои большие, трудные задачи.

— И еще какие, Регут! Сегодня мы этого не можем даже представить.

Они закурили и расстались, договорившись встретиться в следующее воскресенье, чтоб окончательно обсудить вопрос о дренаже. Регут отправился на молочнотоварную ферму проверять, как спорится работа у строителей нового коровника, а Айвар ушел на инчупскую трассу.

Там его ждал помрачневший и неразговорчивый Дудум: моторист второй смены испортил мотор экскаватора, и сейчас надо было срочно достать хоть из-под земли несколько запасных частей.

— Наверно, спал во время работы? — ворчал Дудум. — Как это можно не почувствовать, что с мотором что-то не ладится? Посмотрел бы, прислушался... Теперь простоим несколько дней.

Айвар записал, какие детали необходимы, и обещал сегодня же связаться с министерством.

— Некоторыми деталями нас выручит товарищ Дра-

ва — не может быть, чтоб у них в МТС не было никакого запаса. Пока приведут экскаватор в порядок, надо будет побольше выжать из второй машины. Организуем третью смену, Дудум.

— Другого выхода нет, товарищ Лидум. Иначе мы здесь проканителимся до самого Нового года.

Проканителимся... Это было сказано слишком сильно: из шестикилометровой магистрали, которая должна соединить болото с Инчупе, осталось прорыть небольшой отрезок — метров четыреста, ни о каком Новом годе не могла идти речь.

— Ладно, товарищ Лидум, тогда я сегодня вечером перейду в третью смену на машину Пацеплиса, а тот теленок пусть сидит у моря и ждет погоды.

«Тот теленок» — второй моторист экскаватора, жизнерадостный парень — стыдливо держался в стороне и спокойно предоставлял Дудуму отводить душу, ибо знал, что любая попытка оправдаться еще больше рассердит механика Ведь, по правде говоря, и Дудум был здесь не безгрешен: мотор стал кашлять уже с начала смены, сразу же после того, как Дудум сдал его своему сменщику.

Несколько позже Айвар разговаривал с Жаном Пацеплисом, который работал на втором экскаваторе.

— Как дела? Не надоело черпать это черное золото?

— А разве кому-нибудь уже надоело? — весело отозвался Жан, приостановив работу.

— Дудум не черпает больше.

— Наконец-то и ему хватило. Удивительно. А я думал, что он хочет вычерпать все болото.

— На экскаваторе Дудума испортился мотор.

— Что говорят метеорологи? — поинтересовался Жан. — Скоро возьмемся за болото? До сих пор мы вроде отрываем только паучьи ноги, хотелось бы добраться до самого туловища.

— Недолго осталось ждать, — сказал Айвар. — Если метеорологическое бюро не подведет, то через несколько дней над Змеиным болотом прокатится волна похолодания и выстроит мост для твоего экскаватора.

— Нельзя ли поторопить метеорологов, чтобы скорее направляли сюда мороз? Если бы ты знал, Айвар, как я его жду!

— Все ждем, Жан. Тебе привет от Анны...

— Спасибо... — Жану почему-то стало неловко. Он хорошо знал, что между Анной и Айваром что-то такое... но никак не мог найти подходящий тон к такому случаю и притворился, что ничего не понимает. Против дружбы Анны с Айваром (а там, наверное, было что-то больше простой дружбы) у него не было никаких возражений, а вот войти в роль будущего родственника казалось таким же сложным, как, например, представить Римшу своим будущим тестем. — Эх, пусть только ударит мороз, тогда держись, болото!..

Экскаватор заработал снова.

Айвар взял шаблон и спустился в канаву. Проверив качество вчерашнего рытья и поговорив с людьми колхозной бригады, он вернулся на машинно-тракторную станцию.

— Товарищ Драва, теперь тебе снова придется помочь мне, — обратился Айвар к директору МТС; за последний год тот сильно пополнел, стал медлительнее в движениях и степеннее в своих действиях.

— Выкладывай. Если сумею, помогу с удовольствием.

Когда Айвар изложил свои нужды, Драва вначале, как бы сомневаясь, задумался — больше, конечно, для виду, чтобы услуга казалась значительнее, а затем обещал узнать, есть ли в машинном сарае и в кладовой подходящие части. Оказалось, части нашлись. Потом Айвар связался по телефону с министерством, и ему обещали прислать недостающие запчасти завтра же с работником, который едет в командировку.

Под вечер он вторично отправился на рабочие места, принял работу за день и на обратном пути завернул на болото. Заиндевелый мох хрустел под ногами, вода между кочками замерзла, но когда Айвар попробовал каблуком прочность льда, нога погрузилась по щиколотку в грязь.

— Мало подморозило. Не выдержит веса машины. Хоть бы скорей подкатила обещанная волна похолодания.

Айвар вернулся домой и, как обычно, хотел взяться за книги, но из этого ничего не вышло: в своей комнатке он нашел... Майгу Стабулниек, ждавшую его больше часа.

2

Они сидели в комнатке Айвара за столом и разговаривали. Майга чувствовала себя как дома, а Айвар никак не мог освободиться от чувства странной неловкости. Посещение Майги ставило его в затруднительное положение, ее присутствие казалось чем-то неправильным и предосудительным. Как бы угадав его мысли, Майга нарочно говорила громко, в коридоре безусловно было слышно каждое слово. Наконец Айвар не выдержал и попросил Майгу говорить потише.

Майга усмехнулась и, кивнув головой в сторону стоявшей на столе фотографии Анны, спросила:

— Ты боишься, чтобы кто-нибудь не передал ей о нашем свидании? Разве она такая ревнивая?

— Разве тебе обязательно хочется, чтобы люди сплетничали? — в свою очередь спросил Айвар.

Майга засмеялась.

— Ладно, как хочешь, но я бы никогда не подумала, что ты считаешься с такими мещанскими предрассудками. Ну, не сердись, не сердись — таким ты мне не нравишься. Чтобы успокоить тебя, скажу, что никаких плохих или коварных намерений у меня нет. Завернула сюда просто из дружеского любопытства. Хотелось рассказать тебе про свою жизнь и посмотреть, как ты выглядишь, — ведь в этом ничего плохого нет, не так ли? Знаешь, Айвар, ты стал еще красивее.

— Нечего льстить, Майга.

— И в голову не приходит. Почему ты сегодня все воспринимаешь так подозрительно?

— Потому, что мне до сих пор неясна цель твоего посещения. Ведь не из-за любопытства же ты приехала сюда из Риги?

— Конечно, нет. Мне надо было получить метрику, иначе не выдают паспорта. Поэтому и приехала.

— И ты получила метрику?

— Да, получила. Заодно завернула в Стабулниеки и посмотрела, как там хозяйничает Ольга Липстынь.

— Как тебе понравилось?

— Ничего... Конечно, суетни и шума больше, чем раньше, в остальном — ничего не скажешь. Все чисто, во всем порядок. Даже мебель не растаскана.

— И ты еще думаешь о ней?

— Нет, это просто так. Я примирилась. В конце концов, если бы даже все осталось попрежнему, я все равно никогда не получила бы ни отцовской усадьбы, ни обстановки — все досталось бы братьям. Нет, Айвар, с этим я примирилась. Нельзя до бесконечности жить воспоминаниями о прошлом и жалеть утерянное. Надо жить теперешним, надо думать о будущем.

— А ты о нем подумала как следует?

— Мне кажется, да... — Майга немного помолчала, потом продолжала: — Я не из тех, кто всю жизнь может прожить в одиночестве. Заменять кошками и собаками семью тоже не желаю. Я выхожу замуж, Айвар...

— Поздравляю... и желаю счастья.

— От души или просто так, ради приличия?

— От души, Майга.

— Спасибо. Он человек хороший. Работает главным бухгалтером в одном тресте. Был на войне, так же, как ты. А я после свадьбы не думаю бросать работу. Между прочим, ты еще не знаешь, что с июля я не работаю на прежнем месте. Теперь я заведую столовой. Там я познакомилась со своим будущим мужем.

Айвар кивнул головой и ничего не сказал. Майга и впрямь могла бы уходить, но она не спешила.

— Почему ты, бывая в Риге, ни разу не навестил меня? — спросила Майга.

— Я не обещал бывать у тебя, — ответил Айвар.

— Боялся... из-за нее? — Майга снова кивнула в сторону фотографии Анны. — Ведь об этом никто не узнал бы.

Айвар посмотрел Майге прямо в глаза и сурово спросил:

— Скажи правду; ты хоть немножко любишь своего будущего мужа?

— Конечно, люблю, но тогда я его еще не знала и никаких обязанностей перед ним у меня не было. Если бы я тогда немного пожила с тобой, никакого преступления не было бы, но ты ведь не можешь осилить своих старомодных предрассудков.

— А где ты собираешься провести эту ночь?

— Не знаю. Неужели так-таки никто и не сжалится надо мной и не разрешит переночевать под своим кровом. От тебя, конечно, такой любезности я не ожидаю... ты страшишься разговоров.

— Какие у тебя здесь еще дела?

— Никаких.

— Тогда ты можешь успеть на рижский поезд.

Посмотрев на свои часики, Майга покачала головой.

— Поезд отходит через час, а до станции двенадцать километров. Мне не поспеть даже бегом.

— Я отвезу тебя на мотоцикле.

Майга, вздохнув, встала.

— Если ты действительно так негостеприимен, то мне ничего другого не остается, как ехать.

— Тут гостеприимство ни при чем, Майга... но так будет лучше для нас обоих, — сказал Айвар. — Пойми меня правильно: я желаю тебе добра. Хватит теней былого — не бросай еще новую тень на свою жизнь.

— Да, теперь я вижу, ты никогда не был моим... — прошептала Майга. — А я, гусыня глупая, надеялась годами...

Пять минут спустя они уже ехали по большаку. Густая осенняя темень покрыла все. Кое-где мерцали огоньки в окнах крестьянских изб, лаяли собаки, и в темноте шумели старые сосны. Когда до станции осталось километра два, Майга заговорила:

— Ты, конечно, думаешь, что я легкомысленная женщина, но это не так. Мне только хотелось, уходя от тебя навсегда, взять с собой в новую жизнь хотя бы одно настоящее яркое воспоминание — за все долгие годы нашего знакомства один лишь миг настоящей близости. Тогда было бы о чем думать, о чем вспоминать и долгое время иллюзий не казалось бы прожитым напрасно. Я знаю, ты меня никогда не любил, но я тебя очень любила. Знаю, ты не можешь быть моим, и я не домогаюсь невозможного, но с меня хватило бы одного мига счастья. Только на короткое мгновение чувствовать, что я твоя... но ты мне отказал в этом. Может, так оно и лучше, кто его знает...

— Мне очень бы хотелось, чтобы можно было не презирать тебя за твою будущую жизнь.

— Можешь не беспокоиться. Я буду верной женой и хорошей матерью... Нет, Айвар, им жаловаться не придется.

Метров за двести до станции Майга попросила остановить мотоциклет.

— Расстанемся здесь. Так будет лучше. Будь здоров... моя скупая иллюзия.

— Будь счастлива, Майга.

Она крепко пожала Айвару руку и тотчас ушла, ни разу не оглянувшись. Айвар смотрел ей вслед; когда она достигла станционного здания и скрылась за дверью, он повернул мотоциклет и поехал домой. Весь вечер он сердился на Майгу, и в то же время ему было жаль ее, но виноватым перед ней себя не чувствовал.

8

В одну из ночей в начале декабря задул северо-восточный ветер: казалось, что где-то за лесами и долами внезапно раскрылась заиндевелая дверь огромного ледника и теперь через нее вырывается наружу холодное дыхание погреба, замораживая все попадавшееся на пути. Край небосвода вспыхивал бледнозеленым светом. Воробьи нахохлились и искали убежища под теплыми стрехами. Трещал мороз, разрисовавший за одну ночь оконные стекла сверкающими цветами, и люди спешили в избу.

— Ну и щиплет! — говорили они, потирая замерзшие руки.

Деревья покрылись инеем и снова стали пышными, будто выросли на них белые мерцающие листья. Земля под каблуками человека звенела, как камень. Лошади высекали искры подковами.

Проснувшись, Айвар взглянул на сказочно разукрашенное окно и понял, что произошло то, чего он ждал всю последнюю неделю. Быстро одевшись, он поспешил к болоту и еще в сумерках исходил всю главную трассу. Он пытался пробить каблуком лед и добраться до торфяного слоя, но лед не поддавался. Рыхлый верхний слой земли превратился в толстую прочную пятнадцатисантиметровую корку, она не качалась и не прогибалась, когда на нее наступал человек.

«Скоро начнем... — думал Айвар. — Если мороз продержится хоть сутки, можно будет смело пустить на болото машины».

Отводная канава от Инчупе до болота была уже вырыта, второй экскаватор починен и отправлен на другой

конец болота — туда, где раудупский канал упирался в трясину. Рабочие всю последнюю неделю вырубали кусты, срезали кочки и освобождали болотную землю от редких пней, которые свидетельствовали, что когда-то на этом месте высились стройные ели. Для каждого экскаватора заблаговременно были построены деревянные настилы, на которых могла удобно поместиться машина.

Колхозники подвезли к трассам крепежный материал, а Айвар проверил пикетные знаки, кое-где заменил колышки и возобновил отметины.

И вот однажды, когда солнце уже поднялось над болотом, люди столпились у экскаватора Дудума, чтобы посмотреть, как старый мастер въедет со своей машиной на болото. Скрипело под гусеницами болото, как бы застонав в бессильной злобе, но не было у него больше силы засосать непрошенного нарушителя покоя.

Стрела, описав плавную дугу, повернулась к концу вырытого канала, и далеко в просторах болота отдался металлический грохот, когда могучий ковш начал вгрызаться в мерзлую землю. Большими кусками отламывалась твердая кора торфа, на солнце сверкали вмерзшие в поры почвы ледяные кристаллы. Сняв твердую верхнюю кору, ковш экскаватора скоро достиг незамерзшего слоя и стал легко наполняться до краев. Вместе с рыхлой землей в воздух поднималось большое количество грязи, и по обе стороны магистрали медленно росли кучи вынутой болотной земли. Когда было вырыто несколько метров новой канавы, Дудум подал машину назад, въехал на следующий настил, а первый с помощью тросов вынули из углубления и поместили позади машины.

Убедившись, что здесь все в порядке, Айвар с несколькими людьми направился к противоположному концу болота. Жан Пацеплис был уже у своего экскаватора. Дождавшись Айвара и колхозников из мелиоративной бригады, Жан со своей машиной медленно въехал на установленный в конце канала настил и после небольшой подготовки принялся за работу. И снова хрустел лед, злобно стонало болото, будто в его черную грудь безжалостно и неотвратимо вонзалось огромное копье, острие которого нащупывало самое сердце.

«Попищи, попищи... — думал Жан. — Сколько хо-

чешь моли, никто тебя не пожалеет, так же как ты никого на своем веку не жалело».

Резкий, насквозь пронизывающий ветер обжигал лицо, когда Жан высовывал голову из моторной будки, в мерзлом воздухе носились редкие снежинки, повсюду вокруг трассы, как черные злые глаза, мрачно поглядывали застывшие болотные окна. Одна за другой перерезались жилы болота, и темная, мутная жидкость мелкими струйками стекала по откосам вырытой канавы и, скрываясь под ледяным покровом ранее вырытой магистрали, стремительно текла к реке.

Бульдозер спешил выровнять кавальеры, пока земля еще не застыла, а колхозники заглаживали и укрепляли участок новой канавы, поэтому на трассе царило большое оживление. Грохотали машины, и работающим приходилось кричать, если они хотели, чтоб их услышали. Время от времени люди похлопывали замерзшими руками по бокам и прыгали с ноги на ногу, а рядом с трассой в кустах горел костер, к нему по очереди подходили рабочие погреться и выкурить папиросу.

Только на короткое время оставил Жан свою моторную будку и, присев на кочку у костра, съел кусок хлеба. На душе было радостно и немного тревожно. Много поколений людей не осмеливались начать борьбу со страшным противником, и болото, как огромный дракон, разрасталось и неутомимо пожирало плодородные земли, с каждым днем становясь все огромнее и прожорливее. Теперь человек осмелился наконец подняться на борьбу, и он, Жан Пацеплис, находится в самом авангарде — разве это не счастье, не огромная честь? Сердце его трепетало от гордости и радости, все его существо охватило странное волнение: хотелось целыми сутками сидеть у руля машины и не уходить, пока не будет закончена вся работа.

Айвар весь первый день провел на болоте и через каждые два часа ходил от одного экскаватора к другому, наблюдая за их работой, помогая рабочим не только советом, но часто и руками.

Невзирая на все тяжелые ранения, в молодом Лидуме все же сохранилось что-то от могучей силы отца, и он не держал ее под спудом, когда представлялся случай показать силу своих мускулов.

Как бы догадываясь, какие мысли обуревают Жана,

Айвар присел к костру рядом с ним и, закусывая мерзлым хлебом с куском жареной свинины, обратился к парню:

— Ну как, все же дождался?

Жан улыбнулся и кивнул головой.

— Свершилось. Больше ничего мне не надо.

— Что ты думаешь делать, когда осушим болото? Останешься здесь или уедешь с Дудумом на какое-нибудь другое болото? Ведь теперь у тебя новая квалификация. Да и заработок неплох.

— Все это верно, но когда МТС начнет работать на комбайнах, будет еще интереснее.

— Вернешься к Драве?

— По всей вероятности. Он мне обещает место бригадира, и я договорился с ним, что вернусь в МТС только тогда, когда на болоте не будет больше работать экскаватор.

— До весны мы обязательно все должны закончить.

Съев хлеб, Жан вернулся к машине. Стемнело рано. На экскаваторе засветился мощный прожектор и, как громадное золотое копье, далеко-далеко впереди себя рассек темноту. На противоположном краю болота вспыхнул другой прожектор, он зажигался и потухал, как огромный глаз, приветливо мигающий издали. Жан повернул кабину к другому концу болота и ответил на приветствие Дудума.

Не зная, как долго продержится мороз, Айвар организовал работу в три смены. В десять вечера Жан Пацеплис сдал машину своему сменщику, но не спешил уходить. Отойдя немного в сторону, он долго наблюдал за его работой и остался ею недоволен.

«Портачит, поганец... как бы не свалился с платформы... еще разобьет машину... — думал он, с тревогой наблюдая за неровными, дергающими движениями экскаватора. — Новичок остается новичком. Словами ему ничего не вдолбишь».

Он, наверно, простоял бы еще долго, если бы не подошел Айвар.

— Идем, Жан, домой. У меня для тебя новость, — сказал Айвар.

— Вот как? — Жан посмотрел на Айвара. — Ладно, идем...

«Наверно, что-нибудь про Анну... — подумал он, ша-

гая рядом с Айваром к краю болота. — Видимо, получил письмо».

Айвар шел таким быстрым и широким шагом, что Жану пришлось как следует поднажать, чтобы не отставать от него, хотя и сам он был не из малорослых. Всюду между кочками был лед, путникам приходилось балансировать; все же, пока они дошли до края болота, каждый по разу растянулся во весь рост, заливаясь веселым смехом.

4

Жан ошибся: то, о чем хотел рассказать ему Айвар, не находилось ни в какой связи с письмом Анны.

Почувствовав под ногами ровную почву, Айвар, будто между прочим, заметил:

— Организуется несколько новых МТС. Одна здесь же, на севере нашего уезда.

— Вот как? — отозвался Жан. — Старые, наверно, не справляются. Теперь стало больше колхозов, не успевают обработать всю землю.

— Пока еще справляются, но когда волна коллективизации прокатится через всю Латвию, тогда будет поздно организовывать. Мы должны быть к этому готовы уже сегодня.

— К тому оно, кажется, идет, Айвар.

— Несомненно. Слышал я, что директором одной из новых МТС будет кто-то из работников нашей машинно-тракторной станции.

— Наверно, Финогенов? — довольно равнодушно заметил Жан.

— Нет, Жан, Финогенов пока останется здесь, — ответил Айвар. — Директором уходит старший агроном Римша.

— Римша? — от неожиданности Жан даже остановился. Его равнодушие как ветром сдуло. — Не может быть!

— Почему не может быть?

— Тогда я что-нибудь слышал бы от... — он осекся и стал глядеть в сторону, — от рабочих МТС. Никто из них ничего еще не знает.

— Это стало известным только вчера. Римша вызван в Ригу в министерство и в Центральный Комитет пар-

тии. Если его кандидатуру найдут подходящей, ему сразу же придется переехать на новое место работы.

— Вместе с семьей? — вырвалось у Жана. Он готов был откусить себе язык за неуместный вопрос, но помочь уже ничем нельзя было. Невольная улыбка на лице Айвара свидетельствовала, что он понял, какая забота гложет сердце его спутника.

— А как же иначе, — сказал Айвар. — Если уедет глава семьи, уедет и семья. Почему тебя это удивляет?

— Меня? Нет... я ничего... просто так... чему ж тут удивляться...

Весь остальной путь до МТС Жан молчал. Нарочно отстав немного от Айвара, он думал свою горькую думу: «Поедет ли Гайда с отцом или останется здесь? Навряд ли семья захочет расколоться. И Гайде здесь оставаться нет никаких причин. Подходящую работу она и на новом месте найдет... найдет и новых друзей. Но тогда развалится хореографический кружок, некому будет руководить им... прощай мечта об участии в республиканском Празднике песни! Если Гайда уедет, все остановится и развалится. Кончатся тренировочные поездки на велосипеде, республиканское первенство по велокроссу пройдет без Жана Пацеплиса, и даже МТС не прельстит его больше ничем. С одинаковым успехом можно будет рыть где-нибудь чужие болота или водить трактор в какой-нибудь дальней МТС.

Агроном Римша был прекрасным человеком, добродушным и простым в обращении с рабочими, и Жан желал ему всяких успехов в жизни, но в тот вечер он никак не мог совладать с одним эгоистичным желанием: как бы хорошо было, если б министерство или Центральный Комитет нашли кандидатуру Римши не подходящей для должности директора. Все бы осталось по-старому, жизнь потекла бы по прежнему руслу, и рано или поздно произошло бы то, о чем он уже давно мечтал. Он не был уверен в привязанности Гайды к нему и был убежден, что потеряет Гайду навсегда, если она уедет отсюда. Забудет, подружится с другим и станет жить мирно и счастливо, будто такого Жана Пацеплиса совсем и не существует на свете.

— А далеко это? — вырвался у него другой необдуманный вопрос, когда до усадьбы Урги оставалось всего несколько сот шагов.

— Что? — спросил Айвар.

— Эта новая МТС...

Айвар назвал известную всем волость в самом дальнем конце уезда. После этого Жан уже ничего ие спрашивал. На дворе МТС они расстались. Айвар пошел к себе, а Жан еще иемного постоял посреди двора, смущенно глядя иа освещенные окна во втором этаже. Там, за этими окнами, была Гайда... та, которой скоро здесь не будет.

В общежитии рабочих хлопнула дверь, кто-то шел по двору. Жан поспешил уйти, чтобы не заметили, какими делами он здесь занимается.

В общежитии все уже знали об уходе Римши: под вечер он позвонил из Риги по телефону, говорил с женой и велел собираться в дорогу, так как на новом месте директору уже была подготовлена квартира.

Жан поужинал и улегся спать, но через каждые полчаса вставал и выходил во двор. Немного повертевшись, поглядев на окна квартиры Римши и ничего не увидев, он возвращался обратно.

— Что с тобой, живот разболелся? — спрашивали его товарищи. — Наверно, сегодня на болоте надорвался.

— Побудьте в моей шкуре, тогда узнаете, что это... — проворчал Жан, предоставляя им думать все, что придет на ум.

— Нелегко весь день возиться в болоте, — сочувственно заметили товарищи.

Около полуночи со двора донесся шум мотора «газика». Не иначе как приехал Римша. Не обращая внимания на замечания товарищей, Жан опять поднялся и вышел из общежития. Он не ошибся: агроном Римша стоял у машины и доставал из нее какие-то узлы. Когда Римша вошел в дом, Жан подошел к шоферу и как ни в чем не бывало спросил:

— Что нового?

— Новости разные, — ответил шофер. — Наш агроиом уезжает.

— Это я уже слышал. А скоро?

— Завтра. Вещи повезут на грузовике, а мне придется ехать с людьми.

— Им для погрузки, наверное, потребуются люди.

— Все может быть... — ответил шофер и поспешил с «газиком» в гараж.

Жан вернулся в общежитие, размышляя: «Весной, когда закончим работы на болоте, я с успехом могу поступить трактористом в новую МТС. Римша еще больше будет нуждаться в людях, чем Драва. Если нельзя будет устроиться бригадиром, пойду трактористом».

Эта мысль немного успокоила его, и он проспал несколько часов. Утром, поднявшись сразу же после ухода первой смены, Жан вышел во двор. Ну, конечно! Грузовик уже стоял у дверей дома, вся семья Римши и рабочие МТС грузили вещи.

Жан подошел к ним, поздоровался с Гайдой и стал помогать. Очевидно, вещи были упакованы заранее, поэтому погрузка шла быстро и закончилась гораздо скорее, чем Жан успел расспросить обо всем Гайду. И она со своей стороны не спешила ничего рассказывать, вела себя так спокойно, будто в ее жизни ничего не меняется. Спокойствие Гайды, деловитость и ее обычный вид немного даже задели Жана.

«Странный человек... — подумал он. — Такое равнодушие, будто я не существую. Даже не собирается попрощаться как следует».

Совсем непонятное стало твориться, когда вся семья Римши, одетая по-дорожному, вышла из дому. Гайда вела свой велосипед, но грузить его на машину не собиралась. Когда в «газик» сели отец и мать, Гайда поцеловала их в щеки, помогла укутать ноги толстыми шерстяными одеялами, но сама с ними не села. Первым тронулся грузовик и не спеша выехал со двора, «газик» последовал за ним. Гайда помахала рукой, посылая последние прощальные приветы отъезжающим, затем спокойно села на велосипед и уехала в сторону волисполкома. Жан понял: происходит что-то необыкновенное, и ему надо немедленно как-то действовать. Стрелой он метнулся в дом, быстро надел ватник и выкатил свой велосипед. Он только еще вскочил на седло, а велосипед Гайды уже скрылся в лесу у старой, наполовину разобранной усадьбы Сурумы, но Жан был бы плохим кандидатом в чемпионы по велокроссу, если бы не догнал девушку на полпути к Народному дому.

...Прошлой ночью, когда Жан, охваченный тревожными думами, ворочался на своей кровати, в квартире Римши происходил серьезный разговор. Узнав, что отец уже завтра со всеми пожитками должен переехать на

новое место, Гайда уселась к окну, долго смотрела в сторону темневшего в конце двора общежития. Когда мать напомнила, что было бы неплохо и ей уложить свои вещи, Гайда спокойно сказала:

— Я никуда не поеду.

— Как не поедешь? — мать всплеснула руками, а отец от удивления пожал плечами. — Куда же ты денешься?

— Останусь здесь. Может, переберусь ближе к Народному дому и поселюсь в комнате Анны Пацеплис. Она сейчас свободна.

— Что за вздор? — возмутилась мать. — С каких это пор тебе надоело жить с родителями?

— Вовсе не надоело, — возразила Гайда в том же спокойном тоне. — Но меня никто еще не освободил от работы, и я не могу бросить так, на произвол судьбы все, что мне доверено. Пока не будет найден новый заведующий Народным домом, мне придется остаться, ведь это естественно.

— Гайда права... — заметил отец. — Служба остается службой.

— Но ты ведь не останешься здесь долго? — спросила мать. — Неужели в волости не найдется другого заведующего Народным домом? Через неделю ты уже сможешь последовать за нами, а те вещи, которые тебе каждый день не нужны, мы завтра заодно захватим с собой.

— Я думаю, что останусь здесь дольше, чем на неделю, — ответила Гайда. — Хорошая была бы я коммунистка, если б бросила недоделанной начатую работу. Как-никак все культурные начинания в волости ложатся на мои плечи. У нас большие надежды на предстоящий Праздник песни... кроме того, физкультурная работа, которая так хорошо налажена, комсомольская организация, за которую я отвечаю не меньше, чем за Народный дом... Нет, нечего и думать об отъезде. Я должна остаться и продолжать работу.

— Но как же ты будешь жить одна? — не успокаивалась мать. — Что люди скажут?

— Скажут, что поступаю правильно! Рано или поздно мне все равно надо начинать жить самостоятельно. Не маленькая. Как-никак, а за спиной уже двадцать два года. Подумай, мама, на что будет похоже: молодая ком-

мунистка, имеющая интересную работу, полезная обществу, вдруг все бросает и становится безработной барышней, нахлебником, иждивенкой родителей! Со стыда сгоришь!

Она принялась помогать родителям упаковывать вещи. Когда мать попыталась снова вернуться к прерванному разговору, Гайда объявила, что ее решение окончательно и бесповоротно и что по этому поводу совсем не стоит так много говорить. Вскоре мать вышла на кухню. Агроном посмотрел на дочь, свою любимицу, лукаво улыбнулся и спросил:

— Ну, давай начистоту: правда ли, что тебя задерживает только Народный дом и комсомольская организация? Не замешано ли здесь сердечко?

Внезапный румянец на щеках Гайды подтвердил, что подозрения отца имеют некоторые основания.

— Поступай, как найдешь нужным, — сказал отец. — Я не сомневаюсь, что ты сумеешь жить одна, но нас с матерью все же не забывай.

— Папа, как ты можешь так говорить! — воскликнула Гайда и, взяв голову отца в свои руки, теребила до тех пор, пока он не признался, что последние слова сказал только шутя. Тогда Гайда поцеловала его в обе щеки и отпустила.

Так было прошлой ночью. А сейчас велосипед Гайды ловко лавировал по замерзшим рытвинам большака. Вдруг посреди леса рядом с одинокой велосипедисткой затрещал звонок другого велосипеда.

— Что все это значит? — Жан не нашел вопроса более разумного.

— Что? — удивилась Гайда.

— Ну, вот то, что ты... что твои родители уехали, а ты осталась...

Гайда пожала плечами и сошла с велосипеда.

— Разве я не имею права оставаться здесь? Тебе не нравится, что я не уехала с родителями? Жаль, не знала раньше, что я нежеланный человек в Пурвайской волости.

— Что за вздор! — горячо запротестовал Жан. — Хорошо, что ты осталась. Я как раз приветствую твое решение.

— Почему? — улыбнулась Гайда.

— Просто так. Мне нравится, что ты здесь, вот и все.

Мы сможем вместе тренироваться для велокросса... и тому подобное.

Гайда состроила серьезную, почти сердитую мину и пристально посмотрела в глаза Жану.

— Ты думаешь, что я только потому осталась, чтоб кататься с тобой по лесу? Спасибо. Уважаемый товарищ, вы довольно высокого мнения о себе.

— Почему ты всегда понимаешь меня превратно и ловишь на слове! — огорчился Жан. — Ясно, что у тебя были свои серьезные причины. В конце концов, мне все равно, почему ты осталась, — важно только, что так случилось. Ты не хотела оставить работу, пока она не доведена до конца, вот и все.

— Конечно. Разве ты на моем месте поступил бы иначе?

— Ни в коем случае! — заверил Жан.

Гайда внимательно посмотрела на Жана, как бы испытывая, так ли он думает, и снова села на велосипед. На опушке леса, неподалеку от волостного исполкома, она еще раз остановилась и сказала:

— Я хочу снять ту комнату, где прошлым летом жила твоя сестра. Но ты не езди со мной. Так будет... лучше.

— Ладно, Гайда... у меня и времени-то нет. На следующей неделе я буду работать в первой смене. Тогда мы как-нибудь вечерком опять проедемся по маршруту кросса, не так ли?

— Если ты будешь столь великодушным и разрешишь мне участвовать в поездке... — насмешливо отозвалась Гайда, нахмурив брови, но потом не выдержала и весело рассмеялась.

Жан смотрел ей вслед, пока она подъехала к тому дому, где когда-то жила Анна, затем сел на велосипед и в бешеном темпе понесся обратно к машинно-тракторной станции.

«Великолепная девушка... ну, такая... ну, прямо такая... словами даже не выскажешь...» — размышлял он, изо всех сил нажимая на педали, будто они были его самыми заклятыми врагами. Он, улыбаясь, глядел на заиндевелые деревья, мимо которых проносился его велосипед, многозначительно кивнул головой старой ели и сказал:

— Вот так!

И казалось, старое дерево от неожиданности вздрогнуло, задрожали его пышные ветви, и на землю упало целое облако белых, блестящих цветочков инея.

5

В конце декабря с экскаватором Дудума произошло несчастье: поздно ночью, когда на машине работал один из молодых мотористов, экскаватор, отступая на несколько метров от конца вырытой канавы, сполз правой гусеницей с настила, накренился и опрокинулся. Как будто только этого и ожидая, предательское болото раскрыло пасть и грозило поглотить своего покорителя. Когда Айвар, узнав об этом, поспешил на трассу, экскаватор уже наполовину погрузился в трясину.

Никто не хотел признавать себя виновным в случившемся. Айвар обозлился донельзя, но, понимая, что этим делу не поможешь, подавил злобу и организовал спасательные работы: поднял на ноги людей свободных смен, членов колхозной мелиоративной бригады и попросил в помощь людей из МТС. Используя все настилы и наскоро изготовив несколько новых, удалось около полудня следующего дня подъехать к месту аварии на мощном тракторе с лебедкой.

На твердой земле поднять экскаватор не составляло бы никакого труда, но как это сделать здесь, на предательской трясине, которая только того и ждет, чтобы заманить в свои объятия еще одну жертву — трактор? Сантиметр за сантиметром, с огромным терпением и настойчивостью, трактор, лебедка и воля людей вырывали у болота его жертву. Как только удавалось немного приподнять опрокинувшийся экскаватор, люди подсовывали под него доски, камни, крепежный лес. К следующей ночи борьба за машину подвинулась настолько, что подвели новый настил и под вторую гусеницу.

Айвар ни на минуту не покидал места аварии, не спал двое суток. Голодный, забрызганный грязью, обливающийся потом, он работал за троих, голос его охрип.

Когда экскаватор наконец был установлен на трассе, Финогенов хотел было уговорить Айвара пойти домой немного отдохнуть, но тот отказался.

— Пока машина не начнет работать, я останусь на месте. Иначе, того и гляди, опять свалится в трясину.

По болоту проносился леденящий ветер, на морозе стыли лица. По спине Айвара бегали мурашки. Он, не обращая на это внимания, пробыл на болоте до зари, пока не удалось наконец вынуть первые ковши земли. Убедившись, что все пошло по правильным рельсам, Айвар ушел в МТС. Всю дорогу его знобило. Дома он немедленно разделся и лег в постель.

Вечером пришлось пригласить врача. Зултер установил воспаление легких.

— Придется недельки две пролежать в постели, это в том случае, если все будет протекать благополучно. А если возникнут осложнения, эта шутка может обойтись вам гораздо дороже.

— Что за ерунда! — заволновался Айвар. — Вы знаете, что у меня нет времени парить бока. Сделайте так, чтобы самое большее дня через три я смог вернуться в строй.

— Это от меня не зависит.

— Но я не могу лежать дома, когда начался самый решительный период в борьбе с болотом. Понимаете, товарищ Зултер, не могу...

— Вам надо было подумать об этом раньше. Совершенное безумие — простоять потным всю ночь на морозе!

Поняв, что дело действительно слишком серьезно, Айвар сдался, но просил ничего не сообщать о его болезни отцу и Анне:

— Если уж со мной приключилась такая беда, дадим хоть другим людям спокойно жить и работать. Какая мне польза, если они будут тревожиться и не спать по ночам?

Две недели боролся он с болезнью... две недели ни разу не позвонил Анне, а если иногда поздно вечером раздавался звонок из Риги, Айвар просил Финогенова сказать Анне или отцу, что он уехал и неизвестно когда вернется.

В середине января, когда Айвар начал вставать с постели, в одно из воскресений приехали Ян Лидум и Анна. Айвар после болезни был еще довольно слаб, и Анна по одному его виду заключила, что с ним что-то случилось. Потом он рассказал все и долго выслушивал упреки Анны и отца.

— Ведешь себя, как мальчишка, — сердился Лидум. — Нашел подходящий способ устраивать сюрпризы. А ну как не поднялся бы с постели, вдруг пришлось бы отдать концы, — чудесно сберег бы нас от неприятностей. Задай ему, Аннушка, как следует — он тебя боится больше, чем родного отца.

Когда Лидум оставил их вдвоем, Анна действительно, следуя советам отца, хорошенько «пробрала» Айвара.

— Я слышала, что партийная организация вашего министерства собирается на следующем собрании решить вопрос о приеме тебя в партию. Мою рекомендацию придется взять обратно. Думаю, что так же поступит и второй рекомендующий — Инга Регут. Улыбаться нечего, я говорю вполне серьезно.

— Почему же такая немилость, Аннушка? — Айвар все же продолжал улыбаться.

— Потому, что ты ужасный человек, Айвар, — заключила Анна, — жестокий и беспощадный. Меня, например, ты ни чуточки не жалеешь. Ни одного звонка, ни одного правдивого слова... Я могла думать все, что только взбредет на ум, а он ..

— Он готов искупить свою вину и обещает в другой раз так не поступать! — воскликнул Айвар. — Если хочешь, буду впредь каждое утро телеграфировать, какая у меня температура.

Наконец Айвар был прощен, и снова воцарился мир.

Вечером, навестив Жана и отца, Анна и Ян Лидум уехали в Ригу. А Айвар снова сел за книги, чтобы наверстать упущенное: через неделю, когда придется ехать в Ригу, он хотел сдать очередной зачет в сельскохозяйственной академии.

6

Работая в три смены, до февраля прорыли главные стоковые канавы в самом Змеином болоте.

Всю мелкую сеть прорыть зимой не удалось: надо было немного повременить, пока болото «осядет» и освободится от избытка воды, поэтому кроме главных стоковых канав вырыли только несколько коллекторов для сбора воды на решающих направлениях. Таким образом, пришлось временно воздержаться от культивации болотного массива.

В середине февраля экскаваторы закончили свою работу на болоте, и их направили в Айзупскую волость (там летом будущего года предполагалось развернуть большие мелиоративные работы). Жан Пацеплис сдержал данное Драве слово и перешел обратно на работу в МТС бригадиром только что организованной новой бригады трактористов: в Пурвайской МТС сейчас стало три тракторные бригады.

Болото оседало — медленно, тягуче, как бы нехотя. За зимние месяцы Айвар неоднократно совещался с председателями окрестных колхозов, а те, в свою очередь, с обширной семьей колхозников, и все признали, что вместо открытых канав на Змеином болоте надо устроить сеть закрытого дренажа. Технический проект был исправлен, и теперь на месте работ лежали большие горы керамических труб, ожидая, когда их пустят в работу.

После небольшого перерыва, необходимого для подготовки последнего, решительного наступления на болото, после смены некоторых машин и заготовки всех необходимых материалов. работа на Змеином болоте закипела с новой силой.

Айвар по служебным делам несколько раз побывал в Риге и каждый раз, пользуясь случаем, сдавал экзамены в сельскохозяйственной академии. В конце мая он сдал последние зачеты за третий курс. В ту весну Артур Лидум закончил заочное отделение Высшей партийной школы и сдал кандидатский минимум. В связи с этим ему пришлось провести несколько недель в Москве и поработать под руководством известного ученого. Артур уже выбрал тему для защиты диссертации на звание кандидата экономических наук и энергично собирал материалы, поставив задачу закончить эту работу за два года. Тема была весьма актуальной и интересной — о проблемах коллективизации сельского хозяйства в Советской Латвии. Бывая в новых колхозах, он интересовался всем новым, характерным. Нередко он совещался с Айваром и уточнял то или иное обстоятельство, которое для него было еще недостаточно ясно. Несомненно, что после завершения сплошной коллективизации, которая наступит в ближайшие два-три года, одной из самых актуальных проблем в Советской Латвии явится ликвидация хуторской системы, и в этом случае было невоз-

можно никакое упрощенчество и непригодны никакие шаблоны, — нужно глубоко продуманное практическое решение с учетом всевозможных мелочей. Вот это сейчас занимало Артура Лидума, это было его главной темой бесед с Айваром, с председателями колхозов и с различными работниками сельского хозяйства.

Вместе с руководителями колхозов и ответственными уездными работниками по сельскому хозяйству Айвар много думал об использовании Змеиного болота и об его землеустройстве после полной осушки. На земельном массиве в восемьсот гектаров хотелось создать что-нибудь такое, чего нельзя сделать на раздробленной местности. Здесь имелась полная возможность развить мощное образцовое молочное хозяйство — с большими лугами, клеверными полями и пастбищами. С таким же успехом можно было организовать и современное зерновое хозяйство, механизировав все полевые работы, используя тракторы и комбайны. Все это, конечно, должно быть вполне современным и соответствовать последним достижениям науки и техники в этой отрасли.

«Хорошо, когда человек умеет красиво и смело мечтать, — думал Айвар, мысленно обозревая свою работу и работу других, — но какое огромное счастье, когда у людей есть возможность воплотить свои мечты в действительность». Такая возможность была дана ему и всем советским людям, которые сегодня в стране победившего социализма под водительством своей великой партии строили коммунизм. Наипростейшая работа, казавшаяся самой заурядной, становилась творчеством, а каждый маленький работник в этой огромной семье — творцом. И тогда самое трудное становилось легким, вдохновенным, захватывающим, ибо в эту работу было заложено семя бессмертия.

7

Валентина быстро сжилась со своей новой семьей. По правде говоря, процесс полной духовной спайки и согласованности начался уже давно — в грозные годы войны, поэтому Валентине, Артуру и Ильзе, став членами одной семьи, только пришлось окончательно завершить его. Это произошло без трудностей, никому из них

не надо было чем-нибудь жертвовать, отказываться от чего-либо такого, что раньше являлось важной и неотъемлемой частью их личных качеств. Наоборот: не теряя ничего, ничем не жертвуя, все они приобрели что-то новое.

Всегда живой, светлый и жизнерадостный характер Валентины вносил радостную энергию в семейную жизнь. Узнав о выходе дочери замуж, мать Валентины, как это свойственно многим тещам, вначале пыталась — хоть издалека, через письма — опекать жизнь новой семьи: давала разные советы Валентине — как вести хозяйство, как закрепить в семье и обществе положение новой хозяйки дома; не забывала она посоветовать и о необходимости «взять вожжи в руки с первого же дня, так как позже это сделать будет гораздо труднее». Валентина решительно ответила матери, что ее беспокойство напрасно, что менее всего она желает видеть своего мужа под своим «каблуком». Но после того, как Артур, сдавая государственные экзамены в Высшей партийной школе, несколько раз навестил тещу, она убедилась, что зять приятный и во всех отношениях весьма развитой человек и что нет никаких причин опасаться за счастье единственной дочери. Но полностью ее сердце успокоилось только тогда, когда она в середине лета приехала в Латвию и несколько недель прогостила у Валентины. Она быстро подружилась с Ильзой и убедилась, что та так же мало походит на старый тип «чертовой свекрови», как день на ночь. Ян Лидум, с которым она познакомилась незадолго до отъезда в Москву, прямотаки очаровал ее своею простотой, задушевностью и меткостью суждений.

— Хорошие и ценные люди... — говорила она потом. — В твоей семье чувствуешь себя свежей, бодрой, даже не хочется уезжать, здесь так легко дышится...

Почему там было так хорошо? Не потому, конечно, что Валентина, Артур и Ильза старались прочесть в глазах каждое желание другого. Изредка и здесь спорили, иногда даже тучка заволакивала солнце и мир на несколько часов становился сумрачнее, но они не давали злой силе себялюбия властвовать в их жизни, никогда из мухи не делали слона и добросовестно старались понять друг друга. При таком положении бывает нетрудно первому подать руку примирения, общими усилиями выта-

щить невзначай уколовшую занозу, пока она не начала гноиться, и превратить в шутку все то, что еще недавно угрожало их семейному согласию. Валентине ради шутки иногда нравилось подразнить Артура; он платил ей той же монетой, и обычно дело кончалось веселым смехом, ибо они оба обладали на редкость развитым чувством юмора, — у кого этого чувства не хватает, тому опасно шутить, но еще опаснее шутить с таким человеком. В жизни Валентины и Артура смех был неотъемлемым элементом, и они им пользовались, не опасаясь, что дружеская шутка может когда-нибудь превратиться в желчную насмешку, как это иногда бывает, если, вместо дружбы, источником остроумия является недоброжелательность, досада, желание блеснуть и возвыситься за счет другого человека и когда шуткой руководят другие темные побуждения. Обычно самые острые споры возникали, когда на «семейном совете» решалось, как использовать общие доходы, что приобрести и кому первому шить новое пальто, костюм или юбку. Каждый старался убедить остальных, что лично ему ничего не нужно, а в первую голову надо позаботиться о других членах семьи. Решающее слово в таких спорах принадлежало Ильзе. Но когда выяснилось, что Валентина с Артуром ждут прибавления семейства, установилось полное взаимопонимание и в этих вопросах: все считали, что теперь в первую очередь надо думать и заботиться о нем — о будущем советском человеке, — с первого дня появления на свет он ни в чем не должен чувствовать недостатка.

8

В Народном доме Пурвайской волости всю зиму и весну шла напряженная работа. Драматический кружок под руководством участкового врача Зултера разучил несколько пьес и с некоторыми постановками выезжал на гастроли в Народные дома соседних волостей. Директор школы Жагар без устали готовил хор для большого Праздника песни, а Гайда тщательно шлифовала своеобразное искусство хореографического кружка, шаг за шагом добиваясь того, чтобы в исполнении танцев чувствовалось артистическое изящество, легкость и согласованность. Удивляться этому не приходилось — большинство членов коллектива уже почти три года участвовало

в репетициях и открытых выступлениях. Прошлым летом на смотре художественной самодеятельности хореографический коллектив Пурвайской волости выдвинулся на одно из первых мест по уезду и теперь считался верным кандидатом для поездки в Ригу.

Подготовка к республиканскому Празднику песни и участие в уездном Дне песни совпадали с началом спортивного сезона, и кое-кому из молодежи нередко приходилось разрешать трудную задачу: чему уделять внимание — художественной самодеятельности или физкультурным занятиям? Гайда и Жан иногда попадали в затруднительное положение, не зная, как распределить свое время, — тренировку к велокроссу нельзя было совместить с репетициями хореографического кружка. Гайда уже хотела отказаться от поездок по лесу в пользу кружка, ведь в первом случае дело касалось ее личного интереса, тогда как второе являлось делом целого коллектива.

Республиканское первенство по велокроссу и шоссейным гонкам разыграли в середине мая; в них от Пурвайской волости участвовали трое: Гайда Римша, Жан Папеплис и Эвальд Индриксон. В состязаниях участвовало много представителей сельской молодежи, и старым мастерам приходилось считаться с этими весьма серьезными конкурентами. В женском велокроссе Гайда заняла призовое место. В мужском кроссе Жан вышел на второе место, а Эвальд Индриксон, тренировавшийся специально к шоссейным гонкам, занял третье место. Благодаря достижениям пурвайчан, к концу состязаний команда их уезда выдвинулась на второе место по республике и увезла домой диплом и приз.

Узнав по радио о результатах состязаний, Драва прислал Гайде и Жану восторженную поздравительную телеграмму. Эвальда Индриксона он не поздравил, считая, что это дело Регута. Регут все же оказался человеком более широкого размаха: в своей телеграмме Эвальду он не забыл поздравить Гайду и Жана, хотя они не были членами его колхоза.

* * *

Уездный День песни был проведен во второй половине июня, когда у деревенского люда было больше свободного времени: весенние полевые работы закончены, а

сенокос еще не начался. Пурвайчане участвовали в этом празднике в составе объединенного хора от четырех колхозов волости — это была новая черта в культурной жизни республики. И хор и хореографический кружок завоевали право участвовать в республиканском Празднике песни и за несколько дней до большого фестиваля народного искусства поехали в Ригу, чтобы принять участие в репетициях объединенного грандиозного хора и хореографических коллективов.

Словно огромный цветник, запестрела столица республики тысячами красочных национальных костюмов. Как гигантский сказочный орга́н, зазвучала песнями обширная эстрада на площади Коммунаров, когда начали петь многие тысячи голосов.

Большой праздник начался парадным шествием участников по центру города, мимо здания Центрального Комитета КП(б) Латвии к стадиону «Динамо», — там вечером должны были состояться выступления танцоров. Город за городом, уезд за уездом, во главе с секретарями партийных комитетов и председателями исполкомов продефилировали перед глазами рижан колонны участников живой, переливающейся богатством тонов лентой. Если бы все цветы, что несли в руках участники шествия, венки с голов женщин собрать вместе, выросла бы огромная гора цветов. Кто в состоянии охватить и измерить всю жизнерадостность, счастье и гордость, воплощенные в улыбках этих людей, в восторженных возгласах, в биении сердец освобожденного народа!

Праздник пронесся, как свидетельство величественной красоты и радости. До позднего вечера на стадионе мелькали тысячи танцующих.

На второй день праздника на площади Коммунаров пел объединенный хор. Звучали старинные латышские народные песни и песни других советских народов, классический репертуар чередовался с шедеврами современной музыкальной культуры; ослепительно ярко вспыхивали богатые чувствами, силой и красотой новые советские песни и кантаты. Над рижскими башнями плыли волны звуков, и лило свое золото солнце, а эхо долетало сюда от латвийских рощ и просторов, и казалось, что реки, ручьи и само синее море стремятся соединить свои голоса в этом величественном гимне, который пел человек своему народу и отчизне.

...В заключительном концерте в Театре оперы и балета, где выступали только премированные коллективы, участвовал и объединенный хореографический коллектив пурвайских колхозников. Гайда получила присужденную ей жюри награду — прекрасный деревянный ларец с янтарной инкрустацией, выполненный в национальном стиле, и почетную грамоту. Почетную грамоту получил и хор пурвайчан. Большая, длившаяся годами работа увенчалась заслуженным успехом.

Большинство пурвайчан после окончания концерта сразу же уехало домой. Только те, у кого в городе были родственники и хорошие друзья или неотложные дела, остались в Риге. Среди них были Гайда Римша и Жан Пацеплис. Ян Лидум пригласил их погостить несколько дней на даче, где сейчас находилась и Анна.

Жан и Гайда впервые увидели море. Спокойное и ласковое, озаренное июльским солнцем, лежало оно в своих необозримых берегах, очаровывая далеким горизонтом, ощущением простора и свежестью. Человек полей и лесов, впервые очутившийся на побережье, чувствует море глубже и острее, чем тот, кто всю жизнь прожил на его берегу: для первого это праздник, а для поморян — только обыденное явление.

Словно хмельные, бродили Жан и Гайда по переполненному людьми пляжу и прислушивались к лепету волн, который не прекращался ни днем, ни ночью, как бы тиха ни была погода. Крики чаек, сверкающие в открытом море паруса яхт, черные силуэты пароходов на горизонте и шуршание нагретого песка под босыми ногами создавали чудесное, чуть мечтательное, чуть тревожное настроение. Хотелось петь, неизвестно чему улыбаться, слиться с великой природой, как отдельные капли воды сливаются с океаном.

Они купались несколько раз в день, а вечерами, когда к ним присоединялась Анна, втроем сидели на дюне и смотрели, как солнечный шар, подобно красноватому раскаленному углю, медленно погружался в море; казалось, что солнце вот-вот начнет шипеть от соприкосновения с водой, а море в том месте закипит и поднимется белый пар.

Ян Лидум редко приезжал с работы раньше полуночи, но никто без него не садился ужинать и не ложился спать.

— Почему вы не взяли с собой Айвара? — шутливо упрекал он своих гостей. — Неплохо было бы и ему несколько дней подышать морским воздухом и проветрить мозги, иначе они скоро будут отдавать торфом.

— Мы его приглашали, но он отказался, — оправдывался Жан. — Сейчас у него самая страдная пора. До осени он хочет закончить культивацию болота, чтобы колхозники могли еще в этом году засеять всю площадь.

Анну, успешно закончившую первый курс партийной школы, Ян Лидум уговорил провести каникулы у него на даче; таким образом, впервые за свою жизнь она получила возможность отдохнуть. Раза два в неделю она посещала музеи и выставки, недавно побывала на гастрольных постановках Московского Художественного театра; два спектакля ей удалось посмотреть вместе с Айваром, который тогда приезжал по служебным делам на несколько дней в Ригу.

Ян Лидум предоставил Гайде и Жану свою «Победу» и рекомендовал им некоторые маршруты. Они побывали на нескольких фабриках и заводах, построенных и реконструированных после войны, в Музее народного быта, прошлись по маршруту велокросса в Межапарке, где несколько недель тому назад состязались с лучшими велогонщиками республики. В последний день пребывания в гостях они поехали в Сигулду. На горе возвышалась старинная башня Турайдского замка. У подножия старого многовекового дерева, где покоился, как символ верности и невинности, прах трагически погибшей девушки — Турайдской Розы, — шумели колхозные нивы, и красота сегодняшней действительности расстилалась над романтикой, окутанной вековой мглой прошлого.

Великолепно отдохнув и, как Гайда выразилась, чуть не лопаясь от полученных впечатлений, они после недельного отсутствия вернулись в родные края и с новой энергией взялись за работу. Жану со своей бригадой пришлось несколько месяцев работать далеко от дома, на колхозных полях соседней волости, поэтому до наступления зимы он редко встречался с Гайдой.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Прошел еще год...

По Латвии прокатилась волна коллективизации; теперь в колхозах республики было объединено около девяноста процентов всех крестьянских хозяйств.

Летом 1949 года Анна Пацеплис закончила партийную школу. Отпуск она думала провести вместе с Айваром на одном из южных курортов Советского Союза, а после этого приступить к работе в Пурвайской МТС — быть преемницей Финогенова на посту заместителя директора по политработе. Финогенов уходил директором в одну из новых МТС. Комиссия, распределявшая выпускников партийной школы, наметила было Анну для работы вторым секретарем укома партии, но, принимая во внимание семейные обстоятельства Анны (месяца два назад Айвар с Анной поженились), изменила свое решение.

Весной Айвара приняли из кандидатов в члены партии. Закончив недавно четвертый курс сельскохозяйственной академии, он опять вернулся на работу в министерство и руководил одним из отделов управления. По служебным делам ему приходилось изрядную часть времени проводить на местах — в уездах и новых колхозах, что соответствовало его наклонностям: его увлекала практическая сельскохозяйственная работа, непосред-

ственное общение с новой, формирующейся на его глазах жизнью, с живыми людьми. Видя, что молодой агроном всеми силами стремится уйти от работы в центральном аппарате, руководство обещало после окончания академии назначить его руководителем селекционной станции или опытного хозяйства, но и это предложение не пленяло Айвара. Он мечтал совершенно о другом, и когда это другое однажды стало известным Яну Лидуму, тот счел нужным помочь ему осуществить это желание.

Ян Лидум, вскоре после того как Анна закончила партийную школу, собрался в очередную поездку по своему избирательному округу и как бы случайно уговорил Анну сопровождать его. Но не являлось случайным то, что министерство предложило Айвару в ближайшее воскресенье быть в Пурвайской волости, где в тот день должно было совершиться что-то знаменательное и присутствие представителя министерства было необходимо: недаром несколько дней тому назад Регут и руководители трех других колхозов волости целый час просидели в кабинете министра, а уходя, выглядели так, будто добились большой победы.

Ян Лидум с Анной выехали из Риги в четверг утром. По дороге Лидум завернул в один уездный центр, где находилось предприятие его министерства. В последнее время у директора завода возникли недоразумения с главным инженером. Причина раздора, как теперь выяснилось, заключалась в том, что оба уважаемых работника слишком доверяли своим женам и принимали за чистую монету все то, что те рассказывали за обеденным столом. Они не замечали, что между женщинами развернулось острое соперничество за ведущую роль в местном обществе. Понятно, было позором, что двое честных и разумных членов советского общества смешали свои личные дела со служебными, и Ян Лидум считал, что авторитет министра не пострадает от того, что он вмешается в этот спор двух семейств. Не только такие конфликты приходилось разрешать ему за свою жизнь. Пока Анна осматривала старый, еще при тевтонцах основанный город, Лидум около двух часов беседовал со спорщиками. Он доказал нелепость и недостойный характер их вражды и добился того, что недавние противники пожали друг другу руки и обещали всегда иметь в виду, что обще-

ственное дело надо ставить превыше всего — даже выше хорошего или плохого настроения своих жен.

После извлечения этой занозы, которая грозила загноиться, Лидум отправился дальше.

В субботу вечером после собрания, когда он, поразмыслив обо всем услышанном, еще раз прочел вопросы, пожелания и предложения, выдвинутые избирателями, и сравнил их с теми, какие ему приходилось разрешать несколько лет тому назад, его поразила широта новых интересов крестьян, их смелость, размах, стремительный рост сознания его избирателей. Почти заглохли споры по налоговым вопросам, сетования на мелкие бытовые непорядки, взяточников и неудовлетворительную работу торговой сети; не потому, конечно, что не было больше этих недостатков, что исчез последний взяточник и торговая сеть работает идеально, а просто люди научились разрешать вопросы другим путем — с помощью органов партии и советской власти, не дожидаясь вмешательства депутата. Почувствовав себя наконец в роли хозяина жизни, простой советский человек перестал и здесь, в молодой советской республике, шептать, а заговорил смело обо всем, что ему казалось необходимым для продвижения жизни вперед.

— Послушай, Аннушка, — сказал Ян Лидум, когда машина выехала со двора Народного дома и понеслась по отремонтированному гравийному большаку в сторону уездного города, — ведь это наилучший ответ всем поджигателям войны и мракобесам. Чего только не наказали избиратели своему депутату! Вот опять одно болото осточертело окрестному населению, и оно желает его осушить. А здесь — предложение объединенными усилиями восьми колхозов построить сельскую электростанцию на многоводной реке. Приходилось ли тебе раньше слышать такие речи? И кто мог так говорить? Понимаешь ли, что все это значит? Ну, отвечай, ученый марксист...

Анна улыбнулась:

— Закон диалектики доказал свою несокрушимую силу и в условиях Советской Латвии. Новое победило старое и, вступив в свои права, продолжает победное шествие.

— Правильно, Аннушка, но это еще не все. Жизнь нашей республики и народа наконец достигла той сту-

пени, когда она целиком сомкнулась с жизнью всего великого советского народа: одна за другой сцепились наши шестеренки с шестеренками огромного механизма советского государства, вращаются вместе и, побуждаемые одним мотором, продолжают работу как единое целое — строят коммунизм. До сих пор нам надо было во многом наверстывать упущенное, на каждом шагу приходилось встречаться с особенностями и исключениями, для ликвидации которых требовалось время. И на это была дана нам известная историческая скидка как новичкам. Теперь нам больше не надо никаких скидок. В одном темпе, плечом к плечу — вперед!

Ты понимаешь, Аннушка, что это значит? Это значит, что наш народ совершил громадный скачок в своем хозяйственном и политическом развитии, и если он теперь совершен, то только потому, что нам на каждом шагу помогали все советские народы, потому, что о нуждах латышского народа всегда думали и заботились Центральный Комитет нашей великой партии, советское правительство. Только поэтому мы сегодня ушли так далеко.

Он снова углубился в записи и откровенно радовался каждой новой черте, которую ему удавалось рассмотреть в своем народе. Вчерашний единоличник, некоторое время проживавший в колхозе, внимательным хозяйским глазом следил за всем, что происходило в общественном хозяйстве; заметив, что у председателя слишком щедрая рука и коллективное добро начинает уплывать, он не молчит и не глядит по сторонам, а бьет тревогу, призывает на помощь депутата, если ему кажется, что другие работники слишком медлят и долго раскачиваются. Его не запугают никакие административные окрики и угрозы задетых критикой обывателей, — уверенный в правильности своих действий, он знает, что в советской жизни всегда побеждает правда.

— Быстро, очень быстро растут люди, — сказал Лидум. Хотя он говорил это уже много раз, но каждая новая встреча с народными массами вновь приводила его к этому выводу и каждый раз вывод имел свое н о в о е обоснование.

Впереди замелькали огни города. Гладкая дорога вдруг кончилась, что наблюдалось почти около всех провинциальных городов, и машина прыгала по выбоинам и колдобинам булыжной мостовой до тех пор, пока не до-

стигла главной улицы, залитой асфальтом или цементом. Остряки болтали, что отцы города нарочно не ремонтируют этот переходный пояс между городом и деревней, чтоб дремлющие при езде по гладкому большаку шоферы проснулись в нужном месте и без происшествий въехали в город. На самом деле это был один из тех анахронизмов, которые еще сохранились кое-где как наследие старого строя: запоздалое отражение вековечного спора между городом, волостью и государством, напоминание об отжившем свое время уродливом принципе «мое и твое». Испытав на своих старых костях неприятное влияние этого «принципа», Ян Лидум еще раз достал свою записную книжку и что-то отметил в ней.

— Чистейший позор, не могут сделать такой мелочи... — проворчал он. — Ничего, я не дам им покоя, пока не починят.

Машина остановилась у дома, где жили Ильза и Артур, — здесь решили переночевать.

2

Спать в ту ночь пришлось мало. Пока отпрыск Артура и Валентины — маленький Янит — не закончил свои дневные дела, он находился в центре внимания. Отметив недавно свой первый юбилей, он сделал в день своего рождения первые шаги и мог теперь самостоятельно, без помощи посторонних, добраться до любого угла того маленького мира, который состоял из трех комнат, передней и кухни. Новые открывшиеся для него возможности, которыми маленький советский гражданин был весьма доволен, стали причиной новых забот взрослых членов семьи: от Янита, как от огня, приходилось беречь газеты, книги, бумаги, — все, что попадало в его руки, он безжалостно рвал на клочки, находя в этом занятии особую радость, понять которую взрослому человеку не суждено. После того как в руки малыша попала копия диссертации Артура и две первые страницы превратились в мелкие клочки, даже Ильза, которой все, что вытворял внучек, казалось хорошим и умным, признала, что нового гражданина надо кое в чем ограничить: лексикон его обогатился одним веским словом — «нельзя».

Весной Артур опять провел несколько недель в Мо-

скве и успешно защитил свою кандидатскую диссертацию — вскоре она должна была выйти отдельной книгой.

— А что ты думаешь предпринять дальше? — поинтересовался Ян Лидум.

— На следующую пятилетку я запланировал докторскую диссертацию, — ответил Артур. — Тема окончательно еще не выбрана, но думаю, она будет связана с нашей аграрной политикой. Что бы ты сказал о такой теме: «Пути строительства коммунизма в колхозной деревне»?

— Хорошая и интересная тема.

— Пока дело дойдет до защиты диссертации, сама наша действительность предоставит столько конкретного материала, что хоть отбавляй.

— А как с Академией наук? — спросил Лидум.

Сразу после присвоения Артуру кандидатской степени один из институтов Латвийской Академии наук пригласил его научным сотрудником.

— Пусть еще подождут, — ответил Артур. — Научным трудом можно заниматься не только в стенах института, а в любом месте, где живут и работают люди. Вся наша жизнь — наука. Когда насыщусь знаниями и впечатлениями от самой жизни, тогда можно будет подумать о каком-нибудь академическом кабинете.

— А если партия посчитает, что ты уже сегодня более необходим в таком академическом кабинете, чем в уездном комитете?

— Тогда я подчинюсь требованию партии. Но надеюсь, что несколько лет мне еще дадут поработать здесь.

— Сомневаюсь.

— Ты, дядя, что-нибудь знаешь? — Артур озабоченно посмотрел на Яна Лидума.

— Краем уха я слышал, что тебя хотят перевести в Ригу и поставить во главе одного нового управления, об организации которого имеется правительственное постановление, — ответил Лидум. Множество мелких морщинок вокруг глаз и прикушенная верхняя губа свидетельствовали, что ему известно что-то совершенно определенное. Поняв это, Артур задумался.

— Тогда с докторской диссертацией навряд ли что выйдет, — тихо проговорил он.

— Почему? — удивился Лидум. — Деятельность

управления будет тесно связана с предполагаемой темой твоей докторской диссертации. Приятное, как принято говорить, будет связано с полезным. В конце концов, для чего тебя партия пестовала, закаляла и давала образование, если ты полжизни хочешь коптеть на одном месте? Так не пойдет, дорогой, с каждым днем нам надо отдавать партии все больше и больше.

— Я так и предполагал делать.

После этого Ян обратился к Ильзе.

— Каковы твои планы на завтра? Сможешь ли поехать с нами в Пурвайскую волость?

— Нечего и думать, Ян... — ответила Ильза. — Завтра в нашем детском доме большой праздник. Приедут гости из Риги — два Героя Советского Союза и известный писатель К. Я организовала встречу, поэтому надо присутствовать самой. Дети приготовили программу выступлений — декламации, песни, танцы. Будет небольшая выставка: рисунки, рукоделия и кустарные изделия старших воспитанников.

— Тогда тебе обязательно надо быть там, — сказал Ян. — Ведь это твоя большая семья.

— Маленького Янита возьму с собой, — продолжала Ильза. — У него там будет много новых друзей. Пусть Валентина спокойно едет с вами — ей, как редактору, непременно надо поехать.

— Редактору очень надо присутствовать и на детском празднике, — вставила Валентина. — Не каждый день бывают встречи с такими замечательными людьми. Наша газета не может пройти мимо этого события.

— Попрошу писателя К., пусть напишет, — сказала Ильза. — А если у него не будет времени — попробую сама, так что о статье, дочь, не беспокойся.

— Спасибо, мама! — воскликнула Валентина и поцеловала в щеку Ильзу. — Ты прямо-таки незаменима. Наша газета приобретет нового постоянного сотрудника, а я спокойно могу поехать на Змеиное болото.

Руководя уездной газетой, Валентина в то же время сотрудничала в республиканской газете и посылала статьи в один из журналов. Она не стремилась блеснуть сенсацией, не сгущала краски и не прикрашивала статьи вымыслом; то, что являла сама жизнь, было интереснее и прекраснее всех надуманных добавлений. Артур шутил, что Валентине опасно показывать все, что происходит

в уезде, — она в своих очерках и корреспонденциях не замалчивала недостатки и нередко называла собственным именем то или иное неприятное явление, не щадя ответственных работников. Случалось, что после этого некоторые товарищи по нескольку недель ходили насупившись и недружелюбно посматривали на Валентину, но она не давала портить себе настроение такими мелочами, ибо общественные интересы были для нее выше, нежели купленные ценой умалчивания приятельские отношения.

Утром следующего дня Ян Лидум, Анна, Валентина и Артур уехали в Пурвайскую волость, а Ильза, взяв с собой внука, отправилась на вокзал встретить Героев Советского Союза и писателя К., чтобы вместе с ними направиться в детский дом, где, в ожидании большого события, дети отсчитывали минуты и с нетерпением наблюдали за дорогой: не покажется ли «газик» тети Ильзы с дорогими гостями?

...Выдался жаркий солнечный день. Шофер опустил тент и превратил «Победу» в кабриолет. Почти на каждом километре машина останавливалась, так как Ян Лидум не мог равнодушно миновать ни одной новостройки, ни одной большой нивы или стада. Хорошо зная свой уезд, Артур давал пояснения.

— Этот Народный дом закончили строить только весной. На обратном пути заедем его посмотреть. Знатоки утверждают, что зрительный зал обладает превосходной акустикой, даже шепот на сцене слышен в отдаленнейшем углу зала.

Немного погодя он продолжал:

— А вот стадо, где находится корова Магоне, удой от которой составил за прошлый год пять тысяч килограммов. В этом году надеются увеличить удой еще на пятьсот килограммов. Доярка награждена орденом Трудового Красного Знамени. Посмотри туда, на этот новый коровник. Он принадлежит колхозу «Память Ильича». Там все механизировано, даже доение. У них свое электричество от воздушного ротора. Дрова и то не пилят вручную.

— Гм, да... — проговорил довольный Лидум. — Как видно, над твоей докторской диссертацией работает много людей. А ты еще сомневаешься, вряд ли что выйдет?

На одном перекрестке с многочисленными указателями на столбе Ян Лидум сошел с машины и прочел:

— «Циня», «Коммунар», «Накотнэ», «Путь Ильича», «Золотая нива», «Дзирнупе», «Первое мая», «Сельскохозяйственная артель имени Сталина»... Куда теперь подевались все эти Кална-Бренчи, Дундури и Путринькалны?

— Туда же, куда серые бароны, — они остались лишь в горькой памяти народа, — сказала Анна. Почти два года отсутствия заставляли ее на каждом шагу замечать что-то новое, и чем ближе подъезжали к Пурвайской волости, тем больше было причин для удивления.

В одном месте пришлось свернуть с большака и по объездному пути подъехать к временному мосту. Метров двести ниже по течению, где раньше находился железобетонный мост, оба берега реки были сильно изрыты и полны механизмов, стройматериалов и строительных сооружений.

— На это стоит поглядеть, — сказал Артур.

Машину остановили и пешком направились к месту, которое сегодня походило на воплощение хаоса. Но стоило внимательно вглядеться в это столпотворение, и постепенно становился понятным смысл нагромождения металла, дерева, бетона и земли. Во всем виднелась целеустремленность — сознательный труд человека.

— Будущая гидроэлектростанция, не так ли? — спросил Ян Лидум.

— Да, здесь будет электростанция, — ответил Артур, и глаза его засверкали. — Хотим к будущему Первомаю сдать в эксплуатацию. Двенадцать колхозов получат свет и электроэнергию для всех своих нужд.

— Конец керосиновым лампам и прочим коптилкам, похоронная песня старым утюгам и чайникам! — воскликнула Валентина.

— А пурвайчанам что-нибудь достанется от этого? — спросила Анна.

— В том-то и штука, что почти половину энергии они заберут себе, — ответил Артур. — Но это будет честно заработано: до сих пор большую часть рабочих и возчиков для строительства давали колхозы Пурвайской волости.

— Неспокойные люди, — шутливо заметил Ян Ли-

CINA
GAISMA

дум. — Если будут так продолжать, быстро достигнут коммунизма.

Через несколько километров они снова были вынуждены остановить машину и сойти с нее. На огромном поле озимой ржи колхоза «Сталинский путь» они увидели такое, что заставило Яна Лидума вскрикнуть от восторга и защелкать пальцами, а щеки Анны зарделись от волнения.

— Вот это я понимаю! — сказал Лидум. — Комбайн на полях Латвии! Понимаете ли вы, друзья милые, — комбайн!

Да, действительно, это был комбайн. Подобно кораблю в море, спокойно плыла по золотистым волнам огромного поля могучая машина — самоходный комбайн «С-4», прекрасный подарок братских советских республик, — оставляя за собой через ровные промежутки по кучке обмолоченной соломы и широкую полосу коротко остриженной стерни. На солнце сверкали светлые крылья хедера, гудел молотильный барабан, и струя обмолоченного зерна равномерно текла в зерноприемник.

Когда комбайн приблизился к большаку, Анна узнала в комбайнере своего брата Жана. Достигнув края нивы, он повернул машину параллельно большаку, сошел с комбайна и подошел к «Победе». Лицо его изменилось — маленькие темные усики делали его старше и мужественнее.

— Мил человек, что ты делаешь, что ты делаешь? — Лидум качал головой. — Пока другие в церкви молятся, ты хочешь один скосить и обмолотить все озимые. Оставь что-нибудь и другим.

Жан широко улыбнулся.

— А где они, эти богомольцы-то, товарищ Лидум! Кроме матушки Гандра, Рейнхарт на своих проповедях никого из наших не видит.

— Давно ты плаваешь на этом корабле? — спросила Анна.

— Позавчера впервые выехал в поле. Еще два-три дня — и озимые «Сталинского пути» будут скошены и обмолочены.

— А зерно не слишком влажно? — поинтересовался Артур.

— Как раз то, что надо. Прямо с комбайна можно везти на заготовительный пункт и сдавать государству.

Вам надо было видеть, что здесь происходило позавчера...

— А что? — спросил Лидум. Сорвав колос, он растер его на ладони и, когда высыпались зерна, попробовал на зуб их твердость. — Да, ждать нельзя, надо скорее убирать, иначе начнет осыпаться.

А Жан, улыбаясь, рассказал:

— Когда комбайн впервые выехал в поле, дома, наверное, не осталось ни одного человека. Большие и малые, старые и молодые — все высыпали поглядеть, как работает эта «чертова машина». Именно так прозвали ее женщины. Старая Гандриене даже поплакала, что теперь наступит голод — половина зерна останется в колосьях, а солому скосят только наполовину. Когда комбайн тронулся, тьма людей шагала следом, мерила длину стерни и щупала обмолоченные колосья, стараясь найти в них зерна. Хотя бы единое попалось им за все их труды! Этим самым с комбайна было снято дурное прозвище «чертова машина», и теперь старая Гандриене день и ночь хвалит того умного человека, который выдумал такое устройство.

Лидум от души рассмеялся.

— Быстрая капитуляция. Тебе повезло, Жан, что при первом выезде попал в такую чистую ниву. Попадись поле с сорняками или где хлеб еще не совсем дозрел, тогда бы ты так гладко не отделался.

— Что правда, то правда — комбайн не терпит сорняков, — ответил Жан. — Надо поля держать чистыми, вот и все.

— Ты долго будешь сегодня работать? — осведомилась Анна.

— Если не будет дождя, еще несколько часов поработаю.

— Значит, вечером встретимся, — сказала Анна.

Жан вернулся к комбайну, сел за штурвал, и корабль полей снова уверенно отправился в плавание.

У правления колхоза «Сталинский путь» прибывших встретили Регут, Бригис и Айвар. Часом раньше приехали Индрикис Регут с женой.

— Батюшки, вот дорогие гости! — крикнул им издали старый Регут. — Милости просим, товарищи, вылезайте. Как раз во-время приехали. Только-только успеете заку-

сить после долгой дороги, осмотреть, что у нас есть нового, — и на собрание.

— У вас сегодня собрание? — удивилась Анна.

— И еще какое, дорогая, если б ты знала! — отозвался Регут. — Такого еще не было с тех пор, как мы здесь живем. Как хорошо, что ты снова дома! Люди обрадуются, увидев тебя. Никто еще не забыл тебя. Все не могут дождаться, когда вернешься.

Пока другие последовали за Регутом в комнату, где было приготовлено угощение, Анна взяла под руку Айвара, и они вошли в большой фруктовый сад. Здесь два года назад колхозники, собравшись в купальскую ночь на праздник «Лиго», боролись с бандитами, а с губ Айвара впервые слетело робкое признание, — все, что было связано с этим признанием, казалось им обоим бесконечно дорогим.

3

В доме правления колхоза гости долго не задержались. Ознакомившись с некоторыми главнейшими данными — о величине посевной площади, о поголовье скота, определив виды на урожай, предполагаемые доходы и поинтересовавшись таблицей, висевшей на стене в комнате счетовода, где отмечались выработанные каждым колхозником трудодни, они вместе с Регутом и Бригисом обошли и объездили самые примечательные места колхозного хозяйства. Айвару все было хорошо известно, как свой человек ходил он по фермам, теплицам, опытным площадкам, мичуринской лаборатории, поясняя приезжим то, в чем меньше разбирался Регут.

Регут недавно приобрел «Москвича» темносинего цвета и сам правил им, — хотя не так легко и виртуозно, как профессиональный шофер, но достаточно смело и уверенно; тяжелее было с обратным ходом, но с этим приходилось встречаться только тогда, когда машину надо было повернуть на ограниченной площадке, а Регут избегал попадать в такие условия.

— Для чего нам учиться отступать? — шутил он над своими затруднениями. — Мы ведь всегда будем двигаться только вперед.

Он очень гордился колхозным клубом, устроенным в жилом доме бежавшего к немцам кулака. Библиотека

насчитывала тысячи полторы книг, в ней имелось почти все, что было издано в Латвии после войны по вопросам социалистического земледелия. Во втором этаже находилась лаборатория мичуринцев, читальня, красный уголок, комната отдыха с разными играми и мощным радиоприемником.

— Каковы ваши успехи по новым культурам? — поинтересовалась Валентина, когда Айвар ознакомил посетителей с устройством лаборатории мичуринцев.

— У них большие успехи, — ответил за Регута Айвар. — Этой осенью они уберут первый гектар ветвистой пшеницы и вместе с тем полностью разрешат вопрос о семенах для этого урожайного вида пшеницы — и себе хватит и с соседом будет чем поделиться. Они уже начали опыты с соей, чумизой и идрой, а Регут, как большой сластена, мечтает о винограде и арбузах. Про апельсины и мандарины еще не слышно, но не могу поручиться, что не начнут мудрить и над ними.

— Он так рассказывает, будто кто-то другой выдумал эти вещи, — усмехнулся Регут. — А сам — главный виновник. Как приедет к нам, начитавшись всяких премудростей, так обязательно начинаются разные новшества. Наши ребята да девочки ходят за ним табунчиками и каждому слову верят больше, чем старушки пасторской проповеди.

— Совсем уж не так обстоит дело, но молодежь такие вещи интересуют, — заметил Айвар.

На конеферме они встретились с Антоном Пацеплисом и Петером Гандрисом. На груди Петера красовался орден Трудового Красного Знамени, а когда он водил гостей по конюшне, Регут шепнул Анне и Яну Лидуму, что Петер Гандрис сейчас кандидат на звание Героя Социалистического Труда: от двадцати кобыл вырастил двадцать жеребят.

— Ага, что вы на это скажете — свой собственный Герой? — улыбался он. — К будущему году будет, как пить дать.

— Если человек заработал, пусть получает, что заслужил... — сказал Лидум.

— Ведь он днюет и ночует на конюшне, домой ходит только раз в неделю, чтоб попариться в баньке. Чего же тут удивительного.

Анна подошла к отцу.

— Как тебе живется, отец? — спросила она.

— А чего мне не хватает... — усмехнулся Пацеплис.— Лошадки хорошие, сыт по горло, трудодней хватает. Что мне давало звание хозяина, когда я всю жизнь не знал, как свести концы с концами? А как ты?

— Теперь опять буду работать здесь, на машинно-тракторной станции — вместо Финогенова.

— А как же вы с Айваром думаете жить? Врозь, что ли? Странная жизнь будет у вас.

— Может, и не придется жить порознь. Иначе я не приехала бы сюда на работу.

— Значит, и он будет жить здесь?

— Возможно. Ты на собрании будешь?

— Придется пойти послушать. — Пацеплис неожиданно засмеялся. — Ну и обработали вы свое дело так тихо, что и вода не замутилась, а я-то надеялся на твоей свадьбе водочки отведать. Не взыщи, дочь, если я когда-нибудь отплачу тебе тем же. Ты меня на своем веку достаточно расстраивала. Невесту я уже высмотрел, а о дне свадьбы не скажу ни слова. Как аукнется, так и откликнется!

— Ты думаешь... еще раз жениться? — Анна растерянно посмотрела на отца.

— Разреши узнать, почему бы мне не жениться? Я еще не так стар. Жить осталось немало.

— Да, конечно... — ответила задумчиво Анна.

Но когда Анна присоединилась к остальным, Пацеплис лукаво усмехнулся и покачал головой:

— Эх, напугал... Наверно, поверила. Все же не хочет иметь еще одну мачеху. Ну, обойдемся, обойдемся без женитьбы. На семейном кладбище не хватит места для четвертой жены — только одно место для меня осталось.

На молочно-товарной ферме царила тишина, как обычно в летнее время, когда скот находится на пастбище, поэтому Регут после осмотра конефермы повел гостей прямо на Змеиное болото. Маленький «Москвич», управляемый новичком, не спеша проехал мимо МТС и того места, где когда-то виднелись покосившиеся постройки усадьбы Сурумы и где теперь только несколько кустов сирени и две старые яблони свидетельствовали, что здесь жили люди: все постройки были разобраны, засыпан старый колодец, убран полусгнивший журавль, и до самого бывшего двора расстилалось картофельное

поле колхоза. Анна посмотрела в сторону своего родного гнезда, но ни одна грустная мысль не шевельнулась в ее мозгу, и сердце не забилось в тревоге. Она повернула лицо к большому болоту, к которому сейчас подъезжала машина. Неподалеку от бывших Сурумов, слева от большака проходил новый проселок. Регут, сбавив газ, медленно повернул «Москвич» влево и спокойно, будто это было обычным делом, въехал на болото — туда, где несколько лет назад не могла ступить нога человека. Анну охватила теплая волна радости и счастья. Она схватила руку Айвара и, глубоко взволнованная и сияющая, посмотрела ему в глаза.

Айвар понял ее без слов и, не желая нарушить чудесное, почти сказочное настроение, какое способен испытывать только человек, победивший в тяжелой борьбе, улыбнулся и молча кивнул головой, как бы говоря:

«Да, глаза не обманывают тебя, болото было, но теперь его нет».

А было — огромное, зеленое, чистое от кустарников, кочек и пней поле, дальний край которого сливался с темнеющим бором. На длинных стожарах сушился скошенный клевер, в разных местах виднелись большие стога сена. Проехав еще километр, они увидели большое стадо коров бурой масти, которое мирно паслось на новых пастбищах.

В середине болота, над недавней трясиной и болотными окнами высился какой-то длинный, еще не законченный корпус с венком над белыми стропилами, и полукругом возле него стояли незаконченные постройки других зданий. Регут, не останавливая машины, проехал наискосок через болото. Все молчали, но были взволнованы до глубины души. Перед ними, как чудо, развернулась величественная картина возродившегося плодородия земли.

Машина достигла края болота, прилегающего к территории Айзупской волости; дальше по обе стороны отводной канавы, идущей к озеру Илистому, раскинулись луга, пастбища и большие посевы хлебов, — та же картина, которую можно было наблюдать на стороне Пурвайской волости. Отводные канавы разрезали Змеиное болото на большие участки; их в свою очередь разрезали на длинные полосы коллекторы, между которыми не было ни одной канавы, ни одной межи — только гладкие луга,

поля и пастбища: вся мелкая водоотводная сеть находилась под землей, в виде закрытого дренажа. Любой сельскохозяйственной машине хватало места, чтоб показать себя во всей полноте.

На обратном пути Регут остановил в одном месте машину, и все вышли и прошлись по скошенному полю многолетних трав. И было так странно, почти невероятно, что недавняя трясина, где и зайцу трудно было петлять от одного островка к другому, сейчас покорно лежала под ногами человека и всюду виднелась щедрота земли.

— Знаете ли, сколько мы убрали в этом году клевера и сена на этом болоте? — заговорил Регут. — В среднем девяносто шесть центнеров с гектара! И какой корм — чистый концентрат! Жаль, что маловато скота, еще голов на сто хватило бы этого добра.

— Как со змеями? — спросила Анна. — Много ли коров покусали этим летом?

— Таких случаев не было.

— Тогда придется изменить название болота, — засмеялся Артур. — Что это за Змеиное болото, если нет больше змей!

— Болото?— Айвар с удивлением посмотрел на двоюродного брата. — Может, ты будешь так любезен и покажешь нам, где здесь болото?

— Прости, Айвар, вырвалось по старой привычке! — оправдывался Артур. — Я еще не могу привыкнуть к этому чуду.

— Это не чудо, Артур, а результат творческого труда советских людей, — заметил Ян Лидум.

Здесь, посреди бывшего болота, они нашли Финогенова, который полчаса тому назад узнал о приезде гостей. Поздоровавшись со всеми, он спросил у Анны:

— Ну как, Анна Антоновна, сдержали мы слово, которое дали вам в тот дождливый день при прощании?

— Все обещанное выполнено, товарищ Финогенов... — ответила Анна, крепко пожимая ему руку.

— Кое в чем даже перестарались, — заметила Валентина.

— Например? — Финогенов добродушно улыбнулся.

— Все время дожидалась, что запищит какой-нибудь комар, но так и не дождалась, — сказала Валентина. — Скоро ученым придется ехать к далеким северным тундрам, чтоб разыскать экземпляр для своих коллекций.

Все рассмеялись.

— С комарами я давно веду борьбу, — заговорил Регут. — У меня, как видите, крови достаточно, и невелика беда, если какая мошкара и покормилась бы, но ужасно не хочется откармливать паразитов. Пусть ученые не печалятся: кое-где по лесам, где много папоротника, еще найдут по рою комаров, только им следует поторопиться со своими коллекциями, — слыхать, что и леса скоро избавят от лишних вод. Куда тогда скроется бедный комарик?

Сегодня они шутили и смеялись, как победители, у которых трудности больших боев уже за спиной, а завоеванная победа так велика, что сразу даже не охватить ее разумом.

А Ян Лидум осматривался кругом, взволнованный до глубины души, и думал: «Вот она, часть нового мира, который своими руками строит советский человек. И тебе, Ильза, надо было это видеть... — мысленно сказал он сестре, и ему казалось, что Ильза стоит рядом с ним посреди побежденного болота. — Далекий путь прошли мы, Ильзит... за это время выросли новые люди, но разве мы — старые да седые — уже стали лишними? Нет, ничуть. Это наши дети, нами выпестованное поколение, творят сегодня великие дела, а завтра перейдут к еще большим, а мы все еще с ними в одном строю и вместе строим коммунистический мир. Стоило бороться и страдать: велика наша победа... нам нечего жалеть в своей жизни, не так ли, Ильзит?»

И ему почудился ответ Ильзы:

«Ты прав, Ян, своей жизнью мы можем быть довольны. Как бы сурова и тяжела она ни была, мы все же счастливы».

Долго стоял Лидум, погруженный в думы, и другие, как бы понимая это, старались не тревожить его.

— Когда я смогу сдать дела? — тихо спросил Финогенов у Анны. Он уже знал, что Анна будет его преемницей. — В отпуске, наверное, еще не были?

— Я совсем не знаю, как и быть с этим отпуском, — ответила Анна. — Самая страда... и на что будет похоже, если заместитель директора станет разъезжать в такую пору по югу?

— Не хочу хвастаться, но свое хозяйство оставлю в довольно хорошем состоянии, — продолжал Финоге-

нов. — Ничего страшного не случится, если вы месяц будете отсутствовать.

Они договорились встретиться утром в МТС и оформить прием и сдачу.

* * *

Под вечер к середине Змеиного болота по всем дорогам и тропинкам стали стекаться потоки людей. Они собрались в центре отвоеванной у природы земли, на обширном дворе новой молочной фермы. Многие стояли, другие сидели на простых деревянных скамьях, на грудах бревен и кучах строительного материала или тут же на зеленой траве. В одном конце площадки на скорую руку был установлен длинный стол, покрытый красной скатертью, несколько скамей и стульев.

Когда собрался народ, за стол уселись председатель волостного исполкома Бригис, Артур Лидум, парторг Клуга, председатели колхозов «Сталинский путь», «Раудупе», «Победа» и «Комсомолец» с Регутом в центре и несколько знатных людей колхозов, среди которых была и заведующая молочной фермой Ольга Липстынь — на груди у нее блестел в вечерних лучах солнца орден Ленина. С прошлой осени Ольга стала членом партии. Бригис попросил Финогенова, а также приехавших гостей занять места за столом президиума. И когда те, немного помешкав, уселись во втором ряду, собрание объявили открытым.

— Товарищи... — обратился Бригис к колхозникам. — Несколько дней тому назад в четырех колхозах нашей волости происходили общие собрания. Взвесив все обстоятельства и перспективы дальнейшего развития своих колхозов, члены сельскохозяйственных артелей «Сталинский путь», «Раудупе», «Победа» и «Комсомолец» единодушно признали, что для более успешного ведения коллективного хозяйства необходимо объединиться и в дальнейшем существовать как объединенному колхозу «Сталинский путь»...

Продолжительные аплодисменты прервали Бригиса. Получив наконец возможность говорить, он продолжал:

— Волисполком познакомился с решениями и протоколами колхозных собраний. Вот они лежат на столе президиума. Мы снеслись с уездным исполкомом и партийным комитетом, и общий вывод такой, что это объединение

надо приветствовать. Такого же мнения придерживается правительство республики и Центральный Комитет партии. Итак, объединение этих четырех колхозов утверждено, и вам, дорогие товарищи, надо сегодня выбрать председателя объединенного колхоза, а также правление и ревизионную комиссию. Я думаю, что будет правильно, если сначала выберем председателя. Имеются ли какие возражения? Я вижу, что нет. В таком случае прошу выдвигать кандидатов.

— Регута! — послышался голос.

— Прошу слова! — крикнул Регут. — У меня другое предложение.

— Слово товарищу Регуту, — объявил Бригис.

Став у конца стола, чтобы все могли его хорошо видеть, Регут спокойно оглядел собравшихся и заговорил просто и свободно.

— Как вам известно, я уже два года проработал председателем колхоза. Этого вполне достаточно, чтоб человек выяснил, что он может и чего не может. За это время я научился кое-чему такому, чего два года тому назад не знал. Но я более ясно, чем тогда, чувствую, чего у меня не хватает. У меня, возможно, достаточно практической сноровки и опыта, но они пригодны лишь в том случае, если мы пожелаем жить, работать и хозяйничать по старинке — сегодня так же, как вчера. А чтобы уметь заглянуть в будущее, чтобы во-время организовать все так, как будет нужно потом, через пять, десять и двадцать лет, взять от природы то, что наши отцы и мы сами не сумели взять, недостаточно одних практических знаний, нужно специальное образование, нужно знание сельскохозяйственной науки. Вот ее-то у меня не хватает. Если я до сих пор кое-как справлялся с нашим колхозным хозяйством, то только потому, что оно было мало и что мне очень много помогали советами люди, у кого этих знаний больше. Теперь, когда придется руководить объединенным колхозом, моей силенки недостаточно, и я с этим огромным хозяйством не справлюсь. Поэтому у меня есть предложение, о котором я уже беседовал с председателями остальных колхозов и со многими колхозниками. Уездные организации и министерство тоже знают и поддерживают его. Настоящего человека, кому мы спокойно можем доверить руководство объединенным колхозом, искать далеко не придется, он находится среди нас, и вы

все его хорошо знаете. Этот человек был среди нас, когда мы делали первые нетвердые шаги по пути колхозной жизни, он помогал нам на каждом шагу, провел землеустройство и разработал первый трехлетний план. Под его руководством превратилось в плодородную землю огромное болото, в середине которого мы собрались сегодня, чтоб решить вопрос о дальнейшей жизни. Вот его-то я и предлагаю выбрать председателем нашего объединенного колхоза — нашего товарища, Айвара Лидума.

Уже с середины речи Регута много глаз разыскали Айвара, и чем дальше, тем яснее становилось всем, что именно он является тем, о ком говорит Регут. Когда Регут умолк, раздались такие аплодисменты, что последний болотный гад, если он и прятался в какой-нибудь норе, должен был удрать с перепугу.

— Правильно! — раздавались один за другим громкие возгласы. — Айвара Лидума председателем! Он справится! Голосуй, Бригис, чего ждешь!

Смущенный Айвар сидел во втором ряду за столом президиума и не знал, куда девать глаза. Регут сказал во всеуслышание то, о чем он уже давно мечтал втихомолку, это было самым заветным желанием Айвара — работать в самой гуще народа, отдать свои силы и знания строительству новой жизни именно там, где еще так ясно сохранились в памяти уродливые призраки вчерашнего дня и глубокое, теперь уже пережитое, горе детства и юности.

— Товарищ Лидум, — прервал его мысли Бригис, — собрание желает слышать ваше мнение. Иначе мы не можем приступить к голосованию.

Айвар встал и пробрался к концу стола. Наверно, он никогда еще не выглядел таким огромным, мужественным и в то же время таким взволнованным, как в этот момент, — может, только раз в Риге, когда получал в районном комитете партии свой партийный билет.

— У меня не хватает слов, дорогие товарищи, чтоб выразить вам свою благодарность, — сказал он, — за огромное доверие, которое вы оказываете мне сегодня. Скажу откровенно, без всякого притворства: мне по душе ваше предложение, и я не представляю себе ничего лучшего и более прекрасного, как работать вместе с вами здесь, на этой земле, которую мы общими силами отвоевали у природы. Что касается лично меня, то я согласен

остаться у вас и руководить колхозом, но имеются два обстоятельства, которые я сам разрешить не могу.

— Что за обстоятельства? — спросил Артур.

— Первое: я работаю в Министерстве сельского хозяйства и без согласия министра не могу перейти на другую работу.

— Уже сделано! — крикнул Регут, не в силах сдержать улыбки. — Мы на прошлой неделе были у министра и обо всем договорились.

— Вот как? — улыбнулся и Айвар. — Тогда остается еще одно обстоятельство... Мне еще надо закончить пятый курс сельскохозяйственной академии. Я должен сдать государственные экзамены. Это означает, что часть своего времени до будущего лета мне придется отдать учебе.

— Успеешь и академию закончить! — кричали с мест. — И с колхозом управишься и экзамены сдашь! Как же ты осушал болото и учился? У нас труднее не будет!

Минутой позже Айвара Лидума единогласно выбрали председателем объединенного колхоза. Старый Регут стал его заместителем.

А когда были избраны все органы управления, Айвар снова взял слово и рассказал колхозникам, какие планы он уже продумал, совсем не зная, что ему придется здесь работать.

Люди слушали и понимали, что это не фантазия мечтателя, а близкая, почти осязаемая действительность, начало прекрасного и счастливого завтрашнего дня. Из богатых недр завоеванного настоящего взойдет солнце коммунизма, и все, что в этом мире человеческий разум и совесть способны видоизменить по своему желанию, засияет новыми цветами в невыразимой красе и созвучии.

Так будет, так должно быть, так хочет выросший в бурях и грозах советский человек, которого учила мечтать и бороться за превращение своих мечтаний в действительность сама совесть человечества — Великая Коммунистическая партия.

* * *

Закончилось большое собрание посреди бывшего болота, но люди не собирались расходиться. Звучит музыка, веселые песни плывут в темноте, на дворе новой фермы в лунном свете мелькают пары танцующих. Если хорошо

всмотреться, можно заметить там многих наших старых знакомых и друзей, вместе с которыми мы исходили далекие и сложные пути. Только двоих — Айвара и Анну — напрасно искали бы мы в этом месте. Чтобы увидеть их, надо пройти дальше, вглубь простора бывшего болота, и найти тихое, уединенное место, где магистральный канал соединяется со второй отводной канавой. Там, у маленького устья, стоят они на низком берегу и смотрят, как, переливаясь при лунном свете, булькая и журча, течет вода к реке, к далекому морю, в лоне которого хватит места, чтоб принять воды сотен и тысяч болот. Она течет, ни на мгновение не останавливаясь, темная и густая, как дурная кровь старого болота.

— Наконец-то ты побеждено, ненасытное болото... — говорит Айвар. Сжимая руку Анны, он глядит на яркий огонь, сияющий в центре бывшего болота. Оттуда доносятся музыка и жизнерадостные голоса. И рука Анны доверчиво, с нежной силой безграничной дружбы отвечает на крепкое пожатие его руки.

— Ты больше никогда не воспрянешь, злая разрушительная сила, — говорит Анна. — Мы не позволим. Мы, советские люди, говорим тебе это.

Огромной огненной чертой вспыхивает и гаснет в темном ночном небе путь падающего метеора. Легкий ветерок приносит пряный запах скошенной травы и тихое мычание оставленного на пастбище скота. Вся живая природа набирает силы для наступающего дня.

1949—1952 гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В. ЛАЦИС — К НОВОМУ БЕРЕГУ

Редактор Н. Бузикошвили

Переплет и титул
Художника И. Царевича

Техн. редактор В. Комм
Корректор М. Покровская

Сдано в набор 20/V 1954 г. Подписано в печать 4/VIII 1954 г. А 04696 $84 \times 108/_{32}$. Печ. л. 43 $^{5}/_{8}$. (35,77). Уч.-изд. л. 35,32. Тираж 30 000. Зак. № 721. Цена 13 р. 05 к.

Издательство „Советский писатель"
Москва, к—104, Б. Гнездниковский пер. д. № 10.

Типография им. Володарского
Ленинград, Фонтанка, 57.

Издательство просит читателя дать отзыв как о содержании книги, так и об оформлении ее, указав свой точный адрес, профессию и возраст.

Библиотечных работников издательство просит организовать учет спроса на книгу и сбор читательских отзывов.

Все материалы направлять по адресу: Москва, Б. Гнездниковский пер., 10, „Советский писатель".